КОНТИНЕНТ

2003

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 118

В тридцатом году
Крестьянские дома
были еще крепкими
домами, там еще
теплилась трезвая
жизнь, еще горели
лампадки по углам и
мерцали последние
лики угодников.
Борис Черных

Детям казалось, что все на этой земле началось с их рождения. Они хотели делать свои ошибки, петь свои песни и лить свои слезы. И всех их нужно было накормить, обстирать, обиходить.
Мариам Юзефовская

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи
Елены Аксельрод, Анатолия Богатых и Валентина Ярюхина
Повесть
Надежды Кожевниковой
Статьи и очерки
Евгения Ермолина, Михаила Копелиовича, Маргариты Микаэлян, Алексея Михеева, Валерия Сойфера, Владимира Цивунина и Василия Шульгина
Подборку школьных сочинений
«В какую веру я верую...»
Представляем новую рубрику
СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕДЖУГОРЬЯ
А также наш постоянный раздел
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

Математика – гадкая наука! Народ мрёт, электорат ширится!

Виктор Шендерович

Критики использовали «Ивана Денисовича» как кнут, которым можно высечь позднего Солженицына.

Майкл А. Николсон

Мир – игра.
предложенная свыше.
Кажется, военная игра...

Зинаида Пазванова

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

118

2003, № 4
октябрь — декабрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адрес редакции: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(095) 924-91-51
Internet: www.magazines.russ.ru/continent/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АВЕРИНЦЕВ
Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Александр КЫРЛЕЖЕВ, Светлана ОПАРИНА,
Мария РЕМИЗОВА, Владимир СОТНИКОВ

Представители «Континента»

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Юлия АРОНС
Kaltenhoferstraße 2,
86154 AUGSBURG, BRD
☎ (821) 42-26-58

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Джулия ФИЛИППЕЛЛИ
Via Olmetto, 5
20100 MILANO, ITALIA
☎ (02) 29-00-88-87

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
217 4th ave.
GARWOOD, N.J. 07027 USA
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
26 rue de la Paroisse
78000, VERSAILLES, FRANCE
☎/fax (1) 30-21-64-37

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Елена АКСЕЛЬРОД
Автопортрет. *Стихи* 9

Мариам ЮЗЕФОВСКАЯ
Пути неисповедимые 14

Валентин ЯРЮХИН
Прогулки с Мнемозиной. *Стихи* 72

Борис ЧЕРНЫХ
Два рассказа 75

Анатолий БОГАТЫХ
Время полуночи. *Стихи* 86

Надежда КОЖЕВНИКОВА
Колониальный стиль 90

Зинаида ПАЛВАНОВА
С маленькой планетой на плечах. *Стихи* 155

РОССИЯ И МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Алексей МИХЕЕВ
Записки мелкого предпринимателя, или Деньги 160

У книжной полки

Михаил КОПЕЛИОВИЧ
Сталин, Солженицын и еврейский вопрос 190

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/ноябрь — декабрь 2003 г./ 202

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской истории и современности
в русской периодике второго-третьего кварталов 2003 г. 230

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Василий ШУЛЬГИН
1921 год (*Окончание, начало в №№ 114, 117*) 245

РЕЛИГИЯ

В какую веру я верую... *Из классных сочинений учащихся Московского колледжа архитектуры и менеджмента в строительстве* 269

Свидетельства Меджугорья

Сестра ЭММАНУЭЛЬ
Меджугорье, девяностые годы 285

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (сентябрь — ноябрь 2003 г.) 324

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Религиозная мысль *в российской периодике*
второго-третьего кварталов 2003 г. 329

ГНОЗИС

Валерий СОЙФЕР
Туринская плащаница и современная наука
(*Окончание, начало в № 117*) 339

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая, историософская
и культурологическая мысль России
в русской периодике третьего-четвертого кварталов 2003 г. 399

ПРОЧТЕНИЕ

К 85-летию Александра СОЛЖЕНИЦЫНА

Майкл А. НИКОЛСОН
Иван Денисович: мифы происхождения 408

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Евгений ЕРМОЛИН
Место родины. *К уходу Георгия Владимова* 430

Владимир ЦИВУНИН
Время хоморайтера 440

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература и критика. *Третий квартал 2003 г.* . . 451

ИСКУССТВО

Маргарита МИКАЭЛЯН
Голый король. *К 45-летию постановки спектакля* 495

АВТОПОРТРЕТ

* * *

Вчера ты посвятил мне день —
День расточительного снега.
Тянулся к нам через плетень
Ветвисторогий куст-олень —
Свидетель твоего побега
От ненадежной белизны
В преддверье кутерьмы апрельской,
Когда посулы неверны
И жест навстречу, слишком резкий.

Поспешно скрылся ты из глаз,
Вдогонку тихий куст качался,
Ты не видал, как день погас,
Какой он ясностью венчался.
Слоился, истончался свет,
Сиренью вдруг пахнуло ранней,
И солнца алый длинный след
Так бережно, небольно ранил.

* * *

Мне радостно, когда читаю
Стихи Марии Петровых.
Их в немоту свою вплетаю,
И вновь живу меж строк живых.
Как чист и ясен звук негромкий,
Которым мучусь и лечусь,
Когда скольжу по ломкой кромке,
Когда в отчаянье мечусь.
Так слышно долгое молчанье,
Так безответно дышит страсть,
Так душу бередит звучанье
Другой души, что снова власть

Елена АКСЕЛЬРОД — родилась в Москве. Окончила Московский государственный пединститут им. В.Потемкина. Автор семи поэтических сборников. Постоянный автор «Континента». Последние годы живет в Израиле.

И мне мерещится над словом,
Над недосказанной судьбой,
И удочка с уловом новым
Дрожит и тянет за собой.

Автопортрет

Я на газоне в кресле,
как на страницах романа
Давно позабытого Гарди
иль Томаса Манна,
Но только не в роли влюбленной
или любимой,
А тетушкой старой,
вздорной и нетерпимой.
Довольно начитанной тетушкой,
помнящей Кафку и Пруста,
Довольно подвижной —
хоть путешествий не густо,
Довольно терпимой к фикусу и герани,
Краснеющим, зеленеющим
вопреки знаменитой брани.

Сонная тетушка
с утречка свежего, раннего
Книг не читает,
включает русское радио.
Сидя меж двух безымянных,
нерусских кустов,
Завтракает похлебкой
из недоваренных слов,
Мается предчувствиями,
мнительная, обидчивая.
Еле знакомые птицы
ее утешают сбивчиво.
Что там написано в сини
мелкой вязью акаций?
Тетушке не разобрать,
тетушке не добраться.

* * *

Стук топора по дереву,
Звон молотка по железу...
Какое мне дело доверено?
Куда я, срываясь, лезу?

Стремянка дрожит, качается,
Ей не хватает ступенек.
Тянется, не кончается
Мое беззвучное пенье.

Воздух буравят строители,
Камни вбивают в небо.
Строители — небожители,
Раскаты Господнего гнева.

Чьи-то пальцы по клавишам
Снуют, находя и теряя —
Тоже томятся над кадишем*
По недостигшим рая.

* * *

Небо совсем домашнее,
Близкое, как потолок —
Не московское, не вчерашнее —
Иудейское — что же Бог
Не приблизится, не откликнется?
Ночь нацепит белесый манок,
И надвинется, и накинется,
Обнажив с головы до ног.
Кто позволил ей в жизнь мою
вклиниться?..

Близко небо, Господь далек.

* * *

Земля, откуда пока не изгнаны,
Где жизнь, как в дырявом кармане грош,
Земля, куда, говорят, мы призваны —
К чему и надолго ли, не разберешь —
Где звуки торжественные утеряны
Для полуграмотных, для новичков,
Где счет на минуты, столетья не меряны,
Где сплошь декорации, а не кров,
Где в завтрашнем дне лишь верблюды уверены...
Так что ж? За билетом — и был таков?

---

* Еврейская поминальная молитва

Каков? И куда? И зачем — не знаешь.
Опять спасаться? Опять пасовать?
Судьба — она все равно земная —
Что ж географией рисковать?
Кто и когда тебя сбережет?
Прикинула — и как старательный крот
Норку свою рою глубже и глубже,
А в ней фиолетовый куст растет
Под зимним дождем без единой лужи.

Грешна

1

Как просто нам дается грех,
Как трудно покаянье!
Давным-давно замолкший смех
Смутит и, вспыхнув, канет
В провал безмолвный — в забытье,
И я почти забыла
Тот светлый чад — добро свое,
Которое сгубила.
А вспомнишь — сладко защемит,
Винишься ты и плачешь.
Забившись в свой пустынный скит,
Воспоминанья прячешь.

2

Потому-то, наверно, бессонницей маюсь,
Что во сне просыпается совесть,
Колобродит, бесчинствует... Я подымаюсь,
Разлепляю глаза, чтоб незваную
в слове
Запереть, но она, бестелесная, тает,
Забивается молча за черные шторы.
Вроде, сплю...Тут как тут она, память листает.
За тяжелыми шторами — шепот и шорох.

* * *

Дети и птицы щебечут
Не на моем языке.
Гнутся к земле мои плечи —
Ветви гнутся к реке.

Что ни денек — все ближе —
С Летой накоротке —
Ветви теченье лижут,
Льнут к ледяной щеке.

* * *

Я в детстве не была ребенком,
Я в зрелости не стала взрослой,
Не заливалась смехом звонким,
Страшилась лишнего вопроса,
Сама не спрашивать старалась.
Недоумения, сомненья
В тяжелый ком сплелись под старость,
Но не прибавилось уменья
Ни друга спрашивать, ни Бога,
За кем бежать, играя в салки,
Как не судить о ближних строго,
Не замечать в колесах палки,
А, не оглядываясь — мимо —
В качалку — с музыкой и книжкой,
Пока заждавшаяся мина
Не разорвется черной вспышкой.

* * *

Ф. Я.

Откуда берется так много ветра?
Почему он не устает?
Между мной и тобой сорок три километра,
Но он и тысячу вмиг сметет.

Сор взовьет, но не застит зренья.
Ясен взгляд молчаливый твой.
Разве умел добиться смиренья
Шашкой машущий городовой?

Что нам с тобой километры и ветры,
Что нам до горных немытых седин,
Если поверить, что есть у нас светлый,
Машущий жизнями Господин?

ПУТИ НЕИСПОВЕДИМЫЕ

Памяти Татьяны Аркадьевны Смолянской посвящается

1

Сапожника Бера Ямпольского знала вся округа. Дом, в котором он чуть ли не полвека занимал комнату с выходом на тротуар, был расположен на шумной улице. Жизнь здесь начиналась с рассветом и затихала ближе к полуночи. Улица пронзала город, словно стрела. Ее острие упиралось в сердце южного города — базар, а другой конец — в спуск, ведущий к морскому порту. Здесь, на маслянистых прибрежных волнах, покачивались лодки, а линию горизонта разрезали контуры кораблей. Цвет их сливался с пеной волн, бьющихся о волнорезы. И в ветреную погоду из порта в город, карабкаясь в гору, неслись запахи моря и водорослей.

— Ай, яй, яй! Какое я упускаю место! Отдаю комнату просто за бесценок. Это ваш фарт, — приговаривал дряхлый шапочник, дрожащей рукой пересчитывая золотые монеты царской чеканки, которые получил от еще молодого тогда Бера, — сколько сейчас набежало сюда людей с узлами!

Бер сам понимал, что ему неслыханно повезло. В ту пору местечки двинулись в путь, спасаясь от погромов и круговерти революции, бросая на произвол судьбы дома и хозяйства. В его родной Каменке на пепелищах остались лишь немощные и больные.

— Может набавите? — шапочник глянул на тощие котомки, на две рыжие детские головенки, с любопытством выглядывающие из-за юбки молодой широколицей женщины с ребенком на руках, большая клетчатая шаль, в которую она была закутана, уже не могла скрыть ее выпирающего живота, и вздохнул, — пусть будет по-вашему. Я вижу, ждете еще прибавления. Семейка у вас, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Но здесь с вашим ремеслом вы всегда заработаете на кусок хлеба. Сапоги — это не шапка,

---

Мариам ЮЗЕФОВСКАЯ — родилась в 1941 г. в Ярославской области. Окончила Одесский электротехнический институт связи. Печататься начала в конце 80-х. Проза публиковалась в «Рабочей смене», «Литве Литературной», «Знамени», «Дружбе народов», «Sinn und Form» (Германия) и др. В 1993 г. повесть «Октябрина» была выдвинута на Букеровскую премию. Автор книг «Дети Победителей» и «Разлад». Живет в США, штате Нью-Джерси.

которую можно носить всю жизнь, а потом еще передать по наследству. Правда, новая власть — как кот в мешке. Неизвестно, что такое и с чем его едят. Но бедный человек живет надеждой. В добрый час, — и шапочник растроганно прослезился.

Нельзя сказать, чтобы час был добрый. Времена стояли лихие. Советская власть, крепчая, не обходила стороной и Бера. Его не раз пытались склонить к работе на фабрике. Но он угрюмо и стойко отбивался, прикрываясь порядком обветшавшей от времени бумагой, где выцветшими чернилами с витиеватыми писарскими завитушками и округлыми ятями было написано, что Берка Ямпольский, рядовой такого-то полка, раненый в битве под Львовом и представленный за свое геройство к Георгиевскому кресту, освобождается от армейской службы подчистую по причине утраты здоровья. Иногда в качестве доказательства Бер задирал рубаху. И тогда обнажалась сильная мускулистая грудь, густо поросшая черным курчавым волосом. Под левой ключицей поросль внезапно обрывалась, открывая глубокую впадину шрама. Но скорее всего советскую власть впечатляли не справка и не следы боевого крещения, а нечто более существенное: пара хромовых голенищ, кожаные подметки или просто бесплатно поставленная латка на прохудившемся сапоге.

— Я еще не видел на своем веку такого начальника, чтобы он любил разгуливать босым, — ядовито ронял Бер и гнул свою линию, стуча молотком с утра до вечера, не выходя при этом за порог своей квартиры.

Прямо у входа, в тамбуре, зажатые между двумя дверьми, стояли сапожный верстак и старый битый шашелем шкаф, где на полках ровными рядами выстроились колодки, банки с ваксой и краской. Скоро окрест уже не было человека, башмаки которого не побывали бы в руках Бера. Суровый, неразговорчивый, он коротко кивал посетителю, брал с верстака огрызок мела и, размашисто нанося на подошву понятную лишь ему одному закорючку, отрывисто называл цену. Тонкий нос с горбинкой, круглые карие глаза, полуприкрытые легкими веками, посадка головы — все придавало ему выражение зоркого орла. В своей видавшей виды простецкой кепке, в брезентовом переднике, надетом поверх старой кацавейки, сидя на низком сапожном стульчике, Бер умудрялся выглядеть величественно и неприступно. Он терпеть не мог пустых разговоров, ограничиваясь чаще всего характерными похмыкиваниями. Но его жена Рут умела различать в этих звуках десятки оттенков. И это была лишь часть безбрежной науки замужества, которую она безуспешно пыталась передать дочерям:

— Мужчина есть мужчина, — внушала им Рут, — женщина должна знать, как с ним обращаться. Умей сказать «да» и умей сказать «нет» — всему свое время. Знай, когда можно выпустить слово на волю, а когда

придержать в клетке. Умей не просто выслушать, но и поддакнуть. А главное, вовремя скажи «Бом!». От этого корона с головы не свалится, — при этих словах Рут насмешливо поджимала полные губы, вкладывая в короткое словечко «Бом» весь суровый опыт жизни с замкнутым и крутым Бером: уловки умолчания, показной покорности и скрытых наступлений.

— Скажи «Бом», — учила она, — а когда пожар кончится, делай, как считаешь нужным, — и Рут победно раздувала ноздри и без того широкого носа.

Дочери в ответ насмешливо улыбались. А младшая — Симка даже раздражалась:

— Мама! Оставь свои местечковые штучки. Сейчас другое время!

Рут, качая головой, недоверчиво цокала языком:

— Такое время — другое время! Мужчина был и остается мужчиной.

Дочерям казалось, что все на этой земле началось с их рождения. Они хотели делать свои ошибки, петь свои песни и лить свои слезы. Что могла сделать Рут, видя, как дети тянутся к огню жизни, лезут в самое пекло без оглядки? На ее долю выпадали лишь утешения и боль. «Свои руки не подложишь», — говорила она себе. А в тяжелые дни, исподлобья глядя на своих детей, угрюмо роняла:

— Я вам зла не желаю, но пусть ваши дети будут такими, как вы, — при этих словах ее водянисто-серые глаза наливались голубизной и обретали цвет летних долгих сумерек.

Что бы ни происходило в семье, всё вначале обрушивалось на Рут. Плохие вести дети несли прежде всего ей, матери. И лишь потом, улучив нужный момент и тщательно просеяв слова, она сообщала об этом Беру, смягчая всё что можно улыбками и шуточками. Обычно, Бер раздраженно обрывал ее:

— Хватит! — бледнел и, едва дослушав до конца, уходил.

Казалось, дом, вместе с посетивший его бедой, становился для него невыносимым.

Рут пожимала плечами, шепча вслед: «Нужно уметь жить не как хочется, а как есть».

Когда Бер возвращался, она принимала пальто из его рук и, глядя снизу вверх в его бархатные карие глаза, ласково, словно у малого дитя, спрашивала: «Чаиньки?».

И тотчас подносила в его любимом тонком стакане с серебряным подстаканником крепкий душистый чай. В постели, целуя Бера перед сном в висок, примирительно шептала: «Что ты хочешь? Разбойничье время, и люди — разбойники». Но по ночам, закрыв глаза и притворяясь спящей, думала: всему виной необоримая, дикая кровь, текущая в жилах Ямпольских, которую все дети унаследовали от отца. И те, что

были рождены рыжей Леей — первой женой Бера, и двое других — рожденных ею, Рут, схожи между собой своей строптивостью, упрямством и безрассудной жадностью к жизни. «Все семь удовольствий они хотят сразу», — жаловалась она Богу.

О том, каков был Бер в молодости, Рут могла только догадываться. От местечка Озерко, где жила ее семья, до Каменки было не меньше трех дней пути. И хоть состояла с Ямпольскими в каком-то дальнем запутанном родстве по материнской линии, но увидела Бера в первый раз шестнадцатилетней. Ему уже подкатывало к тридцати, что по понятиям местечка означало первую ступеньку к старости, к тому же он был вдовец с двумя детьми. Но Рут через свата передала свое «да». Что решило дело? То ли карие бархатные глаза под прямыми стрелами черных бровей, то ли густые усы и Георгиевский крест, то ли нищета и скудость многодетного дома ее отчима — Рут никому не сказала. Даже матери, хотя та слезами и угрозами пыталась свернуть ее с этого пути. При этом в ход шли предания, сплетни, слухи — всё, что передавалось из поколения в поколение, из уст в уста. Будто один из Ямпольских — коробейник — во время турецкой войны прибился со своим товаром к казакам, да так и остался с ними навсегда, до конца своих дней. Мало того, надел их жупан, взял в руки саблю и сел на коня. А другой — после Кишиневского погрома ушел к этим разбойникам, что против царя. Да и сам Бер не из тех, кого можно назвать ягненком. Наверняка, если бы не покойная жена — рыжая Лея, которая со своими болячками гирей повисла у него на шее, давно подался бы в Палестину, где живет его брат Нисон, или в Америку к другому брату — Гиршу. А их отец! Это позор семьи! Бросил свое дело на Бера и ходит по местечкам со скрипкой и каким-то фонарем. Показывает Стену Плача и гору Сион.

Убеждая Рут, мать металась по комнате. Куталась в клетчатую шаль. В последние годы беды валились на нее одна за другой: вдовство, неудачное новое замужество и, вдобавок, эта поздняя беременность. Из-за нее она сгорала от стыда перед всем местечком, но особенно перед дочерью-невестой. А теперь еще эти Ямпольские на ее голову.

— Ты лезешь в петлю. Ты не понимаешь, какая это семья. Неприкаянные. Бродяги. В их жилах течет кровь сумасбродов. Сколько раз люди говорили его отцу: «Алтер, почему вы ходите по чужим людям? Что, сын отказывается вас кормить? У него же, ниврокy, своя мастерская, хорошее дело!» Но старик смеется: «Я хочу иметь свою копейку. И потом мне скучно сидеть дома. Я уже свое отсидел». Ты молодая, — причитала мать, — ты не знаешь, что такое непутевый род. От этого нет спасенья.

Но Рут настояла на своем и поздней осенью переехала в дом Бера Ямпольского. Через два месяца ей по живой почте передали от матери клетчатую шаль, пятьдесят копеек на дорогу от Каменки до Озерка и

горячую просьбу приехать хоть на недельку посмотреть на новорожденную сестричку Гелю. Рут в ответ покачала головой. У нее на руках была немалая семья — только за стол садилось семеро, не считая ее самой.

В придачу к Беру Рут получила чудаковатого свекра Алтера, двух девочек-погодок, одна из которых оказалась огонь, а другая — плакса, и трех подмастерьев. Всех нужно было накормить, обстирать и обиходить. Одна доченька Тойба чего стоила! В первый же день Рут была ни жива, ни мертва от ее криков.

— Что ты хочешь, мой цветочек? — лепетала она, склоняясь к ребенку и гладя ее спутанные рыжие кудри

— Козочку, — низким басом отвечала Тойба, молниеносно запихивая за щеку кусок сахара, с помощью которого новоиспеченная мать хотела купить мир в семье.

Рут еще не знала, что у Ямпольских сахар — сахаром, а козочка — козочкой. Как показала жизнь, Тойбу не так легко было переломить — не удалось это ни одному из трех мужей, первый из которых был маляр, второй — чекист, а третий — старый большевик, прошедший через царскую и сталинские ссылки. Всех этих троих мужчин, которых Рут знала и, наверное, трижды по три, о которых лишь подозревала, таких разных по характеру и возрасту, роднило одно — беззащитность перед несгибаемой волей Тойбы. Рут это испытала на себе в первую же ночь, проведенную под соломенной крышей дома Бера Ямпольского. Под утро, сломленная криком Тойбы, она вывела из хлева маленькую беленькую козочку. Заслышав призывное меканье, Тойба свесила голову с печки и радостно засмеялась. В ее бархатно-карих, как у Бера, глазах не было ни слезинки. Рут заснула лишь на рассвете под дробный перестук маленьких копытец о земляной пол. «Эта девочка будет моим нарывом», — мелькнула вещая мысль, и она провалилась в сон. Но едва рассвело, как явился Бер, который в первую же ночь ушел спать в мастерскую.

— Кушать, — коротко бросил он.

В сенях послышались шаги подмастерьев. Рут испуганно заметалась между столом и печью. Так она начала тянуть лямку своей замужней жизни. День заполняли заботы по дому и дети. Дети! Такие разные во всем и такие несгибаемые в своих капризах и желаниях. Там, где старшая, Тойба, брала казацким нахрапом, там младшая, Мирка, добивалась заливистым плачем. Каждый день приносил что-то новенькое: обе были переменчивы, как ветер в поле. Вчера желанной добычей могла быть кость с обеденного стола, отданная дворовой собаке, а завтра — звездочка с неба. И были еще неусыпные взоры Леиной родни, от которых Рут не знала куда спрятаться.

Бер не вникал ни в детские капризы, ни в мелочи бытия. Его жизнь, как полноводная река, растекалась по трем руслам: мастерская, голу-

бятня и ярмарка. В своей маленькой — на четыре верстака — сапожной мастерской вместе с мальчиками-подмастерьями, не разгибаясь с утра до вечера, шил сапоги. Лишь изредка бросал взгляд через подслеповатое окошко во двор. Там, рядом с домом, высилась несуразная голубятня, слепленная им из горбыля и обрезков теса. Раз в день, перед закатом, выпускал на волю двух вяхирей, и шеи их отливали на солнце металлическим блеском. Была еще пугливая золотая голубка с бледно-желтым восковым клювом и округлыми коралловыми глазами. Страсть к голубям настигла Бера уже в зрелом возрасте, после того как овдовел. И это повергло местечко в страшное недоумение, хоть мать его первой жены, дабы спасти от позора близкий ей род, прозрачно намекала, что золотистая голубка не кто иная, как душа покойницы Леи.

В конце недели бытие Бера обретало ту завершенность, ради которой он работал не покладая рук. По воскресеньям он спозаранку выезжал на ярмарку, чтобы продать сапоги, закупить новую кожу и дратву — для мастерской, зерно — для голубей, муку, фасоль и лук — для семьи. Не обделял он и себя, заглядывая на часок к русской женщине Дусе. Его жизнь после смерти Леи текла по раз и навсегда заведенному порядку. И то, что Рут появилась в ней, было просто необходимостью: детям нужна мать, а дому — хозяйка. О чем думал Бер, глядя на ее приземистую крепкую стать, на полные коротковатые ноги? Она совсем не была похожа на его Лееле, золотую птичку, тонкую, с пышными рыжими волосами. Быструю как на ласку, так и на гнев, приправленный острым словцом и насмешкой. При виде Леи, в теле Бера загорался жгучий огонь. Они были вместе всего три года. За три года она подарила ему двух дочек и сто ночей счастья. А потом была черная бездна. После смерти Леи он чувствовал себя выгоревшим дотла, старым и бесконечно уставшим от этой жизни, в которой все главное уже свершилось: он познал войну, счастье и смерть. Осталось только доживать. И кто будет рядом, Рут или другая, — всё равно. А что Рут некрасива — даже к лучшему. Значит, душа его Лееле будет спокойна. Ведь она всё видит с того света и никогда не простит ему измены. Русская женщина Дуся в счет не шла. Это была всего лишь отдушина, которая нужна каждому мужчине. «Должна же быть у Бога хоть капля справедливости, — думал Бер, — и если я не буду сгорать по этой Рут, то она проживет долго. Потому, что там, где нет большого счастья, там не должно быть и страшного горя». Он исподтишка пристально смотрел на ее скуластое лицо с широким носом и блекло-серыми глазами. Случалось, их взгляды скрещивались, и тогда ее взор вспыхивал таким сияющим небесно-голубым светом, что его охватывало неясное, давно забытое глухое волнение. Это раздражало Бера, выводило из себя. Он хмурился и уходил прочь. Ведь рядом были немые свидетели, упорно державшие сторону покойной Леи: стол, печь, ухват, а главное — супружеская кровать, по-

крытая лоскутным одеялом. Кровать, где все начиналось и все кончилось. И две золотые девочки. Их рыжие кудрявые головки еще пахли руками Леи.

И Рут гасла. Ее глаза снова подергивались серой осенней дымкой, на лице застывала вымученная улыбка. Непосильный груз соломенного вдовства гнул к земле. Она горбилась, словно для того, чтобы скрыть от Бера свою полную грудь, становилась еще более неуклюжей и будто меньше ростом. «Так хочет мужчина», — говорила она себе, впадая в тихое отчаяние. Казалось, сквозь эту каменистую почву не пробиться ни одной травинке. Что ей оставалось? Надеяться и ждать своего часа.

Весной, едва подсохли дороги, старик Алтер, не обращая внимание на косые взгляды Бера, начал собираться в путь. Рут напекла ему в дорогу коржики. И он уже с котомкой за плечами, беря узелок с едой из ее рук, покачал головой:

— Моя доченька! Бросай зерно в землю. Придет час — и зерно станет хлебом.

В канун Песах Леина сестра увезла девочек к себе, в соседнее местечко, а подмастерья разошлись по домам. И они с Бером впервые остались вдвоем. Всю неделю Рут перетряхивала дом от подпола до чердака, шпарила крутым кипятком горшки, чистила до блеска посуду, мыла, стирала, белила. Бер хмуро слонялся по двору, гонял голубей. А когда пришел сейдер, они сели за стол, Рут зажгла праздничные свечи, и Бер начал читать Агаду. Они вкушали горький марор, пили сладкое вино. Рут, не сводя сияющих глаз с мужа, тихо подпевала ему: «Мы много чудес сделали этой ночью». И свершилось то, чего боялась и ждала долгие месяцы — она стала, наконец, его женой. Теперь Рут не ходила — летала по дому. А в канун Шавуот, когда жарила блинчики с творогом, ее внезапно охватил непреодолимый приступ тошноты. Она выбежала на крыльцо и тихо опустилась на ступеньку.

— Что случилось? — всполошился Бер, выскочив из мастерской.

После смерти Леи больше всего в жизни начал бояться всяких болезней. Рут виновато улыбнулась в ответ. Но Бер обо всем догадался сам. И чем грузней делалась ее походка, чем больше округлялся живот, тем холодней и яростней становился его взгляд.

Из-за этой женщины, не устояв, он осквернил свою преданность золотой птичке Лееле. Бер возненавидел голос Рут, ее полные сильные руки, ее широкоскулое лицо. Ему казалось, что она обвилась вокруг него с ласковостью шелковой петли.

А когда подошло время ей рожать, Бер начал собираться в путь.

— Куда? — спросил отец, сам незадолго до того вернувшийся из странствий.

— Пойду по деревням, как ты, — дерзко бросил Бер, подхватив мешок с сапожным скарбом и парой чистого белья.

— Береле! Не приведи Бог, ты стал бродячим сапожником? Или я тебе не оставил дом? Дело? Может быть, ты уже поставил на ноги своих детей? А на кого бросаешь новую заботу? — и старик кивнул на живот невестки.

Бер хмуро посмотрел на него и шагнул за порог. Рут молча стояла, прислонясь к печке.

— Ха, — сказал старик Алтер и криво, через силу усмехнулся, — мой сын не понимает, что вчера — это вчера, а сегодня — это сегодня. Ты должна быть умней.

Бер бежал из собственного дома, не оглядываясь. Подальше, подальше от этой женщины, с виду такой покорной и мягкой, как воск свечи, но такой опасной в своем желании приковать его к себе навек. И всему виной его похоть, против которой он оказался бессилен. Рассудочный голос нашептывал ему: «Это твоя жена! Зачем ты ввел ее в свой дом? Нанял бы за несколько грошей старую Ципойру, чтоб она вела хозяйство, — и дело с концом!» И от сознания своей вины перед этой женщиной ему становилось еще горше.

Пройдет не один год, пока Рут смирится с этими внезапными побегами и отлучками Бера. Она, умеющая тянуть лямку изо дня в день, не уклоняясь ни от мелких повседневных забот, ни от больших бед, научится провожать его с улыбкой. Но всякий раз, едва за ним закрывалась дверь, как Рут насмешливо поджимала губы и шептала про себя:

— Нужно уметь жить не как хочется, а как есть.

Бер вернулся внезапно, без предупреждения. Первое, что увидел, открыв дверь своего дома, это была Рут, сидящая на супружеской кровати. Рядом с ней лежал спеленатый ребенок. Налитая грудь была открыта — готовилась к кормлению. А ее коротковатые полные ноги упирались в деревянную резную скамеечку — ту самую, которую он купил Лее, когда она родила их первенца, Тойбу. Увидев его, Рут смутилась, прикрыла грудь руками. Он кивнул, точно отсутствовал всего час-другой, мельком посмотрел на крохотное красное личико ребенка.

— Девочка? — сухо спросил Бер. Он предчувствовал, что не заслужил сына у Бога. Но сердце отчего-то дрогнуло.

— Доченька, — прошептала Рут.

— Корми! — отрывисто сказал Бер и вышел во двор, чтобы не видеть ни эту резную скамеечку, ни испуганного лица Рут.

Его взгляд скользнул по двору, задержался на голубятне и утонул в июньском безоблачном небе. «Что ты делаешь со мной, Лея! Или отпусти меня, или забери к себе. Я на все согласен», — кричала его душа. И Лея ответила звенящим от слез голосом: «Ты мошенник, Бер! Ты хочешь сидеть на двух стульях сразу — любить меня и спать с этой Рут, молодой, здоровой, кровь с молоком. Когда ты завел эту иноверку, эту шиксу Дусю, я промолчала. Но теперь, Бер, я молчать не буду».

В чем счастье бедного человека? В том, что он не может отдаваться печали. Ибо зерно уже в земле, дитя зачато, хлеб в печи, а колесо жизни пущено в ход. И чтобы оно вращалось, нужно трудиться, не покладая рук.

Девочку назвали Симой. Чернявая, смуглая, с явно проступающей горбинкой на крохотном носу — она была точной копией Бера.

— Смотри! — старик Алтер подозвал сына и разжал крохотный кулачок. Миру явился короткий, толстый и чуть отогнутый вбок большой палец. Этот мясистый, с укороченной верхней фалангой палец был отличительным знаком семьи Ямпольских — вылитая папочка на долгие ей годы. Возьми ее! Подержи свое дитя!

Бер равнодушно взял ребенка на руки. Но Тойба и Мирка, скатившись с печи, вцепились в отца. Две пары детских глаз, горящих непримиримой женской ревностью, впились в него. И он поспешно положил ребенка на кровать.

Все снова покатилось по проторенной колее. Рут занималась домом, детьми, хозяйством. Бер работал, не разгибая спины. Только теперь по воскресеньям все реже заглядывал к русской женщине Дусе и, совсем потеряв интерес к голубям, отдал их одному из подмастерьев. Жизнь стала для него однообразной и скучной, как сукно солдатской шинели, которую он относил три года. Дикая тоска навалилась на него и давила день и ночь, словно надгробная плита. Тоска рода Ямпольских. Она приходила как хозяйка, селилась в душе, опустошая жизнь, точно саранча опустошает поле. И мир в эти дни казался бескрайней пустыней.

— Сколько ты себе еще будешь мотать кишки? — спросил однажды отец. — Бог тебе этого не простит.

И точно. Наступил Пурим, а вместе с ним на семью Ямпольских обрушилось несчастье. Времена стояли смутные, не было ни прежнего размаха, ни веселья этого праздника. Но все же накрыли столы и пили ровно столько, чтоб можно было еще отличить «Да здравствует Мордехай!» от « Да сгинет Аман!». Дети разносили милостыню бедным и больным. А из Галиции забрели бродячие артисты, друзья старого Алтера. Но едва успели умолкнуть трещотки, как Сима заметалась в жару. Бер, все еще во власти праздничного хмеля, не придал этому значения. Но когда следом свалились Тойба и Мирка, стал чернее тучи. Врач бессильно развел руками: «Дифтерит».

Темная ночь опустилась над Бером Ямпольским. Как всегда в часы испытаний, ему стали невыносимы стены его дома, а работа валилась из рук. Теперь в мастерскую он заходил лишь для того, чтобы выпить стопку-другую водки, которую держал для серьезных заказчиков.

— Мой сын стал пьяницей? — однажды презрительно вздернул седые брови Алтер.

Бер в ответ лишь обжег отца взглядом, и старик виновато опустил голову. В местечке все говорили, что это его друзья-артисты занесли из Галиции заразу.

Беда упала на Бера, как камень с небес, и он согнулся под ее тяжестью. Слоняясь целыми днями по улицам, изредка наведывался на свое подворье, заглядывал в душную комнату с занавешенными окнами, где похудевшая Рут встречала его бледной улыбкой и всегда хорошей новостью: «Ниврoку, съели по ложке бульона». «Кажется, немного упал жар». И он отступал к двери.

А на улице была весна. Отдохнувшая за зиму земля одуряюще пахла новой зарождающейся жизнью. И то, что в такую пору ангел смерти снова стучится в его дом, казалось Беру высшей несправедливостью. «Оставь хоть одну!» — молил он Бога. «Но кого? — слышалось ему в ответ, — Тойбу, Мирку или Симеле?». — «Ты хочешь отдать моих золотых девочек?!» — яростно вскидывалась Лея. Ее пронзительный голос так ясно звучал в ушах Бера — казалось, протяни руку и дотронешься до нее. «Нет, нет», — шептал Бер, сломленный своим бессилием.

И свершилось чудо. Когда вдоль забора раскрылись десятки сияющих солнц мать-и-мачехи, Рут вынесла девочек во двор. Всех трех. Бледных, остриженных наголо, шатающихся от слабости. Но всех трех.

С этого дня старик Алтер начал снова собираться в путь. Но не по ближайшим местечкам и фольваркам. А в далекую Палестину.

— Я дал зарок, — отвечал он всем, кто его пытался отговорить. — Бог уже сделал свое дело — спас моих внучек, теперь я должен сделать свое — добраться до Иерусалима. Мне все равно скоро умирать. Какая разница — здесь или там? Кто знает, может, мне суждено увидеть могилу царя Давида и Стену Плача. И потом у меня там сын Нисон. Мы не виделись десять лет.

Бер провожал отца на бричке до самого города. Они долго ехали молча, стараясь не глядеть друг на друга. Но едва впереди замаячила высокая каланча станционной водокачки, старик, покосившись на спину балагулы, сказал:

— Бер, с этой советской властью дела не будет. Попомнишь мое слово. Люди еще не понимают, что они для нее — как кирпичи, доски или гвозди, из которых эта власть хочет построить дом без окон и дверей. И народу ей понадобится много, потому что она еще не раз будет всё ломать и перестраивать. Беги, пока ворота открыты.

— Здесь я у себя дома, — пожал плечами Бер, — а сапоги нужны при любой власти.

— Думаешь, если тебе повесили на грудь эту цацку — Георгиевский крест, ты стал своим? — покачал головой Алтер, — глубоко ошибаешься. В Гайсине евреи тоже себя считали своими. И в Проскурове, и в

Житомире, и в Тульчине. Это все до первого погрома. Ну, давай прощаться. Что передать твоему брату Нисону?

— Будет невмоготу, пусть бежит обратно. Дома и стены помогают, — Бер упрямо вскинул подбородок.

— Каждый из рода Ямпольских думает, что он провидец, — отрывисто засмеялся Алтер. — Я рад, что теперь у тебя на одну заботу меньше, — и ткнул в себя пальцем.

После выздоровления детей Бер вдруг обнаружил, что Лея, отступая шаг за шагом, начала уходить из его жизни. То ли смирилась, наконец, с Рут — разве не эта женщина отбила ее детей от разящего крыла ангела смерти? То ли просто разлюбила Бера Ямпольского, беспомощного и жалкого перед лицом беды. Кто знает? Но однажды Бер положил руку на плечо Рут:

— Ты высохла и стала за это время, как ветка, — тихо сказал он.

Дверь, ведущая в его душу, запертая прежде на семь кованых запоров и замков, со скрипом приотворилась, с тем чтобы впустить Рут с ее пасмурными глазами цвета хмурого осеннего неба. «Так уж водится, — невесело про себя усмехался Бер, — на смену праздникам приходят будни, а на столе вместо белой халы — кусок черного хлеба. Мои праздники кончились». В душе его не было ни ярости, ни бунта. А только смирение и благодарность судьбе, которая послала ему эту женщину.

К Рут неслышно подкралась привязанность мужчины из рода Ямпольских. Эта ноша была под силу не каждой женщине. Беспричинные взрывы гнева, за которыми скрывались страх и омерзение перед этой безумной жизнью, суровое молчание, разящие насмешки. Но были и ночи, когда казалось, что на нее с неба падают звезды. И тогда она босая, с пересохшим ртом, вырвавшись из рук Бера, бежала в сени, чтоб глотнуть из ведра ледяной колодезной воды и пригасить жар, от которого умирала и воскресала ее плоть. Иногда на людях, почувствовав на себе жадный, призывный взгляд Бера, она заливалась краской и, закусив пухлую губу, опускала глаза. Страх сжимал ее сердце. Кого боялась Рут прогневать своим счастьем? Людей? Бога? Или недобрых сестер покойной Леи?

Но разве не блаженны смертные — мужчина и женщина, творящие для себя рай в аду этой жизни?

2

Придет час. Подрастут дочери — с тем чтобы одна за другой навсегда отпасть от родительского дома. Вот тогда Рут с горечью убедится, что никто из них, даже Симка, в которой течет ее кровь, никто не перенял ее главного дара — быть женой мужу своему.

На Тойбу, правда, никогда особой надежды не было. Едва ее первый жених, маляр, переступил порог, как Рут подумала: «Тут дела не будет». И Бер, хорошо знавший свою породу, сразу отрезал:

— Тойба, это не для тебя. Этот человек — ни рыба, ни мясо. Тебе, с твоим характером, нужны хороший кнут и крепкие вожжи.

Но дочь заартачилась, стала на дыбы.

— Я хочу, — сказала Тойба.

И Рут поняла, что так тому и быть. Даже прикрикнула на Бера:

— Молчи! Будет так, как суждено. Или девочка просто убежит из дома с первым попавшимся бродягой.

— Пусть бежит, — процедил Бер, — двери открыты. Я никого силой не держу.

А Рут принялась за дело. Она забросила дом и села за машинку, строча целыми днями заготовки для сандалий. Из-за этих сандалий они натерпелись потом страха, сбывая их через перекупщика. Но все обошлось. И у Тойбы было такое приданое, что ни одна из трех Леиных сестер, приехавших по такому случаю и перетряхнувших первым делом сундук с приданым, оценивая каждую вещь своими рыжими рысьими глазами и ощупывая каждый шов руками, испещренными золотом веснушек, — ни одна не нашла, к чему бы придраться. А когда молодые поженились, Рут сняла им комнату, солнечный бельэтаж. Первое время не могла нарадоваться на Тойбу. Дочь стала тихой, ласковой и не сводила глаз со своего мужа. Каждый день после работы они приходили в отцовский дом обедать и, глядя на их сияющие лица, Рут тихо молилась: «Боже, пошли им счастья!». Бер молчал, хмыкал. Но однажды вспылил:

— Перестань кружить вокруг них, как карусель. Сядь и успокойся. Это им поможет, как мертвому припарка.

И, действительно, между молодыми вдруг что-то поломалось. Тойба начала фыркать по любому поводу, вставлять чуть ли не в каждое слово, обращенное к мужу, ядовитую шпильку. Маляр крепился, молчал, опустив голову. Только уши у него становились того же цвета, что флаг, который Рут заставляла Бера вывешивать в окне в дни всех революционных праздников. Рут понимала — долго это тянуться не может. И как-то, подгадав под обеденный перерыв, направилась к Тойбе на швейную фабрику. Они сидели в сквере. Тойба уже с жадностью вонзила мелкие белые зубы в сочную грушу-бере, которую ей принесла Рут.

— Доченька, это может плохо кончиться. Ни один мужчина не будет терпеть такое. Ты играешь с огнем! — мягко начала Рут.

Но Тойба побледнела, вскочила со скамейки и закричала в голос:

— Какой огонь! Мама, о чем ты говоришь?! Это холодная кузница. Там не бывает огня! — каждая ее веснушка пылала жаром.

Сердце Рут глухо ахнуло и покатилось куда-то вниз. Она поняла, что это конец, Бер был прав.

А потом наступил черед Мирки. И вначале тоже все было хорошо. Хотя, глядя на Боруха, Миркиного жениха, Рут усомнилась, что он — худой, узкоплечий, сутуловатый может быть балагулой и заниматься извозом. Бер сразу пригвоздил новоиспеченного жениха: «Лапша». Но ей хотелось верить в хорошее. И она, не говоря мужу ни слова, нашла путь к нужным людям, навела справки. Ей сказали, что да, этот человек имеет коня и площадку. От радости душа Рут взмыла к небесам: в ту пору это означало верный достаток.

И снова в ход пошли сандалии. Опять Рут, выбиваясь из сил, строчила на машинке, а Бер стучал молотком с утра до вечера. И снова были страхи и волнения с товаром, потому что при этой власти даже дышать стало опасно — не то что заработать лишний грош. Снова был сундук с приданым. Снова нагрянула рыжая родня Леи. Но прошло полгода после замужества Мирки, и Рут с ужасом поняла: судьбу не обманешь. Как обнажается берег после отлива, так стала ясна история Боруха Кобыливкера. На него, тихого конторского служащего, и площадка, и конь свалились по наследству — от родного дяди из Шепетовки. Будь Борухова воля, он бы сбыл все это добро на следующий же день после похорон дяди. Потому что его руки, не знавшие в своей жизни ничего тяжелее ручки с пером и молитвенника, начинали дрожать при виде всех этих постромков, вожжей и шлеи. А как чудесно было бы просто прожить эти деньги! Уйдя со службы, он мог бы целыми днями, сидя на кушетке, листать сидур и комментарии к Талмуду. Но рядом была мама Рэйзл, которую всю жизнь жгла мысль: «Если бы я родилась мужчиной!». Владевшая когда-то маленькой лавчонкой скобяных товаров, в которой управлялась одна, пока новая власть не освободила ее от этих хлопот, она яростно доказывала: нельзя менять на деньги то, что может принести еще большие деньги. Вдобавок вокруг все твердили: «Человек должен уметь ценить свой фарт». Откуда было знать его святой душе, как оскорбляет людей чужая удача! Правда, двоюродный брат, учившийся в комвузе, услышав про площадку, расхохотался:

— Скоро твоя лошадь сгодится только на то, чтоб разбрасывать для воробьев яблоки из-под хвоста. Через пару лет будет столько машин, что нельзя будет спокойно перейти через улицу.

Но мама Рэйзл презрительно сощурилась и процедила в пространство:

— Скорее рак свистнет! — с советской властью у нее были свои счеты. В старинном, почерневшем от времени комоде вместе с метрикой сына и справкой о смерти мужа она все еще бережно хранила купчую на скобяную лавку.

— Мужчина должен иметь свое дело, — твердо сказала она.

И Борух, подчинившись, снял синие нарукавники и бросил контору. Теперь с утра до вечера он ездил между портом и складами, пере-

возя мешки, бревна, тюки. Его окружали грубые люди, которые пили водку и сквернословили. Скоро он стал неизменной мишенью их шуток. Тому было несколько причин: его субтильность, набожность и положение холостяка. Изменить первую было не в его силах — узкоплечесть и тонкокостность он получил в наследство от матери. Набожность в нем воспитал отец. Но со свободой неженатого человека Борух решил покончить стремительно и бесповоротно.

Когда робких людей охватывает приступ смелости, они порой совершают такие безумные поступки, которым сами удивляются до конца своей жизни. Так случилось и с Борухом, когда он женился на Мирке. Но через полгода вся его решимость зажить новой жизнью куда-то улетучилась. Он скис, начал кашлять и потеть по ночам. Ему, привыкшему к тихой возне с бумагами и счетами — днем — и к узкой железной кровати с белым девичьим подзором — ночью, стало невмоготу тянуть двойной непосильный груз: балагульство и супружество. Вот тогда мама Рэйзл, испугавшись не на шутку, стала внушать, что как то, так и другое, ему вредно.

А тут запретили частный извоз. Начали забирать коней и площадки. Их передавали то в подчинение городского исполкома, то приписывали к железной дороге. Но они везде были обузой. Никто не хотел возиться ни с овсом, ни с дегтем для смазки колес. Биндюжники от ярости скрипели зубами. Самый строптивый из них — Зюня с Малого переулка начал подбивать на бунт. Были назначены время и место — Круглая площадь. Борух понимал, что не создан ни для революций, ни для заговоров. Но Зюня сказал:

— Если какая падла решила не прийти, то пусть мажет пятки и бежит с этого города.

Была ранняя осень. Прихваченные словно ржавчиной листья платанов неслись по сизому булыжнику мостовой, подгоняемые ветром. Борух надел теплое пальто и обмотал шею шерстяным шарфом. Он раздумывал, не поддеть ли еще отцовскую вязаную жилетку — в конце концов пар костей не ломит. Именно в этот миг в квартиру ворвалась Рэйзл:

— Куда собрался?! — и, не дожидаясь ответа, выкрикнула, — на Круглую?! Не пущу!

— Мама, кто тебе сказал? — пробормотал пораженный Борух, осторожно пытаясь протиснуться к выходу.

Но мама Рэйзл его опередила. Рухнув на пол, на коленях подползла к порогу и, раскинув руки крестом, легла на половик:

— Ты выйдешь через эту дверь, только переступив через труп своей матери: из Бердянска уже прислали войска.

— Беги! Малый переулок, семь. Зюня Файнштейн, — Борух подтолкнул Мирку к выходу.

Она, как была в домашнем легком платьишке, с резвостью горной козочки перепрыгнув через щуплую маму Рэйзл, помчалась словно ветер. И Зюня исчез из города. Остальные даже не вышли за ворота своих подворий. Круглая площадь весь вечер была пустынна. Сумрачно, тускло горели редкие фонари. В подворотнях, тихо переговариваясь и сторожко выглядывая на улицу, стояли вооруженные люди.

Через месяц всем биндюжникам, включая Зюню Файнштейна, выдали квитанции о добровольно сданном имуществе в пользу рабоче-крестьянской власти. Так бесславно пали биндюжники — оплот былой вольницы. Город насторожился и притих.

Лишь только Борух остался в выигрыше от всей этой истории. Пройдут годы, и мама Рэйзл признает, что это было самое удачное дело её сына. Оно принесёт неслыханный дивиденд — Зюня подарит Боруху и маме Рэйзл вторую жизнь. Он выведет их из гетто и возьмет к себе в партизанский отряд. Но до этого далеко: полтора десятка лет, три пятилетки.

Остатки опавшей листвы ещё шуршали под ногами прохожих, а бытие Боруха уже вошло в старое русло — он снова поступил в контору, надел синие сатиновые нарукавники. А заодно забыл дорогу к пылающему жаром Миркиному цветку жизни.

Мирка растерянно заметалась. Но Тойба, к тому времени уже надкусившая сладкое яблоко свободной любви, быстро ее успокоила. Как в детстве, крепко взяв за руку, повела в новую, вольную жизнь. Рут попыталась вмешаться, умоляя Мирку выждать, не рвать все с корнем.

— Ты еще молодая, не знаешь, что у мужчин бывает по-разному, сегодня — так, а завтра — эдак, — потупясь и розовея от смущения, втолковывала она дочери, — и нужно всегда быть рядом, нужно ложиться в одну постель, под одно одеяло.

Эти слова подействовали на Мирку, точно удар хлыстом:

— Лучше положи меня сразу в могилу, мама! И дело с концом.

Рут поняла, что уговоры бесполезны. И она отступилась, вырвав небольшую передышку:

— Поклянись, что ты пока не уйдешь от Кобыливкеров! Не надо зря расстраивать папу. Бог даст, у вас еще все наладится.

— Клянусь, — вытолкнула из себя Мирка, — а сейчас иди домой, мама, и дай мне жить.

Теперь Рут оставалось делать вид, что ее глаза и уши закрыты. Пусть все идет — как идет. Главное, чтоб в семье был покой, а для этого Бер ни о чем не должен догадываться. Но разве такое утаишь? Он стал еще угрюмей и молчаливей, чем обычно. Иногда ярость, клокотавшая в нем, прорывалась наружу:

— Это все твои фигли-мигли, — бросал он, обжигая взглядом, — ты распустила их.

Рут, пригнув голову, беззвучно говорила: «Бом!» и старалась быть тише воды, ниже травы. Но это не помогло. Опять начались его отлучки в деревню, якобы за варом и щетиной для дратвы. Хотя по воскресеньям на базаре этого добра было завались. Но она согласно кивала головой и, закрывая за ним дверь, бормотала вполголоса:

— Наш папочка хочет прогуляться, — вкладывая в эти слова смирение перед жизнью. Рут выпускала Бера на волю, как он когда-то выпускал в небеса своих прирученных голубей, твердо зная, что они обязательно вернутся.

От дочерей Рут уже ничего хорошего не ждала, хотя Сима была еще не замужем. Но что толку, когда вокруг нее крутились только безбожники и иноверцы, когда она с утра до вечера пропадала то в школе, то в доме молодежи!

— Я в твои годы, — пыталась образумить ее Рут, — семью на себе тащила.

— Разве папа это ценит? — вздергивала плечами дочь, — нет, я хочу жить по-другому.

Вскоре она задумала уехать в Москву.

— Почему сразу не в Америку? — насмешливо спросил Бер, узнав о намерении дочери, — что такое? Разве твой папа — не Ротшильд?

— Мой отец — лишенец, — дерзко отрезала Симка, — я хочу учиться дальше, стать строителем. Но меня даже на рабфак не берут. Из-за тебя мне все дороги закрыты!

— Скажи за это спасибо своей советской власти, — Бер недобро усмехнулся. Сняв с сапожной лапы туфель, в гневе на свою несдержанность швырнул его на пол. Сколько раз давал себе слово не говорить с детьми об этой власти! Зачем портить им жизнь? Ведь выбора у них нет и не будет. Разве не лучше жить в неведеньи? Но сорвавшись, уже не знал удержу,— по-твоему, я должен горбатить на фабрике, а мне за это, как собаке, будут кидать черствый кусок хлеба?

Рут заметалась между ними. Оттолкнула Симку:

— Опомнись! Как у тебя язык повернулся сказать такое отцу?

Но было уже поздно. Бер вскочил со стула, выпрямился во весь свой немалый рост и, сжав кулаки, двинулся к дочери:

— Передай своей власти — не дождется! Скорее сдохну, чем буду ей служить!

И Сима, собрав вещи в фибровый чемоданчик, уехала в Москву.

На вокзале Рут попыталась дать ей завернутые в платочек деньги:

— Прошу тебя, возьми! И если будет плохо, приезжай! Отец тебя уже простил.

Сима в ответ упрямо вздернула подбородок с ямочкой и убрала руки за спину:

— Мама, ты не понимаешь, какие это деньги! Я ни копейки не возьму из них!

Рут с вокзала еле доплелась до дома. Увидев ее, Бер хмуро сказал:

— Ну что? Проводила? Не беспокойся, скоро вернется. Придет коза до воза.

Рут в ответ лишь покачала головой. Кто-кто, а уж она-то знала Ямпольских: «Норовистость и упрямство — испытание, которое пало на этот род. Им всегда тесно в своем доме. Они просто рвут куски от этой жизни. И сделаны на одну колодку».

Теперь все чаще ее взгляд задерживался на самом младшем из детей — сыне Науме. Он принадлежал к той половине человечества, к которой Рут относилась с уважительным снисхождением. Поступки мужчин зачастую казались ей безумными и жестокими. Но в ту пору Рут считала, что не дело женщины их судить.

Зачинали они Нюмчика в пылу и страсти. И когда родился сын, Бер ошалел от счастья. А Рут с первого дня душой почувствовала, что это дитя принесет в их дом немало хлопот. Увидев короткий большой палец на его руке, она подумала: «Будет вылитый Ямпольский». И верно, мальчик, чем старше, тем больше становился похож на отца: такие же круглые карие глаза, та же горделивая посадка головы и тот же нрав — неукротимый и своевольный. А тут еще Бер, который не знал для него слова «нет». Рут старалась относиться к сыну так же, как и к дочерям. Тем более, что с рождением Нюмчика Тойба лишилась покоя. Она ревновала Бера и Рут. Ябедничала по пустякам. И называла брата не иначе как «ваш любимчик». Всё это беспокоило Рут.

— Зачем ты его балуешь? Почему не приставишь к своему делу? — начала наседать она на мужа, едва мальчик подрос. — Эти вожатые, пионеры до добра не доведут.

Бер кивал головой, давно решив про себя: «Мой сын должен вырасти в согласии с этим миром и властью. Ему здесь жить. Хватит того, что я мечусь, как неприкаянный». И потому в ответ на все нападки Рут только посмеивался:

— Хочешь дружить со свиньями — хрюкай!

Но когда Нюмчику исполнилось тринадцать лет, Рут добилась своего — Бер соорудил ему верстак и усадил рядом с собой. Лишь только теперь она поняла, что такое Ямпольские. Нюмчик, точно норовистый конь, рвался на волю из упряжи, а Бер налегал на вожжи. Вначале шутя, играючи, а после изо всей мочи, но к кнуту не прибегал. Они словно мерялись силами: кто — кого. И Рут со страхом смотрела на эту опасную игру, которая длилась целый год. Когда перевалило на второй, Нюмчик исчез. Вся семья была поставлена на ноги. Обошли больницы и морги. Оставалось одно — заявить в милицию. Но Бер сказал: «Нет!». Он не доверял этой власти и боялся ее, в какую бы форму она ни рядилась.

Прошла неделя. В доме стояла погребальная тишина. В глухом постукивании сапожного молотка слышалось что-то кладбищенское. Рут и

дочери не смели проронить ни слова. Бер каменно молчал. В один из таких вечеров раздался стук в дверь. На пороге стоял Нюмчик, а за ним — мужчина в галифе, гимнастерке с петлицами и в военной фуражке.

Рут было рванулась к сыну, но Бер остановил ее.

— Где был? — медленно, словно через силу, спросил он.

Мальчишка стоял, опустив голову.

— Что молчишь? — мужчина тронул его за плечо и, не дожидаясь ответа, весело сказал: с поезда его сняли. Говорит: «Хочу научиться играть на гармонике и стать клоуном». Чуть ли не до Кавказа добрался. К цирку задумал прибиться.

— К цирку? — выдохнул Бер, и брови его изумленно поползли вверх.

— Дедушка Алтер ему кланялся, — злорадно вставила Тойба.

Раздался оглушительный удар, на щеке Нюмчика расцвел багровый цветок отцовской ярости:

— Легкой жизни захотел? — Бер снова размахнулся, но Рут повисла у него на руке.

В глазах Нюмчика не было ни слезинки, только — ненависть.

— Запомни, папа, — глухо произнес он, когда дверь за военным захлопнулась, — еще раз тронешь пальцем, и я доведу тебя с твоими сандалиями до тюрьмы.

— До тюрьмы? — точно эхо повторил Бер, и лицо его стало серым. — Клянусь, я сдохну, но больше не сяду с ним за один стол, — пробормотал он сквозь зубы и выскочил на улицу, оттолкнув от себя Рут.

Так было положено начало войне между мужчинами рода Ямпольских. Ей суждено было продлиться четверть века и кончиться тем, чем кончаются все войны, — смертью, слезами и пепелищем.

С этого дня жизнь Рут превратилась в ад. «И нашим, и вашим», — так называла она эту новую жизнь. Теперь страх не оставлял ее ни на минуту. А бояться было чего. Три причины гнали от нее по ночам сон. Проклятые сандалии, выручка от них так и не принесла счастья дочерям. Георгиевский крест, который Бер упрямо держал на виду у детей. И лишенство — чью позорную печать несла семья Ямпольских. Любой из этих причин было достаточно, чтобы Бера посадили. В эту пору хватали по поводу и без повода — всех подряд, и тюрьмы были переполнены. От переживаний Рут не находила себе места и ни на миг не оставляла Нюмчика и Бера вдвоем. Враждой пахло в доме Ямпольских. И было достаточно взгляда или неосторожного слова, чтобы вспыхнул раздор. Через месяц Нюмчик определился в фабрично-заводское училище.

— Буду слесарем, — твердо сказал он и переселился в общежитие.

Раз в неделю Рут наведывалась к нему, забирала грязное белье, носила домашнюю стряпню. Бер хранил ледяное молчание, точно не замечал ни исчезновения сына, ни воскресных отлучек жены. Через год Нюмчик объявил, что получил паспорт и теперь он — Николай Борисович Вольский. От этого известия у Рут все поплыло перед глазами.

— Ты больше ко мне не ходи, — услышала Рут, словно издалека, голос сына, — я написал заявление, что порвал с семьей.

— Как ты мог это сделать? Что я скажу папе? — прошептала Рут.

— Для тебя главное отец! А обо мне подумала?! — губы Нюмчика по-детски задрожали. — Хочешь, чтобы я сидел за верстаком с утра до ночи, провонялся кожей и ваксой, стал отщепенцем, как он? Теперь передо мной все дороги открыты. Я смогу, наконец, поступить в комсомол, пойти учиться. Чем я хуже других?

Но Рут уже не слушала его. Она шла домой, не разбирая дороги. И когда, открыв дверь, встретилась взглядом с мужем, не сдержавшись, заплакала.

— По ком ты льешь слезы? У нас что, покойник? — со злобой закричал Бер. — Я все знаю. Забудь его! Забудь! И он, и Симка — одного поля ягоды. Мы вырастили врагов в собственном доме! — в голосе Бера послышалось клекотание.

Рут заметила его припухшие покрасневшие веки. Он отвернулся, пряча от нее лицо:

— Пришло письмо от твоих, из Озерка. Скоро приедет твоя сестра Геля. Мама просит, чтоб мы ее пристроили к какому-нибудь делу, — сказал глухим, надтреснутым голосом и взялся за работу.

«Ты виноват в том, что твои дети пошли по этой дороге! Что они видят вокруг себя? Почему не увез их из этой страны? Думал — ты здесь свой! Испугался, что нужно будет начать сначала, пожалел нажитого добра. Но разве не пришлось все бросить и бежать из Каменки после погрома?» — беспощадно казнил себя Бер.

3

Геля, как и Рут, была некрасива. То же широкоскулое лицо, те же бесцветные глаза. Но все оживало, играло ямочками и искрилось, лишь только губы Гели изгибались в улыбке. Наверняка она знала это. Когда девушке двадцать, она знает о себе многое. Иначе откуда это веселье с утра до вечера? Этот смех, будоражащий мужские души? С ее приездом в сумрачной тиши комнаты Ямпольских, где к этому времени остались только Рут и Бер, запел неумолчный ручей.

— Ша! Бер любит, чтоб было тихо! — пугалась и шикала на сестру Рут.

Но скоро заметила, как смягчается его суровое лицо, как дрожат губы, едва сдерживающие улыбку. И взмолилась: «Боже! Может, это Твой

подарок? И через нее в дом войдет мир и покой? Мне уже невмоготу жить в этом склепе!».

Есть такие натуры, в которых всегда кипит жизнь. Быть может, это дрожжи Господа Бога, чтоб не закисли и не заклекли люди на этой земле?

Геля освоилась в городской жизни быстро и основательно: укоротила и заузила платье, сшитое местечковой портнихой, обрезала косу и поступила ученицей в мужскуіо парикмахерскую. Неторопливую Рут эта стремительность ошеломила:

— Что ты мечешься, как в лихорадке? Куда мчишься, закусив удила? Твое от тебя не уйдет. И зачем тебе целыми днями крутиться среди мужчин? Это не дело для девушки, — пыталась она остановить сестру.

Но та в ответ лишь заливалась смехом, потряхивая кудряшками перманента. «Все оттого, что у нее ни о ком не болит голова, — думала Рут, — мои дочери и она — уже тесто другого замеса. Они умеют жить для себя». Рут жила лишь своим домом, по-прежнему выгадывая каждую копейку, как делала все годы, когда за стол садилось полдюжины ртов.

— Кому это нужно? Думаешь тебе кто-то скажет спасибо? — горькая усмешка кривила рот Бера, — для кого стараешься? Лучше подумай о себе. Приоденься. Купи пару приличных платьев. Посмотри на себя — ходишь, как старуха.

Но Рут лишь отмахивалась: «Зачем? Что я — девушка на выданье?». Однажды Бер достал из своего тайника кусок мягкой, как шелк, и черной, как южная ночь, кожи:

— Настоящее шевро! Хочешь, я сошью тебе лодочки на выход?

— Мой выход на базар и обратно, — пожала плечами Рут, но тут же всполошилась, — опять приходил Купник?!

Этого ехидного старика с плаксивыми глазами, этого торговца краденым, умудрившегося пережить все власти, ни на день не изменяя своей профессии, она боялась как огня.

— Зачем ты с ним имеешь дело?! В нашем доме не хватает цурес?! Мало тебе тех несчастий, что уже есть?!

Рут умела молчать. Но стоило ей почувствовать опасность, как она с преданностью дворового пса бросалась на защиту покоя в своем доме. Обычно Бер посмеивался и отступал. Но в этот раз взъярился:

— Что ты вечно дрожишь? Здесь можно честно заработать только на тарелку супа! Почему я должен считать всю жизнь эти гроши! А когда жить?! Скажи мне, когда? Или я родился только для того, чтоб стучать молотком?

Он вскочил с низкого сапожничьего стула и, как был в брезентовом переднике, выбежал на улицу. Вышагивал квартал за кварталом, а

в мыслях было только одно: «Отец ведь тебя предупреждал, что тут жизни не будет. Почему ты его не послушал?! Понадеялся на себя. На свои руки. Нужно было бежать, куда глаза глядят. Теперь не вырваться». С кем мог поделиться своей болью? Рут твердила свое: «Смирись». А дети выросли, и оказалось, что — чужие люди.

Угрюмый и подавленный, Бер вернулся домой лишь к полуночи. Ворочался, долго не мог уснуть. А под утро приснился сон. Будто он притаился на чердаке своего дома в Каменке. Из слухового окна видна дорога и скачущие всадники в высоких смушковых папахах с красными лычками. Гогоча во все горло: «Пляшить, жиды, пляшить!», они гонят шомполами и саблями от синагоги к реке горстку старых евреев в талесах. Он вскидывает ружье и целится в казака с пышными черными усами. Невесть откуда взявшаяся Лея, вдруг крепко обхватывает его за шею: «Они убьют тебя! Что будет тогда с моими девочками?!». Он хочет крикнуть: «Отпусти!». Но голос его не слушается.

Бер проснулся и долго лежал с закрытыми глазами, пытаясь распутать клубок, в котором тесно переплелись явь и видение. После погрома в Каменке этот сон преследовал его. И вдруг почувствовал дуновение воздуха. Сквозь неплотно смеженные ресницы увидел склоненное над ним лицо Рут, ее полные губы, сложенные трубочкой. Подув на него, прошептала: «Опять этот сон? Перестань себя есть поедом. Уже под пятьдесят, но ты хуже грудного ребенка. Я не имею с тобой ни минуты покоя».

Когда переваливает за половину жизни, мужчина становится перед выбором: снова, пусть ненадолго, вернуться в молодость, или, покорно старясь, ждать смерти.

Беру захотелось вновь стать юношей. Тонкошеим, худым и неуклюжим, осторожно трогающим Леины белые колени в крупных брызгах золотых веснушек. Потому что если жизнь невыносима, если дети не удались, годы прошли даром, значит, нужно, пока не поздно, вернуться назад и все начать сначала.

А Рут жила своими мелкими хлопотами хозяйки и большим горем матери. По воскресеньям, нагрузив едой две плетеные кошелки и завязав в платочек сэкономленные за неделю деньги, она выходила из дома. Вначале направлялась к старшей. К Тойбе, с которой никогда нельзя было угадать, замужем ли она. И если да, то как долго это протянется.

— Мамся пришла! — кричала Тойба, бросаясь ей навстречу, по пути сметая со стульев и спинки кровати мужскую рубашку, майку — все, что могло свидетельствовать о ее неправедной жизни. Рут делала вид, что ничего не замечает. Она пила спитой чай, у Тойбы никогда не хватало денег на еду: весь ее заработок на швейной фабрике в первый же день уходил на помаду, крем от веснушек и пудру рашель. Слушая

болтовню дочери, кивала головой, как китайский болванчик, украдкой оглядываясь и отмечая про себя задвинутый под кровать мужской ботинок или скомканный носок. А сердце ее ныло от боли. Мешая ложечкой чуть подкрашенный кипяток, Рут искоса смотрела на осиную талию Тойбы и неслышно молилась: «Готыню, прошу Тебя, пусть она станет, наконец, матерью. Пусть родит хоть байстрюка. Быть может, тогда в ней затихнет этот пожар!». Потом чашки сдвигались в сторону. Тойба ложила белый лист бумаги и Рут, с трудом читавшая по слогам, с благоговением смотрела на дочь. А та, по-детски склонив голову набок, старательно выводила: «Дорогая сестра Симочка! У нас все живы, здоровы!». «Ай-яй-яй, — плакала душа Рут, — так погубить себя. Дать закопать живьем. Кому нужна эта учеба?! Послали, как последнюю каторжанку, в Сибирь, на какую-то стройку. Ни кола, ни двора. Даже подушку с собой взять не захотела. Ходит одетая, как биндюжник — в ватнике и сапогах. Вокруг одни иноверцы. За кого она там может выйти замуж? А годы идут. Боже, образумь этих Ямпольских».

— Мама, что дальше? — нетерпеливый голос Тойбы возвращал Рут к действительности, она сглатывала тяжелый комок:

— Пиши, что скучаем и ждем. Папа тоже.

От Тойбы Рут уходила налегке, с пустыми кошелками. Лишь на дне одной из них лежал конверт с письмом. Она держала путь на Раскидайловскую, к Мирке. Но, не доверяя свою драгоценную ношу ни одному почтовому ящику в городе, делала по дороге крюк и заезжала на главную почту, где вручала конверт смуглой веселой девушке в окошке, чем-то неуловимо похожей на Симу.

Приближаясь к двору, где жили Кобыливкеры, Рут внутренне подбиралась. Мирка, застряв под кровом этой семьи, жила среди них как вражина, строго соблюдая закон — ни мира, ни войны. Рут, вступая на порог этого дома, чувствовала себя смущенно и неуверенно. Обычно, дверь ей открывала Рэйзл, у которой при виде родственницы появлялась на губах кислая улыбка. Но Рут делала счастливое лицо:

— Шалом, сватья! Мир вам! — она здоровалась с фальшивой радостью, осознавая — мира здесь не было и не будет, возможны лишь краткие перемирия. И в этом была та высокая дипломатическая ложь, без которой не могут обойтись послы враждующих держав.

— Что тебе сказала эта ведьма? — настороженно встречала её Мирка.

— А что она может мне сказать? — Рут деланно-безразлично пожимала плечами.

И тогда Миркино лицо прояснялось. Она коротким клевком целовала Рут и усаживала на кровать — единственное, что ей принадлежало в этом доме.

— Ну как дела? — спрашивала Рут, доставая из тайников своей одежды узелок с деньгами и протягивая его дочери.

— Нет, мама, нет! — горячим шепотом начинала отнекиваться Мирка, поминутно оглядываясь на дверь и отталкивая руку Рут.

— Не морочь голову, — она засовывала узелок под подушку, — солить мне их, что ли? Папа с Божьей помощью зарабатывает, на еду нам хватает, что еще нужно в нашем возрасте? — Рут хотелось долго и обстоятельно говорить о своей жизни, о боли и тревоге, которые гложут ее.

Но обида переполняла Миркину душу, и она перебивала мать:

— Вчера эта ведьма... — вступала Мирка, и ее глаза загорались недобрым огнем.

Рут слушала, качая головой: «Боже, что за жизнь у моей девочки! Своим врагам не пожелаю. Эта Рэйзл — настоящий казак в юбке. Хлебом не корми — дай только помахать шашкой. Она ни на миг не спускает глаз с этого недотепы Боруха и командует им, как хочет, — даже в его супружеской постели. Конечно, Мирка тот еще фрукт. Я свой товар знаю. Но надо же как-то жить. Надо смириться с тем, что есть». И она делала робкую попытку смягчить Миркино сердце:

— Мирелэ! Золотце! Я тебя прошу! Пусть все горит ясным пламенем! Какое тебе до нее дело? У тебя есть свой муж, свой примус, своя кастрюля. Сегодня ты сварила бульон, завтра борщ. От кого ты зависишь? Кто-то тебе может сказать «да» или «нет»?

— Не говори глупости! Какой борщ? Кому я буду готовить? — взмывала, словно коршун, Мирка. — Эта ведьма внушила Боруху, что с его слабым желудком ничего нельзя есть из моих рук. А для себя мне ничего не нужно. Ты же знаешь мою работу.

— Да, да, — торопливо кивала Рут, — благодарение Богу ты всегда сыта.

Миркина работа была предметом тайной гордости Рут. Иногда она нарочно возвращалась с базара кружным путем, чтобы на минутку заглянуть в городскую столовую, где Мирка в белом туго накрахмаленном халате и кружевной наколке сидела за кассой. Рут любовалась, глядя на ловкие пальцы дочери, мгновенно отсчитывающие сдачу. Но ее пугали приветливые улыбки, которыми Мирка одаряла посетителей. «Слишком много мужчин вокруг. Так недолго и до греха при таком муже». Но тут ничего нельзя было поделать. Рут умела смиряться с тем, что преподносила ей жизнь. Тем более, что на бочку дегтя одна-другая ложка меда все-таки перепадала. Нужно было только верить, надеяться и ждать.

Это многолюдье, точно прибой, накатывающий на стеклянную будочку, где восседала Мирка, принесло однажды и отступника Нюмчика. Со временем он стал заглядывать сюда все чаще и чаще. Постепенно Мирка вошла в курс его дел. И Рут, затаив дыхание, собирала драгоценные крохи: «Говоришь, пришел в новых ботинках? Берет первое и два вторых? — уже начал зарабатывать!». И совсем была на вершине счастья, когда дочь однажды сказала:

— Мама, наш Нюмчик вечерами учится. Скоро будет учителем младших классов.

Но в одно из воскресений Мирка, опустив глаза, пробормотала:

— Мама, ты должна поговорить с Гелей!

— Что такое? — вскинулась Рут.

— По-моему, между ней и Нюмчиком ладится дело.

— Дело? — не поняла вначале Рут, хотя вещунья-душа забилась в тревоге.

— Как бывает между мужчиной и женщиной, — стеснительно выдавила дочь.

— Не может быть! — вскрикнула Рут.

— Тихо! Эта ведьма подслушивает! — Мирка выразительно кивнула на дверь.

— Они же близкие родственники! И потом Нюмчик — еще дитя. Она старше его! — Рут казалось, что небо медленно опускается ей на плечи.

— Ты мне это говоришь? — яростным шепотом ответила дочь, — скажи это своей сестричке!

Рут поплелась домой. Всю дорогу ее мучила мысль: «Не дай Бог, если узнает Бер». Поднявшись на крыльцо, она заглянула сквозь застекленное окошко в тамбур и увидела Гелю. Босая, раскрасневшаяся, она сидела на табурете для клиентов. Ее юбка была задрана выше колен. Рука Бера лежала на белой, полноватой, как и у Рут, но без единой синей прожилки, ноге. Вначале Рут не поверила своим глазам. Когда вошла, Бер смутился и хрипло сказал :

— Так быстро?!

— А ты хотел, чтоб там, где я была, меня и похоронили? — отрезала Рут с дрожанием в голосе и, не глядя на сестру, прошла в комнату.

За ее спиной раздался смущенный смех Гели, и тотчас все затихло. «Где были твои глаза, Рут? — спросила она себя, — как ты могла пройти мимо шевровых лодочек и блестящих, словно паюсная икра, лаковых туфелек, которые Бер сделал для нее своими руками?! Мимо его нового костюма-тройки, сшитого у самого Фингера?! А эта борода, которую он раньше сам кромсал ножницами?! Теперь нет недели, чтобы не заглянул к ней в парикмахерскую. От него одеколоном за версту несет. О чем ты думала, Рут?» Она прошлась по комнате. Постояла у окна.

«Но разве я приставлена сторожем к честности моего мужа? — внезапно вырвалось у нее, и Рут приложила ледяные ладони к пылающим щекам. — Прочь! Прочь от этого позора!» Кинулась к сундуку, отбросила крышку и вытащила древнюю клетчатую шаль. Расстелив ее на полу, стала собирать свои вещи. В этот миг Рут не думала, куда бежать и как жить дальше.

— Что случилось? — она услышала шаги Бера, но даже не обернулась.

— Ты ждешь старьевщика? — с неловкостью в голосе пошутил он, перебрасывая мостик примирения. «Как ей объяснить, что я устал от этой жизни, от себя самого, — думал Бер, — а Геля — это отдушина. Игра в молодость и счастье». Он молча смотрел на Рут. Ей хотелось крикнуть: «Ты — изменник!». Но пересилила себя и тихо сказала:

— Я ухожу. Мне здесь нечего делать.

— Ты выкидываешь коники, словно молодая девушка, — фальшиво засмеялся Бер.

Рут почувствовала, что ее, точно щепку, подхватило и понесло в темный омут ярости:

— Почему я всю жизнь должна давиться чужими объедками?! Твоя милостыня для бедных стоит у меня все годы, как кость в горле, — прошлые обиды всколыхнулись в памяти, и гнев окрасил ее глаза в цвет грозового неба.

— Что ты болтаешь? — Бер в изумлении отшатнулся. Такой он ее видел впервые.

— Ты ввел меня в свой дом, как кладбищенскую нищенку. Ты мне дал то, что у тебя осталось от покойной Леи. И я молчала. Но теперь...

Бер подскочил, схватил ее за плечи и тряхнул изо всей силы:

— Закрой свой черный рот. Клянусь землей и небом, — опамятовшись, оттолкнул от себя, криво усмехнулся, — мне смешно слушать тебя.

— Наконец-то ты научился смеяться, Бер. Это моя сестра тебя заразила? — Рут презрительно кивнула на дверь, отделявшую комнату от тамбура. Там царила настороженная тишина.

«Нюмчик», — вдруг вспыхнуло в ее сознании. И она в запале со злорадством выкрикнула:

— Ты слишком рано родился, Бер! У нее есть помоложе. И там уже все сладилось.

Он застыл, точно окаменел, лишь тугие желваки играли на смуглом лице. Потом окинул ее ненавидящим взглядом и, круто повернувшись, выскочил из дома. Рут громко засмеялась вслед, а когда затихло эхо железных ступенек, вышла в тамбур. Геля стояла, прижавшись к шкафу.

— Ну, — Рут, тяжело ступая, вплотную подошла к сестре, — ну, — повторила с угрозой, — что за собачью свадьбу ты здесь затеяла?

— Не сходи с ума, — прошептала Геля трясущимися губами, — подумай своей головой, зачем мне нужен твой Бер? Он же старик!

— Значит, тебе больше нравятся молоденькие мальчики? Например, Нюмчик, — глухо сказала Рут, её пронзила обида за мужа.

— Да, мы муж и жена, — лицо Гели стало пунцовым, — но клянусь! — она прижала руки к высокой груди, — клянусь мамой! Мы скоро распишемся.

— Вон! — тихо сказала Рут.

Геля быстро, по-воровски собрав свои немудреные пожитки, ушла к какой-то подруге. И Рут ее не остановила. Поздним вечером Бер вернулся домой. Окинул взглядом комнату, недобро усмехнулся и, ни слова не говоря, лег спать. Но не в супружескую постель, не на кровать, украшенную блестящими никелированными шарами, а на кушетку с обтерханной на углах обивкой, когда-то купленную для Нюмчика, а потом перешедшую к Геле.

В тот год Бер почти забросил работу. Он все время норовил ускользнуть из дома. Рут молчала, крепилась, словно не замечая ни его частых многодневных отлучек, ни его новой жизни. Внешне все шло, как прежде: по пятницам он оставлял на этажерке деньги на недельные расходы, она стирала, готовила, убирала и вершила сотню мелких, кропотливых и незаметных глазу дел, на которых держится дом. Между ними не было ни ссор, ни стычек. Они жили под одной крышей, словно чужие люди. Рут носила все в себе, не говоря дочерям ни слова. Однако те догадывались, о многом узнавая за ее спиной. А если не так, то почему опускали глаза и смущенно умолкали, едва речь заходила об отце? Но однажды обе прибежали запыхавшись.

— Мама, Нюмчик и Геля завтра женятся! — с порога крикнула Мирка, — он ей всё простил. Они на днях уезжают в Фастов. Нюмчику дали направление. Будет работать учителем.

Рут в ответ лишь кивнула, а сердце сжалось и подпрыгнуло к самому горлу.

— Теперь у вас с папой все наладится. Мама, умоляем тебя, поставь крест на этом деле. Скажи: «Бом», — Тойба просительно заглянула ей в лицо, — ты же сама нас учила.

— Идите домой, — строго сказала Рут и села у окна в ожидании Бера.

Он пришел за полночь, когда ее сморил сон. Заслышав скрип двери, она вскинулась.

— Ждешь? — спросил он, Рут почувствовала запах вина. — Думаете, конец Беру Ямпольскому? Нет, это не конец, ибо посеявший ждет всходов, — и громко рассмеялся.

«Сколько же можно терпеть этот позор, эту пытку?» — подумала Рут. В эту ночь она твердо решила уехать к Симке.

— Надолго? — спросил равнодушно Бер, услышав эту весть.

«Навсегда», — хотела отрезать Рут, но лишь уклончиво ответила:

— Посмотрим.

И хотя на дворе стояло знойное лето, она упаковала пальто и шаль. Бер, казалось, не замечал ее сборов. После женитьбы и отъезда молодых он почти не выходил из дома. Иногда брался за работу, но у него все валилось из рук. И тогда ложился на кушетку, часами пристально вглядываясь в потолок.

В первых числах июня, когда у Рут уже были билеты на поезд, пришло письмо от Симы. «Мама и папа, — писала она мелким четким почерком, — поздравьте! Я вышла замуж. Мой муж, Менахим Штернис, родом из Вильно. По специальности — музыкант, но сейчас, временно, работает на стройке подсобником. Не волнуйтесь, если от нас долго не будет писем. Нам, возможно, придется переехать, поэтому в гости вас пока не зовем. Хочется повидаться, но Менахима сильно укачивает в дороге».

— Что это? — испуганно спросила Рут, когда Бер кончил читать письмо.

— Нашла с кем связаться! С литовским евреем, — со злобой выкрикнул он, — наверняка, сосланный! Раньше у нее был отец-лишенец, а теперь еще и муж. Наша дочь из тех лошадок, которые готовы нестись сломя голову хоть к черту на рога, только бы не стоять на месте.

«Как все Ямпольские», — с горечью подумала Рут.

4

Всему есть мера на этой земле — и радости, и горю. И малое тонет в большом. И большое возвеличивается малым.

Война с немцами, которая началась так внезапно, стремительно прорывалась на юг. В первых числах июля Бер хмуро сказал:

— Нужно бежать! — и начал укладывать в мешок свой сапожный скарб.

— Через месяц все кончится, — заупрямилась Мирка, боясь потерять свое место за кассой.

И тут мама Рэйзл впервые за все годы стала на сторону невестки:

— Мирка права. Бежать? Куда? Зачем? Бросить все на разграбление? А как быть с врачом? Вдруг Боруху станет плохо? Нудельман наблюдает мальчика с рождения. И главное — чего бояться? Допустим, придут немцы. Ну так что с того? В восемнадцатом году они тоже пришли, навели в городе порядок. У моего папы в те годы была табачная лавка, — Рэйзл приосанилась, — вы же знаете, у нас в семье всегда было свое дело...

— Вы решили остаться? Опять открыть скобяную лавку? Продавать смерти гвозди и лопаты? — оборвала ее Тойба, — дело ваше, почему бы нет! А мы хотим жить! — и метнула на сестру грозный взгляд. — Не будь дурой. Собирайся!

Кому как не Тойбе было знать, что нельзя медлить ни минуты. Накануне сосед по коммуналке Тимошка, живший с женой Нюрой и двумя маленькими дочками в самом конце длинного, как кишка, коридора, прокрался, как обычно, к ней ночью в одних носках. Эти игрища длились у них уже около года, и Тойба начала подумывать о замуже-

стве, но Тимошка молчал. Тойбу это молчание жгло огнем, хотя знала: Тимошка не из многословных. Но не век же ей любоваться на эту деревенскую растетеху Нюрку, как она без стыда и совести два раза в месяц разворачивает на виду у всей коммунальной кухни Тимошкины пайки?! Помешивая пшенную кашу, Тойба бросала косые взгляды на баночки паюсной икры, балыки, истекающую соком муаровую скумбрию, нежную желтизну сливочного масла, розово-телесную ветчину, и под ложечкой у нее зарождалось тихое упорное жжение. Наконец, она решила спросить напрямик — да или нет. И если нет, то пусть больше не приходит. Ведь у нее тоже есть свой план жизни. Она хочет иметь семью и достаток. Тойба готовилась к разговору не первый день. «Сегодня или никогда», — сказала она себе. И когда Тимошка открыл дверь, решительно приподнявшись, оперлась о подушку. Но Тимошка не прыгнул, как было заведено у них, с размаху в постель. Да так, чтоб тугая панцирная сетка, противясь его весу, вначале гневно подбросила обоих вверх, а потом долго колыхалась, стонала и скрипела, покоряясь силе и ритму движения их тел. Этой ночью он, рывком стянув с нее одеяло, отрывисто сказал: «Танюха! Беги предупреди папку с мамкой! Чтоб завтра вашего духа здесь не было». И Тойба поняла: нужно бежать. Потому что Тимошка, Тимофей Кулик, который на службу ходил в штатском в большое серое здание на площади, по праздникам надевал гимнастерку со шпалами в петлицах и стоял на парадах рядом с трибуной.

Под напором Тойбы и Бера Мирка нехотя собрала узел с вещами. Ночью началась бомбежка. Вихрь страха подхватил и понес семью Ямпольских вместе с толпой беженцев по дорогам и проселкам, точно колючее перекати-поле по голой степи.

В начале зимы, после многих месяцев странствования, после подвод, теплушек и деревенских розвальней, наконец, осели на Урале, в бревенчатой избе на окраине небольшого городка. Бер тотчас принялся за работу. Казалось, внезапно разразившееся несчастье вернуло его к жизни. Опять, как в прежние времена, он сидел за своим верстаком, не разгибая спины с утра до вечера. И Рут боялась вымолвить лишнее слово, чтобы не нарушить непрочный мир. Теперь за ее стол, как в первые годы их совместной жизни, садились не только они с Бером, но и две дочери — Тойба и Мирка. Осенью к ним прибились Геля с сыном. Когда Рут увидела на пороге сестру, в первый миг не узнала. Грязная, оборванная беженка с котомкой за плечами и ребенком на руках — много таких стучалось в ту пору. Но, разглядев, ахнула, потащила в дом. Лишь в сенях подумала о Бере: «Боже мой! Что я делаю?». Он, увидев Гелю, вспыхнул, но тотчас нахмурился:

— А, ты! — и ушел в работу.

Оставшись один на один с Рут, хмуро спросил:

— Как она нас нашла?

— Не знаю, — солгала Рут.

Хотя сама, едва лишь осели, начала слать письма Симке, пытаясь разыскать Гелю и Нюмчика. И не только Симке, но и всем соседям, близким и дальним родственникам. Тойба и Мирка безропотно при свете коптилки писали под ее диктовку и носили письма на почту, утопая по колено в сугробах.

— Не приваживай. Пусть снимет угол. И без нее тесно, — не слушая оправданий жены, отрывисто бросил Бер.

Геля поначалу была сумрачна, плакала по Нюмчику, которого с первых дней войны взяли на фронт. Но после оправилась, пришла в себя, поступила на завод кладовщицей и повеселела.

— Долго твоя сестра будет у нас крутиться? — хмуро спрашивал Бер.

— Потерпи немного, — покорно кивала Рут, — ты же знаешь, как тяжело здесь найти квартиру. А с ребенком — и подавно. Никто не хочет беспокойства.

А ночами молилась:

— Боже, смягчи его душу. Не ради себя прошу — ради кровинки моей, мальчика.

Видно, молитва ее была услышана. Со временем Бер смирился и даже начал иногда тетешкать мальчика, которого стал звать на свой лад, Эля, хотя в метрике черным по белому было записано Элем, что означало: Энгельс, Ленин, Маркс. И опять взгляд Бера все чаще останавливался на Геле. Та, рассеянно улыбаясь, отвечала легкими и вроде бы случайными прикосновениями.

— Ластится, как кошка, — шипела Тойба, а Мирка бросала испепеляющие взоры.

Рут все это видела и понимала — рано или поздно грянет гром.

Чего боишься — сбывается. И мысль становится словом, а слово — делом.

В дни, когда позволяла погода, Рут ходила на почту. Подслеповатый трахомный почтальон-татарин не вызывал у нее доверия, хоть письма Тойбе от Тимошки приходили регулярно, чуть ли не каждую неделю. Но Рут чудилось, что почтальон перепутал адрес или просто ленится тащиться на другой конец городка. Возвращалась домой с тяжелым сердцем. Нюмчик после нескольких писем вдруг затих. А в 43-м и Симка перестала писать. Душа Рут была полна тревожных предчувствий.

Однажды, приближаясь к дому, услышала шум. Из открытых окон доносились голоса Тойбы и Мирки. Обе сразу умолкли при ее появлении. Рут подумала, что свершилось самое ужасное. Страх сковал ее тело, она замерла на пороге, прислонясь к косяку двери. И тут, словно выр-

вавшись из плена, мимо сестры поспешно проскользнула Геля. Рут горько засмеялась. Потом выглянула в окно. Геля топталась у крыльца — видно, дожидалась Бера, который с утра уехал в райцентр за дратвой.

— Мама, — закричала Тойба, — я больше этого не потерплю.

— Тимошка сделал из тебя просто праведницу, — насмешливо проронила Рут и начала собирать Гелины вещи. Взяв узел подмышку, она подошла к мальчику, минуту-другую подумала, потом погладила его по голове и решительно шагнула в сени. Открыв дверь, через порог подала сестре вещи: «Уходи!» Геля хотела что-то сказать, но Рут перебила ее:

— Только никогда больше не клянись мамой! Я получила письмо от Колкеров, они пишут, что мама погибла, — она вынула из кармана мятый конверт, положила его на узел и вошла в дом, захлопнув за собой дверь.

Беру ничего не сказала. И он, вернувшись, даже не обмолвился о Геле. Точно ее никогда и не было в этом доме. А Эля остался в семье. С каждым днем в нем проступало все большее сходство с Бером. Иногда, глядя на мальчика, Рут делала свои нехитрые женские подсчеты. Каждый раз получалось то так, то эдак — и нетерпимым огнем жгли слова Бера: «Ибо посеявший ждет всходов». Но она не позволяла ревности сжечь свою душу дотла: «Разве дитя повинно в грехах своих родителей?».

Ребенок часами сидел подле верстака, играя сбитыми истончившимися подковками, деревянными шпильками и обрывками дратвы. То и дело окликал Бера: «Папа». И Бер — гневливый, суровый и молчаливый Бер — был нежен и терпелив с ним, словно женщина. Он купил на базаре простенькую дудочку. Мальчик тотчас пристрастился к ней. Вскоре Бер привез из райцентра губную гармошку.

— Сколько ж ты заплатил за нее? — ахнула Рут.

— Пусть учится, — скупо проронил Бер.

Теперь в доме утра до вечера пиликала гармоника. Иногда Бер подпевал густым низким басом. И столько было лада, согласия в этом пении, что сердце Рут смягчалось, словно оттаивало. Она не встревала в их дружбу. Единственное, что позволяла себе, это изредка поправлять мальчика:

— Это не папа, это твой дедушка.

Бер, казалось, не слышал. Однажды, не вытерпев, она сказала ему:

— Мальчик должен знать, кто его отец.

Рут посмотрела на сомкнутые губы мужа, и дикая мысль обожгла ее:

— Может, ты надеешься, что Нюмчик не вернется?! Кличешь на него беду? — нахохлившись и пригнув голову, она двинулась на мужа. Но на полпути остановилась и, блестя потемневшими от гнева глазами, грозно сказала, — смотри, Бер, если мой сын не вернется, я прокляну тебя!

И не было ночи, чтобы не молила Бога простить ее детей — Симку и Нюмчика, от которых не было никаких вестей: «Готыню! — беззвучно

шептала она, когда семья, наконец, засыпала, — прости их. Я понимаю, мои сын и дочь согрешили, отойдя от Тебя. Но от этого они не перестали быть евреями. Они просто плохие евреи, — убеждала Рут Бога, — Ты ведь и сам видишь, Господи, как много среди нас заблудших. Но я знаю моих детей. Рано или поздно они вернутся к Тебе. Ты увидишь. Может, к тому времени меня уже не будет на свете. Но они придут к тебе. Пусть их грехи падут на мою голову. Зачти все плохое мне!». У нее были свои сложные счеты с Богом.

А утро приносило с собой заботу о хлебе насущном, тем более что Бер снова замкнулся и ушел в себя. Теперь он часто сидел, сложа руки, глядя невидящим взором через окно на улицу, застроенную бревенчатыми избами. Вскоре Рут почувствовала — в дом тихо скребется голод. И тогда, не спрашивая мужа, взяла с его верстака пузырек клея, рашпиль, куски резины и пошла к почте. Теперь она целыми днями сидела на ступеньках крыльца, расстелив перед собой газету, на которой раскладывала свой нехитрый инструмент. Ее никто не гнал. И скоро народ потянулся к ней со своими рваными, стоптанными калошами. За работу расплачивались кто чем мог — ломтем хлеба, кружкой молока, парой-тройкой картофелин. Бер, казалось, ничего не замечал. Однажды, прошел мимо, точно чужой, упрямо глядя себе под ноги.

5

После войны они вернулись в родной город. Рут первым делом оббежала всех соседей и знакомых, в надежде, что они что-то знают о Нюмчике и Симе. Но люди лишь сочувственно отводили глаза. И Рут почувствовала, что родник надежды почти иссяк в ее душе. Под вечер садилась на скамеечку около дома, жадно вглядываясь в лица проходящих мимо людей.

Однажды возле нее остановился мужчина в домотканой свитке и бараньей папахе. Молча протянул руку за подаянием.

— Откуда ты? — почти машинально спросила Рут: она теперь всем задавала этот вопрос, а сердце начало глухо частить в приступе слепой материнской надежды.

— Из Молдавии. Крестьянин, — чуть помедлив, ответил нищий.

И хоть Рут не поверила, рука мужчины была гладкая, без мозолей — рука, не знавшая ни мотыги, ни лопаты, но все же вынесла кусок мамалыги и кружку воды. Он пил не спеша, искоса поглядывая на нее. Потом плеснул остаток воды на ладонь, обмыл лицо и глухо спросил:

— Как зовут тебя, хозяйка? За кого мне молиться?

— Молись за моих детей, — ответила Рут, — Симу и Нюмчика.

Мужчина бросил на нее испытующий взгляд:

— Ты слышала когда-нибудь имя Менахим Штернис?

— Да, — прошептала Рут, — это мой зять. Муж моей дочери.

— Держи, — быстрым ловким движением мужчина вытащил откуда-то из-под свитки сложенный вчетверо лист бумаги.

Рут не успела опомниться, как он уже исчез.

— Письмо! — она вбежала в комнату и кинулась к Беру. — Письмо!

— Что?! — Бер выхватил у нее из рук листок и принялся жадно читать.

— Час от часу не легче, — пробормотал он, тяжело опускаясь на стул. — Это от Симки. Она с мужем выехала в Польшу, а оттуда нелегально — в Палестину.

— Живы! — Рут казалось, что сердце ее вот-вот выскочит из груди от радости. — Может быть, найдут твоего брата Нисона. Он их приютит на первых порах.

— Замолчи! Ты думаешь только о своих детях Симке и Нюмчике! — лицо Бера исказил гнев. Бессилие и страх перед этой властью давно сломили его, не оставив и тени удали того Берки Ямпольского, что когда-то в бою под Львовом поднял в атаку целый взвод. — А что будет с Тимошкой? Его же выгонят с треском! Он у них давно на заметке!

Умом Рут понимала: муж прав: после развода с Нюрой и женитьбы на Тойбе на Тимошку косилось не только начальство, но и многие сослуживцы. В другое время она бы даже одобрила его осмотрительность, но теперь это вызвало у неё лишь ярость и презрение. И оттого стало ещё нестерпимей находится с ним под одной крышей, дышать одним воздухом! Случалось, глядя в склоненную над верстаком спину Бера, желала ему смерти. Иногда он оглядывался и, перехватив ее ненавидящий взгляд, опускал голову. Но больше всего пугало Рут внезапно вспыхнувшая в ней неприязнь к мальчику.

И однажды она не сдержалась:

— Почему ты ни с кем из детей так не нянчился?! Что они слышали от тебя? Насмешки! Угрозы! Упреки! Я завидую Лее — она не дожила до такого позора, а будь жива, ты и её бы не пощадил! Кто тебе этот ребенок, что ты с ним так носишься?! Внук? Сын? Или то и другое вместе? — Рут злорадно засмеялась.

— Ты!.. — выдохнул Бер и в гневе отбросил молоток в сторону. — Ты решила устроить мне Судный день, женщина?! — он затряс кулаками перед ее лицом. Но, заметив испуганный взгляд мальчика, тотчас опамятовался и презрительно бросил, — я не хочу слышать твое мяуканье. Или оставишь Элю в покое, или убирайся из дома.

Вот тогда Рут сняла угол у Поли — рябой одинокой старухи, торговки рыбой. Вооружившись клеем, рашпилем и резиной, она пошла работать на базар. Поначалу было боязно — в это послевоенное строгое время на базар чуть ли не каждый день обрушивались милицейские облавы. Раздавалось несколько пронзительных свистков — и мешки, тюки, корзины — все это куда-то уволакивалось, пряталось, исчеза-

ло. Ряды пустели. Рут в испуге застывала, не зная, то ли бежать, то ли, оставаясь на месте, ждать неминуемого штрафа, ведь она работала без патента. Однако Поля не только дала Рут кров, но и научила сложной науке — жизни базара.

— Не бойся милиции и начальства! Почти с каждым можно поладить. У всех дети, семьи. Весь вопрос в цене. Главное, чтоб у человека совесть была, — наставляла она Рут, — беда, когда на уме одни прынцыпы. С такими тяжелехонько — им мало что нужно для жизни и люди для них — тьфу! Для них их честность — это все. И носятся они с ней, как с писаной торбой. Днем и ночью она жрет их поедом. Возьми Турина — при нем боятся дышать. Но такая у него работа — рано или поздно найдется человек, который его купит. Хоть я с этим человеком в долю не иду. Турин из тех, кто свою честность дорого продаст. Мало того, ещё и руку, с которой будет кормиться, при случае укусит. Потому что ненавидит всех. И считает — нет ему ровни. Забери у него честность, и что останется? Один пшик.

Директора рынка Турина боялись. Его внезапные, стремительные ревизии, его неприступность и неподкупность держали в страхе весь базар. От мясников до сторожей — всех, кто кормился вокруг этого хлебного места. В галифе, выгоревшей гимнастерке, с офицерской планшеткой через плечо, плечистый, приземистый, Турин с утра до позднего вечера маячил между рядов или сидел в своем крохотном кабинетике, листая акты и накладные. Ходили слухи, будто во время войны был танкистом, вроде бы горел, но чудом спасся — оттого все лицо в страшных рубцах и шрамах. Жил Турин один, без семьи, был нездешним. Родом был откуда-то из-под Киева. Через год его забрали в исполком, где он быстро пошел в гору и вскоре под его началом оказались директора фабрик и заводов города. С его уходом базар, вздохнув с облегчением, вновь ожил и забурлил. Казалось, почва — жирный чернозем и воздух, настоянный на запахах моря и степного ковыля, были неиссякаемыми источниками деловитости и жизнестойкости горожан.

Скоро у Рут появилось на базаре свое место и добрая слава. Многим, особенно инвалидам и старикам, она чинила в долг или вовсе бесплатно. И к ней потянулись со всего города. Обычно работала допоздна, до густых сумерек, а утром чуть свет снова была на базаре. Назад Бер её не звал и вообще старался обминуть десятой дорогой. А дочки жалели, приглашали к себе, но она твердо стояла на своем:

— Мне и так хорошо. Не хочу путаться в вашей жизни.

— Мама, не позорь меня, — взрывалась Тойба, теряя терпение, — как мне объяснить Тимошке почему ты ушла из дома.

— Не знаю, — равнодушно пожимала плечами Рут, — придумай что-нибудь.

— Может вернешься? — уговаривала Мирка, — Геля взяла мальчика к себе.

— Ваш отец умер для меня, — Рут сумрачно смотрела на них, — идите. Мне надо работать.

«Откуда это во мне? Неужели я стала такой же жестоковыйной, как Ямпольские?» — ужасалась себе Рут. Работа стала для нее единственной ниточкой, связывающей с миром. Ее домом теперь был базар — с его рядами зелени, пахнущими огородом и утренней свежестью укропа, с молочным корпусом, источающим дух сытости и довольства. Ее семьей стали снующие люди, торгующие разной мелочью старухи — такие же одинокие и бесприютные, как она сама. Они приходили сюда в любую погоду, цепляясь за это бытие морщинистыми высохшими руками, в которых держали ветхие, отжившие свой век вещи.

В один из осенних слякотных дней Рут сидела, нахохлившись, закутанная в клетчатую шаль. Сеял мелкий дождик, и отсыревшая фуфайка камнем давила на плечи. Уже смеркалось, когда к ней подошел человек в потрепанной румынской шинели. Рут по привычке скользнула взглядом по ногам — точнее, по единственной ноге: калоша, подвязанная веревкой к онуче, деревяшка и костыль.

— Может, завтра? Сегодня уже темно, — Рут вскинула глаза, — перед ней стоял седой мужчина. Ей почудилось, старик. — Или тебе срочно?

— Мамочка! — услышала Рут.

И, прежде чем успела осознать, из горла ее вырвалось хриплое:

— Сынок! Мальчик мой!

В тот вечер она вернулась в свой дом, ведя Нюмчика за руку, точно ребенка. Бер, увидев их, побледнел, отпрянул от двери.

— Вот и я, папа, — глухо сказал Нюмчик и грузно опустился на свою кушетку.

Бер подошел к нему, Нюмчик попытался встать.

— Сиди, — Бер прижал к груди голову сына. Ему почудилось, время повернуло вспять. И его сын Нюмчик — не солдат, вернувшийся с войны, а мальчишка-подросток, прибежавший с улицы.

А Рут замерла, сцепив руки, — ей казалось, что все это сон. «Что стоишь? Ему помыться нужно. Грей воду!» — услышала она, словно издалека, голос Бера и бросилась разжигать плиту, таскать со двора воду, готовить ужин. А на уме было одно: «Геля!». Наконец, Рут решилась и, улучив минуту, подозвала Бера:

— Беги к ней, — сказала шепотом, — живая или мертвая, чтоб была здесь вместе с мальчиком и всеми своими бебехами.

С этого дня в её душе поселилась птица радости. Она будила ее среди ночи своим щебетом. И Рут, затаив дыхание, прислушивалась к тихому посапыванию за ширмой, где обосновалась семья Нюмчика. «Готыню, — возносила она молитву благодарности, — неужели для

того Ты водишь нас по бескрайней пустыне горя, чтобы мы знали цену счастью?» — и смотрела бессонными глазами в темную ночь. Ей казалось, что ее жизнь теперь лишь только начинается. Она не чувствовала ни груза прожитых лет, ни горечи прошлых обид. «Все теперь будет хорошо, — шептала Рут как заклинание, — больше я не буду тебе надоедать, Готыню, своими просьбами. Главное, Ты мне вернул его живым».

Через неделю Нюмчик, надев сапог Бера и, начистив его до зеркального блеска, пошел устраиваться на работу. Он не вернулся домой ни вечером, ни утром следующего дня. Рут нашла его через трое суток около пивной. Нюмчик валялся в грязи. Увидев ее, заплакал пьяными слезами:

— Они сказали мне: «Вы поменяли фамилию, но вы — еврей, а евреев немцы в лагерях расстреливали в первую очередь. Как вам удалось уцелеть? И где потеряли ногу? Говорите, в партизанском отряде на территории Словакии? Но у вас нет свидетелей».

Рут привела его домой. Помыла и уложила спать. Через неделю он снова пошел устраиваться на работу и снова пропал. Это продолжалось год. Наум ходил из кабинета в кабинет, стучал протезом, доказывая свое право быть учителем.

— Ты кончишь тюрьмой, — однажды сумрачно процедил Бер, — эта власть считает себя самой справедливой на свете. Она не прощает, когда ей под нос тычут ее дерьмо.

И снова Рут тревожила Бога своими мольбами: «Готыню! Неужели моему сыну суждено умереть как последнему пьянице под забором». Она даже решилась без ведома Тойбы поговорить с Тимошкой. Но тот смутился:

— Мама, не просите. Я не помощник вам в этом темном деле.

— Оставь его! — кричал Бер, каждый раз, когда она приволакивала сына домой.

— Сколько ты будешь с ним носиться? Хватит! — пламенела от гнева Тойба, с детства не прощавшая брату родительской любви.

А Нюмчик продолжал искать справедливости, снова и снова обивая пороги, снова и снова выслушивая: «Мы не можем допустить вас к детям!». Потеряв всякую надежду, запил и переселился в развалюху на окраине, прибившись к своему бывшему однополчанину, ослепшему после контузии. Опять, как в прежние времена, Рут спешила к нему, неся через весь город полную кошелку домашней стряпни. Робко постучавшись, открывала скрипучую щелястую дверь хибары, её обдавало смрадным спертым воздухом. При виде матери Нюмчик свирепел, гнал её домой. А Геля так ни разу к нему не наведалась, а вскоре снова ушла на квартиру. И до Рут дошли слухи, что с кем-то сошлась.

Через год Нюмчик внезапно опамятовался.

«С этой властью у меня все кончено!» — сказал он и сел за сапожный верстак. Рут угрозами и посулами опять вернула Гелю в свой дом. Бер молчал, точно каменный. Рут металась между ними, пытаясь сгладить все углы. Забросив ремесло, взялась за хозяйство. Готовила ли еду, мыла ли, стирала — каждую минуту вслушивалась в голоса мужа и сына. В душе она понимала, что под одной крышей этим двум мужчинам из рода Ямпольских не ужиться. И дело не только в Геле. Хотя и в Геле тоже. А если нет, то почему Бер ночью, едва заслышав шорох за ширмой, вставал и, громко шаркая ногами, начинал ходить по комнате?!

— Что ты сторожишь их? — однажды не выдержала Рут, — они муж и жена перед Богом и людьми. Или решил всю оставшуюся жизнь стоять со свечкой у их постели? — и язвительно засмеялась.

Бер ничего не ответил. Лишь обжег ненавидящим взглядом. Вот тогда Рут решила разрубить этот узел. На помощь пришла рябая Поля. Через неделю жилье для Нюмчика и Гели было найдено. Комната с выходом на улицу, и место удачное — возле вокзала. Хозяин, старый горбун с мятым морщинистым личиком, бывший часовщик, запросил столько, что у Рут голова закружилась. Она начала было торговаться, но горбун твердо стоял на своем:

— Если б не Полина — я б с вами не связывался. Мне от таких квартирантов — одно беспокойство и риск. Опять же дворника, участкового, управдома — всех надо подмазать. Так что ни рубля не уступлю. И плата — за год вперед.

Теперь нужно было раздобыть деньги. И Рут пошла к Купнику, вору и пройдохе, к которому, будь её воля, не подпускала бы Бера и на пушечный выстрел.

— Мадам Ямпольская? — от изумления лошадиное лицо Купника вытянулось и стало еще длиннее, — что вы! Откуда такие деньги? Я бедный человек, если что-то и имею на черный день, то не могу рисковать последней копейкой!

Но школа базара многому научила Рут. И Купник, не выдержав осады, сдался, хотя процент заломил грабительский. Через день Нюмчик с семьей переселился на Вокзальную улицу, а Рут снова схватилась за свое ремесло и начала отрабатывать долг, дрожа над каждой копейкой и понукая Бера, который не то потерял интерес к работе, не то просто начал сдавать — в ту пору ему уже перевалило за шестьдесят.

— Помнишь, как кричал по утрам на свою клячу Борух: «Или ты тронешься с места, или сдохнешь!»? — однажды невесело усмехнулся Бер. — Мне кажется, что эта кляча — я, а ты всё тычешь мне в бок кнутом и приговариваешь: «Работай, работай, Бер!».

— Человек работой искупает свои грехи, — Рут отодвинула в сторону сапожный крой и начала простегивать стельку. Последнее время, едва отдышавшись от базара, хваталась за пошив домашних тапочек, —

работа — это искупление греха перед Всевышним, перед близкими и родными. Как еще можно искупить грехи?

— Я знаю? — глухо пробормотал Бер. — Но если так, то стучать мне молотком до второго потопа. Ты этого хочешь, Рут?

Она засмеялась, лицо ее порозовело и в рамке выбившихся из-под круглого гребня волос вдруг показалось Беру молодым и красивым. Он подумал, что Рут из тех женщин, которые обретают красоту к старости, словно яблоко, набравшее сок. «А ведь на нее, наверняка, заглядываются», — шевельнулась ревнивая мысль.

Рут, которую Бер когда-то взял за руку, чтобы вести по дороге жизни, теперь шагала так уверенно, так широко и размашисто, что сам он едва поспевал за ней. Она каким-то безошибочным чутьем, сохраняя себя, выбрала тактику приспособления к этому миру, полному опасности и страха. Он же чувствовал себя опустошенным и безразличным ко всему. Казалось, силы, отпущенные ему природой, уже на исходе. Метания, глухое сопротивление этой безумной власти, погоня за молодостью исчерпали его чуть ли не до дна. Он познал свои победы и свои поражения. И теперь ему хотелось тихо дожить отпущенные годы и достойно встретить смерть.

Ты, взымающий долги наши, получаешь их с человека с ведома и без ведома его.

Дела Наума быстро пошли в гору. Он не только сам расплатился с Купником, но еще купил себе коверкотовый костюм и кепку-шестиклинку, Геле — габардиновый плащ, а мальчику — матроску. По тем временам это было признаком большого достатка, и Рут оставалось лишь радоваться счастью сына. Тем более, что по его настоянию Геля уволилась из парикмахерской. Рут возликовала: «Теперь она будет все время у него на виду — вести хозяйство, смотреть за ребенком». Но вместо этого сын послал жену разносить по домам починенную обувь и собирать заказы. Это нововведение, до которого не додумался ни один сапожник в городе, сразу принесло ему хорошую славу и уйму заказчиков.

А потом исчез старик, хозяин квартиры. Геля сказала, что горбун приболел, затосковал и уехал насовсем к дочери, оставив им ещё одну комнату. Это была неслыханная удача, потому что в городе после войны каждый квадратный метр жилой площади был едва ли не на вес золота. Люди ютились в подвалах и на чердаках. Самовольные пристройки лепились к домам, как ласточкины гнезда. Чуть ли не каждая комната, разделенная тонкими фанерными перегородками, давала приют нескольким семьям.

Вскоре Науму удалось выхлопотать ордер и он стал законным хозяином всей квартиры. А в конце августа Эле купили скрипку и послали

в лучшую музыкальную школу города, где учились одни вундеркинды и дети высокого начальства. Это насторожило Рут:

— Зачем тебе лишние разговоры? — пыталась она урезонить Нюмчика, — хочешь музыку, пусть будет музыка. Найми человека. Разве нельзя учить мальчика дома? Ты не знаешь, какие люди вокруг? Они готовы из зависти утопить любого в ложке воды.

Нюмчик вздернул плечами:

— Почему Тимошкины дочери могут ходить в эту школу, а мой сын — нет? — в голосе его прозвучала застарелая неприязнь.

— Что ты цепляешься к Тимошке? Каждый живет, как может, — занервничала Рут, ей уже раз приходилось гасить тлеющие угли враждебности между зятем и сыном.

— Угу, — со злой усмешкой сказал Наум, — я на фронте воевал с немцами, он — в тылу с бабами; сейчас я людям сапоги тачаю, а он им дела шьет, — и вдруг победно усмехнулся, — мне теперь плевать на него. Видишь эти лаковые туфельки? Они сделаны по мерке. Знаешь, кому я их завтра отнесу? Жене самого Турина!

— Турина?! — ахнула Рут, — разве он женат?

— Да. Уже около месяца. Привез себе панночку с родины.

— Откуда ты его знаешь? Он ведь к себе и близко никого не подпускает.

— До войны соседями были. Он в Фастове был механиком машинно-тракторной станции. Я с его невестой в одной школе работал. Потом встретились в окружении, под Смоленском. Попали в плен. Нас погрузили и повезли в лагерь. Ему по дороге удалось бежать, мне — нет, — Наум посмотрел исподлобья и махнул рукой, — а-а, хватит, не хочу опять ворошить!

— Остановись! Что ты затеял! — вскинулась Рут. — Сегодня он возьмет эти туфли, а завтра испугается и продаст тебя с потрохами.

— Поздно ему пугаться. Он ведь это дело с пленом скрыл. Когда увидел меня, чуть дуба не дал, — недобро усмехнулся Наум. И вдруг вспылил. — Я не мальчик! Хватит меня учить! А ты держи язык за зубами. Смотри, не проболтайся отцу!

Но Рут и не пыталась делиться своими опасениями с Бером. Когда речь заходила о Нюмчике, муж или угрюмо отмалчивался, или с яростью резал:

— Пусть живет своим умом!

А тут еще рябая Полина, встретив однажды Рут, кивнула на свою кошелку и, будто невзначай, проронила:

— Вот передачку Егору-горбуну собрала: сальца, чесночка, пряничков. Письмо прислал. Пишет: «Оголодал. Еле ноги таскаю». И помочь некому. Один, как перст.

— А дочь? Он ведь к дочери перебрался! — удивилась Рут.

— Тюрьмой зовется его доча, — отрезала Полина.

— За что его? — выдохнула Рут.

— А кто знает? — пожала плечами Поля. — Разное болтают. То ли часы немцам чинил, то ли золотишком подторговывал. То ли не поладил с кем. Да ты у своих спроси, — со значением посмотрев Рут в глаза, пропела льстивой скороговоркой:

— Люди говорят, сынок твой силу набрал. Егор кланяется ему, — и пошла, не оглядываясь.

Рут застыла, словно оглушенная, глядя, как высокая жилистая фигура Поли мелькает среди базарной толпы. А потом, не чуя под собой ног, кинулась к сыну.

— Что вы со стариком сделали?! — выкрикнула Рут, увидев сестру.

— Какое тебе дело?! — втянув ее в комнату, прошипела Геля. — Твой сын ногу потерял на войне, а Егор во время оккупации как сыр в масле катался. Разве это его квартира? Он ее при немцах захватил. Здесь Коганы до войны жили. Я знала их дочь. Она у нас в парикмахерской себе перманент делала...

Но тут послышались неровные шаги Нюмчика, и Геля сказала будничным голосом:

— Чай будешь пить?

В ответ Рут лишь горестно покачала головой.

6

Было начало шестидесятых. В стране внезапно повеяло духом вольности. И город насторожился. Старики, чудом пережившие революцию и погромы, войну и голод, прямые потомки купцов, моряков, ремесленников и прочего свободного люда, населявшего в былые времена этот портовый город, опасливо гадали, долго ли это протянется. Они давно похоронили и надежды, и юность. А вместе с ними — прошлое города, построенного по плану эмигранта из Франции, истосковавшегося в этой дикой глуши по изысканности Пале Рояля и Тюильри. Но минувшее не умерло. Оно притаилось в старых названиях пляжей, улиц и предместий. Оно ждало своего часа в обветшавшей лепнине родовых гербов, в завитках чугунных решеток, доставленных кораблями из Италии, в чашах давно иссякших фонтанов. Но главное — оно не иссякло в крови горожан, чьи предки с разных концов света пристали к этому берегу в поисках лучшей жизни. И когда настал час, пробудилась память о былом достатке и воле. О временах изобилия порто-франко и забубенных годах нэпа. Город очнулся. Забурлил. Как корни акаций и платанов, напитавшись соками тучного чернозема, по весне пробивают броню асфальта, так один за другим начали появляться артели и кооперативы. Лотки и будочки запестрели расписными деревянными ложками, обливными глечиками, разноцветными женскими заколками, дешевыми

брошками, бусами и той бесценной мелочевкой, без которой в хозяйстве как без рук. Кто были эти первопроходцы, поверившие в новый порядок? Наследники жизнелюбов, авантюристов и любителей легкой наживы. Трудяги, в ком играла сила, в ком власть так и не смогла вытравить дух свободы и стойкую ненависть к подневольному хлебу.

Наум с его неуемностью кинулся в самую стремнину нового времени. Весть об этом в родительский дом принесла Тойба:

— Вы только посмотрите, что придумал ваш любимчик, — она протянула Беру листок из школьной тетрадки в косую клетку.

— «Обувь — любая. Починим за час. Качество — экстра. Заходьте до нас», — вслух прочитал Бер, и его брови недоуменно поползли вверх.

Тойба выхватила листик:

— А как вам нравится эта подпись — «Артель "Вольный ветер"»?! — она язвительно засмеялась. — Все столбы обклеены этими бумажками. Очередной фортель Нюмчика. Он собрал со всего города сапожников-инвалидов войны, договорился с кожевенной фабрикой на брак и обрезки — всё, что раньше вывозили на свалку. Его артельщики сидят на самых бойких местах. И уже начали чинить обувь за такую смехотворную цену, что другим сапожникам просто нечего делать — материал-то у артельщиков даровой! Люди теряют из-за него кусок хлеба. Но Нюмчику — море по колено. Он никого не боится. Спрашивается, почему? — Тойба подбоченилась.

— Это твой брат, — попыталась образумить ее Рут.

В ответ Тойба только зло прищурилась:

— Мама, он один такой умный? Тимошка правильно говорит, кто-то его прикрывает.

— Что ты болтаешь?!

Но Тойбу было не остановить:

— Мама, он деляга. Такие, как Нюмчик, сейчас живут припеваючи, а честные люди не могут свести концы с концами. Увидите, скоро он доберется до этого района.

От бедности Тойба считала теперь каждую крупинку в супе. Она работала приемщицей в швейном ателье, и ее зарплаты едва хватало на неделю. А Тимошка в эти бурные времена, внезапно потеряв прежнюю службу, а вместе с ней погоны, оклад и паек, с трудом определился на литейный завод подсобным рабочим. Сам он относился к перемене судьбы безропотно, с пониманием. И считал делом временным:

— Сейчас начальство как бы в дурачка играет. Всю мелкую карту, вроде меня, сбросили, а козыря придерживают и выжидают. А потом как шарахнут! Вот тогда посмотрим, чья возьмет, — пытался объяснить он Тойбе.

Но для нее любое выжидание и промедление было хуже смерти. Ее пылкий характер требовал действия. Тойба рвала и метала, грозя веснушчатым кулаком:

— Власть называется! Распустила, дала свободу. Раньше этот сброд пикнуть не смел.

Бер, как всегда, молчал, лишь изредка одергивал дочь:

— Не лезь в эти дела. Ворон ворону глаз не выклюет. Все они одним миром мазаны. И помни, если у кого-то убудет, тебе не прибавится. Довольствуйся тем, что имеешь.

А Рут проклинала тот день и час, когда одолжила у Купника деньги: «Знала, что нельзя брать у вора. Вот они и принесли в дом несчастье». Хотя положа руку на сердце, понимала — дело не в Купнике, а в необоримой беспокойной крови, текущей в жилах Ямпольских. И чуяла: главная беда впереди.

А тут еще Геля, быстро войдя во вкус больших денег, купила себе каракулевую шубу с муфтой, золотые часы и завела привычки богатой женщины: на базар ходила в полдень, покупала самое отборное, не торгуясь, и ездила на такси. Вдобавок ко всему в доме появилась приходящая женщина, на которую переложила все хозяйство.

— Нюмчик еще пожалеет, что влез в это дело. А Геля не пропадет, она не из таких, — злобствовала Тойба, у которой и в добрые времена не было такого достатка. Ведь на Тимошке висела еще одна семья, и все свои доходы он скрупулезно делил поровну.

— Геля — как курица, ей бы только под себя грести! — вторила сестре Мирка, — разве у нее когда-нибудь болела душа за Нюмчика? А он доиграется! — причитала она.

Рут из последних сил пыталась примирить своих детей.

— Оставь их в покое, — урезонивала она Мирку. — Живи своей жизнью. Чего тебе не хватает?

Именно в эти неспокойные времена Мирка, наконец, обрела мир и счастье под кровом мамы Рэйзл, хотя квартира Кобыливкеров теперь больше смахивала на склад. Во всех ее углах, даже в супружеской спальне Мирки и Боруха, топорщились тугие мешки, набитые семечками подсолнечника. А в воздухе витал необоримый дух маслодельного завода. Мама Рэйзл, притихшая было после мытарств военных лет, внезапно вновь воспряла духом. Бросив все хозяйство на Мирку, она на трех неиствующих примусах и чадящем керогазе жарила крупные полосатые семечки. Ранним утром, когда рассвет неслышно крался по улицам спящего города, у дверей квартиры Кобыливкеров выстраивалась очередь старух с полотняными мешочками, сшитыми из старых простыней и наволочек. Семечки южного сорта «Первомайка», которые мама Рэйзл продавала мелким оптом, были лучшие в округе. Среди них никогда не было пустых или прошлогодних, высохших или прогорклых. Она взвешивала наполненные мешочки на позеленевших от времени весах, орудуя медными гирями, чудом уцелевшими во всей этой мировой круговерти, принимая взамен мятые рубли. И старухи располза-

лись по городу. Прихватив из дома маленькие граненые стаканчики, складные стульчики и старые учебники внуков для бумажных фунтиков, они садились у своих ворот и торговали калеными семечками мамы Рэйзл. Сама она в это время металась по городским и фабричным столовым, где за бесценок скупала у посудомоек и поваров объедки и остатки. Городской дурачок Минька, нанятый ею на условиях сдельной оплаты, погрузив бидоны с этим добром на тачку, развозил его по домам Слободки — района, где жили крепкие хозяева. Здесь в пристройках и сарайчиках, пользуясь внезапной слабиной власти, люди завели поросят, кур, гусей и другую живность.

Все эта бурная деятельность, включая оптовую закупку «Первомайки», начисто отвлекла внимание мамы Рэйзл от сына. И Мирка впервые за время супружества почувствовала себя женой и хозяйкой. В ней даже затеплилась надежда стать матерью. Как ни странно, мама Рэйзл стала ее верным союзником. Каждый месяц проницательный взгляд свекрови вонзался в Мирку. Та виновато опускала глаза, и тогда мама Рэйзл кидалась к двери супружеской спальни:

— Сколько я еще могу ждать?! — грозно вопрошала она. — У меня есть штука бязи. Я приготовила ее на пеленки своему внуку. Но, видно, мой сын хочет, чтобы мне пошили из нее саван, — и, стуча маленьким кулачком по косяку, начинала причитать, — где мой интерес в жизни? Зачем я бьюсь как рыба об лед?! Зачем разрываюсь на части?! Я родила тебя, ты — мой капитал. Но где процент на этот капитал?! Где мой внук?!!

Обычно, Борух отмалчивался, но иногда из спальни доносился его придушенный крик:

— Не садитесь мне на шею, мама! Имейте терпение! Не торопите меня!

И тогда Рэйзл отскакивала от двери с проворством юной девушки.

Она хорошо помнила, как в 43-м с криком «Не садитесь мне на шею! Не торопите меня!» Борух выскочил из закутка, где начинял бутылки гвоздями и зажигательной смесью. В руке у него была граната.

— Ну, кому тут невтерпеж? — тихо спросил Борух.

И командир партизанского отряда Зюня, биндюжник и матерщинник, попятился назад:

— Тю! Сказился, чи що? — крикнул он, осторожно плюнул себе под ноги и ушел.

С этого дня на Боруха уже никто не смел наседать, тем более что взрывчатка, изготовленная им, никогда не подводила. «В конце концов, — успокаивала себя мама Рэйзл, ретируясь на кухню к семечкам и примусам, — мальчик знает, что он делает».

Одни, покоряясь времени, подлаживаются к нему. Другие, словно лихие наездники, пытаются его взнуздать, подстегнуть, направить по

своему пути. И лишь самые мудрые не верят времени, даже когда оно улыбается им. Они не забывают о его разрушительной силе.

И настал час, когда Наум пришел к Беру и сказал:

— Папа, я хочу, чтобы ты начал работать в моей артели. На примете есть надежный инвалид. Сделаю ему патент. Посажу на твое место, ты будешь за ним присматривать, а выручка — поровну. Милицию, исполком беру на себя. Они у меня теперь здесь, — и он похлопал себя по карману, не замечая, как у Бера начало багроветь лицо.

— Зачем мне эти фигли-мигли? — Бер с показным равнодушием пожал плечами. — Или ты считаешь, что я уже не могу зарабатывать себе и маме на хлеб с маслом?

— Кто говорит о хлебе с маслом? — досадливо передернул плечами Наум. — Вопрос о деле. Разве ты не видишь, что клиенты уходят от тебя? В твоей округе уже правит балом Ничипорук.

— Ну и что? — вмешалась Рут, — работы всем хватит. Или ты считаешь, что дети Ничипорука не должны кушать?

— Пусть о них голова болит у советской власти, — отрезал Наум. — Мне нужно укрепиться здесь, тогда все главные точки города будут у нас в руках и мы сможем диктовать цены.

— Кто это «мы»? — язвительно спросил Бер. — Лично мне ни к чему эта канитель. А тебе все еще мало денег? Ты хочешь откусить больше того, что можешь проглотить. Смотри, не подавись!

— При чем тут деньги? — Наум с раздражением откинулся на спинку стула. — Я что, могу есть за семерых или носить сразу семь костюмов?! Разговор идет о деле. Оно требует размаха. Нельзя останавливаться на полпути. Иначе дело рано или поздно умирает. А насчет денег ты здорово ошибаешься, папа. Деньги нужны для дела. Деньги — это свобода. У тебя таких денег никогда не было. Ни денег, ни власти над людьми. Твои три сопливых деревенских подмастерья не в счет. Тюкал ты молотком с утра до вечера, перебивался с хлеба на воду. Показывал советской власти всю жизнь кукиш в кармане. Но плевать она хотела на тебя.

— Ну и ну! Посмотрите на этого фабриканта! На этого нового Бродского! — перебила Рут и с деланной беззаботностью рассмеялась, словно весь опасный разговор был просто шуткой.

Но Наум упрямо наседал:

— Так что, ты решил папа? Сколько еще можешь работать? Год, от силы два! И место окончательно уйдет от меня. Или я должен буду за него втридорога переплачивать, чтобы сковырнуть Ничипорука.

— Хватит! — закричал Бер. — Ты пришел меня хоронить?

— Я пришел с тобой поговорить о деле, папа, — ответил побледневший Наум.

— Слышишь, — Бер повернулся к жене, — этот кацап Колька Вольский называет меня папой. Меня, жида Берку Ямпольского, — привстав со стула рывком сорвал с головы замусоленную кепку, — ай, яй, яй! Какая честь! — и вдруг завизжал пронзительным тонким голосом: — Мать покрывает тебя! Думаете я не знаю о Турине?! Иди, донеси на меня! Законопать в тюрьму как этого горбуна Егора! Тогда это место станет твоим!

Наум недобро сузил глаза:

— Ты меня Туриным не попрекай. Такие, как он и Тимошка, всю жизнь толкали меня на дно. Вначале из-за того, что я сын еврея-лишенца, потом из-за того, что с войны вернулся живой. Что мне делать? Водку пить?! Валяться под забором?! Пробовал — не мое это. Я работать хочу! Мне свобода нужна. Те, кто никогда не считал меня ровней, теперь кормятся из моих рук, я их с потрохами купил. Если уж жрать свинину, так чтоб по подбородку текло. Не я, так другой бы нашелся. Они продажные. И горбун той же породы. Жадность его сгубила. Хотел из меня сделать дойную корову. Но сейчас другое время.

— Время делают люди, — устало сказал Бер, — а люди не меняются. Как были зверьем, так и остались. А тебе в любом времени тесно будет. Главное для тебя — быть на виду, и для этого ты никого не пожалеешь: ни себя, ни свою семью, ни отца с матерью. С отребьем связался! И меня в этих делах запутать хочешь?!

Страх перед этой властью внезапно охватил Бера, и злоба, словно огонь, вспыхнула с неистовой силой.

— Вон отсюда! Чтоб ноги твоей здесь больше не было! — он начал выталкивать сына за порог.

— Бер! Опомнись! — вскрикнула Рут.

Но было уже поздно. Двое мужчин из рода Ямпольских стояли друг против друга, сжав кулаки. В их глазах полыхали ненависть и ярость.

— Папа, ты всю жизнь считал, что тебе не будет сносу, — прохрипел Наум, — но ты уже старик. Твоя песенка спета. Думаешь, все эти годы я был слепой? — он недобро рассмеялся. — Нет! Просто на многое закрывал глаза. Теперь я с тобой поквитаюсь за все, Бер Ямпольский! — и вышел, гулко хлопнув дверью.

Наум сдержал слово. Через месяц на противоположной стороне улицы, как раз против окна Бера Ямпольского, появилась фанерная будка. На одной ее стороне, обращенной к базару, красовалась кокетливая женская туфля, на другой — узконосый кавказский сапог. А над всем этим великолепием вилась размашистая надпись: «Ремонт с ноги. Срочно и дешево». Рут первая увидела будку. Произошло это ранним майским утром, когда она, проснувшись, подошла к окну и подняла железную волнистую, как стиральная доска, штору, которую Бер опускал на ночь. В первый миг ей почудилось, что это продолжение сна.

Словно пытаясь отгородиться, она с силой потянула штору вниз. Та опустилась с мягким рокотом. Рут, сжавшись, стояла в кромешной тьме.

— Что случилось? — донесся до нее осипший со сна голос Бера. Он встал с постели, зашлепал босиком по полу и отстранил ее от окна.

Штора с тихим визгом снова взмыла вверх. В дверях будки в рабочем комбинезоне стоял Наум.

— Ну, что молчишь? Радуйся! — недобро усмехнулся Бер. — Теперь целыми днями можешь любоваться на своего сыночка!

Несколько дней Бер ходил чернее тучи. Подолгу где-то пропадал. Но однажды пришел откуда-то со своим старым потрепанным чемоданом и, когда открыл его, Рут ахнула — чемодан был доверху наполнен сапожным кроем.

— Где ты это взял, Бер? — тихо спросила она. — Опять у Купника?

— А хоть бы и так, — ответил Бер, раскладывая на столе крой.

— Ты решил на старости лет стать вором, Бер? Ты не знаешь, чем все это может кончиться? — устало сказала Рут.

— Мне эта кожа досталось даром?! — взвился Бер. — Это твой сын подкупил всех и берет ее со склада даром. А я заплатил втридорога. У кого я украл? — он стукнул по столу кулаком. — У государства? А почему оно мне не продает эту кожу? Потому что знает, я один сделаю из нее туфли лучше, чем вся их фабрика. Посчитай, сколько раз это государство обокрало меня! Разве каждый месяц мне не выворачивают карманы — налоги, заемы, патент! Не считают каждый кусок хлеба, который кладу в рот? А что я получил взамен? Свободу? Достаток? Я не хозяин себе! Всю жизнь проработал! Покажи, что нажил! А теперь ты хочешь, чтобы подбирал крошки со стола этого выродка?! — Бер бросил яростный взгляд на сапожную будку за окном. — Твой сын думает, что купил эту власть. Нет! Сам с потрохами ей продался, — Бер обдал ее горячим прерывистым дыханием.

Рут, молча потупилась. Разве могла она ему рассказать правду о своем унижении и позоре? О том, что бегала к сыну на Вокзальную? Плакала, умоляя закрыть эту злосчастную будку? Но Нюмчик упрямо стоял на своем: «Мама! Не проси! Я слишком дорого заплатил за это дело, чтоб бросить все на полпути». У самой двери начал поспешно совать ей в сумку мятые пятерки и трешки. «Хочешь откупиться? — тихо спросила Рут, отталкивая его руку. — Ты привык откупаться, Нюмчик! Теперь вся твоя жизнь — это только деньги. Ты знаешь, что все сапожники города боятся тебя и не хотят с тобой иметь дела?» Он отшатнулся: «Кто тебе это сказал? Отец?!». «Какая разница?» — уклончиво ответила Рут и вышла, не прощаясь.

А Бер снова, в который раз, начал новую жизнь — жизнь подпольного сапожника. Он снял вывеску «Ремонт обуви», и вынес из тамбура свой сапожный скарб. Днем слонялся по дому, отсыпался. Но едва на

улице начинало темнеть, как наглухо закрывал ставни в тамбуре, опускал железную штору и принимался за работу. Иногда, проснувшись на рассвете, Рут слышала, что кто-то тихо скребется в дверь. Сквозь полусмеженные веки видела, как Бер поспешно укладывает в чемодан несколько пар румынок — коротких щегольских ботиночек, отороченных меховой опушкой, от которых женщины в ту пору сходили с ума. Потом до нее доносились приглушенный шепот, чуть слышная возня, тихий звон дверной цепочки, щелканье замка. И Бер снова возвращался в комнату. Обычно, садился к столу и, помусолив палец, пересчитывал деньги. Затем, тщательно обернув газетой и перевязав бечевкой, прятал в ящик кухонного стола. Никогда ни в чем не доверявший власти, Бер не признавал сберегательных касс. Рут притворялась спящей. Но он, чувствуя на себе ее взгляд, наливался раздражительностью и злобой.

— Что опять не так? — хмуро спрашивал Бер. — Другие женщины работают и поют, а ты кушаешь и плачешь! Скажи, чего тебе не хватает?

— Покоя, — тихо роняла Рут.

Все это тянулось больше года. Однажды Рут чуть ли не лицом к лицу столкнулась на улице с сестрой. Хотела пройти мимо, но Геля схватила ее за руку:

— Послушай, сколько Нюмчик будет подставлять свою голову из-за Бера? Сколько будет его выгораживать? — глаза Гели от волнения переливались небесной голубизной. — Ему уже сказали: «Мы вас ценим, но или ваш отец кончит это дело, или мы возьмемся за него».

Рут вырвала свою руку из цепких пальцев Гели:

— Иди сообщи ему сама! Ты с ним хорошо знакома.

— Забудь об этом! Мне просто всегда его было жалко. Что я могла сделать? Он ходил за мной по пятам, не давал мне прохода. Ты это видела! — голос Гели дрогнул, и она прижала стиснутые кулаки к высокой груди.

— Ты перепутала, Геля! Я — не Нюмчик! Передо мной не надо плакать и каяться, — презрительно засмеялась Рут и пошла, не оглядываясь.

А поздним вечером пришел взволнованный Купник. Они о чем-то долго шептались с Бером. Уходя, Купник кивнул Рут:

— Сапожники нашего города просили передать вашему сыну, что они рады бы молится за его здравие, да только не знают какому богу. Он ведь у вас, кажется, русский? — лицо Купника сморщилось в злобной ухмылке.

После его ухода Бер, не говоря ни слова, начал лихорадочно собирать в чемодан обрезки кожи и заготовки.

— Приготовь мне деньги и белье, — отрывисто приказал он.

— Куда собрался? — бросилась она к мужу, но он, поведя плечом, резко отстранился от нее. — Неужели поверил, что Нюмчик доносчик? Это же наш сын!

— Женщина, — прохрипел Бер, — ты прожила жизнь зря. Ты не знаешь, на что способны люди, когда спасают свою шкуру. Эта власть поймала твоего сына на крючок и затребовала его душу, — в дверях он кивнул на мешок с сапожным скарбом, — вынеси на базар. Продай. Мне больше не понадобится. Я свое отработал. И чтоб дома не было лишней копейки! Спрячь деньги у Мирки.

Домой Бер вернулся через несколько дней — похудевший, осунувшийся. Казалось, пружина жизни, глубоко спрятанная в его нутре, внезапно сломалась, а вместе с ней надломился и сам Бер. Он как-то быстро и заметно начал стареть. Лето прожил словно неприкаянный: вставая чуть ли не на рассвете, тотчас уходил из дома и возвращался лишь к вечеру, когда южная, темная, как загустевшие чернила, ночь опускалась на город.

— Где ты ходишь целыми днями? — однажды упрекнула его Рут.

Он исподлобья посмотрел на нее:

— Хочу научиться жить беззаботно, как граф Потоцкий. Гуляю, смотрю, как другие люди живут...

Внезапно выкрикнул с раздражением:

— Спроси: «тебе весело, Бер?»!

Рут послышались в его голосе слезы. Она потянулась, было, к нему. Но он, резко оттолкнув ее, лег на кушетку и повернулся лицом к стене.

Однажды днем, когда Бера не было дома, прибежала Тойба. Пылая искрами веснушек, закричала:

— Мама! Я видела сегодня горбуна! Он ходит по базару и просит милостыню!

Было время реабилитаций и амнистий. Рут с показным безразличием пожала плечами:

— Ну и что! Сейчас многие возвращаются!

— Тимошкин друг говорит, что горбуна посадили по доносу Нюмчика! Это позор для всей семьи! А папа! Он стал как тень. Клянусь, эта будка больше не будет здесь стоять! Я своими руками порубаю ее на куски, — через открытое окно она метнула испепеляющий взгляд на противоположную сторону улицы.

— Сядь и успокойся! Не подливай масла в огонь. И не болтай, чего не понимаешь. Мало ли что говорят друзья твоего Тимошки. У них самих рыльце в пуху, — строго прикрикнула Рут, стараясь не показать сумятицы, что творилась в ее душе.

— Тимошку не трогай! Это человек кристальной честности. Ты кого хочешь очернишь, лишь бы своего сыночка выгородить, — с внезапной злобой воскликнула Тойба, — потому что он тебе родной!

И перегнувшись через широкий подоконник, вдруг зычно крикнула на всю улицу:

— Нюмчик! Кацап! Не прячься! Выходи! Я хочу плюнуть в твою бесстыжую рожу!

На глазах Рут разрушалось то, чему она посвятила всю свою жизнь — её семья.

Едва за Тойбой захлопнулась дверь, Рут кинулась к кухонному шкафчику. В верхнем ящике, под клеенкой, поверх которой были набросаны алюминиевые вилки с недостающими зубцами, обломки точильного камня и обрывки стертой наждачной бумаги, еще оставалось несколько пачечек денег. Она выбрала на ощупь самую тощую из них. Сорвала бечевку и бумагу. Не пересчитывая, положила в карман и, прихватив кошелку, кинулась на базар. Еще издали увидела нескладную фигуру горбуна. Было жарко. Но он был в рваном ватнике, на голове топорщилась ушанка. У его ног, на расстеленной в пыли газете, лежала коробка. На дне ее — горстка монет.

— Подайте, кто сколько может, — выпевал горбун гнусавым дребезжащим голосом.

Поравнявшись с ним, Рут тихо сказала:

— Здравствуйте, Егор! — и вынула из кармана деньги, — возьмите! Это вам!

Горбун отшатнулся, закинув голову, посмотрел на нее, крохотное мятое личико покрылось испариной. Придерживая шапку рукой, кинулся бежать, задыхаясь и выбрасывая вперед негнущиеся ноги. Ее рука с деньгами повисла в воздухе.

— Выживают человека из города. Не дают спокойно помереть, — послышалось за спиной Рут.

Не оборачиваясь, она побрела прочь.

К концу осени Бер совсем сдал. Он почти ничего не ел и целыми днями молча лежал на кушетке, вперившись в потолок. Лишь иногда в полдень, с трудом опираясь на палку, выходил в тамбур и долго стоял там, пристально вглядываясь в подслеповатое окошко. Однажды Рут, подкравшись, выглянула из-за его плеча на улицу. Она увидела, как из будки появилась Геля с сыном. Ещё по-юношески долговязый и нескладный, посадкой головы и походкой мальчик разительно походил на Бера. Он был одет в темный костюм и белую рубашку с вольно, по-щегольски приспущенным галстуком. В одной руке нес скрипку в добротном обтянутым кожей футляре, в другой — букет роз. Они шли, о чем-то оживленно переговариваясь. Геля помахивала пустыми обеденными судками. Рут почувствовала, как в душе ее шевельнулась глухая ревность. «Эта мука кончится только со смертью Бера», — подумала она, и тотчас ужаснулась своей злобной мысли.

— Зачем ты следишь за мной, женщина? — не оборачиваясь, тихо сказал Бер, — неужели каждая минута моей жизни должна принадлежать только тебе?

— Наверное, сегодня у Эли был концерт. Хочешь я позову их? — пересиливая себя, виновато спросила Рут.

— Зачем? — устало ответил Бер и медленно поплелся к кушетке.

Натянув одеяло до подбородка, закрыл глаза и чуть слышно, словно во сне, пробормотал:

— У каждого своя жизнь и своя смерть.

7

Бера хоронили в первых числах января. На улице дул резкий пронизывающий ветер, сыпал сухой мелкий снежок. Люди, стоящие у свежевырытой могилы, прятали лица в поднятые воротники, зябко ежились, переступая с ноги на ногу, чуть слышно переговаривались. Рут повернулась к синагогальному служке:

— Начинайте!

Он смущенно потупился на миг, а потом, пригнувшись к ее уху, сказал:

— Этот мужчина хочет прочитать кадеш. Говорит, что сын покойного, — служка деликатно кивнул в сторону Наума, что стоял поодаль с непокрытой головой и, бросая на мать умоляюще-настороженные взгляды, комкал в руках серую каракулевую шапку.

Рут, очнувшись от горестных мыслей, машинально окинула взором Нюмчика. На миг этот человек в длинном добротном кожаном пальто показался ей чужим. Но через секунду их взгляды скрестились, и, отвернувшись, Рут хрипло ответила:

— У покойного не было сына. Это кладбищенский нищий. Начинайте!

Сегодня чаша твоей жизни полна до краев, но придет час, она опустеет до дна. И тогда ты возопишь: «За что, Господи?».

Теперь, когда Рут осталась одна, она старалась как можно реже выходить из дому. А если уж приходилось, то шла потупившись, стараясь ни на кого не глядеть. Ей всюду чудились насмешливые, косые взгляды и шепот за спиной: «Посмотрите, это его мать». Ее сжигал стыд за Нюмчика.

Со смертью Бера между нею и дочерьми пролегло отчуждение. Изредка и ненадолго забегала вконец измотанная Мирка, потерявшая голову от долгожданного материнства. Близнецы, мальчик и девочка, росли болезненными и капризными. А Тойба начала избегать Рут. Проходя мимо, стучала в окно, и когда Рут выглядывала, махала ей рукой: «У меня все в порядке, мама». И тут же исчезала. Но по ее лихорадочно блестевшим глазам, по ее нервной веселости Рут понимала: с ней происходит что-то неладное.

Под Новый год Тойба принесла торт и вино. Вместе с ней пришел грузный седой мужчина много старше ее. Суетливо разлив вино по рюмкам, Тойба торжественно сказала:

— Мама, выпей за наше счастье. Это мой муж Лев Вениаминович. Персональный пенсионер и преподаватель истории партии. Человек кристальной честности.

Ошеломленная Рут молчала. Тойба, не давая никому проронить ни слова, сообщила скороговоркой об извилистом пути его жизни, пролегшем через царскую и сталинскую ссылки, о заслугах, о взрослых детях от первого брака. А через полчаса скомандовала:

— Лева, нам пора. Завтра у тебя лекция. Тебе нужно пораньше лечь спать.

Он послушно поднялся, она тщательно закутала его горло шарфом, надела на него меховую шапку с опущенными ушами, подала пальто. В дверях небрежно бросила:

— Через месяц переезжаем. Леве дали двухкомнатную квартиру в центре.

Рут из окна долго смотрела им вслед. Всё происходящее она воспринимала теперь отстраненно, без прежней боли и горечи. На душе у нее было пусто и пасмурно. Часами бессознательно перебирала десятки мелких вещей, которых изо дня в день касались руки Бера: потертый на сгибах кошелек, щипчики для сахара, старый потемневший от времени подстаканник, серебряную луковицу карманных часов. «Ну, Бер, — про себя шептала она, покачивая головой, — ты все-таки добился своего. Ты ушел от меня. Но скажи, в чем моя вина? Разве я не служила тебе все эти годы? Разве не обвилась вокруг тебя, как плющ? Но ты никогда не считал меня ровней себе ни в постели, ни в жизни. Ты всегда лишь терпел меня рядом с собой. Ты молчал, но я это видела по твоим глазам, я это чувствовала по твоему дыханию. Иногда мне кажется, что ты, Бер, навсегда остался мальчиком, которому не под силу оказалась моя любовь. Да, да, Бер, ты — мальчик. Помнишь, как любил гонять голубей, как заглядывался на ярмарке на красивых девушек, как убегал из дома? Взрослые мужчины так себя не ведут. Я думаю, будь жива Лея, тебе и с ней стало бы скучно. Потому что ты терпеть не мог будней, ты любил только праздники. И не вздумай отнекиваться, Бер! За те годы, что мы провели с тобой под одной крышей, я узнала тебя как свои пять пальцев. Странно. Но к Геле я теперь тебя совсем не ревную. Знаешь, почему? — губы Рут сложились в хитрую улыбку. — Наконец, поняла, что Геля — это я. Просто ты слишком долго примерялся, приглядывался ко мне. А когда опомнился — моя молодость уже ушла».

Случалось, она произносила вслух то или иное слово и вздрагивала от неожиданности, пугаясь своего голоса, отчетливо звучавшего в тишине комнаты. «Ты совсем рехнулась, Рут», — говорила она себе. Лихорадочно выдвигала ящик стола, сбрасывала туда вещи и запирала его на ключ. Теперь, когда она не должна была готовить, стирать, обихаживать больного, день казался бесконечно длинным и пустым. Иногда она подходила

к окну. Но взгляд неизменно упирался в сапожную будку, и тогда в душе вспыхивала ярость. «Посмотри, Бер, — беззвучно кричала она, — посмотри на дело рук твоих: наш сын стал чужим человеком! Кто стравил нас? Кто ожесточил его сердце? Кто подтолкнул на путь позора и несчастья? Ты! И не говори, что во всем виновата эта власть! Молчишь? Я знаю, тебе нечего сказать, Бер! Тебе самому жизнь была не в радость. Не твое это было время. А приноравливаться ты никогда не умел. Ни к людям, ни к временам». Рут окидывала безучастным взглядом комнату, садилась на кушетку и, сложив руки на коленях, ждала наступления вечера. Она рано ложилась спать, поздно и с трудом поднималась с постели. И, обращаясь к Богу, уже ни о чем не просила, а только жаловалась: «Ты сам видишь, Готыню, что значит прожить жизнь среди этих Ямпольских. Я знаю, в любви отдыха не бывает. Но я устала любить их, Готыню».

После смерти Бера, Наум вместо себя посадил в будку какого-то инвалида. И с той поры появлялся лишь изредка. Однажды, когда уже смеркалось, Рут увидела, как сын направляется к сапожной будке. Ей почудилось, что он стал хромать еще больше, и жалость пронзила ее. Она долго ждала, когда он, наконец, выйдет. Рут хотелось еще раз проводить его взглядом. Но, так и не дождавшись, уснула, прикорнув на подоконнике. А когда проснулась среди ночи, в будке горел свет. Узкий луч пробивался через ставни на улицу. Было так тихо, как бывает только заполночь, когда все погружено в глубокий сон. Ей стало не по себе. Выйдя из дома и неслышно перейдя через дорогу, Рут прильнула к щели между ставнями. При тусклом свете лампочки она увидела Нюмчика и Турина, сидящих друг против друга. Их разделял низкий верстак. Турин пересчитывал деньги. Потом, собрав в пачку, подровнял ее и положил в карман.

— С завтрашнего дня мы не знакомы, — донесся до Рут его резкий голос.

— Что случилось?! — вскинулся Наум, — ты хочешь больший процент? Думаешь, я все кладу себе в карман? Смотри, во что нам обходится материал и работа, — взяв обрывок бумаги и карандаш, начал поспешно писать на нем.

— Оставь свои расчеты! Они теперь не нужны! — резко оборвал Турин.

— Но я запустил пошив кошельков и сумок из обрезков кожи. Первая партия уже пошла в продажу. Это золотое дно, — убеждал Наум.

— Знаю, мне сообщили. С размахом работаешь, парень, тюрьма по тебе давно плачет. А у меня партийный билет, служба...

— Нет! Я так просто свое дело не отдам! — хрипло произнес Наум. — И будка оформлена на меня. Я здесь хозяин и никуда отсюда не уйду!

— Хозяин! — хмыкнул Турин. — Забыл, кто ты есть?! Сегодня ты хозяин, завтра — арестант. Всё! Сворачивайся! По старой дружбе даю месяц сроку! — Турин встал, резко отодвинув стул, и Рут отпрянула от будки.

Остаток ночи проворочалась в постели. Сон сморил лишь под утро. И приснился Бер — молодой, красивый, веселый. На руке у него сидела сизая голубка. Ее оперение в свете солнца отливало стальной синевой. А когда пристально вгляделась, то увидела, голубка — это она, Рут.

С этого дня начала собираться в последний путь. Перестирала и перегладила белье, до блеска начистила кастрюли, перетряхнула шкаф и кладовку. Только антресоли, как и при жизни мужа, оставались нетронутыми. Бер строго-настрого запрещал домашним копаться в его вещах. И когда дом засиял чистотой, села у окна, опершись грудью на подоконник. Она вглядывалась в идущих людей. Ей не хотелось ни о чем думать. Казалось, душа замерла в ожидании своего часа. Внезапно её сознание обожгла мысль: «Рут, ты готова покинуть этот мир. А кто поможет твоему сыну? На чьи плечи хочешь ты переложить свою заботу? На плечи Господа Бога? Но разве нет у него другого дела, кроме Ямпольских?».

Ночью жители квартала проснулись от огненного зарева — горела сапожная будка. Пламя то затихало, то принималось бушевать с новой силой. Рут глядела из окна тамбура на полыхающий огонь. Потом прошла в комнату, села на кушетку: «Теперь ты доволен, Бер? — прошептала она и поднесла ладони к лицу. На нее пахнуло сладковатым запахом керосина, — видишь, наконец и я стала настоящей Ямпольской, хотя мой большой палец остался таким же как прежде», — и Рут горько улыбнулась.

Когда будка догорела почти дотла, приехали пожарные, а следом прибежал и Наум. Грузно припадая на протез, он заметался вокруг пожарища, выгребая из золы остатки обгоревшего скарба. Рут долго смотрела на него через полуотворенное окно. Потом, накинув на плечи древнюю, как мир, клетчатую шаль, вышла на улицу. Кожа еще дымилась и удушливо воняла.

— Нюмчик! — негромко окликнула она и поманила его.

Он вошел в дом и бессильно опустился на кушетку. Рут подала ему чай в подстаканнике Бера. Наум пил, и по его лицу, испачканному копотью и сажей, текли слезы.

— Это от дыма, — сказал он, и вдруг с яростью крикнул, — они у меня поплатятся!

— Кто — «они»? — потупясь прошептала Рут. — Посмотри, — она кивнула в угол, где валялась ветошь, куски пакли и стояла старая жестяная канистра. Когда-то, еще до войны, с этой канистрой она посылала Нюмчика на соседнюю улицу, в керосиновую лавку.

Наум ошеломленно молчал. Потом лицо его скривилось, словно от боли, подстаканник выпал из рук. Стакан покатился по полу, расплескивая чай.

— Ты? — выдохнул Наум. — Ты?!

Он подскочил к Рут, сжав кулаки.

— Я знаю, тебе больно, — она покачала головой и провела рукой по его лицу. — Может быть, еще повезет, и придет твое время. Но сейчас отступись. Ты никогда не будешь среди этих людей своим. В тебе другая кровь. И это хорошо. Скоро я уйду. Папа зовет меня к себе. Это последнее, что я могла сделать, чтобы остановить тебя.

Минуту-другую он смотрел на нее, яростно играя желваками. И вдруг устало сказал:

— Наверно, ты права, мама.

Рут умерла во сне, с четверга на пятницу. В канун Песах. Потому-то всё делалось в страшной спешке и сумятице. И только на кладбище, глядя на растерянное лицо Эли, слыша всхлипывания и причитания Тойбы, Наум осознал происшедшее. Он стоял, угрюмо глядя себе под ноги. Потом бросил взгляд на осунувшуюся и внезапно постаревшую жену. И его пронзило: «Как похожа на маму. В юности я так тосковал по дому. Наверно поэтому, увидев ее, потерял голову. Но мама всегда отдавала себя, ничего не требуя взамен. Если что-то принимала от нас, то только, чтобы не обидеть. А у Гели на первом месте она сама». Мирка застыла, повиснув на руке Боруха, между полузапахнутых пол пальто выпирал ее острый живот. Мама Рэйзл, распростав руки, как крылья, прижимала к себе двух внуков. Дряхлый раввин в старом плаще дрожал на пронизывающем весеннем ветру. Мутная капля то и дело повисала на кончике его носа. Он вытирал ее скомканной тряпицей, переступая с ноги на ногу. «Мама!» — вдруг отчаянно вскрикнула Мирка и упала на колени на еще не оттаявшую землю.

— Рождение и смерть. Всё крутится вокруг этого, — пробормотал раввин, глядя на Мирку, — дитя входит в жизнь со сжатыми кулаками — оно верит, быть этому миру в его руках. Старики уходят с раскрытыми ладонями — с собой туда ничего не возьмешь, — он закрыл глаза, собираясь с мыслями, дернул себя за кадык и выкрикнул срывающимся охрипшим фальцетом, — о чем вы плачете, дети Израиля?! Возрадуйтесь, глядя на судьбу этой женщины! Она прожила отпущенный ей срок. И, подводя итог ее жизни, мы можем сказать: вот достойнейшая из жен, вот преданнейшая из матерей!

На следующий день Наум и Тойба пришли в опустевший родительский дом — с тем чтобы разобрать вещи и освободить квартиру. Вместо Мирки явилась мама Рэйзл. Она была настроена воинственно. Переступив порог, громко заявила:

— Вещи делим по числу наследников, — видя, что Тойба готова взвиться, срезала ее, — я слышала, вы теперь замужем за старым большевиком. Мне всегда казалось, таким людям ничего не нужно — ни мебель, ни пасхальный сервиз. Их интересует только революция, — и

решительно открыв буфет, начала выгружать посуду, приговаривая, — бедная Рут! Нет большего горя для матери, чем неудачные дети. Мало ей было цурес с ними при жизни! Так сейчас, в раю на золотом кресле, она должна лить слезы, глядя на них, — повернулась к Науму, — что вы сидите? У вас дом — полная чаша. Льется через край. Возьмите себе что-нибудь на память и идите домой!

Он покорно кивнул и полез на антресоли. Когда-то здесь было владение Бера. И Рут, и детям запрещалось не только копаться, но даже открывать дверцы. Нюмчик достал чемодан. Там в беспорядке лежали остатки старого сапожного инструмента, колодки, куски вара, обрывки дратвы, обрезки кожи и большая жестяная коробка из-под печенья, где Бер хранил квитанции об уплате налогов. Потом снял со стены оправленную в рамку старую фотографию, где Бер и Рут чинно сидели на стульях в окружении четверых детей. Тойба хотела было воспротивиться, но Наум хмуро посмотрел на нее и твердо сказал: «Больше мне ничего не нужно». Подхватил чемодан, сунул за пазуху фотографию, сухо попрощался и ушел. Дома, буркнув Геле: «Не заходите ко мне», запер дверь спальни на крючок. При свете настольной лампы долго рассматривал фотографию. Внезапно коротко, отрывисто выдохнул. И вдруг заметил, что плачет: по небритым щекам, поросшим за эти несколько дней седой жесткой щетиной, текли слезы. По-детски шмыгнув носом, не раздеваясь, лег в постель.

Ночью, словно от удара, проснулся. Захлебываясь, тихо взвыл. «Я никогда не знал как распорядиться собой и глушил себя всю жизнь работой как водкой».

К сердцу подкатила дикая удушающая тоска — проклятие рода Ямпольских. Он до смерти боялся этих приступов. Стараясь отвлечься от тяжелых мыслей, встал, начал копаться в чемодане, перебирать сапожный скарб. В кармашке нашел красные стеклянные шарики, мешочек с песком и дробью, свинцовую биту.

«Боже мой! Все эти годы папа хранил мои игрушки! — и раскаянье обрушилось на него. — Он так любил меня! Что развело нас? Откуда ненависть и злоба? Разве причина в Геле? Да нет, эта женщина не стоит того. Может быть, все дело в моей необузданности? В моем диком характере? Я хотел верховодить в этой жизни. И ради этого перешагнул через всё. Отрекся от самого себя». Он глухо всхлипнул. Вновь машинально нырнул в кармашек. Вытащил маленький сверток, замотанный в тряпицу. А когда развернул, увидел Георгиевский крест на почерневшей от времени ленте. И тут же всплыло в памяти, как мальчишкой, безмерно гордясь этим знаком отцовской храбрости, выкрал его из шкафа и, приколов к рубашке, явился на сбор отряда. Вожатая Зина, голубоглазая и курносая, учинила ему допрос перед строем: «Где взял?!». А он, почуяв неладное, соврал, что нашел. «Дети, смотрите! — звонко крикнула Зина. — Такие ордена царь раздавал своим подлым наймитам!»

«Я начал стесняться тебя, папа, — прошептал Наум. — Только на войне, в окопе, понял, что ты был не робкого десятка. Но что мог поделать? Метался, пытался вырваться. Потом сдался. Эта подлая власть поймала тебя в капкан. А я? То же самое случилось и со мной. Разве не хотел быть честным? А стал своим среди подлецов и поддонков. Видно, самое тяжкое — война с самим собой. Здесь нет ни тыла, ни передышки, ни укрытия. Здесь нет ни орденов, ни медалей...»

Он открыл жестяную коробку. Начал перебирать и раскладывать квитанции, сортируя их по годам. «Собирал эти злосчастные бумажки. Хранил их, оправдываясь перед всякой швалью за каждый заработанный рубль. А они с сытыми харями указывали, как тебе жить!» — Наум задохнулся от гнева.

На самом дне коробки лежал конверт без обратного адреса, обклеенный диковинными марками. Наум вынул из него листок бумаги, исписанный мелким четким почерком. «Здравствуйте, мои дорогие! Боюсь навлечь этим письмом на вас беду, но не могу удержаться. Прошло столько лет — от вас никаких вестей. У нас уже трое сыновей. Все в твою породу, папа». Наум перевернул лист: письмо было без подписи. Он начал внимательно перечитывать его. «Если это не опасно, пошлите весточку по адресу: Тель-Авив, ул. Алленби, 13... Дедушка до последнего дня вспоминал и молился за вас... Не смею надеяться... Но если кто-то надумает, то сделаем все, что в наших силах. Вы, конечно, поняли о чем я пишу». На почтовом штемпеле отчетливо виднелась дата: письмо было трехлетней давности. «Папа получил его за год до своей смерти, — перевел взгляд на фотографию, взятую им из родительского дома, — неужели Симка?» — прошептал он, глядя на диковатую девочку с тугой косой, перекинутой через плечо.

В эту ночь Наум решил повернуть жизнь в новое русло: бежать куда глаза глядят от пут ненавистной ему власти, от Турина, от грязи, в которой барахтался столько лет.

— Это мой последний шанс, — сказал он Геле, — пока в силах, хочу начать все сначала. А здесь у меня жизни не было и не будет. Это не мое.

Она не перечила, зная его упрямство и строптивость. Надеясь, что одумается. А Нюмчик начал действовать. Он написал письмо и послал по указанному адресу. Ответ совершенно обескуражил его. На казенном бланке крупными буквами было напечатано: «Укажите точные имя, фамилию, год и место рождения, согласно метрике, всех членов семьи, кто намерен репатриироваться. Укажите имя, фамилию и год рождения, а также степень родства того, к кому вы едете. Если таковых нет, поставьте прочерк. Письмо вышлите по адресу: Рига, ул. Ленина, 7, Петрову». Наум долго думал, что бы это могло означать. А потом решился. И махнул через всю страну в Ригу. По указанному адресу оказалось какое-то учреждение по обмену жилплощади. Петрова там никто не знал. Пожилая жен-

щина с усталым лицом предложила оставить письмо: «У нас такое бывает. Люди меняются, переезжают. Почта попадает к нам». Она посмотрела Науму в глаза и отвернувшись, зашелестела бумагами. Наум оставил письмо. Через месяц пришел вызов с печатью. И он понял, что участвует в игре, правила которой ему неизвестны. Но это не остановило его, он твердо решил уехать. И тут Геля неожиданно стала на дыбы.

— Нам там нечего делать. И ты никуда не поедешь! — заявила она. — Это искалечит мальчику жизнь. Концерты, конкурсы — ему всё перекроют. Столько лет учебы, труда. Из-за твоей блажи он должен стать учителем музыки в сельской школе? Не будет этого! Я все узнала. Ты не получишь от меня развода, а без развода разрешения на выезд не дадут. Мы прожили вместе почти четверть века.

— Не вместе, а рядом, — перебил Наум. — Ты любила себя, я — себя! — он с раздражением глянул на жену, и вдруг кольнуло: «Как похожа на маму!».

— А кто в этом виноват?! Ты! У вас порода такая, — вспыхнула Геля.

— Хватит! — оборвал Наум. — Я отработал на вас двадцать один год. Три раза по семь. Теперь свободен. Хотите, поехали вместе. Не хотите — уеду один. Думайте, — глянул исподлобья и отрезал, — хотя тебе не советую. Там нужно хребтину ломать. Ты не из таких. Постарайся устроить свою жизнь здесь. Я не против. А развод дашь, никуда ты не денешься. Не дашь, все равно уеду. Для меня это дело решенное.

Когда сын пришел домой, он положил на стол конверт и прихлопнул ладонью:

— Это вызов в Израиль. Я уезжаю. Не уговариваю. Думай сам. Неизвестно, выпустят ли. Не знаю, что ждет тебя там. Но помни: дорогу тебе стелили мои деньги. Учителя, репетиторы — ни в чем не было отказа. Тебе не нужно было заботиться о хлебе насущном. Ты способный, но не талантливый. Для твоего дела этого мало.

— Папа, ты помешан на своих деньгах и ничего не понимаешь в моем деле, — Эля холодно посмотрел на Наума и отрывисто добавил: — А мама? О ней подумал?!

— Не тебе судить! — оборвал его Наум. — У нас свои счеты.

— Ты ни с кем не можешь жить в согласии, — вспылил сын, — даже с самим собой! В твоем возрасте уже пора угомониться, папа.

— Ха, — криво усмехнулся Наум, — в моем возрасте мужчины в нашей семье начинают все сначала. Ты вспомнишь мои слова. У тебя это еще впереди.

Наум подал документы. Потянулись месяцы томительного ожидания. Отказ пришел спустя полгода, в канун октябрьских праздников. И начались хождения по канцеляриям и кабинетам. Он вкладывал в это всю свою неуемную энергию и в неустанных хлопотах топил тоску рода Ямпольских. В большом сером здании на площади, где двадцать лет назад

ему твердили о его еврействе, теперь втолковывали и совестили, что негоже русскому человеку покидать родину. В конце концов открыто начали грозить тюрьмой, намекая на артельные дела. И тогда он решился. Вечером подкараулив Турина у его дома, оттеснил к газетному киоску:

— Слышал новость? Колька Вольский умер! — оскалился в ухмылке. — Давай наново знакомиться. Наум Ямпольский. Жид чистой воды. Или меня выпустят из страны, или пойду с повинной. Мне ходу назад нет и терять нечего. Все равно живу, как в тюрьме. А ты рискуешь многим. Так что решай...

...В конце лета Наум получил разрешение на выезд. До границы его провожал сын.

Всю дорогу они обменивались ничего не значащими словами. Но когда остались считанные минуты, сын, крупно сглатывая от волнения, заговорил торопливо и высокопарно:

— Папа, ты родился в еврейской семье. Но ведь жизнь прожил как русский человек. Что тебя гонит в Израиль? Антисемитизм? Но где ты видел систему без изъянов? И как ты себе представляешь страну, где собрались бывшие изгои? Это пороховая бочка! Раздор, борьба за власть! Что тебя туда несет? Зачем все время себя испытываешь?

— Не бойся за меня, сынок. Не переживай. Я битый, как-нибудь выкручусь, — Наум бережно коснулся ладонью щеки сына и, ощутив колкую щетину, чуть не заплакал от тоски и страха перед разлукой. Он через силу улыбнулся, — насчет музыки я был неправ, сынок. Хорошо, что у тебя есть, за что держаться в этой жизни. Но помни, на песке замок не строят. И знай — евреем может быть лишь тот, кто на это согласен. Трижды подумай, прежде чем взвалить на себя этот камень. Старайся жить легко. Жалею, что я не могу тебя этому научить.

Ему хотелось сказать что-то важное, что могло бы уберечь сына от ошибок и метаний. Но очередь тронулась с места. И его понесло, как щепку в водовороте. Толпа приперла к железному барьеру. Молодой солдат открыл турникет, отсчитал пять человек. Наум попал в их число. Он поставил на оцинкованный прилавок свой багаж. Таможенник нехотя ткнул пару раз баул, где были сложены носильные вещи Наума и начал перебирать в чемодане колодки, мотки дратвы, сапожный инструмент.

— Золото, бриллианты, валюта, ордена имеются?

— Нет. Но если не веришь, ищи. Это твоя служба, парень, — Наум кивнул на скарб.

— На полный досмотр, — процедил сквозь зубы побагровевший таможенник.

Наум кое-как побросал скарб в чемодан, и его повели длинными извилистыми коридорами. В комнате, за письменным столом, углубив-

шись в какие-то бумаги, сидел майор с худощавым непроницаемо-строгим лицом. Наум протянул документы. Майор их небрежно перелистал.

— Ничипорук! — крикнул он, и в дверь вошел сержант-сверхсрочник, — осмотреть!

— Раздевайтесь догола, — приказал сержант и подтолкнул Нюмчика к ширме.

Наум, ни слова не говоря, закатал штанину, отстегнул протез и швырнул его на стол майора. В комнате повисла тишина.

— Ничипорук, выйди! — чуть слышно сказал майор.

— Есть! — козырнул сержант и скрылся за дверью.

— Забери это! — майор брезгливо кивнул на протез, обутый в зеркально начищенный ботинок, — что в чемодане?

— Сапожный инструмент, — Наум откинул крышку.

Майор бросил взгляд на его руки с несмываемыми следами вара и порезов.

— Что за народ! — он внезапно стукнул кулаком по столу. — Вечно мутите воду! Притворяетесь своими, но внутри-то у каждого — наблюдатель и вражина. Вы умеете делать деньги из воздуха. Вас топчут, а вы все равно рветесь к власти, цепляясь друг за друга! Вы, как бурьян, — повсюду!

— Ты прав, майор, — перебил Наум, — мы живучи и неистребимы. Мы умеем делать деньги из воздуха, но умеем и работать, как проклятые! Когда падаем — грязнее грязи, но когда возносимся, хотим ухватить звезду с неба. На меньшее не согласны. Сотни путей находим, чтобы добиться своего. И многим из нас наплевать, праведные они или нет.

— Ты там еще поплачешь кровавыми слезами, — майор швырнул через стол документы.

— И это правда, майор. Но мне не впервой, — усмехнулся Наум.

— Катись к такой-то матери! — и надсадно выкрикнул: — Ничипорук, проводи к поезду.

Наум вошел в пустое купе, уложил вещи, сел и закрыл глаза. «В 42-м году в вагоне для скота, под конвоем меня насильно увозили отсюда. А теперь сам, по своей воле покидаю эту страну», — мелькнула горькая мысль. Поезд тронулся. Он прильнул к окну. На душе было тревожно и муторно. «Может быть, мальчик прав? Что связывает с евреями меня, Кольку Вольского? — и тут же возразил сам себе, — разве этот отъезд не мой личный исход из Египта?» Он провел рукой по лицу, вздохнул. Задернул на окне шторы. Запер дверь на задвижку. Достал чемодан, разложил на столике инструмент. Отстегнул протез, зажал его между ногой и культей. Поддев подошву ботинка, оторвал ее у носка. Вынул из специально сделанной выемки Георгиевский крест. Подышал на него. Протер краем салфетки. Сунул в нагрудный карман и прошептал: «Мы еще повоюем, папа».

ПРОГУЛКИ С МНЕМОЗИНОЙ

Осенний триптих

1

Завершается круг в некой точке покоя, и это
очевидней всего в октябре, налагающем вето
на шершавые кроны, где нынче сквозят небеса,
и обетом молчания связаны птиц голоса.

Погружаемся в зиму со скользкой окраины года.
Взор уже переполнен оранжевым, слух — тишиной.
Остывает река (сплошь из медленного ухода!),
на изгибе поблескивая чешуей...

Темп, в котором сменяются краски, одежды, пейзажи,
карусели подстать. Мы же, в сущности, те же и там же,
несмотря на измены. И, не омрачая чела,
превращаются завтра в сегодня, потом — во вчера...

2

Листвы и ветра диалог уже сбивается на ругань,
и багровеют дерева, как бы предчувствуя тщету
попытки кое-как укрыть в своих лохмотьях наготу, —
и тот же страх стоит в зрачках твоей расхристанной подруги...

Душа, что не имеет рук другую заключить в объятья, —
как посторонний соглядатай (к тому ж еще глухонемой!),
покуда совершают пальцы паломничество всей гурьбой
по темным закоулкам тела и забираются под платье.

То страсти азбуку — по Брайлю! — читает дева по складам,
со спутанными волосами, с губой прикушенной, а ветер,
взбешенный ревностью свидетель,
швырял листву, как пачки писем, и, кажется, в лицо ей метил.
Мужчина же, прикрыв спиною, один добычей обладал.

Валентин ЯРЮХИН — родился в 1952 году в Бендерах. Окончил актерское отделение Кишиневского института Искусств и режиссерский факультет ГИТИС'а им. А.В.Луначарского. Работал в разных театрах России. Автор поэтического сбоника «Хроника бегущего» (Казань, 1996). Живет в Казани.

3

Пустынное шоссе и небеса свинцовы,
и на ветру листвы кордебалет,
и ласковая нежность слова
(как, молвить кстати, и всего живого!),
и день, сходящий медленно на нет,
роднее как-то завтрашней обновы,
где нам с тобой вполне принадлежит
одна лишь неизвестность да угроза,
что эту зиму нам не пережить.

Залечь бы спать до марта! под наркозом
снегов крахмальных тихо видеть сны,
поскольку мы уже посвящены
в премудрости восторга и печали...

Нам остается лишь пожать плечами
на сумеречный взгляд со стороны
грядущего из-под густой вуали.

Прогулки с Мнемозиной

Ан. Васильеву

Нельзя уехать навсегда, как и вернуться насовсем... Гипотеза весьма проста... Привычно искривив уста, ей усмехнется домосед, не разумея ни черта, но хитроумный Одиссей наверняка сказал бы: «Да, поскольку мы обречены весь век влачить себе вослед, хоти того или же нет, воспоминания и сны, где вперемешку блеф и быль, причуды, подвиги, грехи, напрасно поднятая пыль и ворох милой чепухи...»

Лицо в толпе, взгляд, жест, пейзаж, однажды пойманный зрачком, или, допустим, дикий пляж, где одноклассница ничком без ничего глазеет вдаль, доныне юная, о чем и не подозревает, жаль. Привязан к небу дымом дом. Под гнетом лопастей винта бормочет за кормой вода, свидетельствуя о былом, которое не без труда его, ее, тебя, меня на волю отпускает...

Да, минувшее, как тот конвой, сопровождает каждый шаг, и вдруг какой-нибудь пустяк (поверхность лужи! запах! звук!) внезапно окликает: стой! Ты озираешься вокруг, как бы заброшенный десант в иные времена... Азарт, мол, воду нам не пить с лица! — во рту разбитом крови вкус. Канун каникул. Гнев отца. Словечко пряное «искус». Восторг и ужас, боль и страх. Татуировка напоказ. На ощупь нагота впотьмах...

О память пальцев! Слуха. Глаз.

И это все, чем ты всерьез владеешь, — остальное суть иллюзия либо вопрос — и вряд ли сможет кто-нибудь тебя ограбить: эту кладь не погрузить на колесо.

Как Пенелопе не отнять у Одиссея Калипсо.

* * *

Печаль падающего листа,
задевающего за ветки,
чуть медленнее самоубийцы с моста
и быстрее пишущего эти заметки, —
по дороге он, наверное, вспомнит что-то еще,
но уже не в силах остановиться,
и когда он приляжет на твое плечо
(скажем, для рифмы: «как подбитая птица»),
постой спокойно, досчитав до ста,
обнаруживая неожиданное сходство
с печалью падающего листа
превращение в необитаемый остров
некогда шумного материка,
затем сними его бережно, как с креста,
и взгляни на лес, как на место сожжения еретика,
где остался один обугленный остов...

ДВА РАССКАЗА

Мазурка

Памяти Августы Васильевны
и Ивана Дмитриевича Черных

Однажды в станице Албазинской вместе с группой армейских офицеров (среди них был и казачий в звании подхорунжего), по казенной надобности шедших в низовья Амура, к Хабаровску, оказались молодые поляки, разумеется, из католиков, но принятые на русскую службу — правда, гражданскую, не военную. Поляки эти как бы вняли великости державы, время от времени притеснявшей маленькую и гордую Польшу, и поэтому иронично, но и снисходительно похлопывали по плечу старшего брата. А наши офицеры были тоже молоды, либеральны в духе уже распущенной эпохи (дело было накануне мировой войны), они сочувствовали полякам и даже жалели их.

Христос, единый и всеблагой, привел спутников в дальние края, в станицу Албазинскую, вполне обустроившуюся, с лиственничными домами, с синими куполами церкви, с красивой — на Самсоновском взвозе — лестницей, рубленной еще к приезду цесаревича Николая, теперешнего императора.

Путешественники добрались на Амур через Байкал и Кяхту верхами, хотя могли бы и по железной дороге, но молодость и воспоминания о временах Муравьева и Невельского усадили их в седла, они мчались на косматых монгольских лошадях, били с плеча косуль и птицу, помогали денщикам на стоянках собирать хворост и варить кулеш, ухаживали по пути за скуластыми гуранками. Измочаленные перекладными, но уже сплавом, на барже пришли они в Албазинскую. Стояло парное утро, в обильной росе. Они поднялись по Самсоновской лестнице и огляделись. Станица Албазинская была старинная, семнадцатого столетия, но тогда после горячих схваток с маньчжурами станицу

Борис ЧЕРНЫХ — родился в 1937 году в Иркутске. Закончил юридический факультет Иркутского университета. Был комсомольским работником, педагогом, журналистом. С 1982 года отбывал срок за антисоветскую агитацию и пропаганду, освобожден в 1988 по «горбачевской амнистии». Прозаик, автор четырех книг — в том числе «Гибель Титаника» и «Озими». Живет в Благовещенске.

пришлось отдать, а в девятнадцатом трудами и терпением забайкальских казаков удалось восстановить, станица быстро окрепла, похорошела, одомашнилась, по берегу Амура стояли скамьи, грубо рубленные, но оттого удобные. Покойные. Здесь старики собирались, чтобы выкурить козью ножку с терпким самосадом, а по вечерам кучковались парни и девки. Уже и качели стояли с двумя продольными лодками, крашеные и накатистые, в полную высоту лесин.

К тому дню, когда русские офицеры и польские чиновники оказались в Албазинской, во главе станицы третий срок трубил атаманом Василий Яковлевич Самсонов, властный и боевой казак, за китайскую кампанию 1890 года и за японскую 1905-го получивший Георгиевские кресты. Однако когда путешественники по казенной надобности пришли утром в станицу, атамана добудиться не могли — накануне, в Преображение Господне, то есть на Яблочный Спас, тот наотмечался до положения риз. Писарь Яшка Сенотрусов пытался побудить атамана, Василий Яковлевич разлепил глаза, тяжело встал на смутных ногах, обутых в ичиги (сон свалил его внезапно), промычал что-то и упал снова на топчан.

Молодые офицеры и поляки расхохотались, когда писарь доложил им о немощи атамана — между прочим, эта немощь свидетельствовала о том, что берег этот воистину наш и будет нашим вовеки, офицеры пошли в заезжую избу, приказали истопить баню, заказали завтрак. Все было исполнено неукоснительно. Им поднесли из рейнского подвала красного вина, они выпили и уснули богатырским сном. Так что когда смущенный атаман явился пред их очи, они в свой черед не могли поднять разбитых дорогою тел, и атаман пошел домой. Под вечер он зазвал гостей на ужин.

Дом Василия Яковлевича стоял на обрыве, семью окнами к китайской стороне, и был высок, с сухим подом, с широким резным крыльцом. Зеленые перильца обрамляли крыльцо, и цвели белые хризантемы в клумбах, обложенные речным окатышем.

Стол ломился от яств, все оказалось свежее, августовски густое и сочное — овощи, ягоды, самогон хлебный, настоянный на кореньях, рябчики в грибном соусе, калуга маринованная из ледника. Атаман, похожий на сома, встретил гостей чисто выбритым, подтянутым, но без шашки, по-домашнему. Георгиевские кресты и Владимирская медаль тлели на его крепкой груди. А тут вошли в горницу атаманские дочери — Анастасия, Авдотья, Ангелина, Алевтина и юная Дарья, прибежавшая в холщовом сарафане с лютиками по подолу да босиком, по домотканым коврикам. Девушки сели за общий большой стол, словно воспитывались в светской, а не казачьей семье, озорно глядели на офицеров и поляков. Что ж, их отец знал, как загладить утреннюю неловкость, и потому усадил девок за общий стол. А еще он позвал Яшку с тульской гармонией, Яшка слыл мастером брать любую мелодию на слух, сходу,

и перебирал басовые и высокие тона, как хотел, в горячую минуту подпевая мягким баритоном и пристукивая сапожком в пол.

Гости выпили раз и два. Атаман, боясь конфуза, лишь пригубливал. Самогон, похожий цветом и вкусом на коньяк, скоро раззадорил гостей. Наши офицеры и подхорунжий вызвали девушек и станцевали кадриль. Но следом поляки напели Яшке странный легкомысленный мотив, Яшка подхватил и понес, понес мотив через горницу и далее по комнатам большого атаманского дома и за окна, распахнутые настежь — теплынь стояла на дворе.

— Ма-зур-ка!— сказали поляки и позвали Дарью и Ангелину на танец. Круглобедрая Ангелина, девушка на выданье, под окнами ждал ее жених, вела себя томно, она стеснялась этого чужого, стремительного танца. Зато Даша — она осталась и в танце босиком — сразу уловила ритм и скорость мазурки и прокричала:

— Яша, быстрей, да быстрей же, зателепа!— отец рассмеялся, наши офицеры тоже рассмеялись. А поляки, меняясь, танцевали полчаса и далее, до упаду. Атаман, любуясь младшей дочерью, незаметно выпил серебряную стопу самогона, крепость не взяла его, но в висках зашумело, Василий Яковлевич встал, вышел и сделал два пристойных па, но где же угнаться было ему за юной Дашей. А поляки расстроенно мигали длинными глазами и отдувались, потом что-то друг другу изнеможенно прокричали. «Эта девушка истинная мазовецкая полячка!» — вот что прокричали они и без сил опустились на пол, им поднесли холодного клюквенного сока, зубы ломило, но они выпили до дна.

— О, Матка Боска! — простонали они.

— Как тебя зовут?— спросил Дарью юный подхорунжий с добротным славянским именем Микула, из яицких казаков, но подавший на перевод в амурские.

— Нас зовут Дарья Васильевна, — отвечала Даша улыбчиво, давая понять, что на «ты» не принято обращаться к девушке.

Подхорунжий понял намек.

— Вы не Дарья Васильевна, вы — Мазурка! — воскликнул Микула, расправил широкие плечи и отозвал к окну атамана.

— Василий Яковлевич, есть ли жених у Мазурки?

Вопрос не застал отца врасплох.

— У всех дочерей есть женихи, а у Даши сразу три поклонника,— с достоинством и совершенно правдиво отвечал атаман.

Микула потемнел лицом, молча ушел в заезжую избу. Но сначала он дерзко взял Дашину тонкую с китайским браслетом руку и поцеловал. Поляки прицокнули языками.

Назавтра с первыми петухами путешественники погрузились на баржу. В последний момент к берегу подбежала Даша, намочила в реке и бросила Микуле батистовый платок:

— Не забывай Мазурку! — выкрикнула она озорно, смотрела вслед уходящей медленно на фарватер барже. А с обрыва смотрел на Дашу юноша, еще мальчик, черноглазый и строгий, и сердце у мальчика опадало, он любил Дашу с отроческих, а может быть — с младенческих лет. «И я никому тебя не отдам»,— прошептал мальчик. «Пойдем, Даша. Я никому не отдам тебя»,— сказал он, спустившись к воде, и больно стиснул Даше плечо.

И сбылось, не отдал, хотя она долго отбрыкивалась. В разгар гражданской усобицы их успели повенчать. Тут остатки гамовского мятежа расходились и расползлись по Амуру, в станицу Албазинскую неожиданно явился крохотный отряд, потерзанный в боях, во главе его оказался сотник Микула.

Микула постучался в дом атамана, теперь бывшего. Василий Яковлевич впустил казаков в дом, накормил и напоил, но спать не уложил, потому что красные шли по пятам, в любую минуту можно было ждать их вторжения в станицу Албазинскую.

— Куда ж вы теперь, сынки?— дрогнувшим голосом спросил старый атаман.

— За кордон, отец, — молвил Микула, — теперь нам не осталось на родине места. Уйдем к Харбину и осядем. И может быть, когда-нибудь вернемся. Но дай ты мне, Василий Яковлевич, посмотреть на Мазурку, одним глазом, прощально.

— Поздно, Микула, она обвенчана.

— Глянуть — и только,— сердечно просил сотник.

Мазурку позвали и оставили на минуту с Микулой.

— Вот твой сиреневый платок, Мазурка, — сотник из-за борта френча достал дряхлый лоскут.

Но Мазурка не дрогнула: «Ты опоздал, дружок. Прощай».

Микула приобнял Мазурку, с влагою во взоре выбежал на резное крыльцо: «В седла, ребята!».

Снова Мазурка стояла у кромки воды, и снова с обрыва смотрел на Мазурку уже не мальчик, а муж, и душа его трепетала.

— Пойдем домой, Ленюшка,— попросила Мазурка,— дома я что-то скажу тебе, ты заплачешь от счастья.

Они пришли к дому, поднялись в горницу. Там Мазурка положила Ленюшкину ладонь на свой поджарый живот: «Слушай»— Ленюшка услышал, как из Мазуркиного живота кто-то постучал настырно в его ладонь. «Твой мальчик,— смеясь, сказала Мазурка.— А после я рожу тебе еще мальчиков, они переживут бордовых, тогда атаманы снова придут на Амур».

Она и правда скоро родила Ленюшке двух сыновей и двух девочек. В трудах они поднимали их, пели им старинные песни, а новых не пели.

Но в двадцать девятом году взяли отца, Василия Яковлевича. Сначала — нет, не взяли, а потребовали, чтобы Василий Яковлевич не носил

на казачьем чекмене Георгиевские кресты. «Да я получил их, защищая Отечество».— «Нет, ты защищал царский режим».— «Нет, на сопках Маньчжурии я защищал родину».— «Заткнись, старый! — приказали ему, — и иди за крестами».

Василий Савинов ушел домой, снял с чекменя кресты, позвал дочерей и зятьев к берегу, там на их глазах забросил кресты в темную амурскую волну.

И тотчас атамана взяли, заломив руки, увезли. Куда увезли, Мазурка так никогда и не узнала.

Но взяли и Ленюшку. Мазурка кинулась к пограничникам тигрицей, отбила мужа, тогда схватили и Мазурку, на розвальнях в крещенские морозы доставили в Рухлово, в пересыльной тюрьме разорвали их объятия, нагайкой, исполосовав, выгнали Мазурку на улицу, Она прискоком бежала по холодной дороге в станицу Албазинскую к детям и молила Бога за мужа и за детей.

Через полгода пришло письмо от мужа, из дальней дали. «Мы расконвоированы,— писал Ленюшка,— потому как уйти отсюда неможно, болота и тайга, зимой дорога ледовая, а летом — два парохода толкут воду в ступе. Пришли фотокарточку Гоши и Кеши, Ани и Лизы».

«Пришлю живые образа деточек наших,— отвечала Мазурка двойным слогом, не сразу уловленным Ленюшкой. — Потерпи, тятя».

В канун колхозной оккупации, не дожидаясь описи имущества, Мазурка продала отцов дом и скотину заезжему геологу, собрала мальчиков и девочек в дорогу. Увязала под марлю в корзину десять куриц, взяла пшена. Она знала, что делала. На перронах до Красноярска она станет менять живых кур на ту еду, что будут бабы выносить к поездам.

В Красноярске Мазурка тайком пересчитала деньги, оставила на вокзале за старшего Гошу, приказала в плетенке оберечь трех исхудавших в дороге куриц и побежала на базар разведать, можно ли купить лошадь и розвальни с попоной.

Читатель уже догадывается, что задумала Мазурка. Она задумала по Енисею, скованному льдом, спуститься туда, к Полярному кругу, и пусть князь Турухан посмеет не допустить ее к ссыльному Ленюшке.

На Красноярской толкучке, опять же в канун обморочной колхозной описи, живности оказалось полно. Мазурка без удержу бродила между саней, вдыхала родные запахи конского пота и мочи, щупала копыта, заглядывала в пасти лошадям. О, в лошадях она разбиралась! Стыдно подумать, она и сейчас, мать четверых детей, смогла бы не только верхом, но и стоя на крупе босыми ногами, проскакать версту. «Погода с вихрем» — не зря звал ее отец. Бог не дал отцу сыновей, зато одарил его Мазуркой... И вот стоит она посреди шумного майдана. Коровы ревут, козы блеют, лошади ржут, и тоскуют мужики и женщины, остатками свободы похмеляясь в санях.

— Тебе чего надобно, молодка?— вопросил Мазурку осевшим голосом мужик.— Почто не бабьей заботой живешь, лошадям копыта метишь?

— Я с Амура, иду к своему на поселение.

— А где он у тебя, родимая?

— Под князем Туруханом.

— Ого, у Холодного круга. А с кем ты туда стопы правишь? Там нынче ночь, глаз коли.

— Два сынка да две дочки со мной. Старшему семь лет, а младшей три годика. Погодки.

— Лихая! Невтерпеж, да?

— Деточкам невтерпеж, по тяте тоскуют. Да и я тоскую. И он, само собой, тоскует тоже.

— А зовут тебя как?

— Мазурка,— неожиданно призналась она полузабытым именем.

Мужик печально всмотрелся в ее лицо, за семь суток пути убежавшее с опары.

— Скоро и я там окажусь,— сказал мужик.— Вишь, распродаю хозяйство. Но успею ли уйти в Казахстан иль куда дальше, не уверен. Бери моего мерина, довезет. За полцены отдам. Зовут его Гринько. Ох, и поработали мы последние годы, на славу. Да славу отнимают у нас. Не дают пожить спокойно.

— И не дадут, — подтвердила Мазурка. — Их задача потравить нас и на потраве править слабыми. Но я хочу оберечь мальчиков, глядишь, доживут они до новой воли и поднимутся.

— Ты, однако, бравая женщина. Забирай Гринько и не поминай лихом средняка Копылова,— мужик обнял мерина за гриву, постоял минуту, взял червонцы, не считая заткнул за борт кожуха, и пошел, пошел вбок, чуть припадая на ногу, оглянулся, тряхнул отчаянно головой и исчез.

Мазурка стоймя натянула вожжи и, раздувая ноздри, погнала Гринько к вокзалу. На вокзале она застала безумную сцену. Деточки ее, истомленные дорогой, не уберегли плетенку с курицами, плетенку опрокинули, птицы вывалились и, ополоумев, понеслись по залу ожидания, шпана кинулась их ловить. Деточки сбились в куток, дрожа. Плакала на коленях у Гоши махонькая Лиза.

Она подхватила деточек, выволокла на привокзальную площадь, забросила в сани, они помчались искать пристанища. И пока они неслись по выстуженным красноярским улицам, Мазурка, уняв сердце, смеялась вокзальному переполоху.

Ночью, угомонив ребят в Крестьянской избе, она промысливала тысячеверстный путь. Когда-то довелось ей идти с обозом на Благовещенск по зимнику, но тогда рядом были свои, игнашинские и албазинские, и Ленюшка был рядом, и та зимняя дорога показалась праздником.

На биваках казаки палили костры, жарились на вертелах бараньи туши, обливаясь жиром, ели, запивая затураном. Боже, как счастливо горел Ленюшка, вырвавшись с Мазуркой на волю, первенцев препоручив старикам. И Мазурка была счастлива, она обхватывала под тулупом Ленюшку и ласкала на ночных стоянках.

Теперь предстояло суровое испытание. Если не будет обоза в низовья, она пойдет одна. А день короток, и мерин не первой молодости, а если собьет подковы (на ледовой дороге это запросто) — тут-то они и закукуют. И, говорят, снова начали гулять лихие люди, постреливать и обирать народ.

Под утро она вздремнула, припав лицом к Гоше, от него припахивало посконным, албазинским. Но очнувшись, она со страхом суеверным обнаружила, что младшенькая стала квелой. «Что с тобой, Лизавета?» — она губами коснулась Лизиного лба и ощутила жар, поднимающийся изнутра.

Мазурка кинулась на подворье, запрягла Гринько, помчалась окраиной. «Знахарку надобно!» — выкрикивала она, но никто не решился назвать ей имя знахарки. Мазурка постучалась к платному доктору, горячо запричитала: «Доченька занемогла, жар пошел, спасите девоньку». Доктор дал снадобья, но ехать в Крестьянский дом отказался. «В этой клоаке заразы хватает», — признался. Был ли он прав? Нет. В тридцатом году Крестьянские дома были еще крепкими домами, там еще теплилась трезвая жизнь, сорванная позже с полозьев, там еще горели лампадки по углам и мерцали последние лики угодников.

Вернувшись, она достала образок Албазинской Божьей Матери, поставила детей на колени и молилась сама, да видно запоздали они с молитвой — Лиза отвергала снадобья с тихой улыбкой. « Я хочу домой, к бабеньке», — шептала девочка. «А тятя? Мы к тяте должны добраться». — «К бабеньке хочу», — просила Лизавета и с мольбой о бабеньке погасла.

Мазурка положила Лизу в шубейке посреди саней, усадила детей рядом и закружила по глухим улицам, отыскивая погост. Лиза быстро остыла, легкая и счастливая досада высветилась на бледном личике. Наконец отыскали они на западной окраине города неухоженное кладбище, со множеством свежих холмиков, по всему видно было, шел вселенский мор. Кладбищенский сторож проникся, отыскал взрослую домовину. С хладными лицами Мазурка и дети опустили Лизу в чужую, взрослую же, могилу, забросали мерзлыми комьями. В тот же час Мазурка рванулась из Красноярска к Енисею и погнала Гринько по зимнику. Потрясенные дети сидели, нахохлившись. Заметала след поземка.

Они добрались до первого села, их приютила одинокая старуха, в избе было тепло. Мальчики и Аня отогрелись и уснули, разметавшись на полу.

Мазурка опять за полночь лежала с открытыми глазами, в окно лезла стылая луна, дети посапывали, и она забылась неверным сном. Утром, увидев мокрые глаза у Гоши, никшнула: «А ну, казак, подыми лицо, нас тятя ждет».

Испив горячего чаю с топленым молоком, они выскочили на ледовую тропу и помчались следом за двумя кошевами, и шли, пока не стали промерзать. Тогда она приказала детям сойти с саней и, взявшись за облучок, бежать рядом, и сама бежала.

В Подкаменной Тунгуске она взяла передых у богатых хозяев, намереваясь щедро заплатить за постой, рассчитав, что денег хватит, кажется. Хозяин, сухой чалдон, смотрел на Мазурку всепонимающим взором. Она исповедалась: «К тяте бежим, тоска поедом ест».

— Не надо тосковать, голубушка, — молвил чалдон. — Надо радоваться близкой встрече с батькой.

— Дочку не довезла, похоронила в дороге, — вздохнув, призналась она.

— Довези этих. И не горюй. Бог дал. Бог взял.

Хозяева отказались от Мазуркиных денег, снабдили беглецов старыми овчинами и домашними припасами, даже водки дали в березовом туесе.

Хозяин подковал Гринько и похвалил Мазурку:

— Молодчина, выносливого конюшка выбрала. Да вот беда, волки балуют на Енисее, но я подарю вам песика, всё веселее с песиком пойдете. А ежели волки начнут доставать, жгите соломенные жгуты.

Мазурка обняла хозяев, и они снова сошли с берега на лед.

(Когда четыре года спустя они, с тятей уже, шли назад — им разрешили вернуться, но не в станицу Албазинскую, а в Урийск, — Мазурке страстно хотелось повидать добрых богатеев; они отыскали дом, дом стоял с пустыми глазницами окон, обгоревший. «Разорили Покидовых,— сказали соседи. — Обобрали до нитки, ушли они в леса и сгинули».)

Дважды Мазурка ночевала с детьми на пустынном берегу, обобрав сушняк для неугасимого костра, лаечка подавала голос на дальнее волчье завывание. Мазурка отхлебывала по глотку из туеса и детям велела не брезговать крепким напитком, в кипяток добавляла ложку-две, и Бог миловал.

Лаечка привязалась к ребятам, ребята повеселели, исхудали, но взнеслись духом, у костра гоношились, ели сноровисто, делились с собачкой. Эх, мудрый оказался богатей из Подкаменной Тунгуски, лаечки не пожалел.

В версте от Туруханска, завидев огни поселка, она из проруби умыла лица ребятишкам и дала каждому ладонью под зад: «Какие же вы у нас с тятей лихие!»

Она не забыла и себе омыть задубевшее лицо, сняла полушалок, причесала волосы у осколка зеркала.

Они степенно въехали в поселок, отыскали дальний барак, комнату и кухню в котором снимал Ленюшка. Руки у Мазурки подрагивали, когда она вязала у прясла Гринька, и торкнулась, впереди подгоняя детишек в тепло. У Ленюшки гостевал сосед, подперев кулаком многодумное лицо, он сумерничал с тятей.

— Ты к кому, тетка? — не признав своих, спросил Ленюшка, голос его, отметила Мазурка, был слаб.

Онемев, они стояли перед отцом. Теплилась восковая свеча, бросая тени по углам. Ленюшка взял свечу, подошел к ним, всмотрелся и — рухнул на колени: «Детушки мои...» Свеча погасла, гость, нащупав спички, возжег свечу. Пораженный явлением малых и матери ссыльному отцу, сосед поперхнулся, ушел за порог, скоро вернулся, положил большой кус сала и мешочек с мукой и опять, с подернутым лицом, удалился.

— Лизу не довезла, — сразу призналась Мазурка. — Кори и бей меня, тятя.

Ленюшка притиснул Мазурку к тощей груди. Потрескивали в печи дрова.

Опомнившись, Ленюшка пошел на улицу, ввел Гринька под дровяной навес, задал овса. Они, прижавшись, снова молча сидели в тишине.

Кто-то поскребся в дверь.

— Да это же Цыганок! — закричал Гоша, они впустили лаечку в дом, ребята наперебой стали рассказывать отцу, как одарили их в Тунгуске собакой. А Мазурка, вдруг всхлипнув, сказала: «Вот Лизонька наша», — и обняла собачку.

Опять, онемев, они слушали за окном ветер. «Пуржит, к непогоде, — сказал отец.— Придется занести побольше дров. Гоша, Кеша, пошли».

Он взял «летучую мышь», запалил фитиль, мужчины налегке, в шапках, выскочили под метельный ветер.

— Аннушка, пойди ко мне, — попросила Мазурка.— Ты все молчишь да молчишь, умничка моя, единственная. Люби тятю. Вот мы и добрались к нашему тяте. Ну, тут жить можно. Комнатка уютная, полки, вишь, сколотил, печь не дымит. Че еще надо гуранам?* В Албазинской поначалу лише было.

Отец и сыновья принесли по две вязанки крупных поленьев.

— Теперь тылы прикрыли,— сказал отец. — А что вьюга, так и слава Тебе, на работу не погонют, побудем вместе денек-два.

— Ой! — вскричала Мазурка. — Тятя, тятя, у нас же есть заветный туесок! Святая водица горло дерет, да зато сердце греет, простуду гонит.

— А чесноку не привезли? — робко спросил Ленюшка. — Цинга явилась.

---

* Че еще надо гуранам? — местная поговорка. Гуранами называют амурских казаков.

— Есть и чеснок, я его подвялила, чтоб не замерз.

Они налили детям в эмалированные кружки, развели сырой водой, а себе не стали разводить, хотя спиртное было сильнее водки. Они встали и, перекрестившись на угол, молча помянули Лизу.

Отец настелил в комнате на нары соломы, нары оказались широкие, раньше здесь гуртовалась семья. А себе и Мазурке отец постелил в кухоньке прямо на полу. Они задули свечу. Отец в потемках пошел к мальчикам и дочке и потискал их. Они послушали, как гуляет непогода за окном, но веселый треск в печи забивал пение пурги. Они враз провалились в блаженный колодец сна. Но скоро Гоша растолкал брата и сестренку, прикрыв им ладошкой теплые губы: на кухне, задавливая стон, плакали тятя и маменька. Но Мазурка опомнилась и сказала: «Ленюшка, давай еще по глоточку примем, за все хорошее, что было и что еще будет у нас и у наших деточек». И тогда мальчики и Аня снова уснули счастливым сном. Более таких счастливых снов у них, кажется, не было.

Это после, после той жизни — и в жизни этой, однажды, таким же счастливым сном забылся, вернувшись в Урийск с политзоны, последний их сын, Василий, названный в честь деда.

Но не в той — а в этой жизни Ленюшку, Мазурку и детей их старших смела ледяная метель в то заснеженное неудобье, где им всем довелось сойтись уже навеки. Но Мазурка верховодила и верховодит и там.

По лебедям

Дедушка мой корня невидного, в станичные атаманы по косорукости (одна рука у него была длинней другой) не избирался, а писарем при атамане служил, грамотным, стало быть слыл. Но после вседержавной нашей революции грамота ему не потребовалось, выгоднее было показать себя затюканным. Дед уехал из станицы в Урийск, нанялся мастером на двухпоставную мельницу, уехало с ним и прозвище его — Косорук. Скоро вся округа стала съезжаться только к деду, соответственно и навар пошел. Зажил он вполне исправно, отделил моего отца. Стал я гостевать у деда. Городские власти сподобились и построили мелькомбинат, позвали деда, и там Косорук молол первосортно.

На мелькомбинате мужиков и баб собралось немало. Когда грянула великая, многострадальная, и вымела как веником всех мужиков подчистую, дед, будучи наиглавнейшим, поначалу не тужил. Он знал, русская баба — двужильная, нагрузи воз на нее, она потянет, с одышкой, но потянет. И вправду, тридцать солдаток управлялись лихо, бедовали, конечно, потому что режим устрожился вконец, щепотку овса не возьми в карман. Пришлось перейти к испытанному огороду, огородто и выручал.

А похоронки, словно по желобу зерно, потекли на мелькомбинат одна за другой. К сорок третьему году выкосило половину помольщиков бывших. Дед, как умел, утешал вдов.

— Бабуля, — гостюя, спросил я однажды бабушку (уж и гуд в печной трубе остыл, а за окошком обмерла луна), — где наш дедушка? Почто он долго на мельнице? — по старинке мелькомбинат звали мельницей.

Кротко вздохнув, бабуля отвечала:

— Опять по лебедям пошел Косорук.

Задремывая, я представил лебедей, намалеванных местным кустарем на клеенке, и думал: проснусь поутру — а по горнице ходит живая лебедушка, с точеной белой шеей, гордая и красивая.

Проснулся. Нет деда, нет и лебедушки.

Вечером он явился, измочаленный, за сердце держался. Бабуля кинулась баню топить, отмыла деда, стопку налила. Погибельно крякнув, он выпил и молчал.

— Тяжко, родимый? — вопросила бабуля.

— По молодости оно тяжко и весело. А ныне одна неподъемность, — горестно отвечал дед. Бабуля погладила его по сухому затылку. Острые огни бедовых дедовых глаз притухли под бабулиной ладонью.

Так и поехало до самого конца войны и за войну. Нет и нет деда. Я спрашиваю:

— Бабуля, да где же любимый мой дедушко?

— По лебедям пошел, — смиренно отвечает бабуля. Я засыпаю. Зная наперед, беды особой не случится. Будет только он потерзанным и падет вялым веником на полок в бане.

Дожили до Победы. Судьба меня закрутила, стал я все реже бывать в Урийске. Вдруг получил телеграмму: «Скончался родимый. Приезжай. Бабушка». Перекладными успел я в Урийск к похоронам.

Священник, ровесник деда, отпел раба Божия Алексия. Вынесли гроб на улицу молодцы один к одному. Все русоголовые, с сухими затылками. И сменили их вскоре под стать им. Я шел, опустив седые виски, а поднял и узнал своих дядьев, ибо кто же они были для меня, эти юноши, как не дядья, побочное Косоруково племя, в кости длинные, быстроглазые. И чинно, с приличествующей печалью шли постаревшие лебедушки, в черных по случаю гипюровых платьях.

Когда сошел в могилу гроб, лебедушки почтительно пустили к пропасти хранительницу рода и слушали шорох первой горсти, брошенной бабулей в могилу.

Потом все они обнялись и запричитали.

ВРЕМЯ ПОЛУНОЧИ

* * *

...Осень. Осели осы на перекрестье оконном.
Гроздьев красным-красно. Грузен желтый закат.
Из дому выйдешь — осень. Льнут к ладони со звоном
лисые лица листьев, ластятся — и летят.

Осень. Земные оси к небесным легли положе.
Мерзнет звездная россыпь. В изморози водосток.
К ночи острее воздух. Поздний спешит прохожий.
В гулком проулке глохнет подкованный сапожок...

Муж

В клетке моей, в позлащенной неволе
пой, как умеешь, а я подсвищу;
вызов мне бросишь, воли попросишь, —
крылья подрежу — и отпущу.

Певчей ли птице — и в поле сокольем
петь, в ястребином гнездиться бору?
Кроме неволи — нет тебе воли,
муки нет слаще и сладостней боли —
петь, ненавидя, и ждать, —
как умру...

Мандельштам

Богом помечен и лирой повенчан.
В святцах не значится имя твое...
В темном Отечестве нашем под вечер
ищет ночлега себе воронье.

Анатолий БОГАТЫХ — родился в 1956 году. Окончил Литературный институт Союза писателей. Стихи печатались в толстых журналах и альманахах, автор поэтических сборников «Полоса отчуждения» (1991), «Пятьдесят стихотворений» (1997) и «По праву перелетных птиц» (1999). Живет в Москве.

Смертное тело оставил свое
пасмурным зимним заснеженным днем.
Вечна душа — и твоей, человечьей,
мчать по дороге высокой и млечной,
мчать незакатным высоким путем,
вечную жизнь обретая в Творце.

Что же в земном ты увидел конце?
Лик Петербурга, туманный и зыбкий,
братьев по Цеху волшебные скрипки,
мертвых друзей — и подобье улыбки
или ухмылки в собачьем лице...

* * *

...От бедной женщины, в которой свет погас, —
давно забытое припоминая сходство,
не отвести завороженных глаз,
на миг пленяясь красотой уродства.
Желанья тайные вдруг посещают нас,
и чувства новые в них постигаем мы,
когда колдует добрый дух зимы, —
свеченье снега в сумеречный час...

В деревне

I

Отдаленные вздохи жабы,
соловья золотая трель...
Успокоиться нам пора бы —
и пора бы стелить постель.

Завтра день и пустые встречи,
и не сбросить заботы с плеч,
навалилась она на плечи
суетою ненужных встреч.

Но пока мы в плену обмана
неурочности наших дел.
На дворе и темно, и рано, —
и соседский петух не пел.

И рекой серебряной, глыбы
сна хрустального раздвигая,
мы плывем — две большие рыбы, —
наготы своей не скрывая.

II

...Здесь так бессонница легка
среди проселков полевых.
И так пронзительна строка
в глубинах наших вековых.

Бог мой, какие имена!
В какой компании по нраву
ты проводил часы без сна,
а у раскрытого окна
молчала ночь, и никли травы,
такие слыша имена!

Что ж, связь времен не прервалась.
Неслышно дождик моросит.
Светает. Утро близко. Час
тысячелетия Руси.

Апрель

Время полуночи улицы тронет
черною краской и рыжею хной —
краской осенней и басмой вороньей.
... Девушка стонет за тонкой стеной.

Время полуночи, смутное время.
Чаще и призрачней стоны ее,
в темной истоме горячее семя
страстно принявшей во чрево свое.

Чья-то душа, отлетавшая девять
дней, по людской первородной вине
вновь поселяется в стонущей деве,
в жаркой и сладкой ее глубине.

Зябкое солнце цыганское светит,
луч его легок и тонок, сквозной.
Всходит созвездье и — грозное — метит
новую жизнь в круговерти земной.

А за окошком толпой многорукой
зыблются ветви деревьев, шурша.
Сладостной болью и светлою мукой
в миги такие исходит душа.

Отсветом чудится дальним дремотным,
помнится давним, чуть брезжущим сном, —
был ты когда-то лишь духом бесплотным
в жизни нездешней и в мире ином...

КОЛОНИАЛЬНЫЙ СТИЛЬ*

Путешествия

Мне повезло. Лет с двадцати я стала регулярно ездить в командировки по необъятным, как говорилось некогда, просторам нашей родины, что воспринималось довольно-таки буднично. Редакционное задание получено, и завтра ты, допустим, в Бухаре, или в Сибири, на Юганской Оби, в отряде мостостроителей, или в Казахстане. Трудно было представить, что и республики Средней Азии, и Прибалтика, Армения, где я особенно любила бывать, Грузия окажутся «заграницей», и поездки туда станут считаться путешествиями в другие страны.

Выпадала и «всамделишная» заграница. Индия, Африка, сказочный Непал, в период правления молодого, очкастого короля Бирендры, недавно покинутый хиппи и еще не затоптанный западными туристами.

Надо сказать, что в те годы экзотика меня привлекала сильнее Европы. Но я не догадывалась насколько поверхностны мои впечатления. И не только из-за краткости, всего-то месяц, пребывания в том же Катманду, но и по той причине, что советские граждане, даже если где-то жили подолгу, обязаны были следовать жестким инструкциям, ограничивающим, а порой и не допускающим контактов с внешним миром, и что, как могли узнать о реальной жизни в стране запертые в посольских резервациях?

Послам знание иностранных языков в обязанность не вменялось — главное бдеть, — зато власть давалась абсолютная, как африканским царькам. Любознательность строго наказывалась. В Индии я познакомилась с девушкой, референтом в нашем посольстве, осмелившейся брать уроки танца у местного, индуса, за что ее в срочном порядке отозвали в Москву, и карьера ее на дипломатическом поприще, едва начатая, на том и захлопнулась.

Еще была ну очень назидательная история, передаваемая из уст в уста, случившаяся в Бурунди. Компания, возможно, навеселе, отправилась — тут главное, что, не спросив начальства, — искупаться в речке, и

* Журнальный вариант. Полностью повесть выйдет в 2004 году в издательстве «Аграф».

Надежда КОЖЕВНИКОВА — родилась в 1949 году в Москве. Закончила Литературный институт имени Горького. Автор нескольких книг прозы, а также многих публикаций в периодике. Живёт в США

одного съел, а другого надкусил крокодил. Вот так, чтобы другим неповадно было. Мораль: а не ходите, дети, в Африку гулять.

Да что Африка! В сердце Европы, в Швейцарии, средоточии международных организаций, маршрут следования в отпуск на родину наших граждан утверждался парткомом представительства СССР в Женеве. Через Австрию, с остановкой в Вене, разрешалось, а через, Бельгию, скажет, — нет. В Италии, желающих взять круиз по Средиземноморью, на теплоходах, разумеется, тоже только отечественных, именуемых либо «Мария Ульянова», либо «Феликс Дзержинский», либо вот так же славно, допускали в Венецию, а вот Рим посещать запрещалось.

Естественно, в Рим страстно хотелось, до дрожи в поджилках. И однажды наша семья решилась нарушить запрет.

В Европе ведь все так близко, на поезд сели — и вот он, Рим. Как воры, туда— сюда оглядываясь, взяли такси и помчались. Фонтаны, площади, дворцы — кино! Но как же не заглянуть в Ватикан? Держали машину, счетчик работал, марш-бросок, Пьета — чья, Леонардо, Микеланджело? Всматриваться времени не оставалось, после по книжкам сверим, и вот на выходе уже лоб в лоб сталкиваемся с соотечественниками, нашими же, женевскими, пассажирами с того же теплохода «Ульянова-Дзержинский-Вася Самокруткин-Илья Муромец». Немая сцена. Скульптурная группа, глаза выпучены, челюсти отвисли. Так ни слова и не проронив, бросились в разные стороны. Мы — к такси.

На поезд едва успели. Едем, заходит контролер, проверяет билеты. Выясняется, влезли не в тот, не по чину вагон, тут первый класс, а у нас на два разряда ниже. Действительно, как же мы не заметили! Кресла-то синего бархата, дама напротив, в бриллиантах, шампанское пьет, и смотрит на нас сощурившись.

Надо доплачивать, поезд-то уже тронулся. Муж, кряхтя, достает купюры — расход непредвиденный — ну и на всякий случай интересуется, когда будет в Падуе остановка. Контролер, квитанцию выписывая, отвечает: в Падуе остановки не будет, поезд идет в обратном направлении.

Мы: а-а?! Дама в бриллиантах бесплатное развлечение получила, наблюдая, как двое спятивших, с малолетним ребенком, вопя, заметались среди бархатных кресел, не иначе как собираясь выбрасываться на ходу под колеса. Ду-ра! Не представляла даже, что может ждать нарушителей парткомовских инструкций: на теплоход опоздаем — все, нам конец!

Пронесло, в последний момент, но успели. А вот пережитое, унизительное, чисто совковое, не забудется никогда.

Собственно, только в Гаити, одной из беднейших стран в мире, куда муж получил назначение в качестве главы делегации Международного Красного Креста, мы оказались избавленными наконец от опеки родного государства. Из соотечественников там не бывал никто, никогда, ни до нас, ни после.

— Jean, est-ce que tu m'entends?

— Jean! — зову, обернутая полотенцем, в клочьях шампуньевой пены, стоя на площадке второго этажа, держась за перила лестницы темного мореного дерева — добротность, основательность предметов в сочетании с непредсказуемостью здешней действительности меня уже не удивляет — Jean!? Il n'y a pas d'eau! Il n'y a pas d'électricité non plus!

Безответно. Дверь, ведущая в коридор без крыши, отделяющий господские покои от помещения для челяди, плотно прикрыта: что ли еще спит?

Про господ и челядь упоминаю без смущения — констатирую то, что здесь, на этом острове в Карибском море, даже не обсуждается. И не нам, временным тут постояльцам, выказывать несогласие с местными правилами. Поначалу пыталась застилать свою постель и встретила явное недоумение. Ну и не надо, не буду свои привычки навязывать. Жан, ты где? Нет воды! И нет электричества!

— Oui, J'écoute, madame, — доносится наконец абсолютно невозмутимое.

Слава богу, значит, услышал, и надо ждать, когда заработает генератор. Почти ритуал. Утром гляжу на головку душа с уверенностью, что вода не польется или же прекратится, лишь я намылю голову. Мои влажные следы на плиточном полу из ванной к лестнице повторяются, как путь муравья. Вопль «Жан!», его «Oui, madame», вслушивание, когда генератор взревет, — это все неизбежно, неизбывно, как бесконечное, кому-то по незнанию представляющееся райским, здешнее вечное лето.

При изученности, назубок, до малейшего шороха, скрипа, всхлипа здешней звуковой палитры, закипание, еще далекое, влаги в кранах, пронзает каждый раз предвкушением блаженства. Не важно, что вода ледяная, зато льется! Действительно, роскошь, доступная тут немногим. Ее завозят в цистернах — в стране отсутствует водопровод, — но большинство, то бишь 90% жителей, стоят в очереди у водонапорных колонок с пластмассовыми канистрами.

Цена автоцистерны девяносто американских долларов, а годовой доход на душу населения в среднем составляет двести пятьдесят «зеленых». Так что тем, кто стоит у колонок с канистрами, приходится решать, что важнее, насущнее. То ли суп сварить, то ли постирать, то ли еще что.

Стирают здесь, как в Африке, сидя на корточках перед тазом с отрешенными застывшими лицами. Для просушки белье раскладывают на камнях или нацепляют на изгороди. Беда, если ветер — беги, лови.

Наши отношения с Жаном начались с конфликта именно из-за воды. Когда он увидел, что я, волоча шланг, поливаю не только пыльные деревца, кусты, но и пожухлую траву, и даже землю, спекшуюся от жара,

глаза его округлились от ужаса. Причуд прежних хозяев навидался, но от моего святотатства впал в шок: «Мадам... ты что, что ты делаешь!» Местный креольский — упрощенный, искаженный французский — обращение на «вы» не предусматривает, и Жан, во всем остальном четко соблюдавший дистанцию, говорил и мне, и Андрею «ты». Так вот, с рождения приученный экономить воду, он воспринял мое расточительство как варварство, а садоводческую активность посягательством на его должностные обязанности: если я намерена сама справляться, не грозит ли ему увольнение, потеря места?

Маленький, тщедушный, он походил на подростка, и мы удивились, узнав, что ему уже за тридцать. Ноги-руки как палочки и несоразмерно крупные, выпирающие колени, локти, будто свинтили его из деталей, предназначенных другим людям, прилепив большие мясистые уши к круглой детской головке, а весь взрослый опыт вместив в глаза.

О причине его заторможенности мы лишь потом догадались: с появлением нас, новых хозяев, его парализовал страх остаться без работы. И при первой встрече так долго не мог справиться с засовом на железных воротах, что Андрей, с обретенным в африканских командировках жестким опытом, произнес тихо, бесстрастно: видимо, надо его будет менять. Жан не только услышал, а, показалось, понял фразу на русском, и выражение его глаз помню до сих пор.

С того момента он стал моим любимцем. Но я у него доверие не вызывала, особенно после того, когда с секатором ринулась в чащу бугенвилии. Уж такой подлянки он от меня не ожидал. Наблюдал, обдумывая, верно, как реагировать на мое коварство, и наконец решился: предложил свою помощь. Я стригла, он сухие ветки оттаскивал. Совместная наша работа продолжалась до вечера. Но на следующее утро меня ждал сюрприз. Встав затемно, Жан проявил инициативу. Цветение пенное бугенвилии изничтожено было зверски, деревья казались обглоданными. Я онемела. А он явно ждал поощрения. Но победное торжество гасло, сползало с его лица. Ничего, Жан, я сказала, это моя вина, не сумела тебе объяснить задачу. Но по взгляду его поняла: откровенный разнос перенести ему было бы легче.

Там, на Гаити, я в самой себе обнаружила свойства, о которых не подозревала и не поверила бы, услышав, что смогу опуститься до склок с прислугой. При всех моих недостатках, грех мелочности, бабьей вздорности, считала, меня не коснулся и не коснется. Между тем, замены одной домработницы на другую все учащались, расставания проходили все с бóльшим ожесточением, причем каждая новая оказывалась хуже предыдущей. Хотя все являлись с образцовыми рекомендациями, одна уверяла, что работала у посла Италии, другая, что была поваром в фешенебельном ресторане, но выяснялось, что и яичницу сготовить не могут. Стирка сводилась к тому, что, свалив в таз белье и насыпав гору

стирального порошка, ждали сутки, двое, когда грязь раствориться вместе с тканью: вот рубашка, узнаете?

Умение рачительно вести хозяйство не причислялось к списку моих добродетелей, но уж таких разгильдяек встречать прежде не приходилось. Зато, их распекая, усовершенствовала свой французский. В Женеве на дипломатических приемах предпочитала молчать, чтобы не оскандалиться с произношением, ошибками в грамматике и не уронить мужа в глазах коллег. А тут нечего, некого было стесняться, и меня прорвало, языковой барьер исчез: за два-три месяца достигла бóльших успехов, чем за годы жизни в Швейцарии. Хотя бы это утешало.

Но стычки с прислугой продолжались, и я отдавала себе отчет, что меня затягивает омут праздности — рассадник всех пороков.

Только уже ближе к отъезду дошло, что они-то, местные, старались и рады были бы угодить, но когда голова отучена думать, то и руки дырявы. Хотя Гаити освободилось от угнетателей-французов почти двести лет назад, оказавшись первой «черной» республикой, рабская психология не изжилась, застряла в менталитете нации. Так, может быть, поторопились скинуть оковы колониализма? А то бы, глядишь, чему-нибудь бы и выучились у белых хозяев. А то ведь чего добились: безграмотность почти поголовная, убожество, нищета, и кучка своих же богатеев, наркодельцов, грабит страну почище иностранных эксплуататоров. Слово «свобода» зазывно звучит, но ею, свободой, надо еще и уметь пользоваться.

Мое покровительство Жану имело подоплеку: неловко было признаться, что, узнавая изнанку «экзотики», все труднее справляешься с разочарованием и в здешних людях, и в стране. Клише, что бедность заслуживает снисхождения, понимания, деликатности, крепко всадилось с сознание. Уцепилась за Жана из желания найти себе оправдание: вот ведь, сужу объективно, Жан хороший, а Магда-Илона-Барбара-Матильда дрянь!

Что ему в тягость мои обласкивания не приходило в голову. А ведь хозяйский любимчик — клеймо, позорное среди *своих*. Предательство общих, классовых интересов. Покидая нашу, барскую территорию, он беззащитным оказывался перед глумлением соплеменников. Но терпел. Готов был вытерпеть все.

В его скрупулезной честности я не сомневалась. А вот попалась както одна ну очень сообразительная, и когда ей сообщили об увольнении, в тот же день слямзила мою золотую цепочку, массивную, но фальшивую. Я после злорадствовала: цена — двадцать швейцарских франков. А полагала, должно быть, что на всю жизнь себя обеспечила. Интересно, уже знает, что обмишурилась или спрятала где-нибудь, зарыла бижутерию как клад?

Веселилась я нехорошо, с отдышкой злобы. Ожесточилась. Униженные-оскорбленные исчерпали запас к ним сочувствия. Врали и крали,

и при явной оплошности насмерть стояли, но никогда не признавали своей вины. Жан и вправду был среди них исключением.

Ни днем, ни ночью он не покидал арендуемого нами дома — нес вахту, но раз в неделю преображался. Кроссовки, почти новые, вместо опорок из резины, брюки, рубашка, а не обноски, давно потерявшие и форму, и цвет, на голове бейсболка с рекламой швейцарского пива «Кардинал» — наш «дар», — которой он очень гордился. Сиял. Мы уже знали, что его так окрыляет: свидание с сыном, росшим на окраине, среди лачуг, к которым ни на каком транспорте не подъедешь. Средневековье: ни электричества, ни водоснабжения. Пища готовится на древесных углях. Вот она — другая сторона экзотики, о которой не ведают залетные туристы, доставляемые в резорты с бассейнами, ресторанами, к пальмам, закатам, морскому бризу. Но есть и то, что остается за кадром, чтобы не портить отдых. За кадром — куда в свои выходные спешил Жан. Ради чего он жил. Сказал как-то с несвойственной ему доверительностью: я на все готов, понимаешь, ведь иначе моему сыну нечего будет есть.

Спустя год, когда наши чемоданы уже были спущены к воротам, шофер ждал, чтобы везти нас в аэропорт, я заглянула в сад. Не верилось, что мы в самом деле отсюда уезжаем. Наконец-то. Закончено испытание. Но вот ведь как вымахали бананы и даже стали плодоносить. Бугенвилия встала плотной, сверкающей пышными красками стеной. После, в Америке, я буду покупать их в горшках, за двадцать долларов жалкий кустик — и, при всех стараниях, от чахлой ублюдочности не спасу. И не смогу увезти результат своей одержимости, близкой к маниакальности, — коллекцию ракушек, которые собирала, как грибы, на прибрежном песке и ныряя в маске за особенно соблазнительными. Привозила их с пляжа мешками, мыла, сушила на солнце, потом сортируя добычу. Знала, что когда уеду, все это сочтут мусором и выбросят. Но так отмеряла прожитое здесь время, как мальчик-с пальчик пройденный путь. Разве что возвращаться сюда не хотела, насытилась сполна. Откуда же грусть? Или так бывает всегда, при любом расставании?

— А ты возьми что-нибудь на память, — услышала за спиной, — вот эту, розовую, и эту тоже. — Жан присел рядом на корточки. — И эта красивая.

Мы обнялись. «Il n'y a pas d'eau» — я сказала. «Il n'y a pas d'électricité non plus» — добавил он. Машина отъехала, я обернулась: Жан стоял у ворот и глядел нам вслед.

Cartes postales

Первым нашим пристанищем на Гаити стала гостиница «Монтана». Шикарная. Шик, бьющий в глаза, верный признак того, что в стране есть что скрывать. Нужна маскировка, пышно расписанная декорация,

парадная вывеска, за которой визитерам ничего тайного может так и не открыться, если желания нет вникать, недосуг, поджимает время.

Фонтаны с подсветкой, искусственные водопады, резная мебель, картины, скульптуры, горничные в наколках, охрана в форме с галунами. В ресторане лобстеры, выбор вин отменный, сплошное «шато». С террасы открывается дивный вид. Вот оно, и как близко, море!

Правда, только мы в номер вошли, пошатнулась и грохнулась тяжеленная дверца резного шкафа, но успели отскочить Над кроватью висел свернутый коконом, белый, нарядный, ну прямо свадьбешный полог, как выяснилось, от москитов. Они, не медля, начали нас жрать. Андрею сошло, а у меня расчесы загноились. Нашего пса, миттель-шнауцера, обычно спящего на постели у нас в ногах, обнаружили утром в ванной на кафельном полу: бедняга ошалел от жары, не ослабевающей и ночью.

Андрей отбыл на работу, а мы с Микки стали обдумывать серьезный вопрос: где собаке справить нужду? Прямо перед входом в гостиницу неудобно. Миновали будку с охраной, но оказалось, что дальше нет ничего: обрыв, обвал. Ни дорог, ни жилья. Сплошные рытвины, ямы, ухабы, как застывшая лава после извержения вулкана. На легковых машинах их было не одолеть, только на джипах. Они и неслись, как тараны, на бешеной скорости. Пешеходы не предусматривались. И вот тут я затосковала.

Значит, жить предстоит взаперти. Прогулки исключаются. А я по природе своей ходок именно, а не ездок. Приучена с детства, папой, шагать и шагать вглубь переделкинского леса. В местности, в городе ориентируюсь с помощью ног, ступней, меня, куда надо, выводящих. И что же, выходит в тупик уперлись мои дорожки?

Когда Андрей вернулся, лежала, запутавшись в противомоскитной сетке, как малек, которым побрезговали рыбаки. Услышала: Надя, встань. И я встала. Сезонный, прохладу не приносящий, шумливый попусту ливень заглушил то, что он мне сказал, а я ему.

На следующий день скупила в гостиничном киоске пачки открыток, cartes postales, выражаясь по-французски, с роскошными видами — пальмы, закаты, восходы и прочее — и принялась сочинять послания оставшимся в Женеве друзьям.

То, о чем я живописала, можно было бы почерпнуть из рекламных проспектов, заманивающих клиентов-туристов. А я больше ничего и не видала, не успела узнать. Не рассказывать же, что сижу в гостинице, как узница в темнице. Но должно было настать воскресение, когда Андрей свезет меня к морю: не на этой неделе, он будет занят, но непременно на следующей. И я — да, увижу прозрачные сапфировые лагуны, ступлю на золотистый, бархатный, шелковый песок, дары моря протянутся нам на подносах, мол, вкушайте. И усмехнусь: да, ребята, в Европе вам о таком и не мечтать!

Понесло... Уже изготовилась изругать Лазурный берег за дороговизну, скученность, суетность. На очереди была Женева, пресно-прилизанная, где только коренные швейцарцы соль земли, все прочие второй сорт, основная святыня — счет в банке, а доносительство возведено в гражданскую доблесть.

А мерзкий женевский климат, то фены, то бизы, в результате которых натуры чувствительные — ну вот как я — страдают головными болями и упаднническим настроением. Хотя про климат, пожалуй, не стоит. К здешнему, гаитянскому пеклу, говорят, потом приспосабливаются. Но поначалу, пока Микки писает на агавы, у меня ощущение, что сунулась в раскаленную духовку. Невозможно дышать, голова будто обручем стиснута, в глазах багровые всполохи. Нет, совсем не уверена, что смогу тут выжить.

...Но ведь выжили, мы оба. Вставали в пять утра по будильнику, без пятнадцати шесть, с теннисными ракетками в руках уже в полной боевой готовности ждали на корте тренера. Он всегда чуть запаздывал, полагаю, не случайно: элемент воспитания. Кто бы мы ни были в другой жизни, на кортах, он, Эдуард, главный. Ас, теннисный виртуоз, несравненный учитель. Пятеро его сыновей, им же выученные, во Флориде, Майами, за ту же работу получали в двадцать раз больше. Но для него, верно, почет, уважение были важнее заработков. На Гаити он — знаменитость, понятно? Да, амбиции, но и еще что-то, что труднее объяснить, а в пафос впадать не хочется.

И уж как он, Эдуард, нас гонял! Пот струился ручьями, моя белая теннисная юбка мокрой тряпкой свисала. Спасибо, Эдуард, большое спасибо! Ваша требовательность, строгость вбивались каждое утро как железный стержень, не дающий лужей растечься.

Андрей потом уезжал на работу, а я еще плавала с час в бассейне, туда-сюда. Одна. Привыкала, а привыкнув, поняла, что одиночество одолеваемо, если его не стыдишься. Не ерзаешь в беспокойстве о мнении окружающих. Какая разница, что они домыслят. И те, кто рядом, и те, кто далеко.

Главное — продержаться. Сомерсет Моэм в своих книгах, как оказалось, документально точен. В странах, где он побывал, к ужину переодеваться, расставлять вазы с цветами, зажигать свечи, не ради гостей, а *так* — не блажь, а способ себя отстоять. Собственное отражение в зеркале не должно вызывать омерзения. Иначе можно обрасти шерстью, обзавестись когтями, клыками и перегрызть горло себе же.

И давно любимый фильм «Из Африки» с Мэрил Стрип и Робертом Рэдфордом воспринимаю теперь иначе. Кавалькады, банкеты, гольф, наряды и парады — это не голливудские выкрутасы, а свидетельства эпохи. Плантаторы англосаксы создали колониальный стиль, блюдя себя, свои представления о том, чем человек цивилизованный отличается от дикаря.

Речь, конечно, не о фасонах одежды, не об интерьере, а о неукоснительных правилах, соблюдая которые рассудок спасали от помутнения. Хотя даже стальной каркас иной раз не выдерживал: завсегдатая клуба, вернувшегося после коктейля, находили в петле или с перерезанным от уха до уха горлом. Идиллия не получалась, цивилизация белых отторгалась местными условиями. Первопроходцев, преобразователей, миссионеров поглощала пучина дикости. Африка на своей территории побеждала Европу.

Стиль оказался прочнее идеологии. Собственно, даже не стиль, а опыт: в людях заложено больше ресурсов, чем они сами полагают, находясь в привычных условиях.

Под шелест «зеленых»

Дом для аренды мы начали искать сразу же. Стаи риэлтерш, пугающе энергичных, рвали нас, клиентов, друг у друга из рук, с алчным блеском во взорах. Ситуация напоминала постсоветскую Москву, когда соотечественники, впервые после победы советской власти оказавшись и осознав себя хозяевами собственного жилья, получили право его сдавать, да еще за валюту, да еще иностранцам! Когда в чью-то квартиру вселялся, к примеру, англичанин, это считалось столь же «престижным», как в былые годы защита докторской диссертации. Образ жизни рантье, когда денюжки капают, а ты и палец о палец не ударяешь, оказался вожделенным для вчера еще скромно-покорных, выдрессированных на черствой пайке социализма граждан. Загнанное в подкорку рвануло динамитом: захотелось сразу всего, шмоток, жратвы, причем именно заграничных.

Отмененные привилегии партократов перешли, казалось, в руки тех, кто имел жилплощадь в центре, лучше всего в пределах Садового кольца: там селились представители западных фирм, расплодившихся, как грибы. Ну и другие, из новостроек, спальных районов, не унывали: торговцы-челноки из азиатских стран, да и из ближнего зарубежья, тоже, как стало принято, расплачивались «зелеными», пусть и в значительно меньших суммах.

Маниакальная погоня за жильцом-иностранцем являлась в сущности отражением намерения, возможно, подспудного, вот так же «сдать» и страну. Мечта обывателей, чтобы постоялец-чужеземец еще бы и ремонт на арендуемой площади сделал, а, значит, когда съедет, сантехника импортная останется, плита в кухне новая, а может быть, даже и холодильник, во всей своей простенькой житейской выгоде отвечала национальному менталитету: вот кто бы кто со стороны порядок у нас навел!

Порядка, видимо, дожидаясь, съезжали на дачи, у кого они были, или в сараи, в коммуналки, даже — была не была! -- на тещину территорию. Подобное «переселение народов» всегда, во все времена, свиде-

тельствовало о неблагополучии, но в России начало девяностых воспринималось с ликованием, эйфорическим, безумным.

Атмосфера возникла такая, когда каждый рассчитывал надуть, обжулить другого, хотя бы на мелочевке, в ажиотаже не замечая, что обманули, и уже по крупному, всех. И, вместе с тем, все, что случилось тогда, что происходило на наших глазах, при всем своем сумасшествии, абсолютно логично проистекало из нашего общего прошлого. Парализованным лагерной дисциплиной анархия праздником возомнилась, всеобщим, всенародным, площадным. А пока толпа веселилась, «деловые люди» отменно поработали. Результаты теперь известны. Но удивления достойно, что так долго даже тень подозрения не возникала в сознании обобранного, замороченного, на дешевых подачках купившегося большинства.

Гаитянские риэлтерши повадками, обликом, за исключением, понятно, цвета кожи, тоже напоминали московских: и те, и те силились выглядеть независимыми, респектабельными, чуть ли не бескорыстными, но, лишь только клиент начинал колебаться, отчаливал, сделка лопалось, флер с них мгновенно слетал. Улыбки гасли. Этот род бизнеса на Гаити, как и в России, был преимущественно женским. В России я знала его подоплеку. Мои приятельницы, с кандидатскими степенями, в него ринулись отнюдь не ради развлечения: статус добытчиц, кормилиц к ним перешел от потерявших работу, спивающихся мужей. А бабы — родившимся в СССР, хоть тонну косметики на себя наложи, хоть до пупа укороти юбку, женское предназначение оставалось незнакомым, украденным раз и навсегда — стояли насмерть, как последний форпост. Они, мои сверстницы, врачи, филологи, переводчицы, инженеры, в секретарши-любовницы патрона-ворюги уже не годились, но такие словечки, как «крыша», «плечевые», вошли и в их лексикон. И они «отстегивали», не только владельцам контор по недвижимости, при которых состояли. Дипломы университетские, интеллигентность, культурные, так сказать, запросы использовались как маскировка в реалиях, когда любую из них могли «кинуть» как продавцы, так и покупатели. Никто никому не доверял. На таком фоне честность, прости, Господи, обнаруживали лишь отпетые бандиты.

В связи с этим вспоминаю смешной эпизод. Мы вторично тогда в Швейцарию уехали, а дачу немцу сдали, как он нам сказал, представляющему фирму «Фольксваген». Солидно? Проверять, подтверждения, документы испрашивать даже в голову не пришло. Спасибо, что согласился! Мы торопились, муж получил контракт оттуда же, где до того работал, из Международного Красного Креста, и нас не столько цена за аренду интересовала, сколько гарантия, что дачу не разорят, не разворуют. Оставили все как есть, посуду, белье, картины-корзины-картонки, короче, весь скарб, все нажитое. В надежные, как представлялось, руки. Уж немцы-то славились своей аккуратностью.

Детали не интересны, но в результате немец съехал, не заплатив, да еще прихватив не только наш телевизор, кое-что из мебели, но и «Волгу», оставленную в гараже. Компенсация за ее пропажу — вот что действительно незабываемо.

Немец исчез, испарился с концами, а я, приехав из Женевы в Москву, как ни старалась, трезвоня туда-сюда, не добилась ничего. Пока вдруг в нашей квартире в Сокольниках телефонный звонок не раздался. Внятно, жестко: «Как думаете, насколько ваша «колымага» тянет? Ей ведь вообще-то на свалку пора. Если на два «куска», ну с половиной, согласны, получите. Сегодня, в семь вечера. Давайте адрес».

И ровно в семь открываю дверь. На пороге двое, в одинаковых черных, застегнутых наглухо, длиннополых пальто. Один ростом под притолоку, другой ему по пояс, а физиономии, как у близнецов.

Я: проходите, пожалуйста... Идиотизм свой не комментирую. Он рефлекторен, получен с генами, не контролируем и неизбывен: пришли убивать? — хотите чаю? С сахаром или без?

Коротышка: спешим, пересчитайте. И сует пачку денег. Соображаю: «зеленые». Суетясь: что вы-что вы, полностью вам доверяю. Слышу: ну нет уж, пересчитайте, при нас.

Вот это было мерзко и хочется забыть — как у меня тогда тряслись руки. Даже не из-за страха, а от угодливости. Они ждали. Развернулись одновременно широченными спинами, как по команде, шагнув к лифту. Я осталась стоять в дверном проеме с «зелеными» в руках.

Соседи по коридору высыпали, с причитаниями: «Наденька, родная, живая, счастье какое, пронесло! Мы так волновались...» В отличие от других этажей, на нашем шестнадцатом коллектив дружный сложился. Звали друг друга в гости, подарки дарили. Но, конечно, если бы меня тогда убивали, никто бы не высунулся.

Рынок жилья на Гаити, впрочем, от отечественного отличался. Дома, что нам демонстрировали, казались ожившим текстом романов Габриеля Гарсиа Маркеса: один фантастичнее другого и один другого запущеннее. Ощущение завороженности, заколдованности. Комнат уйма, можно заблудиться, и столько всего наворочено — галереи, балконы, террасы, залы с высоченными, как в соборах, потолками, бассейны, в которых, правда, нет воды, теннисные корты, но заросшие сорняками, без сеток. На одном из участков павлины разгуливали: их тоже сдавали? Другой раз, внезапно, сквозь стену, проступил силуэт старухи, явно безумной, в кружевах, бусах, блестках и с цветком за ухом. Цветок сшибал пряным ароматам, его только что отломили с куста, а старуха — мертвая, чуть только тронутая тлением, у рта и у глаз багрово-сиреневые наплывы, но в целом хорошо сохранившаяся, хотя для показа клиентам явно не предусматривавшаяся. Успела издать клекот приветствия на креольском, прежде чем подоспевшие хозяйки вогнали, вмазали ее

обратно в облупившуюся штукатурку. Мистика, каббала, ведьмы, двор чудес из «Собора Парижской Богоматери», в замесе с отвратно-обворожительным зюскиндовским «Парфюмером». Внятный шип разъяренных владелиц: сгинь старая задница. Все было очень знакомо.

По слухам, большинство здешних дворцов возводилось на деньги, полученные от наркобизнеса, которым занимались почти в открытую при попустительстве полностью коррумпированных властей. А вот жить гаитянские мафиози предпочитали в Майами, их дети учились в американских университетах, ну да, по все той же схеме. Кстати, первых ласточек российской мафии я узрела воочию не где-нибудь, а в Женеве, знаменитой, но маленькой, где все у всех на виду.

А уж при специфической внешности «новых русских» явление их не могло остаться незамеченным. Я-то их просто *узнала* — вот ту парочку в черных, застегнутых наглухо длиннополых пальто, что наведалась в нашу квартиру в Сокольниках, вручив мне пачку «зеленых». Теперь их будто клонировали, запустив в Швейцарию через аэропорт Cointrin, где, при частых командировках Андрея, я дежурство несла, то встречая его, то провожая.

Удивление вызвал не столько шкафообразный десант, сколько почетный эскорт, его встретивший. И все это были наши знакомые, сотрудники международных организаций. Не выдержали, выходит, бесхозности? Приученные лебезить перед партийными боссами, советскими чинами, угождать кинулись теперь уже новой власти, денежной. И уж не по бедности, ООНовских окладов хватало на все. Потребность, значит. Зов души. Рефлекс шавок, хвостом вилять перед начальством, выхватывать чемоданы, ублажать, кормить-поить, с лета схватывать любое пожелание. А все потому, что рожденные в СССР никогда в себе самих не уверены, без покровителей не могут обойтись. Опыт диктует: услуга за услугу, взятка, подкуп, блат, свои люди — сочтемся — вот на чем все зиждется. Хотя вроде бы как, каким образом «шкаф», миллионами набитый, можно было подкупить-расположить? А просто: предоставить свой банковский счет для отмыва, крутежки «новорусских» немереных накоплений.

Правда, в период своей вахты в аэропорту Cointrin я была далека от подобных прозрений. Не до того. Тревога за мужа, отсылаемого постоянно в «горячие точки», то в Карабах, то в Руанду, Гому, Бурунди, за дочь, заканчивающую в Нью-Йорке Французский лицей, одиночество, в такой мере не ведомое, не испытанное, до волчьего воя — вот что держало меня в клещах. Гаити, беднейшая из самых бедных стран в мире, предстала раем, избавлением. И вот там я уже окончательно излечилась и от иллюзий, и от искушений так называемой экзотикой.

Основное различие между дикостью и цивилизованностью, дремучестью и культурой — соседство, лоб в лоб, неслыханной роскоши с

беспросветной нищетой. Прослойка, даже тонюсенькая, отсутствует. К виллам гаитянских богатеев подступали вплотную лачуги, как волны к острову. Такого я и в Калькутте не видала: жилища, слепленные непонятно из чего, с провалами то ли дверей, то ли окон, куда заползали, как в норы, чтобы, верно, только переночевать. Днем же все выплескивалось наружу: приготовление пищи на древесных углях, стирка, торговля чем Бог послал, а чаще, как правило, ничегонеделание. Прострация. Оборванные, истощенные, рассаживались на пыльной земле, застыв, не сводя глаз с железных ворот, с лязганьем отворяемых охраной, выпуская джипы хозяев жизни.

Процесс поиска подходящего дома потому у нас так затянулся, что условие, мною выдвинутое, в тамошних обстоятельствах оказалось невыполнимо. Не соблазняли ни мраморные полы, ни хрустальные люстры, когда к окнам даже приблизиться нельзя: взглянешь — и отпрянешь. Одна из риэлтерш не выдержала: либо привыкайте, либо уезжайте. Но я не уехала и не привыкла.

Шепки

Хотя мои капризы, разборчивость, имели и другие мотивировки. Вслух это не обсуждалось, но висело в воздухе. Томас Вульф назвал один из своих романов «Домой возврата нет». Лучше не скажешь.

В делегации Международного Красного Креста здесь, на Гаити, возглавляемой Андреем, семейный пост был только у него. Я догадывалась, что ни французу Жану Люку, ни голландцу Брэгу, ни испанцу Филиппу, Кэти — ирландке, сенегалке Сильвии, входящим в состав миссии, не понятно, странно зачем их шеф жену сюда приволок. Все они были нас с Андреем моложе, командировки в страны типа Гаити и в их понимании, и на самом деле обычно содействовали карьерному взлету, но для Андрея, до того занимавшего в Женеве должность заместителя генерального секретаря одной из крупнейших в мире благотворительных организаций, подобное назначение выходило разжалованием, ссылкой.

Если бы даже возникла такая потребность, вряд ли можно было бы им объяснить, что в понижении статуса, профессионального, материального, Андрей лично нисколько не повинен. Никаких ошибок в работе не допустил, напротив, когда в девяностом году подал рапорт о добровольном уходе с поста, провожали его с почестями — и с недоумением.

Впрочем, к сотрудникам — гражданам СССР их коллеги в международных организациях, при внешней любезности, относились отстраненно: лучше, мол, не влезать, не вникать. Парень хочет вернуться на родину, там быть полезным? — пожалуйста, ради Бога. Тем более там у них, говорят, «перестройка». Ему, видимо, что-то пообещали, посулили, так скатертью дорога.

Вот мы и уехали, а через три года вернулись обратно в Женеву. Опыт Андрея учли, но и другое тоже: развал прежде «могучего-нерушимого». Какие претензии, коли держава, империя больше не существует, за спиной не стоит? Продвижение соотечественников на посты, с интересом, престижем отчизны связанное, чиновников МИДа уже не тревожило. Учуяли «новые веяния»: всем на все наплевать.

А мы, наша семья, оказались невосприимчивыми к витающим в воздухе переменам. Только прибыв на родину, Андрей первым делом отправился в финотдел МИДа, сдав именной чек на 300 тысяч швейцарских франков — свой, полагающийся при уходе из международной организации пенсионный фонд. Как после выяснилось, деньги ухнули с концами, кем-то из правительственного руководства под шумок прикарманенные. Воровство перестало быть уголовно наказуемым, напротив, свидетельствовало о сообразительности, расторопности, а таких, как мы, причисляли к дуракам.

Выбора не оставалось. В новой России мы явно не прижились, и Андрей, получив в Международном Красном Кресте контракт, дал согласие на «горячие точки». Три — шесть месяцев в Африке, короткие залеты в Женеву — такой ритм обрела наша совместная жизнь. Дочь в шестнадцать лет уехала одна учиться в Нью-Йорк, жить в английской семье. До того я встречала ее после школьных уроков, переводя через улицу, не разрешая одной ездить в лифте. И все. Проводив ее в аэропорт, сутки выла, осипнув. Семья разлетелась, рухнул налаженный быт, дома не стало, лишь временные пристанища.

Но я все же пыталась сопротивляться разору. Возила с собой в ручной клади фотографии в рамках, семейные реликвии, тарелку эмалевую с драконом, купленную папой в Китае, каретные бронзовые часы, вазочку сине-зеленую с Мальты, цветную гравюру Женевы, врученную Андрею торжественно при его уходе с поста зама генерального секретаря.

И на Гаити эти вещицы меня сопровождали. Обживалась с ними в гостиничном номере. Вот тут и обнажилась моя ущербность. За всеми другими членами делегации стояли не только их страны, правительства, государства, но и семейные гнезда, традиции, родня. А за нами — никто, ничто. Еще не беженцы, но корни, оседлость уже утратившие. Отщепенцы. Потерпевшие кораблекрушение.

Случилось такое не вдруг и давно. В ту еще, казалось, безоблачную пору, когда выпала наша первая заграница, что как окружающими, так и нами воспринималось выигрышем в лотерею: вот привалило... Обычно не везло, то бишь ничего просто так, без усилий, с неба не падало. И, видимо, в этом и сказывалось благоприятствование судьбы. Она нас хранила. От непомерных желаний, корчей тщеславия, укусов зависти, мук совести, ночных кошмаров, не заедаемой ничем горечи о навсегда утраченном.

Теперь знаю твердо: из России нельзя уезжать. Нельзя, если сразу каленым железом не выжжено намерение вернуться. Если *дом* остается там. Если свое отсутствие, сколько бы оно ни длилось, воспринимаешь как нечто временное. Тогда изгойство, изгнанничество обеспечено уже до могилы. Встреча с родиной только усугубит, воспалит твои язвы. Это будет другая, чужая страна. И ты от нее, и она от тебя отвыкла.

А вот уже шаг за последний порожек: догадка, что любил ты не то, что исчезло, но и не существовало никогда. «Россия, Лета, Лорелея».

Жану Люку, Брэгу, Филиппу, Китти в голову прийти не могло искать на Гаити то, что я (верно, спятив) обрести мечтала: надежность. Да к тому же вид из окна! Может быть, еще и с родными просторами, полями, лесами, церквушками деревенскими? Посреди океана, на острове, где нога соотечественников до нас не ступала. Да, вот здесь, вот сейчас, потому что бежать, казалось, больше некуда.

Но помимо безумия, я обнаружила еще и хитрость. Смекнула: когда выбор дома будет сделан, мои «выходы в свет» ограничатся супермаркетом. Щепетильный Андрей машину с водителем мне, жене, ни для каких других целей не даст. Пой птичка в клетке или визжи. Да хоть грызи стены. Никто не услышит, а если услышит — не поймет. Русская речь здесь до нас никогда не звучала. Край земли — вот где мы очутились.

Но все-таки жилье нашлось, не лучше — не хуже прочих, мною отвергаемых. Забор, поверх колючая проволока, железные, отворяющиеся с лязгом ворота, прицел темных глаз, лишенных, как у диких зверюшек, выражения, отношения, просверливающих нас сквозь стекла «тойоты лендкрузер», как пулями, насквозь.

Там, в каменном доме, возведенном с претензиями на замок-крепость, однажды, после ужина, мы включили проигрыватель, и я в Андреевой майке, доходящей мне до колен, встала и обняла его. Мы, щепки, плывущие в океане, в пучине, вцепились друг в друга, слились, оба босые, то ли танцуя, то ли плача беззвучно. Так возник ритуал. Наши танцы в душной тропической непроглядной ночи.

А как-то вдруг за окном шорох. Я подбежала. И застала не успевшего отпрянуть соглядатая.

— Ты, Жан?

— Да, мадам. — Пауза. — Приятно на вас смотреть, и хорошо, что вы не грустите.

Пропал во тьме. Тишина, чужие созвездья в небе. А вот люди, выходит, такие же, как везде? Или все же другие?

«Болеро»

Андрей говорил, что в любой, даже самой отсталой стране, есть ниши для местных богатых и иностранцев: рестораны, отели, с полным ассортиментом изысков, как на Западе, а бывает и покруче. И не соврал, повел

меня в «Болеро», которым владел француз Робер, облюбованное сотрудниками международных организаций.

Робер за стойкой бара распоряжался, шутя, дымя сигаретой, ни на мгновение не умолкая, забавляя клиентов и себя самого, — словом, француз взаправду. Подозвал усатого метрдотеля, чтобы нас усадил, назвавшегося Фернаном и оказавшегося уроженцем Невшателя.

Враз всплыло: невшательское темно-синее озеро, мимо которого столько раз проезжали, мощеные узкие улочки, средневековая Европа, сбереженная так тщательно, что островерхие, узкоплечие домики выглядят только что отстроенными, готовыми принимать новоселов. Фонтаны украшены цветами, озвучены лепетом воды, длящемся века. Засосало под ложечкой: как это все далеко...

Куда только людей ни заносит, вот Фернана, Робера. Неужели они, француз, швейцарец, места, получше Гаити, для себя не нашли? Стало тесно в Европе? Авантюрный характер? Или что-то в жизнях сломалось? Броски такие беспричинными не бывают, им что-то должно предшествовать, нестандартное. Герои Карен Бликен (роман «Из Африки») искателями приключений сделались от уязвленности, по-разному скрываемой, но с общей метой не баловней судьбы. Колониальный стиль вот такими и создавался, отщепенцами, изгнанниками, изгоями. За фасадом улыбчивости у каждого своя боль. Фернан, что у вас? А у вас, Робер? А у тебя, Надя?

Когда мы вступили в частный клуб «Петионвиль», чтобы в теннис играть, бассейном пользоваться, обедать, ужинать среди, так сказать, себе подобных, этот райский уголок с цветами, полями для гольфа, служителями в белой униформе казался иной раз сном, вырванным из чужого подсознания. И когда там устраивались теннисные турниры, на трибунах, среди нарядных женщин в широкополых шляпах, загорелых, холеных мужчин я, как и они, с бокалом вина в руке не столько за происходящим на корте следила, сколько за ними, зрителями. Клан, сообщество или сборище одиночек? Элита здешняя или международное жулье? Ведь бизнесом занимаются в таких странах, как Гаити, в основном любители играть без правил. При ограничениях, существующих в цивилизованном обществе, капиталы зараз не наживешь, а в Гаити — раздолье для тех именно, кто соблазном движим хапнуть поскорее и побольше. И с них не спросишь, с иностранцев, участвующих в ограблении им чужого народа, коли *свои* заняты тем же самым.

Колониальный стиль призван роскошью компенсировать издержки пребывания вдали от привычного. Штат обслуги при господах растет по мере нищания нации. И можно не церемониться — вон сколько охочих. Кухарок, уборщиц, садовников, охранников, приученных к любым барским прихотям. И вдруг полоснет переполненный жгучей ненавистью взгляд.

О, море-море!

Свершилось! Андрей наконец выполнил обещание, и мы поехали к морю!

Удивило, правда, что до пляжа пришлось добираться чуть ли не два часа. А представлялось — вот оно, так близко, с балкона гостиницы распахивалась синева. Уж я насмотрелась, намечталась: оно, море, надеялась, должно искупить все.

А едем-едем, как по пустыне, перемежаемой в кучи сбившимися лачугами, что даже деревнями не назовешь. Зелень отсутствует. Потом узнала, что все было вырублено, леса, сады, пущено на древесные угли для обогрева, приготовления пищи. Газ — роскошь, недоступная населению. Началась эрозия почвы, чтобы ее оздоровить нужны большие вложения, но их нет и, по всей видимости, не будет. Надо же, при райском климате, где воткнешь палку и она зацветет, такой унылый, безрадостный пейзаж создан руками самих граждан, которым и на свою страну, и на собственное будущее наплевать, лишь бы день прожить, не околев с голоду. Если бы кактусы удавалось сжевать, то бы и этой колючей поросли не осталось. Когда-то при колониальном режиме посаженные, апельсиновые деревья выродились, превратились в дички, и плоды их, твердые, как камень, костистые, кислые, годились лишь на отжим. Но и купленная нами соковыжималка через неделю вышла из строя. После недоумевала, как Жану руками, по виду вовсе не богатырскими, удается сок нацеживать: на два стакана уходило с десяток плодов. А яблоки из США импортировали. Я узнала этот товар по продолговатым наклеечкам: в постсоветской России им завалили киоски, рынки. Своего — ничего. Клубника в корзиночках пластиковых — пожалуйста, а даже морковь, на своей земле выращенная, дефицит.

Помню, в один из приездов, у метро, облепленном торговыми рядами, барахолкой, покупала что-то, путаясь в девальвированных в очередной раз купюрах, и в раздражении на собственную бестолковость сказала: извините, я из другой страны. В ответ, ледяное: мы все — из другой страны. Да уж, чего не отнять у нашего народа — меткости формулировок. Парень, меня отбривший, был русский, курносый, чубатый. А страна вправду и мне, и ему чужая — такой ее сделали.

Но что потрясло на дорогах Гаити — не рытвины, нам и дома привычные, — а вспученные, разлагающиеся трупы сбитых бездомных собак. И даже ослов — местный, доступный большинству населения транспорт. Для тех, кто сидел за баранкой, и человека задавить — пустяшное дело. Нечего было зевать: шастают под колесами. Но тротуары-то не предусмотрены.

И опять параллель: как-то, уже вместе с Андреем, пыталась пересечь московскую улицу по разметке пешеходной дорожки, но автомобили неслись сплошным потоком, не притормаживая. Я, по рефлексу,

на Западе обретенному, подняла руку, вперед шагнула. Андрей: с ума сошла, задавят, не поморщатся! И ведь прав. Водителя не накажут, даже не оштрафуют — за взятку блюститель порядка простит все.

А на Гаити «блюстители» вообще отсутствовали. То есть формально они как бы были, и, видимо, им что-то платили, но столько, что наводить хотя бы мнимый порядок, напрягаться, не имело смысла. Поэтому каждый спасался, как мог. Богатые нанимали охрану. У нас тоже была, в две смены, дневная и ночная. И жаль делалось парня, с деревянной дубиной, у ворот нашего дома дежурившего: по моей инициативе ему предоставили шезлонг, а лучше бы раскладушку. Он так трогательно храпел. А в ночи постреливали, где-то близко.

Зато я увидела звезды, другого, не нашего расположения. Когда Андрей уезжал в командировки, спать не получалось. В ногах кровати дрых, замаявшись от дневного беспрерывного лая, миттельшнауцер Микки. Не желая его беспокоить, я осторожно выпутывалась из влажных простыней, спускалась в сад. Мое состояние тревогой не назовешь. Обреченностью? Тоже нет вроде бы. Ограда виллы, что мы снимали, поверху была утыкана битым стеклом, плюс колючая проволока. Но это все ерунда, бутафория. И я просто глядела в это странное небо, чужое, роскошное, изумляющее. Надо же, Бог так старался, а люди, ничтожные твари, замысел его испоганили. Строй моих мыслей, может быть, был таков. Но не ручаюсь. Признаться, что меня раздирали страхи?

Однажды в проеме двери возникла фигура. Ну что? Кричать бесполезно. И слышу:

— Мадам, что это ты тут?

— Да так, Жан. Красиво, звезды...

В ответ:

— Я тоже люблю смотреть.

Французский я так и не постигла. В присутствии дочери, для которой французский, можно сказать, родной, и кофе, по-ихнему изъясняясь, не осмелюсь заказать. А вот искаженный, примитивный креольский — наследие колонизаторства — открыл глаза на многое. На Жана. Вот и сейчас вижу его мальчиковую, подростковую худобу, глаза в пол-лица, вопрошающие о чем-то. Возможно, о главном, что забыто нами, так сказать, цивилизованными людьми.

... Ах да, море. Мы до него-таки доехали. Цвета сапфира, с песчаным искрящимся дном. Ни до, ни после мы такого не видали. И оно действительно скрасило нашу тамошнюю жизнь.

Микки

Когда мы только приехали на Гаити, проблема возникла с миттельшнауцером, Микки. Он, к стыду нашему, оказался расистом. В России,

где родился, не знал поводка. Трудный характер обнаружил сразу: не случайно выбирала щенка я. Он лег мне на грудь и всю изблевал на пути к даче. Хозяева объяснили: главное, не дать слабину, будет плакаться, а вы затворите двери и не пущайте, собака должна знать свое место.

Да, как же! Приперся со своей подстилки в коридоре не к комнате дочери — она у нас кремень, — а к нашей. Скулил? Нет, скандалил, базарил. Требовал то, что в итоге и получил. Наглец. Засрал, описал, конечно, все. Метил не на газеты, которые, как нас учили, мы расстилали, а аккурат мимо. Его младенчество -- сплошное утверждение себя. Не места, а роли, главенствующей. На карту — все. Готов был и помереть, измаял нас своими болячками, то понос, то рвота. Но своего добился, воцарился. А ведь были у нас и до него собаки, и в Андреевом детстве, и в моем, смышленые, верные. Этот же въелся в сердце. Взял самую важную для их породы планку: член семьи.

Из Женевы приехал с нами в Нью-Йорк. У нас был трехдневный переход к Гаити: номер в шикарном «Нью-Йорк пэлас отеле», рядом с собором святого Патрика, у Пятой авеню. И на Микки надели намордник. Впервые.

Он шел по Пятой буквально на ногах, «руками» пытаясь содрать ремешки намордника. Народ столбенел. И это на Пятой, где голому пройтись — не заметят. Вслед нам — свист. Американская общественность раскололась. Одни: изверги, издеваются над животным! Другие: полицию надо вызвать, убрать зверюгу! Особенно после того, когда Микки, извернувшись, сделал пас к афроамериканцу на роликах. Но хуже всего оказались постояльцы респектабельного отеля.

Стою в холле, держу Микки за ошейник, они же, блажные, норовят мальчика потрепать за ушами. А у него клыки, руку прорежут насквозь. Кусанет — не откупимся, засудят. У него внешность обманчивая, немного крупнее болонки, бородка, челка — и лютый нрав.

Господи, молю, скорей бы унести отсюда ноги!

И вот рейс Нью-Йорк—Майами—Порт-о-Пренс. Сплошь черные, мы, двое, как пришельцы, инопланетяне. А Микки, в ящике, сдан в багаж.

Когда приземлились, аэропорт напомнил Адлер «доперестроечной» эпохи. Никаких терминалов, кондиционеров: выгрузили среди летного поля, и, на раскаленном ветру, с ручной кладью, куда-то поволоклись.

Зато прибывших приветствовал оркестр, верно, чтобы компенсировать недостатки сервиса. Пассажиры сгрудились у короткой ленты транспортера, выхватывая гигантских объемов чемоданы, тюки, коробки, волоча их, обходясь, понятно, без тележек, к выходу.

Так же страна моя, Русь великая, наезжала со всех концов в столицу за колбасой, с верблюжьей выносливостью на горбу тягая добытое в тамошних очередях. Ведь лишь в столице хотя бы что-то *давали.*

Пока Андрей отлавливал наши чемоданы, я уже поняла — куда мы *вернулись*.

У моих ног стоял ящик, сквозь зарешеченную дверцу я трогала влажный нос. У нас с Микки, догадалась, общее состояние: отупелой растерянности. Он прозрел предстоящее интеллектом породистой собаки, я — животным чутьем.

Но я-то была готова к компромиссам, а он — нет. Возненавидел! Горничные в отеле «Монтана» отказались наш номер убирать. Микки, запираемый на балконе, сообразил, что сетчатую, от москитов, дверь можно когтями поддеть и сдвигать. Мне без него уже стало никуда нельзя отлучаться. Мы оба распластывались под гостиничным вентилятором, похожим на самолетный пропеллер, как Джек Николсон в фильме «Профессия — репортер».

Вот что еще создало дополнительные сложности в поисках нами жилья. Местные собак боялись пуще огня, и не без оснований, в бродячих шелудивых стаях часто случались эпидемии бешенства. Ветеринарная служба, вакцинация? Да, для богатых. И салоны, где мыли, стригли счастливцев, тоже пожалуйста. Но, одновременно, тучи бездомных, голодных, в болячках на впалых боках. Каков народ, таков и скот. Я, с детства приученная руку протягивать, в знак дружелюбия, любой твари, тут стала шарахаться. С низкой посадкой, растопыром вялым ушей, повадками мародеров, они шастали повсюду. Подбирались и к нашему дому, норовя в ворота проскользнуть. Микки визжал яростно. У него не сложились отношения с собаками Евтушенко в Переделкине, но, думаю, осознал, что, по сравнению, то было беседой джентльменов. С отбросами общества он до того дела не имел, и его агрессивность наращивалась.

Когда переехали из гостиницы в дом, отработана была процедура знакомства Микки с прислугой, а также с охранниками, доставляемыми по означенным адресам посменно, уж кто куда попал, и присутствие собаки, к появлению новых лиц отнюдь не безразличной, в расписании дежурств не учитывалось. Пришлось изобрести ритуал: охраннику, впервые у нас появившемуся, надлежало, когда Микки к нему выпускали, протянуть на ладони сухарь, не дергаясь, ни в коем случае не убегая. Происходило это, конечно, в нашем присутствии, но с риском, напряженными нервами. Нешуточные испытания. Некоторые, кому надлежало нас охранять, защищать, при виде Микки чуть в обморок не падали, бледнели, покрывались испариной. И Жан спал с лица, когда Микки впервые стремглав на него помчался. И вдруг, подпрыгнув, лизнул в лицо. Жан расплылся в улыбке. Так началась между ними любовь. А когда пришлось расставаться, затяжно прощались, с надрывом. Микки лицо Жана до блеска вылизал, а тот, сидя на корточках, все гладил, гладил его. «Му-му», «Каштанка» — классика...

Пляжи все, конечно, были платные. Если нет, туда не стоило и соваться: берег в завалах мусора, подъездов нет, людей тоже. И хотя морская синева тянулась вдоль дороги километрами, только редкие, на далеком друг от друга расстоянии участки имели обихоженный, благоустроенный вид. И даже шик.

При пляжах имелись рестораны, отели: служителей, официантов вдвое больше, чем посетителей, — тоже одна из примет колониального стиля, — но расторопностью они не отличались. До смешного: подскочат, выхватят из твоих рук сумку или чемодан — и все, исчезают с концами. Предложат напитки — опять схожий сюжет. В ресторане бегут к тебе со всех ног, усаживают как «свадебных генералов», а, получив заказ, куда-то будто проваливаются. Ждешь, ждешь — нету! Озираешься, пытаясь вспомнить приметы того, кто дотошно расспрашивал, как именно лобстера желаешь откушать, сильно ли прожаренным, с каким гарниром. Да с любым! И не надо лобстера, согласны на любую еду, ау!

Потом, ставши завсегдатаями, научились не только все эти физиономии различать, но и по именам окликать. Не сильно помогало. Бернар, а где Оливье? Он апельсиновый сок час назад обещал. В ответ: а не знаю, может, куда отъехал...

Такую странность трудно было постичь. В условиях безработицы — на Гаити повальной — казалось, следовало бы за место держаться. Но так казалось нам, не им. Удивительное открывалось сочетание: обреченности, задавленности и непомерной, в готовности мгновенно взорваться, гордыни. Рабство, видимо, в своих отголосках приводит к повышенной эмоциональности, мутящей рассудок. В разных формах доводилось это наблюдать — мгновенные перепады от угодливости к бешенству. Притормаживаем, скажем, машину, отовсюду торговцы сбегаются, предлагая кто что, в основном бананы, благо их не надо выращивать, сами произрастают, или же апельсины, называемые по местному шадеками. Но если начнешь цену сбивать, ярость в ответ неадекватная — до испепеляющей ненависти, до готовности стекла в нашей «тойоте лендкрузер» побить. Хотя мы единственные покупатели. Но пусть лучше сгниет товар, не уступят ни за что. Dignité — достоинство по-французски, исказилось в здешнем менталитете до уродливости. Признать собственные ошибки они, гаитяне, просто не в состоянии. Для них нож вострый — «извините» сказать, «виноват». Разбита, допустим, фара на одной из машин делегации или моя любимая английская чашка — никто никогда не признается. Намертво будут стоять, все, не моргнув, отрицать, и не из страха перед наказанием, а именно чтобы сберечь свое dignité. Вот оно только и цветет пышным цветом на фоне всеобщего разора.

Больше того, вопиющей бестактностью, посягательством на все то же dignité воспринимаются попытки выяснить, разобраться, кто все же

совершил ту или иную провинность. Тогда сразу смыкаются ряды, демонстрируется братская солидарность: «врагу не сдается наш гордый «Варяг»! А если «враг» заупрямится, проявит дотошность, да еще, не дай бог, улики найдет, предъявит их как доказательства, тут он уже серьезно рискует. Гнев народа разрастись может в ураган. Так что черт с ними, с фарой, с чашкой, прожженным утюгом платьем, жульничеством, воровством. Dignité — взрывоопасная штука. И об этом не следует забывать.

История Гаити — череда восстаний, бунтов, продолжающихся вот уже двести лет. Вдохновителем их считается Французская революция, с ее лозунгом liberté, égalité, fraternité, подхваченным рабами, перерезавшими французов в их же колонии, называемой La Perle des Antilles, то есть антильской жемчужиной. Герои-освободители, гаитянские генералы Дессалин, Петион, Лювертюр, Кристоф соблазнились и формой французских военных: треуголками, лосинами, синими мундирами с золотыми эполетами. Их изображения украшают местные купюры — гурды, ну вылитые Наполеоны, разве что лица темные. По примеру Наполеона, один из них, Кристоф, объявил себя императором. На этом, правда, сходство с vieille France заканчивается. С объявлением в стране республики La Perle des Antilles приказала долго жить.

Зато легенды, предания о преемственности французских традиций, культуры живы в Гаити и поныне. Французов, не тех, коим перерезали горло, чьи поместья сожгли, а мифических, созданных пылким воображением, сродни нашему, отечественному, изобретшему лучезарные образы варягов, цивилизовавших дикую Русь, почитают лучшие, просвещенные слои гаитянского общества. Франция их маяк, звезда путеводная, жаль, что далекая, Штаты ближе. Неувязка получается: эмигрируют в Штаты, мечтая о Франции. Я, когда мы уже из Гаити уехали, читая в «Paris Match» статью гаитянского историка Жоржа Мишеля, приуроченную к празднованию двухсотлетия освобождения Гаити, хмыкала чуть ли не над каждой там фразой. Статья с реальностью гаитянской не имела ну абсолютно ничего общего. Расчет был, конечно, на тех, кто в Гаити никогда не бывал. Но потом подумала: Жорж Мишель грезил, а не врал, и скорее заслуживает сочувствия, чем осуждения.

Чем лучше, тем хуже

Справка: за 70 лет до 1915 года в Гаити произошло 102 переворота. В 1915-м страну оккупировали американцы, при президенте Вильсоне, продержались до 1934-го, сделав за это время дороги. Теперь они в ужасающем состоянии. Зато нет «проклятых оккупантов», а есть миротворческие силы США и ООН.

Вошли они в страну без единого выстрела, как заявлено, по просьбе правительства страны для восстановления демократии. Случилось это

за три месяца до нашего на Гаити прибытия. По выходным дням у прибрежных отелей из автобусов высаживался десант бритоголовых, с татуировками, как у воров в законе, парней, в бассейнах резвящихся, играющих в бейсбол — ловко, но если промажут, а ты не увернешься, расквасят запросто физиономию.

Представители же миротворческих сил Организации Объединенных Наций из Пакистана, Бангладеш еще меньше воодушевляли. Сии храбрые мужи, по зябкости, верно, окунались в море в майках, шортах. Решившись на парусниках прокатиться, надевали спасательные жилеты. Хотя вполне могли бы всплыть, как на пузырях, на собственных, выпирающих животах. Те еще защитнички! Многие, кто из начальства, с семьями явились, и подскочила плата за аренду домов, за все услуги. Бум! Гаити — страна, где иноземцев не любят, но в них нуждаются, от них зависят. Устроившимся при иностранцах, в любом качестве, все прочие завидуют, а те своим статусом весьма гордятся. Но вот при увольнении, от обиды, разочарования, выплескиваются уже другие эмоции: проклятые чужеземцы, убирайтесь вон из нашей страны!

В гневе забывают, что если «проклятые чужеземцы» действительно уберутся, по своим странам разъедутся, кому тогда дома в аренду сдавать, кого обслуживать? Бум сменится депрессией. Кстати, с 1994 года по 2001-й на помощь Гаити США, например, затратили 2,3 млрд. долларов. Кроме того, присутствие иностранцев, посторонних, задевая, возможно, патриотические чувства, является между тем гарантией от беспорядков. Характерно, увы, не только для Гаити, что, празднуя освобождение, смену власти, режима, народ, ликуя, переходит к погромам. Обещанное же процветание почему-то не наступает. На Гаити сигнал к беспорядкам — подожженные на дорогах покрышки.

Нам это пришлось увидать. Розмон, шофер, нанятый из местных в краснокрестную делегацию, объяснил: «Пока не беспокойтесь. Всего-то с десяток горит, вот когда сотнями запылают...».

Утешил. Да, выпал «курорт»! Андрей «ободрил»: «У нас по плану на эвакуацию будет двадцать минут, успеем».

Сплошные прелести

Но по дороге к морю хотелось отвлечься от всех тревог и замечать, выискивать приятное, милое глазу. Алую юбку, вздутую живописно ветром, на франтихе, направляющейся на воскресную службу в церковь. А рядом другая, в платье до полу, с разрезом во всю ногу, да в шляпке с кружевами. Спутник, ей под стать, в светло-песочном костюме, с жилеткой, в манишке с оборками — загляденье. Умеют же принарядиться! И тут же в мусорном отвале роются черные свиньи, голопопый ребятенок бежит. Гроздья бананов вывалены у края дороги с торчащими, как слоновьи бивни, стеблями-креплениями. Андрей говорит: вот

и бананы завезли. И сразу в памяти вспыхнуло: в Москве, куда их действительно *завозили*, продавали зелеными, твердыми, я, по чьему-то совету, прежде чем дочке, Вите, скормить, совала их под диван дозревать в темноте. Когда это было? Было ли? Вита в Канаде, в университете учится. И где реальность? В том, что было, или что сейчас есть?

Едим лобстеров в ресторане на пляже по баснословной, если с Европой сравнивать, дешевизне. Рядом французское семейство. По тому как они обсасывают панцирь, щупальца-усики, ясно, что лакомиться так им в новинку. После будем их встречать на тупичках для белых. Освоятся. Все осваиваются, в любых условиях. Живуча человечья природа. Но вот каковы тут последствия, предвидеть не дано.

Хотя лобстеры, креветки, вообще все морское подавалось только в ресторанах, и я поначалу не поверила, что в портовом городе свежей рыбы в магазинах нет. Обследовав супермаркеты, убедилась: и вправду. Кроме рома «Барбанкур», пива «Престиж» да кур, все сплошь импорт. А море-то кишит живностью. Почему же ее в Порт-о-Пренс не завозят, не поставляют? Не выгодно, волокитно? Ресторанная мафия противится? Супермаркеты держали клан сирийцев и один француз. У него к рождественской индейке даже традиционные для французской кухни каштаны нашлись, хотя и консервированные, в банках. Спросили: а нет ли еще и трюфелей? К сожалению, нет, признался смущенно. Ладно, обойдемся. Интересней было бы узнать, каково ему здесь, чем отвлекается, как глушит себя? Поделился бы опытом. Но он откровенничать, понятно, не стал, а предложил ящик хорошего и недорогого вина. Так сказать, по знакомству.

Существование на Гаити реанимировало нашу хватку, сфокусированную на бытовой сфере. Обстоятельства, когда все дефицит, нам, выходцам из СССР, были не внове. Привычка к швейцарскому изобилию отмерла при первом же посещении гаитянских промтоварных магазинов — точных копий отечественных сельпо. После эмбарго экономика страны так и не оправилась. В одной из лавочек вознамерились набор стаканов приобрести, так оказалось, они не для продажи, а выдаются только напрокат, по торжественным, видимо, случаям. Махровые полотенца, постельное белье — с накруткой втридорога, по спекулятивным ценам. Да и то без наводки от местных, не знали бы, куда и сунуться. С их подсказки обнаружились и первоклассные рестораны, парикмахерские с отличными мастерами, портнихи, маникюрши, массажисты, обслуживающие клиентов на дому, но без «волшебного слова», то есть блата, все эти прелести оставались бы скрытыми, как сокровища пещеры Аладдина.

Возвращаясь после купаний, мы высматривали по обе стороны дороги предлагаемый товар: фрукты-овощи, рыбу, связкой нанизанную, еще трепыхавшуюся. Вот мальчонка держит усатого лангуста, кажущего-

ся крупнее, больше в детских руках. Спрашиваем: а еще есть? Оставив машину, спускаемся к морю. В прозрачно-синей воде покачивается садок— клеть, сплетенный из тростника, и там копошатся черно-чугунные крабы, лангусты, омары с толстой, короткой шеей. Продавец — он же охотник, ныряльщик — выкидывает их на берег. Они тут же, гремя доспехами, устремляются в родную стихию, к воде. Напрасно размечтались. Продавцу помогают голые, черно-эбеновые мальчуганы, и в голову им не приходит стыдиться своей наготы. Нет, как мы узнали, не сыновья. Взгляд с прищуром: вам-то какая важность? Долго, подозрительно, надувательства опасаясь, мусолит свой куш, гаитянские гурды. Но со счетом, даже до десяти, у него нелады. Досадливо морщится: а, ладно, мол, проваливайте, жадюги!

Отъезжаем. Андрей: «Ой, сплоховал, без калькулятора не так подсчитал, переплатил, с нулями запутался, вместо двухсот дал две тысячи». Да ладно, его утешаю, спишем урон как благотворительность, признательности, разумеется, не ожидая. И от этой иллюзии избавиться пришлось.

Жизнь — смерть, день — ночь

Только мы в доме обосновались, не выяснив да и не пытаясь, чем занимаются владельцы арендованных нами хором, влетает как-то ранним утром в слезах кухарка: отпустите на похороны, младшего брата хозяина убили! Проломили голову. Кто, за что, неизвестно.

Знакомое, «постсоветское». Переглядываемся. Андрей: ну что, на теннис поедем?

И едем. По кочкам, рытвинам, ухабам в тропических предрассветных сумерках: поздно светает. На мне белая юбка-плиссе, ракетки в чехлах на заднем сиденье. Андрей: нда-а. Я, вторя, нда-а. Содержательная беседа.

По обочинам дороги в сполохах кострищ мечутся, как грешники, в аду, еле различимые силуэты. Старуха, похожая на ведьму, готовит варево в котелке, отгоняя тучи мух. Грязища, пылища, светофоров нет, поток машин еле движется, всюду пробки. Наконец подъезжаем к воротам клуба «Петионвиль», отворяемых охранниками в песочного цвета форме. И поражающий каждый раз перепад. Другой мир: аллеи, клумбы, белое здание с колоннами, бассейн, поля для гольфа. Правда, Эдуард, тренер, быстренько отрезвит, начнет гонять, хлестать: двигайся, двигайся, не застывай, как корова. В выражениях не стесняется. Мальчик, Жак, подносящий мячи, шепчет: мадам, не огорчайся, босс со всеми строг. Ему лет двенадцать, живет на чаевые, какая уж тут школа. Здесь, при клубе, если повезет, и состарится. Эдуард тоже начал так, подавая мячи игрокам. А вот теперь профи, хотя и самоучка. Взгляд цепкий, смышленый, проницательный. И все же, когда он, отработав с нами положенное, уходит, сразу обмякнув, с сутулой спиной, грустно бывает. Как-то снял

бейсболку: совершенно седая голова. Целый день на жаре на корте. Не железный ведь, однажды там и свалится.

Стою долго под душем и мечтаю: вот бы не утро, а сразу вечер. И спать, спать... Колониальный менталитет вползает в меня. Не длить хочу время, жизнь, мне отпущенную, а сжирать, сжигать, как тюремный срок.

После, когда будут случаться подножки судьбы, по макушке удары, вспомню себя в Андреевой, доходящей до колен майке, вниз по лестнице шлепающую, оставляя босые влажные следы, в сад, к кусту шиповника, мною реанимированного, цветением своим оглушительным доказывающего, что жизнь — это жизнь. Море — это море. Туда, лишь бы момент не упустить, падает, гаснет, оранжевый шар. В тропиках нет заката, постепенности, трепетности. Бац — и все. Резкая, жутковатая смена дня и ночи. Есть над чем задуматься.

Будни

Как-то с шести утра загудели вертолеты. Переворота опасались, поскольку президент Рене Преваль в Европу укатил. Обычное дело — скинуть правительство и поставить по сути такое же, но как бы другое. Уж до того свободолюбивый народ!

Предполагаемое событие хорошо сочеталось с отъездом Андрея в зону, где ожидался ураган «Берта», с последующим наводнением. Ну просто все к одному. Ближайший прогноз предсказать могла безошибочно: всегда, только Андрей уезжал, выходил из строя генератор, соответственно — нет электричества, нет воды. Обещал подъехать Жан Пьер, отвечающий в делегации за техническое оснащение, но не приезжал, машина его ломалась, а другие в разгоне. Холодильник оттаивал, продукты — на выброс. Я в ярости металась, как тигра в клетке. Вопрос: какая из неприятностей самая худшая? Переворот, ураган, испорченный генератор? Да все! У-у поганая страна, проклятый колониальный стиль! Только на собственной шкуре осознается, что значит «экзотика», которой заманивают простодушных туристов.

Ведь и я, прилетев в Кению, в Найроби, на встречу с Андреем, возглавлявшим тогда миссию Международного Красного Креста в Руанде (безопасность там не гарантировалась, поэтому члены семей навещали делегатов в Найроби), доставленная из аэропорта в гостиницу, выдержанную в британских традициях, с выдрессированной британцами же обслугой, ничегошеньки не поняла. После мы отбыли на сафари, опять в идеально отлаженную райскость, поселились в бунгало на берегу речки с залегшими на илистом дне гиппопотамами и в окружении обезьян, постоянно занятых выяснениями отношений друг с другом. Блаженство, праздник каждый день. Организованные с проводниками туры по бескрайней, серебристой саванне. Жирафы с балетными головками, бородатые антилопы-гну, задастые зебры, разгуливавшие как бы в пижам-

ных штанах, страусы, носящиеся с реактивной скоростью, и вдруг неизвестно откуда возникающие масаи, задрапированные в ярко-красные тоги, с патрицианским величием шагающие с длинными шестами в руках.

То, что у всей этой завлекательности имеется изнанка, в голову не приходило. Так не хотелось уезжать! В аэропорту Андрей вывернулся из моих цепляний, ушел, не оборачиваясь.

Теперь знаю, во что он не хотел меня посвящать. В Заире, на границе с Руандой, делегаты жили тоже, как и в Гаити, в виллах, на берегу красивейшего озера. Но охотников в нем купаться не находилось: на его глади всплывали трупы. В племенной вражде руандийцы методично вырезали друг друга. В лагеря беженцев, организуемых Красным Крестом, где кормили, лечили, попадали и жертвы, и убийцы. А кто их разберет? Они ведь сами не могут в себе разобраться.

У меня, признаться, возникла крамольная мысль: а надо ли вообще вмешиваться? Что, белым, европейцам, своих территорий мало? Распирает гуманизм? Хотят замолить грехи захватчиков-колонизаторов? Приключений ищут?

Раньше казалось, что те, кто отправляется в подобные экспедиции, в «горячие точки», в зоны бедствий, — герои. А если фантазеры, безумцы? В мозгах не хватает винта? Ведь те, кому они помощь оказывают, в упор их, бывает, расстреливают, подкладывают мины, выволакивают из машин, грабят, избивают, убивают. Да не нужны им, таким, ни демократические идеалы, ни, как считается, «общечеловеческие ценности». Не прививаются они тут и не привьются. Напрасные затраты, жертвы, риск.

Такие соображения впервые возникли, когда мы возвращались после сафари в Найроби, в джипе, взятом напрокат, вдвоем. В последний момент проводник из местных попросил его подвезти до города. Мы согласились — верно, это нас и спасло.

Саванна с животными, когда запретили на них охотиться, людей уже не боявшимися, спокойно позирующими перед фотообъективами, оказалась не столь идиллической, как представлялось на организованных для туристов экскурсиях. Наш джип завяз, заехали в топь, серая масса сковала бока машины, подступая к окнам. И тут из зарослей появилась группа, человек десять, в габардиновых, палевого колера плащах, фасона начала пятидесятых, при их росте коротких, из-под полы которых торчали черные, тощие, как жерди, ноги: они, масаи. В руках мачете. Тростник, кустарник или же чья-то глотка таким орудием перерезается враз. Каменное выражение лиц. Не угроза, не дружелюбие — непроницаемость.

Наш спутник по-своему с ними залопотал. Мачете мгновенно нашли применение: сооружен был помост, машину выволокли, лица улыбками озарились еще до того, как Андрей стал «зеленые» раздавать. Все довольны. Но у меня привкус остался, что ситуация могла обернуться

и по-другому. Если бы мы, двое белых, без их соплеменника, одни оказались? Воображение не хотелось воспалять. Пронесло — и слава Богу.

Голубая мечта

Секретарша Эрмьен попросила у Андрея разрешения прийти на работу позднее: ей надо сына в Штаты отправить. Сыну три года, в Штатах его ждет отец, муж Эрмьен. И сама Эрмьен туда же собирается, у нее есть грин кард, то есть вид на жительство. Родители давно уже в Штаты перебрались, когда Эрмьен была совсем маленькой. Отец один раз наведался, его здесь, в Гаити, обокрали, после чего он заявил, что больше сюда ни ногой. На вопрос, довольно дурацкий, почему она тоже решила уехать, Эрмьен ответила доходчиво. В районе, где живет, прямо у их дома наркоманы собираются. Полиция бездействует. Недавно убили человека, так полицейские прибыли спустя час после вызова. А когда едут, включают сирену, специально, чтобы все, кому надо, успели, скрыться. «Не знаю, понимаете ли вы, — сказала Андрею, — но здесь страшно жить».

Понимаем, очень даже понимаем, Эрмьен. Зимой, приехав в Россию, в нашей квартире в Сокольниках, на шестнадцатом этаже, я проснулась ночью от крика мужчины. Где-то поблизости его били, убивали. Долго кричал. И что я могла? Был уже опыт, позвонила в милицию, там бросили трубку. Дома-башни вокруг тоже слышали, слушали, кому-то это мешало, а кому-то и не мешало заснуть. Привыкли.

Здесь же практически у каждого продвинутого, так сказать, гаитянина имелись родственники за границей, в Штатах, как правило. Знак качества — гостить регулярно у американских сородичей, а уж высший пилотаж, уложившись в визовые сроки, там родить. Тогда ко всем удовольствиям от поездки еще и новоиспеченный американский гражданин прибавлялся. Расти, дитя, тебе повезло, родители оказались не промах. Не упустили шанс.

И все без исключения состоятельные гаитяне отправляли своих отпрысков учиться либо в Америку, либо, реже, в Европу. В своей стране образование получить было просто негде, даже начальное, школьное, отсутствовало, не говоря уже о высшем, университетском.

Хотя и в будни, и почему-то даже в воскресные дни повсюду сновали желтые, опять же американского производства, автобусы с черной надписью SCHOOL BUS. Могло возникнуть впечатление, что учится вся страна. Но оказалось, это частный извоз, нечто типа маршрутного такси, используемое торговцами для доставки товара на уличные рынки. А школы, по той же схеме, как и полицейская, таможенная, пограничная службы, как бы существовали, но фиктивно. Сразу, с первого взгляда не разберешься. Умиляли стайки детишек с ранцами, в гольфах, девочки в одинаковых клетчатых или же одноцветных юбочках, мальчики либо в голубых, либо в белых рубашках.

Одна такая, с позволения сказать, «школа» находилась напротив дома, где мы жили. Я наблюдала за происходящим там из окон и, надивившись, обратилась за разъяснениями. Почему дети целый день толкутся в школьном дворе, а в классы даже не заходят? Почему на школьной же территории под навесом сидит человек, что-то строча на швейной машинке? Кто он? Каковы его функции? И услышала: это учитель. Чтобы «школу» открыть, не нужен никакой диплом, система образования приравнена к частному бизнесу. Родителям, разорившимся на школьную форму, учебники частенько оказываются уже не по карману. Ну не сумасшедший ли дом? Или намеренное злодейство? Безграмотных, темных проще обманывать, обирать.

Кухарки, садовники, охранники, получая зарплату, вместо подписи ставили крестик. И стало больно, обидно, когда такой крестик тщательно нарисовал наш Жан. Какая же сволочная власть, а еще называется демократической! Поэтому все, кто могут, оттуда бегут или же мечтают убежать.

Для воплощения мечты, помимо других, существует и самый простой, но и самый рискованный способ, используемый непродвинутыми и несостоятельными гаитянами, коих, как уже отмечалось, в стране большинство. Схема такая: в складчину нанимается лодка и набивается желающими до отказа. Пересечь собственную границу не составляет проблем, куда сложнее у той, вожделенной. Нелегалов из Гаити в США отлавливают, отправляют обратно, но кое-кому удается просочиться. Один, нам рассказывали, особо целеустремленный, предпринял аж девять попыток, на десятой исчез, ни слуху, ни духу. Утоп или, может быть, все же?.. Согласно всеобщей мечте, хотелось надеяться, что затея ему-таки удалась. Но если и нет, других страждущих это не остановит. Бежали, бегут и будут бежать, что нисколько не удивительно. Недоумение скорее могли вызвать те, кто обосновавшись в другой стране и отнюдь там не бедствуя, все же решали вернуться. И хотя таких мало, о них стоит упомянуть.

Когда у Андрея сильно поднялось давление, мы обратились к врачу, пользовавшему делегатов международных миссий, на Гаити практиковавшему сорок лет. Позвонили, он сам взял трубку и лаконично, в подробности не вдаваясь, объяснил, что от дел отошел, так как месяц назад потерял жену: ее убили грабители в их доме в центре Порт-о-Пренса. Порекомендовал своего преемника, образование получившего в Париже, недавно вернувшегося и принимающего пациентов в госпитале «Канапе вер».

Ехали мы туда в сумрачном состоянии, и не только из-за плохого самочувствия Андрея. Да уж, нравы! Сорок лет человек тут прожил, лечил, все его знали, но нашлись подонки, ценностей в доме не обнаружив, зверски убившие его жену. Никому, выходит, никаких гарантий. И эм-

блема Красного Креста на машинах делегатов не защита. Когда Кофи Аннан примет решение о закрытии миссии ООН на Гаити, после того как в августе 2000 года сотрудника, отвечающего за транспорт, выволокут из машины и расстреляют в упор, нас уже здесь не будет. Но сообщение корреспондента «Ассошиэйтед Пресс» не удивит.

К моменту посещения врача срок командировки Андрея подходил к концу: за год пребывания флер загадочности этой страны был изжит, мы научились ставить диагнозы, по точности близкие к медицинским.

С первых минут знакомства с новым врачом в его облике, обхождении почувствовалось явно нездешнее. Метис, с матово-смуглой кожей — кровь африканских выходцев подверглась сторонним вливаниям не в одном поколении — высокий, стройный, похожий на Алена Делона, но без слащавости, он, в чьем профессионализме и в первый, и в последующие визиты сомневаться не приходилось, задел в нас струну как бы сочувствующего родства. Хотя, объективно, ничего общего. Париж, где он долго прожил, а мы наезжали? То, что и у Андрея был медицинский диплом? Нет, не то. Он нам сказал, что вернулся после смерти отца, тоже врача, унаследовав его частную практику, добавив невнятное: ну и...

«Ну и...» — вот что нас сблизило. Словами не разъяснить. Порыв, тяга мощная, инстинктивная, туманящая разум: домой, домой! У нас был тот же опыт, комментарии не требовались. Он знал, откуда мы родом. На вопрос, в сущности излишний, — не жалеете, что вернулись? — улыбнулся: «Пожалуй, это было не лучшее мое решение».

Из Канады, и тоже незадолго до нас, на родину вернулся и президент Гаитянского Красного Креста доктор Клод Жан-Франсуа. Хотя тут были другие мотивы. Клод принадлежал к тем, кого преследовали при диктаторском режиме, за кем тонтон-макуты являлись ночью, и исчезал человек, после находили обезображенный труп — ну как у Грэма Грина в «Комедиантах» описано. С той поры много воды утекло, Гаити эпохи Дювалье давно уже не существовало, страна считалась демократической, и туда потянулись изгнанники — политэмигранты.

Партия, к которой принадлежал Жан-Франсуа, поклонялась одной из разновидностей троцкизма — с подпиткой западным либерализмом марксистских идей, пышно расцветших, как известно, в тридцатые годы особенно в Латинской Америке, благодаря еще и присутствию там опального коммунистического вождя. Знакомство, общение с ним, Троцким, сманило Сикейроса, Диего Риверу, Фриду Кало. Правда, и на Западе в интеллигентской, склонной к фронде среде, нашлось немало его приверженцев, впоследствии, кто дожил, разочаровавшихся и в троцкизме, и в коммунизме, и в марксизме, переживших глубокий духовный кризис. Но в Гаити, где ни одно название не отвечало содержанию, и троцкистская, изначально сомнительная, идеология получилась суррогатной смесью неизвестно чего с чем. Ее представляли члены

партии Лавалас, в основном состоящей из эмигрантов, долго отсутствовавших в стране, отвыкших от ее реалий, но имеющих претензии на влияние в обществе.

Гонения, пережитые при диктатуре, иной раз измышленные, — главное, что являлось их лозунгом. На этом основывалось и намерение прорваться к власти. Ни о каком равноправии, братстве, солидарности речь не шла. Урвать свое — с этим явились в нищее, злосчастное, по определению того же Грэма Грина, Гаити, как еще одна разновидность кровососов, алча своей доли под прикрытием диссидентского якобы прошлого.

Прежние «левые», следуя канону, во-первых, симпатизировали СССР, во-вторых, ненавидели империализм, что являлось ядром их сплоченности. Но к девяностым годам только психический изъян, либо откровенный цинизм мог сцепить, скрепить этих «соратников по борьбе». С чем, с кем сражаться — ушло. Осталось — зачем, обретя внятно меркантильный характер.

Важность имело лишь от кого, сколько можно взять, выкачать. Контакты с представителями международных организации осуществлялись ради отсоса денег, грантов, всего, что из щедрот благотворительности поглощал, как прорва, их собственный карман. Так называемые *демократы* оказались мздоимцами, чьи аппетиты перекрыли держиморд деспотического режима. Брали все, брали всё. В стороне, оказался, пожалуй, лишь доктор Жан-Франсуа, под крылом которого, «крышей», в Гаитянском Красном Кресте и собралась камарилья, как он, наивный, считал, единомышленников. Хирург, с дипломом бельгийского университета, втянутый в политические интриги, не просчитавший, что поставил на карту больше, чем надеялся получить.

Семья его благоразумно оставалась в Канаде. Но затеяв строительство дома, с размахом, на Гаити принятым, верно, надеялся, что жена и дети хотя бы будут наезжать к нему погостить. Ждал их то к одним, то к другим праздникам и был смущен, так и не дождавшись. Зря оповещал. Холеный, барственный, с плотно облегающей массивную голову ярко-белой сединой, Клод на глазах сникал, обмякал. И костюм цвета сливочного мороженого, надеваемый по торжественным случаям, не гляделся, как прежде, парадным, нарядным, будто пожух одновременно с его обладателем.

Когда я на теннисе растянула межреберные мышцы и боль оказалась столь острой, что трудно стало вздохнуть, доктор Жан-Франсуа вызвался меня навестить. Тосковал, видимо, и по семье, и по пациентам, по своей профессии. Но какой из него был политический деятель! Уехал из Гаити совсем молодым, жизнь прошла в Европе, потом Канада. За столько лет Гаити превратилось в мираж, «голубую мечту» наоборот — устремился туда, откуда бежали, — и лучше бы он ее сохранил, сберег вдалеке.

После, когда я снова вышла на корт, он к нам зачастил: что называется, ехал мимо. О чем мы говорили? О музеях в Брюгге, собрании там картин Мемлинга, его изумляющих и по сей день находках радужного спектра в белом цвете, хрустальных высверках в белизне воротников, манжет, женских лиц, напоминающих лилии. О мидиях, только что выловленных, приготовленных в белом вине. О Монреале, где на станциях метро звучит Бах, Моцарт, Верди. Собственно, как и мы, он был здесь иностранцем, уцелевшим случайно обломком прошлого, персонажем романа «Комедианты».

В новой, постдювальевской реальности роль ему жалкая выпала, недостойная его седин. Марш-бросок во власть не удался. Отношения в семье дали трещину: уехав побеждать, вернется побежденным. Продаст дом — в спешке, за полцены. Все это предугадывалось, мы сами схожее испытали.

Не случайно на стикерах здешних машин часто встречалась фраза-призыв: ЛЮБИ ГАИТИ ИЛИ УЕЗЖАЙ. Можно добавить: а уехав, не возвращайся. Предупреждению не внявший рискует дорого заплатить.

Ностальгия по папе-доку

Когда роман «Комедианты» стал доступен советскому читателю, я училась в школе. И даже при воспаленном воображении невозможно было представить, что окажусь там, где круглый год цветет бугенвилия, разрастающаяся в непроходимую чащу, — примета запустения, как считал герой романа. Буду ужинать в отеле «Олоффсон» в центре Порто-Пренса — прообразе «Трианона», задуманного честолюбивым мечтателем Брауном как место встречи тамошних интеллектуалов: гостиница-люкс и для гурманов, и для любителей местных обычаев не придумана Грэмом Грином, а достоверно им описана. Существовал на самом деле и suite с гигантской, вычурной, под балдахином кроватью, на которой умирала мать Брауна. И бассейн тот самый, на дне которого Браун высветил фонариком мертвое тело, тоже, как во времена, описанные в «Комедиантах», без воды.

В предисловии к роману Грин написал, что ни тогдашнее Гаити, ни диктатура Дювалье не являются плодом его вымысла. «Эту черную ночь невозможно очернить». И наверно очень бы удивился, если бы ему сказали, что спустя пару-тройку десятков лет многие гаитяне «эту черную ночь» вспоминать будут как эру благоденствия, процветания, а главное, порядка.

От Билли Брандта, хозяина сети парфюмерных магазинов, также являющегося вице-президентом Гаитянского Красного Креста, от Вилфрида Брауна, владеющего типографиями, полиграфическим бизнесом, да и не только от них приходилось слышать панегирики прошлому, по их словам не только не мрачному, а прямо-таки лучезарному. Как-то

Билли, провожая нас после изысканного ужина со свечами от своего дома к машине, сказал, что прежде ни охраны не требовалось, ни заборов с колючей проволокой, безопасность гарантировалась, хоть шляйся по городу ночь напролет, хоть усни на скамейке в парке. (Неужели были и парки?!) И дороги в прекрасном состоянии, и экономика в полном порядке, и туристы валом валили, вообще — рай. На вопрос читал ли он «Комедиантов», скривился досадливо: да сочинить можно что угодно!

Ностальгия по прошлому, далеко не идиллическому, возникает при неудовлетворении, разочаровании настоящим, и мотивировки тут могут быть самые разные. Любые перемены кого-то всегда обделяют, оттесняют, порождая недовольство. Главное, каково соотношение обиженных и довольных. Вот это единственно объективный критерий, и как бы власти ни старались, опровергнуть его нельзя.

В Монреале я вместе Витой посмотрела документальный фильм о Гаити, снятый в 1957 году. Упитанное население, пританцовывая под караибские ритмы, собирает обильный урожай. Ну просто ансамбль Игоря Моисеева. Представители элитарных слоев в бальных туалетах, смокингах, танцуют, пьют шампанское, другие в бассейны ныряют, в которых, как ни странно, есть вода. Начиная с 1946 года, диктор вещает, туризм на Гаити развивается в геометрической прогрессии. Торговля идет вовсю, порт судами забит, и товар не только привозят, но и увозят, экспортируется не только традиционный, еще со времен французского колонизаторства, сахарный тростник, но и кофе, и фрукты, и много всякой всячины. Все кипит! Стилистика фильма, правда, напоминала наши отечественные «Новости дня», с той же победоносной дробью и всенародным ликованием. Но меня интересовали дороги: и вправду без ям, колдобин! Может, тогда и порядок действительно был, а?

Вот только почему в некоторых странах исправность дорог возможна лишь при отсутствии свобод? И что ли для гарантии порядка в любой момент любого могут выволочь из постели и увезти в ночь, в смерть? А экспорт кофе, как и сбор урожая, должен осуществляться под надзором тонтон-макутов? Ведь вот их смели, так и нет ничего. Ни балов, ни туристов. Мусор не убирается, разлагается, в нем утопает и центр, и окраины города. И порт пуст. Вода у берега загажена настолько, что даже мальчишки не решаются искупаться, рыба дохнет. Вообще Порто-Пренс и городом-то теперь не назовешь. Его захлестнула голытьба, а «чистая» публика селится либо в Петионвиле, либо ближе к горам, в Кенскоффе.

Смотрела фильм по роману Грина с Лиз Тейлор и Ричардом Бартоном в главных ролях, стараясь угадать, где бы это могло происходить, их свидания, приемы, коктейли, на которых они встречались? Сцену, когда Бартон поджидает Тейлор в своей машине, и вот она подъезжает, пересаживается к нему, изучала многократно, останавливая, вновь запус-

кая видеокассету. Неужели неподалеку от Марсова Поля? (Бредит Гаити Францией, но кроме имен, названий перенять ничего не удается.) Нет, не может быть, чтобы там! На пустыре, где во тьме наркоманы бродят, предаваться любовным утехам в машине с погашенными фарами, да еще умудриться уснуть, там, где и днем-то с заблокированными дверьми проезжать рискованно: сумасшедшие, они, что ли, или...

Одна из граней такого «или» открылась после того, как мы, Андрей, Вита и я, отправились в Жакмель.

Жакмель находится на южном побережье. В тех местах Гаити напоминает Швейцарию: близко подступающие обрывы, крутые виражи и вдруг распахивающаяся панорама зеленых гор с уходящими в синеву вершинами. А когда после очередного спуска по спирали за поворотом брызнуло море, тут уже как бы возникла Италия, если въезжать в нее со стороны туннеля Монблан. Ну и все. На этом сходство закончилось. Мы оказались в Гаити периода «пост-Дювалье».

В справочниках, рекламных проспектах Жакмель назывался городом, начавшим расти, отстраиваться с 1492 года. А почему не в мезозойскую эру? Полторы улицы, стиснутые барачного типа зданиями, — вот, выходит, что успели создать за 500 лет. И руин древних что-то не видно, хотя несколько зданий стояли без крыш, зияя провалами окон, но неприятности с ними приключились явно не так уж давно.

Особые почести в рекламных проспектах воздавались отелю «Жакмельен», называемому «брильянтом архитектуры», который ну просто штурмом берут туристы со всего света, приезжающие сюда, чтобы — цитирую — «научиться искусству жить, искусству любить, избавляться от всех тревог под убаюкивающие волны прибоя».

Прочтешь такой комментарий, находясь в номере «Жакмельена», и всерьез озаботишься, то ли у тебя с головой не в порядке, то ли у авторов путеводителя: где это все, что они живописуют, захлебываясь от восторга?

В «Жакмельене» мы, наша семья, оказались единственными постояльцами. Хотя при регистрации нам туманно намекнули, что была-де группа, да только что уехала.

В предложенном нам номере оказалось потревоженным кошачье семейство, и мы поселились в соседнем, благо вся гостиница была к нашим услугам. Персонал ее как бы не мог поверить, что действительно к ним кто-то нагрянул, с ночевкой, и даже готов рискнуть поужинать.

Впрочем, желание рисковать все больше ослабевало. Мы отправились в Жакмель как в край, где процветают ремесленные искусства — так нам его рекомендовали. Воображались уютные пешеходные улочки, магазинчики, торгующие разнообразными поделками. Нам говорили, что яркие маски из папье-маше, расписные шкатулки, лаковые подносы с экзотическими цветами, попугаями, привозят именно из Жакмеля.

Но магазинчиков не обнаружилось. Подозрительного вида чичероне повели нас в темные лачуги (электричество в это время суток в Жакмеле отсутствовало), где «предметы народного творчества» валялись в пыли, на полу, и как-то не соблазняли.

Купание тоже не состоялось, хотя мы приехали на пляж, где, опять же по слухам, бодисерфинг практиковался. Но пляж был совершенно пуст, а путь к морю забаррикадирован горами мусора. Метрах в пяти от берега проржавелая полузатонувшая баржа стерегла будто свои владения от смельчаков, готовых, несмотря ни на что, кинуться в воду. Но, судя по всему, таковые не находились.

Вернулись в отель. Если бы уже не стемнело, мы, отказавшись от ночевки, пустились бы в обратный путь.

И все же чувствовалось: что-то здесь было. Когда-то. Отель «Жакмельен» задумывался интересно, со вкусом. Резные темного дерева двери, и ни на одной орнамент не повторялся, причудливые кованые барельефы на стенах, узорчатые балконы составляли многоярусные галереи. Остатки парка полузабытое навевали. Вода в бассейне зацвела, побурела, но он *был*, в нем, некогда, верно, купальщики плескались. На террасе, над берегом моря, украшенной разноцветными лампочками, уставленной вазонами, нынче побитыми, с растениями, выродившимися, зачахшими, танцы, поди, устраивались, пуншем ромовым гостей обносили, как когда-то в отеле «Трианон». Так что же случилось?

Один из жакмельских чичероне назвал причиной бедственного положения отсутствие туристов. А туристы не едут, потому что боятся. Никто ведь теперь за безопасность их не отвечает. «Ну а прежде, при Дювалье?» — спросили мы. «При Дювалье, — он охотно объяснил — тонтон-макуты строго за всем следили». Интонациия, с которой это «строго» произнес, была явно поощрительная, уважительная. На наше — за *всеми*? — не отреагировал. Показал многоэтажное здание — как после пожара, от него осталась одна коробка: там был дансинг, принадлежавший тоже владельцу отеля «Жакмельен». «И много народа собиралось?» — «Ой, много!» — и он мечтательно прикрыл глаза.

Гаити. Не путать с Таити!

Путаница происходит из-за схожести звучания, и особенно часто у моих соотечественников, запомнивших песенку, на расхожий мотив, про негра Кити-Мити и попугая Ке-Ке. Хотя единственное, что у этих стран общее, — доступность бананов. Все прочее — абсолютный контраст.

Острова Полинезии, куда Гоген ринулся не за приключениями — их в его жизни было достаточно, — а надеясь оправиться от финансового краха, расчетов его не оправдали, денег не принесли, зато увенчали бессмертием. В Арле, тоже дыре, он и Ван Гог перессорились, двум медведям тесно стало в одной берлоге. Их там открытия — традицион-

но черные одеяния местных женщин, отливающие иссиня-лиловым, лица, спекшиеся в сгустки желтка, раскаленное добела солнце юга Франции, съедающее, как хлорка, оттенки, полутона, — шли практически параллельно. Вот что они не простили друг другу — не нужное ни тому, ни другому сближение в исканиях и их результатах. Гоген бежал, отступив перед фанатическим упорством Ван Гога, но после они сравнялись в славе, оба умерев в нищете.

На экспозицию картин Гогена в Нью-Йоркском Метрополитен музее собирались толпы. Хотя там были представлены и его ранние, интереснейшие работы, малоизвестная скульптура из дерева, майолика, акварели, графика, ажиотаж вызывал именно таитянский период. Пышнотелые, знойные, женщины с цветком у уха в таком количестве, честно сказать, утомляли, но Гоген привлекал не только ценителей живописи, но и любителей путешествий.

Когда-то затерянные в океане острова Полинезии нынче превращены в популярные курорты. Гогеновские, томно вкрадчивые обольстительницы встречают туристов в аэропорту, накидывая на шею новоприбывшим, как лассо, венки, сплетенные из причудливых, похожих на орхидеи цветов: всего-то пять долларов, ну кто может отказаться? Экзотика сразу, с порога забирает в плен, и нет смысла сопротивляться.

Гоген, правда, прежде чем навсегда улечься подле местной красавицы, уверив себя и нас, что обрел благодать, написал десятки призывных, отчаянных писем друзьям, близким, собратьям-художникам, кредиторам, но ни от кого не получил поддержки. В итоге придумал, создал на своих холстах рай, возможно, в отместку — завидуйте, предатели, негодяи.

Потом на его беде, судьбе, таланте расцвел туристический бизнес, разрекламировав клишировав воспетое им. Впрочем, в атмосфере Таити, как и Гавайев, того же полинезийского корня, действительно присутствует удивительное умиротворение, и не только из-за благодатного климата, но и характера местных жителей. Доброжелательностью, приветливостью, деликатностью, они, люди, и создают шарм, ради которого стоит предпринимать такое длительное и довольно утомительное путешествие. Пальмы, бриз, песчаные пляжи можно найти и поближе, а вот такое душевное расслабление, пожалуй, больше нигде.

Тут есть объяснение. Народы Полинезии, то ли случайно, то ли по Божьему промыслу, избежали мясорубки рабства, которому подверглись Латинская Америка и Караибы. И там, и там, тоже как бы по райскому, первозданному образцу, созданы ниши для блаженства. Почти то же самое, но именно — почти. Они искусственны, как все резервации, в данном случае не для изгоев, а для привилегированных. Но кто еще не полностью очерствел, не может не ощущать вплотную подступающие к туристским заповедникам голод, нищету, болезни, отсталость — язвы, причиненные рабством и так и не залеченные.

Когда мы, уже из Штатов, отправились в круиз по Багамам и прибыли в столицу Нассау, пассажиры с нашего теплохода устремились на главную улицу, где беспошлинно предлагались товары от «Гуччи», «Диора», «Феррагамо», а меня отнесло вбок, в проулок: там, среди до боли знакомых завалов мусора, к автобусу, только что подошедшему, кинулась, давя друг друга, темнокожая толпа. И вспомнилось, мгновенно отрезвив, оно, Гаити, по официальным данным, беднейшая в западном полушарии страна. Багамы, Ямайка, Доминиканская республика считаются, и справедливо, куда более цивилизованными. Но начинка у всех этих стран общая: туда свозили из Африки, в основном из Гвинеи и Бенина, черных рабов. Закованные в цепи, бесправные, продаваемые на торгах, как скот, они передавали потомкам единственное, что нельзя было у них отнять — веру в своё. Одна из разновидностей таких верований, и поныне живучая, культ вуду. Зловещий, опасный, мутящий рассудок, волю парализующий, превращающий человека в зомби. Вудизм практиковался в Новом Орлеане, на Кубе, а на Гаити практикуется и по сей день.

Тем, кто путает Гаити с Таити, следовало бы поприсутствовать на вудистских радениях, и больше, уверена, подобных обмолвок у них бы не случалось. Если бы Гоген попал не на Таити, а на Гаити, как бы ни ухищрялся, образ рая на своих полотнах он бы не создал.

Вуду

В Гаити власти то покровительствовали вуду, то яростно с этим верованием боролись. Генералы Лювертюр, Петион, Дессалин, чтобы показать себя людьми просвещенными, старались его искоренить. Но как это обычно и бывает, вудизм лишь в подполье ушел, обретя мощное очарование запретности.

При Дювалье вуду чуть ли не с лояльностью к власти отождествляли, и кто рвения на церемониях не проявлял, считался подозрительным. Но и насильственное внедрение не сгубило вуду. Выходит, и вправду — сила?

Теперь вудизм признан в Гаити официально. Первое ноября объявлено нерабочим днем: по вудистскому календарю, это праздник, когда чествуют мертвых.

Культ смерти — одна из основ вуду, и в вудистских «святцах» его олицетворяет Барон Суббота в цилиндре на черепе с провалами рта и глаз.

Считается, что зомби — это подвергшиеся насильственному воскрешению «свежие» покойники, и гаитяне пуще всего боятся умереть «не совсем»: тогда, умеючи, можно завладеть их волей. Но кто умер «всерьез», тому почет и уважение. Покойника помещают в домик-склеп, украшенный лепниной, покрытый либо голубой, либо розовой штукатуркой, — такие веселенькие поселения мертвых вплотную подступают к лачугам живых и выглядят куда солидней последних.

В праздник первого ноября на кладбищах многолюдно, шумно. Тамтамы чуть не лопаются от оглушительной монотонной дроби, пляска длится часами. Периодически участники «подогревают» себя кларетом, местным самогоном, но годится и ром. Все это преддверие. А вот чего именно, рая или ада, трудно определить. В вуду и рай, и ад в христианском понимании отсутствуют, а существует нечто иное, целостное, где парит, несется в воздушных потоках душа, не ведая ни добра, ни зла. Из чего следует, что она безгрешна. А коли нет понятия греха, то и каяться не надо. То есть простить можно все. Данный аспект сильно повлиял на менталитет гаитян. В сочетании с dignité гремучая смесь получилась.

Но до первого ноября надо было еще дожить. К нему готовясь, я изучила книгу Альфреда Метро, считающуюся наиболее основательной попыткой проникновения в дебри вудизма. Там все расписано, и какой символ что означает, и все ритуалы подробно проанализированы. Это был, пожалуй, единственный случай, когда я не из-под палки уселась со словарем. Иностранные языки — не моя сильная сторона. Ловлю на слух, тем и удовлетворяюсь, лентяйка. Бедный мой дед, владевший свободно немецким, французским, знавший итальянский, греческий, читавший на английском, плюс латынь, — опозорила я его память. Зато наша дочь спасла семейную честь.

Словом, теоретически в вудизме я подковалась. К тому же и до праздника мертвых автомобильное движение часто стопорилось, когда во всю ширь улицы двигалась похоронная процессия. Впереди ехал катафалк — у меня создалось впечатление, что один и тот же. Несмотря на торжественность, шествия эти по вычурности туалетов напоминали маскарад. Боже, откуда, из каких сундуков, они достали такие шляпы, как клумбы, цветами искусственными изукрашенные, опутанные вуалями, да в мушках, да с блестками! Подобное никто не носил никогда, нигде. И еще диво: процессия, под дробь тамтамов, двигалась, приплясывая. Выделываемые коленца, прыжки, кружения, взвихряющие длинные, до полу, юбки женщин, совершенно не сочетались со скорбно застылыми лицами. Это было настолько другое, чужое, что и отталкивало, и завораживало, притягивало. У меня стало, можно сказать, идеей-фикс, попасть обязательно на вудисткие радения.

Мечту свою я осуществила с помощью того же Жана Пьера, что на мой SOS являлся — или же не являлся — налаживать у нас в доме генератор, периодически выходящий из строя. В его было власти оставить нас, в основном меня, в пене шампуня на волосах, в поту плавающей при отключенном кондиционере, дав почувствовать свою зависимость и лично от него, и от благ цивилизации, к которым зачем-то пристрастилась.

Держался Жан Пьер любезно, но с дистанцией. Инженер по образованию, сгоревший после эмбарго на частном бизнесе, нанялся завхозом в

делегацию Красного Креста и был доволен: там, по крайней мере, регулярно платили. У него было трое детей и неработающая жена, а два брата уехали в США. То есть он как раз подпадал под категорию продвинутых гаитян. Употреблял местоимение vous, не тыкал, как простонародье.

Но в тот раз без воды, электричества я провела трое суток, и телефонная связь отказала. Андрей находился в командировке. Жан Пьер нас навестил по наитию, впервые, пожалуй, меня пожалев. Обычно я возмущалась, срывала на нем свое раздражение, что он выдерживал стойко, с хорошо маскируемым презрительным равнодушием. Моя непривычная кротость, верно, его удивила.

Как только генератор вновь заработал, загудел, сотрясаясь, — с этим грохотом я уже свыклась, как и с утробным воем кондиционера, — помчалась в ванную, под душ.

Какая же малость, пустяк способны нас сделать счастливыми. Както Андрей взял меня с собой в командировку в Майами, где находился центр по отслеживанию ураганов, и в номере «Интерконтиненталя» меня ну просто заворожил забыто упругий напор воды. И ее цвет, не мутно-бурый, а светло-искрящийся. На попытки Андрея меня отвлечь, оторвать от такого блаженства, ответила грубым сопротивлением. Майами меня абсолютно не интересовал, ни в каком смысле, ни в культурном, ни в шопинговом, а вот щедро, расточительно, мощно льющаяся из кранов вода — да.

Когда воды вовсе нет, никакой, вожделеешь, мечтаешь даже о каплях, медленно, пыточно буравящих темечко из дырок проржавелой головки душа. Восторг! Он в душе, тело может капризничать, зато дух ликует.

В халате, с мокрыми волосами, спустилась на первый этаж, обнаружив, что еще и голодна. Там меня ждал Жан Пьер. Странно, почему не уехал? И тут я услышала: «Вы, Надя, (имя Надежда, сколько я уже болтаюсь по заграницам, никто никогда, без искажений, произнести не мог, с фамилией, Ко-жев-никова — вообще катастрофа) интересуетесь вуду, (ну конечно, прожужжала всем уши) так вот я могу организовать посещение церемонии, где посторонние — сделал паузу — не предусматриваются». Какой же он, душка, готова была его расцеловать. Но неужели Жан Пьер, по виду интеллигентный, бывает там, где как описывал Грэм Грин, в экстазе перегрызают глотку живым петухам, чья кровь, брызнув, окропляет присутствующих?

Жан Пьер назвал приблизительное число, в конце ноября, а место встречи, сказал, уточним ближе к делу. И я стала ждать, в предвкушении небывалого.

Уж не знаю каких-таких откровений ожидала я от вудистов, но, помнится, с тем же энтузиазмом, возбуждаемая любопытством и риском, сильно, впрочем, преувеличенным, совалась на диссидентские по-

сиделки, в командировках по Сибири пользовалась покровительством расконвоированных, свой срок отмотавших отнюдь не по идейным соображениям. Позднее внимание привлек продукт новой, постсоветской эпохи, воры в законе на «мерседесах», киллеры, как они хвастливо себя заявляли, — молодые парни, прибывшие в столицу из провинции, селящиеся коммуной в однокомнатных квартирах спальных районов, сдаваемых обнищавшими кандидатами наук, писателями, искусствоведами и прочими аутсайдерами, опрокинутыми непривычными условиями пришедшего в страну капитализма.

Мы ехали на своей «Тойоте» следом за подержанным, побитым седаном Жана Пьера, петляя по разбитым дорогам, но припарковаться удалось лишь за квартал от места действия, столько было машин, и многие с дипломатическими номерами.

Такое скопление белой публики прежде встречалось только в местном «Клуб Меде», куда на автобусах в воскресные дни доставлялись «голубые каски», довольно жидко разреженные посольскими и представителями международных миссий. Хотя в «Клуб Меде» выдерживались принятые стандарты, с неограниченной выпивкой, поставкой продуктов из Франции, гольфом, теннисом, водными лыжами, виндсерфингом, охотников покупать туда туры находилось немного. Репутация Гаити доверия не вызывала. Зачем рисковать, когда сеть «Клуб Меда» раскинулась повсюду, и в странах куда более привлекательных, чем нищее, взрывоопасное, непредсказуемое Гаити. В период эмбарго гаитянский «Клуб Мед» пришлось закрыть, он прогорал, и было это сравнительно недавно.

Среди прибывших на эту сходку мелькало чересчур, подозрительно много знакомых лиц, из завсегдатаев того же «Клуб Меда», членов клуба «Петионвиль», посетителей «Болеро», «Виллы Креол», «Олоффсона», «Эль Ранчо», известного тем, что там останавливался бывший президент США Джимми Картер и описанного в тех же «Комедиантах». Выходит, надул Жан Пьер, сказав, что на церемонию вуду посторонним проникнуть трудно. А кто ж эти все? Испанский посол, беседующий с первым секретарем посольства США, что ли вудизм исповедует? В присутствии стольких зевак, любопытствующих, о каком таинстве, сакральности могла идти речь? Типичная тусовка иностранной колонии. Но Жан Пьер уже растворился в толпе, так что я лишилась возможности разочарование свое ему высказать.

Лупцевали по тамтамам, подвывая с приплясом, скорее всего нанятые для этого случая артисты фольклорного ансамбля, их густо-черные лица казались загримированными, а в бутылках, к которым они, как положено по ритуалу, прикладывались, наверняка не кларет булькал, а кока-кола. Экстаза никакого не наблюдалось, в транс никто не впадал, живым петухам откусывать головы вовсе не собирались. Ну ничего зловеще чарующего — просто шоу от которого веяло скукой.

Участники похоронных процессий, из окон машины наблюдаемых, обнаруживали большее вдохновение, изобретательность, самоотдачу. И мы вскоре ушли. Жан Пьер оказался обманщиком. То, что он проявил осмотрительность, нас пощадил, предложив вудистскую церемонию в целлофановой упаковке, как дешевый, на потребу туристов, сувенир, дошло после, когда мы оказались свидетелями подлинных радений вуду неожиданно и того не желая.

Андрею понадобилось заехать в офис вечером, я за ним увязалась. Пока он в бумагах копался, заглянула из окна в соседний двор, не рассчитывая ни на что занимательное. И ошиблась. Андрея окликнула.

Из собравшейся в круг толпы, раскачивающейся из стороны в сторону под все убыстряющийся ритм тамтама, выбилась женщина, закружилась на месте, сдернула платок с головы, покачнулась, упала, разбросав в стороны руки, застыв так в прострации. Грозя ее затоптать, еще четверо в круг прорвались, крутясь волчком, раздирая ногтями лица. Хлынула кровь, что никто не замечал. Массовый психоз, транс, осатанение. То один, то другой прикладывался к бутылкам, содержавшим уже явно не кока-колу.

Нечто подобное происходило в шестом-четвертом веках до Р.Х. в Элладе, когда у греков вошли в обиход дионисии. Доводили себя до исступления плясками, одурманиваясь конопляным дымком. Те оргии тоже воспринимались как приобщение к божественному. Так было и в России в секте хлыстов, о чем можно прочесть у Мережковского. Но прочесть и увидеть отнюдь не одно и то же.

Заплакал ребенок, плач его поглотило неистовство тамтамов, нарастающий вой на глазах безумевших, теряющих остатки рассудка людей, близких к чему-то ужасному, отвратительному, запредельному.

Мы отпрянули от окна, погасили свет, в темноте спустились к машине. Рванули с места, не оглядываясь. Своим подлинным ликом вуду вызывал омерзение. Интерес к местным «народным традициям» заметно ослаб. Но без вуду, вот именно такого, не напоказ, не туристического, Гаити не узнать, не понять.

Исправные прихожане

После подсмотренного шабаша, странно, неловко было наблюдать принаряженные толпы, устремляющиеся на воскресные проповеди в христианские храмы. Какой же сумбур творился в душах этих дисциплинированных, принявших веру Христа прихожан, одновременно преданных и вуду? Патологическое лицемерие, предельная испорченность? А может быть, нечто потустороннее, стихийное, анализу не поддающееся, что сидит, затаившись, в глубинах нашей природы, вдруг задевая нутро, как поразившие меня в детстве удивительные стихи (цитирую по памяти): «У этих цветов был неслыханный запах, они на губах остав-

ляли следы. Цветы эти будто стояли на лапах у темной, наполненной страхом воды».

Между тем двоеверие — не гаитянское изобретение. По словам Александра Меня, двоеверие свойственно народам низкой культуры, воспринявшим высокую религию, и в таком случае пример Гаити классический. Вопрос только: действительно ли воспринявшим? Или всего лишь соблюдающим внешнюю, обрядовую сторону, в душе продолжая стоять на «лапах у темной, наполненной страхом воды»?

Однажды Розмон, один из водителей делегаций, рангом выше, чем уборщица, охранник, но уступающий в статусе, зарплате секретаршам, спросил, была ли я в церкви Святой Троицы? Нет. Зато посетила главный собор, слушала там «Мессию» Генделя, в исполнении столь дилетантском, что не стерпела до конца первого отделения. Не принадлежала, увы, к счастливцам, способным наслаждаться приобщением к прекрасному, не обращая внимания на фальшь солистов, разлад хора, оркестра. Благолепие, с которым заполненный до отказа зал этому безобразию внимал, зависть вызвало, пока я, как паршивая, отбившаяся от стада овца, пробиралась, пригнувшись, к выходу.

Что могла обещать Saint Trinité, в центре замусоренного, одичавшего Порт-о-Пренса, посещаемого три раза в неделю по необходимости, так как во Французском культурном центре я записалась на курсы французского языка?

Но меня, как цирковую лошадь, смирно, без взбрыков обученную ходить по ограниченному кругу арены, шанс, соблазн чуть дернуться в сторону, взволновал, возбудил. Правда, после Жакмеля здешние достопримечательности доверия не вызывали. Убедившись, что Trinité закрыта, понуро поплелась к машине. «Погоди, — услышала за спиной голос Розмона, — поищу сторожа, у тебя есть два-три гурда? Если только доллары, разменяю».

Свою шустрость Розмон успел не раз уже выказать. Забирая меня после занятий во Французском культурном центре, соблазнял поделками из дерева, металла — гаитянские умельцы использовали кузова никуда уже негодных машин — любой ерундой, на которую я клевала. Мое природное мотовство в местной действительности тоже оказалось парализованным: нечего было брать, хватать, вожделеть, не раздумывая, где, как это потом применять. Да в шкаф засунуть, под лавку: важен был миг удовлетворяемой страсти к обладанию. В детстве нянька, молодая, румяная деваха, выводя меня на прогулку, встречалась с кавалерами, мне купив в киоске открытки с кошечками, собачками, оставив в сквере на скамейке, погруженную в их изучение, а сама исчезала. Возвращалась, а я все еще находилось во власти обретенного. Родители прозвали меня барахольщицей. Я не обижалась: они были правы.

Вот прельстили попугайчики-неразлучники, но пока Розмон с уличными продавцами торговался, я, сидя в машине, — Розмон убедил, что с «белых» трехкратную цену сдирают, — успела к ним охладеть. Розмон, впрочем, компенсировал затраты времени, темперамента, всучив мне расшитый бисером коврик. Схема все та же: менял мои доллары и приносил сдачу в гурдах. Это его увлекало, а меня — хотя бы тень, призрак свободы. Но раздавалось верещание радиотелефона, и голос Андрея: где вы, машина нужна?! Я: стоим в пробке. Он: за полчаса доедете? Я, обреченно: думаю, да...

Местные безошибочно просекают пришлых, особенно их слабости, и Розмон, ситуацию учуяв, нашел верный ко мне подход. Психология цветных куда изощренней менталитета белой расы. Белые менее наблюдательны, менее восприимчивы. Может быть, обленились. А цветные, ждущие, жаждущие перемен к лучшему в своей судьбе, тоньше, проницательнее, да и в итоге мудрее, несмотря на невежество. Им есть куда стремиться — вот что главное. Это колоссальный потенциал, хотя результатов пока не видно.

Если обратиться к животному миру, ну скажем, к собакам, понятливее дворняжек никого нет. Я с вот такими здесь, в США, через забор общаюсь. У нас-то породистый, двенадцатилетний умница, но сволочного характера. Он, Микки, и провоцировал соседских дворняжек, взятых из шелтера — приюта для брошенных, бездомных животных, к беспрерывному, непотребному визгу на всю округу. По имеющимся здесь, в Штатах, правилам, нас ждали санкции, и ладно бы штрафы, но и изъятие его, нашего Микки, как нарушителя порядка.

Когда я пыталась оттащить его от забора за ошейник, он, извернувшись, меня укусил. И сильно. Ну ладно, любимые, любящие как раз раны самые глубокие и наносят, но что удивительно, разом, будто шокированные Миккиным поведением, смолкли соседские собачки. Заскулили, как бы меня жалея. Ну все, я оказалась в плену.

Хитрецы, не потому что голодны, скулить до сих пор продолжают при моем появлении, и не столько им лакомство нужно, что я протискиваю сквозь щели забора, а выказываемое к ним отношение. Кормежка, получаемая от хозяев, это одно, собаки знают — за что, а от меня — знак симпатии, между нами расцветшей. Скулеж их притворен, они явно лукавят, им нравится меня обманывать, взывать к состраданию, а то, что я поддаюсь, удовлетворение вызывает. День прожит не зря, печенье съеденное — доказательство их надо мной победы, продолжения игры, вносящей разнообразие в унылую жизнь взаперти.

Нечто подобное вышло и у нас с Розмоном. С одной стороны, он удовлетворял мои прихоти, с другой, довольно нахально, прозрачно, обжуливал, и на этих обоюдных уступках держался наш сговор. Когда я уверяла по радиотелефону Андрея, что мы в пробке застряли, хотя на

самом-то деле ехали, и в противоположную от офиса, где нас ждали, сторону, Розмон, по-русски, разумеется, ничего не понимая, улыбался с таким лукавством, что сомнений не возникало — он знал, что я вру.

Посещение Trinité я собиралась списать на все те же дорожные проблемы, а передвигаться по никак не регулируемым улицам Порт-о-Пренса действительно было весьма затруднительно, но Розмон-таки нашел сторожа, хромого, горбатого, как Квазимодо, и когда он впустил нас в церковь, я сразу и бдительность утратила, и ощущение времени.

Роспись внутри Saint Trinité вроде бы и соответствовала каноническим новозаветным сюжетам — Тайная вечеря, Распятие, Благовещение, Дары волхвов, — но только на первый, наспех, взгляд. А шагнешь вглубь и, не давая опомниться, вступало в действие колдовство, ворожба, противостоять которым было невозможно.

Настенная живопись источала настолько ошеломляющее буйство фантазии, пиршество красок, что я, застыв, исторгла нечленораздельное: а-а, у-у, о-о!

Со стен выплескивалось синее-синее море, горы горбатились, по их склонам мчались ярко-желтые автобусы, набитые людьми. Это было оно, Гаити, не приукрашенное, но преображенное веселым безумством гениального автора, чей исключительно самобытный почерк вычленял мгновенно его работу: вот этот кусок фрески он сделал, а этот уже кто-то другой.

— Что, кто? — я выдохнула.

— Дюффо, — Розмон отозвался. — Он еще жив, остальные, кого здесь видишь, умерли.

— Дюф-фо!

В тот момент не могла я предвидеть, что с Дюффо познакомлюсь, и синее-синее море, зеленые горы, желтые автобусы протянутся вдоль стены нашего дома в Колорадо. И собрание альбомов по живописи в нашей библиотеке пополнится теми, где Дюффо представлен, что встречу его полотна в галереях Канады, Штатов и что... Но об этом позднее.

Еще не очухавшись от потрясения живописью Дюффо, я утонула в зеленовато-зыбкой мгле соседствующих с ним фресок. Подумать только, в христианском храме нашли прибежище сцены вудистских церемоний! С петухами, правда, еще живыми, тамтамами, пляшущими людьми. Но и тут, как у Дюффо, неприглядное в действительности обретало праздничное, ликующее звучание. Причудливая роспись церкви Святой Троицы дышала, создавая невероятную для христианского храма атмосферу, противоречащую традиционному там богослужению, но без богохульства, взывая к чему-то другому, особенному, что, как ни странно, находило отклик.

Когда мы с Розмоном из Trinite вышли, меня слегка покачивало. И тут я поймала его взгляд, иной, без обычной хитринки. Серьезно, торже-

ственно произнес: «Знаешь, я очень рад, что тебе понравилось». Выходит, этот прожженный Фигаро мог быть и искренним. Его черная физиономия лоснилась от удовольствия: ему было важно, что я, иностранка, оценила у него на родине то, чем он сам гордился, мечтая тем не менее (я была в курсе), как большинство гаитян, уехать в Штаты. Но его ли вина, что превалировало на его родине другое, заслуживающее отторжения? И мне ли было его судить?

Возвращались мы молча, молча стояли в пробках. Вдруг я заметила ускользающее до того: среди трущоб проступил архитектурный облик Порт-о-Пренса, задуманного до теперешнего экономического коллапса. Постройки с затейливой, как кружево, резьбой, нагромождением террас, мансард, балконов, башенок навеяли, казалось бы, совершенно далекие ассоциации: дачное, подмосковное, возводимое в тридцатых годах в поселках типа Серебряный бор, описанное в повестях Трифонова, и тоже смятое, уничтоженное вместе с обитателями.

Отголосок родного в чужом возник после пережитого в Trinité. И хотя я после узнала, полюбила тоже очень талантливых гаитянских художников, Дюффо остался среди них ключевой фигурой.

Да, из такого сора, да, и не ведая стыда

Мир узнал о существовании гаитянского искусства недавно, в сороковые годы минувшего столетия, и началось это открытие с работ Гектора Ипполита. Известность пришла к нему нежданно, мгновенно: картины враз расхватали по частным коллекциям, пошли выставки, но только прижизненный этот успех длился недолго: Гектор Ипполит умер на пороге славы, в 1948 году.

Над Гаити как бы рок висит: едва артист становится известным, с ним непременно что-то случается. Незадолго до нашего приезда убили восходящую звезду, Стивенсона Маглора. Говорят, что соседи. И — с концами. Никто наказание не понес. Цена человеческой жизни — копейка. И градация отсутствует — *кого* вдруг не стало. Ну подумаешь, художник! Да на Гаити чуть ли не каждый второй рисует.

Кстати, в «Комедиантах» упоминаются картины Ипполита. Посол, муж возлюбленной героя, показывает гостям коллекцию его работ, хвастливо, что, как и все в нем, героя, Брауна, раздражает. Ручаюсь, что для советских, да и российских читателей, имя Ипполита — пустой звук. Да и автор романа, судя по замечаниям о пронзительно ярком фоне, деревянных позах, к гаитянской живописи остался равнодушен. А вот Андре Мальро, посетивший Гаити в 1975 году, пришел восторг. По его инициативе гаитянских художников приглашали во Францию, где они жили, писали, выставляли свои работы. Перу Андре Мальро принадлежат многочисленные эссе о гаитянском искусстве, которым он пленился, не переставая дивиться: как, откуда, из ничего, можно сказать, в

двадцатом веке вдруг возник этот причудливый, фантастический мир, созданный полуграмотными потомками черных рабов?

И почему, я спрашиваю, подобного больше нет нигде на Караибах? Вот рядом же, на том же острове, в соседнем Санто-Доминго, уличные торговцы пытаются сбагрить туристам какую-то мазню, так ведь никакого сравнения: халтура, грубая подделка, сляпанная, как на конвейере, без вдохновения, без божества.

В работах же гаитянских художников, даже не самых знаменитых, помимо воображения, присутствует еще и мастерство, изысканная утонченность, сражающая знатоков: ну как это им удается, не имея профессионального образования, да и вообще образования? За исключением разве что Сежурне, родившегося в богатой семье, да Тига, долго в Париже жившего, периодически туда наезжающего, все они самоучки, самородки.

И жанр, в котором они работают, не так просто определить. Да, наив, но включающий в себя и модерн, и чистый воды авангардизм — и трагическое, и смешное, и божественное, и дьявольское, потустороннее, отчего вдруг мурашки ползут по спине, руки холодеют. Таково воздействие, к примеру, картин Проспера и Гурге — оба уже покойники. Проспера мы еще застали в живых. Он жил в Кенскоффе, куда мы и отправились. Владельцы галерей скупали у него все на корню, продавая по взвихренным даже не в два, а в три-четыре раза ценам. Через месяц, как мы его посетили, пришло известие о его смерти: давно болел диабетом, впал в кому, а лекарств не нашлось. Галерейщики, украсив его работы траурными лентами, взвинтили цены так, что уже не подступиться. Рынок, бизнес. Как-то, в частном доме, нам показали картину Сежурне, изумительную, лучащуюся, светоносную, как у мастеров Возрождения, предложив ее уступить за *всего-то* семнадцать тысяч долларов. Ну да, прямо сейчас! Облизнувшись, мы удалились.

В книге американца Родмана «Где искусство радость», Проспер назван доминантной фигурой, а в книге Юрбона «Тайны вуду» его работы использованы как иллюстрации к этим тайнам. Просперовские «Близнецы» теперь висят у нас над камином. А репродукцию сходной с нашей по колориту картины Проспера увидали в «Paris Match», в том же номере, где я прочла упомянутую же статью историка Жоржа Мишеля. Да, нам, нашей семье, Гаити не забыть: в лучшем своем проявлении оно находится в нашем доме.

Иной раз кажется: это была судьба — оказаться там. Ведь дернуло же меня — давно, лет пятнадцать-двадцать назад — на книжном развале в Амстердаме приобрести антологию наивной или примитивной живописи, в ряду которой и Пиросмани, где в одном из разделов на обеих сторонах разворота пенилось синее-синее море, горы, по склонам которых катились желтые автобусы, — вот когда, где он меня настиг,

Дюффо! Разумеется, даже качественная репродукция — лишь эхо подлинного, живого. Так что, считаю, Дюффо я впервые увидела там, в Trinité, ради чего пришлось до Гаити, до Порт-о-Пренса добраться. Теперь думаю: имело смысл.

Короче, я заболела страстью коллекционерства, и дальнейшее пребывание в стране воспринималось уже через эту призму. Все вроде бы оставалось по-прежнему: грязь, нищета, перебои с электричеством и водоснабжением, уроки тенниса, уроки французского, склоки с прислугой. Но появилось то, что удерживало меня на плаву, за что я благодарна гаитянским художникам, живым и мертвым.

Делай так, делай с нами, делай лучше нас!

Существует поговорка: если швейцарец прыгает на твоих глазах с десятого этажа, следуй за ним, не раздумывая. Каролин, уроженка Цюриха, и Клаудио, из итальянской части Швейцарии, из Лугано, оба были делегатами МККК (Международного Комитета Красного Креста, чьи функции разнились с Международной Федерацией обществ Красного Креста, где Андрей работал, хотя штаб-квартиры обеих организаций находились в Женеве, но не буду вдаваться в тонкости) познакомились здесь, на Гаити. Поженились, родили сына Николо. С ним, годовалым, Каролин носилась на машине с бесстрашной лихостью, на ходу, можно сказать, меняя ему памперсы, кормя из бутылочки. Мордочка Николо казалась осмысленной не по возрасту, и я бы не удивилась, если бы он вступил в беседу с удачной, остроумной репликой.

Каролин таскала сына с собой повсюду, и мне нравилось, что из своего материнства, довольно позднего, она не создает культа, с суматохой, квохтаньем, неловкого, обременительного для окружающих. Импонировало, что она не старалась произвести благоприятное впечатление, а у нее так получалось само собой, согласно натуре, деятельной, энергичной, широкой, что являлось редкостью для швейцарцев.

Впрочем, конечно же, не типичные швейцарцы могли сделать такой выбор, как они с Клаудио, мотаясь по странам третьего мира, получая удовлетворение в отрыве от привычного уклада, традиций, комфорта, гарантий безопасности, на чем их соотечественники выстроили имидж своей страны, ее хваленый нейтралитет.

Колониальный стиль, при всех издержках, раскрывал в людях штучное, там, где они родились, возможно, и не выявившееся. Хотя само по себе нестандартное решение свидетельствовало о незаурядности.

Я обратила внимание на Каролин при топтаниях иностранной колонии на коктейлях в консульствах, посольствах, после которых люди опытные разбегались в разные стороны: зачем и с кем? Мы так вполне насытились, Каролин и Клаудио, видимо, тоже.

Зато наши встречи участились в художественных галереях. Одно из чудес Гаити: среди трущоб, самостийных, торгующих секондхэндовым тряпьем рынков, ниши существовали, о которых непосвященные не подозревали. Поднявшись по лесенке невзрачного здания, толкнув дверь, вы оказывались среди нарядных людей, прекрасных картин, с бокалом вина, мгновенно вам поднесенного. Вернисажи-презентации происходили постоянно — картинные галереи на пятачке Петионвиля гнездились, как опята, — но без пошло-обжорного привкуса: присутствующих объединял интерес к искусству. Хозяева галерей, конечно, занимались не благотворительностью, но в их деле не все только выгодой определялось. Те, кого я знала, начинали с коллекционерства и, собственно, коллекционерами оставались. Учитывая рыночную конъюнктуру, они еще и удовлетворяли собственную страсть. В книге того же Родмана среди репродукций представлены были картины из собрания Бурбон-Лали, начатого, когда она еще жила в Алжире. Заболев гаитянской живописью, эта француженка с Мартиники, замужем за англичанином, совершила поступок, переселившись в отсталую, подверженную смутам страну.

Галерею «Мопу» открыл, выйдя на пенсию, американский госслужащий. «Иссу» держали выходцы с Ближнего Востока, развернув свой бизнес на индустриальной основе. У них был не столько художественный салон, сколько фабричный цех: принимался заказ, цена определялась не только именем художника, но и размерами холста. У «Иссы», в отличие от «Бурбон-Лали», никто никого не стремился очаровать. Дочка Иссы, Бабет, принимая деньги и заполняя бланки сертификатов, всех одаривала одинаковой, рассеянной улыбкой. Ее муж занимался упаковкой *товара*, доставкой его в гостиницу, а если надо в аэропорт. Семейное предприятие процветало, не нуждаясь ни в презентациях, ни в рекламе. Но качество гарантировалось. Своего первого Дюффо мы купили у них.

Галерея «Надер», напротив, походила скорее на музей. Роскошное, современное, в три этажа здание, огромные залы, и цены такие, что, верно, и не предполагали покупателей. Племянник Надера, лощеный, отлично владеющий и английским, и французским ливанец, встречал посетителей как экскурсовод. В его любезности сквозило понимание: визитеры пришли из любознательности, без намерения что-либо приобрести. Капиталы клана Надеров базировались на чем-то другом. Но у «Надера» действительно наиболее полно, в широком диапазоне, представлены были раритеты, образчики лучшего в гаитянском искусстве.

Владелец галереи «Монин», расположенной стык-встык с «Бурбон-Лали» слыл непререкаемым авторитетом, экспертом, искусствоведом, чьи монографии, буклеты ценились знатоками и в США, и в Европе. Его, уроженца Швейцарской конфедерации, в Гаити привезли ребенком. Как

в фильме «Nowhere in Africa», «Нигде в Африке», о евреях-беженцах из Германии, спасавшихся от фашизма и загнанных до края, до «нигде», в глухую кенийскую деревню, и семья Мониных, возможно, по той же причине оказалась в Гаити. Известно, что швейцарские власти, хотя и прикрывались нейтралитетом, по договоренности с гитлеровцами, отправляли эшелоны с еврейскими беженцами обратно, в смерть, в крематории. В ответ на закодированные счета в швейцарские банки поступало золото убитых и ограбленных.

Соседствуя друг с другом вплотную, Бурбон-Лали и Монин являлись соперниками, конкурентами, но когда я, нуждаясь в совете, привезла к Кристин Бурбон-Лали картину, как меня уверяли, написанную Стивенсоном Маглором, для ее атрибуции она попросила зайти Мишеля Монина.

Седой, взъерошенный, с затухшей сигаретой в углу рта, похожий по типу на артиста, певца, музыканта Сержа Гинзбура, едва на холст глянув, Монин отчеканил: подделка! Не поленившись, между тем, внятно, доступно разъяснить, на чем — каких деталях, нюансах — его позиция основывается. И не только я, начинающая, внимала ему с восхищением, но и Кристин тоже. Ее темные, оттянутые к вискам глаза, по-кошачьи искрились. Она не завидовала познаниям Мишеля, а ими гордилась. В их отношениях присутствовало еще и товарищество, близость причастных к одному профессиональному цеху, где способность радоваться успеху другого важнее, продуктивнее укусов тщеславия.

Кристин, метиска, почти белая, по-креольски скуластая, высокая, статная, напоминала мне мою подружку Таньку, тоже помесь, от рыжей, веснушчатой, хрупкой, стопроцентной русачки мамы с папой туркменом-богатырем. Таньку я знала с юности, потом мы потерялись и снова встретились в Женеве, прибыв туда практически одновременно: ее муж, Женя, работал и работает по сей день в ООН. Там мы сдружились вновь и продолжаем дружить, хотя и на расстоянии. Танька, кстати, выкинула финт, при ее осторожно-опасливой натуре неожиданный, прилетев к нам в Гаити из Женевы и прогостив три недели. Привезла нам драгоценный гостинец — банку огурцов, засоленных ее мамой, Ольгой Митрофановной, с грядки дачной во Внукове, и проделавших путь от Москвы в Женеву, через Майами в Порт-о-Пренс.

Танькин визит оказался не только приятен, но и полезен. Я обнаружила, что колониальный стиль не у всех вызывает отторжение, как у меня. Танька, правда, прожила в такой обстановке недолго, но она вовсе не обращала внимания, не замечала того, что сразу задело, уязвило меня. На пути к морю, в рестораны, клубы, безмятежно щебетала, а дорога в ухабах, нищие толпы, горы зловонного мусора как бы и не существовали для нее. Мгновенно сжилась с той экзотикой, что обещала приятности. Плескалась в бассейне, ловко разделывалась с лангустами,

и, как я заметила, прислуга и в клубе «Петионвиль», и наша, домашняя, ей угождала с бóльшим старанием, чем мне. У нее бы поучиться, а я забавлялась, а иногда раздражалась, как увлеченно она изображает из себя «белую леди».

Впрочем, с ее способностью спать до полудня, в трепе за чашкой кофе проводить оставшуюся часть дня, следовало бы давно уже свыкнуться. В Женеве, будя ее телефонным звонком, слыша смущенный, спросонья, лепет, незачем было пригвождать к позорному столбу: не ври, знаю, что дрыхла, а представляешь, который сейчас час?! И уж тем более не надо было ее, гостью, в каркас всаживать своего жесткого расписания: она ведь приехала сюда отдыхать, а я — выживать. Задачи наши разнились. Но я все-таки гнула свое.

Когда после тенниса, уроков французского, к началу двенадцатого в дом возвращалась — язык не поворачивается сказать «домой» — заставала все ту же картину: Танька, лежа, доедала завтрак, поданный на подносе в постель, одновременно беседуя с нашей Жоржет, глядевшей на нее с обожанием. При моем появлении обе замирали, как соучастницы, застигнутые на месте уж-жас-но-го преступления!

Давясь смехом, я исчезала. Мне вслед раздавался притворно-испуганный Танькин вопль, через пять минут буду готова!

Наверно, если бы Танька рядом была, жила, четырнадцать месяцев на Гаити дались бы мне с меньшими затратами. Она и Женеву, где советская колония к доверию не располагала, скрашивала. Изображая общительность, там бдительность требовалась: соотечественники как раз и подставят, и оклевещут, и донесут. Мы с Танькой знали друг друга до того, а вот наши мужья долго принюхивались, прежде чем сомкнуться. Но с Танькой, в Гаити лишь залетевшей, я не могла, не имела права, расслабиться, поддаться сантиментам: а как потом, когда уедет? Лучше лед, чем лужа растекшаяся, которую разве что тряпкой собирать.

Да, общая юность, Арбат, Коктебель. Ее в пятнадцать лет буйная кучерявость, стянутая от лба белой лентой. Наши дети родились в один год, и мужья одногодки, но к моменту ее приезда ничего не забылось — и все изменилось. При колониальном стиле день вмещает неделю, месяц — год, а после вдруг время застывает, замораживается, как труп в холодильнике морга.

Недавно совсем я завидовала стайкам француженок, канадок, тоже женам, тоже в Гаити чужим, тоже иностранкам, но нашедшим себе собеседниц, товарок, лепечущих на том же, их родном, языке. Но если и случались с их стороны зазывы, ощущение возникало, что меня, как в скафандре, оглохшую, занемевшую, бездна утягивает.

Я устала от имитации дружбы. Живя в гостинице «Монтана», познакомилась с канадкой Сесиль и, пока мы с ней плавали в бассейне от бортика к бортику, все досконально узнала про ее мужа, детей, сред-

ственников. При колониальном стиле человеческое общение, как полуфабрикатное блюдо в микроволновой печке, предполагало поспешное насыщение с последующим сытым равнодушием. Так же с Шанталь, у которой я, ну, скажем с натяжкой, совершенствовала французский: мы провели вместе у нас в доме целый день, болтали-болтали и переусердствовали. Ни я больше ее к себе не звала, ни она меня.

Такие случайные вспышки эмоций провоцировал, как курортный роман, наш отрыв от корней, родины, дома. Все мы тут тосковали и пытались, кто как мог, горечь эту заесть.

Танька застала меня в трудный, переходный период. Колониальная жизнь меня еще только взнуздывала, усмиряла. Возможно, если бы она приехала позднее, я бы уже находилась в другой стадии, но пока что боролась за прежнюю себя.

С одной стороны, Танька, совершив героически такой длительный перелет (а я знала, как она, дочка летчика, первого пилота, боится самолетов), заслуживала всяческого ублажения, и я хотела, мне нравилось ее ублажать, но, с другой стороны, вызывало протест, что нашу тут жизнь она воспринимает как бесконечно длящийся праздник, не омраченный ничем. Спустя три недели, когда мы отвозили ее в аэропорт, произнесла искренне, убежденно: «Ну теперь я за вас спокойна. В Женеве так всем и скажу: Надька с Андреем живут как *белые люди!*»

Водила я ее и по галереям. С Кристин Бурбон-Лали они встретились, как сестры, наглядно подтвердив угаданное мною в них сходство. Обе статные, высокие, ухоженные, вкрадчивые, что называется, светские женщины, умеющие везде, со всеми находить общий язык. Чаровницы!

Танька знала, зачем пришла: в моей коллекции ей приглянулся натюрморт Лагера с золотисто-зелеными плодами, выполненный в редкой для Гаити реалистической манере, и бабочки с человечьими лицами Альтидора. Она хотела именно это, пусть не в точности, но в максимальном приближении. А если Танька что-либо захотела, никаких препятствий к желаемому существовать не могло.

Похожее, слава Богу, нашлось, и приступили к самому трепетному — обсуждению стоимости. Собственно, из взаимных уступок ритуал покупки и состоял. Но именно взаимных. Цену в два раза срубать — это уже чересчур. Кристин уступала свою позицию пядь за пядью, как солдат, держащий линию обороны, но теснимый явно превосходящей силой противника. Я поймала ее молящий о поддержке взгляд и сделала вид, что интересуюсь каким-то пейзажем. Имела опыт: если в такие моменты устремленности к возжажданному Таньке помешать, замельтешить у нее под ногами — затопчет в ярости. В ней сочетались томная нега Востока с предприимчивостью Запада. И Кристин сдалась. Картины еще следовало обрамить, Танька выбрала матово-серебристый багет, тут уж взяв Кристин голыми руками.

Простившись с ошарашенной Кристин, сели в машину. Битва выиграна, но я уловила, что Таньку гложут сомнения. И оказалась права. «Все-таки дороговато», — выдохнула она сумрачно. Дальше наш диалог строился, примерно, вот так. Я: ты что же, хотела вообще задаром? Она: ну, не задаром... Я: по правилам, пятьдесят процентов от означенной суммы получает художник, остальное тот, кто его продает. Она, возмущенно: ничего себе, так наживаться! Я: так ведь галерейщик рискует, картины могут купить, а могут и не купить, а за аренду помещения платить надо, а за... Она, меня оборвав: так мы ведь купили, и она, Кристин эта твоя, сорвала хороший куш.

Так, значит, «моя»... Едем молча, нахохлившись. Танька, примирительно: я ведь к чему, Надь, здесь ведь галерей-то до черта, на каждом шагу, забиты картинами, с чего цены-то за них ломить, как за дефицит, а? Я: если галереи не посещать, и ты, и я схватили бы с обочины, от уличных торговцев пару-тройку «шедевров» долларов по тридцать-сорок и тем бы утешились, а в галереях мир другой открывается, там есть чему поучиться. Она: так уже обучилась, разбираешься, вижу, не хуже их. Я: у меня нет выходов на художников, тут тебе не Европа, их адресов, телефонов в справочниках не найдешь. Она: значит, как-то иначе надо искать, действовать, ты пыталась?

Если честно, нет, в голову не приходило. Единственное, на что решалась, просила Кристин, Монина, Иссу попридержать для меня тот или иной холст, когда буду в состоянии их приобрести. Проснувшаяся во мне страсть к жанру примитива основательно дырявила наш семейный бюджет. А ведь надо было платить за образование Виты в Макгилле, за ее проживание в Монреале. Другие, Сесиль, и Шанталь, сотрудники Андрея в делегации Красного Креста, я знала, экономили. Пребывание в таких странах, как Гаити, предполагало, помимо, других целей, еще и финансовые накопления, а не их разбазаривание. С моей же помощью и зарплата, и суточные, полагающиеся в подобных, вредных и для здоровья, и для психики командировках, ежемесячно слизывались без остатка с банковского счета. Я украшала стены, не имея крыши над головой.

Внезапно как-то до меня все это дошло. Практичная Танька из дремы меня пробудила. И я себя устыдилась: эгоистка, нашла способ, как здесь, в Гаити, спасаться от маяты, муторности бессодержательного, лишенного смысла существования, о будущем не заботясь. Андрей к моей слабости снизошел, но я ведь и его подставляла, и нашу дочь. Как выход нащупать, чтобы, окончательно не сломавшись, не расставшись с тем, что нечем тут заменить, все же траты на свою, допустим, блажь сократить как-то?

Танька уехала, меня разбередив. Но ее эстафету подхватила тоже, как выяснилось, сметливая, энергичная швейцарка Каролин.

Они с Клаудио пригласили Андрея и меня в гости, разумеется, при участии, очень активном, Николо, соску сосущего только для вида, на самом же деле серьезно, критически изучающего не только гостей, но и собственных родителей.

Нельзя сказать, чтобы Каролин изощрялась в кулинарном искусстве. Зато повела меня в комнату, где на кроватях, стульях, на полу даже. стопками, как блины, лежали холсты без подрамников: про запас что ли? Но если даже иметь два, три, четыре дома, личные нужды такое количество картин явно перекрывало. А не все ли равно? Каролин, ясно. во мне как в сообщнице не нуждалась, просто хотелось ей поделиться. похвастаться, и было чем.

Узнать автора труда не составляло: Проспер. Не берусь судить, чем уж я вызвала расположение Каролин, но она сказала: Проспер в Кенскоффе живет, если хотите, можем вместе его навестить. Ну конечно, я хотела!

Дорогу в гору, с размытым после дождей гравием, вязкую, как русло обмелевшей реки, в сплошном тумане, вдоль края обрыва, без подсказок Каролин мы бы не одолели. Признаться, было страшновато, даже Николо притих. Но время, проведенное с Проспером в его мастерской— ангаре, сверху донизу завешанном еще не просохшими холстами, искупило все неприятности пути.

Он, видимо, работал, как заведенный, что называется, «фул тайм»: чувствовал близость смерти? Шел поток, но какое разнообразие приемов и виртуозность, с которой они выказаны. Холст иной раз казался кружевным, иной роз плотно, как гобелен, затканным. А что за краски! Какая отвага в их сопряженности. Желтый светится даже в темноте, лиловый с ним рядом бездонен, бесконечен, и клубящиеся, растекающиеся, подвижные, как ртуть, лики. То ли в облаках, то ли в космосе они зародились и взирают сверху на нас. То ли это души умерших, отлетающие с последним «прости». А может быть, порождение колдовства? Словом, загадочно и прекрасно. Каждый штрих по-снайперски точен. В целом же впечатление создается завораживающей переменчивости, как в калейдоскопе. И ничего он, Проспер, не выдумывал, отражал свой внутренний мир.

После встречи с ним я приободрилась. На очередном вернисаже у Бурбон-Лали Каролин шепнула: посмотрите, справа, у окна, стоит Тига, вот тот, с усиками. Я, рысью, к Андрею: подойди, поговори! Он умел. Мои помыслы, настроения, тут же на физиономии отражались: провалила бы «операцию». Андрей же как бы по чистой случайности вступил с Тига беседу: ах, неужели, вы тот самый?! Потешил авторское самолюбие, и выигрыш был обеспечен. Хоп — движение, шулерское, уж не знаю откуда у Андрея взявшееся, и в руке листок: Тига сам написал номер своего телефона и адрес. Если бы Кристин заметила, была бы недовольна. Зато я, каждый раз взглянув на две картины маслом и

два воздушных, чернилами, рисунка Тига, висящие у нас в спальне, испытываю чувство, как это называется, глубокого удовлетворения. Тига, расхваленный Андре Мальро, находившимся в тот период в апогее писательской славы, на посту министра культуры в правительстве де Голля, картины нам отдал практически за бесценок, а рисунки просто подарил. Я их нашла в углу его мастерской, среди подрамников, и он сказал: мне приятно, что вы это оценили.

А на Дюффо вышли вовсе дуриком. Мишеля Монина в его галерее не оказалось, к девушке, несшей дежурство, наведался ухажер, и, с ним воркуя, плевать ей было на посетителей.

В галерее сменили экспозицию, работ Дюффо на обычном месте мы не нашли. Окликнули пожилого коренастого служителя в темно-синей блузе, что-то с балкона через зал на тачке везущего: простите, не знаете, где Дюффо? И услышали: «Я — Дюффо». Мы: «Вы?!» Он: «Я, а что?»

Вернувшись, ликуя, позвонила Каролин: она нам Проспера, мы ей — Дюффо. С того момента начались наши с ней регулярные нашествия в галереи, сувенирные лавки и даже — о ужас!— на бульвар Десалин. Вот на что она меня совратила, эта, казалось, благоразумная швейцарка!

Свобода как осознанная необходимость

Теперь я уже не зависела от Розмона, точнее, от его «босса», Андрея. Каролин за мной заезжала, и мы втроем, с Николо, в детском креслице на заднем сиденье, пускались в странствие куда глаза глядят. Покупали у уличного торговца вяленые бананы, по вкусу напоминающие жареный картофель, на что прежде я не решалась, опасаясь заразу какую-нибудь подцепить. Но Кристин, будто и не родившись в чинном Цюрихе, лопала и подозрительные лепешки, изготовляемые на жаровнях у обочин дорог.

Она нравилась мне все больше, в ее присутствии замечалось смешное: местные, к примеру, модницы, воспринимавшие бигуди как украшение, во всяком случае гордо в них разгуливавшие. Другие использовали как головные уборы полиэтиленовые шапочки для душа, в основном почему-то голубые. Уличный парикмахер орудовал здоровенными, ржавыми ножницами над головой клиента, не смевшего шелохнуться, замершего с выражением безвинной жертвы. И чуть ли не каждая вторая тащила куда-то квохчущих курей, на продажу или для супа, прихватив их за лапы вниз головой или сунув подмышку небрежно, как дамскую сумочку: уже и не курица, а деталь туалета, положенная уважаемым членам общества. А одна, находчивая, надела прямо на голову банановую фигу, и казалось, что у нее такая затейливая прическа, как на картинах Джузеппе Арчимбольдо в Лувре — предвестника поп-арта.

На стоянке у супермаркета «Карибьен» нес вахту человек с ружьем. Когда мы подъезжали, вставал у нашей машины на караул. На мой воп-

рос — а ружье у него настоящее? — Каролин рассмеялась: не важно, зато какой сервис! Она источала то, в чем я больше всего нуждалась, — свободу. Пусть мнимую, но даже призрак ее манил, навевая воспоминания о прошлом, о себе прежней.

Мы с ней совпали во влечении — роде недуга, к поделкам, предметам, как это в России называлось, народных промыслов. Обычно бесполезных, потому и чарующих. Помню чудовищные, вместительностью с ведро, чайники, размещаемые на полках ближе к потолку, в коконе пыли, паутины, поскольку их доставали, использовали крайне редко. Но пестрая роспись, варварски-жизнерадостная, задевала некие струны в душах, способных уловить слабый, дребезжащий зов *оттуда*, из самых недр. Из Тюмени я привезла кустарной работы, из лоскутков, коврики — зачем, не знаю. В Кении — ну чуть ли не валяясь у Андрея в ногах — заполучила носорога, вырезанного из цельного куска розового дерева, размером с новорожденного теленка, которого, закутав в махровую простыню, чтобы, не дай бог, не повредить трогательный, свернутый колечком хвостик, везла из Найроби через Франкфурт в Женеву. Мы назвали его Васей. Микки, Васю увидев, ревниво зарычал. Да и теперь, уже здесь, в Колорадо, опасливо на него косится.

Притяжение вот к такому, обманчиво безыскусному, на самом же деле питаемому многовековыми традициями, не только определялось вкусом, но и роком. Из Индии, Тривандрума, привезла в подарок отцу настенную резьбу с пляшущим Шивой. Наверно, подделка, хотя и купленная в антикварной лавке. Он, думаю, понял: я вернула, воздала то, что он во мне пробудил. В Китае начала пятидесятых, где они с мамой прожили несколько лет до ссоры Хрущева с Мао Цзэдуном, мама рачительно скупала «на всю оставшуюся жизнь» ватные одеяла, термосы, папа же мне в наследство оставил глиняные, деревянные фигурки, ценности на посторонний взгляд столь пустяшной, что их, пренебрежительно глянув, пропустила таможня в Шереметьеве. Они были обернуты в лоскутья с ободранными краями: танки из тибетских, сожженных китайцами монастырей. Мне досталось три, самая ранняя — тринадцатого века. Но именно она, невзрачная, потертая, с детства заворожила. Лапидарно, в три колера, красный, синий и белый написанный на шелке Будда, раскорячив колени, держит в ладонях сердце и, кажется, вот-вот его уронит.

За обладание «Будды с сердцем», как называлась танка у нас в семье, мы с сестрой жребий тянули. Достался мне. Сестра сказала: ну, значит, *он* так хотел. А я и не сомневалась.

Довольно долго наши с Каролин вылазки ограничивались Петионвилем. Прихватывали то коробочку из черепахового пятнистого панциря — в странах более цивилизованных охотиться на черепах запрещалось, — то подтарельники из оргалита, расписанные фантастичес-

кими, между тем, в здешней природе произрастающими цветами. А еще меня окончательно свели с ума гигантские сундуки: на них стояла подпись тоже здешней знаменитости, Дюбика. Его работы купила мадам Миттеран, после чего он вертикально пошел вверх. Но меня даже не столько смущали цены, сколько размеры. Если бы я с такой добычей явилась, Андрей, пожалуй, со мной бы развелся. Ку-у-да? Мы же не знали, в какие края нас после Гаити занесет. Поэтому, собрав остатки благоразумия, я на сундуки эти только облизывалась. Даже Каролин, обычно меня к подвигам такого рода подначивавшая, сказала: ну это уже было бы чересчур.

А однажды предложила посетить бульвар Десалин, в центре Порто-Пренса: там-де все куда дешевле, чем в петионвильских магазинах. Меня, признаться, нисколь туда не тянуло. Я спросила: а вы там бывали? Она подтвердила, что да, и не раз, покупала тапи-вуду (вудистские знамена), расшитые блестками, бисером, что в галереях стоили в три, в четыре раза дороже.

Я клюнула. Но поняла, что возможности свои переоценила, когда на этом так называемом бульваре наша машина застряла в черной толпе, двигавшейся по проезжей части сплошным потоком. Господи, хватило же у Каролин ума Николо дома оставить! В окно машины с любопытством заглядывали. Вспомнила эпизод с масаи, появившимися вдруг из чащи, где мы застряли, в габардиновых, чуть ниже бедер плащах и при мачете.

Только с намеренным издевательством место, где мы оказались, можно было назвать *бульваром*. Ни одного деревца, даже кустика, даже травки. И смрадные мусорные завалы.

С трудом припарковались. Мне не хотелось выходить, но ничего не поделать, рухнула за Каролин, как в прорубь, в людскую гущу. На рынке под навесом предстал уже подлинный ад: жара, духота, теснота. Каролин шла впереди, я же, как к магниту, прилипнув к ее затылку, пробиралась следом: потеряю ее из виду — пропаду.

И тут меня паника охватила. Почудилось, что мы отсюда не выберемся, захлебнемся, нас, как трясина, поглотит месиво тел. Издав вопль, ринулась к выходу — только где он?

Каролин продиралась за мной, я слышала ее голос: да успокойтесь, чего вы испугались... Но, ополоумев, я уже не соображала ничего. Нас до машины преследовал торговец, судя по закрученным в спирали куделям, из Ямайки, предлагавший тапи-вуду, за которыми мы сюда и приехали. «Отдает за пятьдесят, — Каролин сообщила, — нам повезло».

Повезло?! Еще не отдышавшись, хотя и находясь уже в относительной безопасности, в машине, посмотрела через стекло на его товар — и как прозрела. Барон Суббота в цилиндре на голом черепе взирал на меня пустыми глазницами, и передернуло от отвращения. Зачем мне,

белой, христианке, это чужое, зловещее? Нет, не обладаю я, верно, ни широтой Каролин, ни ее бесстрашием. И не надо. Конкурировать в этом с ней не могу и не хочу.

После посещения бульвара Десалин мы с ней месяц не виделись.

Зима. Крестьянин торжествует

Ранним утром, только светает, сажусь в машину — и шалею. То ли еще не совсем проснулась, то ли плохо у меня с головой, потому что не может ведь такого быть! Чтобы прийти в себя, взглядываю в окно и снова на него, на Розмона. Нет, не бред, а явь: он сидит за рулем — в лыжной шапочке, черных, щегольских, горнолыжных перчатках. Значит, он спятил, не я. Тоже нехорошо, но все же легче.

Молчу. С полоумными нельзя обнаруживать испуг. Розмон, говорю, как дела? Он: замечательно, лучше не бывает! Думаю: может быть надо сказать, что я-де что-то забыла, вернуться в дом и, сославшись на внезапное недомогание, поездку в Порт-о-Пренс на урок французского отменить?

Делаю все же еще попытку: ты чем-то расстроен? Тут уж он на меня с подозрением косится: с чего ты взяла? Я: у тебя голова болит? Он, напрягаясь, и я угадываю в нем свои же опасения: нет, говорит, у меня ничего не болит! Я: а зачем... Розмон, ты... Ослабшей рукой показываю на собственное темя и на кисти рук. Вижу: он вот-вот сбежит, но, совладав с собой, соболезнуя, спрашивает: ты о чем, Надя?

Тогда решаюсь: с какой стати ты шапку напялил, перчатки? И он начинает заливисто хохотать. Долго, неуемно, во весь оскал зубастой, сверкающей белым на черном, пасти: «Да ты что, не заметила?! Холодно ведь. Декабрь уже, зима».

А я действительно не заметила. Так, значит, у них это называется зима...

Приехав в Гаити в мае, в самый пик жары, когда ноздри, легкие обжигало зноем, мозги плавились, потребность в них исчезала, одно лишь желание оставалось — дождаться шквального ливня, духоту не побеждающего, зато уже окончательно парализующего рассудок, — и тогда лечь ничком, хоть на пол, в забытьи. Тропики — это не «Четыре сезона» сладкоречивого итальянца Вивальди. Уж когда там дождь, так заливает до потопа, а если жара, так испепеляет насквозь.

Вначале по наивности, а точнее, по глупости спрашивала Андрея: «И что, так будет всегда, целый год? И осенью, и весной? А зимой?» Он пробовал втолковать мною упущенное на уроках географии про климатические пояса и где, в какой точке земного шара мы находимся, но я в очередной раз интересовалась, когда можно будет все же надеть чулки, и он отвечать перестал, в последний раз высмеяв: «Достань шубу, сапоги, раскрой холодильник и так посиди, отдышись». Про шубу он

зря. Я в самом деле привезла ее в багаже из Женевы, как и свитера, и твидовые костюмы, — не выбрасывать же. Но не представляла, что и спать придется нагишом, простынь скидывая, мечась по постели, глотая ртом воздух, как рыба, бьющаяся в агонии на отмели.

Не я, конечно, не я когда-то, в далеком, утратившем реальные очертания прошлом, каблучками цокала, натягивала перчатки под цвет сумочки, повязывала с форсом шарфики от Диора, не мысля, что судьба мне плавать в поту, босой шлепать, подставляя физиономию под лопасти вентилятора, нисколько не освежающего, вертящегося вхолостую. Не иначе как из мазохизма усаживала себя за компьютер: вентилятор, во всем остальном бесполезный, взвихривал со стола отпечатанные на принтере странички, гонял их по комнате, как прошлогоднюю листву, пока я не сообразила запастись ракушками с побережья, используя их как пресс-папье.

С перспективой когда-либо надеть чулки простилась, но из Женевы явилась не только с шубой, но и с коробкой елочных украшений — и уж тут не намерена была отступать. Прикидывала, какое из местных растений может приблизительно хотя бы сойти за новогоднюю елку. Не важно, пусть кактус, пусть пальму, шарами, гирляндами обряжу. К Рождеству мы ждали из Монреаля Виту. Хоть где, хоть в аду, нарушить традиции нашей совместной встречи Нового года я бы никому не позволила.

Воображалось, правда, с трудом, как будут сочетаться апельсиновые, манговые плоды на деревьях, море, все такое же синее, теплое, и свечи, елка, подарки под ней, галстук-бабочка на Андрее, мое вечернее платье с блестками: спекусь от жары, но обязательно надену.

Так, выходит, скоро... Лыжная шапочка на Розмоне теперь умилила: Витин приезд близко уже замаячил, что, видимо, отразилось на моем, поплывшем от счастья лице. Розмон, как обычно, догадливый, предложил: хочешь, я тебе покажу, какие у нас к Рождеству изготовляют игрушки? Я: конечно, хочу! Своих, привезенных, мне было мало.

Розмон-искуситель довел меня до того, что я в тот день пропустила занятия во Французском культурном центре. На обочинах дорог выстроились продавцы, держа в руках миниатюрные, картонные домики — точные копии старинных зданий в центре Порт-о-Пренса, внутрь которых вставлялась свечка. Да что там стеклянные шары! Ничто и нигде с такой точностью не воссоздавало атмосферы «Щелкунчика». Впервые, нарушив Розмонов запрет, я, в машине не усидев, сама выбирала-вырывала добычу у продавцов. Расплачивался, правда, он, весьма недовольный моим ажиотажем. После мне выговорил: цену можно было в два, в три раза сбить, но ты мне мешала.

Но где же елки? Там же, на обочинах дорог, предлагались деревца, воткнутые для устойчивости в консервные банки, крашенные белой масляной краской: нет, не воодушевляло. Зато уже в магазинах мы нашли

горшки с ярко-красными «рождественскими звездами»: в Гаити их называют «Манто Сен-Жозеф». Выяснилось, что они поставляются из Санто-Доминго. Почему, спрашивается, самим-то не выращивать, а ввозить от соседей как импорт? Позднее, у нас же в саду обнаружила куст, одичавший, выродившийся «Манто Сен-Жозеф». Постсоветской Россией повеяло, хотя я не знала тогда, что к Новому году в столицу лужковские елки из Норвегии привозят. Россия, твои леса... Одно из главных наслаждений детства — стряхивать снег с разлапистых елок, норовя деда, Михаила Петровича, с головы до ног засыпать. Такая была у нас игра. Он протирал очки, похожие на старомодный велосипед, пряча улыбку в усы: ну что ты озорничаешь, Надя.

Эти самые дедовы очки, с круглыми стеклышками, с пружинкой на переносье, я нашла, завернутые в платок, в тумбочке моего покойного отца. Вот же ведь, берег, хотя с дедом они, казалось, не ладили — не ссорились, но держались отчужденно. Хотя что мы знаем, что понимаем даже и в самых близких людях, десятую, сотую, верно, долю того, что есть. Очки дедовы здесь со мной, в Колорадо. Одно стеклышко треснуло, Андрей отнес в мастерскую, где вставили новое, целое.

На мое шестнадцатилетие дед мне вручил обтрепанную, без обложки, книгу: приложение к «Ниве», с гравюрами, под заглавием «Девятнадцатый век». Я фыркнула: ну старье! Потом, спустя много лет, понесу дедов подарок в особняк напротив Ленинской библиотеки, на комиссию по экспертизе, заплачу в долларах, чтобы получить разрешение на его вывоз. Дед и представить себе бы не мог. А я по сей день стряхиваю на него снег с разлапистых елок, по сей день он протирает свои велосипедные очки, по сей день слышу: Надя, озорничаешь...

И сказка Гофмана «Щелкунчик» осталась от деда на слуху, когда я, еще грамоте необученная, готовила для кукол суп из заячьей капусты с белыми нежными соцветиями, а он мне читал Андерсена, братьев Гримм и прочее, иной раз моему пониманию малодоступное, Шекспира, стихи Верлена на французском, периодически впадая в дрему, и тогда я сердилась, будила его, и он с виноватой улыбкой продолжал. А когда уже я читала те же сказки дочке, подражала невольно дедовым интонациям, и он стоял за моей спиной.

А, кстати, елки, натуральные в Гаити тоже нашлись, по сто американских долларов за штуку. Для богатых здесь имелось все. Когда слышу от соотечественников, что-де московские магазины, бутики, рестораны ничем не уступают западным, вспоминаю Гаити: да, есть все, только в расчете на кого?

С Витой, прилетевшей из заснеженного Монреаля, мы справили в Гаити Рождество, а встречать Новый год отправились в Санто-Доминго. Пересекли границу, паспортный контроль и попали на другую планету. Похожее чувство возникало при въезде из Псковской области в

Прибалтику. Но Прибалтика и Россия все же разнятся в своей основе, национальной, культурной, исторической, а тут один остров, и туда и сюда одновременно свозили из Африки черных рабов, ну разве что Гаити французы владели, а Санто-Доминго испанцы.

Рабовладельческий строй — темное пятно на совести человечества, но потому как отличаются бывшие английские колонии от бельгийских, португальских, французских, испанских, уровень цивилизованности, менталитет белых хозяев сказались на развитии подвластных им стран.

Британская империя из своих колоний не только отсасывала, но и давала. Уйдя, англичане оставили много полезного: правовую, образовательную системы, демократические институты, свободный рынок. В Кении, например, англичан и теперь уважают. А Советский Союз развалился, как карточный домик, в его бывших республиках искореняется даже русский язык — основная связующая нить еще недавно общего культурного пространства. Нигде в мире ненависть к проклятому прошлому не достигла, выходит, такого накала. В Африке, в Латинской Америке на язык, привнесенный колонизаторами, никто не посягнул, не вернулся к разноплеменной тарабарщине в подтверждение своей самостоятельности, независимости. И в Гаити, где восставшие рабы перерезали хозяев-французов, говорят на французском, в Санто-Доминго на испанском, хотя по жестокости испанские колонизаторы превзошли всех. Но остается загадкой, как, почему расположенные на одном острове страны разошлись настолько, так резко друг с другом контрастируют, что сразу, при пересечении границы, бьет в глаза.

Поразили не столько пятизвездочные отели, выстроившиеся вдоль променада у берега моря, как в Ницце, не толпы туристов, не торговые плазы, а высаженные повсюду на нашем пути саженцы деревьев, заботливо огороженные, с подпорками на период пока они приживутся, окрепнут. В то время как на Гаити зеленые насаждения, леса практически уже извели и остатки вырубать продолжают. Порт-о-Пренс маревом окутан, разъедающим ноздри, отравляющим легкие. В доме, сколько ни убирайся, на всех поверхностях серый налет. К нам каждые две недели приезжала команда для дезинфекции помещений. Сад тоже опрыскивали. На Гаити свирепствовала и малярия, и лихорадка Денге, свалившая одного из делегатов Красного Креста, и когда спустя месяц он наконец оклемался, его трудно было узнать — тень прежнего себя.

А в Санто-Доминго с эпидемиями малярии, Денге покончили. Дороги в порядке, полиция при деле. Андрей, отвыкнув в Гаити от светофоров, проскочил на красный, так сразу свист, штраф. Полицейский удивился, с чего это мы, нарушители, радуемся, сияем: так ведь порядок! Оставив в отеле багаж, впервые за много месяцев, пешком отправились по улицам бродить, среди людей, местных, приезжих, не озираясь, ступая уверенно по тротуарам и ликуя, как дикари.

В Новогоднюю ночь плясали в ресторане, потом до рассвета под оркестр на открытой площадке отеля «Шератон», где сняли номер. И звездное небо, и море, и климат были тут те же, что и в Гаити. При возвращении туда, ожидая очереди на контрольно-пропускном посту, сердце заныло: что ли Бог проклял эту несчастную, застрявшую, как в зыбучем песке, в нищете, невежестве страну?

Пианино

Практически в каждом сдаваемом в аренду доме среди описи имущества присутствовал музыкальный инструмент: пианино. Впрочем, использовался этот инструмент в качестве мебели: брякнешь по клавиатуре, как о гроб, где кости давно истлели, и такое услышишь! После я уже к такому предмету «обихода» перестала подходить. В прошлом остался концертный «Стейнвей», унаследованный, когда моя музыкальная карьера закончилась, сестрой Катей.

Пианино гаитянами, верно, приобретались в том же оптимистическом порыве, что и моими согражданами в середине пятидесятых. Тогда, при Хрущеве, началось расселение обитателей коммуналок, подвалов в новостройки-пятиэтажки, без лифтов, зато с собственной, малогабаритной кухней, ванной, и не важно, что повернуться там было негде. В сравнении с прежним, шипением соседских примусов, очередями в туалет — предел мечты. В грузовиках, перевозящих скарб новоселов, как олицетворение надежд, празднично сияло, искрилось лаком пианино, изготовленное фабрикой «Красный Октябрь», с табуреточным звуком, но, опять же, не важно: может быть, и собирались, но, как правило, на нем никто никогда не играл. Оно, пианино, служило символом, и грузчики с матюгами волокли его в светлое будущее — эхма, еще один лестничный пролет.

Пианино оказалось и там, куда мы вселились. Поначалу я его игнорировала, никакого исходящего от него соблазна не ощущала. Да и неужто спустя почти тридцать лет с нуля начинать, убедившись, что все забыто, пальцы одеревенели, растяжка ссохлась, кисть не проворачивается, как старый проржавелый кран?

Правда, все эти годы во сне я играла, запинаясь в тех же местах концерта Шопена, си минорной фуги Баха, входящих в мою дипломную программу при завершении учебы в Центральной музыкальной школе при Консерватории. На экзаменах в Консерваторию провалилась, и больше клавиш не касалась.

И надо же, чтобы в Гаити снова попасться в сети, где пробарахталась с шести лет до восемнадцати! То, что сумела извлечь из этого, прости, Господи, инструмента, должно было меня повергнуть в шок. И умерла бы со стыда, если бы кто-либо мог меня услышать. Но вероятность такая исключалась: дом стоял на отшибе, при гудении генератора, рыке кондиционера наружу не просачивалось ничего.

Поэтому я осмелела. Откуда-то из закоулков памяти выскребалось, казалось, забытое намертво, фразы, пассажи. Сама удивлялась, недоумевала, обнаружив, что *оно* возвращается. Не профессиональные навыки, на обретение которых угробились детство, юность, а им предшествующее: музыкальная, в зачаточной форме, одаренность — черта, где и следовало бы остановиться.

Бог дал, но не расщедрился. Для конкуренции с вундеркиндами — а наша знаменитая школа на них именно и рассчитывалась — я не годилась. Профессия, где девяносто процентов успеха зависело от технической свободы, без чего, будь ты хоть семи пядей, хоть лопни от «музыкальности», пробиться шансов не оставалось, в основе своей была не для таких, как я. Не для тех, кто на эстраду выходил как на плаху, лобное место, публичное поругание. В Малом зале Консерватории в проходе между кулисами и сценой торчал пожарный кран, и всегда, только объявляли мою фамилию, я, дернувшись, об него ударялась. Больно, с размаху.

Потом были годы блаженств, наслаждений тем, что умели другие. Освободившись от зависти, ревности сравнений отнюдь не в свою пользу, я обжила и Малый, и Большой зал как дом родной, но уже в качестве благодарного слушателя. Собирала диски великих исполнителей, а моя нотная библиотека тоже была оставлена сестре.

И вот, столько лет спустя, в Гаити из Монреаля пришла посылка от Виты: простенькие пьески Скарлатти, сонатины Клементи, «Юношеский альбом» Шумана — азы, которые, при столь длительном перерыве, пришлось постигать заново, с трудом.

Но я увлеклась. Подпевала, глуша фальшь вдрызг расстроенного пианино, не заметив, как дверь в комнату приоткрылась, на пороге возник Андрей. Вернулся с работы раньше обычного, застав меня врасплох. Я вскочила, хлопнула крышкой: демонстрировать кому либо свои «успехи» вовсе не входило в мои планы. Но он сказал: надо позвать настройщика. Так у нас в доме появился месье Дорэ.

Пожилой, темнокожий, обидчиво-горделивый, скорбно-насмешливый, ну очень типичный для своего ремесла, а уж скольких настройщиков я повидала. Даже великий Богино мой «Стейнвей» навещал, он, в чьем ведении находились рояли Рихтера, Гилельса, Большого, Малого залов. Мною он, Богино, бывал недоволен, я струны зверски рвала, и, верно, думал: достался же недотепе такой благородный инструмент.

Месье Дорэ мои исполнительские способности абсолютно не занимали. Сообщил, что придется фетр у молоточков менять — то ли от времени изъеден, то ли поработали мыши. Интересно, как же они туда пролезли? Месье Дорэ оживился: да запросто, и это-де довольно частый случай. В его французском вдруг прорезался одесский говорок. Сомкнулось: мое детство, Москва, зима, круглый стул на винте, ска-

мейка у педалей, до которых не доставали мои ноги, том иллюстрированных сказок Пушкина, на котором я восседала, первая учительница Раиса Михайловна, повторяющая: круглее мизинчик, Надя.

Пока мы подвозили месье Дорэ обратно в центр Порт-о-Пренса, Андрей рассказал, что я 29 лет не играла, а вот здесь, в Гаити, снова села за инструмент, на что тот произнес с характерным гаитянским достоинством: «И вовсе не удивительно. Гаити — страна артистов, тут сама атмосфера к занятиям искусством располагает». В тот момент как раз объезжали очередной мусорный завал, машина ухнула в яму, но мы дружно закивали: конечно же, атмосфера, конечно же располагающая...

Когда месье Дорэ высаживали, к «тойоте» со всех сторон устремились попрошайки, продавцы какой-то отравы, один чуть под колеса не угодил, Андрей хмыкнул: вот их сколько, артистов! Добавил: сплошные, ну сплошные артисты...

И я обиделась. Увидела себя частью этих потерянных, очумелых бедолаг, «артистов»-собратьев, ведь и меня тоже больше не кормит литературное ремесло, на гонорары теперь не прожить, из добытчицы превратилась в приживалку. Андрей рассмеялся: ну вот и ты действительно артистка, обязательно болячку найдешь и начнешь ковырять. Пропел: «Все они красавцы, все они поэты». Тут нас на ухабе так тряхануло, аж зубы кляцнули, и беседа на столь занимательную тему оборвалась сама собой.

Месье Изя

Изю Конеца, с польско-еврейскими корнями, не издающего на русском ни звука, соотечественником не назовешь, зато, как он нам сообщил, его тетя жила в Красноярске, вышла там замуж и уехала в Израиль.

Изя был менеджером «Ваху Бэй бич» — хозяйства, включающего гостиницу, ресторан, пляж, парк, которое он без устали совершенствовал. Постоянно кипела работа, сновали рабочие с тачками, лопатами, граблями — Изя придумал использовать автомобильные покрышки, в их внутреннюю окружность засаживая растения, для укрепления склона, при штормах подмываемого.

Еще только светало, а он уже в голубой, в белую клетку рубашке (той же самой или у него одинаковых имелось несколько) мелькал в парке, на пирсе, что мы наблюдали с балкона гостиничного номера. Владельцы «Ваху Бэй» жили в Майами, но могли спать спокойно, вверив свою собственность в Изины руки. Он бурлил планами с наполеоновским размахом: собирался в ближайшее время вступить в конкуренцию с соседствующим «Клуб Медом», и по территории, и по возможностям превышающего «Ваху Бэй» в десятки раз, что Изю нисколько не смущало.

«Клуб Мед» суетностью, шумностью, неумолчным гвалтом напоминал сочинскую «Жемчужину». а «Ваху Бэй» — Коктебель начала пятидесятых. Меня туда привезли впервые в четыре года. В те годы существовали только Волошинский дом и дача Вересаева, да еще развалины поместья Юнге, где после вырос пансионат «Голубой залив». И туда охотно устремлялась тогдашняя культурная элита, хотя из «удобств» имелся единственный на территории дома творчества деревянный, двухдверный сортир, с буквами «М» и «Ж», да деревенская банька.

Вечерами я ловила бабочек «мертвая голова», коричневых, мохнатых. То ли у меня не было детского окружения, то ли я его не запомнила, а вот только взрослых. Веру Инбер, профессора Десницкого, Мариэтту Шагинян, не полностью оглохшую, Ольгу Бергольц с челкой наискось лба еще не седых, блондинистых волос. С Тамарой Макаровой и Сергеем Герасимовым «дружила»: у них не было собственных детей, только племянник Артур, чьи рассказы, и неплохие, появились в «Новом мире», но после он куда-то пропал. Коллектив взрослых сообща меня баловал, а я важничала, никакой между ними и собой дистанции не ощущая.

К трапезам отдыхающих призывал гонг из крошечной, вместимостью человек на двадцать, выбеленной, как хатка, столовой. Пляж, разделенный низкой изгородью, чисто условно размежевывал женские и мужские голые тела. Лучший наряд — махровая простыня. Сохранилась фотография: Сергей Герасимов в полосатой пижаме и мягких татарских сапожках держит меня за руку — уж явно принарядился. После я в Коктебеле бывала десятки раз, все более разочарованная: счастье, там, в раннем детстве испытанное, жухло, тускло, пока не превратилось в еле тлеющие, как оставленные после шашлычных празднеств угольки.

А в «Ваху Бэй» тем прежним Коктебелем повеяло: смотри, сказала Андрею, показав на горную, спускающуюся к морю гряду, вот Карадаг, а это Святая, слева пологий Хамелеон... Он мне не стал возражать. И балюстрада с балясинами бело-гипсовыми, выпуклыми, как кегли, разве не та же, не коктебельская? Вот этот мираж прошлого решил наш выбор, и мы стали завсегдатаями у Изи.

Брали номер, один и тот же, что грело мою склонную к консерватизму натуру, ту же еду в ресторане заказывали: нас уже и не спрашивали, все знали наперед. Расположение Изи и в том сказывалось, что нам приносили по полтора лангуста и дармовой, за счет заведения пунш. Изя женат был на местной, гаитянке, взял ее с черной детворой, но его собственные с ней отпрыски ничем не отличались. Изина рыжесть, крючковатый нос растворились полностью в африканском бездонном котле. Думаю, он сам их, родных и пасынков, отличить бы не мог, даже если бы и хотел. Когда они на нем висли, обвивали за шею, улыбался растерянно. А с женой так и не познакомил.

В беседах его с Андреем присутствовали в основном две темы: прогнозы на ближайший в Гаити переворот и российская мафия. Я их интересы не разделяла, и либо плавала, либо собирала, как грибы в Подмосковье, ракушки. Утром, после отлива, они торчали из песка, но их следовало ухватить, пока не смыло волной. Азарт мой разгорался всё больше. Хотя эта, розовенькая, уже присутствовала в коллекции и серенькая с загнутыми ушками тоже, но лиловая зато уникальна. Оставь, такой у меня еще не было! — убеждала Андрея, когда он безжалостно выбраковывал собранный мной в очередной раз урожай. Наша перепалка — он отказывался грузить в багажник машины этот, по его определению, мусор, а я настаивала — входила в ритуал посещений «Ваху Бэй». Однажды Изя за меня вступился: да ладно, Андрей, оставьте, если ей нравится. И посмотрел куда-то, мимо меня.

И внезапно меня осенило, я осознала — все, конец. Гаити исчерпано. Все сорта ракушек собраны, картины, те, что пленили, куплены, море, сине-сапфировое, выпито, съедены тонны песка; колибри, увиденные в саду, точно в мареве радужном от мельтешения крохотных крылышек, как Жан объяснил, в неволе погибают, в клетку их не запрячешь, никуда с собой не увезешь, как и запах цветущих апельсиновых деревьев, флер д'оранж, невестин символ, не запрячешь в багаж, который пора собирать.

...Изя с обычной любезностью вышел нас провожать. Мы, как обычно, из машины ему помахали: до следующего, мол, уик-энда. Но я уже знала: все, черта подведена. И не обмануло чутье: спустя месяц мы отправились в аэропорт. Жан у ворот дома остался, покидаемого нами навсегда. Не картины, а он, большеглазый, похожий на подростка, был и остался моим главным там, в Гаити, обретением. Жан, прощай.

С МАЛЕНЬКОЙ ПЛАНЕТОЙ НА ПЛЕЧАХ

Осень-2002

Ах, Москва, дожди с утра,
а нырнёшь в метро — жара.
Паришься, как с веником,
с тесным современником.

Ах, Израиль, бабья осень,
божья благодать.
Мягко стелет наша осень —
жёстко спать.

Жёстче бодрствовать, впрочем.
Ездить страшновато.
Жить ещё охота очень.
Виновата.

Жить охота скучно, просто —
без Ирака, без Норд-Оста.
Лучше душное метро,
Лучше целое нутро.

Время поселиться дома
да в окошечко смотреть.
Всё в округе по-другому.
Безопасна только смерть.

Вычислять судьбу не буду.
Осень происходит всюду,
осень для живых.

Зинаида ПАЛВАНОВА — родилась в Мордовии. Окончила Московский институт народного хозяйства им. Плеханова. Работала в Москве — сначала социологом, потом — сторожем. В 1990 г. уехала в Израиль. Автор четырех поэтических сборников и многих журнальных подборок. Живет в Иерусалиме.

Вот и к нам явилось чудо,
вот и к нам явилось юдо —
капель дождевых...

Утро накануне войны с Ираком

Медвежатами в лесу сосновом —
В Иерусалиме, в декабре —
Безымянные котята снова
Разыгрались в солнечном дворе.

Почему нечаянно и глупо
Мы на них сквозь Шишкина глядим?
Мы им вынесем густого супа
И займёмся чем-нибудь своим.

За морями нынче, за лесами
Молодой российский окаём.
А в двенадцать, как по расписанью,
Заблестит дорога за окном.

За компьютерами сидя, не пророним
Слова до обеда. Быт наш сер.
Кем покажемся мы посторонним —
Инопланетянам, например?

Странными такими существами
С маленькой планетой на плечах,
Странными такими существами
С биотехносуетой в очах...

Радио то слыша, то не слыша,
Бодро тянем нашу жизнь с утра.
Мир — игра, предложенная свыше.
Кажется, военная игра.

Что там впереди, не за горами?
Старимся для вида, честно врём.
Мы — котята. В смерть — и в ту сыграем,
Если ненароком не помрём.

* * *

Грустная игрушка нынче — глобус.
Всё чудней, всё меньше с каждым днем.
Может, не садиться мне в автобус?
Пассажиров многовато в нем.

Может, мне пешком пройтись немного?
Может, мне пешком на свете жить?
Может быть, права моя тревога
и полёт в Россию — отложить?..

Может быть, наоборот, скорее
убежать отсюда навсегда?
Без меня арабы и евреи
Разберутся. Вряд ли — вот беда!

Пробовать подстраховаться или
жить, как будто мыслей этих нет?
Может, Землю нашу захватили
некие угонщики планет?..

Я живу, не ведая, не зная,
где моя живая плоть помрёт.
Женщина вселенская простая,
я сажусь в автобус — и вперёд.

* * *

Готовилась к приезду твоему.
Все окна в нашем доме перемыла.
Ближневосточная сияла осень,
и приближался день, и наступил.

А начался с теракта он, со взрыва,
на перекрёстке, что неподалёку
от интерьера чистого, от кошки,
от садика с осенними цветами.

Я встретила тебя, и вот наш дом,
семейный ужин с розовым вином
и нежности внезапные наплывы,
и новости, и вечность за углом,
и взрывы.

Чемодан

Неужто знак нам свыше дан —
покинуть наши палестины?..
...Стоит на свалке чемодан,
большой, добротный, тёмно-синий.

Пустой... Берём его, берём.
И вот стоит он среди дома,
как прямо в ночь сквозной проём,
как ветер, как озноб, истома.

В нём страхов наших вещество,
в нём тайна тихая без фальши.
Хозяин умер? Без него
отправился хозяин дальше?..

Рассвет. И вновь тревожно мне.
В квартире завелась прореха.
...Или хозяин цел вполне?
Прочь выбросил, чтоб не уехать?

А может, чемоданов тьма
в еврейском доме расплодилась,
и этот — лишний? Я сама
недавно делала уборку...

Не разглядеть, что за углом,
за чемоданом тёмно-синим.
Набили тайну барахлом
и под кровать вот-вот задвинем...

* * *

Взорвался осёл у автобуса.
Осёл — арабский, автобус — еврейский.
Автобус остался цел,
чего об осле не скажешь.

Добрые люди, умные люди
навьючили смертью на этом свете
мохнатого, тихого —
и погнали на тот.
И никто не сказал ему,
что он в рай попадёт.

* * *

Ах, жизнь моя, мы вновь с тобой одни,
чуть сонные, самим себе чудные.
Ещё горят вечерние огни,
точней, ночные.

И гаснут на глазах. И розоват
арбуз вселенной на небесном блюде.
Уходит ночь. Горит её закат.
Восходом это называют люди.

Алексей МИХЕЕВ

ЗАПИСКИ МЕЛКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ, ИЛИ ДЕНЬГИ*

1

Я, в общем-то, не коммерсант. Я, видимо, все-таки литератор. Прозаик, если быть точным. В Москве в конце безвластных восьмидесятых у меня вышли подряд несколько книжек прозы и даже переводной роман, который предварительно напечатал с продолжением очень левый тогда журнал «Урал». Я работал в московском журнале «Родина», появлялся в периодике и в те дни вполне мог влиться в Союз писателей, не имей я на свою беду — или, наоборот, на счастье — каких-то революционных принципов на этот счет. И продолжал бы по инерции носить членский билет СП и сейчас, когда ни в принципах, да и ни в самом факте вступления в Союз никакой особой нужды уже не ощущается.

В общем, я хочу сказать, что человек я все же в большей степени творческой, интеллигентской, художнической сферы и производство копченых кур в городе Новосибирске с их последующей реализацией стала для меня областью достаточно новой, незнакомой, если не сказать совершенно чуждой. Как, собственно, и вся коммерция.

Шла весна 1992 года. Ельцин подтвердил указом, что делать можно всё. Гайдар отпустил цены, и народ в состоянии ступора взирал на ежедневно, как в счетчике таксомотора, выскакивающие над прилавками цены и на стремительно меняющуюся жизнь. И именно в это время в Москве на станции метро «Университет» я начал спекулировать картошкой.

После очередного приступа скуки, закончившегося очередным опытом аскетизма, призванным по обыкновению украсить жизнь, когда питаешься одной только кашей и травкой и о еде только и думаешь, мне пришла в голову гениальная мысль, что пора серьезно занять коммерцией. И я быстро и бесповоротно (сейчас мне даже удивительно думать о такой былой моей категоричности) решил, что надо начать *свое дело*. Ни много ни мало. Именно дело. И свое.

Для этой цели я привез из Новосибирска свой ЕрАЗ.

---

* Журнальный вариант

Алексей МИХЕЕВ — родился в 1948 году в Новосибирске. Окончил Новосибирский педагогический институт. Работал сельским учителем. Прозаик, переводчик, журналист. Очерки из цикла «Записки мелкого предпринимателя» печатались в журнале «Новый мир» в 1996-97 годах. Живет в Москве.

Допотопный легковой фургон Ереванского автомобильного завода оставался у меня с кооперативных времен — от одного новосибирского рыболовецкого кооператива, давно уже благополучно почившего. Я использовал ЕрАЗ по преимуществу для поездок на охоту, и у меня был на него выправлен смачный документ, позволявший «осуществлять творческие поездки, связанные со сбором литературного материала по всей территории СССР». Это зеленое чудовище я и пригнал в Москву.

В Новосибирске стояли еще морозы, сахар стоил уже сто рублей килограмм — в два раза дороже, чем в столице, и, уезжая после недельного пребывания дома обратно в Москву, я увез с собой денег на два мешка сахара, заказанных родственниками для их летних садоводческих нужд. Эти-то деньги и помогли мне, именно с них все и началось, именно на них я купил свою первую тонну картошки, поскольку своих денег к тому времени у меня уже не было — не будь дурак, последние рубли с книжки, чтобы они не обесценились, я потратил еще в 1991 году.

Свою первую тонну картошки я привез из Рязани. Потом я уже не забирался так далеко и ограничился расстоянием в сотню километров. Но рязанская — купленная прямо на рынке — картошка была исключительная. Я продал ее за один день у метро «Университет» и сразу сделал себе рекламу. Потом, хотя картошка была другая, хозяйки зачастую предпочитали покупать ее все равно у меня.

Я только постоял, открыв заднюю дверь ЕрАЗа, десять минут до первого покупателя, а потом ко мне уже образовалась очередь.

Эх, какое было благословенное время! Действительно, можно было делать все. Никаких тебе инспекторов, проверяющих, указывающих, ни милиции, ни санэпидемнадзора, ни поборов, ни фактур, ни разрешительных бумаг, ни налогов, и торговать можно практически где угодно! Вытаскиваешь только какие-нибудь, какие ни на есть, весы, встаешь с краю рыночка, а то и вообще где попало, но обязательно по главному ходу людей — и лишь успевай взвешивать и считать деньги.

Продал я тогда на сумму в два раза бóльшую, чем потратил. На все мероприятие у меня ушло два дня. На третий день я поехал за следующей тонной и продал ее так же быстро, накрутив на этот раз только восемьдесят процентов, потому что в ближних районах покупал картошку уже дороже. После третьего же раза я смог купить сахар родственникам, избавившись от моих по отношению к ним долгов.

Регулярно через день я уезжал рано утром и привозил картофель к вечеру, купив его в какой-нибудь деревне. Это была самая сложная операция. Был разгар весны, погреба освобождались, народ отбирал семенную картошку и продавал остатки. Но вызнать, найти, помочь достать из погреба, а потом еще сторговаться было делом достаточно хлопотным.

На второй неделе моей работы у меня была уже продавщица. Бабушка-пенсионерка, до сих пор благодарная мне за два процента с выручки, которые я в то голодное время ей платил. На третьей неделе я решил задействовать весь свой «автопарк» и взял водителя на имевшийся у меня «запорожец». Теперь я только ездил в область для закупа, а продавалась картошка и подвозилась из

нашего подвала к месту продажи уже без меня. Оборот теперь шел в два раза быстрее. На столе моего семейства появились ранняя зелень, дорогостоящие свежие огурцы и помидоры, которые я покупал у соседей по рынку в конце торгового дня. Но не это было главной моей задачей, и как мои домашние ни подбивали меня на какие-то более существенные приобретения, я сопротивлялся упорно, маниакально держа в голове свою главную цель — *капитал*. Тут уж я стоял насмерть.

На втором месяце у меня денег было уже столько, что я перестал вписываться в собственную торговлю: не было возможности вкладывать в закуп все деньги, и бóльшая часть оставалась без движения, не принося прибыли. Надо было либо расширять дело, либо переходить на более дорогостоящий товар. Я внимательно присматривался к тому, как происходила у соседей-азербайджанцев торговля огурцами. Огурцы шли влет. Можно было, конечно, попробовать и мне, но смущал момент криминальной конкуренции. Слишком я запоздал, чтобы вписаться в уже поделенные зоны: освоившись на своих местах, продавцы все же начинают ощущать себя хозяевами и стараются препятствовать появлению конкурентов и снижению цен. Меня и с картошкой-то уже не раз пытались трясти за грудки, и как человек «художнической» направленности я в таких случаях всегда пасовал. Возможность быть побитым или «посаженным на перо» не вписывалась в мою программу. К тому же с самого начала я дал себе зарок не относиться к этой затее слишком серьезно.

Найти новое дело помог случай. У нас в соседках по дому жила одна одинокая молодая мать с пятилетним сыном, с которой мое семейство было в приятельских отношениях. Работала она диспетчером в ДЭЗе и как-то поделилась со мной наблюдением, чем спекулируют дворники-татары, составляющие по традиции среди московских дворников большинство. Как она завидовала потом мне, воспользовавшемуся ее подсказкой и пустившему в ход эту идею! Но что могла сделать она — не имеющая ни моих средств, ни моей машины, ни моей энергии?!

Здесь как раз выявляется первый щепетильный вопрос коммерческого мира: как делиться прибылью и, в частности, нужно ли платить за идею, которая приносит тебе деньги? И если нужно, то сколько — один, два, десять процентов, или должна быть какая-то одноразовая выплата и потом эта идея уже полностью твоя? Где тот справедливый «цивилизованный» договор? Как определить справедливую стоимость? Ведь ты обработал идею, ты вложил в нее деньги, старание, выдумку, ты рисковал, нес ответственность, а тот всего лишь произнес слово... К тому же у тебя всегда есть оправдание: не воспользуешься ты, воспользуется другой — обязательно воспользуется, свято место пусто не бывает! Но с другой стороны, с подачи этого советчика я свои деньги увеличил во много-много раз. И следом еще вопрос: а что бы я делал без этой идеи?.. Раньше, при социализме, такой вопрос вообще бы не возник — все делилось поровну, а за идеи уж и совсем никто не платил, интеллектуальная собственность была, в основном, общей. Короче, вопрос был нов и трудно разрешим...

Можно было все эти мелочи утешительно отложить на потом: рассужу и сочтусь по завершении формирования капитала. Да только никакого завершения формирования первичного капитала не бывает, он всегда под угрозой, его всегда

недостаточно, всегда он требует увеличения и борьбы за его сохранность — процесс бесконечный. Но эту женщину я все же как-то отблагодарил — давал ей без востребования деньги в долг, иногда находил за вознаграждение работу в своем «деле». И тем не менее и я, и она, оба мы понимали, что по сравнению с тем, сколько я на ее идее заработал, все мои подачки — пустяки. Но когда тебя подавляет процесс, некогда вспоминать о мелочах, некогда умствовать. И я чувствовал, как по мере углубления в коммерцию в своем маниакальном стремлении добиться «капитала» приносил в жертву всё больше подобных «мелочей» и подобных сумасбродств. Привыкал автоматически оправдываться разными причинами и все меньше нравился себе.

Вот так это и бывает. Ты начинаешь хуже спать, меньше радуешься маленьким радостям жизни, утрачиваешь покой. Суетно и тревожно складывается твой день, меняется выражение лица, ты становишься замкнутым и черствым, жестче делается взгляд, суше звучит и реже возникает в тебе смех, ты перестаешь привлекать к себе людей (а если всё еще привлекаешь, то не упустишь случая, чтобы и это с выгодой не проэксплуатировать), быстрее начинаешь стареть. Ты иначе смотришь на привычные, казалось бы, вещи, у тебя меняется восприятие, даже мировоззрение: отбор фактов, поступающих в сознание, становится иным. Другие почитываешь книги, другие ведешь разговоры, тяжелее сосредотачиваешься на отвлеченном и т.д. и т.д. Во всех отношениях человек становится другим — чего греха таить, становится хуже. И считать, что с возвратом к рынку — любому, какому ни на есть, коммунистическому, дикому, цивилизованному — моральный климат в обществе улучшается, это значит, по-моему, вводить себя в большое заблуждение...

В общем, вторым моим товаром стал сирийский тюль. Гардинная ткань фирмы Olabitex, которой сейчас, много лет спустя, завешано, пожалуй, каждое десятое окно в стране.

Соседка только сказала мне, что дед ее знакомых дворников приезжает раза два в месяц купить материал и увозит его куда-то к себе в Казань или Ульяновск, чтобы продавать в разных учреждениях и проектных институтах. И уже через два дня я ехал на своем «запорожце» открывать новые возможности, горизонты и края.

Тюль оказался действительно товаром золотоносным. Если бы у меня было достаточно денег и я мог бы забить им «запорожец», а потом, отторговавшись, незаметно для посторонних глаз исчезнуть и вывезти выручку (что, пожалуй, не менее важно), я бы вообще озолотился. Но в том-то и дело, что денег мне всю мою торговую деятельность хронически не хватало. Не имел я ни партийных денег, ни льготных кредитов, негде было украсть, нечего было заложить, и поэтому тот сказочный, фантастический, разгульный, разудалый момент в истории нашей страны, характеризовавшийся суперприбылями и дележом общественной собственности, я упустил. Ну да что печалиться, либо надо было ориентироваться вовремя, либо теперь уже не ныть и утешаться тем, что достигнуто.

Самым главным достоинством тюля являлось то, что он, дорогостоящий, был очень компактен, легок и в одну небольшую и совсем не тяжелую сумку его входило почти столько, сколько стоили двадцати тонн картошки. И бешено, я подчеркиваю это слово, бешено он раскупался женщинами.

Но до того как я все это выяснил, мне пришлось пережить немало нервных потрясений. В первую поездку занесло меня аж за тысячу километров от Москвы. В направлении, которое я выбрал, трудно было найти большой и удобный город. В Пензе не покупали, в Кузнецке я не нашел даже, где пристроиться, в Сызрани меня ограбил наглый золотозубый цыган, принудив чуть ли не половину моего запаса продать ему по цене в полтора раза ниже московской. Через четыре дня я начал уже впадать в панику, шарахался ото всех подозрительных лиц, ночевал только на заправочных станциях в машине... И когда забрался, наконец, в Тольятти, то, спускаясь с Жигулевских гор по серпантину дороги и обозревая вдали за Волгой бесконечные кварталы домов, я не думал еще, что это будет *мой* город, что это будет мое Эльдорадо. Пусть и тут мне пришлось безуспешно постоять у двух институтов, ловя кислые взгляды сотрудников и выслушивая жалобы по поводу того, что второй месяц не выплачивают зарплату. И пусть я продал там всего какие-то несколько десятков остававшихся метров, причем половину опять какому-то цыгану! Пусть и здесь поначалу все было очень невразумительно и прибыль сложилась самая минимальная... Но все же была! И домой я не ехал, а летел. Потому что чувствовал: задача решена, предприятие освоено, в этом городе работа есть.

И уже через несколько дней, отдохнув от потрясений, с сумкой и рюкзачком поехал я в Тольятти опять. На этот раз — на поезде. Гнать «запорожец» за тысячу километров из-за трех-четырех десятков килограммов я посчитал нерентабельным. Конечно, оно тревожнее, но зато ты не привязан к машине, а в поезде имеешь возможность спать хоть все пятнадцать часов.

И я принялся ездить в Тольятти через каждые три-четыре дня. Я вел партизанскую жизнь, маскируясь под туриста. Это было не лишнее, если учитывать тогдашнюю криминальную обстановку вокруг главного автомобильного завода страны и мои собственные наблюдения, основанные на постоянном контакте с цыганами, широко представленными в этом регионе.

Поскольку единственный прямой поезд из Москвы приходил в Тольятти только к вечеру, я был вынужден проводить в городе ночь, обремененный тюками товара. На вокзале, пристанище всех бичей и туристов, я оставаться не рисковал, а ночевал в палатке на берегу Жигулевского водохранилища. Рюкзак и сумку с товаром прятал, тщательно маскируя, в лесу, для чего использовал весь свой охотничий опыт (боже ж мой, на что тратишь накопленные за столько лет благородные навыки бивачной жизни!!!). И рано утречком, достав из укромного места свою поклажу, я садился на конечной остановке в троллейбус, который и вез меня до какого-нибудь заводоуправления , конторы СМУ или исследовательского института — где, естественно, работало много женщин. Город на предприятия был богат... Я только входил в вестибюль, за проходную не углублялся, договаривался либо с профкомом, либо просто с вахтером, чтобы мне выделили какой-нибудь столик, раскатывал по нему, пуская волной, образец. И просил включить свет...

И среди женщин конторы начинался переполох.

Что-что, а красивая ткань — это все-таки достижение Востока. Это своя культура, история, традиции, свои таинства. В те годы ни одна женщина не могла устоять перед видом ткани для гардин, которую начали поставлять нам сирий-

цы. И когда она лежала, сверкая люрексом, на столе или, собранная буфами, была вывешена на стену, она действовала прямо на женское подсознание, затрагивала какие-то тайные струны, и любая из проходящих мимо просто не могла не подойти к моему столику, так что уже через полчаса в вестибюле собирался решительно весь женский персонал учреждения.

И нельзя сказать, что такого материала не было в магазинах. Он был — особенно в магазинах коммерческих. Стоил, правда, в два раза дороже, чем в Москве (в то время как у меня наценка была всего процентов пятьдесят-сорок). Но главное было даже не это, главное заключалось в самом эстетическом воздействие материала в казенном институтском фойе или сером конторском вестибюле на женское воображение. Женщины просто немели от восторга.

Ну и еще, конечно, срабатывал эффект заразительности: одна, вторая, третья — а потом покупали уже все. И пусть не давали два месяца получку, для меня они находили-таки деньги: занимали, перезанимали, ездили в обед домой за деньгами и все равно покупали у меня тюль — выстраиваясь в очередь. Представить только, отдавали каждая по ползарплаты и еще выстраивались в очередь!..

Отторговывался я за два-три часа и сразу же уезжал домой в Москву, чтобы через три дня вернуться с новой партией. Капитал мой рос в геометрической прогрессии. Мое воображение рисовало уже пять тысяч процентов дохода в месяц. Это была фантастическая цифра, но основания для нее все же были: реализация шла очень легко. Одну только улицу Промышленную я обрабатывал в несколько приездов, потому что на ней одной была уйма предприятий, заводы следовали один за другим. Я неистовствовал, просто сатанел от жадности, не давая себе ни сна ни отдыха и не обращая внимания ни на что, кроме прибыли. Я всегда самонадеянно считал, что знаю, откуда что идет, и привык рассматривать страсти, если они не связаны с полом непосредственно, как сублимацию либидо. Но тут я терялся. Ни одна другая страсть, ни одно увлечение не захватывало меня так сильно. Тут все было по-другому. И я уже не понимал, чему приписать такое: специфике мира денег или тому, что уже начал выходить из *этого* возраста.

И хотя я замечал, что женщины, исходя чувственной истомой к моему материалу, испытывали нежность заодно и ко мне, я ни разу не взглянул ни на одну из них с особым вниманием. И хотя они привычно кокетничали, интересовались у меня, откуда тюль и какой расцветки висит у меня у самого дома, какой рисунок предпочтителен мне и кто я такой и как называется моя деятельность, и хотя подчас среди них бывали очень привлекательные, и хотя я тоже отвечал им, тоже шутил с ними, разговаривал, тем не менее остатками ума, не задействованными в коммерции, я отмечал, что женские прелести меня совершенно перестали интересовать. Сами женщины, потолкавшись у моего столика, делали шутливый вывод: «Это наши новые купцы. Они уже не влюбляются, у них все заменяют деньги...». Женщины смеялись. Но в их словах была абсолютная правда.

Если тут и присутствовала сублимация, то эта страсть впитывала всю энергию либидо целиком, без остатка. Причем эта энергия не давала ни экстаза, ни прозрения, ни умиления, оставляя только одержимость и иссушенность. Комплекс Гобсека...

Все это было очень ново, происходило какое-то постепенное вовлечение в совершенно неизвестную завораживающую сферу — сухую и безжизненную, как песок пустыни. Эта страсть умертвляла всё. И ладно бы страсть, великая страсть с большой буквы. Но ее ведь и великой не назовешь. В ней не было ни возвышенности, ни поэзии. Ни романтики, ни упоения, лишь ровный, всепроницающий, равномерно распространяющийся и захватывающий тебя всего жар. Я долго думал на эту тему и пришел к выводу, что тут не во мне дело, не в моей личности, не в моем возрасте. В гобсековской страсти, в деньгах, романтики не может быть вообще. Даже когда мы говорим о романтическом золоте Клондайка, мы все-таки подразумеваем романтику не в самом золоте, не в самих деньгах, а, напротив, в отсутствии их, в пути достижения, в трудностях, в игре, в которой борются за приз, пан или пропал... Обладание же деньгами содержит в основе и порождает эмоции совсем иного рода...

С места продажи я исчезал всегда незаметно. Рюкзак — в сумку. Посмотреть, нет ли за тобой глаз и быстро забраться в проходящий мимо троллейбус. Завершение операции тоже должно быть проведено серьезно. Можно даже еще раз троллейбус поменять — как в детективных фильмах. Но вот когда ты уже полностью почувствуешь оторванность от места действа, тогда действительно наступает облегчение. Операция завершилась. Можешь поднять голову, посмотреть на небо, вдохнуть полной грудью, сходить в столовую, в кино, наконец. Но поскромнее, не зарываться. Можешь, если уж не вытерпишь, сморит тебя любопытство, даже уединиться в лесу и посчитать деньги...

Но сытая удовлетворенность скоро проходит и все начинается сызнова.

За один приезд оборотная сумма увеличивалась почти в полтора раза. Поскольку товар был очень легкий и привезти его, даже на поезде, можно было немереное количество, получаемая выручка без ограничения вкладывалась в новую партию, и каждая новая вкладываемая сумма была в полтора раза больше, чем предыдущая. В этом направлении был полный простор. Другое дело, что очень много времени тратилось на дорогу, учитывая еще, что продавалось привезенное в считанные часы. Я пытался сократить время в пути, но поезд ходил крайне неудобно и минимальный цикл все равно получался трехдневным — еще и выходные выпадали. И потом я же не железный, ездить туда обратно на такое большое расстояние было и физически очень тяжело.

Поэтому с наступлением летних отпусков, решив полностью посвятить себя делу, я отправил свое семейство отдыхать и выписал из Новосибирска двух болтающихся на каникулах племянников. Теперь всё вроде бы получалось достаточно стройно. Мы все так же «косили» под туристов. Я перегнал в Тольятти свой «запорожец» и жил в нем. Ребята подвозили материал, купленный в указанных мной московских магазинах. Для этой цели использовались рюкзаки и байдарочные пеналы (последние очень удобны, тюля в них входит по нескольку намотанных одна на другую штук). Я встречал племянников на вокзале в Тольятти и отправлял с деньгами обратно, предварительно научив, как вести себя в поезде: в тамбур не выходить, есть только у себя в вагоне, пива не пить, в скандалах не участвовать и спать, держа сумку с деньгами под головой. И никогда, *никогда* в криминальных ситуациях на защиту денег не вставать и в борьбу не вступать.

Продавал я чаще всего сам, все больше расширяя зону деятельности и добираясь уже до многочисленных предприятий и управлений автомобильного завода. В одной конторе больше двух раз старался не появляться: наша задача была снять пенки, а за два раза происходило по существу полное насыщение. Иногда мы уезжали в Москву вместе, тогда я оставлял машину на автостоянке у вокзала, чтобы, приехав с грузом, сразу в нее сесть. А иногда мы ночевали в машине все трое, и утром я отправлял ребят в Москву на самолете.

С помощниками я все же выигрывал время, и мои сто сорок процентов тикали теперь каждые два с половиной дня, как часы. Деньги росли будто сами, всё было накатано и отработано. Но мне всё равно не было покоя, всё равно казалось, что оборот проворачивается слишком медленно, что он слишком растянут, что с пацанами я лишь облегчил себе работу физически, а время доставки сократил очень незначительно — а время не ждет, конъюнктура может измениться, а денег еще слишком мало, мало, мало... И тому подобное...

Вот я лежу на склоне дня один на бережку Жигулевского водохранилища, помешиваю готовящуюся на костре в пустой консервной банке кашу и посматриваю на загорающих в отдалении девушек без лифчиков. За спиной у меня мой «запорожец», в его багажнике — товара на пару уже более серьезных машин. Светит солнце, тепло, вода искрится, белеют паруса яхт вдали...

И мне бы отнестись ко всему этому как к приключению... И радоваться бы тому, что лежу с кучей денег на берегу, что отдыхаю на Жигулевском море как автотурист, что доходы растут сами собой и завтра будет худо-бедно больше, чем вчера, — насколько-то всё равно будет больше... Но азарт, но алчность! Но мысли о сокращении затрат, о нехватке оборотных средств, об экономии, о бережливости... И ни любопытства, ни удовольствия от жизни, ни свежести восприятия — ни даже интереса к этим девушкам, загорающим на берегу...

Может быть, это наследственное — и алчность, и прижимистость, и серьезность? Мой прадед по материнской линии Яков Дмитриевич Верхов был купцом в городе Новониколаевске, имел капитал во сколько-то там тысяч, магазины, доходные дома, один из которых — двухэтажная каменная гостиница с голыми лепными амурчиками по карнизу и изображением камеи над входом — был определен советской властью под областную прокуратуру. Вполне вероятно, это может быть наследственность, кровь. Но, тем не менее, мысли только о том, как, что, сколько и почем?

Вот купаются девушки в Жигулевском водохранилище без лифчиков... Ну и шут с ними...

...Провожу свободные два дня в ожидании рабочего понедельника в лесу за Тольятти — далеко от города, на живописной поляне, в пору самого цветения, без комаров, в сухом бору. Вдали виден плавными волнами простирающийся ковер сосновых макушек, то тут, то там прорываемый кудрявыми верхушками берез, светлыми холмиками возвышающимися над ровными просторами соснового моря. Пахнет раскаленной на солнце корой, хвоей, птицы поют где-то в кронах, бабочки летают на высоте. А я — внизу, как на дне колодца, на середине поляны, в глубине своего «запорожца» считаю и пересчитываю деньги, строю планы последующих предприятий, выдумываю новые способы увеличе-

ния прибылей. И не могу ничего с собой поделать, осознавая уже вполне, что на этот раз «застрял капитально», что уже не принадлежу себе.

Давно хотел попробовать ответить на естественно созревший и не раз уже возникавший в уме вопрос: как может считающий себя интеллигентным человек заниматься подобным делом?.. Лезть со своими сумками через ноги пассажиров на облюбованную вторую, а то и третью, полку — поскольку все кругом занято, а билетов, кроме как в общий вагон, в кассе уже на неделю вперед нет? Являть собой знакомый всем тип «мешочника»?! Мало того, потом еще торговать — искать место, вступать с людьми в какой-то идиотический диалог, давать сдачу, получать деньги, расхваливать товар, набивать цену?!!

Попробую ответить хоть приблизительно. Есть какая-то прелесть в том, чтобы полностью освоиться со своей ролью. Слиться с ней, стать тем, кому она принадлежит, чьей она является. Скажем, к примеру, ролью шофера. К примеру, в дальнем рейсе, выйти из какого-нибудь, допустим, ЕрАЗа в домашних тапочках, небритому, в засаленных брюках и, никого не стесняясь, проследовать в придорожное кафе, неся с собой пустой термос для кипятка и полотенце на шее. Чувствуя себя в этот момент совершенно в своей тарелке, в чужом городе, как в своей кухне, и приобщенным к несметному полчищу дальнобойщиков-шоферов. Одним из тысяч. Но так сладко осознавать себя кем-то. Быть цельным. Ощущать себя человеком с местом в жизни, с профессией. И важно ли, кем именно в данный момент — писателем, шофером, физиком-теоретиком, землекопом или вот, спекулянтом?! Так радостно сосредоточить себя, отдохнув от одиночества, на подобной игре...

Но в моем случае вся драматичность ситуации заключалась в том, что игры не получилось. Лучше даже сказать, я заигрался. Я отнесся к делу слишком серьезно. Я не рассчитал сил, не я уже владел ситуацией, а она мной. Я даже уже не рефлектировал. Не до того было. Я просто сходил с ума от жадности. Ребят своих гонял нещадно, ругался с ними, доказывая, что это наше *дело* — мое. Стал раздражительный, въедливый, желчный, потерял аппетит, меня стали преследовать экзистенциальные страхи, апатия, состояние полного упадка сил...

И тем не менее, от страсти своей я все же наконец освободился. Как всегда, выручила меня, вытащила, спасла скука. Моя скука — всегда появляющаяся исподволь, незаметно, но постепенно забирающая в руки все права. И однажды мне вдруг до осточертения, до физического отвращения, до тошноты надоело все то, к чему я еще только неделю назад был так привязан. Неожиданно всё стало скучно. Вдруг после четырех месяцев интенсивнейшей работы, когда даже не хватало времени на сон, все мысли были только о деньгах, а деньги текли по накатанному пути, мне всё опротивело. Противно стало считать прибыли, противно ездить, надоел Тольятти, надоел тюль, торговля, морды, поезда, покупающие женщины... Видеть ничего я не хотел.

А дело было отлажено, и надо было бы продолжать, я ведь мог лишиться больших сумм, которые доставались сейчас без особых умственных затрат и напряжений, — только крути потихоньку и крути. Я отдавал себе отчет в том, что уходить на покой нельзя, что возобновить будет невозможно — ситуация изменится, спрос понизится, цена упадет. И прадедовское чутье меня не обманывало — в этом я был прав, как во многих вопросах и до и потом. Не зря я

гонял и ребят и себя, не зря не знал отдыха, не зря спешил, не зря опасался конкурентов. Они появились уже на втором месяце работы, причем породили мы их сами. Однажды хорошо одетый молодой человек на «Жигулях» -- девятке, тоже торговавший, как выяснилось потом, по вестибюлям контор детскими вещами, заглянул на автопредприятие номер один, чтобы договориться с начальством о завтрашней торговле, и увидел нас, увидел столпотворение, производимое нашим материалом. Продавая, отмеривая и считая деньги, я боковым зрением охотника отметил и его появление, и то, как он уединился с моим племянником, предлагая, как потом я узнал, скупать у нас товар оптом. А племянник лишнее наболтал, и уже на следующей неделе на заводе «Химпрепараты» нас ожидала встреча с длинноногими продавщицами, наряду с детскими распашонками этого парня торговавшими и нашим тюлем.

Нет, не зря я спешил до конца использовать ситуацию, не зря принялся срочно искать другой дефицитный товар.

Но скука, скука... Пропадает азарт, исчезает привкус нового, остается рутинная каждодневная работа — а покупают уже не так... Пусть на выручке это почти не сказывается, но нет той ошалелости в глазах, нет столпотворения и очереди. Чинно и мирно идет торговля, а то и приходится еще таскаться по комнатам из отдела в отдел... Ходить за покупателем — это как-то уже не вдохновляет.

Сожалея все-таки о приостановлении накатанного предприятия, я еще отправил в Тольятти пацанов одних, учитывая их уже достаточный опыт и знакомство с особенностями города. Но у них ничего толкового не получилось. Они прибились как раз к рутинной торговле, к знакомой проходной завода «Трансформатор», где могли удобно продавать по несколько десятков метров в день, выкраивая себе на сантиметрах барыш. Искать новые места они не стали, и без меня, без подгонялы, хорошей работы не сладилось. Хорошо хоть не обокрали их, хорошо хоть сами вернулись и остатки привезли.

И на этом сезон мы завершили.

Денег у меня было, пусть не столько, сколько предполагалось, исходя из 5000% в месяц, но все же примерно на однокомнатную квартиру. Но квартиру я почему-то не купил, не купил вообще ничего существенного, даже на доллары деньги не поменял -- не очень это тогда было заведено — и, конечно, сделал ошибку.

Мы с ребятами уехали в Новосибирск, я присоединился к семье. Потратил какую-то малую часть денег на пустяки, продолжая все так же «свято» хранить «капитал». Но ни о какой коммерции не мог даже и подумать до самой поздней осени.

Я сходил на Алтай, посмотрел на Аргут, как он, как всегда, чистой бирюзовой струей впадает в тело белесоватой Катуни. Посидел напротив устья, полежал на солнце, переночевал на камнях у воды. Поднялся к Кучерлинским озерам. На обратном пути в Усть-Коксе, в маленьком районном центре, крохотной провинциальной столице с полным набором «цивилизованных» услуг, с парикмахерской, рестораном и маленьким аэропортиком, на автобусной станции в полусуточном ожидании автобуса в Горно-Алтайск наблюдал за людьми, за которыми очень интересно и радостно наблюдать даже после всего

недельного твоего отсутствия в мире. Когда спустишься с гор, когда душа твоя полна покоем, ароматами трав и ясным безоблачным небом, на людей ты смотришь со счастливым изумлением. Так любопытны и интересны тебе они. Так ты любишь их, как запахи полыни, цвет листвы и шум горных потоков. И любишь пьяниц и забулдыг, слоняющихся по кривой центральной улице, и представителей местной администрации, несущих важно свои портфели в местные административные учреждения, и туристов с ледорубами и загорелыми лицами, которым ничего не надо, кроме как сидеть на рюкзаках с гитарой у забора автостанции. И любишь девушку с церебральным параличом, облизывающую пыльные ранетки у крыльца общественной столовой, видимо, от недостатка денег на столовские блюда. Рвущую их с дерева не до конца разгибающимися, скрюченными пальцами и прямо тут же криво отправляющую в рот. И жалеешь ее не той щемящей слезной жалостью, когда, глядя на конвульсивные движения, посредством которых она продвигается вперед — десятка два на метр пройденной дороги, — тебе невыносимо хочется закрыть глаза или отвернуться как от стыда и ужаса, и убежать куда-нибудь далеко. А жалеешь трезвой и деятельной жалостью. И я там отдал ей все оставшиеся от поездки деньги. Не Бог весть какие большие, даже можно сказать, пустяковые, но достаточные, чтобы вызвать в ней приступ удивления. Я заранее приготовил их, подошел и отдал. Пересилил свою жмотскую натуру — и такое счастье испытал, когда решился! Подошел, положил деньги ей в руку, и в награду получил восхищенную фразу:

— О! Сколько!..

После чего она сразу забыла про меня и только пораженно глядела и глядела себе на ладонь...

О, если есть все-таки на свете счастье и если когда-то дано человеку ощущать себя счастливым в жизни, то когда еще, как не в такой момент непосредственной радости другого человека, причиной которого стал ты сам....

И этим-то незначительным на первый взгляд, но внутренне очень важным, видимо, для меня событием и закончил я бесконечный летний марафон, обрел во взбаламученной душе желанное равновесие и спокойно дожил до зимы...

2

Не могу сказать, что описанные выше коммерческие начинания — это был уж совсем первый мой коммерческий опыт в жизни. Отсутствие постоянной работы приучило зарабатывать деньги разного рода путями. Например, в начале восьмидесятых я жил тем, что время от времени перегонял подержанные автомобили из Москвы в Сибирь. Делалось это так: я занимал семь-десять тысяч рублей, покупал на автомобильном рынке в Москве по доверенности на продажу подержанную автомашину. Чаще всего это был «москвич-2140», который у нас в Сибири почему-то котировался выше, чем в европейской части СССР. В Новосибирске я его продавал и выручал от сделки где-то тысячу рублей. Это были хорошие деньги. Я мог позволить себе захватить из Москвы ящик отличного вина для друзей и каких-нибудь еще редкостей и в Новосибирске какое-то время ездил на машине. В общем, неплохой был промысел. Тогда, при социализме, подобная деятельность была не сказать, что запрещена, но почиталась

безнравственно-спекулятивной, и охотников до нее было немного, только самые «пропащие», так что особой конкуренции не наблюдалось. Вообще, прекрасно жилось спекулянтам при социализме. И рэкета не было, и вымогательства, и мафии, и бандитов по пути. Спокойный, честный, социалистический спекулятивный труд. Правда, для самых отбросов общества. Но «отбросы» не обижались, такое общественное мнение им было даже на руку. Сейчас вот впору горевать, потому что «спекулировать» в стране стал чуть ли не каждый второй...

Не все шло, конечно, в моем деле гладко. Например, на Урале я однажды перевернулся, улетев под откос. Это стоило мне трех тысяч рублей: кузов автомобиля пришлось менять, он так сплющился, что уже не подлежал восстановлению. И собственной машины я так и не смог купить при всех тех больших заработках. В основном, я именно просто и зарабатывал себе на жизнь, занимаясь этим нерегулярно и спустя рукава. Я тогда вел жизнь творческую и созерцательную и, несмотря на полную невостребованность своих литературных опытов, деньгами самими по себе интересовался мало. И перспективы голодной смерти для меня не существовало. Я пребывал в уверенности, что всегда в крайнем случае смогу занять денег, что-то где-то там купить, куда-то пригнать и продать.

Но вот в 1992 году возможность занимать деньги резко исчезла. В течение нескольких месяцев, или даже дней, или даже в одночасье люди своих денежных сбережений лишились. Все стали нищими. Я хорошо помню этот момент. Впечатление было такое, что кто имел какую-то собственность: дом, квартиру, машину, дачу, — тот стал буржуа, тот же, кто не имел собственности, тот сразу превратился в люмпена, и стало очевидным, что он уже больше никогда не заработает ни на машину, ни на дачу, ни на дом. Собственность приобрела огромную ценность, деньги перестали что-либо значить, они превратились в пыль. Особенно это видно было по деревне — скажем, подмосковной. Такие великолепные двухэтажные, трехэтажные коттеджи отстраивали себе простые сельчане, что любо-дорого было смотреть. И тот, кто успел до Гайдара, до его «терапии», в «перестройку» взять ссуду, завезти материал, построить дом, а лучше всего вселиться в него, тот весной 1992 года вышел в богачи. Ему было, на что и где существовать; было, чем владеть; было, что оставить детям. Кто не успел, тому оставалось только с завистью смотреть на дворцы и кусать локти. Перспектива сравняться отпадала навсегда. В одно мгновение люди разделились на два лагеря. Даже те, кто начал строительство, понимали, что достроить уже не смогут. Разумеется, если на свои, получаемые в кассе на производстве, кровные.

Негде стало взять в долг, негде получить кредит, в отношении денег все превратились в голь перекатную. Может быть, именно это обстоятельство и определило все мои тревоги и внезапную и фанатичную идею о необходимости создать свой собственный «капитал».

Когда я вернулся к коммерции поздней осенью, делать можно было еще многое. Отнимать назад дарованные весной свободы в конце девяносто второго года у нас только начинали. Нельзя было, например, уже торговать где угодно и не платя за это деньги. Нельзя было уже не обращать внимания на инспекторов и милиционеров. Власти, сожалея о своих поспешных постановлениях и упускаемых возможностях, немного сдали назад и обложили свободу

данью. Милиция и другие «силовые структуры» после нескольких месяцев неопределенности усвоили свою роль в «демократическом государстве» и снова возвращали свои права, свои привилегии, свое самоуважение, свои места обитания и кормушки. Снова стали куражиться, чваниться, вымогать взятки и безбоязненно бить людей в своих «околотках». Стала расправлять крылышки налоговая инспекция, из почти бесправной государственной организации превращающаяся в действующий орган.

И тем не менее всё еще практически нигде не требовалось отчитываться за происхождение товара, не требовалось разрешения на торговлю и на перевоз. Зачастую вполне достаточно было одного свидетельства о предпринимательской деятельности. Всё еще можно было покупать, что угодно и где угодно, и всё так же не платить налогов. И всё еще сохранялось доставшееся от социалистических времен огромное региональное расхождение в ассортименте. То есть в определенных регионах определенные виды товаров продолжали хронически оставаться дефицитом.

На этот раз я стал зарабатывать деньги на индийском чае. Индийском чае Московской чаеразвесочной фабрики, который в прошлой жизни считался лучшим нашим чаем и всегда был редким и желанным гостем в провинции. Я покупал его в Москве и отправлял в Новосибирск.

Чтобы обойти фирмы-паразиты, к тому времени густо сидящие на каждом престижном производящем предприятии, я выискивал базы, куда тот же чай поступал по отпускной цене фабрики. Выигрывал я на этом процентов пятнадцать. Не было на базах — искал посредника по прайс-листам Московской товарной биржи и где-нибудь в столовой, в окраинном магазине все равно находил свои полтонны-тонну. С моими средствами, тем более учитывая, во что они превратились за четыре месяца инфляции, мне трудно было иметь дело с большими конторами: денег у меня не хватало даже на контейнер. И я сшибал по мелочам и отправлял коммерческим грузом в почтово-багажном поезде. Что, кстати,. давало тоже большие преимущества, так как груз шел в несколько раз быстрее, чем контейнер.

Я был среди первых, кто начал использовать перевозку товаров багажом. Да и вообще это была пора открытий. Конечно, на багажном дворе со своим товаром я был не совсем одинок. Время от времени я видел такие же коробки с фирменными этикетками московской фабрики, и отправляли их тем же багажом, скажем, куда-нибудь в Усть-Каменогорск, на Урал. И хотя это были конкуренты, и, по преимуществу, ребята кавказских национальностей, видеть их мне было приятно как подтверждение того, что я на правильном пути.

Честно сказать, главным аргументом для меня была очередь. Хотя я не торговал теперь сам, а оптом сдавал товар в магазины, но мне по привычке честолюбиво хотелось, чтобы за моим товаром стояла очередь. А зимой девяносто второго — третьего года я еще успел ухватить момент славы отечественного индийского чая и с гордостью могу заявить, что если в то время новосибирцы и пили настоящий хороший напиток, то в определенной степени это была и моя заслуга.

Прибыль составляла сорок процентов с оборота. Работа шла неспешно. Моя обязанность была найти и купить чай. Я выискивал, где подешевле, и потом с

Казанского вокзала отправлял в Новосибирск. А там встречал груз и сдавал в магазины уже брат моей жены, Сергей. Он же зачастую и привозил полученные деньги в Москву. Весь процесс занимал довольно много времени. Оборот здесь был значительно больше растянут, чем при торговле тюлем. Больше расстояние, дольше шел товар, да и реализация происходила не за один день. Выручало лишь то, что была задействована бóльшая, чем первоначально с тюлем, сумма.

Спрос был опять гораздо выше, чем я мог предложить товара, и у меня снова не хватало денег. Но после лета я некоторое время находился в каком-то заторможенном состоянии, не особенно жадничал и не торопился. Видимо, имел запас инерции, и на сей раз алчности раскрутить меня было нелегко. Поэтому, отправив груз, я спокойно дожидался возвращения назад денег и успевал даже кое-что пописывать — что-нибудь очередное прозаическое. И непечатающееся. Теперь уже, правда, непечатающееся в новую эпоху. «Не нужное людям» — казалось, не нужное теперь уже действительно никому, поскольку складывалось впечатление, что люди перестали читать совсем. Издательства разваливались, тиражи сокращались в десятки и сотни раз, полки букинистов ломились от сданной населением классики. Но странное дело. Ко всем неудачам в издательствах, всем отрицательным ответам из журналов я относился теперь в гораздо большей степени равнодушно, терпимо, спокойно.

Это было открытием: оказывается, занимаясь коммерцией, я перестаю чувствовать себя неудачником. Оказывается, коммерция — еще один эрзац, заменитель, компенсатор удовлетворения, способный восполнить неудачу в профессиональной сфере, уход любимой и даже тот же комплекс Гобсека. На собственном опыте я смог убедиться, что три страсти, правящие миром и дающие человеку ощущение собственной полноценности и состоятельности, — слава, женщины и деньги (иначе: власть, женщины и деньги) — равнозначны и взаимозаменяемы. Каждой из этих трех составляющих достаточно. И так было, видимо, всегда. Известно ведь, что человек для ощущения себя полноценным в жизни, стремится состояться хотя бы в чем-то одном. И если у него нет таланта для славы и власти, и если он, скажем, урод, он обречен вечно чувствовать себя ущербным. Но когда ты не особенно нравишься женщинам и лишен божьего дара, божьей искры, ты все же можешь иметь деньги. И, как следствие, утешать себя мыслью, что славу, власть, любовь ты можешь купить. И мне даже кажется, что подобная возможность — это тоже человеколюбие. Так что счастливое безденежное коммунистическое будущее, которое думающие люди в свое время рисовали себе в воображении и в котором предполагались только две первые страсти, это общество могло быть счастливым только для красивых и гениальных, остальные же в нем обречены вечно жить с комплексом неполноценности.

Что и имело место!.. Миллионы людей много десятилетий ощущали себя ущербными. И не обладая выдающейся красотой и выдающимися способностями, не могли себя реализовать. Пили, мрачно рассуждали по кухням, мучались поисками смысла жизни, читали книги.

Что ж, теперь уже все поправилось, можно, вроде, не беспокоиться. И не реализовавшие себя миллионы с упоением бросились самореализовываться в торговле детскими вещами, импортной зубной пастой и во всяком другом мелком бизнесе, с азартом делая деньги и отдавая этому все свое время. Трудятся

и день и ночь, в запое, без досужих размышлений. И довольны жизнью. И уверены в себе. И не пьют. И лица изменились.

Но это уже совсем другие люди. И другая формация...

Второе же открытие, какое я сделал этой зимой, — это необходимость приучать себя к наличию денег, или лучше сказать, вообще к деньгам...

Я это потому так подчеркиваю, что еще несколько лет назад я, как и большинство в нашей стране, не имел денег. Конечно, если иметь в виду зарплату. Советская зарплата, хоть директора завода, хоть академика, хоть генерала, — это были не деньги. Деньги, по крайней мере, первоначальный этап осознания наличия их — это когда в кармане ты постоянно имеешь сумму, на которую, например, сегодня же можешь купить себе новую машину. Или новую квартиру. Сегодня купить, а завтра, не понравилась — продать... И если не покупаешь — только потому, что деньги эти нужнее в деле: через месяц-другой ты сможешь на них купить еще машину, еще квартиру, продолжая все так же иметь в кармане сумму на третью машину или квартиру.

Мог разве себе позволить такое советский человек — даже академик или генерал?.. Конечно же, нет. Вкуса денег почти никто не испытывал... Хотя, признать надо, что, гоняя машины из Москвы в Новосибирск, я был на подступах к тому, чтобы начать догадываться, что значит все-таки иметь деньги. Пригнав три-четыре машины и заработав за месяц четыре тысячи рублей, можно было ощутить кое-какие намеки. Но Бог, устроив две аварии подряд, не позволил мне тогда слишком далеко продвинуться в этом направлении.

Да я и не особо расстраивался. Я считал себя тогда талантливым, служил своему делу, ощущения никчемности не испытывал и компенсировать что-либо миром денег мне было ни к чему. К тому же в своем раз и надолго взятом «антитоталитарном» стремлении к свободе я тоже преуспел достаточно — настолько, что решил, раз уж свобода, то надо вырваться и из-под гнета денег, из-под гнета вечной вынужденности добывать себе деньги на жизнь вообще. Или, раз уж не получается без денег совсем, хотя бы приучить себя к самому малому — жить, скажем, на тридцать рублей в месяц. На один рубль в день.

Полная свобода...

А тут еще проходишь мимо сладкого: сахар — белая смерть, не грех и отказаться; мимо пузырящихся газом дорогих напитков: по Брэггу — яд, и нет ничего лучше простой воды; мимо зазывал-кафе: у тебя очередной пост; мимо шампанского «Брют»; мимо коньяка «Камю»; да что там: мимо простого «Арбатского» красного, которое могло быть каждый день в обед к мясу... Мимо мороженого — просто уже из экономии, потому что ведь можешь без него обойтись, и мимо массы других соблазнительных вещей. Но зато закаляешь волю... Для того ли живем?.. Разве эти мелочи существенны?!

А с деньгами... В большей степени это, конечно, относится ко времени, когда у меня появилась уже «тойота», что было несколько позднее. Но начало было положено именно в те зимние развратно-бездельные покойные дни — я мог купить этого мороженного целую коробку!.. Пирожные — все. Мог подрулить на «тойоте» вплотную к киоску... Нажав кнопку электроподъемника, открыть окно, из которого в разгоряченное лицо продавца потянет прохладой от кондиционера в кабине, сделать потише магнитофон и сказать: «Откройте нам, по-

жалуйста, апельсиновый сок». Или, сделав счастливым десятилетнего ребенка, тоже еще не вполне наездившегося на этой машине и среди подушек и подлокотников необъятного заднего сидения сидящего, лежащего и стоящего на голове, выполнить его просьбу «догнать до музыки», то есть довести скорость до предупреждающего сигнала компьютера, начинающего свою неотвязную мелодию со ста пяти. Или купить ему все, какие понравятся, лежащие на витирине магазина большие шоколадки, какие только есть у продавца. И каждой — еще и по несколько штук!..

С тридцатью-то рублями в месяц какой контраст!

И самоощущение совершенно другое. И жизнь. Когда ты можешь без всяких раздумий купить всего Кнута Гамсуна — все двенадцатитомное собрание сочинений, случайно обратив на него внимание на книжном лотке. Купить в магазине скромный английский костюм — и за сумму, какую ты еще недавно «проедал» за год. Или увидеть, как к тебе в ресторане поспешит официант с приветливым лицом, с готовностью обслужить, с меню в руке...

А начинается с незаметного, с мелочей, когда перестаешь обращать внимание, сколько ты тратишь на бензин. Заливаешь в бак — и даже не запоминаешь эту цену. Или — сколько тратишь на еду. И на то, что покупаешь всё в дорогом магазине. Все эти траты никак на твоих деньгах не отражаются.

Удивительно, как втягиваешься в тот уровень денег, каким располагаешь. В то время как проблемы и радости остаются те же: здоровье детей, любовь и супружеские измены, предательство друзей и радость встреч с ними. И пусть у вас на порядок разница в месячном доходе, пусть даже на два порядка, пусть даже разница в тысячу раз, но никто ни на каком уровне не застрахован от того, что он может упасть, утонуть или сломать ногу. И мало того, купить даже не может себе какую-нибудь ерундовую, но с детства дорогую для сердца вещь. Скажем, мотодельтаплан или, там, теплоход. Потому что каждый уровень дохода требует и соответствующих дополнительных трат. Большой уровень — больших трат. И как-то одно цепляется за другое, что ты выкладываешь кучу денег на какие-то многочисленные необходимые пустяки. Ресторанное обслуживание, дорогое обрамление, положение обязывает и т.д. А «дурные» деньги, большие или случайные, выигрышные — вообще хрестоматийно известный факт — всегда на всех уровнях так же «по-дурному» и уходят сквозь пальцы, и денег лично тебе на баловство все никак не достает. Конечно, в разных уровнях разное баловство, но ощущение, что на него не хватает денег, одно. Всегда ведь может найтись новое, все более дорогое баловство.

А то пьяное ощущение денег, находящихся у тебя в кармане в размере стоимости машины или квартиры, какое я привел выше, остается в памяти лишь как ощущение новичка, прозелита, как первая любовь, которая всегда проходит и не повторяется больше никогда. И деньги в дальнейшем осознаются уже всегда лишь сухим и прозаическим средством достижения цели.

Но вернусь к главной теме.

Чаем мне удалось на седьмом обороте вернуть свои летние деньги. С виду это была огромная сумма — в несколько раз больше прежней. Но инфляция в тот период была процентов двадцать пять в месяц, и к своим достижениям я относился трезво, оценивая деньги по тому, что могу на них купить. А купить,

как оказалось, я мог немногое. Квартиру — уже нет (они дорожали гораздо бóльшими темпами). Даже чая — ровно столько же, сколько полгода назад. И когда я понял, что так могу вечно топтаться на месте, оцепенение соскочило с меня, и я решил всё дело пересмотреть.

С Сергеем мы как работали... Я занимался своим делом, он — своим, прибыль делили почти поровну и в дела друг друга не вмешивались. Он меня, в общем-то, устраивал, и месяца три голова у меня не болела. Но истинно советскому человеку механизм инфляции объяснить трудно. А Сергей был советский человек в кубе. Мало того, что коммунист, еще и бывший партийный работник — в свое время первый секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ. Такие люди на улице не валяются, и сейчас он снова на приличной работе. Но тогда он был жертва перемен, получал пособие по безработице, указ Ельцина о запрещении компартии задел и его самолюбие: своей должностью и карьерой Сергей гордился. И мне по большому счету нельзя было ему не помочь. Что бы там ни говорили про прошлых коммунистов, каких бы монстров из них ни делали, представляя их кровососами на теле народа и подпольными миллионерами, они во многом были обыкновенными неимущими людьми. И по сравнению с теми, кто их сейчас клеймит и разоблачает, с теми, кто сменил их в их креслах и у кормила власти, они, те коммунисты, были, можно сказать, невинны, как дети. И как бы мы ни были далеки друг от друга, какие бы у нас ни были идеологические расхождения, он был родственник, и я не видел причины, почему бы с ним не объединиться. Тем более, что он был парень толковый, активный и у него были связи.

Но связи связями, а если человек далек от спекулятивной сферы, это рано или поздно проявится. Мне же был нужен все-таки настоящий компаньон.

Компаньон — это в коммерческом деле залог успеха вообще. Это в одно и то же время и проблема, и приобретение номер один. С друзьями и близкими родственниками лучше вообще не связываться, они, даже если ничего не умеют и никакого вклада в дело не внесли, прежде всего будут считать твою прибыль и полагать, что имеют право ее по-родственному сразу делить. Для коммерции тоже нужен свой талант, не каждый потянет. Есть люди, которые могут работать исключительно по найму. Хороший инженер, высококвалифицированный специалист в какой-то своей области — умнейший человек, но самостоятельно никакое дело не откроет, что-то свое личное не организует. Это ему не интересно, а как коснется дела — вообще полный провал. Ну что делать, например, с человеком — брат мой такой, — который в течение нескольких месяцев так и не может научиться считать купюры, путается, ошибается (на его подсчет никогда нельзя положиться) и тратит на подсчитывание одного миллиона рублей в мелких купюрах несколько часов?!

Так что пока я продолжал заниматься чаем в одиночку. Для этого пришлось переместиться в Новосибирск и самому заняться реализацией. В Москве покупал чай по моим отработанным адресам и отправлял в Новосибирск мой друг, брокер торговой биржи, любитель делать деньги из ничего, пока, правда, особенно в этом не преуспевший и за определенный процент охотно помогавший мне. Реализация налаживалась прекрасно. За два месяца я обогнал инфляцию в восемь раз. Я даже начал покупать подвернувшуюся недвижи-

мость, какая была по моим силам и не очень обременяла оборотный капитал, который должен всегда быть наготове, как порох — сухим.

Я купил два дачных коттеджа на берегу Обского водохранилища. Этих коттеджиков, принадлежавших какому-то «Новосибирскбурводу», там был целый поселок, и они так долго стояли недоделанными, что местные жители стали потихоньку их уже разбирать. Оказалось, что они продаются. Причем, очень дешево. Хотя, впрочем, и за такую малую цену никто там их не мог купить, денег ни у кого не было. Я пришел в городе к директору организации, поговорил с ним и оплатил два оставшихся не разобранными дома, истратив какую-то смехотворную сумму, за которую организация своим транспортом еще и перевезла разобранные дома на новое место.

И летом, когда мой «капитал» в силу нового вынужденного простоя, связанного с семейными обстоятельствами, снова превратился в пыль, эти два домика оказались единственным моим вложением, благодаря которому я остался на плаву. Я их свез на новые места, собрал и продал «клиентам» за цену в *двадцать* раз бóльшую, чем заплатил. Если бы я все свои деньги вовремя вложил в недвижимость, то вообще бы вышел сухим из воды. Но, как говорится, знал бы где упаду, так соломки подстелил...

Вынужденно застряв на неопределенное время в Новосибирске, я без особого успеха промышлял разнообразными пустяками и то и дело обращал свои взоры на восток страны, знакомый мне непосредственно по моим путешествиям и памятный тем, что потребительские товары там всегда стоили значительно дороже, чем в европейской части страны. Что вполне могло явиться хорошим основанием для какого-нибудь выгодного предприятия.

На этом-то этапе началась история создания коптильни, о которой я упомянул в самом начале, и как прелюдия сближение с Надькой — со старой приятельницей Надией. У нее же увидел и Колю. А через полгода познакомился с Валерой.

О Валере из города Владивостока следует рассказать особо. Сейчас он уже снова отрезанный ломоть, существует без нас, отдельно, оставшись целиком в торговле и продолжая один наше когда-то общее дело, но, тем не менее, заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Валера из всех нас сейчас самый состоятельный. Тому много причин, но, видимо, главной является все же то, что для него — просто иллюстратора моей гипотезы о гобсековской страсти — не существует в мире ничего, кроме денег (это он называет: «кроме дела»). Например, у таксиста Коли есть семья, жена, двое детей, которые, несмотря на простоту обоих родителей, ходят одна в художественный класс, другой — в математическую школу, и Коля, возвращаясь с работы домой, в это благополучие, размеренность, уют и тепло, находит удовольствие в том, что жена подносит ему, уставшему, рюмку водки. У Надии балованный сын переходного возраста и сидящие на ее иждивении старые родители. У Валеры же нет никого. Была жена, с которой они вместе начинали заниматься спекуляцией, торгуя шубами, но и то они с ней развелись, как только появились деньги и возникла необходимость перепрописываться и покупать еще одну квартиру. И теперь он холостой, а с женой продолжает общаться уже только как деловой партнер одной коммерческой фирмы.

Есть еще одна причина. Валера жмот невероятный. Например, обладая уже почти полумиллионом долларов, женщинам он старается дарить цветы все равно подешевле. В то время как бабник страшный, волокита и сластолюб, но как только дойдет дело до угощения, у него сразу напрягаются мускулы на лице и меняется цвет глаз. В общем деле у него должно быть обязательно хоть на рубль, но больше денег, чем у партнеров, иначе он не спит. Общую кассу он тоже держит только у себя. Патологически жаден. Очень знакомая мне черта. Но надо сказать, что в этом деле она продуктивна. Я даже уверен, что только такой человек и может сделать (и сохранить!) большие деньги.

Ну и третье качество — это его жесткость. Превыше всего дело (читай: деньги)! А он, как к себе беспощаден в этом отношении и ради дела может жертвовать сном, покоем, здоровьем, так же точно беспощаден и к другим. И неважно, что дело принесет прибыль уже только ему, а другие понесут потери. Эта тонкость как-то им совершенно игнорируется, не рассматривается. Выгодно для дела (считай: денег) — значит, он прав. И в то же время продолжает считать тебя другом, приезжает в гости, скучает один, говорит, что нельзя терять хорошие отношения, зовет к себе во Владивосток водку пить (последнее делает, кстати, крайне редко) и искренне радуется встрече всегда.

Валера сентиментален. Под пьяную руку он может и влюбиться и месяца два будет пребывать в этом состоянии. Даже задумает жениться, покажет невесте новую квартиру с белой корейской спальней, обговорит детали и день переезда, всем расскажет о своих намерениях. Но потом одним прекрасным утром подойдет он к своим капитальным гаражам, выполняющим у него роль складов, окинет взглядом горы товаров, и эта блажь с него соскочит.

И хитрый. Это я забыл сказать, почему-то посчитав не таким существенным. А Валера далеко не дурак, хотя и прикидывается простачком, далеко не однозначный. Шахматистом, наверное, если бы умел играть, был бы превосходным. Конкурентов и партнеров он любит обыгрывать разговором, крючками, ловушками, какими выуживает информацию. Не подавая совершенно вида, что все понял про тебя. А потом преподнесет тебе очередную «новость», которая выскажется им в дружеской беседе и которой он лишит тебя совсем средств к существованию. И не из садизма или злонамеренности, просто из любви к искусству. К обыгрыванию. Ведь в шахматной игре не думают о переживаниях соперника.

И в этом отношении Надия от Валеры отличается разительно. Сопереживание и жалостливость — это ее слабое место. Женщина все ж-таки. И несмотря на ее теперешнюю «крутую» репутацию, я думаю, именно эти «слабости» не дадут ей никогда стать обладательницей особо крупного капитала.

Я вообще удивлялся в ту зиму, когда искал местного партнерства, а заодно и кредита для чая (для чего и был выведен друзьями на Надьку), тому обстоятельству, что она занимается коммерцией. Надьку я видел последний раз лет пятнадцать назад и знал ее как этакую свойскую девицу — тощая и длинная, вечный «наш парень». А тут — Надия Ревхатовна Барсагаева, дородная большая женщина, употребляющая герболайф, неспешная, уверенная в себе, властная, напористая, заматеревшая за время службы в строительных организациях и руководства строительными кооперативами, умеющая магом поставить тебя на место, курящая сигарету за сигаретой и пьющая водку. И надо ж вот, с

единственной неуместной слабостью в характере — чувствительной привязанностью к друзьям молодости, к которым оказался причисленным и я.

Ну и самое главное, Надия полная противоположность Валере и по отношению к деньгам. Например, когда мы с ним сатанели от открывающихся новых возможностей, Надька в это время могла закатиться с подругами на дачу, чтобы ублажать их яствами и проматывать полученные в качестве прибыли зеленые, или укатить в Эмираты и привезти обратно не тюки с товаром, а всего лишь какую-нибудь кинокамеру! Или назвав полный дом родственниц и подруг, уже под утро в порядке приключения вызвать по телефону только что появившуюся в городе сервисную службу с каким-нибудь красивым названием «Олеко» и заказать — в пять-то часов утра! — изысканных закусок на дом (в свою панельную квартиру!) с салфетками, посудой, с официантом... Из одного чувства любопытства да и из желания повеселить подруг, поделиться с ними этими разрекламированными новшествами. Определенно, уж про кого не скажешь «только деньги». Такой вот легкомысленный, непрактичный, неразумный, хаотичный русско-татарский характер. Который в конце концов ее и погубит.

А может быть, и наоборот, не погубит. Я видел, как она с совершенным самообладанием принимает все ситуации, когда оказывается на мели или под гнетом больших с процентами долгов. Тут нервничаешь, не знаешь, куда вложить деньги, видя, что они тают прямо на глазах, или не знаешь, как выкрутиться, как расплатиться с неподъемным кредитом, а долг каждый месяц вырастает. У меня были знакомые, которые в таких обстоятельствах кончали с собой. Надька же при любом раскладе всегда легкомысленно уверена, что деньги у нее появятся, что с долгами она рассчитается, что какое-нибудь дело организует, и за ошибки и траты задним числом себя никогда не винит, ни в чем не раскаивается. И ведь действительно и кредиты выплачивает, и новое дело находит.

Ну и, наконец, о Коле. Главное, наверное, в нем то, что это человек, умеющий считать деньги. Он даже в прямом смысле, купюры считает артистически. Очень расторопный, быстро все схватывающий, всему научающийся и очень хорошо чувствующий погоду. Поэтому очень полезно иногда держать вслед за ним нос по ветру. Коля всегда там, где есть деньги, — профессиональный таксистский навык. В плане же научаемости новому или, как это сейчас зовется, переквалификации, ему вообще нет равных. Когда мы втроем, устраивая коптильный цех, ходили по высоким инстанциям, он, держась поначалу у нас за спиной, даже научился себя вести как подобает с официальными лицами. Оставил свою таксистскую нахрапистость и неотесанность и стал очень выдержанным, воспитанным, вежливым, и я замечал, что даже обходительным порой был, и даже костюм себе сшил. Совсем другой человек...

Вот в какой компании предстояло мне работать. Это, можно сказать, была команда из группы захвата. Смерть фашистам!.. Ничто не могло устоять перед такой... Не скажу, что я чувствовал в ней себя уютно. Один только этот их язык, какие-нибудь эти их новые «народные» *по-любому, по-всякому* («Деньги в шестнадцатом магазине *всяко-разно* должны дать»). *Чем ты меня грузишь?, головняк, деловой, тудым-сюдым, прикинь, слушай сюда.* Сначала я вообще хотел придерживаться только деловых отношений. И они меня уважали: *писатель*

все-таки, держали меня за человека высшего круга, прислушивались, присматривались, перенимали кое-что. Это, правда, не помешало им потом, когда они стали обладателями больших денег и посчитали, что тоже достигли этого «круга», начать относиться ко мне уже снисходительно.

И тем не менее, это была виртуозная в свой продуктивности и работоспособности компания, люди, с которыми мы наделали достаточно денег. Валера с Колей только за одно лето купили себе по две новых квартиры и по машине, Надия построила дачу, а я кроме покупки «тойоты-кресты» заработал денег на свою долю в основных фондах предприятия, которое мы затеяли в Новосибирске уже без Валеры, втроем.

Надо сказать, что все мы великолепно дополняли друг друга. Таксист Коля с восьмиклассным образованием любую перспективу (я уж не говорю про деньги) мог подсчитать тотчас, прибыль всегда прикидывал без счетной машинки в уме. Надия ориентировалась в вопросах, касающихся взаимоотношений с разного рода администрациями, как рыба в воде. Я со своей неуемной энергией на короткой дистанции, склонностью к авантюре и массой сумасбродных идей, да еще с интеллигентской театральной порядочностью, которую можно было иногда включать для пользы дела; Коля с его осторожностью, прижимистостью, приверженностью к долговременной рутинной работе и умением настойчиво торговаться и отстаивать цену и Надия с беззастенчивым отношением к любым должностным лицам, со способностью вести бухгалтерию, по-женски плести интриги, обыгрывать налоговую инспекцию и делать хитрые ходы.

А начиналось все так...

Мы сидели в Колиной «мазде» с закрытыми заиндевелыми стеклами, чтобы не впускать в салон тридцатиградусный мороз, Коля рыскал пультом приемника в поисках какой-нибудь отечественной станции, оба они с Надькой курили, я привычно и безнадежно клял их за это... Как вдруг Надька сказала:

— А не купить ли нам коптильню?.. Сегодня в «строке» по телевизору объявление давали: «продается коптильный цех». Я даже на какой-то газете телефон записала...

Стоял январь 1994 года. Три месяца только, как был закончен разгром «Белого дома», положивший начало переходу борьбы за власть в новую фазу. В моду вошли шекспировские страсти. Основной раздел собственности тоже, по сути, завершился. Не были номинально еще поделены земля и заводы, но, так как на тощем финансовом теле страны отчетливо наметились вздутия больших денежных образований, было ясно, меж кем именно будет производиться этот дележ. Народ постепенно, один человек за другим, на каждом шагу озираясь и понося новые порядки, всем миром ударился в коммерцию. Начал заводить ларьки, торговать жвачкой, ездить в Польшу и Турцию за товаром и открывать маленькие производства. Стало тесно в спекуляции, вышла из подполья рэкетирская мафия. Сделав деньги на грабеже, она была вынуждена теперь искать им применение на внутреннем рынке страны, в частности, начала скупать строительные и хозяйственные магазины. Мелкому оптовику пришлось потесниться. Возникла конкуренция, директора́ магазинов стали капризными, перестали покупать товар и брали его лишь на реализацию, растягивая оборот наших денег порой на несколько месяцев. Один за другим пошли запреты и ограничения. Период свободы подходил

к концу, работать стало тревожно. Власть, задушив поборами государственные предприятия, начала добираться и до предприятий коммерческих. Снова вошли в употребление паспортные данные, прописка, строгий бухгалтерский учет, институт тайных осведомителей, налоговая полиция, КГБ, ФСБ...

— Спекуляция, это, конечно, хорошо, но все же она явление временное, — продолжила Надька, пуская дым в лобовое стекло. — Надежнее всегда производство...

И хотя я лично был готов поспорить с первой частью этого заявления, тем не менее, мысль показалась интересной.

— Производство и в Африке производство, — ответили мы с Колей. — А чего не купить?.. Если что-то стоящее, давайте купим...

И все втроем мы поехали к Надие домой искать ту газету, на которой она сделала свою пометку. И на удивление — нашли. И уже через полтора часа, договорившись по телефону с хозяином, ехали смотреть на то, что значилось в объявлении как цех по выработке копченой продукции...

Цеха как такового, по сути, еще не было. Существовала лишь маленькая столовая, где этот цех только предстояло создать. Существовал, правда, еще коптильный шкаф и кое-какой инвентарь на другом конце города, там, где у продавца прежде была коптильня, закрытая к тому времени санэпидемстанцией как не отвечающая санитарным нормам...

— Но почему такая сумасшедшая сумма? — старались допытаться мы. — На эти деньги можно купить с пяток сносных японских автомашин. Еще и без пробега по СНГ. Целая куча долларов!.. За что?

Столовая была арендована у маленького вымирающего заводика, которому в ней уже некого, да и не за что, было кормить. Была она запущенная — два года бездействовала — с размороженными трубами отопления, с плохо работающей канализацией, грязная и практически совершенно пустая.

— Почему именно такая цена? — не унимались мы. — Почему именно столько?

— А вот такая мне понравилась, — был ответ.

Тут уже возразить было нечего... И как бы там ни было, цех мы купили. И, расплатившись с прежним хозяином, с головой, с руками и ногами ушли в омут организации производства...

Столовая находилась рядом с главным железнодорожным вокзалом, где была постоянная клиентура, а именно: женщины, торгующие копчеными курами на перроне. Позже эти спекулянтки в хорошие дни, когда их не гоняла милиция, сбывали на вокзале наших кур чуть ли не до тонны в сутки. Место было фартовое.

Налаживание производства — это то же художественное творчество. Я имею в виду тождественность процессов на психологическом и интеллектуальном уровнях — вплоть до того, что там и тут можешь просыпаться ночью от озарений. Там и тут требуются одинаковые способности: наблюдательность, умение повторять, использовать и копировать законы природы, умение типизировать, из глыбы материала и фактов вычленять главное. Там и тут требуется период выдержки, накопления опыта, период проб, ошибок, обдумывания и вживание в ситуацию. Так же требуется способность сводить накопленный материал в одно целое,

вмещать его в стройную продуманную схему, в конце концов поражающую стороннего наблюдателя (да и тебя самого) своей гармонией, уместностью и завершенностью. Законченное здание поставленного производства — это не что-то произвольное и случайное. Это нечто, своей оптимальной формой в идеальном мире уже существующее, задача лишь угадать его правильные контуры, «отсечь лишнее», «стереть случайные черты», чтобы проявилось в своей красоте то нужное, что целиком соответствует природе данного явления.

И свойства характеров от творящих людей и там и тут требуются одни: дисциплина, терпение, упорство. И точно так же результативнее ты тем больше, чем меньше думаешь о практическом результате, о воздаянии, о деньгах. И та же радость от коллективного творчества, когда кажется, что вы все — единое целое, один организм, и когда в упоении коллективной гиперспособностью ты идешь под одним общим знаменем и даже не помышляешь о том, чтобы отстаивать что-то отдельное, свое, индивидуальное...

Цена бройлерных цыплят на птицефабриках держалась в тот год в пределах двух тысяч инфляционных рублей за килограмм. Затраты на копчение были самые минимальные: на всё — где-то тысяча рублей. Цена же, по какой копченые куры сдавались в магазин, — порядка четырех с половиной тысяч. Так что с каждого килограмма обработанной птицы получалось полторы тысячи рублей прибыли. То есть по тому курсу один доллар. Со ста килограммов — сто долларов, с двухсот — двести. Так ведь это двести долларов каждый день! Соблазнительная перспектива. И мы, возбужденные расчетами и цифрами, появлявшимися из-под наших авторучек, азартно пустились в неизвестное, еще новое для нас, плаванье...

Главная цель заключалась в том, чтобы наладить производство, работающее само, без нас, в автоматическом режиме. Как в той игрушке-автомате, в которую только засыпаешь «руду», а из другого конца коробочки выходят уже готовые оловянные солдатики...

Три задачи, три уравнения почти из области высшей математики нам предстояло решить. Первое — это добиться бесперебойного снабжения сырьем. Второе — произвести продукцию. Третье — наладить гарантированный сбыт. Три уравнения с огромным числом неизвестных, потому что в капиталистическом производстве мы не понимали пока еще ровным счетом ничего.

Что касается самого производства, копчения, то опыт его нам достался по наследству. Тут нам повезло: вместе с инвентарем и коптильным шкафом в наше распоряжение перешли двое рабочих из прежней коптильни. Так что предстояло разобраться с чисто коммерческими задачами. Мы думали, что труднее всего будет со сбытом, но и снабжение оказалось не пустяком, как представлялось на первый наш, доверчивый, взгляд: постоянное наличие на птицефабриках битой птицы оказалось на проверку совершеннейшим заблуждением. Ко всему прочему эти три составляющие надо было крепко связать в одно единое целое важнейшим требованием — на котором особенно настаивал я — непрерывностью производственного процесса.

Я доказал, что вся прибыль происходит от эксплуатации (видимо, в свое время из нас троих я серьезнее всех отнесся к курсу политэкономии). Я доказал, что, чем больше полностью загруженных работой и безостановочно работающих, лучше

даже в несколько смен, людей, тем больше они производят продукции, а следовательно и прибыли. Другими словами, главное не в цене, а в объеме...

Но для того, чтобы это задуманное осуществить, нам пришлось очень потрудиться. Нам предстояло приучить себя не спать, например, когда мы отлаживали ночные смены. Предстояло стать и электриками, и холодильщиками — чтобы детально вникнуть в работу оборудования и вовремя выяснять причины возникающих неполадок. Прочесть массу руководств по копчению и товароведению — с тем, чтобы хотя бы выяснить, как бороться с ужаркой и потерей веса при копчении, которая находится в прямом соответствии с тайнами кулинарной обработки. А это совсем немаловажно, потому что, по очередному таинственному коммерческо-кулинарному закону, уменьшение ужарки на двадцать процентов увеличивает прибыль на сорок. Предстояло разграничить обязанности работников дневных и ночных смен и каждое звено везде проработать самим, чтобы потом с уверенностью манипулировать всем технологическим процессом.

Постепенно мы везде заменяли себя специальными людьми, принятыми именно для определенной работы и на определенное место. Например, место учетчицы или место продавщицы, отпускающей кур оптовикам. Мы платили лишние сто долларов в месяц, но зато снимали с себя массу лишних обязанностей и освобождали время для того, чтобы заняться расширением производства. А для этого требовались еще новые люди, еще лишние сто, двести, триста долларов, еще оборудование, и что в конечном итоге все равно окупалось и приносило прибыли в десять раз больше, чем вся сумма вынужденных трат.

Под конец нам пришлось научиться относиться к рабочим как к функциям. Функциям электрика, шофера, экспедитора, заведующей складом, коптильщиков. Людьми с их характерами, особенностями, проблемами в личной жизни они были после работы, здесь же они существовали лишь постольку, поскольку укладывались в нашу схему, лишь как исполнители определенной операции на одной длинной коммерческой линии. И, кстати, одному их двух старых наших рабочих, испытанных надежных опытных кадров, пришлось уволиться, потому что меж ними двумя разгорелась самолюбивая борьба за первенство, мешающая делу и лихорадящая коллектив.

Нам пришлось научиться по-китайски улыбаться людям в случаях, когда в глубине души готовы были некоторых их них просто задушить. Например, поставщикам, которые своей плохой, нестабильной работой приносили нам неимоверные убытки. Нас подводили, обманывали, «кидали» тысячи раз, тем не менее, мы все равно обязаны были с «кидалами» поддерживать хорошие отношения: фабрик-то ограниченное количество, не пробросаешься... Поэтому ради дела мы прощали любую недобросовестность и даже подлость и после правой щеки нередко подставляли и левую. И продолжая улыбаться и приветливо раскланиваться с поставщиками, начальниками отделов сбыта, поддерживая с ними приятные беседы и разговоры «за жизнь», за их спинами вели закулисную игру и всегда на крайний случай держали в запасе на примете еще нескольких поставщиков...

И совершенно противоположным образом научились себя вести, когда дело касалось сбыта нашей продукции. Здесь, напротив, необходимо было быть кристально честными и безукоризненно порядочными и всегда выполнять свои

обязательства. Хочешь, чтобы оптовики к тебе шли и за вас держались, будь добр, всегда выполняй свои обещания, несмотря ни на какие объективные обстоятельства: хоть у конкурентов перекупи, но обязательство выполни! Только тогда можно рассчитывать на долговременную работу с людьми, и за продукцией всегда будет очередь.

Мы решили проблемы и с рэкетом, и с налоговой инспекцией. С рэкетом мы разобрались через общих друзей молодости. Я пошел с бутылкой хорошего коньяка к Мишке Внукову, тренеру по классической борьбе и преподавателю физкультурного техникума, в прошлом чемпиону Союза по многоборью, заслуженному мастеру спорта, и сказал ему, что мы нуждаемся в защите.

То, что в организованных вымогательских структурах тогдашнего СНГ было задействовано много бывших спортсменов, общеизвестно. Потом их «сообщество» раскололось на два лагеря — на рэкетиров и на защитников от рэкетирства. Мишка не входил ни в ту, ни в другую группу, он был преподаватель, но многие из бывших спортсменов у него учились. Ну а потом, так уж повелось, и те и другие — и рэкетиры, и защитники от них — ходили, по заведенной традиции, в один клубный спортзал, парились в одной сауне и вели общие беседы за кружкой пива в одном клубном пивбаре.

Нашей «крышей» стал Кувалда. Григорий Ронфовский, глава рэкетирской группировки левобережного района. Мишка объяснил нам, что при необходимости мы должны ссылаться на это авторитетное имя, если же кто-то будет продолжать «возникать», то «набить стрелку» им с одним из «подчиненных» Кувалды — с Александром Б. А тот уже на понятном для интересующихся языке: «Ну, ты, в натуре, нет базара...» — объяснит все исчерпывающе полно. С нас ничего не требовали. Иногда к празднику мы уже сами в порядке благодарности и чисто символически приносили Александру несколько штук копченых кур. Так с вопросом о вымогательстве было покончено.

С налоговой инспекцией мы налаживали отношения под руководством Надии. Тут уж она развернулась во всех своих способностях. Все втроем — я и Коля в почетном эскорте, Надька с наглостью танка впереди, — неся в пакетах свою продукцию, мы обошли перед очередным праздником все нужные кабинеты и всем, кому нужно, сделали подарки и там, где нужно, дали взятки. Там, где положено, скрыли доходы. Чем выговорили для себя определенный простор.

И, можно считать, здание было в общих чертах построено.

Рабочий день начинался приблизительно так...

Ты приходишь утром в цех. Вернее, приезжаешь на своей машине. И одно это уже устанавливает между тобой и остальными определенную дистанцию, потому что на заводике, где располагается ваша столовая, оставшийся рабочий люд влачит жалкое существование, а машина — японская, представительского класса, со всеми положенными «наворотами» и «прибамбасами». Продолжая чувствовать спиной пристальные взгляды, входишь в цех. Со строгим видом идешь по коридору, замечая каждую мелочь, справляешься о том, сколько вышло загрузок... (А пока вас, хозяев, не было, надо добавить, работа шла — добились уже, организовали.) Спрашиваешь, сколько продано, сколько еще оптовиков на записи. Когда очередная выгрузка. Сколько в холодильнике кур в запасе, когда звонили с птицефабрики, сколько клиентов на завтра. Если хочешь, что-

бы твоя тысяча долларов вылетала каждый день, поневоле будешь вникать в каждую мелочь и всюду соваться.

Допустим, ты всем остался доволен. В таком случае ты можешь расслабиться, пошутить, посмеяться, порадоваться. Хотя с тех времен, когда Коля молча показал мне на калькуляторе, что мы заработали свою первую тысячу долларов за один день, — много воды утекло, много было слов переговорено, крови попорчено, пота пролито, и той прежней оголтелой радости ты уже не испытываешь. Тем не менее, ощущение стабильности может подарить тебе несколько теплых минут.

Но скорее всего, ты все же остался недоволен. Если это касается меня, то недоволен безусловно. Мне же надо расширяться, мне же надо все больше, больше, покой меня гнетет. Но об этом другой разговор...

...Потом ты встречаешься со своими компаньонами.

Первым появляется Коля. Вечно оживленный, вечно готовый что-то делать, куда-то ехать, что-то производить. Если его правильно сориентировать, он сделает любое дело в лучшем виде. Этим и отличается настоящий компаньон — не только тем, что вкладывает в общее дело равную часть денег и рискует ими, но еще и тем, что если вы все что-то решили сделать и поручили это ему, то на него можно положиться. Он доведет все самостоятельно до конца, нигде не оправдает себя непредвиденными обстоятельствами и не махнет на всё рукой при неудаче — как часто бывает с человеком, работающим по найму. Может быть, не изобретет велосипеда, не определится сразу в незнакомой обстановке и несколько побуксует, не решаясь сразу потратить деньги. Но осознанную конкретную задачу он выполнит кровь из носу. И в конце концов после определенной внутренней борьбы выложит и необходимые для осуществления этой задачи деньги (общие, надо заметить). Много раз бывало, что Коля «добивал» какую-то мелочь, до которой всё не доходили руки, но которая тоже требовала обстоятельного подхода, и это приносило всем огромную пользу. Так что с его приездом общий деловой настрой значительно повышается.

Последней появляется Надия. Если, конечно, появляется. Дело в том, что Надия у нас значилась директором предприятия, и хотя все мы были в одинаковом положении как учредители и имели одинаковое число голосов, себе она все же как-то выгораживала особое положение. Время, когда мы с энтузиазмом начинали свое путешествие и делали все рука об руку, испытывая радость коллективного творчества, уже прошло. Миновала и пора, когда мы с Колей устанавливали в коптильне второй коптильный шкаф, купленный уже на деньги от прибыли, и все наращивали и наращивали объемы, не дожидаясь возвращения с дачи Надьки (лето для нее — дело святое), перемывая ей заочно кости и грозясь издалека чуть ли не вывести ее из состава учредителей. Прошло время, когда мы все втроем доканчивали юридическое обоснование существования своего предприятия, окончательно утверждая его на местном рынке. Все это уже ушло, на первый план стали постепенно выступать вопросы самолюбия, главенства, дележа...

Но вот приходит и Надия. Мы все обнимаемся, целуемся, весело смеемся. Демонстрируем радость встречи. Оживленной троицей идем куда-нибудь в бытовку. Эта состоящая из трех единиц совокупность (директора!..) трехмерной сущностью, трехядерной клеткой в одной цитоплазме, перекатывается по всей коп-

тильне в направлении наиболее чистого и уютного местечка, привлекая к себе внимание всех рабочих и объявляя о начале очередного спектакля. За которым внимательно следит весь рабочий персонал: всех касаются хозяйские взаимоотношения, от них зависит и стабильность работы, и надежность предприятия, и долговременность дела, и зарплата рабочих, и их уверенность в завтрашнем дне. Все радуются нашему смеху (зная по опыту, что бывают и другие дни), улыбаются, свободные от работы следуют за нами в бытовку попить чаю (за счет фирмы, естественно, как и две курицы в день на обед, как кофе, хлеб и сахар ночной смене). Начинается перекур, шум, хохот, разговоры, анекдоты, воспоминания...

— Вот с ним... — кивает Надия в мою сторону, — когда с Татьяной в Москве были, у него останавливались... Едем на его «запорожце» из аэропорта к нему домой, печка в машине не работает. Он сразу предупредил: либо тепло будет, но будет вонять бензином, либо дышать можно будет, но тогда станет холодно. А на улице ночь, снег идет, стекла изнутри от дыхания обмерзают, и я перед ним все время со стекла лед зажигалкой соскабливаю, чтобы хоть что-то мог видеть — как в амбразуру...

И приятно вспомнить такое, когда на улице у коптильни стоят ваши теперешние машины.

— Ты лучше расскажи, как он тебя ЕрАЗ заставлял ремонтировать, — говорит Коля.

— Да, это мы шоколад возили в Колпашево. Сутки — туда, сутки — назад. Едем обратно, ночь глубокая уже, утро скоро, и он орет: «Надька, не спи! Рассказывай что-нибудь, а то и я засну, и тогда в кювете будем...». А потом у него сразу два колеса спустило...

И это приятно рассказать — как и то, как в свое время последним рублем делились, как в юности всем дворовым коллективом на рыбалку ездили, как вместе водку пили...

Коля вспоминает, как они с Надией «открывали» во Владивостоке свое дело...

— Лак для волос привезли на поезде. А поезд рано приходит, податься некуда, взяли такси, выгрузили коробки у дверей магазина и сидим на них, открытия дожидаемся. Бутылочку коньяка купили, потому что холодно у них там по утрам. Пять часов сидели...

В общем, произвели хорошее впечатление. Народ, довольный, что все так мирно, разбредается по своим рабочим местам. Мы тоже, попив еще разок чаю, на Колином «кроуне» едем в ветинспекцию, потом в холодильник узнать о поставках кур, заезжаем в пару магазинов, чтобы забрать деньги. Потом — к старым друзьям подарить от всех троих роскошный подарок на день рождения.

Но нет-нет да и происходят досадные недоразумения, проговариваются какие-то обидные мелочи. В речи, скажем, Надии проскальзывает словцо «*моя* фирма».

— Приходит врач СЭС, — тут же в гостях делится она с подругой нашими заботами, — в *мою* фирму и начинает мне пудрить мозги... Но я не для того *создавала* коптильню...

И так далее. Но мы-то все это слышим...

Или еще кто-то из нас говорит: «Тысячу разве *мне* на дело жалко? Зато холодильник в коптильне пустовать не будет...». Тут осекаешься, бросаешь взгляд в сторону компаньонов, но уже поздно, они тоже слышат...

Или гораздо позже, когда разговоры ведутся уже сумбурные и маловразумительные:

«А ты-то, позволительно спросить, где летом была, когда мы оба радикулит наживали?!» — И опять спохватываемся, замолкаем, переводим разговор на другую тему, в мирное русло. Но отчетливо уже становится видно, что под гладкой поверхностью реки имеются огромные подводные камни...

Дружба денежных людей претерпевает определенные изменения. На множестве живых примеров я в этом убедился. И вообще, есть ли дружба в этой среде, надо еще подумать. Дружба — она всегда фронтовая. Дружба людей со средствами — это терра инкогнита. Тут другие законы. С переходом от жизни на зарплату к жизни с большим количеством денег в людях меняются ценностные ориентиры. Какие-то другие вещи становятся главными. Меняются вообще мировоззрения людей.

И ведь это касается не только новых богатых, а и всех. Увлекшись игрой в рынок, с жадностью дорвавшись до запрещенного плода, мы как-то пропустили в своем увлечении момент того, что и вся остальная, посторонняя нашей игре, жизнь в стране претерпела изменения. Унесшись в новое захватывающее буржуазное плаванье, обратно домой, как теперь оказалось, мы уже не смогли вернуться. Страны, которую ради упоительной забавы мы оставляли в буре политических страстей, уже не было. Не было территориально, экономически, политически, этнографически, культурологически и т.д. Страна перестала быть домом. Пропало чувство защищенности, гнезда, отечества. Мы вдруг осознали себя в совсем другой эпохе и другом измерении. И носимся теперь из конца в конец незнакомой земли, как Вечный Жид, не находя себе нигде ни пристанища, ни отдохновения.

И не в окружающей жизни, а и в себе обнаруживаешь какие-то необратимые изменения... Если ты попробовал денежной жизни и привык к ней, то на всю остальную жизнь начинаешь смотреть как на что-то несущественное, как на пустяки, как на ребячество. Например, такие вот очерки уже не пишешь. А если пишешь, то для этого должен иметь какие-то основательные причины, веские доводы. Неудачи, например, разорение. Болезни, вынужденный покой. И прочее... Но никак не стабильность (я вот не знаю, стал бы ли писать все это, если бы не начал просыпаться ночью от тревоги из-за неуплаты долгов и налогов и только писанием себя и утихомиривал). Или если пишешь, стараешься писать книги, которые приносят тебе солидный доход, писать же очерки, стихи или научные трактаты в настоящее время может только ненормальный — неудачник, нищий, получатель пособия по безработице, обитатель ночлежки, человек не от мира сего...

Изменился стиль жизни. Пропал тип счастливого садовода, в свое время встречавшийся в стране в изобилии. Исчез образ счастливого бича-рыбака, все лето слонявшегося по берегу какой-нибудь большой реки: тут у него и костерок, и котелок, донки с колокольчиками, палаточка... Не вижу, не встречаю уже, и того типа охотника, жившего всю осень в камышах на озере Чаны, где у него вытоптан до песка квадрат бивака, установлена на крепких растяжках высокая, в рост человека, десятиместная палатка, в ней палатка поменьше для спального места, рукомойник, баллоны с газом, таган с паяльной лампой, на котором ведро с утиной похлебкой, мешок с крупами, связка лука, несколько

сотен патронов, ящика два водки, кипа старых журналов и раскладной стол. Сам безвылазно, в тепло и холод, ходит по стану в валенках и ватных шатанах, на охоту выплывает иногда в раскладной лодке, на голове носит шапку и, сидя в парусиновом кресле у входа в палатку и глядя на серое небо над камышом, пьет чай. Где он сейчас? ау!..

Садовод в поте лица трудится на огороде ради пропитания, рыбак превратился в бомжа, а охотник зарабатывает на пушнине деньги. Всех охватил угар дела, необходимости борьбы за существование, погони за обогащением. Которое не приносит, кстати, ни покоя, ни удовлетворения. Только одну сумасшедшую издерганную жизнь.

...Между тем продолжали накапливаться маленькие замешенные на самолюбии недоразумения. И каждый из нас все чаще подумывал: Ведь эта тысяча долларов в день могла доставаться одному. Ведь и в одиночку все это можно было сделать...

И финал был до смешного элементарен. Поводом послужил момент моего так называемого непослушания. Большинством голосов (из нас троих) было запрещено мне расширение, но разве мне можно расширяться запретить! Я все равно это делал. И был исключен из состава учредителей тем же большинством голосов — за «махинации». В этом вопросе Надия с Колей проявили удивительное согласие. Вопрос был решен одним махом (наука другим: в уставе четко должна быть разработана процедура раздела, чтобы исключить возможный произвол и бесправие).

— Ребята, но ведь так просто такие серьезные вещи не решаются, — попытался возразить я.

— Нет, больше тебя в нашей фирме не будет, — стойко заявили компаньоны.

— Но ведь я не наемный работник. Меня нельзя просто так уволить, я — учредитель.

— По уставу все решается большинством голосов. Первоначальный взнос тебе вернем.

— Ну а налаженное производство? А основные фонды, увеличенные за счет уже полученной прибыли? А доход?..

Но для себя они уже все решили.

— Раньше надо было думать.

— Что — раньше?..

И в итоге я даже первоначального взноса полностью не получил, поскольку выдан он был в рублях, без учета инфляции, а она за период нашей совместной деятельности составила без малого триста процентов.

И мои стабильные тысячи долларов растаяли как дым...

С тех пор прошло два года.

За это время у меня не стало уже и «тойоты». На нее весной в бурную оттепель рухнул снег с крыши, после чего восстанавливать ее было уже бессмысленно.

Я вернулся к своим всегдашним занятиям. Кое-что написал, в частности вот этот очерк. Стал спокойнее жить. По крайней мере, иногда с удивлением вспоминаю свои бурные страсти, кипение в общем котле все и вся захватыва-

ющего деланья денег. Как не спал по ночам, худел, обделял семейство деньгами, лишь бы «капитал» взрастить... Совершенное умопомрачение...

И вокруг люди стали жить спокойнее. Народ привык к новым трудностям, к новыми мифам, к новой власти, как всегда привыкает к любым деяниям «верхов», приноравливается. И, несмотря на то, что зарплату не получает, смотришь, мужики уже на охоту едут, а то и просто на солнышке лежат. Снова Пушкина читают, и даже детей снова стали заводить. Жизнь входит в обычную колею.

Все мои родственники тоже как-то определились. Братья-инженеры трудятся, как всегда, за свои гроши на производстве, правда, работая уже не на государство, а на каких-то собственников. Сергей, бывший комсомольский работник, опять ушел наверх, работает в представительстве или в консульстве. Соседка в Москве, как была одинокая мать своего ребенка, так ею и осталась, ничего у нее не убавилось, ни прибавилось. Правда, я с ней полностью рассчитался. Я так полагаю. В благодарность за дарованную однажды идею я ей занял огромную, по ее возможностям, сумму, из которой она, неудачно провернув свою «операцию», смогла вернуть только три четверти. Остальные деньги я ей простил. Хоть тут меня не мучает совесть.

Валера женился. Нашел, как и мечтал, молодую, двадцатидвухлетнюю. Очень доволен, похоже, что скоро будет отцом. Он тоже стал спокойнее. Не так жаден. Начал дарить своей жене цветы...

Марина, бывшая его жена, также вышла замуж. За гражданина Соединенных Штатов. И уехала в Чикаго.

У Надии с Колей дела сейчас идут не особенно удачно. Конкуренты заели, цена на продукцию упала. Едва сводят концы с концами и набирают денег, чтобы платить аренду. Мы снова дружим, часто встречаемся, ходим семействами друг к другу в гости.

Организовал кое-какое свое маленькое производство. И хотя «тойоты» у меня действительно уже нет, но есть старенькая, подержання BMW. И производство уже единоличное. И уж тут мне никто не помешает расширяться...

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

СТАЛИН, СОЛЖЕНИЦЫН И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

К выходу второго тома исследования Александра Солженицына «Двести лет вместе»

Между этими тремя «фигурантами» существуют множественные связи и пересечения.

Сталин не знал о существовании Солженицына, зато о существовании Еврейского Вопроса[1] знал прекрасно и сам руку приложил к его, так сказать, постановке и разрешению.

Солженицын не единожды писал о Сталине: и в личной переписке во время Отечественной войны, и в своих сочинениях («В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ», поздний рассказ «На краях»). Что касается Еврейского Вопроса, то еще не затихла полемика вокруг первой части книги «Двести лет вместе», но это отнюдь не единственное произведение Солженицына, в котором он касается этой темы.

Стоит отметить, что в 2003 году исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Сталина (март) и восемьдесят пять — со дня рождения Солженицына (декабрь). Возможно, и сто двадцать пять — со дня рождения Сталина, ибо, по некоторым данным (см. например, «Всемирный биографический энциклопедический словарь», М., 1998), он родился не обязательно в 1879 году, как раньше считалось; не исключено, что и в 1878-м. Все эти юбилеи достойны упоминания не как таковые, а в качестве свидетельства незатухающего интереса к самим юбилярам, хотя кое-кто и рад бы похоронить их в архивах российской истории. Ну, а уж Еврейский Вопрос, также отмечавший недавно два трагических юбилея собственной истории — 60-летие Ванзейской конференции, принявшей программу нацистского «окончательного решения» (январь 1942), и 50-летие расправы с еврейской интеллигенцией в Советском Союзе (август 1952) — и сам предпочел бы давно решиться. Во благо своему народу, разумеется. Да только у других народов такое, увы, не всем по вкусу...

[1] В авторском тексте оба слова в словосочетании «Еврейский Вопрос» пишутся с заглавной буквы, в цитатах — как и положено — со строчной.

Михаил КОПЕЛИОВИЧ — родился в 1937 году в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт, работал по специальности. Как литературный критик и публицист выступает с 1960-х гг. Печатался в журналах «Звезда», «Знамя», «Континент», «Нева», «Новый мир» и др. С 1990 года живет в Израиле.

Автор настоящих заметок ставит перед собой задачу по силе возможности выявить существующие между персонажами взаимосвязи и дать им (взаимосвязям и персонажам) адекватную, с его точки зрения, оценку.

Сразу оговорюсь, что меня занимает не проблема персонально-подсознательного отношения как Сталина, так и Солженицына к евреям, а только та позиция по Еврейскому Вопросу, которая более или менее очевидно выявилась в их выступлениях (толкуя это понятие расширительно, вплоть до судьбоносных сталинских решений). От чтения в душах, столь любезного части наблюдателей, я воздержусь.

В книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын рассказывает об одном разговоре с Твардовским, состоявшемся в 1962 году (год публикации «Одного дня Ивана Денисовича» — вот, кстати, еще один юбилей, наступивший в ноябре 2002). «Подошла необходимость какой-то сжимок биографии все-таки сообщить обо мне — Т.А. (Твардовский. — *М.К.*) сам взял перо и стал эту биографию составлять. Я считал нужным указать в ней, за что я сидел, — за порицательные суждения о Сталине, но Твардовский резко воспротивился, просто не допустил. <...> Сам он долго верил в Сталина, и всякий уже тогда не веривший как бы оскорблял его сегодняшнего».

Спросите себя, господа бывшие советские, особенно воевавшие с немцами, могли вы даже помыслить — не то что кому-нибудь написать — о Сталине в сильно оппозиционном духе при его жизни, тем более в годы войны? Нет, конечно. Осуждавших Сталина еще тогда, в первой половине 40-х, было — раз-два и обчелся. А уж писавших... В переписке Солженицына с его старым другом Виткевичем (с одного фронта на другой) диктатор фигурировал под условной кличкой «Пахан», взятой из воровского жаргона, но ведь чекисты тоже наверняка употребляли этот «термин». Во всяком случае, из контекста писем им было совершенно понятно, кто такой этот самый Пахан. За него-то оба друга и были арестованы. (Впоследствии Виткевич продался коммунистам и ради сохранения своей научной карьеры послушно оклеветал своего бывшего друга и однодельца.)

На многих страницах романа «В круге первом» Сталин является собственной персоной (конечно, в качестве художественного образа), а кое-где и «встречается» с третьим компонентом трехчлена — Еврейским Вопросом. Непосредственно Сталину посвящены подряд пять глав романа — с 19-й по 23-ю. Эти главы — сплав достоверности и гротеска, брезгливой жалости и беспощадного препарирования характера и нрава человека, чье имя склонялось всеми газетами земного шара и «запекалось на обмирающих губах военнопленных, на опухших деснах арестантов». Но — откуда жалость? Так ведь в декабре 1949 года, в последнюю декаду которого вмещено действие романа, Сталин «был просто маленький желтоглазый старик», паршиво чувствовавший себя все последнее время. Жалость тесно сопряжена с насмешкой: этому державцу полумира «не стоило большого труда исключить себя из мирового пространства, не двигаться в нем. Но невозможно было исключить себя из времени», которое приходилось переживать как болезнь.

А. Рыбаков в «Детях Арбата» изобразил движение мысли Сталина, изобразил без малейшей иронии, что в контексте той книги было вполне оправдано.

Но в результате — быть может, против воли самого автора — Сталин у Рыбакова выглядит исполином, пусть и чудовищным в своей мизантропии. Впрочем, в «Детях Арбата» — другое время: начало 30-х годов, а не конец 40-х. У Солженицына иная задача: дать контрапункт физической дряхлости и негаснущего сатанинского пламени, высмеять непомерные претензии смертного существа, земное могущество которого не отменяет его плотской, конечной природы, изумиться способности человека, вооруженного знанием слабых сторон человеческой природы, без колебаний использовать это знание во вред людям, подчинить себе миллионы и миллионы.

Вот как писатель реализует свой замысел (это лишь один пример, но таких на самом деле много):

«Положив себе дожить до девяноста, Сталин с тоскою думал, что лично ему эти годы не принесут радости, но просто должен домучиться еще двадцать лет ради общего порядка в человечестве.

Семидесятилетие праздновал так. 20-го вечером забили насмерть Трайчо Костова (одного из лидеров болгарских коммунистов. — *М.К.*). Только когда глаза его собачьи остеклели — мог начать настоящий праздник».

Всего четыре фразы, но в них и ирония по поводу готовности тирана пренебречь личными удобствами ради выполнения общественного (и даже общечеловеческого!) долга; и тут же, без зазора, каннибальское торжество по поводу успешного съедения еще одной политической жертвы; и сама эта фразеология, сотканная из материалов, казалось бы, не сочетаемых — стоического смирения и палаческого рыка.

В главе 20-й «Этюд о великой жизни» Сталин пускается в размышления о горькой своей доле (в концовке предыдущей главы Солженицын называет это «угнетенным строем мысли»). Его все обманывали. Сперва сам Господь Бог, над которым «в шумном Тифлисе умные люди давно уже смеялись». Потом — Революция: «Революция? Среди грузинских лавочников? — никогда не будет! А он потерял семинарию, потерял верный путь жизни». Когда же «третью ставку своей молодости он поставил на секретную полицию» (автор «Круга» описывает версию, согласно которой Сталин был завербован охранкой в качестве осведомителя; версия как будто не вполне доказанная, но, однако же, и не совершенно фантастическая), «для него начался долгий период безнаказанности». Но снова: охранка его обманула, и третья ставка его была бита. Грянула революция 1905 года... И так постоянно.

А в 17-м Сталин чуть было не поставил на «положительных людей» вроде Каменева, а тут наскочил «этот авантюрист, не знающий России, лишенный всякого положительного равномерного опыта, и, захлебываясь, дергаясь и картавя, полез со своими апрельскими тезисами...».

А вот и первое появление Еврейского... нет, еще не Вопроса, только предощущения: «Гришку Зиновьева камнями бы забросали матросы. Потому что уметь надо разговаривать с русским народом».

Вся 20-я глава — краткий курс вознесения Сталина на партийный государственный Олимп, изложенный ядовито, смешно (ведь все через восприятие героя, с использованием его, а не «своей», лексики), но и — устрашающе. «Как сказочный богатырь, Сталин изнемогал (! — *М.К.*) отсекать все новые и но-

вые вырастающие головы гидры». А за страницу до этого впервые возникает в сознании романного Сталина само слово «евреи», причем не в негативном (чего можно было ждать после «все этой шайки, которая наверх лезла, Ленина обступала», а шайка-то сплошь евреи: Троцкий, Зиновьев, Каменев и многочисленные их клевреты!), а в сугубо положительном контексте. Речь тут об изменниках в годы Отечественной войны, имя же им (в голове Сталина) — легион. «Изменили украинцы <...>; изменили литовцы, эстонцы, татары, казаки, калмыки, чеченцы, ингуши, латыши — даже опора революции — латыши! И даже родные грузины, обереженные от мобилизации, — и те как бы не ждали Гитлера! И верны своему Отцу остались только: русские да евреи».

...Мозг Сталина неутомим. Вот уже мысли его переместились в сторону русского патриотизма (глава 22). Ему «с годами уже хотелось, чтоб и его признавали за русского тоже». Это — раз. Второе же: «Сталин задумывался иногда, что ведь не случайно утвердился он во главе этой страны и привлек сердца ее — именно он, а не все те знаменитые крикуны и клинобородые талмудисты (разрядка моя. — *М.К.*) — без родства, без корней, без положительности».

Ярлык «талмудисты» Солженицын не приписывает своему персонажу, а берет его готовым из «дискуссий» 48-50-х годов, в которых он обретался рядом с другими, не менее поносным — «начетчики». Нет сомнений, что этот двучлен мог родиться в одной голове — бывшего семинариста Сосо Джугашвили.

Но подлинное пересечение Сталина и Еврейского Вопроса произошло в другой голове — Адама Ройтмана, майора КГБ, главного инженера Марфинской шарашки. А толчок тому направлению мысли прежде преуспевавшего Адама Вениаминовича, которое растравило в нем сжимающее душу кольцо обид («Кольцо обид» — так называется глава 73 «Круга», в которой описана одна ночь бедного Адама), дал визит к нему «одного давнишнего друга его, тоже еврея. Пришел он без жены, озабоченный, и рассказывал о новых притеснениях, ограничениях, снятиях с работы и даже высылках». Кто явился жертвой всех этих «новых»? Впрочем, как сказано дальше (не забудем: все — мысли Ройтмана), «...это не было ново. Это началось еще прошлой весной (точнее, в январе 49-го года. — *М.К.*), началось сперва в театральной критике и выглядело как невинная расшифровка еврейских фамилий в скобках. Потом переползло в литературу». И поползло дальше: «...кто-то шепнул ядовитое словцо — космополит». Когда-то «прекрасное гордое слово <...> слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить — жид».

Ройтману хватает ума и, главное, интеллектуального мужества, чтобы — пусть в собственном доме, в ночной тишине и только мысленно — связать новые гонения с именем Лучшего Друга Всех Народов Мира. «Бич гонителя израильтян незаметно, скрываясь за второстепенными лицами, принимал Иосиф Сталин». От кого принимал? — позволительно спросить. Уж не от Адольфа ли Гитлера?..

И получается, что такова благодарность капризного диктатора одной из двух наций, которые, по его же собственному разумению, «не ждали Гитлера» и остались «верны своему Отцу» в самую страшную годину. Впрочем, он (Он!) и русских отблагодарил сходным образом.

Тут предвижу упреки со стороны специалистов по чтению в душах. Дескать, купился наивняк! Проглотил наживку с антисемитским душком! Во-пер-

вых, кому поручил Солженицын «разбираться» со Сталиным? Гэбисту, т.е. заведомо нехорошему еврею, принадлежащему к касте еврейских палачей русского народа, коих так много резвится на страницах «Архипелага ГУЛАГ». Во-вторых, того же Ройтмана и в этой же самой главе заставляет его создатель ежиться от некой юношеской истории (не выдуманной! Солженицын взял ее из собственной биографии), в которой он неправедно (таково его теперешнее ощущение) травил русского мальчика, обвиненного в антисемитских проявлениях. Вот, мол, где открылось истинное отношение писателя к Еврейскому Вопросу. И, в-третьих, разве случайно вывел он в том же «Круге» и еврея-раскулачивателя (Рубина), и еврея-стукача (Исаака Кагана), и евреев — ортодоксальных коммунистов (того же Рубина и Абрамсона)? Отметаю сии «обличения» за их смехотворностью.

Во второй части «Двухсот лет вместе» всякое появление Сталина, связанное с Еврейским Вопросом, либо прямо губительно для последнего, либо осторожно выжидательно (т.е. сугубо прагматично, при явно недоброжелательной подкладке). Правда, в ряде случаев Солженицын опирается на свои или других авторов *догадки и предположения*, но при отсутствии или сокрытии подтверждающих документов (сталинская же извечная манера) это представляется вполне допустимым. Так, утвердительно пишет Солженицын: «Сталин к концу 20-х не провел задуманной было им «чистки» соваппарата и партии от евреев...». Или, ссылаясь на материал, посвященный концу дипломатической карьеры М.М. Литвинова (автор — З. Шейнис), сообщает: «Литвинов еще пригодился в войну послом в США, а уезжая оттуда в 1943, имел смелость передать Рузвельту от себя лично письмо, что Сталин развязывает в СССР антисемитскую кампанию».

В других же случаях писатель не пренебрегает ссылаться и на официальные советские источники, а однажды — на сочинения Самого. Кстати, интересная история. В январе 1931 года мировая печать опубликовала «внезапное демонстративное заявление Сталина Еврейскому Телеграфному Агентству: «Коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми (три «не» в одной полуфразе для не слишком грамотного читателя, а тем более переводчика на другой язык — трудно постигаемое сочетание. — *М.К.*) и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»». Здесь ссылка на последний том тринадцатитомного собрания сочинений Сталина, изданного в 1946-1951 годах. «Но характерно, — комментирует Солженицын, — в советской прессе это заявление Вождя не было напечатано (по его лукавой запасливости), оно произносилось для экспорта, а от своих подданных он скрыл эту позицию, — и в СССР было напечатано только в конце 1936».

А из более поздних: «За восемь последних сталинских лет произошли: атака на «космополитов», потеря (евреями. — *М.К.*) позиций в науке, искусстве, прессе, разгром Еврейского Антифашистского Комитета, с расстрелом главных членов, и «дело врачей». По конструкции тоталитарного режима первым орудием ослабления еврейского присутствия в управлении и не мог стать никто иной, как сам Сталин, только от него мог быть первый толчок». Солженицын

здесь категоричен и в этой своей категоричности, безусловно, прав. Как прав и в другом. В том, что Сталин же был и главным идеологом (если *это* позволительно именовать идеологией) соблюдения полной скрытности при проведении антиеврейских, как и многих других, мероприятий. «Отношение советской власти к евреям могло меняться годами — а почти ни в чем не выходя на агитационную поверхность». После заключения пакта Молотова-Риббентропа «не только еврей Литвинов был заменен Молотовым и началась «чистка» аппарата наркомата иностранных дел, но и в дипломатические школы и в военные академии не стало доступа евреям. Однако еще прошло немало лет, пока стало внешне заметно исчезновение евреев из наркоминдела и резкое падение их роли в наркомвнешторге». А дальше Солженицын приводит еще более характерный пример: что уже с конца 1942 года в аппарате Агитпропа наметились негласные (ну, конечно! — *М.К.*) усилия потеснить евреев из таких центров искусства, как Большой театр, московские Консерватория и Филармония, но «по секретности советских внутрипартийных движений — привременно никто не был осведомлен» об этих движениях. Ну, а уж дальше поехало-понеслось: за потеснением евреев из управленческих структур их начали гнать отовсюду, даже из инженерно-технической и научной сфер, где их вклад, особенно в Отечественную войну, был неоспорим.

Тут есть один пункт, по которому я хотел бы возразить Солженицыну. Может быть, и вправду «в зависимости от обстановки Сталин то поддерживал, то осаживал» усилия по изъятию евреев из разных областей советской жизни, но пример с Украиной, заимствованный писателем у С. Шварца (из его книги «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны»), представляется малоубедительным. По С. Шварцу (в передаче Солженицына), с конца 1946 года обстановка на Украине «заметно изменилась в пользу евреев», а с начала 1947-го, после передачи украинской компартии «от Хрущева в руки Кагановича», евреи стали выдвигаться и на партийные посты. Возможно, отдельные такие случаи и были, но, во-первых, Каганович скорей всего евреев не столько отличал, сколь отлучал (чтобы чего про него не подумали), а во-вторых, именно в начале 47-го моего отца, по смехотворному поводу, сняли с должности директора большого научного института в Харькове, а на его место посадили «национальный кадр».

На авансцену выдвигается Еврейский Вопрос — разумеется, как его видит и представляет Солженицын. «В правительственной газете стояло: «Нет у нас еврейского вопроса. На него уже давно дала категорический ответ Октябрьская революция. Все национальности равны — вот был этот ответ». Однако когда в избу приходили раскулачивать не просто комиссар, но комиссар-еврей, то вопрос маячил». Цитата из правительственной газеты («Известия») относится к 20-м годам (в ссылке указана и дата выхода газетного номера — 20 августа 1927), так что тема раскулачивания возникает здесь несколько преждевременно. Впрочем, несмотря на этот анахронизм, по существу комментарий писателя верен. Кто-то скажет, что раскулачивать спустя два-три года приходили комиссары разных национальностей; подчеркивание участия в этом злодействе евреев — еще одна иллюстрация солженицынской необъективности. Но если взять главу «Двадцатые годы» в целом, нельзя не признать, что автор

поворачивает «медаль» не только одной стороной. «Нет, власть тогда была — не еврейская, нет. Власть была интернациональная. По составу изрядно и русская. Но при всей пестроте своего состава — она действовала соединенно, отчетливо антирусски, на разрушение русского государства и русской традиции». И разве это не так? Вина евреев, если уж определять в категориях вины (не юридической, понятно, а моральной), состоит — и по Солженицыну, и по жизни — в том, что они *участвовали* в этой антирусской пляске смерти, и участвовали *активно*. «И хотя объяснять действия разрушителей национальными корнями или побуждениями — ошибочно, но и в России 20-х годов тоже неотвратимо витал вопрос <...>: почему ж «всякому, кто имел несчастье попасть в руки ЧК, предстояла весьма высокая вероятность оказаться перед еврейским следователем или быть расстрелянным им»» (цитата, в переводе, из статьи известного в 50-60-х годах Леонардо Шапиро «Роль евреев в русском революционном движении», напечатанной в Лондоне в 1962 году).

Солженицын цитирует также статью знаменитой[2] Екатерины Кусковой, опубликованную в эмигрантской русской газете «Еврейская трибуна» в 1922 году (в тот год ее как раз выслали из СССР, а за год до того она, социалистка, еще успела понюхать и внутрисоветской ссылки). Кускова свидетельствует, что встречала высококультурных евреев, «которые были подлинными антисемитами нового «советского типа»». Что ж это за новый тип? Врач-еврейка жаловалась ей на то, что еврейские большевистские администраторы испортили ее прекрасные отношения с местным населением. Кускова приводит и другие примеры подобного свойства и резюмирует: «Всем этим полна сейчас русская жизнь». А Солженицын помещает сходные свидетельства и многих авторов-евреев: Д. Пасманика, Г. Ландау, даже Ю. Ларина, видного большевика, будущего тестя Бухарина.

Говоря о значительном «засорении» в 20-е годы советских властных структур функционерами еврейского происхождения, Солженицын не забывает и печально знаменитую Евсекцию, созданную еще при наркоме национальностей Сталине. Во второй половине 20-х деятельность этой организации, много потрудившейся на ниве распространения коммунистического влияния на российское еврейство и приобщения оного к соцстроительству, постепенно сошла на нет. Но уже так прикипели эти самые «евсеки» к советской власти, что и после закрытия своей «епархии» «не протрезвели, не оглянулись на соплеменников, поставили «социалистическое строительство» выше блага своего народа или любого другого: остались служить в партийно-государственном аппарате. И эта многообильная служба была больше всего на виду». И не только в 20-е годы.

Характерна — для умонастроения автора «Двухсот лет вместе» — концовка главы «Двадцатые годы». Тут приводятся выдержки из статьи современного публициста-еврея, опубликованной в 1994 году в московском журнале «Новый мир». Автор этот — Г. Шурмак — весьма неодобрительно отзывается о тех своих соплеменниках, которые на протяжении десятилетий гордились евреями, сделавшими блестящую карьеру при большевиках, а что при этом страдал

[2] Та самая «мадам Кускова», которую Маяковский в пародийном виде вывел в четвертой главе своей «Октябрьской поэмы».

русский народ, не задумывавшимися. «Поразительно единодушие, с каким мои соплеменники отрицают какую-либо свою провинность в русской истории XX века». Комментарий Солженицына: «Ах, как целительно звучали бы для обоих наших народов такие голоса, если б не были утопающе-единичны...».

Ну что ж. Что такие голоса воистину единичны *всегда* (покаяние и по определению единично, а не массово) — правда. Как правда и то, что если такие голоса звучат, хотя бы и с запозданием на полвека и более, — значит, совесть человеческая (а отсюда и народная) теплится, невзирая на чудовищное давление одичалых политических режимов, стремящихся в первую очередь сплющить индивидуальную совесть до состояния ручного зверька, принимающего корм из чужих рук...

Солженицын, как мы уже видели, отнюдь не склонен преувеличивать роль евреев в разрушении русского государства и русской традиции. Но и выступает против всякого рода попыток, диктуемых в одних случаях недомыслием, в других — желанием ускользнуть от ответственности, преуменьшения этой роли. Либо — такого ее истолкования, при котором она становится исключительно страдательной. Нельзя, утверждает он, согласиться с теми, кто говорит лишь об *использовании* евреев советской диктатурой и последующей ликвидации их, по миновании надобности. Нет, большевики если что и использовали (в своих политических, а — возможно, полагали они — и в национальных интересах самих евреев), то *рвение* своих еврейских сторонников в деле насаждения в стране большевистских порядков. «Не крепко ли они поучаствовали в разгроме религии, культуры, интеллигенции и многомиллионного крестьянства?» Тут требуется одно уточнение: религии, культуры и интеллигенции не только нееврейской, но и своей собственной.

Особенно возмутила Солженицына категорическая декларация одного из современных авторов-евреев, будто нет способа культивирования среди евреев лояльной советской элиты. «Да Боже, этот способ работал безотказно 30 лет, а потом заел. <...> И почему же 30-40 лет глаза множества евреев на суть советского строя не открывались — а теперь открылись? Что их открыло? Да вот именно в значительной мере то, что эта власть повернулась и сама стала теснить евреев. Не только из правящих и командных сфер, но из культурных и научных институтов».

Так! Конечно, кто-то открыл глаза пораньше, другие их и не закрывали (да где они все?). Но, думается, массовая динамика изменения отношения евреев к советской власти представлена Солженицыным адекватно. Именно возобновившиеся преследования, восстановленная (и увеличенная по сравнению с «проклятым царским режимом») процентная норма при поступлении в высшие учебные заведения, изгнания с более или менее ответственных должностей — привели многих лояльных и даже приязненных к существующему строю евреев к пересмотру их позиции. Еврейский Вопрос, как Ванька-встанька, завалившись на время в одной, отдельно взятой стране, вновь встрепенулся и занял свое «нормальное» положение. Антисемиты завели свою старую песню «Бей жидов, спасай Россию!», а евреи, как тот же Эренбург, не раз поминаемый Солженицыным во второй части «Двухсот лет...», начали освобождаться от кратковременной иллюзии, будто очистка человеческого сознания от веко-

вых предрассудков при наличии на то доброй воли — плевое дело (см. «Люди, годы, жизнь», книга шестая, глава 15).

Об Эренбурге Солженицын отзывается с нескрываемым осуждением. Он приводит, например, такой факт: «В «Правде» 21 сентября 1948, в противовес триумфальному приезду Голды Меир (в качестве первого посла Израиля в СССР; кстати, она тогда звалась Голдой Меерсон. — *М.К.*), появилась большая, заказанная ему (Эренбургу. — *М.К.*), статья на тему: евреи — вообще не нация и обречены на ассимиляцию». Сам Эренбург не минует этот факт в своих мемуарах (та же глава 15 шестой книги): «В сентябре 1948 года я написал для «Правды» статью о еврейском вопросе, о Палестине, об антисемитизме». И далее дает целую страницу цитат из статьи. Насчет того, что евреи — не нация, в них ничего не найдешь. Сказано только, что между евреем-тунисцем и евреем, живущим в Чикаго, мало общего. И еще: что ощущение глубокой связи между евреями различных стран родилось как результат невиданных зверств немецких фашистов. А вот сионизм автором статьи однозначно заклеймен: его, дескать, создали евреи «националисты и мистики», а Палестину заселили евреями «те идеологи человеконенавистничества, те адепты расизма, те антисемиты, которые сгоняли евреев с насиженных мест и заставляли их искать не счастья, а права на человеческое достоинство — за тридевять земель». Интересно, имел ли тут в виду Эренбург и тех идеологов человеконенавистничества, которые согнали евреев в Биробиджан?.. Во всяком случае, не оставляет сомнений приверженность писателя идее ассимиляции. Впрочем, и критикующий его Солженицын, признавая, что в XX веке «еврейство получало импульсы отшатнуться от ассимиляции» и что так же, возможно, будет продолжаться в наступившем XXI, охотно присоединяется к мнению русского еврея, предсказывающего неуничтожимость диаспоры и нерасчленимость того единства (с окружающими народами), которое она породила и в котором евреи и впредь должны жить и проявлять себя. Солженицын не уверен в осуществимости такого прогноза, но сочувствие его к такому развитию событий несомненно. «Движение — слиться с остальным человечеством до конца, вопреки жестким преградам Закона (еврейского, разумеется. — *М.К.*), — кажется естественным, живым».

Но вернемся к Эренбургу, ибо и автор «Двухсот лет...» еще не раз к нему возвращается. Ужасно обвинение, бросаемое ему Солженицыным по следам расправы с еврейской интеллигенцией в августе 1952-го: «И после расстрела еврейских писателей Эренбург продолжал уверять на Западе, что они — живы, и пишут. Если это действительно так...

Еще раз Эренбург появляется на страницах солженицынской книги в связи с верноподданническим письмом, готовившимся в недрах партаппарата. Это письмо должны были подписать — и, увы, подписали! — самые известные советские евреи: писатели, ученые, музыканты.

История с письмом всплывает в беседе Солженицына с главным редактором «Московских новостей» Виктором Лошаком, состоявшейся в конце декабря 2002 года. Лошак, ссылаясь на соответствующие пассажи «Двухсот лет...», констатирует: «Десятки подписей, как вы пишете, уже были собраны. Среди них Ландау, Дунаевский, Гилельс, Ойстрах, Маршак... Однако письмо это не было публиковано». Ответ Солженицына гласит: «Это письмо в «Правду» не было

опубликовано, потому что дело врачей сходило на нет, и Берия начал вести свою линию. А опубликовано оно уже сейчас, в 1997 году, в «Источнике» — Вестнике архива Президента России».

В данном эпизоде, как он изложен в самой книге, роль Эренбурга представлена неоднозначно. Он «сперва не подписывал (что значит «сперва»? Ведь и после не подписал! — *М.К.*), нашел в себе смелость написать письмо Сталину». Но тут же и отмечено: «Изворотливость (в формулировках. — *М.К.*) требовалась непревзойденная». И Эренбург ее проявил: «еврейской нации нет», еврейский национализм «неизбежно приводит к измене». О, Господи!

В книге выведены и другие фигуранты, чье поведение, мягко выражаясь, было несколько сервильным. К ним относятся (помимо подписавших провокаторское письмо): «топорный карикатурщик Борис Ефимов»; дипломат Евгений Гнедин, писавший в 30-х годах обманные статьи — то о том, «как гибнет западный мир, то — в опровержение западных «клевет» о каком-то якобы насильственном труде заключенных на лесоповале»; «преданный коммунистический фальсификатор академик И.И. Минц»; а вот академик Г.И. Будкер, по собственному признанию, не спал ночами и падал в обморок от напряжения, рождая, совместно со столь же самоотверженными коллегами, первую атомную бомбу для родного государства, причем происходило это в дни преследования «космополитов».

Но есть, как мне кажется, среди лиц, обвиненных Солженицыным в безудержном сотрудничестве с советской властью, и такие, к кому наш «судья» излишне пристрастен. Это, прежде всего, кинорежиссер Михаил Калик и поэт-бард Александр Галич. Калику, несправедливо названному «благополучным» (видимо, вследствие незнания его биографии), инкриминируется написанное им уже в годы второй опалы (первая, с лагерем, пришлась на сталинскую пору, причем посажен он был по обвинению в «еврейском буржуазном национализме») письмо «К русской интеллигенции». «Как будто перебыв в СССР не в слое благополучных, а годами перестрадав в угнетенных низах...» Да так и было безо всякого «как будто»!

Что касается Галича, то он и вправду долго состоял в привилегированном слое советских евреев, был преуспевающим — вполне советским — драматургом. «Но вот с начала 60-х годов совершился в Галиче поворот. Он нашел в себе мужество оставить успешную, прикормленную жизнь и «выйти на площадь»». Более того, согласен Солженицын и с тем, что песни Галича, «направленные против режима, и социально-едкие, и нравственно-требовательные», принесли «несомненную общественную пользу, раскачку общественного настроения». Так чем же ему не угодил Галич?

«Разряды человеческих характеров почти сплошь — дуралеи, чистоплюи, сволочи, суки... — очень уж невылазно». Но: «при таком обличительном пафосе — ни ноты собственного раскаяния, ни слова личного раскаяния нигде!» Так уж и нигде? «А «Ночной дозор» («Я открою окно, я высунусь, / Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!»)? А «Старательский вальсок» («И теперь, когда стали мы первыми, / Нас заела речей маята, / И под всеми словесными перлами / Проступает пятном немота»)? А «Вальс, посвященный Уставу караульной службы» («Ах, как шаг мы печатали браво, / Как легко мы прощали долги!..»)? А

«Уходят друзья» («Я ведь все равно по мертвым не плачу — / Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый»)? А «Баллада о стариках и старухах» («Я твердил им в их мохнатые уши, /В перекурах, за сортирною дверью: / "Я такой же, как и вы, только́ хуже!"...»)?

И странно читать у Солженицына упрек Галичу в том, что его сатира «бессознательно или сознательно, обрушивалась на русских, на всяких Климов Петровичей и Парамоновых...» А надо было, чтобы на евреев? Но ведь тут в зеркальном отображении видим очень странную претензию критика, изрекающего директиву самому Солженицыну, чтобы тот обратил в... еврея одного из героев (в обоих смыслах этого слова) романа «В круге первом» — или, в крайнем случае, добавил в роман «равноценный по силе образ благородного самоотверженного еврея»!

В ряде мест книги автор говорит о такой категории национальной жизни, как раскаяние. Естественно, что призыв к раскаянию обращен к обеим сторонам — и к русским, и к евреям. Я уже приводил здесь концовку главы «Двадцатые годы», с цитатой из статьи современного публициста, осуждающего соплеменников-евреев за их неготовность признать свою долю вины в русской истории XX века, и солидарный комментарий Солженицына. Теперь приведу концовку еще одной главы — «В войну с Германией»:

«Констатирует в конце 80-х годов еврейская публицистка, живущая в Германии (Софья Марголина. — *М.К.*): «Сегодня моральный капитал Освенцима уже растрачен». И она же год спустя: «Солидный моральный капитал, приобретенный евреями после Освенцима, кажется исчерпанным», евреи «уже не могут просто идти по старому пути претензий к миру. Ныне мир уже имеет право разговаривать с евреями, как со всеми остальными»[3]; «борьба за права евреев не прогрессивнее борьбы за права других народов. Пора разбить зеркало и оглянуться: мы не одни в мире».

До такой достойной, великодушной самокритичности подниматься бы и русским умам в суждениях о российской истории XX века — от озверения революционного периода, через запуганное равнодушие советского, и до грабительской мерзости послесоветского. В невыносимой тяжести сознания, что в этом веке мы, русские, обрушили свою историю — через негодных правителей, но и через собственную негодность, — и в гложущей тревоге, что это, может быть, непоправимо, — увидеть и в русском опыте: не наказание ли то от Высшей Силы?»

Золотые слова! Пафос всей книги Солженицына выражен в них наиболее внятно и с неподдельной искренностью. Стоит добавить, что в этой же главе автор с большим сочувствием констатирует широкое участие советских евреев в военных действиях и партизанском движении, а также делится личным опы-

[3] Никогда мир не разговаривал с евреями, как со всеми остальными! И сегодня, спустя десять лет после появления сочувственно цитируемой Солженицыным публикации, мир — главным образом Европа (не говоря уже о мусульманской части мира) — разговаривает с евреями на языке судей Дрейфуса и обвинителей Бейлиса, а кое-кто — и на языке «Майн Кампф».

том соприкосновения с евреями на фронте. «Знаю среди них смельчаков (далее пофамильно перечисляет солдат и офицеров, отлично воевавших рядом с ним и под его началом. — *М.К.*). Более чем реально воевал поэт Борис Слуцкий, передают его выражение: «Я весь прошит пулями»». Называет Солженицын и другие — известные и неизвестные — имена. И резюмирует: «так, вопреки расхожему представлению, число евреев в Красной армии в годы Великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, способного поставлять солдат: пропорция евреев — участников войны в целом соответствует средней по стране».

Еще относительно раскаяния евреев за свои грехи перед русскими. В главе «Оборот обвинений на Россию» (т.е. с чекистско-большевистской власти на историческую Россию) приводятся высказывания как русофобские (Борис Хазанов: «Берегитесь рассказов о том, что в России хуже всех живут русские, пострадали в первую очередь русские»), так и... С удовлетворением отмечает писатель: «Однако перестали бы быть евреи евреями, если бы в чем-то стали все на одно лицо. Так и тут. Голоса иные тоже прозвучали. <...> К счастью для всех, и к чести для евреев — какая-то часть из них, оставаясь преданными еврейству, проняла сознанием выше обычного круга чувств, способностью охватить Историю объемно. Как радостно было их услышать! — и с тех пор не переставать слышать. Какую надежду это вселяет на будущее! При убийственной прореженности, пробитости русских рядов — нам особенно ценны их понимание и поддержка».

На этой оптимистической ноте можно было бы и закончить, но есть у меня личная причина приписать еще несколько слов. Среди тех, кого так радостно было услышать Солженицыну, упомянут кибернетик Роман Рутман, репатриировавшийся в Израиль еще в 1973 году. В нью-йоркском русском «Новом журнале» появилась его статья о начале движения за репатриацию, которую (статью) Солженицын называет очень теплой и яркой и в которой, по мнению писателя, проявлено «отчетливое тепло к России. Статья и называлась выразительно: "Уходящему — поклон, остающемуся — братство"». Это название — строчка из ныне широко известного стихотворения Бориса Чичибабина «Дай вам Бог с корней до крон..» (1971). Солженицын не фиксирует авторство Чичибабина, но, конечно же, не по незнанию. Заключаю так на основании личного письма, полученного мною от писателя в 1997 году. В нем среди прочего сказано: «Статью о Чичибабине[4] (которого люблю) читал». Соединяя эти два факта, нельзя не видеть, что Чичибабина Солженицын любит, в частности, и за его юдофильство.

---

[4] Вероятно, имеется в виду моя рецензия на книгу стихов «82 сонета и 28 стихотворений о любви», опубликованная в «Новом мире» (1995, № 10).

От редакции

Открывая в 115-м номере «Континента» новую рубрику журнала «Комментарий к событиям российской жизни» Виктора Шендеровича, основанную на текстах его еженедельной программы на канале ТВ-6 «Бесплатный сыр», мы писали и о том, почему мы решили ввести эту рубрику, и о нашем отношении к ее автору... и о том, что по крайней мере до тех пор, пока программа Виктора Шендеровича на ТВ-6 существует, рубрика наша из журнала тоже не исчезнет. Мы писали тогда также, что даже если и «Бесплатный сыр» по причине все тех же специальных невзгод, которые с некоторых пор стали одолевать наше более или менее независимое телевидение, тоже прикажет долго жить, как уже приказали знаменитые «Куклы» и не менее знаменитое «Итого», мы непременно предложим автору продолжить все-таки нашу рубрику и даем торжественное обещание все равно печатать его тексты до тех пор, пока существуем сами.

К сожалению, наше печальное предвидение, как все знают, оправдалось — «Бесплатный сыр» канул-таки в лету вместе со своим телеканалом.

Но, к счастью, во-первых, эстафету ТВ-6 подхватило (не знаем только, надолго ли?) радио «Эхо Москвы», на волнах которого всякий способный до них добраться еженедельно может поймать очередную порцию не менее фирменного «Плавленного сырка», законного наследника и правопреемника «Бесплатного сыра».

И, к счастью, во-вторых, мы тоже еще пока существуем.

Так что наш союз продолжается — по тем же причинам, в том же формате и с теми же торжественными обещаниями на случай новых невзгод.

Просим к нашему столу. Он по-прежнему выставлен в отделе «Россия и мир на рубеже веков», хотя, вообще-то говоря, вполне мог бы быть перемещен и в литературно-художественный салон журнала. Ибо угощает за ним — мы убеждены в этом — наш лучший современный российский сатирик.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

/ноябрь – декабрь 2003 г./

14.11.2003

Здравствуйте! В эфире — новая программа радиостанции «Эхо Москвы» — «Плавленый сырок», и я, ее ведущий Виктор Шендерович. Раньше вам, наверное, случалось не только слышать меня, но и видеть, но начиная с 2000 года с

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 году в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Щукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Сейчас на радио «Свобода» регулярно выходит его передача «Все свободны», а на «Эхе Москвы» — «Плавленый сырок». Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

изображением меня и моих товарищей в России стали возникать технические трудности; два раза изображение срывалось, а потом прекратилось вообще. Фактически одно «Эхо» от нас и осталось! Ну, я считаю, и правильно: чего зря людям глаза мозолить... Будемте лучше звучать. Наша новая передача вызвана к жизни только желанием посоревноваться с государственными СМИ на ниве воспевания окружающей действительности. Плохо они ее воспевают — мало, формально и без любви! А надо воспевать ее с любовью, иначе хуже будет.

Взять хоть, например, возможное воздвижение памятника Юрию Андропову на одноименном проспекте в Москве. Писано было в прессе — не знаю, верить ли? — что решение сие принято и одобрено президентом. Почти никто этого толком не воспел, стесняются... А чего стесняться-то? Не надо стесняться! Четырехлетняя деятельность нашего президента — сама по себе памятник Юрию Андропову, но то памятник нерукотворный, а теперь, значит, встанет в Москве нечто такое, что можно пощупать. Может, конечно, и слухи, но уже нет ничего невозможного, правда? И вот, по всему по этому, у наших правоохранительных органов опять страшно обострилось зрение. Резко, но очень выборочно. То есть даже не знаешь, то ли их к офтальмологу посылать — то ли самому прятаться, пока не поздно.

Вдруг, ближе к выборам, Генеральная прокуратура обнаружила уйму кошмарных преступлений, совершенных руководством одной-единственной компании — и почему-то именно той, которая финансирует оппозицию. Сей же час несколько совладельцев этого самого «ЮКОСа» оказались расхитителями и мошенниками, а один, на всякий случай, даже убийцей. Раньше-то, в славные андроповские времена, с этими отщепенцами вообще бы никаких сложностей не было: лежали бы обколотые по психушкам — и вся демократия, а теперь (вот незадача) приходится искать состав преступления. Впрочем, чего его искать — оно с гусинских времен всегда наготове... По материалам Генеральной прокуратуры, Михаил Ходорковский обвиняется по шести статьям Уголовного Кодекса, в том числе по статье 159, часть третья УК РФ — «мошенничество, совершенное организованной группой в крупном размере». Речь идет об эпизоде, относящемуся к лету 1994 года, когда в результате операций с акциями ОАО «Апатит», приобретенными по заведомо заниженной стоимости, государству был нанесен ущерб в размере свыше двухсот миллионов долларов...

Вы расслышали эту поступь командора? Возмездие на марше! То есть, можно подумать, что в процессе приватизации у кого-то там вообще были какие-то другие цели, кроме мошенничества в крупном размере, а Генеральная прокуратура в полном составе только что прилетела с Марса с рожками на головах — и вдруг обнаружила, что в России был 94-й год! Да за девяносто четвертый год в России можно сажать если не всех по периметру, то уж так называемую экономическую элиту — просто поименно. Даже имен не надо. Просто войти в какой-нибудь сильно элитарный московский клуб и начать винтить, не опасаясь промахнуться. Но знаете — я что-то не заметил, чтобы участники приватизации начали в массовом порядке уходить в подполье. Ума не приложу, в чем тут дело. То ли они такие смелые, то ли точно знают, что вся эта правоохранительная секир-башка касается исключительно тех, кто отказался лечь в общепринятую позу. Зато уж с этими разговор теперь совсем короткий. В минувший втор-

ник Басманный суд отказался отпустить Ходорковского под подписку о невыезде. Его не привезли в суд, и даже во время телемоста с судьей он сидел в клетке. Я думаю, все эти меры были приняты с учетом особой общественной опасности подследственного. Российская Федерация кого попало в клетку не сажает, только самых опасных! А вообще правосудие, оно у нас гуманное...

По сообщению агентства «Регионы России», на прошлой неделе в селении Ведено в Чеченской Республике был задержан 29-летний Муссает Аюбов. Как пояснили в оперативном штабе МВД, Аюбов был «кассиром» боевиков и выплачивал им деньги за проведенные диверсии. Как сообщает источник агенства, с пособника сепаратистов была взята подписка о невыезде, после чего он был отпущен на свободу...

Вот! Я ж говорю! Аюбов же не Ходорковский, чего его в клетке держать? Он ведь всего лишь оплачивал боевикам убийства и теракты, а Ходорковский — о-о, это ужасный человек. Он морил голодом миллионы пенсионеров путем утаивания налогов, причем Генеральной прокуратуре уже удалось точно выяснить, сколько именно россиян он заморил таким образом. Цифру, полученную путем деления миллиарда ходорковских долларов на размер минимальной пенсии, уцелевшим согражданам сообщил генерал прокуратуры Колесников.

Колесников: «В течение месяца недополучили пенсий 49 млн. 166 тысяч 666 человек. Я спрашиваю — а как они должны питаться, если их лишили этой возможности? Это сотни тысяч беспризорных детей, нюхающих клей на улицах».

Во-первых, что приятно? Что такая фигня, как презумпция невиновности, больше не тревожит Генеральную прокуратуру совсем, и генерал до всякого суда знает, что Ходорковский виновен. (Или, лишенный нормального призора, генерал тоже немного понюхал клея — и забылся?.. Уж и не знаю). Во-вторых, радует, что самого Владимира Колесникова голодание явно не коснулось, и он смог — может быть, даже самостоятельно — выполнить задачу на деление. А в третьих, я просто счастлив оттого, что генералу не пришло в голову поделить на минимальный размер заработной платы в России, ну, например, расходы на десятилетнюю зачистку Чечни — или, чтобы далеко не ходить, сметную стоимость квартиры своего прямого начальника, Генпрокурора Устинова, подаренную ему от щедрот Управделами президента. Тоже интересные цифры могли бы получиться...

Но если бы ущерб, нанесенный Родине проклятым олигархом, ограничивался только неуплаченными налогами! Там все гораздо серьезнее. И я считаю: раз настало такое безудержно счастливое время, то помогать разоблачению «ЮКОСа» мы обязаны всей страной! Почин, слава богу, уже имеется: на помощь Генеральной прокуратуре в ее неравной борьбе с миллионерами уже устремилось министерство сельского хозяйства республики Якутия-Саха. Маленькие, а ничего не боятся!

По сообщению агентства ИНТЕРФАКС-АНИ, министерство сельского хозяйства республики Саха (Якутия), в ходе проверок деятельности подсобных хозяйств дочерних компаний АО «Саханефтегаз», принадлежащего «ЮКОСу», обнаружило нарушения в их работе. Согласно заключению по итогам проверки, в подсобном хозяйстве не соблюдается технологический процесс: в свинарнике подсосные свиноматки находятся в общих станках, что совершенно

недопустимо, а крольчихи содержатся вместе с кролами, по 3-4 головы. «Случка бессистемная, зоотехнический учет отсутствует», — говорится в документе.

Представляете драматизм ситуации? Я не про крольчих говорю, бессистемно случаемых в подсобных хозяйствах «ЮКОСа», я — про министерство сельского хозяйства республики Якутия-Саха. Сидит там такой маленький якутский чиновник и полжизни руководит тундрой, и хочется ему уже чего-то другого, какой-то настоящей жизни; хочется, не побоюсь этого слова, на запад — в Москву, в Москву! А как? Как дать знать государю-императору, что, мол, есть в Якутии такой петр иванович бобчинский, готовый на все? Безнадежная задача. И вдруг такой случай. Тут любая крольчиха подойдет! Но, боюсь, Владимиру Владимировичу было в эти дни не до якутского верноподданничества. Его самого (по вине всё того же «ЮКОСа») постоянно и довольно бессистемно имеют западные журналисты. Узнали, например, что Путин собирается в Рим, слетелись туда и набросились на нашего доблестного гаранта. Он год назад в Брюсселе одного уж так обрезал! Не помогло, лезут снова: мол, что это там у вас за такая странная борьба с коррупцией? Ну, Владимир Владимирович им опять и вломил. Знай наших.

Путин: «Если вас эта проблема интересует, я понимаю, что задание вам поставлено, вы должны его отработать, я отвечу на этот вопрос. Конечно, люди, которые за 5-6 лет заработали миллиарды, они, конечно, истратят миллионы, десятки и сотни миллионов, для того чтобы спасти эти свои миллиарды. Мы знаем, куда тратятся эти деньги, на каких адвокатов, на какие пиаровские кампании и фирмы, на каких политиков, в том числе, чтобы задавать такие вопросы».

Правильно, Владимир Владимирович! Не сдавайтесь, мочите их где ни попадя! А то мы, действительно, не знаем, кем проплачены все эти вопросики! Это ведь только наши федеральные СМИ выполняют свой журналистский долг бескорыстно, но таких альтруистов больше нигде на Земле нет. А все, кто снаружи — наймиты мировой закулисы, истинно вам говорю!

Но хотя на Западе все и проплачено, одного бескорыстного человека, следует заметить, наш гарант там все-таки нашел. И получил у него поддержку в своей борьбе с коррупцией. Не у кого-нибудь, а у нынешнего председателя Евросоюза, Сильвио Берлускони. Это дорогого стоит, прошу понять меня правильно.

Берлускони насчет борьбы с коррупцией — главный человек на континенте. Он, я думаю, даже поглавнее Путина будет насчет коррупции! Больше него успел на этом направлении, потому что раньше начал. У Берлускони ничего мимо рук отродясь не проплывало — как, бывало, плывет мимо что-нибудь, он это сразу хвать, и к себе — посмотреть, нет ли в том какой-нибудь коррупции? Так что очень удачного наш гарант нашел себе адвоката! Евросоюз, правда, от такой адвокатуры несколько офонарел и немедленно уточнил, что имеет свой взгляд на проблему, но нам Евросоюз в гробу видеть — не привыкать.

Итак, история с арестом Ходорковского одним махом принесла России кучу пользы: во-первых, жутко повысился интерес в мире — про нас после ельцинских загогулин уже забывать стали, а тут такое! Во-вторых, сильно укрепилась независимость России от всего на свете: впереди нас в этом смысле теперь только Венесуэла — там тоже свой полковник, любимец народа, но мы еще посмотрим, чья любовь круче. В-третьих, зарубежные инвесторы снова начали чесать репу,

что с патриотической точки зрения совершенно замечательно: давно пора было шугануть этих господ, а то их хлебом не корми, дай чего-нибудь вложить в нашу Родину-мать! Ну, и наконец, после ареста Ходорковского из кремлевской администрации выбыл по собственному желанию Александр Волошин. Он от Путина такого не ожидал почему-то. Теперь Владимир Владимирович совсем свободен от семейных обязательств. Березовский в Лондоне, Волошин в отставке... На этот случай есть старый анекдот — ну, вы помните... Сидит дракончик и плачет. Его спрашивают: чего ты плачешь, дракончик? Он говорит: я папу съел. — Папу съел? — Да, и маму съел! — Дракончик, — говорят ему, — и кто же ты после этого? А он и отвечает: круглая сирота...

Вся эта чудесная история с «ЮКОСом» случилась аккурат перед выборами. Совпадение, наверное. Что же до самой предвыборной кампании, набравшей настоящие обороты как раз на уходящей неделе, то она открыла в российской политической жизни заветный клапан, и оттуда опять полилось — примерно то же, что всегда.

Но есть и новации. Например, ранее невиданная здесь партия Жизни уточнила контуры этой самой жизни в том случае, если вдруг доберется до власти по-настоящему. Как сообщает издание «Газета», — выступая на пресс-конференции в минувший вторник, лидер российской партии Жизни, спикер верхней палаты Сергей Миронов, в частности, сказал: «Нас спрашивают: вы что, за то, чтобы взять все и поделить? Да, именно взять и поделить, но не один раз, а все время брать и делить».

Во как. Впрочем, те, кто отнимали и делили в прошлый раз, тоже не сидят сложа руки. Ближе к голосованию коммунисты пустили в дело рекламный образ невиданной силы: за коммунистов теперь агитирует Леня Голубков. С этим культовым персонажем зюгановцы угадали на всю голову — десять лет назад этот самый Лёня уже вел россиян в светлое будущее. Главный организатор того светлого будущего по фамилии Мавроди в настоящий момент сидит в СИЗО, главный организатор коммунистического рая — лежит в Мавзолее, но пирамида налицо в обоих случаях. Вообще, по части рекламных находок политики проявили уйму вкуса: например, Евразийский союз Пал Палыча Бородина пиарит группа «Гату» — что-то их вдруг на мужчин потянуло...

Но главным хитом предвыборной кампании стали фрагменты партийного списка «Единой России», появившиеся в прессе на уходящей неделе. Там что ни человек, то губернатор — в прошлом, сами понимаете, секретарь обкома партии (правда, другой партии, но какая разница!). Некоторые шибко любознательные заинтересовались: каким образом действующие губернаторы намерены принимать участие в работе парламентской фракции? Но спросить оказалось не у кого: «Единая Россия» от участия в дебатах отказалась. Ну и правильно, зачем эти хлопоты! Лучше, как давеча на День милиции, прийти на праздничный концерт и сесть бесплатно всем кагалом, крупным планом, на весь вечер на федеральном канале! Главное — побольше молчать. Эти, вообще, чем больше молчат, тем лучше для рейтинга. А то вот Сергей Шойгу вдруг, ни с того ни с сего, отвлекся от подготовки к зиме — и заговорил. И договорился до того, что следует лишать гражданства россиян, которые не ходят на выборы.

И напоследок — радостные новости из Чечни: там, кажется, налаживается жизнь. По крайней мере, элементы планового хозяйства уже имеются... И даже борьбе с масхадовцами Ахмад Кадыров определил хронологические рамки.

Кадыров: «В каждом районе, в каждом населенном пункте есть все структуры, есть параллельные бандиты. С этим вопросом мы должны покончить раз и навсегда. Срок для вашего министерства 2 месяца. Мы Новый год должны встречать без фамилии Басаева, Масхадова, и тому подобных врагов нашего народа».

Честно говоря, кадыровское обращение к своему МВД больше напоминает мне молитву, чем боевое задание... И я бы, в этом смысле, не ограничивался приказом уничтожить к Новому году всех бандитов, а заодно повелел бы, допустим, сделать из Ачхой-Мартана Баден-Баден. Если аллах захочет, он исполнит и то, и другое. А пока что — остается только издавать бессмысленные приказы и молиться, чтобы Дедушка Мороз не пришел с мешком тротила... Ну, у Кадырова все впереди, а бывшие специалисты по руководству Чечней от имени Кремля свое место в мирной жизни уже отыскали. Кто послом в Танзании, кто начальником в налоговой полиции, кто замом в Министерстве экономики. А еще один бывший руководитель Чеченской республики, ныне председатель Госстроя России Николай Кошман, по сообщению ИТАР-ТАСС, на достигнутом не остановился и намерен баллотироваться на выборах президента Федерации хоккея на траве. О том, что подвигло Николая Павловича на такой отчаянный шаг, рассказал он сам. Оказывается, «отечественный хоккей на траве переживает глубокий кризис». М-да... Ну, Чечню Кошман, как вы сами видите, из кризиса вывел — теперь дело за хоккеем на траве. Счастья вам!

21.11.2003

Здравствуйте! Вот и еще неделька прошла, на носу выходные, самое время выпить и закусить старым демократическим образом. В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Пью я нынче на радостях. Дело в том, что в минувшую среду я получил личное письмо от Грызлова, Лужкова и Шойгу. На конверте так и было написано: лично. Прежде чем открыть конверт, я даже немножко поплакал от умиления, потому что такие занятые люди, а вот же — не забыли меня... Я так думаю, дело было вечером, после работы. Собрались они втроем, выпили, наверное — и сели писать мне личное письмо. Вот оно. «Я к вам пишу, чего же боле»... Нет, это другое. А, вот! «Дорогие москвичи! Считанные дни остаются до 7 декабря»... Ну, поскольку письмо это личное и отпечатано тиражом два миллиона экземпляров, все я читать не буду, расскажу главное. Любят они меня, вот что оказывается! Любят — и вместе с президентом, который во мне, надо полагать, вообще души не чает, хотят защитить меня от правых и левых демагогов. Кто такие эти демагоги, я догадался. Это такие люди, которым не нравится «Единая Россия» и всё это их новейшее Политбюро с дорогим ВВ вместо дорогого Леонида Ильича. Причем правые демагоги — это те, которым это не нравится вообще, а левые демагоги — это те, которым не нравится, что в этом Политбюро сидят не они. Значит: эти левые, эти правые, а центр у нас — там, где Путин. Где он проснется, там и центр. А насчет демагогии — это в письме верно подмечено. Работать надо, конкрет-

ными делами заниматься! Например, письма счастья эти писать. Или, на худой конец, бороться с коррупцией. Тут с налета не справиться, нужна научная база!

Как сообщил агентству РИА «Новости» источник в Кремле, в настоящее время там готовится Указ президента по борьбе с коррупцией. Как предполагается, речь пойдет о создании комиссии, которая «будет заниматься выявлением условий появления этого явления и их устранением».

Как пел один, у Глинки: «О радость, я знал, чувствовал заране!» Не все же мочить нефтяников, стране нужен позитив. И ведь сразу, безо всякой демагогии, посмотрели в корень. Там ведь в чем была проблема с коррупцией? Не были выявлены условия появления этого явления! А как соберется комиссия (я бы посоветовал включить в нее, в качестве экспертов-практиков, человек сто пятьдесят из семи последних российских правительств), как они выявят условия появления этого явления, как президенту доложат — тут коррупции и кранты. Только для успешной работы такой комиссии нужно первым делом определить комиссионные. Скажем, для начала, 2% от размеров бюджетных средств, спасенных от коррупции, а там уж как пойдет.

Ну, президенту, по большому счету, торопиться пока некуда — уж до весенних выборов он коррупцию в России положит на обе лопатки, вся под ним будет. А вот у депутатов насчет коррупции — практически финишная прямая! То есть либо сейчас, либо никогда. Но есть такие, которые как не местные. Мешают реализовывать момент. Союз Правых Сил развязал в Думе настоящий террор против «Единой России»: даже попытались протащить в повестку дня вопрос о том, чтобы министры-единороссы в предвыборное время перестали по всякому поводу маячить в телевизоре! Но на защиту родной партии встало большинство со Слиской во главе, и у правых ничего не получилось. Ишь ты, действительно: уж нельзя Грызлову и на футбол сходить! Да только туда и нужно ходить перед выборами! На Петровке среди «оборотней» сидеть — много ли рейтинга? Все на футбол! Народ, он ведь, с политтехнологической точки зрения, как та обезьяна в сухумском питомнике: в нем надо выработать положительный рефлекс на начальство! Кнопку нажмешь — в ящичке банан! Наши гол забьют — в ящичке Грызлов! Банан — Грызлов, банан — Грызлов!

Потом приходит такой человекообразный гражданин на выборы — и сразу бегом к правильной клеточке...

Пока Грызлов отмораживал партийный рейтинг на стадионе «Локомотив», его товарищ по партии Шойгу поехал по стране. Это — святое дело! Но какой чудовищный цинизм, когда то же самое делают конкуренты! Представляете — глава Аграрной партии и республики Алтай Михаил Лапшин тоже взял предвыборный отпуск и успел окучить те же регионы, что и федеральный министр, за неделю до него. Это безобразие не прошло незамеченным.

Выступая в минувший понедельник в Новосибирске, глава МЧС Сергей Шойгу, в частности, сказал: «Я не хочу, чтобы меня неправильно поняли, что я якобы критикую руководителя Аграрной партии России, но тем не менее, Михаилу Ивановичу не мешало бы определиться: он депутат Госдумы или все-таки избранный глава республики».

Губернатор-хитрец, едет, значит, впереди пробега и снимает с электората законный шойгуйский урожай. Ай-яй-яй! То ли дело Сергей Кужугетович —

он, путешествуя вдоль по матушке-России, в ее вечно-чрезвычайных целях, о выборах, наверно, даже не вспомнил ни разу! Не человек, а Энерджайзер! Не может остановиться — работает и работает, даже во время предвыборного отпуска. И чисто по работе — его, в отличие от агрария Лапшина, всё время показывают по двум федеральным каналам. Впрочем, были бы у власти коммунисты, по телевизору бы показывали, как ездит взад-вперед по матушке Лапшин, — так что тут все по-нашему, по-честному. Но вообще ближе к выборам достижения правительства на всевозможных направлениях растут, как снежный ком. А в социальном секторе — просто какая-то швеция обнаружилась.

ИТАР-ТАСС сообщает: в минувший понедельник на совещании у президента Российской Федерации заместитель председателя правительства Галина Карелова доложила о создании полного банка данных по инвалидам-ветеранам Великой Отечественной войны. На брифинге для журналистов Карелова отметила, что на сегодняшний день во всех субъектах Федерации завершена работа по уточнению численности ветеранов: на каждого инвалида и участника Великой Отечественной войны составлен индивидуальный план помощи.

Эх, хорошо быть иностранцем! Услышишь такое, насчет индивидуального плана помощи каждому инвалиду и участнику войны, — и, наверное, видишь мысленным взором просторные поликлиники с фикусами в кадках и чистыми отдельными палатами. А когда про то же самое слышишь, будучи своим и здесь же проживя некоторое количество пятилеток, — совсем почему-то другое видишь мысленным взором. Видишь пыльное, советских времен и обычаев, министерство, в котором сидит не менее пыльная тетка из среднего руководящего звена и рассылает на места телефонограммы с требованием к энному числу доложить о проценте по области инвалидов-ветеранов ВОВ, охваченных социальной помощью, а на местах сидят дядьки и тетки поменьше — и пьют валидол, и посылают встречные телефонограммы к энному числу, а потом самая главная тетка идет к самому главному дядьке — и докладывает ему об индивидуальном плане помощи всем инвалидам-ветеранам ВОВ, и дядька кивает головой, и это показывают по Центральному телевидению — на радость инвалидам. Вот, собственно, и вся швеция.

Но главный прорыв по части отчетности произошел не в министерстве по социальным вопросам, а в Чечне. Ее новоиспеченный президент Ахмад Кадыров на недавней пресс-конференции внес почти окончательную ясность в вопрос о численности боевиков. Если чего не поймете, у меня не переспрашивайте.

Кадыров: «Я скажу примерно цифру непримиримых: 4-5 человек. Могу назвать фамилии. А сколько за ними стоят, я не знаю, и никто не знает. Все те цифры, которые выдавались в течение 3-4 лет — 3 тысячи, 2 тысячи — это с воздуха берутся. Никто не знает, сколько их было в начале, и сколько их осталось. Как только где-то кого-то обидят, выходят мстители. Там очень много мстителей. А 4-5 человек — это Масхадов, Басаев и тому подобные».

У меня плохо с математикой, но, если я правильно понял, диспозиция такая: Чечня вся как есть за Кадырова и Путина, при этом какие-то неуловимые мстители мотаются по субъекту федерации в поисках кровников, а собственно врагов там — Масхадов, Басаев и еще двое-трое. Для войны с ними до побед-

ного конца Россия девятый год держит в республике десятки тысяч военнослужащих и сопротивляется из последних сил. Но поскольку врагов всего пятеро и они где-то прячутся, а задача, поставленная главнокомандующим, не отменена, приходится мочить тех чеченцев, которые на поверхности. И вот в январе прошлого года разведгруппа спецназа ГРУ расстреляла Уазик, в котором с конференции сельских учителей ехало шесть человек. Собственно, Уазик спецназовцы расстреляли по ошибке — как пояснил командир группы, «сработал профессиональный инстинкт», а уж потом оставшихся в живых чеченцев они расстреляли с полным знанием дела как ненужных свидетелей. Это, видимо, сработал инстинкт самосохранения. Но что приятно: офицерской чести при этом бойцы не потеряли.

В Северо-Кавказском военном суде началось рассмотрение дела трех бойцов спецназа ГРУ, обвиняемых в убийстве шестерых мирных жителей Чечни. Перед началом процесса председательствующий распорядился переодеть подсудимых в штатское, чтобы военная форма не оказывала психологического давления на присяжных. Как сообщает газета «КоммерсантЪ», обвиняемый, капитан спецназа Ульман, в своем ходатайстве потребовал отменить это решение. По мнению капитана, запрет на ношение формы унижает их честь офицеров, тем более что всем известна их принадлежность к элитным воинским частям.

Все-таки офицерская честь — великое дело. Особенно когда расстреливаешь в спину завуча, крестьянина и женщину-инвалида, чтобы никто из них не рассказал про твое предыдущее убийство. А уж когда при этом сам понимаешь, что ты элита, — так тебе просто цены нет!

Видимо, в ожидании новых побед русского оружия на Охотном ряду занялись пересчитыванием старых. В минувший вторник Государственная Дума в третьем, окончательном чтении приняла поправки в действующий закон «О днях воинской славы (победных днях) России». Установлены, в частности, следующие новые праздники: 5 апреля — День победы русского войска над немецкими рыцарями на Чудском озере; 8 июля — День победы русской армии над шведской армией в Полтавской битве; 8 сентября — День победы русского войска над монголо-татарским войском на Куликовом поле; 30 ноября — День победы русской эскадры над турецкой эскадрой в Синопском сражении, и другие праздники. Всего — девять праздничных дней. Законопроект направлен в Совет Федерации.

Вот чтоб я, не сходя с места, стал псом-рыцарем и турком под Синопом одновременно, если Совет Федерации этого не утвердит! А уж народ под такое дело напряжется и родную историю выучит: шутка ли — еще девять законных патриотических поводов выпить! Жалко, правда, что эти праздничные дни пока что не выходные, но это дело наживное. Да и при чем тут формальности? Кто посмеет потребовать выхода на работу в день победы русского оружия над бусурманами? А сражение у мыса Гангут? Рыло шведам начистили 7 августа 1714 года — или не начистили? Что ж в этот день, трезвыми сидеть? Нет, введение победных дней России определенно повысит градус нации и расположит ее к новым коллективным фантазиям. Но меня просили передать — Минздрав предупреждает: чрезмерное употребление внутрь военного патриотизма опасно для здоровья, это порождает имперские галлюцинации и ведет к внутреним крово-

течениям. Врачи говорят: гораздо здоровее — опохмелиться в день Цусимы и всю зиму принимать холодный душ в память о финской войне 40-го года.

Но лиха беда начало. Мы уж коли начали придумывать себе праздники, — пока до упора не дойдем, не остановимся. И вот, можете себе представить, некто Владимир Медведев из партии «Русь» (есть такая партия) предложил ввести в календарь праздник «День русского человека», пояснив это так: «Наш народ — народ-герой, он может жить лишь мечтой! Вот мы и обратились к президенту: давайте создадим мечту!» Надо ли понимать г-на Медведева так, что русского человека в настоящее время в природе не существует, а он лишь мечта, — я не понял, а уточнять боюсь.

И напоследок, в продолжение темы... По соседству с нами, в братской Белоруссии, мечты становятся явью одна за другой, причем все более смелые мечты. В частности: в конце августа Александр Лукашенко подписал долгожданный Указ «О системе Государственных органов, осуществляющих идеологическую работу в Республике Беларусь». Белорусы, прожившие без политинформации во тьме египетской двенадцать последних лет, прослышав про этот Указ, разрыдались от счастья — и потянулись в красные уголки узнать от батькиных комиссаров, как им жить дальше. И вдруг в этом стройном стаде обнаружилась паршивая овца! Да еще среди пастухов.

Как сообщает издание «Газета», в Минске за отказ проводить политинформацию среди музыкантов был вынужден подать в отставку директор Государственного симфонического оркестра Иосиф Турко. Поиски новой работы, продолжающиеся уже месяц, результатов не дали: руководители республиканских оркестров опасаются брать «неблагонадежного директора», пишет «Газета».

Когда бы все так чувствовали силу гармонии, как президент Белоруссии! Музыка — она ведь часть воспитательного процесса, и ежели кто-то позволяет себе знак отказа бекар, то правительство вполне в состоянии сделать ему понижение типа бемоль на всю оставшуюся жизнь. Главный музыкальный инструмент в правильном государстве — это органчик, звучащий в голове у президента. Кстати, не только Белоруссии касается. Счастья вам!

28.11.2003

Здравствуйте! Ну, что: приняли эту недельку внутрь? Пробирает помаленьку? А тут опять мы, с нашим нехитрым закусоном. В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Меня, кстати, уже спрашивают: а какой именно у вас «Плавленый сырок»? Я раньше и не задумывался, а теперь полагаю: сырок наш называется «Волна». А какая именно «Волна», ежу понятно — 91,2 FM. Ну, поплыли...

Куда ж нам плыть? Это для Пушкина вопрос открытый, а мы уж давно плывем навстречу седьмому декабря. В процессе этого плавания взаимная любовь народа и власти помаленьку переходит границы не только приличия, но и простой конспирации. Своими глазами видел тетку, расклеивавшую на подъездах портреты Лужкова. На тетке была оранжевая жилетка, а на жилетке той было написано: «Управа Бегового района». А чего стесняться, все свои! А одному моему приятелю прислали открыточку ко дню рождения. Не теща и не товарищи по

работе, а какой-то кандидат в депутаты, совершенно посторонний ему хрен с горы с триколором и орлом на визитке. И вот мой приятель теперь в сильном недоумении: откуда у кандидата с триколором его адресочек — да еще с анкетными данными? Я спрашиваю: сам-то как думаешь? Плачет. Мнительный он у меня, приятель. А я ему говорю: дурачок, никакое это не вторжение в личную жизнь, это любовь. Любят они тебя, вот и лезут в кишки со всех сторон.

Вообще их нынешняя степень заботы о нас наводит на мысль о том, что, с точки зрения владельцев орла с триколором, избиратель — существо дебиловатое, без посторонней помощи урну не найдет и в правильной клеточке галочку не нарисует. Его, избирателя, надобно поэтому к декабрю нафаршировать, как индюшку, чтобы, значит, начальственный триколор этот уже торчал из ушей.

По сообщениям СМИ, первый заместитель министра образования саратовской области Кошелев подписал приказ «О проведении областного конкурса сочинений «Россия — единственная и единая». А в администрации Ленинского района Саратова прошло совещание с завучами, где рассматривались «конкретные методические аспекты подготовки сочинения на тему: «Кто такой Владислав Третьяк». Знаменитый вратарь проходит там кандидатом в депутаты по 158-му избирательному округу.

Несколько слов в порядке методической помощи и просто подсказки тем, кто уже начал готовиться к сочинению. В настоящее время Владислав Третьяк тренирует вратарей команды «Чикаго Блэк Хоукс», но, по всей видимости, в разгар сезона он решил отбросить коньки. Честно говоря, жалко. И осиротевшую чикагскую команду жалко, и в особенности самого Третьяка. Вы представляете его — в Государственной Думе? Я довольно ясно представляю. Так вот, сидит Третьяк по центру и до самой сирены смотрит на эти шайбы в президиуме. Это называется: уйти в профессионалы... Впрочем, на прошлых выборах Россия тоже проголосовала за одного великого спортсмена. Что-то его нигде не видно, нашего чудо-богатыря? Вы Карелина не видели? А то я тревожусь уже.

Ну, школьникам, значит, «Единую Россию» вместе с Третьяком утрамбуют в мозги прямо на сочинении, а где ловить родителей? Я думаю: у кассы. То есть это не я так думаю, это уже так практикуется... Как пишет издание «Русский курьер», руководство сети магазинов «Седьмой континент» издало приказ, согласно которому отныне и до 5 декабря все продавцы, кассиры и администраторы этой торговой сети обязаны появляться на рабочих местах с бейджиками «Я выбираю "Единую Россию!"». Основатель сети Владимир Груздев — депутат Городской Думы и член партии «Единая Россия». Впрочем, как заявила по этому поводу пресс-служба сети «Седьмой континент»: «бейджики с надписью «Я выбираю "Единую Россию!"» — это выражение личной позиции продавцов и их личная инициатива».

Я сам не видел, но дело, наверное, было так. Однажды в обеденный перерыв продавцы и кассиры, девочки-практикантки, дамы бальзаковского возраста и старушенции, расталкивая друг друга, толпой ломанули в ближайшее отделение «Единой России»: дайте, говорят, бейджиков, а то руки на себя наложим! Те, конечно, сжалились, дали бейджики... М-да. Поспорили как-то русский, француз и американец, кто сможет накормить кошку горчицей. Ну, про двух нерусей я для краткости пропускаю, а наш — просто зачерпнул горчицы и

намазал кошке под хвостом. Бедная киса орет и вылизывает... А русский им и говорит: «Вот! У нас только так: добровольно и с песнями!». Глубоко советских времен анекдотец, а вот ведь — снова пришелся ко времени. Как смешно.

Да и как не полюбить членов правящей партии, таких незамысловатых и обаятельных? Вот ведь даже президент сегодня сказал на всю страну по телевизору: «Единой России», сказал, удалось не скатиться в популизм, брать на себя ответственные решения. Вот ведь — не хотели единороссы примазываться к победе нашей футбольной дружины над грозным Уэльсом, скрывали свое стратегическую роль в этом сражении, но тайное стало явным — в программе «Времена» на Первом канале!

Грызлов: «мы не побоялись взять эту ответственность на себя и порекомендовать тренера футбольной команды «Единая Россия» в качестве тренера футбольной команды сборной России. Я мог бы сказать также, что мы готовы взять ответственность и по другим постам, в том числе и министров в будущем правительстве».

В позапрошлом веке был такой Иван Александрович Хлестаков — тоже, кстати, из Петербурга. Он о себе прямо говорил: я везде, везде! Честно говоря, после симметричного заявления Бориса Грызлова я, на месте ЦИК, просто отменил бы выборы, и все! К чему эти формальности, когда страна, пройдя путем эволюции, вывела из пробирки милиционера, который вместе со своей партией готов взять ответственность и за футбол, и за портфели в будущем правительстве! Вы скажете, что ЦИК не может отменить выборы. Я тоже так думал, до минувшей среды. А в среду понял, что для ЦИКа нет вообще ничего невозможного.

Как сообщает издание «Газета», в минувшую среду на закрытом заседании рабочей группы Центральная избирательная комиссия пришла к выводу об отсутствии нарушений Закона о выборах в инициативе одного из лидеров блока «Родина», депутата Госдумы Дмитрия Рогозина, предложившего денежное вознаграждение за поимку чеченского полевого командира Шамиля Басаева. Рогозин пообещал выплатить за голову Басаева 15 миллионов рублей. Причем не из своего кармана, а из избирательного фонда блока, что и послужило поводом для жалобы в ЦИК.

Гражданин Басаев как предмет агитации, по моим наблюдениям, был уже использован не однажды. Четыре года назад как раз с его помощью народ сагитировали за Владимира Владимировича. Но в те поры Басаев был предметом агитации целиком, а потом пошел в дело кусками. Ступней боевика спецслужбы отрекламировали свои успехи в борьбе с терроризмом, а теперь вот, значит, его голова служит блоку «Родина». Правда, в данном случае ни Басаев головой, ни Рогозин деньгами практически не рискуют, потому что до выборов осталась неделя, но прецедент ЦИКом создан шикарный! Стало быть, отныне любой гражданин Российской Федерации может в порядке агитации заказать другого гражданина Российской Федерации. Причем еще и не за свои, а за казенные. Давно страна не шла навстречу пожеланиям трудящихся с такой скоростью...

Итак, до выборов еще неделя, но первые результаты уже имеются. В минувший понедельник радиостанция «Маяк» огласила итоги акции «Голосуем за

страну!». В трех городах: Владимире, Белгороде и Кыштыме Челябинской области, известных тем, что голосование в них совпадает с цифрами по стране, были проведены пробные выборы. И знаете, что получилось? Совсем не то, что в ту же неделю получилось по социологическим опросам. У «Единой России» при подсчете вышло на 4% побольше, а у коммунистов — на 9% поменьше. И как это так получилось — черт его знает... В мире вообще много удивительного. Например, по данным другого опроса, россияне считают, что в предвыборных дебатах лучше всех выступает «Единая Россия». А она в них даже не участвует! Но почему-то у россиян сложилось твердое впечатление, что Грызлов с компанией все время живут в телевизоре — и очень успешно за себя агитируют. И почему у них сложилось такое впечатление — черт его знает...

Пока партии вытрясали проценты из электората, Кремль продолжал свою неравную битву с коррупцией. Владимир Владимирович Путин организовал при себе самом Совет по борьбе с этой самой коррупцией — во главе с премьер-министром и двумя спикерами. Чрезвычайно действенная штука. Ну, вы понимаете. Общество колорадских жуков в борьбе за урожай. Орган тихий, рекомендательный, расследований вести не будет, рассматривать конкретные факты не будет. А что он будет? Ну, так... собираться. А как часто он будет собираться? На этот счет в документе дано указание совершенно категорическое: «по мере необходимости». Ну, между нами: если «по мере необходимости», то они, рабы божьи, вообще наружу выходить не должны.

На минувшей неделе все еще немножко сдвинулось в правильную сторону, особенно — по части образования. Министерство этого самого образования поставило вопрос об изъятии из учебного процесса учебника по новейшей истории, в котором, по недосмотру, а может быть, даже и вредительству, имелись две цитаты.

По информации сайта newsru.com, Министерство образования приняло решение об отзыве грифа министерства со школьного учебника истории под авторством Долуцкого. Причиной такого решения стали содержащиеся в учебнике высказывания Юрия Буртина и Григория Явлинского об установлении в России в 2001 году режима личной власти Путина и оформлении полицейского государства. Учащимся предлагалось подтвердить или опровергнуть эти мнения.

Стоит заметить, что своим служебным рвением из-за пары оппозиционных цитат министерство образования как раз и подтверждает наблюдение о приходе полицейского государства, но, как бы то ни было, от жизни авторы учебника, безусловно, отстали. Прошло время подтверждать или опровергать — настало время учить наизусть и знать назубок! Впрочем, чем хорош наш нынешний президент? То есть он всем хорош, но чем он хорош более всего? Он у нас равноудаленный; типа бога Зевса, который смотрит на все сверху и сильно сбоку, но уж если фиганет молнией, то мало не покажется. Вот и с этим учебником — Путин свою равноудаленность вынул и тут же всем показал.

Путин: «Современные учебники, особенно учебники для школ и вузов, не должны становиться площадкой для новой политической и идеологической борьбы».

В развитие этой мысли президент России тут же заметил, что «необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслоились». Да! Недопустимо

впутывать детей в политику — и мы этого не допустим! А надо говорить детям правду, в особенности обращая внимание на то, чтобы снимать шелуху и пену. Вот, например, так (цитирую): «Все мальчишки и девчонки знали, что Володя Путин настоящий друг и на него можно положиться. (...) Потом Володя вырос, и друзей у него стало много — целая страна Россия, и они выбрали его в президенты. И теперь все говорят: «Россия, Путин, "Единство"...». Конец цитаты. И портреты, портреты... Из людей — Путин с Грызловым, а из животных все больше почему-то медведь... Эту книжку, предварительно сняв шелуху и пену с тиража 40 тысяч экземпляров, партия «Единство» раздавала первоклассникам в школах Санкт-Петербурга. Чтобы не впутывать их в политику, а сориентировать в ней. И как-то пока бог миловал, и министерство образования не протестует, и Владимир Владимирович — уж на что суровый человек, а терпит...

И последнее. На минувшей неделе два американских сенатора (причем один из них, как назло, по фамилии Либерман) предложили исключить Россию из «большой восьмерки». Им, видите ли, показалось, что в последние годы Россия отошла от демократических принципов — и они, значит, предлагают снова переместить нас из-за господского стола на кухню... Вот — сенаторы, а простых вещей не понимают! Мы ж не какая-нибудь Ливия, чтобы от нас нос воротить — нас, в любом нашем состоянии, нужно держать при себе из чувства самосохранения. И кормить по-господски, чтобы мы часом не обиделись, и поддерживать всячески. Потому что ежели мы упадем, то уж напоследок скатерть на себя потянем, это будьте-нате. Счастья вам...

05.12.2003

Здравствуйте! На волнах «Эха Москвы» — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Как хорошо известно всем, кто успел пожить при развитом социализме, сырок — это нечто не слишком существительное, но очень хорошо прилагательное — к выпивке. Оттого по мере приближения к коммунизму и становился он все ближе народным массам. На трезвую голову коммунизма не построишь; сильно трезвому человеку такая мысль даже в голову не придет! То же самое в текущем историческом периоде — чем шире единство партии и народа, тем раньше стоит начинать. А тут уже вечер, а мы ни в одном глазу. Ну, понеслась... Теперь, значит, можно попробовать навести глаза на резкость. Чего там еще хорошего настрогали слуги народа? А вот! Государственная Дума третьего созыва, напоследок, худого слова не говоря, одержала победу в войне с терроризмом.

Сенсационное решение приняла нижняя палата парламента на своем последнем заседании. По предложению депутата Райкова (Народная партия) Дума разрешила правоохранительным органам задерживать на тридцать суток без предъявления обвинения любого человека, подозреваемого в террористической деятельности. Еще в марте этого года с такой идеей выступил министр внутренних дел Борис Грызлов, сообщают СМИ. В прошлый раз этот Райков предлагал сажать гомосексуалистов, но, видать, расширил сферу заботы о народе. Теперь ежели чего не так — ну, например, лицо твое милиционеру не понравилось, или ты вышел на улицу брюнетом, без паспорта, и денег менту за это давать не

хочешь, или вообще оборзел и отказываешься платить за крышу... Короче, по первому зову милицейского сердца берут тебя за теплые места и на месяц сажают в КПЗ, подумать о своем поведении. А за месяц в КПЗ ты сам поймешь, что ты террорист! А сам не поймешь, помогут. Найдут патроны в кармане или взрывчатку в багажнике — сами положат, сами и найдут, в первый раз, что ли? Впрочем, это грязноватая практика, а депутаты люди чистые, наивные, откуда им что знать про Родину? Они, птички божьи, спели дежурную песенку про борьбу с терроризмом — и с чистой совестью пошли на дембель. Только, напоследок, загадили родную законодательную ветку до самого ствола.

По сообщению газеты «Столичная», в секретариате Государственной Думы предпринимаются меры для того, чтобы не допустить в парламенте пьяных драк и массовых потасовок. «Многие технические работницы, — рассказал газете один из сотрудников думской службы охраны, — жалуются, что после 18 часов по коридорам шастают какие-то малоодетые люди, раздаются пьяные выкрики, слышны подозрительные шумы. Пахнет водкой и колбасой. Уборщицы едва не плачут: мусорные ведра в туалетах на всех этажах забиты пустыми бутылками, и вообще, им страшно».

Странные люди эти уборщицы: пьяных малоодетых они боятся, видите ли... А этих же господ, стрезва голосующих за ввоз в страну ядерных отходов, они, видите ли, не боятся! Впрочем, кто старое помянет, тому глаз вон, а у думских уборщиц одна надежда — на новый состав Государственной Думы. Избрать, что ли, правда, каких-нибудь швейцарцев, чтобы не блевали по месту работы? Ну, это когда-нибудь... не теперь. А теперь (буквально послезавтра) — выборы тех же самых, через то же самое законодательное место. И уверенность в послезавтрашнем дне у меня абсолютная, потому что партия и правительство не пустили избирательный процесс на самотек — держат руку на пульсе демократии так, что пульс уже почти не прощупывается.

По сообщению агентства «Регионы России», полпред президента в Северо-Западном Федеральном Округе Илья Клебанов во время встречи с руководителями областных СМИ во Пскове заявил, что губернатор и чиновники областной администрации имеют право активно использовать административный ресурс в поддержку кандидата от «Единой России», так как (цитирую) «партия «Единая Россия» — единственная политическая сила, способная консолидировать общество для выполнения задач, поставленных президентом России».

Главное — перестать стесняться. И эта задача, кажется, уже решена. А к сведению тех, кто, по старой демократической галлюцинации, захочет подать на президентского полпреда в суд, сам этот полпред — там же, во Пскове — сообщил по другому предвыборному поводу: «Мы суду укажем жестко. Укажем и прокуратуре». Это ненавязчивое «мы» рисует такие светлые перспективы, что я бы посоветовал всем как можно скорее, пока поезд не ушел, побороть брезгливость и вскочить на подножку. Правда, уже и не больно подберешься к этой подножке — там, у руководящего вагона, толчея жуткая... Неделю назад в Москве, в Лужниках, прошел Второй форум сторонников Единой России. На халяву в этот ноев ковчег набилось молодежной фауны, плюс звезд российской эстрады каждой твари по паре — Лещенко с Бабкиной, Варум с Расторгуевым, Гребенщиков с кармой! Последний, правда, пил чаек с Грызловым в

телевизионном варианте (давно, поди, мечтали посидеть, поговорить, и вот — только под выборы получилось; встретились два одиночества). А потом Борис Грызлов вышел на сцену живьем и возговорил человеческим голосом: «Ситуация в стране улучшается, у многих работников глаза горят оптимизмом, потому что есть работа, есть зарплата».

Как пишет «Независимая газета», ссылаясь на данные Госкомстата, за первую половину 2003 года население России сократилось почти на полмиллиона человек; но за счет россиян, родившихся в начале восьмидесятых годов, рост электората за тот же период может составить около 300 тысяч человек. «Независимая газета» отмечает, что эти данные существенно расходятся с данными Центральной избирательной комиссии: по ним число избирателей только за вторую половину года выросло почти на 2 миллиона человек.

Математика — гадкая наука! Какой вредитель придумал сверять цифры? Сказали вам: прибавилось два миллиона избирателей, значит, прибавилось два! Народ мрет, электорат ширится! Гоголя, что ли, не читали? У нас седьмого декабря как раз ревизскую сказку заполнять будут на благо народа, а вдруг чего не так? Вдруг какая-нибудь политически несознательная цифра чего-нибудь неправильное покажет? Тут разом и встанут два миллиона избирателей — плотник Степан Пробка, дядя Михей, Максим Телятников, сапожник, Елизавет Воробей... — и разом проголосуют за. Кстати, про их хрестоматийного барина Чичиков заранее заметил, что тот похож на медведя... Ой, Русь-тройка, куда несешься ты? Дай ответ. Седьмого числа числа — даст.

На минувшей неделе продолжилась история с опальным учебником истории. Проклятую книжицу Министерство образования ликвидировало в считанные дни, но тут же встал главный вопрос: простая ли это была халатность или диверсия? Началось служебное расследование, и, находясь по этому поводу в мокрых штанах, министерство во главе с министром Филипповым, на прошлой неделе обцеловавшее Первое лицо ниже ватерлинии, продолжило свой патриотический намаз.

В минувший вторник в министерстве образования в ходе обсуждения выполнения государственной «Программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации» министр Филиппов предложил включать в школьную программу лишь те учебники по истории и литературе, которые пройдут экспертизу на патриотизм. Экспертизу будут проводить специалисты из Института военной истории.

Почему в России любовью к Родине заведуют военные — давняя загадка для штатских народов, населяющих землю вокруг нашего богом помеченного государства. А ничего сложного. Штатский гражданин — субъект заведомо подозрительный, ибо частная любовь к Родине легко может принять недопустимые антигосударственные формы. Примеров пруд пруди. Герцен, как последний Березовский, гадил из Лондона законно избранному государю; Чаадаев вообще договорился до того, что не готов любить Родину с закрытыми глазами. Одно слово: сумасшедший. Да только зажмурившись и надо ее любить! А всего правильнее любить Родину, находясь на довольствии. Тогда вообще никуда не денешься, залюбишь ее как миленький вместе с главноко-

мандующим. И детей в шеренгу построить заранее, чтобы привыкали, сволочи, любить Родину дисциплинированно, по команде сверху.

Но вернемся в текущий предвыборный момент. Момент — ответственный, и по такому случаю Родина объявила полную мобилизацию. Даже дети не остались неоприходованными: давеча в школы Петербурга поступила телефонограмма из Смольного...

Как сообщил СМИ председатель думского Комитета по образованию и науке Александр Шишлов, телефонограммой из Смольного петербургским школьникам предписывалось написать сочинение на тему «Значение выборов в Госдуму для России, Петербурга и моей семьи». В этом сочинении ученики должны были, в частности, ответить на вопрос о «гражданской позиции» своих родителей и высказать свое мнение о том, «помогут ли выборы нового состава депутатов президенту в его работе».

Барышня! Дайте, пожалуйста, Смольный. Смольный? Это Морозов Павел Тимофеевич из седьмого «Б». Запишите телефонограмму. Моя мама собирается голосовать за «Яблоко», а папа — за КПРФ. Они чего-то совсем не хотят помочь президенту в его работе. Прошу принять меры...

Нетрадиционные способы решения задач, поставленных партией и правительством, характерны не только для Смольного. Далеко-далеко от родины Путина на минувшей неделе укрепляли обороноспособность. Хотя насчет нетрадиционности метода — это как сказать...

В Северо-Кавказском военном округе на довольствие будут поставлены ослы, сообщает газета «Известия». Эти животные станут перевозить грузы во время проведения спецопераций в горной Чечне. «Есть мировой опыт использования ослов в других странах, например, ограниченным контингентом советских войск в Афганистане, — прокомментировал это решение начальник пресс-службы Северо-Кавказского Военного Округа полковник Конашенков. — Нас жизнь заставила идти на такие меры».

Жизнь — она чего только не заставит. Впрочем, никто не обещал, что будет легко... Зато когда имеешь дело с ослами, да еще в Министерстве обороны, можно быть более или менее уверенным в завтрашнем дне. Не знаю, те ли это ослы, что были в Афганистане, но похоже на то. Похоже и на то, что результаты будут столь же блестящими...

И напоследок — несколько слов о кропотливой работе закона. Три месяца напролет министерство юстиции проверяло Санкт-Петербургский комитет солдатских матерей на предмет соответствия их деятельности уставным требованиям. И обнаружило серьезные нарушения...

Как стало известно корреспондентам радиостанции «Эхо Москвы», министерство юстиции вынесло предупреждение Санкт-Петербургскому комитету солдатских матерей. «Во время проверки деятельности комитета были обнаружены плакаты и изображения религиозного характера. В частности, в одной из комнат на стене имеется крест и алтарь, что свидетельствует о религиозной деятельности организации и не соответствует уставным требованиям общественного объединения», — говорится в предупреждении Министерства юстиции.

Попался, бандитский Петербург! Крест и алтарь — только одно из множества серьезных нарушений, обнаруженных проверкой минюста в этом гнезде питерской преступности, комитете солдатских матерей. Закон есть закон: за православный крест, не предусмотренный уставом, можно и двери опечатать! Но в целом отношения с небесами у нашей юстиции сложились. За самого Господа не поручусь, но, по крайней мере, с божьими посредниками — отношения самые приватные. В минувший понедельник премию «Человек 2003 года» получил Генеральный прокурор Российской Федерации Владимир Устинов.

Как передает корреспондент РИА «Новости», на церемонии награждения, которая прошла во вторник в Храме Христа Спасителя, Владимир Устинов поблагодарил за вручение награды и сказал: «Наведение порядка и возрождение государства возможно только через повышение духовности. А повышение духовности может быть только через служение Богу».

Вы Устинова в лицо хорошо себе представляете? Там святость, конечно, пробивается помаленьку, но до лица еще не дошла. Впрочем, все свои. И Храм этот, где выступал наш Генеральный, строился не без рэкета, и Патриархия светскими промыслами не гнушается... Так что всё у них там, по-своему, вполне гармонично сложилось, прости Господи... Счастья вам!

12.12.2003

Здравствуйте! На волнах «Эха Москвы» — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Как говорится, в первых строках — мои поздравления по случаю очередной победы демократии. Про такого рода волю народа один из жильцов знаменитой «Вороньей слободки» приговаривал, поливая бензинчиком родное жилье: как пожелаем, так и сделаем! Помнится, летом девяносто шестого, когда мы готовились голосовать внутренностями, одна белорусская журналистка, в ужасе от грядущего народного волеизъявления и совершенно не желая шутить, произнесла великую фразу. «Разве можно, — сказала она, — доверять народу такую вещь, как выборы?» Ее родная Белоруссия к тому времени уже успела наесться народным выбором по самое не могу; и вот мы, кажется, догоняем помаленьку... Однако — к делу!

В минувшее воскресенье старый народ избрал себе новую Думу. Не знаю, как вы, а я уже почти неделю нахожусь в сильнейшем предвкушении. Даром, что ли, три месяца напролет я ездил мимо плаката семь на восемь с портретом Глазьева и его обещанием вернуть народу богатства Родины! И вот они победили, и возврат, надо полагать, начнется в самое ближайшее время. Глазьев со своими товарищами Рогозиным и Варенниковым будут ходить вечером по улицам, и кого победнее отловят — сразу начнут возвращать ему богатства Родины. Кстати, многие россияне давно интересуются, что это такое за блок «Родина», откуда он взялся и почему называется не КПРФ, — потому что лица, действительно, примерно те же, и речи иной раз — тютелька в тютельку. Однако ж разница — существенная! Блок «Родина» тоже хочет все отнять и поделить, но делить они будут без Зюганова.

А вообще — удивительно... Новая политическая карта Думы — только из типографии, а как представишь лица — батюшки святы: девяносто третий год! Хасбулатова только не хватает, а так: Бабурин тут, батька Кондрат — тут, Ма-

кашов — как живой... От Жирика вообще не продохнуть. Примерно это, видимо, имел в виду председатель Центризбиркома, когда пытался пересказать своими словами мнение международных наблюдателей о наших выборах.

Вешняков: «Они серьезно изменили немножко политическое лицо России»

Серьезно измененное немножко политическое лицо России (с параличом на всю правую сторону) понравилось не всем, но уже наутро после голосования правильную точку зрения на произошедшее сформулировало первое лицо страны, не забыв надеть на это свое лицо равноудаленное выражение.

Путин: «Главный вывод заключается в том, что это еще один шаг в укреплении российской демократии. Те аналитики, которые обратили внимание на это обстоятельство, безусловно, правы».

Хорошо, когда президент лично определяет, какие аналитики правы, а какие нет. Потому что народ — он ведь, козлина такая, пока его не сориентируешь, слушает всех аналитиков подряд, а многие заметили про эти российские выборы нечто отличное от путинского «укрепления демократии»...

В заявлении ОБСЕ, опубликованном на минувшей неделе, говорится: «Выборы в Государственную Думу не соответствовали многим обязательствам, принятым странами — членами ОБСЕ и Совета Европы в отношении демократических выборов. Предвыборный процесс характеризовался широким использованием административного ресурса и фаворитизма СМИ для проведения агитации в пользу самой крупной пропрезидентской партии, что привело к апатии избирателей».

«Основное впечатление от всего избирательного процесса можно охарактеризовать как регресс демократии в России», — заявил, комментируя заявление, член Парламента и Президент Парламентской Ассамблеи ОБСЕ Брюс Джордж. В целом наблюдатели классифицировали прошедшие выборы как выборы свободные, но нечестные...

Понимаете, в чем эволюция? Раньше, при советской власти, нас обманывали как рабов — теперь, при демократии, имеют как свободных людей. С точки зрения ОБСЕ, это несомненный прогресс, а я считаю: негоже нам вообще играть по этим правилам! Ну что такое, скажите на милость, 37 процентов для правящей партии? Так ведь недолго скатиться до какой-нибудь Швейцарии, где чиновник бедствует, обыватель голосует за кого хочет, избирком президента в упор не видит, а у правящей партии процентов с гулькин нос. Для того ли Грызлов мерз на футболе и улыбался Гребенщикову; для того ли Шойгу в собственный отпуск, вместо Лазурки, мотался по Сибири? Для того ли Путин специальной улыбкой, огромным напряжением воли, четвертый год держит в мокрых штанах областное начальство и федеральное телевидение? Для того ли, говорю, нужны были все эти сверхчеловеческие усилия, чтобы получить 37 процентов? Вот Туркмен-баши, практически не выходя из гарема, имеет 99% и хорошо выглядит, а на нашем уже лица нет. Потому что попробуй вместо гарема каждый день иметь федеральную вертикаль! Утомительная эта штука — управляемая демократия... В общем, надо уже как-то определяться: либо ползти в сторону Швейцарии, либо плюнуть на них на всех и забабахать себе пожизненный срок по просьбе трудящихся. И мне кажется, что там, на руководящих высотах, с направлением развития уже помаленьку определились...

Выступая в эфире телекомпании НТВ, глава партии ЛДПР Владимир Жириновский, подводя итоги прошедших выборов, заявил, что Россия может существовать только в условиях фактической монархии и подавления демократических свобод. Вице-спикер отметил ненужность для России института независимого правосудия и независимых СМИ — и призвал всех, кто с этим не согласен, уезжать из страны.

Насчет отъезда — после прихода во власть такой «Родины» словосочетание «выбор страны» звучит, действительно, довольно двусмысленно. А Жириновский — если не золотой, то жареный петушок российской демократии: он зря кукарекать не будет. Этот флюгер особой чувствительности поворачивается заранее, от перепада давления... Так что насчет монархии, уверяю вас, пропел Вольфович не даром. Как говорится, следите за руками. В новой Думе конституционное большинство намечается, а Конституция у нас дама простая, доступная: ее на другой бок повернуть — было бы желание.

Но вернемся к нынешнему думскому пейзажу. Для демократов пейзаж получился — не то чтобы Левитан, а скорее Верещагин... Апофеоз пиаровской войны. Впрочем, судя по счастливому лицу Явлинского в ночь на понедельник, это был один из лучших дней в его жизни, потому что удалось надрать уши Чубайсу, а это уже давно стало смыслом жизни. И то сказать: демократии в России все равно кердык, так хоть получить удовольствие...

Наступление новой политической эпохи страна отпраздновала утром девятого декабря, у гостиницы «Националь». К сожалению, никто так толком и не смог рассказать этим приезжим женщинам, как пройти к Думе, поэтому опять погибли люди. Теракт готовился давно, и отдельные провокаторы из журналистского цеха позволили себе поинтересоваться, чем были заняты все это время всевозможные грызловы-патрушевы. Неуместный вопрос! Самыми насущными вещами они были заняты. Патрушев с товарищами-чекистами гноил шпиона Сутягина и доводил до инфаркта шпиона Бабкина, а также участвовал в соревнованиях по плаванию среди силовиков — и выплыл четвертым. Кто скажет, что ему не стоило выплывать вообще, пусть выйдет на Лубянку и первый бросит в нее камень. Что же до Грызлова, то он остаток жизни положил на федеральный список «Единой России» и как раз за пару дней до теракта победил недругов России. И не стоило отвлекать такого человека сообщением про каких-то шахидок в пяти минутах от Кремля... Главное — в Кремль же не вошли! Значит, все в порядке. А что касается решения чеченской проблемы — на минувшей неделе в ход пошли нетрадиционные методы.

Президент Олимпийского комитета России Леонид Тягачев займет пост представителя республики Чечня в Совете Федерации — об этом стало известно на минувшей неделе. «Моя работа в качестве сенатора от Чечни будет заключаться прежде всего в том, чтобы через спорт, через связи Олимпийского комитета с Международным олимпийским комитетом (...) содействовать укреплению мира в Чечне», — сказал Тягачев в интервью корреспонденту газеты «КоммерсантЪ».

О спорт, ты, конечно, мир, но я не предполагал, что до такой степени... Но что если и при сенаторе Тягачеве главной дисциплиной в Чечне останется подрывное дело? Что если инвалид Басаев не проникнется принципами па-

раолимпийского движения? Я думаю, надо заранее продумать этот вопрос — и на случай, если обломаемся со спортом, начать готовить в сенаторы от Чечни, ну, допустим, Олега Газманова: может, мир придет в Чечню через музыку? Или через вязание крючком? Какой-то же путь к миру в Чечне должен быть! Главное, чтобы не через переговоры с Масхадовым... этот вариант даже не рассматривается.

Однако ж, война войной, но и о хлебе насущном забывать никак нельзя! А никто и не забывал. Причем для руководящего состава хлеб насущный чаще всего бывает с маслицем...

Сенсационный поворот принимает «дело армейских снабженцев», рассматриваемое в гарнизонном суде Ростова-на-Дону, сообщает издание «Газета». Группа высокопоставленных офицеров тыловой службы обвиняется в том, что они закупали для нужд армии некондиционные товары и лоббировали своих поставщиков, имея определенный процент с каждой сделки. По данным следствия, выбор фирм-поставщиков фактически осуществлял генерал Трошев, в ту пору командовавший Северо-Кавказским Военным округом, а контролером закупок была жена генерала, Лариса Трошева.

А вы говорите: война в Чечне... Тут главнее вопросы имеются! Кстати, для тех, кто не в курсе: в начале этого года, как раз в разгар следствия по делу снабженцев, где так удачно всплыло имя генерала Трошева, он был снят с Округа и назначен советником президента по делам казачества. Тоже неплохая амбразурка, чтобы полежать на ней, пока Родина в опасности... Когда я служил срочную, у нас в образцовой роте проворовался прапорщик — так его, в наказание за это, перевели начальником столовой... И чего я об этом вспомнил — ума не приложу! Но вообще, насчет того, чтобы взять то, что плохо лежит, у государства у самого тоже губа не дура. И, конечно, от последних событий в Грузии у двуглавого орла сразу потекла слюна, и непосредственно в Черное море...

На минувшей неделе российский МИД облегчил визовой режим для жителей Аджарии. Как заявил министр обороны Российской Федерации Сергей Иванов, это было сделано «в связи с тем, что руководство Аджарии гарантировало, что с ее территории террористы в Россию проникать не будут». С Грузией решение о выборочном смягчении визового режима согласовано не было.

Тут что замечательно? Изменение визового режима с Аджарией прокомментировал совсем не тот Иванов, который вроде бы должен был это сделать. И правильно. Хрен с ней с дипломатией, пускай грузины лишний разок взглянут в лицо нашей военке! Молодцы наши стратеги! Уж не знаю, чья именно идея (там спиноз как тараканов), но идея — отличная! Прикормить Аджарию и, пока в Тбилиси в очередной раз не вернулся к власти Шеварднадзе, потихоньку оттяпать себе кусочек черноморского побережья... Отличный план — правда, не новый: десять лет назад мы уже почудили в Абхазии. Тогда на нашей стороне, помнится, еще воевал такой Шамиль Басаев... Дивное было время! Раскурочили Абхазию на пару с грузинскими товарищами, потом под шумок начали выдавать населению российские паспорта... Но вообще-то мы с сепаратизмом боремся! Не верите — спросите у Путина.

И напоследок еще пара слов на главную тему недели. Как сообщает сайт grani.ru, столичный департамент образования рекомендовал московским школам, в помещении которых накануне проводилось голосование, в понедельник отменить занятия и организовать санитарную обработку помещений. И знаете: тут я полностью согласен с московскими властями! После такого выбора народа — дезинфицировать надо по полной программе. Еще бы урны избирательные хлоркой залить, а то там за воскресенье такого набралось... Счастья вам.

19.12.2003

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Уже вторую неделю живем мы после выборов, и жизнь налаживается помаленьку. Один англичанин почти век назад заметил: демократия — это гарантия того, что вами не будут управлять лучше, чем вы заслуживаете. По-русски говоря, как потопал, так и полопал. Где крестик поставил, оттуда народовластие и получи. Вот только многие россияне этой зимой почему-то полагают, что их крестики здешняя подслеповатая демократия потеряла при подсчете. Откуда такое недоверие к оптическим способностям Центризбиркома, ума не приложу! И вот, спустя неделю после выборов, чуткое начальство, терпеливо и благосклонно выслушав все упреки, решило развеять сомнения — и раскрыло нам, мнительным обывателям, секреты мастерства.

В интервью газете «КоммерсантЪ» глава Центризбиркома Вешняков прокомментировал существенные расхождения в данных о количестве избирателей (напомним, что в день выборов в Государственную Думу разница в цифрах на официальном сайте Центризбиркома доходила до двух миллионов человек). «Математической точности и чистоты здесь быть не может...» — сказал глава Центризбиркома.

Помните старый анекдот про грузинскую школу? Сколько будет дважды два? Десять. Нет, не десять! А сколько? Ну, так, семь-восемь... Да уж. Особой математической точности от Центризбиркома ждать, конечно, не приходится. И не дай бог появится математическая точность, потому что — ладно бы число избирателей, но и сами результаты голосования, между нами говоря — довольно сволочная задачка, и с ответом не сходится категорически... Смотрите. Дано: у партии «Яблоко» при подсчете голосования за Уралом было 4,2%. Потом за эту партию в Москве и Петербурге проголосовали 10% избирателей (что в абсолютном пересчете равно целому проценту во всероссийском масштабе). Спрашивается: сколько процентов набрала партия «Яблоко»? Смотрим в ответ, а там — практически то же самое, что было до Урала... Нет, не русское это дело — точный счет. Мильоны вас — нас тьмы, и тьмы, и тьмы! Немцы пускай цифры в столбик складывают; американцы, если больше делать нечего, нехай хоть месяц вручную Буша от Гора отделяют. А мы, пожалуй, отдадимся во власть вдохновения! У художников уровня Вешнякова все решает интуиция: они результат выборов чувствуют душой, иногда даже заранее...

Россия — страна большая, и гулкое эхо от седьмого декабря разносится по ней постепенно. На минувшей неделе, как то гоголевское колесо, докатилось оно и до Казани. Как сообщают корреспонденты нашей радиостанции, прези-

дент республики Татарстан Минтимир Шаймиев, отвечая на вопрос местного депутата об использовании во время выборов в Государственную Думу административного ресурса, сказал: «Административный ресурс как никогда слабо использовался на этих выборах...».

Как говорилось в старой пьесе Шварца: молчите, принцесса, вы так невинны, что можете сказать страшные вещи! «Как никогда слабо...» использовался в Татарстане административный ресурс, поэтому «Единая Россия» и набрала там всего 60%. Сама проникла в мозги... Впрочем, в этой духовно-административной телепатии нет ничего удивительного. Еще несколько лет назад, когда весь мир еще только искал ответ на вопрос «Who is m-r Putin?», Минтимир Шаймиев ответил на него почти исчерпывающе: «Он, — сказал про Путина Минтимир Шарипович, — хочет, чтобы в России стало так же, как в Татарстане».

А по соседству, в Башкирии, грядет второй тур выборов президента республики. На самих башкир особой надежды нет — им дали шанс, но они не смогли переизбрать своего дорогого президента в первом туре! После этого все люди доброй воли просто обязаны были поддержать г-на Рахимова в его нелегкой схватке с распоясавшимся электоратом... Как никогда слабо включила административный ресурс Москва перед вторым туром! То есть, практически, с гулькин нос было того ресурса: ну, встретился с президентом Башкирии президент России, ну, прилетели в Уфу полпред президента, вице-премьер по социалке и замглавы президентской администрации, ну немножко поотрывали они конечности конкуренту; тот на радостях даже закрыл свой избирательный штаб за неделю до второго тура... Но в целом — очень честные выборы! То есть, как никогда.

Тем временем в Москве СПС и «Яблоко» продолжали поиски единого демократического кандидата для грядущих президентских выборов. Главные параметры, которым должен был соответствовать этот смертник, сформулировал политсовет СПС.

По информации издания «Газета», выступая на пресс-конференции, посвященной итогам состоявшегося накануне политсовета партии, Борис Немцов, в частности, сказал: «Наш единый кандидат не должен ходить в Кремль и согласовывать там свои действия». От ответа на вопрос, какие именно кандидатуры рассматриваются в настоящий момент, лидеры СПС уклонились, объяснив это так: «Если мы назовем фамилии, есть большая вероятность, что и они откажутся». Напомним, что ранее стать кандидатами в президенты от правой оппозиции уже отказались президент Чувашии Николай Федоров и депутат Владимир Рыжков.

Н-да, задачка... Найти известного российского либерала, который не ходил бы договариваться в Кремль... Да где ж такого взять? Разве что позвать Новодворскую... Остальные-то наши демократы за зубчатой стеной днюют и ночуют. А которые перестают там дневать-ночевать, очень скоро выбывают из политического процесса, а особо инициативные вообще переселяются в Бутырки или Матросскую тишину. Византия, знаете ли... Так что очень хорошо понимаю и Федорова, и особенно Рыжкова — ну его на фиг, это кандидатство в президентство! Жизнь только начинается, зачем ею рисковать?

Но у всего в жизни есть оборотная сторона. Озадаченный собственным успехом, Кремль в некотором беспокойстве начал сам искать себе правую оппозицию. Потому что совсем без нее — вы ж понимаете, перед Европой неловко, а тех правых, которые поодиночке, по недосмотру электората, просочились в Думу, для фракции маловато. Придется Кремлю мигнуть «единороссам» — пускай уж выдавят из себя пяток-другой демократов понадежнее и отдадут с барского плеча на правый фланг. Но уж насчет независимости этой будущей оппозиции — миль пардон! Предмет декоративный, чисто для дизайна, как пальма в кадке. Будет правильно расти — будут поливать...

Теперь — новости большой экономики. Кажется, подходит к финалу давняя история слияния двух крупных российских нефтяных компаний в одну крупнейшую. По сведениям газеты «КоммерсантЪ», на минувшей неделе был сделан первый шаг к мирному расторжению сделки по слиянию компаний «ЮКОС» и «Сибнефть». По итогам переговоров решено, что инициатор расторжения сделки — фирма «Сибнефть» — не будет выплачивать «ЮКОСу» предусмотренную договором компенсацию в размере один миллиард долларов. «Таким образом, единственным итогом несостоявшейся сделки стали более чем три с половиной миллиона долларов, заработанные Романом Абрамовичем за каждый месяц его кредитования «ЮКОСом», — пишет газета.

Ах, как интересно, все-таки: почему «ЮКОС» не стребовал с Абрамовича миллиард долларов США? Какие версии, товарищи? Может, правление «ЮКОСа» просто забыло про этот миллиард? Или внезапно прониклось к владельцу «Челси» и простило по доброте душевной? Надо срочно придумать какую-то версию поприличнее, а то знаете, что говорят отдельные циники? Они говорят, что вопрос о выплате того миллиарда был в процессе переговоров удивительным образом завязан с вопросом о том, совсем ли забасманят Ходорковского и его кампанию в независимом суде, или — есть шансы... Короче, вы поняли: деньги надо вкладывать не в нефтедобычу, а в Кремль. Как показывает практика — самый прибыльный бизнес. Пробурить скважину в районе Георгиевского зала — и делать с конкурентами, что хочешь... Впрочем, желающих поучаствовать в этой добыче — пруд пруди. И уж коли любовь к Отечеству сегодня требует мочить Ходорковского, то — будьте любезны!

На минувшей неделе налоговая служба начала масштабную проверку благотворительного общества «Открытая Россия», финансируемого «ЮКОСом». Одновременно выявлены нарушения природоохранного законодательства в работе добывающих предприятий «ЮКОСа». По словам руководителя природоохранной прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа Александра Калиберды, эти нарушения могут послужить поводом для ходатайства об отзыве лицензии на разработку месторождения.

О да! Благотворительное общество, с помощью компании «ЮКОС» финансирующее правозащитное движение и образовательные программы — разумеется, главный источник сокрытия налогов. И, конечно, именно «ЮКОС», один из всех нефтедобытчиков, нарушал природоохранное законодательство, и как раз сейчас это обнаружилось... Знаете, по моим наблюдениям, Фемида — она у нас слепая-то слепая, но наощупь тоже очень неплохо ориентируется.

Для нее ведь главное что? Правильно, интересы Родины! Тут крайне важно не дать себя отвлечь провокационными вопросами... Комментируя многочисленные заявления о том, что в связи с делом «ЮКОСа» из России «бежит капитал», Генпрокурор Российской Федерации Владимир Устинов в интервью журналу «Итоги» заявил, что большая часть капиталов крупных российских компаний и так находится за рубежом...

Вот! Это называется государственный подход. Все равно бизнес драпает от нашего басманного правосудия и путинской равноудаленности — так не будем же отвлекаться, а будем мочить зазевавшихся на Родине.

Но, слава богу, не все у нас в стране проходимцы и олигархи — есть и честные люди. В основном это чиновники. В минувший понедельник в Москве прошла инаугурация московского мэра Юрия Лужкова, в очередной раз победившего всех желающих. Прямо во время этой процедуры Юрий Михайлович сделал программное заявление.

Лужков: «Мы должны сделать все, чтобы власть стала честной и более прозрачной».

Знаете, я ушам не поверил. Неужели можно сделать московскую власть еще честнее, чем сейчас? По-моему, они и сейчас честные уже невмоготу; просто какое-то сборище святых... А прозрачность такая — не знаю, как вы, а я давно вижу их насквозь! И, наконец, по части заботы о людях московские власти — все как одна — делают что могут! Иногда просто диву даешься, что они могут...

Агентство «Интерфакс» сообщает: в минувший четверг Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу Аллы Алякиной, одной из пострадавших от теракта на Дубровке, и увеличил сумму компенсации, определенную ей Тверским межмуниципальным судом, на две копейки. В отношении остальных истцов решение Тверского суда оставлено без изменения.

Людей в Москве, действительно, хоть завались: больше ли их на 130 человек, меньше ли... Баловать оставшихся — грех! Выписал вам Тверской межмуниципальный 614 рублей 53 копейки за потерю кормильца — скажите спасибо! Другое дело, например, пчелы. Их мало, и спасение оставшихся требует немедленных капиталовложений, и капиталовложения эти не за горами: в минувший вторник мэр Москвы потребовал включить своих маленьких жужжащих друзей в новый экологический проект по восстановлению в столице редких видов растений и животных, а прежний проект, без пчел — завернул.

Теперь (делать нечего) поговорим о славных днях Кавказа... Всю неделю продолжалась охота чеченских боевиков в Дагестане — и охота за ними федеральных сил. Видимо, эти семьдесят боевиков были из числа тех последних четырех-пяти боевиков, о которых недавно говорил Ахмад Кадыров. Другую версию произошедшего изложил спикер Миронов. Строго его не судите — последний интеллект Сергей Михайлович израсходовал на предвыборную кампанию...

Агентство РИА «Новости» сообщает: спикер верхней палаты Сергей Миронов объяснил сложности с поимкой боевиков в Дагестане тем, что боевики находятся в «очень труднодоступном горном районе». «Кроме того, — сказал

спикер, — до конца еще не понятны их цели — то ли группа боевиков заблудилась, а шла по другим делам, то ли это была их целенаправленная акция. Поэтому я бы пока не торопился делать выводы».

Ума верхняя палата наш Сергей Михайлович! Я давно подозревал, что в спикеры просто так, с бодуна, не назначают. Не знаю, право, смею ли комментировать мнение такого человека...

И напоследок — трогательную историю о простом человеческом счастье рассказала газета «Брянское время». Когда-то рядом с поселком Сеща располагался полк и склады тяжелой транспортной авиации. Потом полк уехал, а жители остались. И вскоре обнаружили, что земля в поселке насквозь пропитана керосином, метров на десять в глубину. С тех пор жители поселка только тем и пробавляются: копают землю, вычерпывают стратегический запас и продают его ведрами дальнобойщикам на автодороге Брянск — Смоленск. По подсчетам специалистов, запасов хватит еще лет на семьдесят. А потом жителям поселка Сеща придется овладевать какой-нибудь профессией. Счастья вам!

26.12.2003

Здравствуйте! Вот и подходит помаленьку к концу очередной год, самое время выпить и закусить напоследок проверенным демократическим продуктом. В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Помянем ушедшего, 2003-го, кусочками плавленого и, по старой памяти, бесплатного сыра — и проводим теплым недлинным словом.

Кому, может, прошедший год был и хреновый, а кому — просто на загляденье! Взять, например, «Единую Россию». Ее партстроительство в отчетном году развивалось стремительнее всех других отраслей народного хозяйства. Мысли о родной партии не покидали скорбные головы ее руководителей ни на минуту. Окончательно и во фрейдистской форме они одолели Лужкова во время весенней встречи с детьми. На этом мероприятии один из лидеров «медведей» в доступной форме рассказал подрастающему поколению о цели и средствах ее достижения этим большим и очень бурым политическим организмом.

Лужков: «слово "медведь" — оно означает особое пристрастие этого животного к тому, чтобы залезть в дупло, сломать дерево, вытащить оттуда мед и отведать его».

В отчетный период, что и говорить, медведи наши единороссные отведали федерального медку на славу! К декабрю избирателя нафаршировали им, как индюшку, — начальственный триколор уже торчал из ушей. Лужков каждый день докладывал о трудовых победах, Шойгу в собственный отпуск, как последний маньяк, мотался по стране... Грызлов с собственным телеоператором ходил на все футболы, пытаясь дождаться гола в ворота соперника и в знак патриотизма попрыгать в VIP-ложе. И то сказать: в МВД сидеть — много ли рейтинга? Или шахидок ловить возле Кремля. Нет, уж лучше на футбол!

Но главные успехи этого года — успехи сугубо математические. Здесь Россия позволила себе настоящий прорыв. Временами выходя за пределы даже теоретически возможного... Настоящий математический бум в России начался в марте 2000-го года. Придя в себя после успеха ныне здравствующего гаранта,

некоторые шибко головастые прикинули рост его рейтинга в последние часы голосования к численности электората — и получилось, что в отдельных регионах за Путина проголосовало по 108-109% избирателей. Попытки зафиксировать это достижение в книге рекордов Вешнякова успехом не увенчались. И вот в минувшем году Центризбирком пошел на новый штурм математических законов — и, посрамив Госкомстат, накопал откуда-то два лишних миллиона избирателей.

Но самый чудный урожай вырос на полях весеннего чеченского референдума: вот где арифметика разгулялась в полную силу! Для начала было объявлено, что за присоединение к России, после восьми лет кровопускания, проголосовало 96% чеченцев. С такой же силой народ поддерживает операции на самом себе только в Туркменистане и Северной Корее. Но что такое 96%? Это так, средний показатель по республике. А в отдельных местах скопления демократии наблюдались уже совершенно аномальные явления. Например, в палаточных лагерях беженцев в Ингушетии явка составила 190%. Так что Россия, кажется, приоткрыла миру новые горизонты волеизъявления.

Положительный исход референдума в Чечне открыл дорогу новому федеральному финансированию этой маленькой, но очень черной дыры. Весной своими чувствами на сей счет поделился с человечеством замполпреда президента в Южном федеральном округе Виктор Крохмаль. У него было, как говорится, две новости — хорошая и плохая. Первой г-н Крохмаль сообщил плохую. «У людей, — сказал он, — иногда складывается впечатление, что деньги разворовываются». И тут же сообщил хорошую новость: оказывается, в минувшем году в республике предстояло освоить еще 21 миллиард рублей. Мы все надеемся, что чеченское руководство справилось с этой нелегкой задачей...

Минувшим летом у нас случился внеочередной медицинский феномен: страшно обострилось зрение у правоохранительных органов. Резко, но очень выборочно. Сей же час несколько совладельцев этого самого «ЮКОСа» оказались расхитителями и мошенниками в особо крупных размерах. И с самого верха грозно зазвучали слова о борьбе с экономической преступностью и коррупцией... Не в первый раз на своем веку слышу я эту правоохранительную песню... В первые-то разы, бывало, сразу начинал озираться — не винтят ли где-нибудь по соседству Олега Сосковца, не лежит ли лицом вниз Дерипаска, нет ли обыска у Черномырдина? Но нет, все спокойно. И помаленьку перестал я озираться, понял фишку... Экономическая преступность в России, скажу я вам, очень удобная вещь. Века напролет можем жить в ней, как караси в пруду: грязно, но вполне комфортабельно. Но вот ежели кто вдруг встанет поперек начальственного нрава — в минуту прорезается в нас такой протестантизм, такая нравственная чистота, что хоть ссылай в Швейцарию!

А последним, кто — по части борьбы с воровством — в самом деле пытался пойти с Россией на принцип, был Петр Первый. Будучи государем радикальным, он по молодости лет зашел по этой дорожке довольно далеко. Однажды, говорят, даже попросил генерал-прокурора Ягужинского подготовить указ о том, чтобы каждый, кто наворовал на столько, чтоб можно было купить верев-

ку, был повешен. «Государь, — уточнил Ягужинский, — неужели вы хотите остаться императором без подданных?» Петр Алексеевич, как известно, приехал в Питер из Москвы. Владимир Владимирович проследовал в обратном направлении. И, будучи реалистом, новых городов не строит, а контролирует старые. И не требует с прокурора прекратить казнокрадство в стране, а специально назначает такого, который сам попался. Чтобы все свои — и никаких осложнений, а только разговор по понятиям. Впрочем, нашему нынешнему Генеральному прокурору ничего и говорить не надо, он хозяина знает — и даже умеет подавать голос...

Устинов: «Разрешите от вашего имени выразить искреннюю признательность и благодарность Президенту Российской Федерации Путину Владимиру Владимировичу. Полагаю, что не нарушу особой тайны, если скажу, что работать в таких условиях мы можем только благодаря Президенту России».

Среди событий минувшего года, оставивших наиболее заметный след в бюджете и престиже страны, вне конкуренции был юбилей Санкт-Петербурга. Славное мероприятие сие запомнилось кому чем: бомжам — депортацией в пионерские лагеря на берегу Финского залива со спецохраной и колючей проволокой по периметру; горожанам — характерным запахом, свойственным всякому месту, куда пригласили два миллиона гостей, а туалеты поставить забыли. Но все это искупило федеральное финансирование, позволившее в считанные месяцы превратить жемчужину Европы в филиал потемкинской деревни. Венцом реставрации стал Гостинный двор, отремонтированный ровнехонько с фасада и с той стороны, которая была видна с проезда президентского кортежа. Нехорошие слухи насчет того, что большая часть выделенных денег утекла мимо города, как Нева в Финский залив, опровергла в ту пору еще не губернатор, но уже полпред президента в Северо-Западном федеральном округе Валентина Матвиенко.

Матвиенко: «Бóльшая, абсолютно бóльшая часть средств расходовалась по назначению»

Головокружительную прелесть этих слов следует вписать золотыми буквами в соответствующие страницы Уголовного кодекса! Абсолютно большая часть средств, значит, расходовалась по назначению, а абсолютно меньшая — ... Ну, да не будем мелочиться, господа, не будем портить знающим людям вечный праздник федерального финансирования!

И, совсем на посошок, бросим последний ретроспективный взгляд ровно на год назад. Тогда, в конце декабря 2002-го, «Комсомольская правда» опубликовала гороскоп на будущий 2003 год. Автор прогноза была академик академии Мировой астрологии и метаинформации Каринэ Диланян. Вот что, в частности, рассказали ей звезды. В 2003 году «еще более укрепится власть президента Путина», «проблема Чечни не разрешится», а «существенного повышения благосостояния граждан ждать не приходится». Время подтвердило немыслимую глубину этого анализа. Вот только, я думаю: прогнозик-то был не на год, а в лучшем случае — еще на четыре. Счастья вам!

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

в русской периодике второго-третьего кварталов 2003 г.

Судьба России, конечно, остается главной заботой и непреходящей темой большинства периодических изданий. Ее обсуждают во всех ракурсах и аспектах. «Вестник аналитики», №2, публикует материалы двух круглых столов по теме ***«Национальная идентичность и правопреемство»***.

С. Кортунов полагает, что новая Россия, с одной стороны, является правопреемницей дооктябрьской России, а с другой, продолжательницей того международного субъекта, каковым был Советский Союз. Во избежание гражданских конфликтов со старшим поколением, коммунистический период в истории России предлагается оценивать нравственно нейтрально, хотя он и признает, что на совести большевиков много преступлений и главное — разрушение российского общества и государства. Они растворили русское национальное самосознание в советском и деруссифицировали русский народ. Многие же другие народы, раньше бывшие составной частью русского суперэтноса, именно в советский период сложились как социальные субъекты «независимых наций» и получили территории с государственными границами. Территория России — необходимый элемент национального самосознания. Наспех заключенные Беловежские соглашения необходимо пересмотреть, т.к. они игнорировали интересы русских, безвозмездно вложивших свой труд в индустриализацию окраин. Распад СССР Кортунов считает катастрофой, но катастрофой устранимой. Новая модель национального развития должна учесть весь прошлый опыт и не допустить подобного в будущем. РФ в ее нынешних границах оказалась случайно, исторически неоправданно и юридически необоснованно. В разрешении национального вопроса Кортунов отдает предпочтение главному субъекту развития страны — русской элите. Понятие «россиянин» — продукт дурного политического мифа. Это такой же бред, как «новая историческая общность — советский народ». Определение «русскости» через православие, а в более широком смысле — через русскую православную культуру в целом сохраняет свое значение, одновременно предполагая осознание своих евразийских корней. **К. Микаэлян** главным преступлением большевиков считает то, что они вырастили внутри СССР независимые государства. А бездарность постсоветской русской национальной элиты он видит в том, что она не смогла включить в состав РФ народы, несомненно входящие в русский суперэтнос (Украину, Белоруссию и т. д.).

По мнению **А. Салмина**, необходимо настаивать на правопреемстве, а не просто на исторической правопреемственности. То есть следует возродить государство и подтвердить его право на тысячелетнее наследие. Сегодня, к сожалению, мы находимся в такой ситуации, когда законное право дореволюционной России уничтожено незаконным путем (в 1917 г.) и не восстановлено.

М.Краснов думает, что мы только тогда сможем опереться на действительный национальный правовой фундамент, когда признаем Основные государственные законы 1906 года.

Цитируя слова русского историка И.Киреевского — «*под громким вращением общественных колес таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все*», **А. Зубов** замечает, что проблема территорий вторична. Первична нравственность. Необходимо покаяние за собственные грехи и грехи отцов. В мороке коммунизма виноваты все, кроме тех, кто погиб сопротивляясь. Следует признать: да, это была трагическая ошибка, но у нас есть силы и желание ее исправить. Нужно вернуться к тем законам, которые большевики объявили недействующими. Это предполагает переходный период, когда старые законы теоретически корректируются в соответствии с современными реалиями. Нужны два акта: о намерении правопреемства и о его реализации. Еще один необходимый шаг — реституция (восстановление) собственности. И, наконец, необходимо четко определить свое отношение к прошлому: или мы с теми, кто уничтожал Россию, или с теми, кто ее сохранял. Пока не будут расставлены плюсы и минусы, совесть народа будет на нуле. Необходимо признать, что большевизм — это период отрицания российской государственности, духовности и социальности, подобный оккупации. Он как гангрена: если не удалить пораженные ткани, весь организм сгниет заживо.

С.Волков полагает, что, признавая себя правопреемниками Советского Союза, мы навсегда закроем путь к правопреемству с исторической Россией, ибо Советский Союз базировался на идее мировой революции и единственный смысл его существования заключался в том, чтобы быть зародышем Мировой Республики Советов. Только принципиальное правопреемство от исторической России открывает возможность когда-нибудь в будущем реинтегрировать отделившиеся ныне территории. Эта реинтеграция Волкову кажется чрезвычайно желательной потому, что только тогда Россия сможет вернуть свое величие. Правда, на всю территорию Российской Империи он не претендует. Что касается юридического оформления правопреемства, Волков тоже предлагает два акта. Одним актом упраздняется и признается незаконным большевистский переворот и связанное с ним законодательство. Другим — все-таки признаются отдельные законы этого законодательства.

В. Дворкин считает, что если мы будем постоянно выковыривать что-то из старой правовой системы и делать новую, в результате получится «каша с гвоздями». При восстановлении национальной идентичности перекос в юридическую плоскость совершенно неуместен. Надо говорить о культурном наследии и на этом фоне формировать все остальное.

Касаясь этнических аспектов российской государственности, **В.Мохнач** утверждает, что Русь формируют два этноса — славяне и русы (объединенные общим термином «русичи»). В XIII и XIV веках русичи становятся русскими, и до советской власти, например, ни один малоросс (кроме нескольких сот интеллигентов-экстремистов во главе с Иваном Франко) не знал, что он не русский человек. А что касается территориального суверенитета, то только Россия вправе наделять им — и особенно те государства, которые как исторические субъекты раньше не существовали. Что до правопреемства, Мохнач наста-

ивает на необходимости принятия законов Российской Империи, что даст неоспоримое право объявить претензию на золотой запас и проценты по его использованию.

И. Чубайс останавливает внимание собеседников на русской идее, которая заключается в трех основных ценностях: собирание земель (что переросло в имперскую политику), православие и общинный коллективизм. К концу XIX — началу XX в. все эти ценности оказались в кризисном положении. Но культурное правопреемство, преобразовывая тысячелетние ценности, должно обратиться к истокам. Да, экспансия исчерпала себя, но вслед за количественным ростом должен наступить качественный. Нужно обустроить то, что есть. Нужно восстановить высшую ценность — Бога. Причем Богу предписывается соответствовать текущему моменту (глобализации), т. е. быть единому и универсальному.

С. Рогинко исходит из того, что Россия — это традиционное общество, основанное на отличных от западного принципах. Если там общество объединено юридическими нормами и экономическими интересами, то здесь главенствует патернализм (власть отца над опекаемыми им детьми). Именно это нужно иметь в виду, решая проблемы национальной идентичности и правопреемства.

В. Ленский обращает внимание собеседников на новый тип государственной цивилизации, которую Россия должна строить как прототип будущего для всего человечества. Для этого следует выработать консенсус стратегических ориентиров развития и подготовить соответствующий документ. На последнем Ленский особенно настаивает.

Подводя итоги, собравшиеся решили все-таки нынешнего права не отменять, собственность у олигархов не отнимать и памятников Ленину не крушить. Смысл собеседования — в постановке проблем, что и сочли немаловажным.

Приведенные выше соображения о праве отделившихся наций на самоопределение вне России дополняет статья **А. Гушера «Угроза этносепаратизма в России и Закавказье»** («Азия и Африка сегодня», № 7). Автор считает, что современный сепаратизм как политическая программа основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения. Тезис «каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию» — на самом деле не имеет подтверждения ни в теории международного права, ни в практике международных договоров. Право на самоопределение — это признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) формировать систему управления, согласно демократической воле их граждан, не в ущерб остальному населению стран. Образование современной системы государств произошло не благодаря, а вопреки этническому сепаратизму. На Земле более трех тысяч этносов, но только триста имеют свои государственные образования и автономии. Современный этнический сепаратизм сотнями нитей связан с терроризмом. У них одна «питательная основа» — непримиримое разделение мира на «мы» и «они». Политическое разрешение этносепаратистских конфликтов кажется Гушеру предпочтительней военного. В доказательство он приводит пример политического решения проблемы в Татарстане и указывает на безысходность военного в Чечне.

Материалы круглого стола ***«Русская идея: текст и реальность»***, который проводила в Санкт-Петербурге Международная ассоциация «Русская культура», опубликованы в № 7 «Октября». Общий тон обсуждения задал **А.Столяров**. Он в духе постмодернистского дискурса предположил, что вербализованная идея («основной текст») может формировать историческую реальность. Хорошо сформулированная *русская идея* (а сформулировать ее может известная Столярову группа московских и петербургских социологов) вполне способна начать формировать общественное сознание и заставить правительство подстраиваться под возникшую реальность.

Итак, общий настрой толковища был преимущественно постмодернистским. Основным оппонентом здесь выступил священник **отец Вениамин**. Богослов выразил сомнение относительно того, что реальность формируется при помощи текста. Он-то сам как раз совершенно убежден в обратном: текст зависит от реальности. А с религиозной точки зрения, высшей реальностью является Бог. Россия утратила веру, а если верует, то неправильно: закон у нас сам по себе, а Бог сам по себе. Отсюда все наши несчастья и беды. Никто не хочет бороться за справедливость именно потому, что понятие справедливости не связано с понятием Бога. Идея Бога в социальном, этическом приложении — это универсальный глобальный проект. За основной же текст нашего времени отец Вениамин предлагает принять Всеобщую декларацию прав человека, которая предписывает: не убивай, не воруй, уважай права остальных, дает свободу слова и предоставляет право свободного передвижения. Оппоненты отца Вениамина подвергли сокрушительной критике нюансы его терминологии. К примеру, заметили, что выражение «неправильная вера» предполагает недопустимую нетерпимость к убеждениям собеседника. Богослов извинился, признал достоинства постмодернизма и декларируемой им толерантности. Но с чем священник никак не мог согласиться, так это с субъективностью реальности и с претензией на истинность всех существующих мнений — только потому, что они существуют. Богослов полагает, что есть общие принципы, объективизированные в законах. Если же их нет (как утверждают адепты постмодернизма), никакие законы вообще невозможны.

А. Воссоевич, видимо, вдохновленный призывом священника обратиться к реальности, заявил, что реальность в современной России диктует простейшую формулировку русской идеи. Она сводится к одному единственному слову — выживание. С ним согласились, добавив, что мы вырождаемся не только физически, но и духовно. Сознание наше депрессивно. Но не мы одни, вся Европа такова. Мировоззренческая пустота заметна повсюду. На самом деле не существует и европейской идеи. А объединение Европы есть всего лишь стремление к биологическому выживанию. Метафизика отдыхает. Подводя итоги, решили, что для преодоления депрессивности общественного сознания должна возникнуть новая глобальная идея, которая-де родит цивилизационную пассионарность (кипучую культурную деятельность). Такой идеей может стать идея Русского мира, т.е. новой геокультурной вселенной, объединяющей российскую метрополию с русскими диаспорами за рубежом. Русская идея не будет противоречить европейской идее гражданского общества, а творчески переосмыслит и вберет ее в себя.

Пока одни обсуждают желаемое для русской идеологии, другие констатируют ее действительное. **В. Белов**, автор статьи **«"Что делать?" и "С чего начать?" в условиях глобализации так называемой "национальной элиты" и полного обнищания большинства населения страны»** («Национальная безопасность и геополитика России», № 3/4), обнаруживает русскую идею уже сложившейся. Русская национальная идея — это деньги! Они управляют людьми, властвуют над их душой, направляют их поведение. Налицо духовное вырождение нации. Государство, полностью освобожденное от ответственности за общество, стало антиобщественной системой. Но, указывает Белов, все решает элита, а не демос, так что во имя спасения России необходима смена элит в исполнительной власти в целом и в бюрократии. Возрождение страны зависит от неизвестных законов появления достойных личностей. Но так как на появление гениев у Белова надежды нет, он полагается на талантливую и упрямую посредственность. Придя во власть, она много может сделать, если будет адекватно отвечать на чаяния народа. Сейчас же у нас «криминальное государство с бандитским уклоном», союз чиновников, бизнесменов и бандитов. Чиновный класс, бедный из-за нищеты большей части налогоплательщиков, всегда продает свой единственный товар — административное решение любой проблемы. Белов формулирует русскую самобытность так: державность — бедность — коррупция. И хотя Белов ставит экономическую задачу, все же получается, что в первую очередь необходимо моральное очищение чиновничества и создание сильного государства. А у последнего, по представлениям Белова, есть три гармонические составляющие: идеология, отвечающая национальным идеалам; сильная власть и сильная экономика. Подробнее обсудить эту гармонию он обещает в следующих номерах журнала.

С. Кара-Мурза идеологам не доверяет вообще. А когда русскую идею связывают со строительством капитализма, уверен, что это просто **«Манипуляция сознанием: светлый миф о частной собственности»**, именно так и называется его статья («Социально-гуманитарные знания», №3). Пропагандируемая благотворность частной собственности рассматривается как очередной миф, внедряемый в массовое сознание. Частная собственность вынуждают считать главным условием прав и свобод человека, умалчивая о том, что она является фундаментальным основанием капитализма, который ни в коем смысле с понятием «свобода» не соотносится. Тезис о том, что частная собственность и рынок якобы порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Например, фашизм — порождение капитализма. В России создание мифа об освободительной роли частной собственности сопровождается фабрикацией мифа об общественной собственности как порождении авторитарной власти и насилия. Национализацию велят считать неправовым актом, а приватизацию — правовым. Внушается мысль, будто в СССР общенародной собственности не было. Автор не согласен с этим. Как частичные собственники средств производства граждане имели реальное право на труд. Кроме того, в виде бесплатных благ и через низкие цены они на уравнительной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Мифологическим (читай, ложным) автору кажется почитать частную собственность порождением естественного права. Соответственно, не су-

ществует никакого «чувства хозяина». И уж совсем кощунственным Кара-Мурзе представляется сакрализация частной собственности, придание ей статуса «священного» — это вопиюще противоречит христианскому учению во всех его конфессиональных версиях.

Предмет заботы всех идеологий — ***общественное сознание***, а оно в России по наблюдениям **Л.Кудрявцевой («Ловушка общественного сознания»** — «Социологические исследования», № 6) очень неустойчиво и подвержено маятниковым колебаниям из огня да в полымя. В советское время активно внедрялся коллективизм, доходящий до крайностей. Теперь само это слово стало ругательным, вместо него внедряется заимствованный из западного опыта индивидуализм — и тоже до крайних пределов. При этом забывают, что западный индивидуализм — это превращение общественных (коллективных) норм жизни в саморегуляторы поведения индивида. Человек Запада законопослушен потому, что закон стал его внутренней осознанной нормой, а не оттого, что он боится начальства. Он свободно осуществляет свое индивидуальное самоопределение в рамках закона, и общество различными путями способствует этому. У нас смена основных принципов привела к разгулу эгоизма, когда каждый в меру своей агрессивности и энергии, пренебрегая законами и общечеловеческими нормами, стремится стать богатым и пользоваться всеми благами жизни. Особенно это пагубно сказывается на молодежи. Так, исследования ценностей в студенческой среде 1989-1992 гг. показали, что большинство на первое место выдвигали коллективистские ценности типа: работа, приносящая пользу людям и обществу. Деньги не главное. В исследованиях 1999-2002 гг. коллективистские ценности уже утратили лидирующее место. Семья осталась самой большой жизненной ценностью — но не как союз близких душ, а только в качестве пристанища, где человек отдыхает от борьбы за самоутверждение. Работа, в основном, представляется средством обретения места под солнцем и материального благосостояния, а стало быть, независимости. Все это, по мнению Кудрявцевой, противоречит исторически сложившемуся русскому национальному характеру. А ему было свойственна солидарность, стремление принести пользу ближнему и скептическое отношение к материальному благополучию. Это глубокое противоречие в общественном сознании повышает тревожность, которая проявляется в различных формах: самоубийства — в т.ч. среди детей, алкоголизм, наркомания, рост агрессии (преступность).

Н.Шелейкова причину неблагополучия России видит в малочисленности здравомыслящих людей. Основная масса населения планеты — это атеистически мыслящий обыватель, который не признает действия оккультных сил в истории и не допускает ***возможности глобального заговора***. Так что к сознательному сопротивлению скрытым силам зла способны немногие. Это посвященные мудрецы — те, кто исповедует эзотерическую науку *конспирологию*; но круг их узок. Шелейкова хочет его несколько расширить и посвящает в тайны этой науки читателей своей статьи **«Тайная власть (zero) и мы»** («Национальная безопасность и геополитика России», №3/4). Она пишет об общемировой угрозе некоей теневой закулисной дьявольской силы (zero), стремящейся к мировому господству. Для этого zero собирается организовать мировой финансовый кризис,

спровоцировать войну между христианской и исламской цивилизациями, ликвидировать современные национальные государства (глобализация) и втрое сократить численность населения Земли. Гипотетически встав на место этого злокозненного zero, Шелейкова отчетливо представила себе, как все это будет происходить. Удалось ей и выяснить, кто же этот таинственный противник. Оказывается — транснациональные корпорации! Еще Ленин и Сталин активно противостояли им, а на основе теории и практики коммунизма была создана единственная в мире система противодействия их мировому господству. И хотя коммунисты по ошибке подменили Господа Истинного господином мнимым, все же православной церкви следовало бы не конкурировать с коммунистической властью, а вразумлять ее и гармонически поддерживать.

А.Старостин рассматривает **«Современные российские элиты: на пути к новой конфигурации»** («Власть», №3). Словом «элита» он называет привилегированный слой общества, обладающий решающей властью. ***Элита*** стремится к выделению и обособленному существованию во всех основных сферах социального бытия: особые зоны и виды жилья, транспорт, маршруты передвижения, «свои» средства связи, сервис, досуг, «своя» правовая система и т.п. Таким образом в наши дни реконструируется сословное или даже кастовое общество, где элита берет в свои руки не только политическую власть, но право распоряжаться основными общественными богатствами, а также свободой и жизнью сограждан. Основная часть элиты тяготеет к аристократизации, что свидетельствует об угасании демократических порывов, которые собственно и позволили этой элите прийти к власти и овладеть собственностью. Элитократия разрушает парламентскую систему. Электорат (т.е. население) может симпатизировать кому и чему угодно, но итоговые результаты выборов зависят от воли элиты. Политические элиты Старостин рассматривает в вертикальном ракурсе: высший (Центр), региональный (Республика, край, область) и местный. Горизонтальный ракурс показывает взаимодействие политических элит с другими входящими в правящий класс элементами (бизнес, военные, интеллектуалы). Положение интеллектуальной элиты Старостин прописывает подробней. Из-за утраты господдержки ее позиции заметно ухудшились. Властью востребована узкая группа, исполняющая «сервисные» функции, т.е. за мзду пудрящая мозги рядовым согражданам в интересах правящей власти. Мировоззренческая диспозиция интеллектуальной элиты отразилась в противостоянии почвенников-консерваторов и либералов-западников. Автор в принципе не против элиты как непременной прослойки общества, но ее современная физиономия ему не по душе. Он чает новой элиты, которая должна стать не элитой привилегий, но элитой заслуг и ответственности — меритократией.

Неопределенные упования на элиту **Т. Заславская** дополняет анализом фактической расстановки сил. В статье **«О движущих силах трансформации российского общества»** («Общество и экономика», № 6) она подробно рисует структуру нашего общества и рассматривает возможные варианты будущего развития страны. Культурно-политических сил, которые управляют движением всех слоев общества, она насчитала пять. Во-первых, государственнические — то есть те, которые хотят укрепить государственную власть, силовые структуры

и правовой порядок. В экономике допускают развитие частного сектора при надежном государственном регулировании. Во-вторых, олигархические силы, ориентирующиеся на монополизированную экономику. Главное для них — сохранить право на присвоение львиной доли ренты от продажи нефти, газа и всех остальных полезных ископаемых. Им нужно государство, покорно подчиняющееся крупному капиталу. Третьими названы либерально-демократические силы, ратующие за государство, ограниченное в своих прерогативах только самым необходимым вмешательством в жизнь общества. Их экономический идеал — свободный рынок, умеренное и справедливое налогообложение и узаконенное равенство шансов для всех граждан. Четвертые — социал-демократические силы, стоящие за свободное, но сильное государство, способное контролировать экономику, перераспределять валовой продукт и регулировать внутренний рынок. Они за социальное партнерство труда, капитала и власти. Пятые — это коммуно-патриотические силы, декларирующие советские ценности: великодержавность, военную мощь, подчинение личных интересов общественным, коллективизм, социальное равенство, приоритет русского населения над другими этносами. Исходя из состава и соотношения перечисленных сил, академик Заславская считает возможным осуществление одного из трех вариантов развития страны: умеренно государственнического (легитимное расширение управленческих и контрольных функций государства в политике, экономике и праве); авторитарно-силового (расширение репрессивных и ограничительных мер государства в сфере прав человека, свободы предпринимательства, творческой деятельности, распространении информации и др.) или олигархического (экономика сохранит хищнический характер, природные богатства России польются на Запад, а социальный разрыв между верхами и низами превратится в непреодолимую пропасть). Осуществление же демократических вариантов кажутся Заславской несбыточной фантастикой.

Н. Римашевская, автор статьи **«"Новые русские": социально-экономическая роль в российском обществе»** («Власть», № 7), подводит итоги исследования, проведенного академическим Институтом социально-экономических проблем народонаселения. Ученые выясняли, каков социальный статус богатых и ***что представляют собой «новые русские»***. Богатыми решено называть тех, у кого в семье ежемесячно приходится 2000 долларов на душу, кто имеет недвижимость (загородные виллы, престижные квартиры в городе), дорогие автомобили и наличие сильных покровителей во власти. Отношение граждан к богатым определяются отношением к способу обретения богатств: у половины оно негативное, треть относится к ним равнодушно. Как показывают исследования, нынешний капитализм в России имеет отчетливо выраженный феодальный оттенок, то есть в перераспределении общественных богатств огромную роль сыграл феодально-бюрократический аппарат. Это — номенклатурный капитализм: из партийных чинов — в коммерцию. Бывшие начальники однажды получили доступ ко всем государственным фондам, запасам сырья и готовой продукции, которые они и продавали за рубеж огромными партиями. Они же захватили и государственную недвижимость: административные здания, санатории, дома отдыха. Кроме того, большинство экспертов в число важнейших

способов добычи богатства ставят связь нынешних богачей с криминалитетом. В политике богачи, конечно, либералы. Им необходим свободный рынок и ограничение вмешательства государства в экономику. На практике же этот либерализм сводится к плутократии, т.е. сращиванию имущих с госаппаратом. Государство становится исполнителем воли экономической элиты. Коррумпированность чиновников столь же естественна, сколь и оторванность политики от интересов народа. Моральные качества российской экономической элиты («новых русских») весьма низки. Им необходимо быть неразборчивыми в средствах и нечистоплотными в достижении целей. Наши богатые — преимущественно атеисты, они вороваты, эгоистичны и жестоки. Исследования показали, что вокруг слоя богатых складывается социальная и психологическая напряженность, которая постепенно стабилизируется. Если сам хочешь стать богатым, не нужно образования и профессионализма. Нужно проникнуть во власть, но можно обойтись и причастностью к мафиозно-криминальным классам. У простых и честных граждан шансов ничтожно мало.

В. Поповым обнаружена еще одна движущая сила нашего развития, особого рода субъекта общественных отношений. В статье **«Технократическая идеология XX века»** («Философские науки», № 5) он пишет ***о социальной роли технократа***, инженера в политике. Предполагается, например, что СССР последней трети ушедшего столетия представлял собой технократическую державу, так как режим правления возглавлялся людьми с техническим образованием. Сейчас всеобщая компьютеризация пытается приспособить законодательство к требованиям программного управления, навязать обществу правила сбора, хранения, распространения и пользования информацией, втиснуть многообразный быт человеческого существования в законы, действующие в пределах электронно-цифровой техники. Руководители-технократы обыкновенно подчиняют интересам технологических инноваций подконтрольных им живых людей. Их идеал — вышколенный и предсказуемый работник, своего рода механизм, неукоснительно выполняющий или передающий приказы анонимной власти. Подобная стратегия планируется и пропагандируется во имя технического прогресса, а он, увы, ведет к подавлению человеческой личности и индивидуального творческого начала. Надо отдать должное Попову, многолетние наблюдения позволили ему трезво оценить идеологическую ситуацию и избавили от подозрений в «заговоре технарей». Просто техногенной цивилизации естественно увеличивать рост инженерно-технических специалистов. Нет нужды поддаваться панике технофобии и истреблять инженеров. Необходима сознательная гуманизация условий человеческого существования. Следовало бы сформулировать принципы гуманистической философии техники, которые могли бы препятствовать претензиям «технарей» на монополию принятия решений, касающихся личного и гражданского бытия суверенного человека. Словом, Богу — Божье, кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево.

Идеологические интуиции Попова конкретизируют **А. Юревич** и **И. Цапенко** в своей статье **«Наука и политика»** («Природа», № 5). Вопреки привычным представлениям о том, что общество воздействует на науку, они рассматривают обратный процесс — ***влияние науки на общество***, в частности, массовый исход ученых в политику. Причиной этого, по их мнению, явилась патоло-

гическая политизация современной российской жизни, кроме того, учеными движет мессианский энтузиазм, для русского интеллигента неискоренимый, — долг спасти отечество. Авторы заметили и встречное влечение к науке политиков. Они состоят в различных академиях, пишут книги, читают лекции и энергично стремятся к ученым степеням и званиям. Так что наша политическая элита, несмотря на фактически низкий интеллектуальный уровень — самая «остепененная» в мире. Ученых, пришедших в политику, авторы делят на две категории. На первых порах действовали идеологи, высокостатусные представители научного сообщества (А.Яковлев, Н.Шмелев, О.Лацис, В.Селюнин). Их роль в перестройке сравнима с ролью просветителей во Французской революции. Объектом воздействия идеологов было массовое сознание, средством — публицистические статьи в толстых журналах. В дальнейшем на первый план вышли реформаторы, сравнительно молодые кандидаты наук. Не обретя известности в своей сфере, они объявились в редакциях журналов или в правительственных конторах (Е.Гайдар, А.Чубайс). В отличие от своих предшественников «демократов-идеалистов» это были «демократы-прагматики». Объектом их воздействия стало не массовое сознание, а власть имущие, средством — личные контакты. Сочетая роль советников при больших политиках с ролью самостоятельных политических деятелей, они нуждались в интеллектуальном обеспечении своих действий. Тут и возникла обслуга — всевозможные социологические, политологические, экономические и стратегические «независимые центры», способные проводить за деньги быстрые, но посредственные по качеству исследования, часто приводящие к результатам, желательным заказчику. Эта категория обслуживающих ученых бралась за любую работу и оттеснила официальную науку от умов и кошельков новой политической элиты. С начала 90-х годов почти вся официальная наука оказалась отстраненной от власти. Однако авторы не унывают, полагая, что именно в среде оставшихся кадров официальной науки родится идеология правильной организации власти и жизни России.

А пока либеральные реформы вылились в криминально-коррупционную революцию. ***Коррупция*** как злой недуг современного российского быта стала предметом внимания ученых. **А. Малько** в статье **«Основы антикоррупционной политики современной России»** («Право и политика», № 4) дает ей научное определение, которое содержит описание и главного вреда, приносимого ею (делает немощной государственную власть), и ее сущности (деформирует социальные связи, нарушает справедливый порядок вещей в обществе), и антропологических причин ее возникновения (глубинная эгоистическая мотивация). А все это возникло потому, что идеология «реформаторов», их лозунг «Обогащайтесь!» с одинаковым энтузиазмом были восприняты всеми слоями населения — чиновничьей братией в том числе. И чиновники, купленные криминалом, «заразили» все общество, всю власть. Коррупция приобрела всеохватывающий эпидемический характер. Чиновников (госслужащих) очень много. На их содержание уходит треть объема всего валового продукта России, а каждый новый российский закон порождает взяточничество и повышает аппетит чиновников. Необходимы срочные меры для борьбы с этой эпидемией. В федеральной программе «Реформирование государственной службы РФ» о коррупции сказано

очень невнятно и лаконично. Нужна направленная антикоррупционная политика, т.е. последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества. Здесь, полагает Малько, трудно переоценить роль науки, призванной разработать особую методологию исследования. Среди организационных мер автор называет также создание различных структур по борьбе со злом. Иными словами, надо собрать для этого дела кучу госслужащих, которые будут бороться с другой кучей госслужащих. Ну и, конечно, высшие органы государственной власти (не забудем, самые большие чиновники!), президент и Федеральное собрание просто обязаны противодействовать коррупции изо всех сил. В числе правовых мер предлагается всенародное обсуждение (референдум) всех важных законов. Безусловно нужна и новая Конституция.

Коррумпированность бюрократии — одна из важнейших причин недовольства реформаторами не только у наших сограждан, но и у наблюдателей за рубежом. Основываясь на исследованиях авторитетных зарубежных институтов, **В.Рукавишников** обстоятельно освещает вопрос **«Какой Россия видится изнутри и издалека»** («Социально-гуманитарные знания», №3). Оказывается, откуда ни взгляни, результаты реформ в России кажутся неудовлетворительными. И причина недовольства и у них вдалеке, и у нас внутри — воры в российской власти. Явление это воспринимается настолько серьезно, что их готовы считать новым правящим классом и даже придумали название *«клептократия»*. Многие винят Ельцина, который если и не поощрял коррупцию, то относился к ней весьма терпимо. Но настоящие знатоки, например З.Бжезинский, справедливо возлагают ответственность на западных «консультантов», активно участвовавших в грабеже России. Очень скептически зарубежные эксперты относятся и к российской демократии. Отмечается, что по-прежнему большинство россиян, подобно зрителям в театре, с интересом наблюдают за происходящим на политической сцене, но сами участия в действии не принимают. И немудрено, что правители не заинтересованы в учете мнения простых граждан и рядовой человек не может оказать влияния на политику. Немудрено, что власти не реагируют на общественное мнение, а проведение свободных выборов и установление демократических институтов не сблизило государство и народ. Опросы показывают разочарование в демократии как в системе власти. Заметно охлаждение общественного энтузиазма в отношении политики интеграции с Западом. Спекуляции на благородной идее возрождения России как великой евразийской державы пугают соседей и тормозят инвестиции капиталов. Однако пессимистические выводы зарубежных аналитиков не пугают автора. Он верит в светлое будущее российской демократии.

Е. Жигарев и **В. Жеребенков**, авторы статьи **«Последствия социализма как причина кризиса духовности и нравственности в обществе»** («Право и жизнь», № 55), полагают, что все беды нынешней России происходят от ущербных ***духовных и нравственных качеств*** ее граждан. Реальный социализм осквернил и поставил с ног на голову все понятия социализма идеального. А именно: декларированная Конституцией общенародная собственность была полностью отчуждена от трудящихся масс. Лишенные возможности пользоваться прибавочной стоимостью производимого ими продукта, они нещадно эксплуатировались.

Власть, согласно той же Конституции, принадлежащая народу, на самом деле принадлежала административно-командной системе, именовавшей себя партийно-хозяйственным активом. Лозунг «Все во имя человека, все для блага человека» стал откровенной ложью. За семьдесят лет для основной массы населения так и не были созданы нормальные условия жизни, естественные во всем цивилизованном мире. Ради достижения «светлого будущего» велась чудовищная человеконенавистническая политика. Советская коммунистическая идеология сводила все универсальное богатство знания к одной официальной концепции, а принцип классовости был доведен до фанатизма. Идеологизированный таким образом человек терял нравственную свободу, становился жестоким, немилосердным, злым. Современные методы и стиль работы ФСБ и МВД — все те же, что и 30-50 лет назад: беззаконие, революционная целесообразность (цель оправдывает средства), показуха, уголовные дела по надуманным обвинениям, сочинение нужных показателей в отчетах и статистике. По мнению авторов, для возвращения обществу универсальных духовных и нравственных ценностей необходимо повернуть его лицом к христианству. Но нельзя решить этой проблемы, не устранив беспредел силовых государственных структур.

Общее разочарование в реформах, проводимых под знаменем ***либерализма***, у сторонников либерализма вызывает инстинктивное желание защищать это детище цивилизации. Например, журнал «Общая тетрадь» в №2 публикует материалы специального семинара, на который был приглашен мэтр **Р.Пайпс**, известный американский политолог, профессор Гарвардского университета. 30 лет назад он написал двухтомную книгу о русском теоретике либерализма П.Струве. Проблемы, обсуждаемые в книге, до сих пор актуальны в России. Для начала, чтобы избежать пустых прений, в своем докладе **«Либерализм на Западе и в России»** Пайпс дает формулу либерализма. Это — во-первых, уважение к частной собственности и к верховенству права (он, кстати, напомнил афоризм И.Бентама: «Нет собственности — нет закона; нет закона — нет собственности»). Второе — уважение и терпимость к свободе слова. На практике это выражается в формировании и развитии политических партий и плюрализме мнений. И третье — выборность правительства и конституционное ограничение его деятельности. Далее, отвечая на вопросы участников семинара, Пайпс сообщил, что либерализм в основном европейское изобретение, и чтобы хорошо к нему относиться, надо чувствовать себя европейцем и жить в европейской среде. К его сожалению, в России корни европеизма — либерализм и патриотизм — оказались несовместимы. История сложилась так, что после падения Константинополя, Россия оказалась единственным православным государством Европы, власть была неотделима от церкви, а церковь — всегда враждебна еретическому Западу. Даже Петр I не исправил этого положения. Коммунизм углубил этот антиевропеизм. Для большинства населения России, собственность — пустой звук, здесь ее никогда и не существовало, в то время как в Европе католическая церковь не возражала против собственности, а в протестантской этике собственность — вообще знак Божественного Провидения и символ спасения. На сомнения участников семинара по поводу эффективности деятельности современных российских либералов Пайпс выразил убеж-

дение в том, что они сделали огромное дело, и вся их беда лишь в отсутствии опыта администрирования. Разочарование населения в либерализме он объяснил тем, что людей прежде всего волнует проблема безопасности и ее они чаще предпочитают свободе.

В историческую плоскость переводит рассуждения о развитии России **М. Дегтярева**. Она рассматривает **«"*Особый русский путь*" глазами "западников": Де Местр и Чаадаев»** («Вопросы философии», № 8) и удивляется обнаруживающемуся сходству их мыслей. Оба сходятся в том, что Россия «угодила в разлом» между западной и восточной цивилизациями, не примкнув ни к одной. Причиной тому Великая Схизма (разделение церквей в 1054 г) и татарское нашествие. Чаадаев почти буквально повторяет Де Местра: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далекое иноземное владычество, жестокое и унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот начальная история нашей юности». Концептуальную близость мыслителей доказывает их трактовка всемирной истории как «воспитание наций Провидением». И тот, и другой считали, что Господу было недосуг заниматься Россией. Но если у Де Местра эта мысль вызывала ощущение тайны Высшего Промысла, то у Чаадаева — отчаяние. Но оба они почти одинаковыми словами говорили, что Россия оставлена Богом, самостоятельно продвигается по историческому пути, и чем дальше, тем больше удаляется от цели. Оба мыслителя довольно сдержанно оценивали воспитующие и цивилизующие возможности православной церкви. Мысли о преимуществе России перед Западом и особенном политическом характере русского народа уводят Чаадаева в сторону от Де Местра, сближая со славянофилами. Однако до славянофильских крайностей он не доходил и никогда не предполагал, что «русская самобытность» может послужить странам Запада культурным образцом. Был ли он западником? — задается вопросом Дегтярева. Вряд ли, он никогда не приветствовал механического переноса на российскую почву социальных и политических образцов европейского происхождения. Но и Де Местра Дегтярева не назвала бы западником. Несмотря на одержимость идеей создания единой христианской (католической) конгрегации, он трезво оценивал возможности России, считая ее все-таки страной восточной.

К исторически-назидательным можно отнести статью **А.Янова «Загадки николаевской России (1825-1855)»** («Интеллектуальный форум», № 12) — это лишь одна работа в целом ряду размышлений этого автора об истории нашего государства, опубликованных в разных журналах. Янов убежден в необоримом влиянии идей на ход истории — причем влиянии разрушительном — и находит единомышленников в лице Г.Гейне, И.Берлина и А.Грамши. Чтобы превратить историографию из компендиума различных эпизодов в живую школу человеческого опыта, требуется понять историю как целое. Нужны «сквозные гипотезы». Только они и делают возможным восстановление связи между эпизодами. Эти гипотезы Янов называет ***философией национальной истории.*** Его «сквозная гипотеза» — обнаружение связи между тремя «черными дырами» русской истории, тремя «самодержавными революциями». Первая произошла при Иване Грозном, которого страх перед западным латинством вдохновил обособиться от

Европы в «московитском» царстве. Последствия всего этого только через полтора столетия были преодолены Петром I. Вторая — царствование Николая I, чему, собственно, и посвящена статья. Янов доказывает, что Николай I отрезал России дорогу к прогрессивному европейскому режиму, конституционной монархии и определил ей «особый путь» (самобытность, соборность, общинность, особая миссия русской цивилизации). Ну и, конечно, 1917 год — третья «черная дыра». Все эти «дыры» связаны со сверхдержавными амбициями, с противопоставлением России остальному миру — европейскому, в частности — и всякий раз кончались катастрофами. Янов предостерегает: как бы нынешние антизападные настроения не привели Россию к очередной катастрофе.

А осмыслением новейшей истории занят **Рой Медведев**. Он пытается разглядеть **«За кулисами августа, загадки Фороса»** («Вопросы истории», № 7) и вспоминает августовские события 1991 года. Хотя путч и есть незаконная попытка государственного переворота, он полагает, что с юридической точки зрения рассматривать произошедшее невозможно. Конечно, при создании ГКЧП было нарушено много законов СССР и статей Конституции, но для России — это дело привычное. Например, вся подготовка к подписанию Союзного договора и фактический роспуск СССР тоже нарушали немало статей Конституции. Все союзные и автономные республики, которые в 1990-1991 гг. принимали постановление о своем суверенитете, также нарушали Конституцию. А Юридический отдел Верховного Совета СССР каждый раз в таком случае составлял проект протестующего постановления, на что никто не обращал внимания. Словом, все главные участники событий действовали за пределами правового поля. Проблемы решались не законом, а реальной игрой политических сил и влияний. Объясняет Медведев это тем, что Советский Союз был не правовым, а идеологическим государством, это было авторитарное государство, а не диктатура законов. Поэтому очень трудно подвести события того августа под какое-либо определение. Что это было: путч, заговор, мятеж, государственный переворот, измена Родине, превышение власти — или исполнение святого долга по спасению великого государства? Медведев подчеркивает, что распад одного великого государства — СССР сопровождался рождением другого, нового и жизнеспособного. Российская Федерация — мало похожа на республику РСФСР. И Горбачев, и Ельцин с разных сторон ломали плотину, открывая дорогу потоку событий, которые уже нельзя было остановить.

До сих пор слышны отзвуки ***300-летнего юбилея Санкт-Петербурга***. **Е. Анисимов** в статье **«Петербург в истории России»** («Дельфис», №2) оспаривает метафорическое суждение Карамзина, что-де «Петербург — блестящая ошибка Петра». Почему — ошибка? Этот город — осуществление чаяний молодого царя изменить неудачное начало царствования, оторваться от ненавистной московской старины, поставить Новый Амстердам, быть поближе к западному миру. И взялся он за претворение мечты, не щадя ни себя, ни денег, ни людей. Петербург по своему происхождению, развитию, месту расположения, статусу и внешнему виду в семье русских городов порождал ощущение инородности, враждебности, холодности. И в то же время это был русский город. Соседство и сосуществование самых различных архитектурных стилей сплавилось в не-

что единое и грандиозное. После смерти Петра Великого и переезда столицы в Москву Петр II обнаружил некое «родимое пятно» города. Стало ясно, что он может существовать только как столица, как императорская резиденция. Иначе он гаснет, теряет блеск, становится провинциальным. Императрица Анна Иоанновна вернула Петербургу его звание и его блеск. Он снова стал фасадом, архитектурным символом России — сухопутного пространства, тянущегося на десять тысяч верст от Дворцовой набережной до Золотого Рога во Владивостоке. Имперское значение города сказывалось и на его экономическом развитии, удовлетворявшем военно-морские нужды государства и бытовые потребности императорского двора. С первых лет своего существования Петербург развивался как космополитический центр, сплав культур, наций и религий. Иностранцы ехали сюда на «ловлю счастья», быстро привыкали к городу и народу и «заболевали Россией». Здесь получила развитие мощная интеллектуальная элита России. Здесь возник особый культурный климат сугубо светский, с широким кругом духовных потребностей. Город превратился в центр образования, и линии Васильевского острова, по мнению автора, стали напоминать улицы Оксфорда или Кембриджа. Интенсивная культурная жизнь Двора сформировала оригинальные традиции и навыки. Научные и художественные учреждения вошли в общий контекст русской культуры и породили умения и знания, которые до некоторых пор были эталоном добросовестности, профессионализма, научной порядочности. Самодержцы были людьми образованными и способствовали процветанию самых разнообразных искусств и наук, которые слились в целостный культурный поток Серебряного века.

Источник идей Серебряного века **З. Жукоцкая** выводит из философии Шеллинга (**«Шеллинг и русский символизм»** — «Философские науки», №№ 4, 5). А он полагал, что в общей эволюции культурных форм действует принцип обращения начала к концу и конца к началу. Так, миф как форма знания и фиксированное начало культурных форм, пройдя многовековые перипетии рационализации, становится философией мифа. Естественная религия (религия откровения) — философией религии. Последняя — отнюдь не частный случай философии, а самостоятельный энергетический импульс, который дает рождение новому качеству знания. А оно выражает себя снова в созидании мифа в творчестве, в искусстве. Именно это и стало теоретическим оправданием русского символизма. Устремление к новому откровению, выходящему из-под пера человека-творца, сознающего себя носителем всенародной и всечеловеческой культуры и истории. Человек-творец работает в социальном и культурном поле, превращая художественное творчество в акт великого теургического действа, подобного божественному сотворению мира. В этом общем порыве слились русские символисты и русские марксисты, теисты и атеисты, «богоискатели» и «богостроители». Теургизм как актуальная форма богосозидания нашел свое логическое завершение в коммунистическом строительстве (богостроении) и в общем энтузиазме богоборчества. Таким образом, Шеллинг пророчески очертил контур всей культурной революции XIX и XX веков и предсказал начало процесса созидания новой мифологии в новом миллениуме.

Обзор подготовил Александр Денискин

Василий ШУЛЬГИН

1921 год

Из переписки*

Получил ваше письмо. Ужасно рад, что вы меня вспомнили. Но не рад вашему настроению. Оно явно пессимистическое, утомленное.

Я не испытываю этого ощущения, вероятно, потому, что тяжелые личные утраты выращивают на мне какую-то буйволиную шкуру, сквозь которую не могут пробиться самые отчаянные, на первый взгляд, переживания.

Вы можете это считать своего рода истерией, но все же я должен сказать, что никогда не был так убежден, что Россия займет подобающее Ей место, — как сейчас. Это ощущение происходит от всех тех впечатлений, которые я впитал в себя в течение минувшего года. Общий итог этих впечатлений: убеждение в необычайной живучести русского тела, убеждение в том, что процесс жестокого прессования, которому подвергнуты русские и Белой, и Красной России, — даст в итоге фалангу людей, необычайно закаленных, т.е. именно то, чего нам недоставало. Ибо я убежден, что причина всех несчастий была изнеженность руководящего класса, неспособного «вести», то есть нести на себе, бремя власти.

Этот процесс, повторяю, идет в обеих половинках России — как Белой, ныне эмигрантской, так и Красной, оставшейся на родине. Разумеется, в настоящую эпоху эти две половинки весьма противоположны по своей идеологии. Но в значительной мере эта противоположность только кажущаяся. А кроме того, ничего нет на свете более непринципиального, чем принципы. Все эти взгляды и рассуждения могут легко измениться, но характеры останутся, и это самое важное. Словом, для меня настоящая эпоха есть не более как та суровая школа, которую необходимо было пройти нашей совершенно обабившейся (да простят мне это слово поклонницы вашего таланта) интеллигенции.

Разумеется, я понимаю, что на все это вы весьма кисло улыбнетесь и ответите мне хохлацкой поговоркой «пока солнце взойдет, роса очи выест». И тем не менее, это так.

Значит ли это, что я предложил бы абсолютно бесстрастное выжидание событий? Нет...

Мое мнение сводится к следующему.

Есть в настоящее время два русских народа. Один — здесь, по заграницам: этого народа два миллиона. Другой — это русские, оставшиеся в России.

Если предположить, что вы правы, что какая бы то ни была интервенция не состоится, то что следует нам, людям, в настоящее время принадлежащим к заграничному двухмиллионному народу, — что следует нам делать?

* Окончание (начало в №№ 114 и 117).

Тут может быть два случая. Допустим, вещь совершенно недопустимая, что мы никогда уже больше не вернемся в пределы России. И в этом случае нам совершенно необходимо держаться друг друга как можно тесней, для того чтобы не перестать быть русскими.

Что значит держаться друг друга? Это значит иметь такой центр, к которому мы, русские, находящиеся во всех странах, тяготели и которому повиновались. Пока такой центр имеется в лице Главнокомандующего, т.е. генерала Врангеля, и, я думаю, было бы величайшей ошибкой валить этого бога...

Во всяком случае, я считаю твердо установленным, что всякие «учредительные собрания» парижского типа уже похоронили друг друга. Откровенно вам скажу, что двухмиллионный эмигрантский русский народ все эти затеи в грош не ставит.

Итак, даже если мы здесь застряли навек, то все же нам нужно организоваться, хотя бы по примеру евреев, рассеянных по всем странам земли.

Однако эта наша заграничная организация, *если она только будет создана действительно,* как настоящая руководящая сила, будет именно тем, что может потребовать от нас Красная Россия в ту минуту, когда она побелеет.

Что могут просить у нас? Ведь ясно, что захотят «призвать варягов» в ту минуту, как убедятся, что красный или розовый порядок невыносим. Но для того, чтобы призвать варягов, нужно, чтобы они были. Варягами же будут те, кто сумеет в ближайшее время стать во главе двухмиллионного русского заграничного народа. И так «стать», чтобы ему повиновались, кто за совесть, кто и за страх. Словом, нам нужно наше эмигрантское правительство, признаваемое всеми державами, и в особенности Лигой Наций, которая, надо думать, крайне обрадуется этому делу, за неимением другого. Словом, предлагаю вашему просвещенному уму подумать над проектом персонально-национальной автономии. Заимствую эту идею у «моих друзей» иудейского вероисповедания, так как сама жизнь принуждает нас испытать их судьбу. Симпатичнейший Винавер, кажется, он меня особенно жалует за мою статью «Пытка страхом», которую он, впрочем, вряд ли читал, может в этом отношении дать вам очень полезные фактические указания.

Каким другим способом мы могли бы выработать тех «варягов», которых у нас могут потребовать? Ведь, в конце концов, России нужны будут люди, способные ею управлять. Каким процессом выявить этих людей, как не на опыте самоуправления Белой Россией, очутившейся за границей? Если и этот процесс не даст этих людей, то значит, их нет вообще в природе, т.е., вернее, среди нас. Тогда мы успокоимся и поставим точку.

Разумеется, дело может произойти и иначе. Варягов призовут из своей собственной среды по испытанному рецепту бонапартизма. Весьма возможно, что это именно так будет. В этом случае, разумеется, Белая Россия потянется на родину, ибо не приемлющих Бонапарта окажется немного. Но и в этом случае, чтобы пройти, если не в варяги, то в «подваряжки», все же надо этих последних в своей среде отыскать. А каким иным путем это можно сделать, если не в процессе политической работы над изгнанным за грехи двухмиллионным русским народом?

Я был бы очень рад убедиться, что в Советской России действительно существуют в наличности те, которых Вы называете словом «они». «Они», думающие о будущем России, «они», хотя служащие большевикам, но имеющие свой

определенный план и знающие, куда они идут. К сожалению, я убежден, что «их» нет. Процесс идет, и процесс грандиозный. Большевики воображают, что они насаждают социализм в России, а вместо этого выковывают будущую страшную, крепкую, сильно спрессованную и национально, *до шовинизма,* настроенную Россию. «Так тяжкий млат» и так далее... Но делается это стихийно, по каким-то неведомым никому законам, а вовсе не по воле мистических «их», которых нет.

Впрочем, насколько это зависит от меня, я буду «их» искать. Если найду, немедленно вам отпишу. Смотрите, отпишите мне также. Только не по почте, ибо письма читают все, кому не лень.

Резюмирую мой план.

1) Держаться Врангеля «до судорог».

2) .....

P. S. Обстоятельства с виду переменились, когда я подписываю это письмо, но, по существу, все то же. Не знаю, чем кончится это восстание, на которое, по-видимому, рассчитывает дуумвират Керенский-Милюков. Убежден в одном, что эсеры совершают самый наглый плагиат, ибо восстание идет отчасти стихийно, а частью под лозунгом «большевики против коммунистов». Эта формация мне хорошо знакома. Я наблюдал ее еще год тому назад в кавалерийской дивизии некоего Котовского, к которому попал в плен почти весь отряд полковника Стесселя. Эта публика произвела на меня впечатление той гущи, из которой со временем образуется воскресший «Союз русского народа». Во всяком случае, если в России будет период анархии, восстаний, мятежей всякого рода, нечто, что сохранит дисциплину, будет иметь все шансы, чтобы выплыть в этой каше. Здесь, около Константинополя, мы имеем ядро (галлиполийский лагерь), которое в этом смысле сейчас очень подтянуто: настроение его превосходно. Посещение Главнокомандующим лагеря было сплошной овацией. Не верьте всему тому, что говорят о «лагерных ужасах». Всё — сплошная ложь. Я был там лично и имею постоянную связь. Эта армия не только не кончена, а находится в расцвете своей боевой способности. Чтобы не было недоразумений, имейте в виду, что я говорю сейчас о 22 тысячах, находящихся в Галлиполи. Остальные лагери, где находятся казаки, легче разложить и поссорить с ген. Врангелем. Друзья Керенского и Милюкова стараются об этом изо всех сил, за что когда-нибудь, в особенности вашего друга Павла Николаевича, «проклянет всякий сущий в Ней язык».

Во всяком случае, я Милюкову никогда не прощу этого второго Выборгского воззвания. Разрушать из-за каких-то идиотских (ну, скажем, не идиотских, но, во всяком случае, проблематических) соображений реально существующую русскую силу и уже созданную организацию — это значит еще раз проделать трагический фарс под заглавием «что имеем, не храним — потерявши плачем». Между тем мы здесь думаем, что последняя добивающая политика французов (предъявлено категорическое требование ехать или в Бразилию или в Совдепию, и с 1 апреля прекращается паек) — это дело наших же русских в Париже.

Вы знаете, что я не легко монтируюсь. Но я в бешенстве. В таком же бешенстве, в каком я был, когда я видел бессмысленное разрушение «невознаради-

мых ценностей», о которых говорил Милюков. Скажите же ему, этому странному человеку, такому умному и такому в самых важных вопросах неразумному, что он именно и разрушает «невознаградимую ценность» — несколько десятков тысяч людей, покоряющихся одной воле. И притом воле весьма и весьма приемлемой и стоящей головой выше всякой керенщины. И ради чего это? Ради эсерских банд, подпольной шпаны, которая никогда не избавится от своего первородного греха и не способна править в положении легальной власти. Они ничего не дадут и даже в том случае, если победят большевиков, — кроме жесточайшей кровавой анархии, которую все равно придется прекращать белым. Я допускаю, что между Красной и Белой Россией будет какой-то промежуточный период кровавого месива. Но пусть с ним возятся все эти савинковы, балаховичи, военноначальники из бомбистов и наемных убийц. Но зачем понадобилось Павлу Николаевичу петушком бежать за Александром Федоровичем, не возьму в толк? Я так живо вспоминаю июнь 1918 года, когда он приехал в Киев и говорил мне, что мы накануне «второго Седана» и что «Германия поставит Францию на колени».

Напрасно я умолял его не губить свою политическую репутацию и творил заклинания при помощи телеграммы, которую, помните, передавал по радио через Москву. Но милюковское упрямство победило несомненный ум этого человека. Он пошел разговаривать с Эйхгорном... «Докончить ли старую песню?.. Звучит так печально она...»

И опять будет то же самое. А все потому, что он не понимает лучшей из французских поговорок:

— Fais ce que dois, advienne que pourra...[1]

Я расчувствовался, значит, пора кончать. Напишите мне.

(Подпись)

Константинополь 22/9 марта 1921 г.

Париж, 5 апреля 1921 г.

Спасибо за письмо. И пишите еще, и я буду писать, чтобы не вовсе перестать понимать друг друга: а кроме того, может быть, в этих писаниях кое-что покажется полезным друг для друга. Пока я могу констатировать одно: мы думаем в совершенно разных плоскостях. И это может быть понятно; мы в эти годы варились в разных котлах, и у нас не только разные выводы. Но и разные исходные точки. Вы жили в России; даже когда стали эмигрантом, продолжаете жить в русской атмосфере, не эмигрантской; я эти три года живу исключительно с иностранцами и эмигрантами. И любопытен результат этой разницы; я интересуюсь почти исключительно тем, что делается в России; на эмиграцию вовсе не надеюсь и даже мало ею интересуюсь. А вы думаете специально об эмиграции, о двух миллионах зарубежной России, которая что-то сделает в будущем и должна что-то делать в настоящем. Каждый надеется на тех, кого *не знает*. Для меня неясно, что происходит в России, которой я интересуюсь. Сведения, которые оттуда приходят, противоречивы; они сходятся в одном: на «нас» в России, т.е. на буржуазию и интеллигентов, рассчитывать не

[1] Делай, что должен, и будь что будет... *(франц.)*

приходится, мы там или деморализованы, или развратились, или погибли, мы ничего не сделаем. Если кто-либо может там что-то сделать, то это «низы». Вы тоже рассчитываете на стихийные процессы. Да, конечно, они будут и не могут не быть. Я на них тоже рассчитываю. И это меня не радует. Если Россия будет спасена стихийным процессом, это будет ужасно; стихийный процесс поведет нас не торной дорогой и приведет к плачевным результатам. Во-первых, он будет страшно медленным; большевики погибнут, но погибнут последними; раньше их погибнут остатки нас и все то, что было интеллигентного и инициативного в массе. А во-вторых, в известной стадии этого стихийного процесса в России появится вмешательство иностранцев, специфических иностранцев, обнаружится новое отношение иностранных государств к России. Вы и сейчас негодуете на них, и во многом это негодование я и понимаю, и разделяю; часто я чувствую его полнее, чем вы. Но это негодование сейчас вызвано тем, что иностранцы нам недостаточно помогают или помогают не так, как хотелось бы; но в известной стадии разложения России появятся иностранные акулы, которые поймут, что из России можно кое-что вытянуть, что это можно вытягивать не навсегда, а на продолжительное время и что на это стоит рискнуть; начало такого отношения уже замечается в Англии в вопросе о торговых сношениях и концессиях. Нам говорят, что это только новая политика борьбы с большевизмом; что, когда начнут торговать, завяжутся те постоянные отношения Европы с Россией, при которых большевизм, особенно в теперешних формах, не сможет существовать; иногда объясняют, что это просто внутренняя политика, что английскому правительству необходимо показать рабочей партии, что из торговли с Россией ничего не выйдет, покуда он находится под большевистским гнетом. Обе эти причины все-таки политика, хотя и ошибочная; но я боюсь того времени, которое, может быть, уже началось, когда это будет определяться вовсе не политическими, а гораздо более простыми соображениями... «Мы не сторож над братом нашим», какое нам дело до того, что происходит в России, на ее счет можно поживиться и нужно это делать как можно скорее; а если кто-либо будет иметь цинизм так открыто заявить и поступить, то за ним последуют и другие по правилу: «не я, так другой», и тогда в России появятся иностранцы как хищники и эксплуататоры. И как только они появятся и наберут от большевиков всяких концессий, то иностранные государства будут уже заинтересованы в том, чтобы сохранить то правительство, которое роздало эти концессии. И подобно тому, как сейчас одним из препятствий к признанию большевиков является их нежелание платить русские долги, так и тогда во всех попытках заменить большевистские государства будут ставить предварительным условием признание всех выданных им концессий. Конечно, это будет не всегда, а может быть, и ненадолго; но это все же грозит периодом, когда в России не будет большевизма в настоящем смысле этого слова, когда будут уважать собственность, будут торговать, будут все благополучия буржуазного строя, но будет все-таки нечто вроде dette Ottomane, режима капитуляции и других прелестей этого сорта.

Я боюсь этого периода больше всего потому, что он представляется наиболее правдоподобным. Мы все жили в ожидании чуда. Нам мерещился какой-то Минин, который в известный момент соберет за собою русских людей и пой-

дет выгонять «воров» и иностранцев. Чудом была бы и победа Колчака, и победа Деникина, и победа Врангеля; чудом было бы избавление России кровью и доблестью Добровольческой Армии, чудом была бы победа Кронштадта, когда бы из какого-то центра разлился бы вдруг революционный процесс, который смел и сбросил власть большевиков. Все это чудеса; но чудес не бывает, потому что всякое чудо делается верой, а веры больше нет.

А если не будет чудес, то процесс пойдет иначе. Большевики увидят, что идти прежней дорогой невозможно, что надо идти на уступки и, конечно, по линии наименьшего сопротивления. Этой линией наименьшего сопротивления, при этом той, которая больше всего обещает выгод, является вмешательство иностранцев. Каменев сказал правильно: «русские капиталисты сейчас же будут добиваться власти; иностранные капиталисты безопаснее, они будут добиваться только дивиденда: и потому, прежде всего, пригласим иностранных капиталистов». Конечно, в тот день, когда это будет сделано, большевики, у которых сохранится фанатизм и вера, будут видеть, что гибнет коммунизм в России, пропадают последние шансы на вынесение коммунизма в Европу; они будут кричать, бунтовать и саботировать. Их устранят.

Словом, вы меня понимаете. Все дороги ведут в Рим, и мы выйдем туда, куда хотели прийти. Этот период засилья иностранцев, может быть, будет даже гораздо короче, чем с первого взгляда кажется. Может быть, именно в борьбе с этими иностранцами создается тот национальный шовинизм, о котором вы пишете. Все это так, но дело в том, что при таком процессе не будет перелома; большевизм в целом не будет держать ответа перед Россией. В сущности, большевики и не будут низвержены; они останутся хозяевами в России; будет преемственность между Россией большевистской и Россией будущего, как была преемственность между революцией и Бонапартом. Не будет морального удовлетворения, что предатели получат возмездие от России. Они поедят друг друга сами, и сам большевизм исцелит большевизм. С точки зрения моральной потребности человека окажется большой недочет.

Но теперь я хочу сказать вам несколько слов по поводу ваших надежд. Вы еще недавно попали в положение эмигранта, сохранившего связь с остатками России, где дышат еще русским воздухом; в постскриптуме вашего письма вы приходите в бешенство при мысли, что эту ценность разбивают, что ее больше не будет. Прибавляю от себя, что тогда и вы и все остальные очутитесь в том положении эмигрантов, в котором я живу вот уже четвертый год. Не касаясь сейчас вопроса, как это вышло и что из этого следует, я только подчеркиваю, что вы настоящей эмиграции пока не видели; этим я объясняю те надежды, которые вы на нее возлагаете.

У вас в этом отношении поэтическая, но не реальная мысль. Вы хотели бы, чтобы вся русская эмиграция за кого-то держалась, дала иностранцам и Лиге Наций образчик того, как живут за границей русские люди, и вы (о судьба!) ищете вдохновляющего примера в еврействе, раскиданном по всей земле и сохранившем и связь, и организацию, и некоторую мощь. Все это очень красиво и, может быть, соблазнительно. Но это все-таки поэтическая вольность. Я не знаю, таково ли было еврейство в первое время после разрушения Иерусалима, когда оно очутилось в положении нас, людей, оторванных от родины, потерявших связь

с ней, живущих в чужой стране; проявило ли оно и тогда организацию, солидарность и влияние на ход всемирной жизни, которые вы ему приписываете теперь. Об евреях того времени мы слыхали, что они плакали на реках Вавилонских. Это могут делать и русские люди. Но у нас не сохранилось преданий, как евреи жили первое время, и могут ли они служить нам примером.

Главное наше отличие от современного еврейства то, что мы вовсе не сознали, что потеряли родину, и что нужно прочно устроиться за границей, не потеряв своего русского облика. Евреи так и поставили свою задачу: устроиться на чужбине, в чужих странах, но сохранить себя как евреев, как людей одной страны, одного прошлого. Ту же задачу решают наши духоборы в Канаде, остатки некрасовцев в Турции и т.д. Но наша эмиграция с этим не мирится и не скоро помирится. И она права. Вся наша эмиграция еще имеет родину и уверена, что скоро в нее вернется. Она не отчаивается, что при некоторых условиях более или менее скоро, но туда вернется. Отличительная черта эмиграции, тех, кто бежал из России — одни вольно, другие невольно, — заключается в том, что они предпочитают переждать это смутное время в условиях спокойного и, во всяком случае, безопасного существования и намерены вернуться в Россию тогда, когда там все уладится. Мы с необыкновенной легкостью говорим, что задача сбросить большевиков лежит на тех, кто там остался. Мы знаем, что там остались не только рабочие и крестьяне или солдаты, но и наши единомышленники, люди одного с нами класса, буржуи и интеллигенты; и мы осуждаем их за то, что они мало и плохо борются. Мы предоставляем им бороться в условиях голодного существования, под риском ежеминутного расстрела, и сочли себя правыми, что мы оттуда убежали. Ведь это бегство началось, как вы знаете, гораздо раньше, до большевиков, когда в России жить было можно.

В ту жизнь попали не только те безответственные статисты, которые могут нам говорить: «что вы с нами сделали», но и те, которые в той или иной мере сознательно поддерживали нас своей деятельностью, — журналисты, промышленники, ученые — все эти люди и составляют то — что мы называем эмиграцией. Два миллиона людей, которые составились из таких элементов, и есть та эмигрантская Россия, на которую возлагают не только обязательства (вы хорошо делаете, что не возлагаете, — они все равно не исполнят) — но на которую, во всяком случае, возлагают какие-то надежды. Я эту Россию наблюдаю четвертый год, и с меня этого достаточно. Я уже предъявляю к ней одно требование: чтобы она не мешала русскому делу за границей, ибо именно эта эмиграция в ее целом повинна в том, что сейчас происходит. Я говорю об эмиграции в ее совокупности, а не о положении, которое заняли отдельные лица. В этой эмиграции, конечно, есть и исключения трогательные: я знаю людей, которые ни на что не претендуют, несмотря на громкие титулы и счастливое прошлое, которые поступают то в чернорабочие, то в прислуги, то на самые скромные должности, ничего не просят, ни на что не жалуются... Эти люди, когда их видят и наблюдают иностранцы, мирят их с Россией; они внушают и уважение к ним и доверие к нам. Они в большинстве случаев хорошо поняли свои прежние ошибки и свои прежние вины. Но их, во-первых, немного, а во-вторых, по природе своей они не бросаются в глаза, не шумят, не привлекают к себе внимания; а потому впечатление, которое они производят, ограничива-

ется очень небольшим кругом лиц. Не они кажутся типичными для России, а кто знает, может быть, и действительно, не они типичны.

Гораздо более заметными, а может быть, типичными, являются другие. Сюда относятся и те, которые приехали сюда с деньгами, часто с большими деньгами, или настряпали деньги здесь, продавая иностранцам находящиеся у них в России имущества; эти богатые люди своего богатства не скрывают и не стыдятся. Они по-прежнему швыряют деньгами у всех на виду, демонстративно; и если иногда и платят дорого за билеты благотворительных спектаклей в пользу русских, то являются на эти вечера в таком ореоле богатства и роскоши, что от этой благотворительности просто тошнит. Конечно, этих людей всюду принимают, за ними ухаживают, но за спиной все про них же злословят и возмущаются их отсутствием такта. Другая категория — бедные люди. Это те, которые сохранили убеждение, что кто-то должен о них заботиться и их содержать; они требуют деньги то у французского правительства за то, что остались верны Антанте, то, и уже более настойчиво, от «русского государства». Когда их не удовлетворяют или удовлетворяют не полностью — они возмущаются, ругаются, обвиняют всех в казнокрадстве и т.д.

Еще гораздо больше случаев, когда эти просители просто лгут и занимаются мелким мошенничеством, столь типичным около благотворительных учреждений, комитетов, выпрашиванием денег на какой-либо билет до города, где они будто получили место, на уплату за квартиру и т.д. и т.д. Это — категория людей, которые думают только о себе, как прожить. Но не много лучше с теми, которые думают не о себе, а об общем деле, о России. Здесь обычная картина эмигрантских настроений. Каждый хочет делать все сам и от себя лично; вы помните свою статью «Пусти, — я сам». Желая делать «все сама», наша эмиграция ужасно боится, чтобы что-либо не сделали другие, вместо нее. О внутренних несогласиях она немедленно трубит вслух и торжествует победу, если успела кого-нибудь подорвать в глазах иностранцев. Это психология общая; и что бы ни говорили люди, что хотят единства, согласия, общего фронта, под этой терминологией скрывается, в сущности, только желание быть во главе этого фронта и выстроить всех за собой. Если бы дело шло о чисто идейных несогласиях, это было бы терпимо: но мотив этой деятельности гораздо более личный, конечно, не в смысле корысти. Все как будто боятся остаться в стороне, боятся, что что-то делается без них. Это опасение — быть устраненным от русского дела, остаться за дверью — достигает каких-то болезненных размеров.

Вот и судите сами, можно ли, не теряя чувства реальности, думать, что эту эмигрантскую массу вы какими-то путями приведете к одному знаменателю, заставите ее за кого-то держаться, как вы предполагаете. Конечно, если бы Врангель мог оказаться для них полезным, может быть, в мере этой пользы они бы за него держались; да и то держались бы, поскольку это им нужно, не отказывая себе в удовольствии его критиковать. Тогда, когда Врангель защищал Перекоп и когда от его успеха зависела физическая безопасность всего Крыма, в Крыму его признали... Если бы у Врангеля были в руках источники средств, которые бы шли всей эмиграции, то она, получая эти деньги и ворча, но его все-таки признавала. Но когда нет ни того, ни другого, к каким «человеческим» чувствам делаете вы призыв, чтобы они за него продолжали держаться?

Что бывшие его соратники по оружию, для которых он единственный и естественный ходатай, за него держаться, это я хорошо понимаю, да, наконец, это происходит в той среде, которую не могу назвать эмигрантской, так она недавно вышла из России. Она не типична. Но как только вы отойдете от этих центров и пойдете дальше, то Врангеля могут признать вождем только из желания насолить другим; они могут признавать его только *против кого-либо,* как можно «любить» против кого-нибудь. Вот почему я не только не думаю, чтобы можно было спастись на вашем совете «держитесь за Врангеля», но не думаю и того, чтобы после его падения, если оно совершится, его можно было чем-либо и кем-либо заменить. Я считаю, что эмиграция сделает максимум того, что она может сделать, если она здесь за границей не будет вредить России, не будет приводить иностранцев в отчаяние и разочарование; если она просто сумела бы с достоинством жить, никому не надоедая, ни на что не претендуя. Губит ее основное желание играть за границей политическую роль; а в вашем совете это желание содержится полностью. Вы этим двум миллионам людей приписываете политическое значение. А я в это не верю. Врангель был силен, когда он был в России. Поскольку еще можно было рассчитывать, что он и за границей останется во главе войск, которые можно куда-либо бросить, он продолжает быть силой. Когда же он перестанет быть во главе такой силы и превратиться в эмигранта, и он должен отказаться от претензий на политическую роль.

Если бы русская эмиграция не смогла бы никогда вернуться в Россию, то через несколько поколений из нее, может быть, выработалась бы сплоченная сила; да и это едва ли; одни бы погибли, а другие бы приспособились к условиям заграничной жизни. Но чтобы в настоящее переходное время можно было что-либо основать на эмиграции, я считаю глубоко ошибочным. Поэтому, в отличие от вас, мой интерес совсем не в ней, а к тем людям, которые что-то делают в самой России. Я уже вам говорил, что относительно них у меня нет оптимизма, т.е. оптимизма в том, что это быстро кончится, и оптимизма в смысле торжества исторической справедливости. *Там восторжествует подлость.* Впрочем, в этом тоже есть и некоторая справедливость, ибо это, в сущности, значит, что мы получим по заслугам за нашу претенциозность, легкомыслие и политическую бездарность. Но эмиграция — эмиграция, живущая мечтами, что другие должны о ней заботиться, что она имеет какие-то права на эту заботу, эта эмиграция в моральном и в политическом смысле стоит на ложной дороге: не ей спасти Россию, и не ей управлять ею.

Я вам говорил, что я не верю в возможность эмиграции играть политическую роль в России; это я повторяю. Но иметь влияние заграницей, на заграничную политику, она могла. Эта возможность требовала только двух условий — *ясности и единодушия.* Надо бы помнить, что жизнь России от нас не зависит, что она пойдет по-своему и глупо мечтать управлять ею из-за границы. Здесь же надо было поддерживать одно: отрицательное отношение к большевизму; а для этого тоже только одно: поддерживать веру в нас нашей политической сплоченностью. Вот вся политическая программа эмиграции. И ясно, пока были антибольшевистские центры, действующие, имеющие то, чего мы не имеем, *власть и территорию,* все должно было сосредоточиваться около них или около тех, кого они бы признали. Они были хозяева положения. Но когда они это

положение потеряли, надо было выстроить новый фронт, принимая в учет *всё*. Мы же — одни стали кричать: долой Врангеля. А другие: vive quand meme Врангель. Мы теперь ищем виноватых в этой своре: бесполезное занятие. Просто мы остались тем, чем мы были, т.е. людьми, которые ссорятся. Ибо кто-то за них думает и действует. Все это я говорю, чтобы показать, что, как ни обидно то, что делают иностранцы, в этом приходится больше винить нас самих, а не их. При ином *нашем* поведении было бы иное к ним отношение. И я не сомневаюсь, что в тот день, когда опять появится просвет, надежда на то, что Россия выплывает, со стороны иностранцев мы опять увидим такую искреннюю готовность идти к нам на помощь, при которой то желание им отомстить, которое скапливается в наших душах, может оказаться беспредметным. Я говорю, конечно, об иностранцах-друзьях, на которых мы сейчас негодуем, а не врагах, которые хотят на наш счет поживиться.

Ну, довольно, и так я вам написал больше, чем собирался, буду ждать вашего ответа.

«Лукулл»

Я уже знал эту хорошенькую яхту: однажды мне случилось сделать на ней переход в шторм. Она держалась бодро. Но назначение ее при постройке, насколько я знаю, был именно Босфор: здесь она должна была служить для поездок нашего посла. И Судьба устроила так, что умереть суденышко пришло, так сказать, на родину. Именно на Босфоре оно выполнило свою последнюю и историческую миссию.

Впрочем, — стоя на якоре...

* * *

Генерал Врангель вызвал меня на «Лукулл» по одному делу... Дело было связано с Кронштадтским восстанием. «Кронштадтское восстание», как известно, смутило не один «горячий ум». Так вот и я тоже немножко тронулся...

В газетах были напечатаны рассказы «очевидцев» о том, что, как отзвук Кронштадта, «весь юг в огне восстаний». В частности, «лицо только что бежавшее в Константинополь из Одессы» утверждало: что в последней большевики свергнуты. Их заменил, будто бы, какой-то кишмиш из «властей» — так сказать, варьете из украинцев, ропитовцев (рабочие Русского Общества Пароходства и Торговли), немцев-колонистов и Городской Думы. Под влиянием этих сообщений у меня «созрел» план, в котором, как стало видно потом (все сообщения оказались махровыми утками), не было ничего зрелого. Поэтому об этом не стоит распространяться, скажу только, что меня магнитом тянуло в то время к этим опасным берегам. Впрочем, это объяснялось очень просто: помимо всего прочего, у меня в Крыму и в Одессе были тогда близкие люди, жизни которых угрожало два врага — один страшнее другого: голод, который неизбежно должен был надвинуться, и террор, который уже свирепствовал. По позднейшим данным, данным самих большевиков, от голода погибло в Крыму 100 000 человек. Что же касается убитых в Крыму чрезвычайкой, то число их определялось от 50 000 до 100 000.

Естественно, что при таких условиях:

«Невольно к этим грустным берегам
Влекла меня неведомая сила».

* * *

Генерал Врангель почти безвыездно жил на «Лукулле». Об этом просили его «власти». Поэтому он был как бы «Лукулловский узник». И вот почему эта маленькая яхта, болтавшаяся на Босфоре, стала как бы коробкой того сильного аккумулятора, которым был генерал Врангель. Ток высокого напряжения на «Лукулле» и был той психической энергией, которая в стиле XX-го века, т.е. «сан филь»[2], передавалось в Галлиполи, Лемнос и другие места, поддерживая и сберегая «невознаградимые ценности». Те самые невознаградимые ценности, разрушая которые, Милюков вознаграждал себя за, очевидно, слишком долгую созидательную деятельность.

Когда-нибудь психолог задумается над тем, каким образом удалось «Лукулловскому узнику» держать под своим психическим влиянием десятки тысяч людей, брошенных в условия, способные ввести в искушение самых неискушаемых. «Сознательная дисциплина», о которой мечтал Керенский, неожиданно осуществилась и облеклась во плоть и кровь в 1921 году. Причем это произошло на совершенно противоположном «полюсе» —там, где скорее были бы понятны и приложимы слова поэта:

«Но у меня есть палка,
И я вам всем отец»...

А тут не было ничего. Не только палки, но даже «радио» не было в руках у генерала Врангеля. Разве о волшебной палочке тут могла идти речь.

Впрочем...

Впрочем, тут есть маленькая поправка. Не было ни палки, ни палочки, но зато был генерал Кутепов.

Представим себе эллипсоид. Эллипсоид — это, как известно, растянутый шар. У него — два фокуса. Но свойство эллипсоида таково, что слова, сказанные шепотом в одном фокусе, ясно слышны в другом. Так вот, у босфорского русского эллипсоида 1921 года было два фокуса: Врангель и Кутепов. Между этими двумя людьми установилось такое полное понимание, что мысль, вибрирующая на «Лукулле», целиком собиралась в галлиполийской палатке и обратно: галлиполийская обедня ясно слышна была в каюте Главкома. Эти два человек находились на одной оси, как и должны быть два фокуса, и ось эта была французской поговоркой:

«Fais ce que dois,
Advienne que pourra».

А вот Милюков был всегда совершенно вне этой поговорки. И это потому, что над ним совершилось — «горе от ума».

* * *

Все несчастья Милюкова происходили и происходят от того, что он действительно умен. Поясню сие примером. Однажды у себя в деревне, в одну

[2] беспроволочный телеграф *(франц. — sans fil)*.

очень непроглядную ночь, я, «сделав великое изобретение», приспособил к своим саням сильный ацетиленовый фонарь. И вот вначале, пока ехали усадьбой и селом, все шло прекрасно. Но когда мы выехали в широкие поля, мы потеряли дорогу, совершенно занесенную снегом. Кучер стал упрашивать, чтобы я потушил фонарь. Я удивился. Но он утверждал:

— Без фонаря выеду.

Я потушил и безнадежно закрылся воротником. А он нашел дорогу.

— Как же ты?

— Он мне глаза слепил!.. Близко вижу хорошо, а дальше — ничего! А как потушили, я вот тот огонек нашел — я его знаю: это будка на шоссе.

Огонек, действительно, мерцал еле заметной туманностью. Но это была путеводная туманность.

Так вот и с милюковским умом. Он светит ярко, вроде ацетиленового фонаря, да только не дальше куриного носа. И потому направления найти не может, когда «все дороги занесены». Милюкову жалко потушить «гордый свой ум», ибо горит он ярко, уверенно, резко выявляя ближайшее. Но если бы решился и потушил он этот гореумный свой фонарь, то, может быть, в непроглядной сначала глубине своего внутреннего «я» нашел бы «путеводную туманность».

* * *

В эпоху крушения национализма, т.е. в XX веке, пора перестать рассудочным путем осиливать вещи, рассудку пока не поддающиеся. Не то чтоб логика была не верна. Нет — логика правильна. Но вопросы, над которыми приходится биться в политике, это почти всегда — одно управление с бесконечным числом неизвестных. Математик в таких случаях говорит: вопрос неразрешим. А политик, типа Милюкова, все же берется за задачу, и дает рационалистическое разрешение, будто бы основанное на логических построениях. Но в этих построениях всегда фигурируют посылки недоказанные и недоказуемые. Например, Милюков утверждает: «генералы доказали свою неспособность бороться с большевиками». Но какая же это «доказанность»? Имеет ли она что-либо общее с тем, когда геометр или алгебраист говорит: «итак, мы доказали...» — и все его слушатели совершенно с ним согласны, что «предыдущее положение» действительно доказано? Нет — Милюковская доказанность «неспособности генералов» может быть опрокинута с совершенной легкостью противоположного рода утверждением: «генералы доказали, что они были единственные, кто способен был организовать борьбу с большевиками. Ибо не генералы не сделали ровно ничего. Неуспех же генералов объясняется низкой гражданственностью русской стихии, которая испортила дело Алексеева, Корнилова и Деникина». Этот спор можно продолжать до бесконечности. Все можно утверждать, и все можно опровергнуть.

Поэтому во всех наших делах, где нельзя базироваться на точных данных, логика может быть только элементом служебным. Решающим же является «категорический императив», диктующий нам нашу линию поведения.

* * *

Почему родилось сопротивление белых? Да только потому, что в груди как вожаков, так и рядовых, с одинаковой повелительностью, в конце 1917 года

вспыхнул категорический императив: «не желаем подчиниться негодяям, захватившим Россию! Желаем драться с ними до смерти!» — и больше ничего... Все остальное приложилось потом.

Такие категорические императивы выплывают из глубины нашего существа иногда совершенно для нас самих неожиданно, а иногда вполне ожиданно, как естественное последствие стройного ряда однородных стимулов. Последние случаи говорят, что здесь сыграли роль глубоко заложенные основы или традиции.

Так или иначе, но только в этих «диктовках души» человек может найти свой путь, «когда занесены дороги». Когда все кругом неясно, непонятно и темно, и разум отказывается служить, как мой ацетиленовый фонарь, тогда говорит «даймон» древних греков, внутренний голос, по-нашему. Он говорит: «Не думай о том, что выйдет из твоих поступков, ибо твой разум слаб и не может подсказать тебе результатов; везде вокруг тебя и свет и тень, и «да», и «нет» — и нет ответа; думай о том только, где твой долг, думай о том, что ты должен сделать, что бы ты был продолжением самого себя и звеном того, что из рода в род, из века в век звучит в человеческом сердце; поступи так — и тогда будь что будет».

«Fais ce que dois,
Advienne que pourra».

* * *

Так вот, когда «генералов» выбросило на босфорские берега и перед ними встал вопрос «что делать», властно зазвучал категорический императив их военной совести: «надо сберечь армию!».

Для чего сберечь — этого никто не мог знать тогда, наверное. Но категорический императив звучал неумолимо и ясно: душевную силу, собравшуюся вовремя, надо сохранить физическую, а главное — душевную силу, собравшуюся во имя спасения Родины; распустить «армию», это значит украсть у России лучшее, что у нее осталось. Этого не захотели сделать ни Врангель, ни Кутепов, ни другие: вих сердцах слишком сильно звучала заповедь — повеления: «паси овцы моя».

И они взяли на себя этот крест. Крест такой тяжести, что просто можно было удивляться, как эта игрушечная яхта, стоящая передо мной, выдерживает его вес.

* * *

Правда, тяжесть задачи облегчалась тем, что те же чувства, которые приказали начальникам сберечь армию, родили в душах подчиненных не менее энергичную волну: «не желаем расходиться; не желаем быть эмигрантами; желаем быть армией!».

На этом выросла удивительная фигура Кутепова.

Когда в декабре 1920 года я был в Галлиполи, еще недавно «обрусевшем», ох, как скулили насчет Кутепова — должен это засвидетельствовать. И до такой степени, что, когда я после этого был у Врангеля, у меня на языке все время вертелось желание предупредить его о таком настроении лагеря. Я этого не сделал: в самом этом скулении я, очевидно, уловил нечто, что меня удержа-

ло. Как я внутренне себя поздравлял с этим, когда через год галлиполийцы стали гордостью русской эмиграции, сами же они гордились своим Кутеповым! Самое интересное тут то, что всеобщая любовь и уважение были куплены генералом Кутеповым, прежде всего, неумолимой его строгостью.

* * *

Но все же это был крест, требовавший необычайных усилий и постоянного, неумолчного напряжения.

Генерал Врангель, в условиях международного переплета, проявил себя, если можно так выразиться, искусным фехтовальщиком.

Дело было, собственно, так: вся Европа, по крайней мере, все Великие Державы, желали, чтобы генерал Врангель распустил свою армию. Соображения тут были всякие, которые, однако, обнимаются двумя латинскими словами vae victis[3], каковые слова на грубый русский язык переводятся с хохлацким прононсом: «скачи враже, як пан каже»...

Как бы там ни было, но генералу Врангелю пришлось «вести бой», или, по крайней мере, диспут один на один со всей Европой, и притом при особых обстоятельствах: не имея денег, причем от этой же Европы приходилось получать «паек», т.е. содержание армии. Правда, за паек Европа отбирала у нас корабли, но это мало принималось в расчет. Поэтому положение Лукулловского узника было особенно трудно.

Схема поединков была, насколько я понимаю, такова:

Европа: Генерал! Европа желает, чтобы вы дали приказ о расформировании армии.

Врангель: Мне очень жаль, так как я полон лучших чувств к бывшим и, надеюсь, будущим союзникам России, мне очень жаль, потому что я такого приказа не дам...

Европа: Генерал! Вы берете на себя большую ответственность. Нам совершенно нежелательно прибегнуть к мерам принуждения...

Врангель: К мерам принуждения? В отношении кого, смею узнать...

Европа: В отношении вашей армии. Мы лишим их пайка.

Врангель: Как досадно, что вы ставите вопрос так. Но в виду бывших и будущих отношений я считаю долгом вас предупредить: повиновение имеет свои границы, и я не ручаюсь...

Европа: Как это надо понимать?

Врангель: Голодные, и притом вооруженные люди... естественно... пойдут, ну скажем, «добывать себе хлеб»... Что из этого выйдет, я думаю, ясно.

Европа: Генерал! Мы можем быть вынужденными принять меры против вас лично.

Врангель: О, я буду страшно рад! Вы снимете меня с моего поста! А он не особенно приятен, как вы видите. Но я должен сказать, что добровольно я не уйду. Вы можете арестовать меня только силой. К сожалению, генерал Кутепов....

Европа: Что, это значит?

---

[3] горе побежденным *(лат.)*

Врангель: Это значит, что если он, очень решительный человек... сочтет своим воинским долгом вступиться за своего начальника, то он таковое свое решение выполнит, и двинется... на Константинополь. Конечно, вы его остановите, но после кровавого боя. Если это желательно...

Европа: Но мы надеемся, что вы дадите им приказ подчиниться.

Врангель: На «Лукулле» я такого приказа не дам. А если я его дам из-под ареста, то его не исполнят... Ибо скажут, что он исторгнут силой.

Европа (после раздумья): Генерал! Вы не хотели бы проехаться куда-нибудь... для переговоров.

Врангель: Очень польщен и тронут, принимаю приглашение с величайшим удовольствием.

Европа: Какое условие?

Врангель: Пустячное... Я получу письмо от главы правительства той страны, которая мне сделает честь меня пригласить, в коем письме будет сказано, что я вернусь беспрепятственно обратно на Босфор и что за время моего отсутствия никаких мер против армии не будет принято...

Европа: Такого письма быть не может!

Врангель: Какая жалость. Мне надоел «Лукулл»... Я с удовольствием проехался бы... досадно.

На этом, или чем-нибудь подобном, разговоры обрывались. Европа, подумав, продолжала паек, а на Босфоре сохранялось status quo...

Что будет дальше? Об этом пока не думалось.

Довлеет дневи злоба его...

Из лагерей доносилось ясное биение русского эллипсоида:

— Не желаем расходиться! Верим Главкому!

Отразившись от всех стенок, «категорические императивы» собирались на «Лукулле»...

И крепили Главкома.

Поэтому он вел дальше свой урок фехтования — безукоризненно упрямый и очень вежливый. Относительно такой тактики сказано:

C'est commande aux chevaliers...[4]

Русский совет

В сущности говоря, мысль, что нужно объединиться, была жива во всех слоях и лагерях русской эмиграции... Но осуществляли мы ее, вроде как в оперетте «Вампука, невеста африканская»: «Ужасная погоня — бежим, бежим, бежим» — и ни с места...

Все кричали, что нужно объединиться. И все делали все, чтобы разъединиться. Пример этому подал русский Париж: люди, которые три года «наблюдали», — плюнули в глаза (по выражению Львова) тем, кто три года «кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лиях и лиях»....

Так было — так будет... Мы проиграли. Разве бывают друзья у побежденных? Кто удержится от искушения лягнуть умирающего льва?..

---

[4] Это приказ рыцарям... *(франц.)*

Русский Париж и приложил свое копыто. Приложил ко лбу тяжело раненной русской армии, нашедшей приют на берегах Босфора...

* * *

«Исполнительная власть да подчинится власти законодательной»...

Эта формула едва не погубила Россию в первую революцию. Но тогда «исполнительная» (Столыпин), разогнав две первые Думы и приспособив третью «законопослушную», — спасла себя и «законодательную»... В 1917 году Столыпина, увы!, не было, а потому «законодательная» (4-я Дума) съела «исполнительную». Но немедля после сего «с натуги лопнула»... В этот момент образовалась новая «исполнительная» (князь Львов, Керенский). Эта новая «исполнительная» стала собирать новую «законодательную» (Учредительное Собрание), коей собиралась подчиниться. Но, не собрав — лопнула... Тогда родилась следующая «исполнительная» (Ленин). Эта «исполнительная» не собиралась подчиниться «законодательной». Поэтому, когда собралась «законодательная», т.е. Учредительное Собрание, матрос Железняк ткнул ему в зубы прикладом, вследствие чего «законодательная» лопнула... Когда это совершилось, стали образовываться, кроме московской, разные другие «исполнительные» — на Севере (Миллер), на западе (Юденич), на юге (Деникин) и на востоке (Колчак). Все эти окраинные «исполнительные» предполагали в том или ином виде *подчиниться* «законодательной». И все четыре не выдержали борьбы с большевиками. В этой борьбе удержалась только центральная «исполнительная», т.е. московская — большевистская, которая *не подчинилась «законодательной»,* а наоборот, *приспособила ее к себе.* Приспособила в виде декретопослушных советов и удержалась. Правда, удержалась «рассудку вопреки, наперекор стихиям», поставив Россию вверх дном, но все же удержалась...

Итак, на протяжении 1905-1917 гг. *все «законодательные» были неизменно биты.* Биты были также и все «исполнительные», собирающиеся подчиниться «законодательной». Удерживались более-менее прочно только те «исполнительные», которые сумели приспособить к себе «законодательные». Крепко держалось Императорское правительство (при Столыпине), пока оно руководило Государственной Думой (1907-1912), и держится пока большевистское правительство, взявшее на строгий мундштук «Советы» (1917-1921).

Из этой краткой справки, казалось бы, выходит, что принцип «исполнительная власть да подчинится власти законодательной», *хотя бы на время* должен бы быть приостановлен. Так лет на пятьдесят...

Но русские все, по-видимому, бурбонской крови — ничему не могут научиться...

Поэтому среди жалких остатков, среди искалеченных обрубков русского тела, выброшенных на чужбину, немедленно возобновился старый спор «исполнительная да подчинится законодательной»...

Груда костей и мяса, обагренных страданием... Казалось, единственный крик, который они могли бы издавать, — единственный и единый: «Больно, больно, больно»!..

Так нет же...

Мясо шипит, заливаясь кровью: «Кость пусть подчинится мясу»!.. А кость, ломаясь и хрустя, хрипит: «Врешь, мясо, — подчинись кости»!..

Тридцать три члена Учредительного Собрания (из 8000) доползли до Парижа без зубов, выбитых Железняком, и кричат что есть силы:

— Нам поклонитесь!

А семидесятитысячная армия (из 10-ти миллионной), простреляннная, как решето, оставляя за собой струйку крови, раздетая, бездомная, кричит на голом поле Галлиполи:

— Подчиняйтесь Армии, тыловые бездельники! Довольно «нашей кровушки попили»!

* * *

Что ж! Пожалуй, они правы. Ведь опыт пятнадцати лет показал, что «законодательная» бита неизменно, а «исполнительная» выплывает, если сумеет приспособить «законодательную»...

* * *

Из этих соображений (может быть, и даже наверное, иначе формулированных), мне кажется, родился Русский Совет, т.е. попытка в условиях эмиграции власти «исполнительной» (генерал Врангель) приспособить власть «законодательную» (общественность)...

Я относился вначале к этому начинанию несколько скептически. Мне осточертели всякие Совдепы, Комиссии, Совещания — просто, и «Особые» в особенности — словом, всякое заведение, где творится что-то скопом: par depit[5] мне хотелось бы, чтобы мир управлялся так:

Три лица...

I. *Тот, кто думает,* человек, которого никто не знает. Son eminence grise...[6] Рамольный старик, прикованный к постели... Вся жизнь сосредоточилась в мозгу, совершенно необыкновенном, и в сердце, еще более удивительном. Он обдумывает и обчувствывает, что надо сделать.

II. *Тот, кто приказывает.* Глава Правительства, железный канцлер. Он приводит в исполнение все, решенное старцем.

III. *Тот, кто говорит.* Словоизвергатель — главнокомандующий. Делатель общественного мнения посредством печати и производства выборов. Он подсказывает «народу» решенное умным и добрым стариком.

Революционные правители были таковы. Князь Львов не умел ни думать, ни приказывать, ни говорить. Керенский умел только говорить. Ленин умеет приказывать и говорить, но совершенно не способен думать — он очень упрямый дурак или сумасшедший. (Позднее оказалось, что он «прогрессивный»...)

В Столыпине совмещались все три качества: думал, приказывал, говорил...

Если в Русском Совете найдутся три лица, способных выполнить эти три задания, то такой Русский Совет я бы понял:

Думающий, приказывающий, говорящий...

* * *

Но если не найдутся, а просто генерал Врангель хочет привлечь к своему делу «общественность», то и это нужно...

---

[5] от досады *(франц.)*

[6] его тайный советчик *(франц.)*

Но, Боже мой, как мясо зашипело...

«Белая кость... генеральско-помещичья клика»...

Точно его прижарили...

И не захотело «демократическое» розовое мясо обрасти «аристократическую» белую кость...

Так Русский Совет и остался скелет-скелетом...

* * *

Как бы там ни было, дело было поведено очень энергично, и 5 апреля нового стиля Русский Совет открылся...

* * *

Ambassade de Russie. Там есть шикарный вестибюль с белыми колонами. Так вот там это было...

Торжественный молебен. Архиерейское служение. Народом (и каким — elite!) залито все между колонами и даже величественная лестница в цветах... Голос диакона, журчащего священные слова, словно из глубины Китеж-Града; золототканая парча, говорящая о сказке, Боге и Родине; кадильный дым — как струящаяся молитва, и звуки молитвы, как кадильный фимиам... Стройные ряды молодых лиц, и высоко над ними и над всеми изящный профиль Главкома... И кругом все... все, кто верует в Бога и Россию... и даже некоторые неверующие...

* * *

Потом началось заседание. Торжественное заседание. За столом «крытым сукном» — только что родившийся Русский Совет; кругом — приглашенные...

Речи...

Вот речь Главкома. Главком (на звук) говорит смесью светского человека и «фронтовика». Выговор салонный, а фразы скандируются в короткие и протяжно заканчивающиеся возгласы — чтобы далеко было слышно и рядом... Пока идет спокойное изложение, доминирует «светскость»... Затем, когда начинаются призывы к сопротивлению... к мужеству... к борьбе... «фронтовые» нотки явственно врываются в «салонность»... Пахнет штыками, длинными рядами замерших войск, шелестящими знаменами, нависшими, как приближающийся прилив, «ура»...

— Здорово, орлы! Да поможет Бог всем нам и России!..

* * *

«Господа члены Совета. Учреждение, вызванное к жизни нашими совместными усилиями, приступает к трудам чрезвычайной важности.

Новое учреждение, созданное при такой исключительной обстановке, не может притязать на совершенство. Но, к сожалению, трудно было рассчитать, что оно образуется иным путем. Разбросанность русского населения по всем концам света, противоположные, враждующие течения, в пределах одного и того же политического толка, а также другие обстоятельства не позволяли надеяться, что русские люди сами сговорятся и создадут орган, более полно отражающий общественность. Наоборот, имелось много оснований для опасений, что важный и спешный вопрос — создание единого русского органа за границей,

предоставленный своему стихийному течению, не пойдет дальше бесплодно затяжных разговоров и препирательств.

За четыре года переворота, скитаний, борьбы, попутных опытов строительства мы научились многому. Мы менее поддаемся соблазнам слова, какие бы прекрасные понятия за ними ни скрывались. Мы полностью познали ценность производительной работы, суровая же действительность научила, что не только мечты, воображение и чувства, но даже строго последовательные, казалось бы, выводы бесстрастных умозрений — в приложении к жизни могут обратиться для народа в неслыханные пытки и привести его на край гибели.

Стало ясным и другое: после своих переживаний страна не может вернуться к берегам, от которых она оторвалась четыре года тому назад. Она будет, она должна быть другой. Опыт, купленный такой ценой, не может пропасть даром. Русский народ в своих испытаниях обретает прирост гражданского сознания и дара самодеятельности. Какие бы порядки ни установились в России, во всех будущих построениях надо будет считаться с раздвинувшимися стенками народного разума и души.

Обширны задачи Русского Совета. За рубежом собралась вся вырвавшаяся из большевистского застенка Россия. Не раз уже подчеркивалось, что это мозг нации. Я думаю, что к этому ядру, выкинутому за пределы Родины, примыкает вся нация, что с нами вся нация. Не прекращаются обращенные ко мне призывы о помощи, идущие со всех концов России... Еще на днях из крупнейшего российского центра с великими трудностями мне доставлена икона и приветствие с просьбой «от всех русских людей» довести до конца дело освобождения. Не проходит недели без отлива за границу новых беженцев. Недавно ушли в изгнание новые десятки тысяч из Грузии и Кронштадта. Охвачена противосоветским движением вся оставшаяся дома Россия, стремлениями и чаяниями тесно связанная с Россией за рубежом. Россия, народная толща ее, по-прежнему едина.

На вас, господа члены Совета, лягут заботы по обеспечению многообразных духовных и материальных нужд русского населения, по сбережению живых сил для окончательной борьбы за освобождение России, для будущей работы, направленной к восстановлению хозяйственной жизни и государственного порядка.

Вам предстоит взять на себя сохранение остатков государственного достояния, для расчетливого и целесообразного использования их в интересах русского дела.

Вы будете блюстителями единого святого начала российской государственности. Вам предстоит воплощать это начало перед миром. Оно не может олицетворяться международным заговором, преследующим исключительно цели мирового коммунистического переворота.

Первый долг Совета — возвысить голос в защиту Русской Армии, над которой нависла угроза насильственного роспуска. Три года тому назад Армия отвезла в южные степи бездыханное тело русской национальной идеи и под сенью своих знамен вернула его к жизни безграничными жертвами и кровью лучших сынов России. Ни один русский человек, я скажу больше, ни один прозорливый современник, не может остаться безучастным зрителем рас-

пыления силы, сбереженной при столь трудных обстоятельствах и призванной к завершению борьбы за спасение родины и коренных устоев цивилизации.

Вам предстоит стать на страже целостности, экономической самостоятельности и сохранности хозяйственных благ России. Вы войдете в обсуждение вопроса, могут ли почитаться имеющими силу для будущего неосмотрительные соглашения с мнимым представительством России в лице Совнаркома. Совет, в первую очередь, также посвятит внимание необходимости предостеречь державы о недействительности признаний, поспешивших закрепить вызванные смутой преходящие явления временного распада России.

Деятельность Совета должна протекать вне обособленных домогательств партийных образований. Они давно обратились в пережитки, утратившие смысл прежнего своего предназначения. Но даже эти партии, как бы цепко они ни держались прошлых своих заданий и тактических приемов, свободно могли бы идти теперь сомкнутым строем к осуществлению бесспорных и очевидных задач текущего времени. Подобное слияние усилий могло бы последовать, конечно, при условиях, если в сердцах отдельных деятелей образ страдалицы Родины заслонил угасающую жизнь отживших свой век политических сочетаний.

Господа члены Совета! Русские люди ныне отчетливо сознают тяжесть утраты Родины. В то же время никогда еще столь остро не ощущалось кровная связь с родной землей. Невзирая на все ошибки и падения в нас растет гордое сознание, что мы русские и что перед Россией открывается будущее беспредельного исторического значения. Бедствие великого народа — источник его великого подъема!

Да поможет Господь Бог нашим трудам.

Объявляю действие и первое заседание Русского Совета открытым».

* * *

Многие еще говорили... В том числе и аз многогрешный.

После этой речи кто-то сказал кому-то на ухо:

— Если Милюков отец бестактности, то Шульгин — дедушка...

И правда, слабая была речь. Претенциозная ненужность...

* * *

Мораль сей басни: мансарда до добра не доведет.

И действительно: виданное ли дело — с чердака да в министры!

* * *

Может быть, поэтому (от резкости перехода) я заболел и лежал полтора месяца в постели... И мало принимал участия в работах русского Совета...

Поэтому я не берусь быть его историком...

Терапия

На мосту через Золотой Рог надо впопыхах купить орешков на пять пиастров, затем протолкаться сквозь густую толпу вниз по ступеням, чтобы взять билет, и наконец, последним вскочить на шаркет, когда уже убрали сходни... Тогда вы будете настоящим русским: русские всегда куда-то едут, всегда куда-то спешат, всегда куда-то опаздывают...

Шаркет — очаровательные суденышки... Быстрые, плавные, ловкие и даже нарядные, они совершают свою службу с удивительной аккуратностью. Изящно они несут на себе кишмиш человеческий, разноцветный, разномастный, разноплеменный... Борт шаркета обыкновенно обрамляет черная шелковая кайма турчанок, иногда открывающих свои белые-белые, сохраненные гаремом лица... Они хорошенькие — красотою несложности... красотою магнолий... красотою женщин «без прошлого»... Напрасно искать на этих лицах, сколько книжек они прочли, сколько походов пережили и сколько мужей переменили... У них большие глаза, широко расставленные, лица полудетские, угадывается еще здоровое, но уже изнеженное тело под шелком и тонкие косточки под телом... Эти тонкие косточки ca donne a penser...[7] Вообще они — женственные...

Русских всегда много на пароходе... Их не трудно узнать... Мужчины всегда почти носят что-то вроде френча, дамы... Дамы, в противоположность турчанкам, узнаются по «сложности» лиц... Чего в них только нет... Красота душевного развития и безобразие физического вырождения, болезни, лишения и «плоды просвещения» провели на русских лицах почти равные черты... Рядом с прелестью побеждающего духа — маска смерти тела. Увы, я ее часто вижу на русских лицах... Молоденькое лицо, а на нем — печать смерти... Смерти не грядущей когда-то, а уже стоящей за спиной... Что это — болезнь личная, какая-нибудь чахотка, или же это грехи предков — вырождение, или же это — кокаин, пьянство, или же это — моральное падение, обуславливающее в итоге смерть, — не знаешь, но чувствуешь Ее... Она смотрит с этих «сложных» лиц так часто... И так редко попадается благородное, железно-нежное существо, которое все выдержало, все испытало, и все стерло с себя силой заложенной в нем жизни, грязь и кровь не оставили на ней следа. Задумчиво опершись о борт шаркета, она скользит по Босфору, более нежная и юная, чем эти турчанки-магнолии, сбереженные гаремом...

«Меж шумными, меж вечно пьяными,
Всегда без спутников — одна»...

Да полно, есть ли они?..

«Иль это только снится мне?..»

Если и нет, то будут...

«Не говори с тоской — их нет,
А с благодарностию — были»...

* * *

Терапия была раньше дачей английского посольства... Но еще раньше, вероятно, была загородной виллой какого-нибудь турка... Расположение комнат указывает, что, вероятно, здесь был гарем: большая общая, в которую выходит много дверей из маленьких комнат, что кругом... А если гарема не было, то очень жаль — самое ему тут место, среди буйства вьющихся роз, «душного дыхания» каких-то совершенно уже неистовых цветов и роскоши белотельных, словно выкормленных на сладком щербете, магнолий...

---

[7] это наводит на размышления... *(франц.)*

Теперь же, вместо магнолий и Шехерезады, здесь общежитие из русских генералов и полковников... Сюда же прибился и я отдохнуть после полуторамесячной болезни...

* * *

Утром?

Утром надо посмотреть, как купается в море (оно тут же через дорогу) «генерал от кавалерии» — К... Ему 80 лет, он старше всех здесь... Он имеет, кажется, все русские ордена и чуть ли не все иностранные... Старик бодрый, сохранил выправку и важность, и голубовато-зеленая вода Босфора с некоторым почтением принимает в себя сохранившееся розовое тело... Это бывает утром, когда тут так тихо, как будто Босфор привык вставать поздно... Вода дремотная. Ленивая, душная, томная, дымчатая... При желании можно продолжать эти прилагательные... Но лучше пойти пить чай...

За чаем старый генерал сидит за узким концом длинного стола... Генералы помоложе, не говоря уже о полковниках, приходят каждый со своей чашкой, получают от заведующего хозяйством кусок хлеба, наливают чай из больших чайников и садятся за длинным столом...

Все проходит быстро, но чинно...

Затем?..

Затем генералы и полковники разбредаются по розам и магнолиям, и туда — выше, где на крутых склонах дичающий парк...

Там в одном месте есть полусломанный домик над пустыми оранжереями...

«Там некогда гулял и я, —
Но вреден...»

Да, этот домик с уничтоженными окнами, положительно был мне вреден... Ибо в пустующую раму окна была вставлена живая картина — великолепный босфорский изгиб, центром которого был... выход в *Черное море* магнитное море...

* * *

Около десяти часов утра Босфор, наконец, просыпается от своей душной голубовато-дымчатой лени...

Пробуждение начинается там, около выхода... Это бежит дыхание Черного моря... Оно темной синькой постепенно заливает пролив, снимает с Босфора мечтательную дымку и расписывает все — горы, зелень, мозаику домов, воду пролива и, кажется, самое небо — яркими до чрезвычайности красками... Струя добегает и сюда — в Терапию, нарушая «чудный сон» генералов и магнолий, встряхивая зачарованное царство буйствующих роз и обессиленных полковников...

Это дыхание Черного моря...

Оно зовет, будит, требует...

И намагниченные сердца поворачиваются к Северу...

«Но вреден Север для меня»...

* * *

Днем?

Днем — все то же...

Обед... Скромный, но достаточный... Для организмов не первой молодости...

Затем?

Затем легкая дрема... среди цветов...

* * *

И все это было бы прекрасно — этот отдых для тех, кто имеет vint cinq ans bien sonnes[8], — для полубольных, для ослабевших, для слишком много перестрадавших...

Это было бы хорошо, если бы.

Если бы все эти с виду полудремлющие люди, на самом деле, не грызлись бы всегда одним и тем же сверлящим вопросом:

— Ну, хорошо... пока... А что будет дальше?

Поэтому от времени до времени каждый из них срывается и мчится на шаркете в город... Там он бегает по бесконечным учреждениям, хлопоча занятие или визу...

Ибо магнолии отцветут, сделавшись коричневыми, как старушки Востока, розы облетят без следа, а Терапию... закроют...

* * *

Вечером?

Да, вечером, когда стемнеет, стоит пространствовать по крутым и душным аллеям...

Что это — опера?

Но почему нет звуков?.. Наоборот, тихо до чрезвычайности... И все же здесь что-то волшебное, сказочная оргия, симфония с стиле Шехерезады...

Это все делают тысячи загадочных, бесшумных, то вспыхивающих, то потухающих огоньков... Они, среди совершенно черных аллей, мятутся по всем направлениям, оставляя сверкающие, пересекающиеся обрывки кривых... Их тысячи тысяч, и они кратки, как отдельные слова «Тысячи и одной ночи»... Но их не пересказать... Тут рассказываются бесконечные истории... Таинственные, загадочные, бесшумные, бессловные, душные и несметные... Можно бы продолжить эти прилагательные, но лучше объяснить, что это — просто светящиеся летающие жучки...

* * *

Итак, жучки, старички и магнолии: вот Терапия.

* * *

Через две недели я покинул этот странный конгломерат... Нужно было ехать в Сербию... Я получил визу — мечту бессонных ночей столь многих...

* * *

Шаркет в последний раз нес меня мимо босфорических декораций...

Все было, как всегда, и все было по иному, как бывает, когда думаешь, что «в последний раз»...

И в последний ли? Кто это знает?

Есть, впрочем, одно существо, которое я видел в этот день в последний раз...

---

[8] немножко больше, чем двадцать пять *(франц.)*

Стройная и маленькая яхта стояла на своем месте... Это был «Лукулл»...

Я смотрел на нее с пробегающего шаркета «прощальным взглядом»... Но я еще не знал тогда, что три месяца спустя огромный итальянский пароход среди белого дня «не заметит» яхты, стоявшей на своем обычном месте, и, не заметивши, пустит ее ко дну, перерезав пополам...

* * *

Пока же «Лукулл», как всегда, исполнял свой тяжкий долг...

На палубе был только один человек... Он не заметил привета — моего привета, с пробегающего мимо шаркета... Я же видел его хорошо. Высокий, тонкий, в серой черкеске, с маленькой бритой головой... Он стоял, опершись руками о борт, который (борт) казался поэтому низким, и смотрел прямо перед собой вдаль пролива...

Это был генерал Врангель...

* * *

«Fais ce que dois — advienne que pourra
C'est commande aux chevaliers»...

* * *

Эти слова шептала июньская струя шаркета, салютуя яхте... Этим же она отвечала на роковой январский вопрос «что делать?»...

* * *

Полгода списано со счетов истории...

В КАКУЮ ВЕРУ Я ВЕРУЮ...

из классных сочинений учащихся Московского колледжа архитектуры и менеджмента в строительстве

Весной 96-го года редакция недавно созданного журнала «Фома» — православного издания для сомневающихся — предложила моим питомцам, подросткам 15-16 лет, ответить на следующие вопросы:

— Почему я верю (или не верю) в Бога?

— Отчего я не хожу (или для чего я хожу) в церковь?

— Для чего я живу (в чем смысл моей жизни)?

Подборка была напечатана в № 3 за 1996 год. С тех пор я не раз знакомил с нею новых и новых своих учеников, предлагал и им поразмышлять на те же темы. Несколько позднее в курс литературы, которую мы изучаем на уроках, я включил «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Потерянный Рай» Дж. Мильтона, «Фауста» И.В. Гёте, «Камо грядеши?» Г. Сенкевича, «Красное и черное» Стендаля, «Души в чистилище» П. Мериме, «Иуду Искариота» Л. Андреева, «Американскую трагедию» Т. Драйзера и, разумеется, «Мастера и Маргариту» М. Булгакова. Эти книги помогли задуматься о вопросах веры, о смысле жизни, о добре и зле не одному поколению читателей. Помогли они и моим ученикам — хотя бы осознать, что все эти вопросы уже поставила перед ними сама жизнь. Наконец, в прошедшем учебном году я познакомил ре-

От редакции

Печатая отрывки из сочинений воспитанников известного московского педагога Феликса Абрамовича Ноделя, мы исходили вовсе не из того, что мысли, высказанные в них о вере, о Боге, о религии, отличаются какой-то особой новизной и интересны сами по себе, своим существенным содержанием. Нет, как увидит читатель, на этот счет в головах молодых людей чаще всего царит настоящая каша из представлений весьма приблизительных, порой просто нелепых, свидетельствующих, как правило, о недостаточном знакомстве с темой, которая занимает в культурном наследии человечества такое громадное место и за которую наши авторы взялись со всей отвагой юности... Представлений, в любом случае, всегда подчеркнуто, открыто субъективных — сугубо личных, собственных...

Но этим-то, на наш взгляд, они и как раз и интересны, эти удивительно искренние (при всей такой естественной для молодости готовности и порисоваться своей искренностью), честные сочинения, этим и репрезентативны.

Так, в высшей степени интересны, нам кажется, эти сочинения уже тем, как видят их авторы сегодняшнюю религиозную ситуацию в нашей стране. И прежде всего — в Русской Православной Церкви. Это, несомненно, какой-то очень

бят с «Пасхальным крестным ходом» А. Солженицына. Этот очерк был написан в 1966 году, когда моих нынешних второкурсников и третьекурсников (им сегодня 17— 19 лет) не было и в помине, а их будущие родители в буквальном смысле делали на земле первые, еще не очень самостоятельные шаги. Итак, мои ребята прочли очерк Солженицына, написанный «давным-давно», и я предложил им письменно ответить на вопрос «Изменилось ли что-нибудь за 37 лет?». Результат показался мне заслуживающим внимания, и мне вновь захотелось обнародовать написанное.

Выборка, которую я предлагаю читателям, оказалась в какой-то мере репрезентативной. О Боге, Церкви и смысле бытия размышляют будущие архитекторы, менеджеры, коммерсанты и строители. Это очень разные молодые люди — из семей неполных и семей вполне благополучных; из среды верующих и атеистов; дети вполне обеспеченных родителей и родителей с весьма скромным, мягко говоря, достатком. Кое-кому из этих юных авторов уже случилось пережить серьезные драмы...

Еще раз напомню: предлагаемые мной отрывки взяты из сочинений современных подростков — представителей того самого поколения, о котором многие из нас думают как о поколении бездумных потребителей, циников и искателей легкой жизни.

Феликс Нодель,
преподаватель-методист,
кандидат педагогических наук

показательный в социологическом и социально-психологическом отношении срез умонастроений современной молодежи, и здесь есть о чем очень серьезно поразмыслить и педагогам, и социологам, и политикам, и, может быть, более всего как раз тем, в чьем живом облике, в чьем непосредственном священническом служении, образе жизни, отношении к верующим прежде всего и предстает в глазах наших соотечественников, старых и молодых, верующих и неверующих, наша сегодняшняя Православная Церковь. Тут ведь действительно есть о чем задуматься и о каких выводах позаботиться. Потому что самое главное, может быть, именно в том, что вопреки распространенным представлениям о безверии, религиозной индифферентности современной молодежи, они свидетельствуют как раз, что тема веры для сегодняшних молодых людей — во всяком случае, для того их слоя, который представлен учениками Ф. Ноделя, — тема острая, жизненная, насущная. Даже для тех, кто, казалось бы, скорее не верит, чем верит. Но все они — *ищут.* Ищут смысла жизни, ищут опоры на какие-то *безусловные ценности,* которые необходимы им для своего жизненного самоопределения, такого актуального в юности. Это — несомненно, и это самый острый сигнал, который нынешние дети и подростки посылают всем нам. Как бы нам успеть им ответить — пока эта жажда поиска не заглохла в них под мертвящим гнетом всей сегодняшней нашей действительности.

* * *

В очерке Солженицына ругается нынешняя молодежь: мол, поведение плохое, никакого уважения к старшим, к религии. А что здесь уважать? Бабушек и дедушек, которые все из себя такие хорошие и добрые? Вот зайдет такая бабушка в автобус, только соберешься ей место уступить, а она уже орет на весь вагон: «Какая молодежь нынче пошла!», тычет в тебя пальцем и матерится изо всех сил. И как-то совсем не хочется уступать ей место со словами: «Бабушка, садитесь, пожалуйста». И сказать-то хочется совсем другое...

У Солженицына написано, что перед началом крестного хода молодежь толпится во дворе церкви, шумит, курит, толкается, а верующие бабушки жмутся к забору и испуганно поглядывают на орущую толпу. А ведь для многих церковь — это те же бабушки. Те самые бабушки, которые боятся посмотреть, у которых нет денег, они все такие жалкие и испуганные. И как можно верить в могущество церкви, уважать ее? Как можно уважать тех, кто тебя боится?

А то, что поведение такое, то дети ведут себя так, как научили родители. Кто вырастил, кто воспитал, с того и спрашивать надо. А если учили не этому, то как же так получилось? Значит, не действуют на практике правила, которым учили, неубедительны доводы...

Мария Ш.

* * *

Я довольно настороженно отношусь к церкви и церковным праздникам из-за их пафоса и театральности. Мне не нравится вычурность церковного убранства, обилие золота, расшитых тканей, икон — вся эта громоздкая и как будто бутафорская атрибутика, так далекая от светлой веры и искренней любви к Всевышнему. Всё это — всего лишь средства для достижения духовности, а крестные ходы и большие церковные праздники — театральные действия для масс.

И я не могу понять, как человек, верующий в Бога, пришедший в церковь на потаенное, интимное свидание с Ним, почитающий традиции своей религии, считающий себя тонким и духовным (по-моему, такой образ у автора в очерке), имеет в себе слабость обращать внимание на сиюминутное быдло, просто так забредшее туда, привлеченное золотыми иконами, разноцветными лампадами и пестрым одеянием участников процессии. Какое ему дело до них всех, если он пришел в храм общаться с Богом? А что касается веры и духовности, которые напрочь отсутствуют в этих людях, автор ведь в конце пишет, что выражение их лиц изменилось: они стали говорить тише и плеваться реже под впечатлением церковной процессии. Разве не есть это тот самый трепет перед религией и традициями предков, на отсутствие которых у современного поколения жалуется автор?

Сказать, изменилось ли что-нибудь за тридцать семь лет, точно нельзя. Изменилась страна, люди стали выглядеть и говорить по-другому. Но ведь религия — вещь вне времени, для нее тридцать лет — не срок, даже не секунда. И сила ее влияния на умы не уменьшилась за XX век с количеством взорванных храмов и не выросла в начале 90-х вместе с богатеющей церковью и

появлением класса новых набожных русских людей на больших черных машинах. Кто верил в Бога, когда Он был запрещен, верит в Него и спустя 37 лет. Остальные так и не поверят. А количество людей, способных плевать в церкви на пол, одинаково и сейчас, и раньше. И они не в состоянии уничтожить религию, которая создает не только историю, но и формирует культуру страны. А что касается бескультурья нового времени и новой России, то это обманчиво, т.к. современна жизнь — это прежде всего свобода, а свобода всегда таит в себе опасность пустоты, порождает жестокий расчетливый прагматичный мир, дает многим надежду, многих губит, но все-таки остается бесконечно честнее пионерских линеек и фольклорной девушки с веслом, загребающей водоворот серых «совковых» будней.

Александр А.

* * *

Тридцать семь лет прошли даром... Почти что каждый человек и тогда, и сейчас скажет, что он верующий, уже меньшее количество людей поступают по Библии, еще меньше — поступают, но не верят.

Евгения Б.

* * *

Мне кажется, что многие молодые люди не против церкви, а даже за нее. Просто они стесняются проявлять свое настоящее отношение к церкви, религии. Им проще посмеяться над верующими людьми, осмеять веру, церковь. Например, я знаю нескольких верующих людей, которые не ходят в церковь и даже не разговаривают о вере, боясь быть высмеянными своими друзьями или незнакомыми людьми.

Сейчас людям не нужна церковь, потому что сейчас у молодежи есть много разных развлечений, которые запрещает церковь. По моему убеждению, церковь не нужна, ну разве что тем людям, которые привыкли жить в узких рамках и чувствовать, что, сделав шаг в сторону от этих правил, за этим немедленно последует кара. По-моему, это убивает личность. Для меня церковь и вера — это два совершенно разных понятия. Зачем идти туда общаться с Богом, если Он всегда и всюду? Глупо.

В церкви я чувствую себя неуютно, и мне легче поговорить с Богом в своей комнате. Я так и делаю, когда мне требуется общение с Ним. В отличие от меня, мой отец не верит в Бога, но зато очень любит ходить в церковь.

Кристина К.

* * *

Я верю в Бога, я чувствую Бога, я разговариваю с Богом. Бог везде мне подсказывает верный путь, и я всегда иду по этому пути, и всегда этот путь оказывается верным. Я хожу иногда в церковь, но я думаю, что с Богом можно общаться в любом месте и в любое время. Мне говорят: все люди помнят про

Бога, когда они попадают в беду. Но я думаю, что ты помнишь про Бога, делая добро другим.

Владимир А.

* * *

Верю ли я в Бога? Прежде чем написать свои размышления на эту тему, я решил обзвонить нескольких знакомых и уже им задать этот вопрос. Речь шла о многом. О лицемерии религиозных руководителей, о несправедливости, о смерти и зле. Задавая друзьям вопрос о вере в Бога, я всегда натыкался на насмешки и непонимание. У большинства не осталось в сердце места для веры, им не интересна религия.

— Я сторонник эволюции, — сказал мне один.

— Эволюция объясняет, как развивалась жизнь на земле или живые организмы. Но не в состоянии объяснить, как появилась первичная материя. Представь себе, что ты в пустынном месте, лишенном всякой жизни. Неожиданно тебе встречается красивый дом. Дом снабжен кондиционером, отоплением, водопроводом, электричеством. Его холодильник полон пищей. В подвале находится топливо и другие запасы. И вот, предположим, ты спрашиваешь, откуда все это взялось в таком пустынном месте. Что бы ты подумал, если бы тебе ответили: все это возникло здесь случайно? Земля изобилует жизнью, поддерживаемая сложными системами, которые находятся в абсолютном равновесии. Все признаки указывают на то, что она была специально создана для местожительства человека. Поэтому логична аргументация одного из создателей Библии: «Ибо всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший всё есть Бог» (Евр. 3, 4).

Мое личное мнение. Лев Николаевич Толстой, исследовав Писание, пришел к выводу, что православие исказило все христианские учения. Он сразу же опроверг церковный догматизм. Когда я впервые прочел ответ Толстого Синоду русской православной церкви, то был очень поражен. Человек дошел до таких истин. Хочется отметить, что во многих пунктах мои принципы (в отношении религии) сходятся с идеями и взглядами Льва Николаевича. Да, я верю в Бога. В Бога, «которому имя Иегова». Знаю и вижу лицемерие «номинального» христианства. Я сохраню в себе все христианские принципы, которых я стараюсь придерживаться.

Андрей С.

* * *

Вдруг люди перестали верить в Бога? Может, нас окружают не люди, а зомби, похожие на людей? Когда Солженицын описывал эту картину (нет молящихся, а только молодое столпотворение), то становится страшно за этих людей, из которых и получаются в дальнейшем тупые уроды (с кривыми мордами). Ведь они ничего хорошего не смогут сделать в своей жизни: не родят и не воспитают детей, не позаботятся о своих родных и близких, я уже не говорю о вере, которой у них нет и не может быть.

Катерина М.

* * *

Молодежь не верит в Бога, а если верит, то как-то неосознанно. Вера в Бога нужна, чтобы жить и надеяться на будущее.

Нина Р.

* * *

В наше время молодежь не очень интересуется религией. Религией, в основном, интересуются старые бабульки и дедушки, которые за свою жизнь поняли, что Бог существует и Он помогает им жить. Хотя молодым людям, которым Бог уже в чем-то помог, нет времени заниматься этим: они работают и пытаются прокормить себя. А есть еще один вид молодых людей, которые верят в то, что кто-то есть, кто поможет им жить, но они думают, что Бог внутри нас и Бог — это проявление в людях самого хорошего. А если Бог в нас, то зачем нужно ходить в церковь, молиться, если можно где-то уединиться и подумать, и то, о чем ты думаешь, и будет разговором с Богом. И к таким людям отношусь я.

Евгений К.

* * *

Я считаю, что в наше время вопрос веры очень актуален. Потому что в мире нашем происходит слишком много необъяснимых, бессмысленных и даже нередко глупых вещей. И человеку все чаще хочется уйти от всего происходящего подальше, хотя бы в своих мыслях. Мы всё чаще обращаемся к Богу, а может, только задумываемся о Боге, о Его существовании, о нашем пути к Нему. Каждому человеку нужна вера, вера во что-нибудь светлое, для того чтобы жизнь не казалась жесткой и сумрачной. Вера в «счастливое будущее коммунизма» у наших людей уже прошла. Эта вера заменяла им веру в Бога. И теперь многие возвращаются к истинной вере.

Для одних людей вера сердцем — единственная вера. Но для других людей вера одним сердцем не то чтобы недостаточна, она невозможна! «Вера отрицает разум» — вот в чем проблема! Ведь тот, кто размышляет о жизни, для кого это уже не привычка, а потребность, тот разрывается, нуждаясь в вере и не имея сил отказаться от разума.

Сейчас я нахожусь в том положении, когда вера появилась в душе, но еще не утвердилась окончательно. Но если когда-нибудь я буду полностью безотчетно верить (т.е. не сомневаясь, отдаваясь вся своей вере, любви к Богу), то это не будет вера через церковь — пусть не будет это казаться проявлением гордыни. Я считаю, что церковь отстаивает свои интересы. Ведь человек по натуре своей эгоист, а церковью управляют люди! Наверное, я даже против молитв. Что такое молитва? Религиозное стихотворение, которое написано кем-то, которое содержится в Библии и которое мы просто зубрим! Молитвы («Отче наш», например), по-моему, являются не дорожкой, соединяющей нас с Богом, а цепями, мешающими соединиться с Ним. Я считаю, что молитва должна идти от сердца, не важно стихи это или проза, важно, что это разговор ваш с Богом. Разговор, а не монолог!

...Да и что такое Бог? Всемогущее существо, строго следящее за каждым нашим шагом? Быть может, это так. Но для меня Бог — это не существо, а символ, вбирающий в Себя всё самое наилучшее, что есть на Земле. Мне захотелось перечислить всё это. Я сидела и старалась вспомнить всё хорошее в нашем мире. Этого набралось очень много, но всё это можно назвать очень кратко: любовь, любовь к миру и окружающим!

Значит, Бог для меня — это любовь! Толстой сказал: «Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога». Но я говорю Вам: «Живите, отыскивая любовь, и тогда никто не сможет упрекнуть Вас, что Вы не любили. Ибо, кто ищет, тот всегда найдет!»

Лидия М.

* * *

Бог создал людей, животных и всё остальное, чтобы посмотреть, как будет развиваться мир. Это как игра: Он всё видит и контролирует. Он может сделать так, чтобы у человека поменялись мысли, чтобы он сделал ту или иную глупость. Но если ты хороший игрок и играешь честно, Бог тебя не тронет. Я живу честно, я никогда никого не обижаю, но мир таков, что приходится защищаться и иногда врать. Но если в этом мире жить честно, как требует Бог, то люди, которые пытаются жить честно, даже на хлеб не заработают. Но все-таки надо стараться жить честно.

Василий А.

* * *

Вообще, конечно, верить или не верить — это личное дело каждого. Я думаю, верить — это не значит регулярно ходить в церковь (ибо церковь сама является разрушителем веры), молиться, поститься и т.д. Верить можно без всей этой суеты, главное — понять душой. А так как что-либо понять обычно бывает очень сложно, люди и не понимают, и не хотят понимать: зачем нужны такие заботы, когда жизнь и так до краев наполнена всякими сложностями... А молодежи не хочется губить свои молодые годы на какое-то ненужное никому понимание того, чего нельзя увидеть и потрогать. Может быть, так, и вправду, легче жить, когда ни во что не веришь и ничего не понимаешь, но мне кажется, что таким образом опускаешь в бессмысленность и в неизбежную глубокую пропасть дельнейшее существование. Зачем же в свои лучшие годы закладывать основу такой перспективы?

... Люди сами придумали Бога. А для чего? Для того, чтобы молиться Ему, чтобы просить Его о помощи тогда, когда больше некому помочь, умолять, чтобы Он помог, ничего при этом не пытаясь сделать, стоять на коленях и просить, как нищий просит на хлеб, — тем самым признавать свою беспомощность, не испытывать земного счастья и настоящего наслаждения и в конце концов умереть, понадеявшись на то, что следующая жизнь будет блаженна и прекрасна. А что если ничего не будет? ... Но можно же верить в то, что когда-нибудь с неба упадет мешок денег тебе на голову. А этого никогда не случится.

Может быть, лучше не верить всю жизнь в то, чего не знаешь и не можешь понять, а ярко, красиво, счастливо прожить свои годы, попробовав в этой жизни всё, что только можно попробовать: ведь жизнь такая короткая.

Евгений Б.

* * *

Я считаю, что вера в Бога возникает не у всех, а, как мне кажется, у некоторых людей тогда, когда или с возрастом, или с определенно сложившимися обстоятельствами они становятся одиноки. Когда человеку не с кем поговорить, некому открыться, покаяться, попросить помощи или защиты: или его не понимают, или он боится, что не поймут. А ведь чаще всего душу тянет что-то плохое: грехи и злодеяния, тем более что о хорошем всегда гораздо проще рассказать, чем о плохом. И здесь у человека появляется вера в Бога. То есть он начинает верить, что есть Некто Всемогущий, Кто может выслушать, простить или помочь. И дальше его вера все усиливается и усиливается. Он старается замаливать все свои согрешения, при этом думая (я подчеркиваю: **думая**), что прощен, хотя по сути он этого не знает. Я считаю, что если человек будет сильно верить, что Бог с ним, то это ему поможет в том, о чем он просит. Стараясь получить необходимую защиту и помощь, люди начинают вести себя иначе. Они идут в церковь, становятся сдержаннее, при малейшем, по их мнению, проступке готовы просить прощения.

Я редко бываю в церквях, редко пользуюсь какими-то молитвами — я даже еле-еле знаю «Отче наш». Но при этом я всё же верю, что если я попросил у Бога прощения, защиты или помощи, то я его получил, и это облегчает мне жизнь, помогает справиться с трудностями. Поэтому, я думаю, без веры хотя бы во что-то жить труднее, будь это хоть ислам, буддизм, православие или даже Дед Мороз для детей.

Даниил Р.

* * *

Бог везде, и истинно верующим людям не обязательно ходить в церковь. Но есть люди, для которых жизнь невозможна без церкви, они находят в церкви свое утешение. Эти люди — по разным причинам — не приняты в обществе. Я видела таких людей, они одиноки, им не с кем поговорить — лишь только с Богом через церковь. В церкви они чувствуют себя уютно, как дома, возможно, — даже уютнее, чем дома.

Дарья Р.

* * *

По поводу одиноких верующих людей могу сказать только, что церковная община — самое теплое, доброе и общительное общество, где все друг друга любят.

Александра В.

* * *

Я всегда буду верить в Бога. Даже если в моей жизни происходит что-то плохое, то я уверена, что за этим плохим последует хорошее, что Бог всё видит и что всегда плохо не будет. У каждого человека вера должна быть своя, она не должна влезать в какие-то рамки. Я, например, увлекаюсь религией и философией Индии. Я боюсь смерти. Меня успокаивает только то, что существует жизнь после смерти. Мне становится очень страшно, когда я представляю, что меня не будет, что в один день я просто исчезну. Мне страшно, когда я представляю, что моих родителей тоже не станет. Тогда мне в голову приходит мысль, что я буду делать: ведь я осталась одна.

О Боге я думаю, даже если мне хорошо. Я Его благодарю, что Он не забыл про меня. Но если честно, то в церковь я ходить не люблю. Я там (в церкви) задыхаюсь. Мне в голову приходят различные ужасные мысли, от которых мне становится не по себе.

Я думаю, что каждый человек волен сам выбирать веру, религию. Мы не должны смотреть на человека косо, он не должен стать изгоем, если он выбрал мусульманство или иудаизм. Ведь человек выбирает по себе.

Мне кажется: когда человек говорит, что он не верит в Бога, то он обманывает себя, уже все равно верит — пусть в то, что Бога нет. Каждый российский ребенок должен знать о христианстве, но ему не должны навязывать его. Он должен выбрать сам.

Мария К.

* * *

Я не понимаю, как можно слепо верить в Бога. Для меня Бог — это что-то лирическое: пока не увижу, не поверю. Я многого не понимаю в вере. Вера делает из людей фанатиков. Очень многие люди теряют рассудок, и кроме веры для них больше ничего не существует. В далекие времена люди шли на войну и убивали во имя Бога. Как можно убивать во имя Бога, если веришь? Мое твердое мнение: нельзя навязывать веру. Нельзя заставить верить в Бога.

Алексей М.

* * *

Если честно, то я не знаю, верю ли я в Бога. Еще пока не разобрался. Когда ты не можешь убедиться в том, есть Бог или нет, то тебе трудно в Него поверить. Верующие могут сказать: не надо искать Бога, надо только поверить в Него, и всё само придет (смотрел ТВ-программу). А вот как раз заставить себя поверить очень трудно.Даже если допустить, что Бог есть, то в какого из них верить: ведь религий много, и у каждой свой покровитель. Кто-то верит в Христа, кто-то — в Аллаха, а кто-то почитает Луну и Солнце.

Может сложиться впечатление, что Бога и в самом деле нет. Это всего лишь фантазия человека, которую передают из поколения в поколение и которая помогает человеку жить. Ведь надо на кого-то опереться в трудную минуту, попросить о чем-то, а также если люди не могут найти объяснение чему-либо,

то можно временно сослаться на Бога, пока не найдешь ответ в науке. Вот люди и придумали для себя Того, Кто мог бы взять на Себя все ответы на всё то, что людям непонятно. Иногда мы называем такие вещи чудом.

Это моя точка зрения о Боге. Но, парадокс, даже после всего этого я почему-то, когда мне трудно, всё равно обращаюсь к Нему. Я не читаю молитв, редко бываю в церкви, я просто с Ним говорю или прошу о чем-то. Следовательно, либо Бог на самом деле есть, либо это величайшее изобретение человечества. Верить или нет, я не знаю.

Алексей К.

* * *

Вера, надежда, любовь... Недаром, наверное, эти три человеческие добродетели стоят в таком порядке. Вера для каждого человека есть то, что никому и никогда не будешь доказывать. Это живет в твоем сердце, умиротворяет душу, заставляет поверить в то, что все не так плохо и есть на что надеяться, и есть что любить.

Я не крещена, меня никогда не водили в церковь, и мне было странно смотреть на людей, стоящих у церкви, кланяющихся иконам... К сожалению, наш мир весь состоит из штампов, каких-то устоявшихся понятий, о которых никто и думать не хочет, что они могут оказаться ложными или просто абсурдными. Так вот сложившееся понятие «верующий человек» предполагает собой огромное количество совершаемых обрядов, молитв. А душа? Что творится в душе этих «верующих»? К сожалению, я знаю многих людей, которые за пределами храма не выполняют христианских заповедей и вообще норм морали.

Я вообще отделила бы напрочь понятия веры и религии.

Что значит веришь? Служишь Богу. И это вне зависимости от вероисповедания. Но мне кажется, служение Богу — это не молитвы и обряды, это творение добра, блага людям. К сожалению, большинство идущих в церковь об этом не задумываются. Ими движет надежда, что их воскресные походы в церковь помогут им обрести райское блаженство, или от отчаяния, стараясь забыться в молитве.

Религия, если рассматривать ее с философской точки зрения, это идеализм, вера в главенство духа. А люди, опустив всё сложное, высокодуховное в религии, оставили верхнюю материальную часть и думают, что это и есть истинная вера. Е.П. Блаватская писала: «Нет религии выше Истины». В своих трудах она пыталась очистить все религии от социально-культурного налета и оставить Истину — веру в Бога. Я верю в высший разум, создавший этот мир, верю, что судьба изначально нам предписана, но не верю, что у этого высшего существа можно вымолить прощения. Судьбу делаем мы сами, своими поступками. Просто все наши действия Кто-то давно уже предугадал. В этом мире всё зависит только от человека.

К нынешним религиям я отношусь очень негативно. Мне кажется, я могу легче судить об этом, раз не отношу себя ни к одной из них... Главное заблуждение религии — ограничение свободы человека. Человек свободен в общении с Богом, свободен в своей вере или неверии. А религии закрепощают

его, говорят ему, что и как делать. В этом религия схожа с политикой. Странно: одно — святое, другое — кровавое и грязное, а так похожи...

Юлия М.

* * *

... Порой я ставлю существование Всевышнего под сомнение. Просто очень тяжело созерцать и испытывать на себе несправедливость, существующую в нашем мире. В голову приходят мысли, что, если бы Бог был, Он бы этого не допустил. Но я почти сразу же себя опровергаю: кто я такая, чтобы судить о справедливости? Есть только Высшая Справедливость, и владеет ею Бог.

Я часто замечаю, что некоторые воде бы случайные вещи вовсе не случайны. То, что должно было произойти, обязательно произойдет. Я верю в Судьбу. Известна она только Всевышнему. Он каждому из нас дал свою дорогу. Если человек идет именно по той дороге, которая была ему предназначена, он попадает на Небо. То есть все наши дороги имеют одно завершение. Если человек сворачивает со своего пути и не пытается снова на него встать, он пропадает в небытии.

Вообще Христианство очень мудрая религия. Христианство проповедует любовь, терпение, смирение. И когда некоторые скептики начинают напоминать про крестоносцев, которые под именем Христа творили совершенно ужасные вещи, я усмехаюсь. Да причем тут Иисус?! Настоящее Христианство никогда бы не смогло принять такие формы. А люди эти, крестоносцы, не были верующими — верующими в истинном смысле слова... Любовь — вот ключ ко всему. Бог — это и есть Любовь. Не какая-то конкретная, а любовь глобальная. Когда человек видит Любовь, он видит Бога. Такие моменты случаются нечасто, но каждый человек, наверное, когда-нибудь видел или увидит. Произойти это может когда угодно.

Ольга К.

* * *

У каждого человека есть вера, независимо от того, атеист он или нет. Каждый человек верит во что-то (или в кого-то), не обязательно в Бога. И это не зависит от того, насколько религиозен человек. Ведь религия — это вера в конкретного Бога или конкретную силу, то есть религия конкретизирует веру, направляя ее в определенное русло. Религия — это уже какие-то сложившиеся за определенное время традиции, правила. А вера для каждого человека своя. Даже люди, обращенные в одну религию, веруют по-разному. Некоторые люди приходят к выводу, что никакого Бога и нет, что люди придумали Его себе в утешение. Но все равно эти люди верят если не в какой-то высший разум, то в себя, потому что если человек ни во что не верит, то он не знает, зачем ему жить и для кого. Он пытается ответить на этот вопрос и приходит к выводу: или жизнь человека — ошибка, или человек все-таки живет для какой-то высшей цели.

Человеку легче, когда он надеется на Того, Кто может всё. Вот люди и придумали Бога, то есть они сконструировали эту высшую силу, чтобы можно

было Кого-то конкретно просить о помощи. И это очень часто воплощается в реальность. Возможно, тут играет роль самовнушение, то есть люди чувствуют себя увереннее, появляется желание и стремление исправить какие-то прошлые ошибки, сделать что-то хорошее. Люди должны научиться не тратить бездарно свою жизнь и верить во что-то светлое, ведь без этого жизнь скучна и бессмысленна.

Юлия Б.

* * *

С 1992 года Россия «возрождается», а вместе с ней и православие. Восстанавливаются храмы, возобновляются регулярные службы в церквях, увеличивается количество верующих ... Великой Пасхе дали статус практически государственного праздника с присутствием первых лиц государства и трансляцией по телевидению и т.д.

Но вот все ли так на самом деле? Центра православия, такого, каким была Россия раньше, уже нет. А если так, то где же он? Но у многих вер есть свой «центр», где их ставят на первое место и не скрывают своего пренебрежения к другим верам. У каждой веры есть свое какое-то место на этой планете — так установилось историей, и ничего с этим не поделаешь...

Православие — это неотъемлемая часть прежде всего нас, русских, и сегодняшней России, а также той Великой Империи Российской. Но вот вопрос: сможем ли мы вернуть себе православие, каким оно было до 1918 года, или нет? Скорее всего, сможем, если вернем ту Россию. А сможем ли вернуть ее?

Леонид И.

* * *

В словаре Ожегова написано, что вера — это уверенность в чем-нибудь или убеждение в существовании Бога — то же, что религия. Я очень удивилась, ведь вера — это не только религия. Мне кажется, это произошло потому, что в годы социализма в нашей стране старались уничтожить веру в Бога, заменив ее верой в идеалы... Россия молилась на идею, это привело к духовному и материальному краху. Должна произойти определенная перестройка сознания, когда первое место будет отдано не материальным и даже не духовным ценностям, а чувству любви ко всему вокруг нас. Последнее время люди все больше обращаются к Богу, так как Бог есть любовь. Без возрождения веры в любовь невозможно возрождение государства...

Каждый человек понимает под верой что-то свое. Некоторые подразумевают строгое исполнение религиозных обрядов, забывая о том, что обрядность без любви становится простым фанатизмом и душа становится агрессивной. Такие люди готовы ради веры унизить, оскорбить или даже убить любого инакомыслящего человека. Нужно различать церковную обрядность и истинную веру. Обряды нужны человеку, как костыли не умеющему ходить. Вначале костыли тебе помогают, но, когда ты научишься ходить, они будут тебе только мешать.

Мне кажется, что иной атеист может быть ближе к Богу, чем фанатичные верующие, потому что Богу важна душа. Моя прабабушка была атеисткой и в рядах первых пионеров ходила по улицам Ленинграда с барабанным боем. Она считала Бога выдумкой, но учила меня добру и тем принципам, которые совпадают с основными заповедями Библии.

Для меня вера — это возможность сохранить духовное равновесие, когда всё, казалось бы, этому мешает. Я считаю, что стремясь к божественной любви и не ставя ничто иное выше этого, человек может быть счастлив в этом мире и нести радость другим. У каждого человека есть выбор, во что верить.

Анна К.

* * *

Каждый человек выбирает для себя именно ту религию, с которой ему проще жить...

Когда мне было десять лет, у нас умер отец. Меня больше всего поразило, что папин диагноз не был установлен. Он лечился в трех больницах, а врачи пожимали плечами и говорили, что впервые сталкиваются с такой болезнью. Мы так и не узнали и не узнаем, что явилось причиной его смерти. Мама на мои вопросы отвечала, что у отца это было «написано на руке». Отец знал это и говорил об этом маме, но она не верила. То же самое маме сказал в 18 лет (она тогда еще не была знакома с папой) один старичок, по-моему, христианин. Это не мистика, а чистая правда, в которую, наверное, нелегко поверить. После этого события я начала задумываться о многих вещах, которые были мне непонятны. Почему люди уходят из жизни и есть ли жизнь после смерти? Есть ли у человека судьба и определенное предназначение? Вот те вопросы, на которые я смогла для себя найти ответ лишь спустя время...

Вообще вся моя жизнь — цепь каких-то случайностей, как будто кто-то постоянно направляет и поддерживает меня, помогает в сложностях. На мой взгляд, вся наша жизнь предопределена Богом. Смерть — это лишь переход в другую жизнь, которая будет зависеть от земной жизни. Бог всегда с нами, Он в каждом из нас и помогает нам. Каждый должен найти дорогу, ведущую в мир чистоты, мир гармонии, мир, неразрывно связанный с Богом, если даже на ее поиски надо будет потратить всю жизнь.

Таисия Г.

* * *

Я по своей натуре очень подвижный и любознательный человек. И, находясь в деревне, решил посетить крестный ход. На меня крестный ход произвел очень негативное впечатление. Для пьяного быдла «священный праздник» — это повод выпить. Меня успокаивала лишь мысль о том, что в Москве всё по-другому... Ровно год спустя я и мои товарищи волей случая попали на московский крестный ход в районной церквушке. И поразились окончательно. Контингент не сильно отличался от деревенского — только одежда приличнее, а вот с мозгами и воспитанностью — явные проблемы. Тот же мат, та же

пьянь, те же драки. Милиция не делает ничего, ей на всё плевать. Я долго не мог находиться в такой атмосфере, и я ушел в паб с друзьями.

Роман А.

* * *

Сейчас многие люди стараются верить в Бога, поститься, молиться, ходят в церковь. Но все это так надуманно — у многих, конечно. Вот сейчас даже в храм нормально не сходишь. Вот, например, пошли мы с мамой кулич на Пасху святить в Храм Христа Спасителя. Сплошная охрана! Там, по-моему, чихнуть лишний раз нельзя — попросят покинуть помещение. Такое ощущение, что не в храм пришли, а к президенту в Кремль!!!

Марина К.

* * *

Меня всегда поражало, что люди, которые не имеют никакого отношения к религии, с таким удовольствием отмечают все церковные праздники. Зачем — непонятно. Ладно: отмечать праздники — ничего страшного. Но зачем же идти в церковь на крестный ход, если ты всё равно не веришь? Или им надо посмотреть на зрелищное представление? Тогда это уже цирк получается. Люди приходят поглядеть или отдать дань моде. У меня есть знакомые, которые исправно ходят каждый год на крестный ход. Я спрашивала, зачем. Говорят: «А что? Интересно! Ночь. Весело. Батюшки песни поют, вокруг церкви бегают!»

А еще для некоторых церковь — такая показуха: вот посмотрите на меня! я в церковь хожу, Богу молюсь, строительство храмов спонсирую! А для чего это — непонятно. Ведь потом не будут смотреть на то, сколько денег ты пожертвовал и сколько раз на крестном ходу был. Будут о душе твоей вспоминать. А хорошим человеком можно быть и без этого!

Ольга Г.

* * *

В больших храмах в Москве крестный ход воспринимается как театральное представление. Люди, пришедшие на службу, ведут отвлеченные разговоры, женщины — в брюках, их лица накрашены. Нет того уединения со святыней, которое можно ощутить в маленьких церквушках.

Андрей П.

* * *

Я ни разу не ходила на крестный ход, но в церковь периодически захожу. Мне нравится эта атмосфера, всегда спокойно, будто благодать какая-то находит. Да, раньше было много людей, отвергавших церковь и ее каноны, некоторые шли на службу как на спектакль, театральное действо, не одевшись должным образом. Женщина, я считаю, все-таки должна прикрыть голову (ведь не

зря же существуют правила), а мужчина, в свою очередь, снять головной убор. Сейчас многие считают, что это не столь важно, что вера в Бога — не в физическом теле, а в душе человека, т.е. в церковь можно прийти в коротенькой юбке, которую даже юбкой назвать нельзя, и в майке, не прикрывающей даже четверти тела, но ведь это неправильно: надо иметь уважение к вере, религии. Если тебе все равно, в каком виде ты появишься в храме, то многим будет неприятно видеть тебя полуголым, жующим жвачку и с бутылкой пива.

Мне кажется, что народ у нас в России не такой уж и плохой и бездушный, просто сейчас, посмотрев телевизор или послушав радио, понимаешь, что очень много в стране разврата. И с каждым годом православная религия все больше и больше искореняется: идет пропаганда против православных людей, внедряется очень много католических праздников (взять тот же «День Святого Валентина» — день всех влюбленных, а ведь это же все не наше, не родное — ведь у нас есть похожий праздник — день Ивана Купалы, и он нисколько не хуже). Но сейчас наша молодежь мало что знает о православных праздниках.

Наталья Ш.

* * *

Я вообще не понимаю, как можно применять к религии и церкви попытки популяризации... как можно ввести в моду любовь к отцу, матери, Родине? До этого человек должен дойти сам, понять, почувствовать веру в Бога в своем сердце.

Светлана К.

* * *

Может быть, церковь и вера стали модным понятием. Как только какой-нибудь праздник или еще что-нибудь, сразу вокруг пресса, высшие чины, искажают веру... Так же Пасха: показывают храм, мэра, президента (если придет), патриарха, всю охрану и — для разнообразия — несколько старушек в платочках и со свечками... Кто-то неопытный увидел и решил, что надо ходить в церковь ради показухи!..

Дарья А.

* * *

По-моему, по-настоящему искренне верующих людей по-прежнему мало, но им все равно, что о них думают остальные.

Григорий К.

* * *

Я считаю, что каждый верит в Бога по-своему. Лично я до сих пор не определилась, верю ли я в Бога или нет, но в церковь я хожу с удовольствием. Я могу в церкви и поплакать, и помолиться, и покаяться. Я как бы рассказываю

кому-то, но это огласке не предается. На душе сразу легко становится и хорошо. Единственное, что я не люблю в церкви, та это то, что свечи надо покупать, то есть для того, чтобы обратиться к Богу, надо платить деньги. Во многих церквях ты даешь, сколько можешь, на пожертвование церкви и берешь свечей, сколько тебе надо... Давая деньги на пожертвование церкви (это не ко всем церквям), мы вряд ли оказываем им нужную материальную помощь. Потому что я много раз видела «батюшек» или других служителей церкви (я в них не разбираюсь) обутых в дорогую обувь, с дорогими мобильными телефонами и с толстыми кошельками. Судя по ним, они не испытывают материальных недостатков. Несмотря на это, я думаю: церковь создана не зря.

Ольга Е.

* * *

Читая Библию, я понял, что Бог к каждому человеку, в зависимости от его характера, подходит по-разному. Один не может поверить без какого-нибудь чуда, с другим должно случиться какое-то несчастье, чтобы он почувствовал нужду в Боге. В общем, каждого человека Бог разными путями приводит к тому, чтобы он решил в своем сердце раз и навсегда вопрос своего отношения к Иисусу Христу. Это самое важное решение в жизни человека, и от этого решения зависит вся его жизнь.

Сергей К.

* * *

В моем понимании религия — это взаимоотношения между Богом и человеком. Вера, прежде всего, требует от человека соблюдения морально-этических заветов, нравственно совершенствует его... Я не очень хорошо отношусь к официальной церкви, поскольку считаю, что она для государства. А для народа — это вера в Бога, которая заложена в человеке. Вот в эту веру я верую.

Виталий Л.

Сестра ЭММАНУЭЛЬ*

МЕДЖУГОРЬЕ, ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Употребляя выражение «Пресвятая Дева явилась...», мы никоим образом не предваряем заключения Церкви о подлинности явлений Пресвятой Девы в Меджугорье. Здесь приводится лишь наше личное мнение, а также мнение свидетелей событий, происходящих в Меджугорье в настоящее время.

Мы заявляем, что публикуем эту книгу с целью информировать о происходящем и подчинимся решению Церкви, как только оно будет оглашено.

Вы от Меня устали?

«Дорогие дети, сегодня Я снова призываю вас к молитве, потому что только в молитве вы сможете понять Мой приход сюда. Дух Святой просветит вас в молитве, чтобы вы поняли, что должны обратиться.

Деточки, Я хочу составить из вас прекрасный букет, уготованный для вечности. Но вы не соглашаетесь вступить на путь обращения, путь спасения, который Я предлагаю вам через эти явления.

Деточки, молитесь, обратите свои сердца и приблизьтесь ко Мне. Пусть добро возобладает над злом. Я люблю и благословляю вас. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 07. 1995).*

Понимать явления Госпы (или хотя бы просто хотеть их понимать), похоже, свойственно далеко не всем. Разумеется, друзьям Меджугорья больно бывает слышать: «Что? Она еще является? Однако долго!!!»

На вопрос маленького Якова в 1981 г.: «Госпа, сколько времени Ты будешь нам являться?» Она ответила: ***«Что, вы уже устали от Меня?».***

Есть и такие люди, которые верят в явления в Меджугорье, но их несколько смущает то, что Дева Мария является каждый день и так долго.

— Сестра, — сказал мне в октябре 1993 г. монсеньор Брандт, архиепископ Страсбургский, — в Меджугорье меня смущает только одно: приходить ежедневно и в течение столь долгого времени — не кажется ли это недостатком сдержанности со стороны Пресвятой Девы?

Конечно, так не ведут себя с епископами, но я не сдержалась. Подпрыгнув на стуле, я ответила:

— Отец мой, вообразите, если бы ваш сын лежал в коме после катастрофы, между жизнью и смертью, разве не оставались бы вы у его постели день и ночь, пока он не вернется к жизни?

— А, понимаю... Стало быть, Меджугорье — это *интенсивная терапия*!

---

* Сестра Эммануэль Майар (Emmanuel Maillard) — член Общины Блаженств (Communauté des Béatitudes) с 1976 года. С 1989 года она живет в Меджугорье, пишет книги, статьи, записывает аудиокассеты, много путешествует и выступает, по мере сил распространяя Меджугорские послания.

Он угадал верно.

Нет, дорогая Госпа, мы не устали от Тебя! Продолжай еще долго являться нам — Ты так нужна нам, и Твои материнские посещения уже вернули к жизни миллионы Твоих детей. Не обращай внимания на наш холодный прием — это следствие той самой проказы наших сердец, исцелить которую Ты пришла!

Ты не из Иерусалима?

«Дорогие дети, сегодня Я благодарю вас за все жертвы, которые вы принесли Мне в эти дни. Деточки, Я призываю вас открыться Мне и решиться на обращение. Ваши сердца, деточки, еще не полностью открыты Мне, и поэтому Я снова призываю вас: откройтесь молитве, чтобы в молитве Дух Святой помогал вам и чтобы ваши сердца сделались сердцами из плоти, а не из камня.

Деточки, спасибо, что ответили на Мой призыв и решили идти со Мной к святости» *(25. 06. 1996).*

Селение Меджугорье могло бы находиться неподалеку от Тивериады или Каны, настолько все здесь напоминает Галилею. Та же растительность, те же крестьяне, тот же белый сияющий свет, как во всех странах Средиземноморья, те же мягкие склоны, на которых соседствуют колючие кустарники, инжир, виноградники и гранатовые деревья, и, непременно, такие же нагромождения камней. Здесь Дева из Назарета не чувствует Себя на чужбине, как это могло бы быть, например, в Норвегии!

Но о Библии Меджугорские явления напоминают не столько внешним и очевидным сходством Герцеговины с землей Израиля. О Библии заставляет вспомнить сама Мария, Ее облик, Ее образ действий, способ молитвы, поведение, даже словарь. Все Ее существо чудесным образом проникнуто духом библейской женщины из рода Давида.

Еврейка Рита, американская помощница о. Славко, праздновала как-то свой день рождения. Чтобы отметить событие, Мария Павлович пригласила ее и ее друзей-евреев присутствовать на явлении в своей маленькой часовне. После явления Мария сказала:

— Госпа всех нас приветствовала и благословила, а больше я ничего не поняла: Она стала молиться на своем родном языке!

— Это потому, что Она почувствовала Себя в Своей семье! — сказала я, чтоб порадовать Риту и ее друзей. (А для чего еще, если разобраться, Пресвятой Деве, безупречно владеющей хорватским, вздумалось молиться на языке, не понятном Марии Павлович?)

Родным языком Девы Марии был арамейский, но очень вероятно, что Она говорила и на иврите. Увы, наши переводы Писания слабы. Мы далеки от первоначального смысла слов, произнесенных Самим Богом или его посланниками, — слов, на протяжении трех тысяч лет непрестанно воспитывавших народ Книги и несущих в себе неповрежденное содержание. И сейчас мы с радостью видим, что в посланиях Дева Мария употребляет слова Библии, слова Откровения. Ах, если бы перевод выражал всю их полноту!

Разберем вместе несколько понятий из послания, поставленного в начало этой главки.

Обращение. Древнееврейский корень этого слова, отмечающий вехи всей истории народа Израильского (а значит, каждой нашей души), за тысячу километров отстоит от того весьма тягостного смысла, который сегодня ассоциируется с пугающим самоотречением и сверхчеловеческими усилиями. Напротив, слово ***Techouva*** говорит о «возвращении» — возвращении изгнанника *к себе домой*! Он, наконец, возвращается в свою землю, в дом, где отец и мать, зачавшие, питавшие и любившие его, где все его корни. Он пережил горький опыт удаления от родного дома, опыт нужды сердечной и материальной, может быть, опыт рабства — и вот он вновь обретает близких, вступает во владение своим добром. Вкушает, наконец, безопасности и достатка. Мое обращение означает поворот моего пути в сторону родного дома. В молитве внутренним взором я вижу свою путеводную звезду, я сознаю, что заблуждался (то есть заблудился, брел без дороги), и я исправляю свой путь.

В Меджугорье Дева Мария говорит нам, что самое важное Ее послание — это призыв к обращению. Разумеется! Если я не живу в *недре Отчем* (Ин 1,18), с Иисусом — я человек конченный! ***«Мир далек от Бога — вот почему у него нет мира». «Я пришла приблизить вас к Сердцу Божию»***, — говорит нам Она, и так Она и делает.

Святость. Для большинства христиан это просто ужас! Мы бежим от нее, ибо святость — это самоотречение утром, самоотречение в полдень, самоотречение еще и вечером и вновь самоотречение ночью! А эти несчастные святые — статуи их в нишах церквей — каких только испытаний они не пережили! Агонию души и тела... нет! Мы — мы хотим наслаждаться радостями жизни, мы хотим счастья! Хотим дышать, жить, смеяться! И потом надо же быть скромнее: святость недостижима, она бесконечно превосходит мои возможности! Почему не Наполеоном? Я что — смогу совершать чудеса, возноситься над землей, умножать хлеб?! Не надо фантазий! Все это для совершенно особых людей, а я нормальный человек, как все.

«Дорогие дети, — говорит Дева Мария в Меджугорье, — ***Я знаю, что многие среди вас страшатся святости». Kadosh***, «святой», на иврите значит «отделенный» — как Бог отделил свет от тьмы, как Он отделяет доброе зерно от плевел. Я «свят», когда я не «от мира», хотя и в мире. Я «отделен» в час моего крещения, чтобы принадлежать Богу. Это Он дает мне часть в Своей святости, ибо только Он один Свят.

В Меджугорье Госпа чудесным образом успокаивает всех, кто страшится святости: святой вовсе не тот, кого «лишили десерта», а тот, у кого в сердце полнота любви. Разве не таково самое сокровенное, самое неотступное, самое глубокое желание каждого человека? ***«Без святости вы не можете жить»***, — говорит Она. Далекая от мысли навязать какие-то лишения, Дева Мария, напротив, внушает мысль об изобилии: зачем тупо попирать ногами сокровища, вступая в сделку с Вором, Лжецом, Человекоубийцей, тогда как, выбирая святость, мы имеем все, что имеет Бог, потому что мы соединяемся с Ним?

Я часто привожу молодым людям такие слова Девы Марии: ***«Вы бессознательно предаетесь в руки сатаны»***, — и прибавляю: «Хотите знать лучшее средство предать себя в его руки? Это очень легко! Достаточно вести себя, как все. Это непременно подействует. Зато, если вы будете поступать так, как нам

говорит Евангелие и Госпа, это тоже непременно подействует — вы окажетесь в руках Бога и получите все, что ищете. Если вы будете жить свято, мир, жаждущий Бога, устремится к вам. Так молодые коммунисты-безбожники в Сараеве выясняли у Мирьяны: «У тебя есть что-то, чего нет у нас. Мир, счастье... Мы же видим! Нам это тоже нужно! Скажи, как ты это делаешь?»

Сердце. *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим...»* — этот стих Второзакония, приводит Сам Христос. «...***Чтобы ваши сердца сделались сердцами из плоти, а не из камня»,*** — говорит Госпа. ***Levav***, «сердце» на иврите, включает добрые и дурные наклонности. В нашем сердце есть нечто и от живой плоти, и от камня. Ни одно человеческое сердце не состоит только из плоти или только из камня. Но в нем преобладает либо живая плоть, либо камень. Бог это Тот, Кто превращает камни в источники вод. Люби Бога всем твоим существом, и тогда Он превратит в живую плоть то, что в тебе из камня. Вот что хочет сказать Дева Мария в этом послании.

Ох, об этих древнееврейских корнях я, наверное, написала бы целую книгу! Но надо остановиться... мне, но не вам! Никогда больше не читайте послания с мыслью: «Но это так бесцветно, без вкуса и запаха...». Нет! Ищите среди ваших пастырей того, кто откроет вам сокровища Библии, явит чудесный аромат малейшего словечка! И когда вы будете общаться с Богоматерью Лурдской, Богоматерью Фатимской, Богоматерью Гваделупской, Богоматерью Ченстоховской, Богоматерью Парижской (а мы прибавим: Богоматерью Владимирской, Богоматерью Иверской, Богоматерью Казанской... — *Ред.*), всегда спрашивайте:

— Но, по сути, Госпожа, разве Ты не из Иерусалима?

Самый выгодный контракт

«Дорогие дети, сегодня в Моем сердце радость, когда я вижу всех вас, присутствующих здесь. Я благословляю вас и призываю всех вас решиться жить посланиями, которые Я даю вам здесь. Я хочу, деточки, привести всех вас к Иисусу, ибо Он — ваше Спасение.

Поэтому, деточки, чем больше вы будете молиться, тем больше будете принадлежать Мне и Моему Сыну Иисусу. Я благословляю всех вас Моим материнским благословением. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 06. 1994).*

— Важно, — говорит Елена Васили, — целиком пребывать в настоящем. Я совершенно не беспокоюсь о будущем, ибо Богу оно известно. Выйду я замуж или нет, не так важно, я не забочусь об этом, потому что Бог полностью наполняет мое сердце. Каждая женщина призвана к материнству, к тому, чтобы отдавать себя в любви. Это самое прекрасное, но есть тысячи способов осуществлять материнство не только по плоти. Мир этого не понимает, а ведь он умирает от недостатка материнства...

Целиком предаться Богу, полностью доверить себя ему! Можно ли заключить с Господом договор лучше?! Бывает ли контракт надежней этого?!

Не так давно меня поразил еще один контракт.

Как-то Кэт, подруга и переводчица Марии Павлович, в толпе паломников заметила лицо, совершенно отличавшееся от других, — настолько светлое, что

оно сияло, словно солнце в тумане. Радость, невыразимая радость исходила от этого лица. Никогда еще Кэт не видела подобной радости! Между тем, человек, светившийся радостью, скромно держался в гуще толпы, у стенки, не пытаясь чем-нибудь выделиться.

Лишь с большим трудом Кэт далось сосредоточиться на переводе. А едва закончилась речь Марии, девушка направилась к солнышку, сиявшему возле стенки. Это был крохотный итальянский священник, ростом с ноготок и такой старый, что, казалось, родился еще в девятнадцатом веке!

— Отец мой, простите мой вопрос, если он нескромный, но я бы очень хотела узнать, почему вы так радостны? У вас, наверное, есть какой-то секрет...

Священник поднял глаза, и Кэт поразилась: несмотря на возраст, взгляд у него был невинный, как у младенца.

— Я скажу вам, синьорина. Мне девяносто пять лет. Когда мне было пять лет, я с грустью обнаружил, что люди все время жалуются — по поводу и без повода. Это поразило меня. И еще я почувствовал, что Иисусу тяжело от этого. И тогда я обещал Ему, что в течение первых ста лет моей жизни никогда не будут жаловаться, а наоборот, буду славить Его за всё — как хорошее, так и неприятное и всегда буду праздновать дар жизни. И должен сказать, синьорина, я сдержал обещание. И на протяжении всех этих лет, что я праздновал дар жизни, зло не смогло меня коснуться, я избежал всех демонов!

— Невероятно! Но если вам девяносто пять лет, срок действия вашего контракта скоро закончится! — сказала Кэт, смеясь.

— Да, я уже думал об этом... Что ж, я готов продлить этот контракт и на следующие сто лет!

На улице Доверия

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас задуматься о своем будущем. Вы строите новый мир без Бога, только собственными силами, и потому вы не удовлетворены и у вас нет радости в сердце. Это время — Мое время, и поэтому, деточки, Я вновь призываю вас молиться. Когда вы обретете единство с Богом, вы ощутите жажду слова Божия и ваше сердце, деточки, преисполнится радостью и, где бы вы ни находились, вы будете свидетельствовать о любви Божией. Я благословляю вас и повторяю, что Я с вами, чтобы помочь вам. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 01. 1997).*

Что до будущего, у меня есть путеводная нить — это Святое Провидение, в высшей степени достойное называться Божественным. У Него Свои обычаи и два главных козыря — я бы обозначила их как «Любовь» и «Юмор». Каждый, кто встречался с Ним, счастлив. Но адрес Его знают лишь немногие. А ведь это совсем рядом: надо лишь сию же минуту круто повернуть с того места, где вы находитесь. Но будьте внимательны: нужно буквально следовать указателям. Несомненно, повернуть так круто будет трудновато, ведь по дороге встретятся другие таблички — чрезвычайно привлекательные, особенно если вы любите широкие пути. Избегайте их!

Например, широкий очень оживленный Проспект Стяжания — не ездите туда! Очень соблазнительный, на первый взгляд, Бульвар Собери-Побольше —

не сворачивайте и на него, от его витрин текут слюнки, но продают там только болепричиняющее. Очень запруженная трасса Проезд Недоверия — избегайте его, воздух там отравлен! Пешеходная Улица Воздушных Замков — бесполезно, это тупик. Наконец, всемирно известная Авеню Беспокойства — ни в коем случае, она заканчивается глухой зеленой трясиной. Нет, все это не приведет вас к Божественному Провидению. Его же улица скромна (ее легко пропустить), это Улица Доверия. Там Оно и живет в собственном доме, и на дверной табличке вы прочитаете: «***Предайся Мне***». Входите, Оно ждет вас. Будьте как дома!

Попав к Нему, вы не перестанете изумляться.

Первое, что изумит вас — невероятное чувство безопасности. Затем понемногу прежние связи с Собери-Побольше, Недоверием, Воздушными Замками, Стяжанием и Беспокойством спадут с ваших плеч, как надоевшее старье. Божественное введет вас в мир, неведомый доселе, и вы почувствуете необыкновенную свободу. Следует знать, что Божественное — это гений понимания, познания, умения и невыразимой деликатности сердца. Оно играючи разрешает самые тупиковые, самые трагические ситуации. Ничто не способно противиться Ему.

Госпе нет нужды скрывать Его адрес, и Она постоянно напоминает нам ключевые этапы этого божественного маршрута:

«Всегда возлагайте свое бремя на Господа и не тревожьтесь» (11.10.1984).

«Бог одарит вас великими дарами, если вы предадитесь Ему» (19.12.1985).

«Предайтесь Мне, чтобы Я могла всецело вести вас. Не сосредотачивайтесь на материальных вещах» (17.04.1986.).

«Предайтесь Богу*, чтобы Он мог исцелить вас, утешить и простить все, что сдерживает вас на пути любви» (25.06.1988).

«Я призываю вас к полной самоотдаче Богу; пусть все, чем вы обладаете, будет в руках Божиих» (25.04.1989).

«Оставьте свои заботы Иисусу. Послушайте, что Он говорит в Евангелии: "Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?"» (30. 10. 1983).

«Уповайте на Бога и пребудьте в радости» (26.11.1981).

Увы, эти вехи, расставленные по всем посланиям Госпы, привлекают слишком мало внимания. В этом преходящем мире всем бросаются в глаза иные дороги.

---

* Одна семейная пара из нашей Общины посетила Марту Робен в 1977 г. Марта говорила им о предании себя Богу, как о решении всех их трудностей.

— Но, Марта, а если предаться Богу не получается?

— Ну, что ж, все-таки нужно предаться!

Она любила говорить:

«Предание себя Богу — это неусыпно, деятельно, внимательно относиться к самым тайным, самым сокровенным требованиям Бога. В предании себя, — продолжала она, — Благой Господь Бог не оставляет нас в покое. Это принадлежность Ему».

«Дело не только в том, чтобы отдать то, что мы имеем, а принести до последней крупицы все, чем мы являемся, что происходит от Отца и что предназначено Отцу. Дело не только в том, чтобы отдавать излишнее или часть, или даже значительную часть нашей жизни, нашей деятельности, нашего апостольства, — но всю суть своего бытия. Предать себя Богу значит идти на предел требований Божиих».

И поскольку дороги эти манят своим блеском, то все (или почти все) спешат сломя голову именно туда. Но, увы, блеск этот быстро тускнеет. И кто сочтет страшные разрушения в сердцах, душах, психике и телах тех, кто последовал маршрутам Беспокойства или Собери-Побольше! Кто опишет их смертную тоску, пустоту и тайное отчаяние!

Порой Божественное вмешивается даже в денежные вопросы. Особый же Его талант — устраивать человеческие встречи. В истории, которую я намерена рассказать сейчас, Провидение продемонстрировало и то и другое.

Моя подруга из США сорокасемилетняя Кэти, мать восьмерых детей, с радостью пользуется сокровищами Божественного Провидения. Памятуя о словах Иисуса св. Фаустине: ***«Старайся жить в молчании, чтобы услышать Мой голос, который настолько тих, что только молчаливые души способны его услышать»****, она много молится каждый день, и это позволяет ей легче вступать в «беседу» с Богом. Когда Кэти рассказывает о своих приключениях, я не знаю, плакать или смеяться.

Однажды в самый неподходящий для этого час Она почувствовала, что должна отправиться в супермаркет. Кэти очень устала и собиралась отдохнуть, но как ни хотелось ей остаться дома, она преодолела себя и поехала в магазин. С деньгами в доме были проблемы, но все же Кэти решила купить вдвое больше обыкновенного, чтобы не возвращаться сюда подольше. Набив покупками огромную тележку, она встала в очередь к кассе. Был час пик, в магазине полно народу, у Кэти гудели ноги, вдобавок прямо перед ней какая-то дама пролезла без очереди... Но Кэти предпочла хранить спокойствие и молча молиться. Когда она, наконец, достигла кассы, к ней подскочил служащий магазина и торжественно объявил: «Поздравляем Вас, мадам! Вы наша пятитысячная покупательница, и все содержимое вашей тележки наш магазин дарит вам!». Кэти возблагодарила Господа и поздравила себя с тем, что услышала внутреннее побуждение и главное — что вняла ему.

Но, как оказалось, приключение еще не кончилось.

На обратном пути Кэти вновь ощутила властный приказ свернуть налево (надо сказать, что ехала она в правом ряду). С чувством некоторой абсурдности происходящего Кэти приготовилась сделать приличный крюк и свернула налево.

Ой, кто это там впереди — чуть дальше, у витрины?! Господи! Да это же Джейн! Ну да, Джейн, любимая подруга юности!

— Невероятно, Джейн! Ты в Соут-Бенде?

— Господи, Кэти, это Провидение! Мы же не виделись лет двадцать!

Оказалось, встретились они как нельзя вовремя: Джейн в полном смятении, ей срочно нужен совет, дружеская помощь. Смущенно и торопливо она начала рассказывать, что вот в свои сорок пять ждет шестого ребенка, а все вокруг в один голос убеждают сделать аборт. Совершенно растерявшись от унизительных замечаний, неуместных шуток и жестоких советов, Джейн впала в депрессию: ужасно представить себе, что этот ребенок, втайне уже любимый, — лишний в этой жизни, что он никогда и не увидит свет...

— Понимаешь, мне — сорок пять! — в отчаянии простонала Кэти.

---

* Дневник, § 1779.

— Ну и что? — удивилась Кэти. — Ну и прекрасно. У меня в сорок пять родился не шестой, а восьмой ребенок! И знаешь, какую радость приносит он всем! Да ты сейчас сама увидишь, поехали!

В тот день настроение Джейн так поднялось, что никакие советы «здравомыслящих людей» уже не могли сбить ее с толку. Сегодня Америка насчитывает одним маленьким сокровищем больше.

Хвала Тебе, Божественное!

Смирение Госпы

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас открыться Богу-Творцу, чтобы Он изменил вас. Деточки, вы дороги Мне, Я люблю всех вас и призываю вас стать ближе ко Мне и более горячо любить Мое Непорочное Сердце. Я хочу обновить вас и привести через Мое Сердце к Сердцу Иисуса, Который и сегодня страдает за вас и призывает вас к обращению и обновлению. Через вас Я хочу обновить мир. Поймите, деточки, что сегодня вы — соль земли и свет мира.

Деточки, Я призываю вас, Я люблю вас и особенно молю вас: обратитесь! Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 10. 1996).*

Однажды святого Кюре из Арса* спросили, какая из добродетелей самая великая.

— Смирение, — ответил он.

— А вторая?

— Смирение.

— А третья?

— Смирение...

Вам нужны конкретные примеры? У меня их множество. Есть и такой, о котором я не могу вспоминать, не упав на колени.

Как-то моя подруга Керен спросила Марию Павлович:

— Когда Госпа стоит перед тобой, как Она на тебя смотрит? Кто ты для Нее, как тебе кажется?

Мария улыбается и несколько мгновений сосредотачивается, чтобы в глубине души как бы заново пережить явления и найти точные слова. Потом произносит своим негромким ясным голосом:

— Когда Госпа смотрит на меня, у меня такое чувство, что для Нее Царица мира это я и что Она восхищается привилегией посмотреть на меня.

— Что? Повтори еще раз!!!

— Да, это так, Она восхищена привилегией, дарованной Ей Богом...

— Но это совершенно перевернутый мир!

— Это смирение Госпы...

А несколько месяцев спустя Керен рассказывала о Меджугорье в большой церкви св. Пия X в Нью-Йорке. Разумеется, послушать ее собралась целая толпа народа. Уже спустилась ночь, ясная летняя ночь.

Керен начала с великолепного описания Госпы, следуя рассказам Меджугорских визионеров. Сказала она и о смирении Девы Марии, передав, разумеется, потрясающие слова Марии Павлович.

---

* св. Жан-Мари Вианней (1786 — 1859).

— Дева Мария сильнее всех творений в борьбе против сатаны, потому что Она самая смиренная...

Керен внезапно умолкла, а затем прибавила:

— То, что я сейчас вам скажу, предупреждаю, совсем не нравится сатане, потому что это — нечто, чему он не может подражать, что он не может ни вообразить, ни принять... Так вот, самая малая в Царстве Божием — это Дева Мария!..*

Едва она произнесла последнее из этих слов, как по церкви разнесся адский грохот, потрясший здание до основания. Свет отключился, все оказались в темноте, микрофон замолчал. Онемев от страха, собрание на мгновение замерло: не начался ли конец света! И тогда раздался насмешливый и спокойный голос Керен:

— Я же сказала, что ему это не нравится.

Тем временем священники вынесли свечи. Электрическое освещение было восстановлено только через полчаса, а люди тем временем молились, правда, беспокойно, но зато сердечно, как никогда! Снаружи, в нескольких метрах от стены храма, на земле простирался огромный платан, рассеченный надвое и дочерна обугленный. Его свалила молния. Молния? Ну да, молния, хотя в тот вечер не было ни дождя, ни бури, ни даже малейшей вспышки; звезды, как лампочки, горели в ясном небе Нью-Йорка.

Смирение Девы Марии? Ну, вытерпите еще одну историю.

Это было в те времена, когда визионеры видели Ее ежедневно. И один из членов молитвенной группы по имени Зелико повадился прятать в месте явлений маленькую записочку для Пресвятой Девы. Паренек был очень занят с паломниками, писал свои послания на ходу, и зачастую они содержали всего несколько слов, а то и просто наспех нарисованное сердечко. И все-таки он день за днем оставлял в своем тайничке эти «любовные записочки». Но однажды, когда было особенно некогда, он сказал себе: «Да ну, зачем Госпе эти несчастные каракули, Она видит мое сердце — это главное...» — и целых восемь дней не писал ничего. Однако на девятый день Зелико снова (тайно от всех, разумеется!) перед самым явлением оставил несколько строчек для Девы Марии.

После явления, едва поднявшись с колен, Мария Павлович с заинтригованным видом позвала:

— Зелико? Иди-ка сюда...

— Что такое?

— Госпа была очень, очень счастлива! Я не совсем поняла, но Она велела передать тебе буквально следующее: ***«Я очень благодарна тебе за твое письмо, которое доставило Мне очень большую радость. Ведь в течение этих восьми дней Мне очень не хватало твоих писем...»***.

Кто сможет оценить божественную нежность Матери, Которую Иисус дал каждому из нас, кто сможет оценить Ее радость от малейшего нашего бескорыстного жеста?!

---

* Определение «самая малая», разумеется, отсылает нас к тому месту Евангелия, когда Иисус «возрадовался духом и сказал: *славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам*» (Лк 10,21), и: *«Кто из вас меньше всех, тот будет велик»* (Лк 9,48).

Дорогая Госпа, в день, когда Иисус мне сказал: *«се, Матерь твоя»*, Он дал мне больше, чем небо и землю и все, что они заключают. Он подарил мне Свое самое дорогое сокровище! И кто может отнять у меня эту радость?!

Сальные пятна

«Дорогие дети, сегодня Я призываю всех вас решиться молиться на Мои интенции*. Деточки, Я призываю каждого из вас помочь осуществлению Моего плана через этот церковный приход. Теперь Я особенно призываю вас, деточки, решиться следовать путем святости. Только так вы приблизитесь ко Мне.

Я люблю вас и хочу всех вас привести за Собой в рай. Но если вы не будете молиться, не будете смиренны и послушны посланиям, которые Я даю вам, Я не смогу вам помочь. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 04. 1994).*

Мария Павлович очень любит рассказывать эту историю. Было это в августе 1981 года, в самом начале явлений. Стояло необыкновенно жаркое лето. Жаркое еще и потому, что милиционеры-коммунисты «давали жару» визионерам. Но и милицию можно понять. Действительно, уже больше месяца, как в деревне творится бог знает что: то на холме явлений загораются огни, бесследно исчезающие, когда пытаешься к ним приблизиться; то огромный крест на горе Крыжевац начинает кружиться и плясать, а то и вовсе исчезает и вместо него появляется огромный пылающий костер! В деревне только об этом и говорят... Попробуйте-ка в таких условиях оставаться материалистом и хранить верность коммунистическому режиму! Некоторые милиционеры не выдерживают: голос Матери проникает в их сердца... Но таких очень скоро выявляют и отправляют отсюда — в Загреб, в Сараево, а то и в тюрьму!

А вот визионеров умолкнуть не заставишь. Им официально приказано заявить, что они ничего не видели, что всё от А до Я выдумали и что отныне рот у них будет на замке. Но на ребят ничто не действует! И хуже всех Вицка. Ей велено сидеть дома, чтобы о ней забыли. Она же влезает на крышу и, «сидя дома», выкрикивает последние послания — а при ее голосине никакой громкоговоритель не нужен! Ни за что на свете она не откажется от миссии, которую ей, как и пяти другим, доверила Госпа: ***«Скажите людям, что...»***. Милиционерам, охраняющим ее дом, приходится особенно нелегко.

Визионеров не угомонишь, но можно запретить народу подниматься на холм. И у подножия Подбрдо устанавливаются кордоны. Теперь многотысячные толпы уже не могут собираться на месте явлений.

Но Госпа принимает меры заранее:

— ***Завтра***, — говорит Она визионерам, — ***Я явлюсь на поле Гумно. Скажите жителям деревни, чтобы они пошли туда с вами.***

В десять вечера Госпа явилась детям.

— ***Сегодня***, — сказала Она визионерам, — ***все, кто захочет, может подойти и дотронуться до Меня.***

— Но, — удивляются визионеры, — ведь люди Тебя не видят...

---

* Молиться на чьи-либо интенции — значит молиться о том же, о чем молится то или иное лицо.

—Вы сами пойдите и подведите их ко Мне. Тогда они смогут до Меня дотронуться.

Визионеры так и поступают. Они объясняют людям, какой подарок им предлагает Госпа, и помогают одному за другим приблизиться к Ней.

Восхищенные и изумленные люди возлагают руки на плечо Пресвятой Девы, на Ее голову, Ее покрывало, Ее руки... И каждый ощущает Ее совершенно реальное присутствие, однако не видит и не слышит Ее. Некоторые даже чувствуют тепло, иные — холод, а иные — как бы электричество, необычный ток. Живое, незабываемое ощущение!

И вдруг визионеры замечают, что на платье Пресвятой Девы появляются пятна. Они становятся все гуще и гуще, и вот уже испачкано всё платье... Грусть омрачает лик Госпы.

Так нельзя, это неправильно! Визионеры волнуются:

— Госпа, Твое платье совсем испачкалось!

— ***Это грехи тех, кто Меня касается***, — кротко отвечает Она.

Как все дети, визионеры категоричны.

— Перестаньте касаться Госпы, — кричат они людям, — перестаньте!

И тогда Пресвятая Дева стала очень серьезно говорить об исповеди, о необходимости ежемесячной исповеди для каждого. ***«Нет никого на земле, кто не нуждался бы в исповеди хотя бы раз в месяц»***, — объяснила Она.

В ту ночь волна грешников обрушилась на церковь. Волна столь мощная, что бедный о. Йозо едва не падал с ног. Чтобы исповедать всех желающих, ему пришлось созвать священников из соседних деревень. Этой ночью милосердие лилось обильным потоком. Появление Госпы во всем сиянии Ее простоты смогло тронуть сердца Ее детей глубже, чем любые долгие речи.

Многие паломники страдают оттого, что их настоятели отвергают Меджугорье. Но положение понемногу меняется. Стоит кому-либо из таких настоятелей присоединиться к паломничеству, дело сделано, ибо нескольких часов, проведенных в исповедальне в Меджугорье, бывает достаточно, чтобы понять изнутри то исключительное, что совершается здесь в сердцах. Священники, которые во Франции постоянно сидят в исповедальне без дела, в Меджугорье плачут от радости: с самого рукоположения они не видели ничего подобного.

Святой Кюре из Арса говорил: *«Грехи, которые мы скрываем, объявятся. Чтобы как можно надежнее скрыть свои грехи, их нужно исповедать»*. С 1981 года грешники, ищущие прощения, не переводятся в Меджугорье, так, что о нем вполне заслуженно говорят:

Меджугорье? — *Это всемирная исповедальня.*

С Госпой против сатаны

«Дорогие дети, вы все — Мои деточки. Я люблю вас. Но, деточки, вы не должны забывать, что без молитвы вы не можете быть близки ко Мне. В это время сатана хочет породить смятение в ваших сердцах и ваших семьях. Деточки, не поддавайтесь ему! Вы не должны позволять ему управлять вами, ни вами, ни вашей жизнью. Я люблю вас и прошу за вас Бога. Деточки, молитесь. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 01. 1994).*

Когда Мария Павлович еще жила в доме своих родителей, к ней приходило множество паломников. Особенно часто приходили итальянцы, ведь Мария хорошо говорит на их языке. Этот подарок девушка получила в апреле 1983 г. на день рождения — после явления Госпы она стала бегло говорить по-итальянски, хотя никогда прежде этот язык не изучала.

Одна молодая итальянка, одержимая, вела себя настолько невыносимо, что все избегали ее. Я не случайно употребила слово «одержимая» — эта девушка, действительно, заключила договор с сатаной, участвовала в «черных мессах» и в самом прямом смысле была одержима дьяволом. Мария, которая каждый день видела Матерь Всякого Милосердия, согласилась приютить итальянку у себя, потому что хорошо понимала, что та ищет в Меджугорье мира и исцеления.

В течение месяца жизнь семьи Павлович изменилась. Действие демона, владевшего девушкой, могли наблюдать все. Например, было совершенно невозможно молиться перед ней открыто — итальянка буквально превращалась в фурию. В эти дни у Марии остановился также один священник, и между ним и сатаной не прекращались стычки. Как-то раз священник попытался тайно помолиться за девушку (она находилась в своей комнате) и молча благословил ее, начертав в воздухе крестное знамение. В тот же миг дверь резко распахнулась, и одержимая появилась на пороге. Если перевести на литературный язык то, что она прорычала, получится что-то вроде: «Перестань меня терзать!».

Бывало, несчастная падала на пол, страдая от сущего ада внутри. Но стоило лишь кому-нибудь в своем сердце обратиться к Госпе с просьбой прийти и Самой утешить и благословить бедную девушку, та подскакивала, как от раскаленного железа, и кричала: «Прекрати свои грязные молитвы!».

Мария изумлялась происходящему, но не выходила из себя, сохраняя доброту и мир своей души. И предвидение ее оправдалось: настойчивость и простота, терпение и всеобщая молитва одолели врага. В конце концов он отпустил свою добычу — через месяц девушка была свободна. В душевном спокойствии она вернулась домой.

Вековечная ненависть, с которой сатана противостоит Деве, — реальность, очень ощутимая в Меджугорье. Елена рассказала мне о некоторых посланиях относительно сатаны, которые Госпа адресовала небольшому ядру лидеров ее молитвенной группы. Вот история, заставляющая вспомнить библейскую Книгу Иова. Елена была совсем подростком, когда Дева Мария сказала ей: ***«Однажды сатана пришел к Богу. Он просил отдать ему Меджугорье, а взамен он отказывался от всего остального мира».***

— Разумеется, Бог ему отказал! — прибавил Елена. — Этим Госпа хотела показать нам центральное место Меджугорья в нынешних планах Божиих о спасении мира. Нужно рассматривать это послание в соответствующем контексте.

О. Томислав Власич, духовный руководитель этой молитвенной группы, полностью подтвердил мне истинность слов Елены и даже прибавил:

— Ничего удивительного! Мы еще далеки от того, чтобы понимать планы Божии относительно Меджугорья. Госпа Сама часто повторяет: ***«Вы не понимаете Моих планов!».***

О. Томислав подтвердил и другое послание. Госпа сказала Елене: ***«Сатана и его ангелы покинули множество мест на земле, чтобы внедриться в Меджугорье и нарушить здесь Мои планы».***

Раз за разом Госпа предупреждает нас, что сатана активен, что он хочет погубить нас и что он силен, как никогда прежде. Как предусмотрительная Мать Она неустанно напоминает нам об оружии, которое нам дал Иисус, чтобы победить сатану: это пост и молитва (для защиты Она советует нам употреблять святую воду).

Из шести визионеров только Мирьяна видела сатану лицом к лицу. Она пришла в ужас. Он казался красивым, привлекательным, но его глаза были красными и пылали ненавистью.

Я не могу умолчать здесь о словах Марты Робен*: *«Люцифер всегда в ярости. Но когда появляется Дева, он не может ничего против Нее. Дева так прекрасна, прекрасно не только Ее лицо, но и вся фигура. Что касается него, он может подражать всему, он подражает даже Страстям, но не может подражать Деве. У него нет над Ней власти. Видели бы, какие он корчит рожи, когда появляется Дева, вы бы расхохотались!»*

Почему сатана так яростно настроен против Меджугорья? Да потому, что при каждом явлении Пресвятой Девы он теряет еще немного своей власти.

«Вот почему он стал таким агрессивным», — объяснила Госпа Мирьяне.

Секрет Вицки

«Я хочу, чтобы каждый был счастлив здесь, на земле, и чтобы затем он оказался со Мною на небе. Это, дорогие дети, цель Моего прихода сюда и Мое желание» *(25. 05. 1987).*

В тот день мы вдвоем должны были отправляться в Америку свидетельствовать о Меджугорье. Но накануне отъезда Вицка слегла. Услышав об этом, я не поверила своим ушам: еще вчера вечером она была совершенно здорова! Оказалось, что к ночи у Вицки парализовало ногу, посинела рука, и она терпит мучительные боли, которые к утру только усилились...

Мне пришлось ехать одной. А вернувшись девять дней спустя, я застала Вицку развешивающей белье.

— И давно ты выздоровела?!

— Сегодня утром! Проснулась, и все хорошо, — широко улыбаясь, ответила она. — Как видишь, все прошло! Я даже смогла поговорить с группой паломников.

— Сегодня утром?! Так ты пролежала все эти дни? Интересно, почему твоя болезнь так точно совпала с миссией. У тебя есть какая-нибудь версия?

— Ну, вот так (выражение, типичное для местных жителей)! У Госпы был Свой план: ты должна была говорить о Меджугорье, а я — страдать. Так Она

---

* Марта Робен (1902 — 1981) — выдающаяся французская подвижница. Большую часть жизни провела парализованной; носила стигматы; регулярно переживала Страсти Господни, имела удивительные видения и дар пророчества. Оказала большое влияние на многих современных духовных деятелей (подробнее о ней см.: *Райион Пейрэ*. Тайны Марты, «Истина и жизнь». М., 1996).

решила! (Тут я подумала, что если бы Госпа спросила мнение пяти тысяч жителей Питтсбурга, они, наверняка, предпочли бы противоположный расклад!)

— Так что же с тобой было на самом деле?

Но не следует ждать логических объяснений от Вицки.

— Ничего интересного. И, как видишь, все прошло! — Она смеется и меняет тему.

Узнав об этой загадочной хвори, Сэм, врач из Америки, попросил меня поговорить с Вицкой.

— Послушай, — начала я, — давай тебя посмотрит один из лучших врачей США. Сделает анализы, подержит тебя немного под наблюдением... Вдруг это спасет тебе жизнь! А? Никто же не знает... Может, у тебя что-то серьезное. Тебе-то хорошо отправиться на небо, но нам хочется задержать тебя подольше!

— Не знаю, надо посмотреть... подождем немного...

В ее устах это значит: «Оставь меня в покое!»

— Но, Вицка, — внезапно осеняет меня, — ведь твое здоровье принадлежит Госпе? Ей и решать... Может, спросишь у Нее, что тебе делать?

— Ты права, — соглашается она. — Я спрошу.

Через два дня Вицка сообщила мне ответ свыше: ***«В этом нет необходимости»***.

Ну, что ж! Если так говорит Сама Госпа...

Насколько я знаю, никто еще не разгадал этой тайны Вицки. И нам еще не раз придется удивляться.

В 1983-84 годах у девушки обнаружилось тяжелое заболевание мозга. Я до сих пор словно слышу горький приговор о. Лорантена: «Она умрет». Боли, которые испытывала Вицка, были так сильны, что она теряла сознание. Мать, убитая видом этих страданий, не раз предлагала:

— Давай уколем обезболивающее, ты же не можешь так больше...

Но Вицка отвечала:

— Мама, если бы ты знала, какие милости приносят мои страдания для меня и для других, ты бы так не говорила!

Однажды после особенно мучительного приступа Госпа сказала: ***«В такой-то день ты исцелишься»***. Вицка записала число и передала это письменное свидетельство двум священникам. Через неделю, в названный день, девушка совершенно поправилась. Из этого опыта она вынесла и сохранила глубокое знание тайны страдания и его плодотворности.

Вот что я однажды услышала, когда Вицка выступала перед паломниками:

— Госпа говорит: ***«Дорогие дети, когда вы переживаете страдание, болезнь, проблему, вы говорите: О, почему это выпало мне, а не кому-нибудь другому?! Нет, дорогие дети, не говорите так! Говорите наоборот: Господи, благодарю тебя за этот подарок! Ибо страданием, когда оно жертвуется Богу, приобретаются великие милости!»***

И Вицка отважно прибавляет (от имени Госпы):

— Говорите также: ***«Господи, если у Тебя есть еще подарки для меня, я готова!»***

Секрет Вицки в том, что она не просчитывает свои ДА для Бога. Она видела ад, и у нее нет больше никакого желания жадничать, когда речь идет о

спасении душ. Когда однажды Госпа спросила: ***«Кто из вас хочет принести себя в жертву за грешников?»***, Вицка вызвалась быстрее всех. «Я прошу только благодати Божией и силы, чтобы идти вперед», — говорит она.

Не станем доискиваться дальше, почему Вицка передает столько небесной радости тем, кто к ней приходит! Это выходит *вот так*!

Как-то во время телеинтервью она воскликнула:

— Вы и не представляете, какую великую цену имеют ваши страдания в глазах Божиих! Не возмущайтесь, когда приходит страдание. Люди гневаются, потому что не ищут поистине воли Божией. Если ее искать, гнев уходит. Возмущаются только те, кто отказывается нести крест. Но вы можете быть уверены, что если Бог посылает крест, Он знает, почему Он его посылает, и знает, когда его забрать. Ничто не происходит случайно.

Поверьте, она-то знает, о чем говорит.

Умереть достойно

«Дорогие дети, Я радуюсь вместе с вами и призываю вас к молитве. Деточки, молитесь на Мои интенции. Мне нужны ваши молитвы — через них Я хочу приблизить вас к Богу. Он ваше спасение. Бог посылает Меня помочь вам и вести вас в рай, который и есть ваша цель.

Вот почему, деточки, молитесь, молитесь, молитесь. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 09. 1994).*

Есть люди, которые, видя, что конец их близок, просят Пресвятую Деву о возможности умереть в Меджугорье. К счастью, Она не исполняет их молитв, ведь смерть паломника — это страшные хлопоты для хорватских хозяев и неприятность для руководителя группы. Мы, правда, помним старенького священника, вдруг упавшего перед алтарем, чтобы, вероятно, завершить свою Мессу в Царстве Божием, или бабулечку, ушедшую во время сна, едва приехав в Меджугорье. Но это бывает редко... и не стоит к этому стремиться! (Тем более, что воскреснуть на холме явлений все равно не получится, тело усопшего немедленно отправят в Сплит...)

Да, я (как, возможно, и вы) оплакиваю бесчеловечное обращение с умирающими и умершими в наших городах. Но, если каждый из нас примет это близко к сердцу, мы сможем изменить ситуацию к лучшему. Каждому из нас Госпа сумеет внушить в молитве, что и как надо изменить, чтобы человек мог достойно умереть, а близкие — достойно пережить скорбь.

Здесь, в Меджугорье, хорваты сумели сохранить прекрасную традицию. Когда кто-то умирает, сразу сообщают в церковь, и там начинают звонить в колокола. Священник спешит к умершему и преподает ему последнее помазание «условно», если покойный не получил его перед смертью. Когда жители деревни слышат звон колокола, они начинают молиться за того, кто покинул наш мир. Затем, узнав имя умершего, идут к его близким, чтобы помочь в траурных приготовлениях. На вечерней Мессе священник объявляет о кончине, и все собрание молится об умершем, которого предадут земле на следующий день, в три часа пополудни.

В течение суток, пока умерший находится в доме, он лежит в открытом гробу, чтобы все могли увидеть его в последний раз и помолиться возле него. Четки перебираются почти непрерывно, и часто совершается окропление святой водой

(рекомендованное Госпой). Дети присутствуют вместе со взрослыми, ибо здесь не стараются скрыть смерть. Когда умер отец Марии Павлович, она слышала, как ее племянница, четырех лет, объясняла своему трехлетнему кузену: «Ты знаешь, мы тоже когда-нибудь будем как дедушка; мы все одинаковые: рождаемся, вырастаем, идем в школу, женимся, заводим детей, становимся дедушками и бабушками, а потом умираем и идем на небо к Богу. Вот так!»

Происходят поразительные сцены. В течение суточного бдения каждый член семьи подходит к покойному, чтобы громким голосом излить ему свое сердце, свою любовь, свое горе. С ним говорят, как с живым, которому доверяют самое сокровенное, собирают все самое лучшее в себе, чтобы выразить ему это, прежде чем он покинет дом. Выражают не только горе, но благодарность за все добро, что он сделал; и благодарят также Бога за то, что он дал его нам, а затем забрал в назначенный Им час. Госпа сказала: ***«Здесь Я нашла истинных верующих»***, и то, как они переживают смерть близких, тому свидетельство!

Гроб не закрывают, пока священник не придет для погребения. Он снова молится вместе с семьей. Затем долгая процессия следует по улицам и до самого кладбища скандируется Розарий*. Эти молитвы — великая помощь для покойного! В момент, когда его опускают в землю, никто не сдерживает криков и рыданий, это освобождает горе. Один из близких собирает пожертвования на заупокойные Мессы. Затем жизнь возвращается в свою колею.

Какое душевное здоровье! Здешний народ близок к природе и, стало быть, к Творцу и потому не склонен к депрессии. Перед лицом смерти, как и перед лицом жизни, он говорит: «Bogu hvala!» («Благодарение Богу!»)

Мы знаем, что самая большая помощь, которую можно оказать умершему, — это заупокойная Месса. Нет в мире большего акта любви, нежели этот. Но зачем ждать, пока кого-то покроют землей, чтобы заказать за него Мессу? Если благодаря Мессе он обратится до смерти, то на небе приобретет большую славу навеки! У нас есть только время на земле, чтобы определить степень нашей славы на небе, ибо «на закате жизни нас будут судить по нашей любви».

Не стоит приезжать в Меджугорье, чтобы здесь умереть. Но сюда приезжают множество больных. Здесь происходит великое множество исцелений — даже рак на последних стадиях, СПИД... И нередко приходится оплакивать ту духовную заброшенность, от которой страдают наши больные у себя дома. Порой они приезжают сюда с последней надеждой на излечение после долгих месяцев обследований, бесплодных операций, болезненных рецидивов... Их страдальческий опыт нередко бывает страшен. Но если я их спрашиваю: «А вас соборовали?», большинство отвечает: « да нет, никто мне об этом не говорил!» Какая жалость! Сколько исцелений не совершилось из-за такого незнания!

Далеко не все больные могут приехать в Меджугорье, но совершить соборование можно над всеми. Для чего ждать, пока больной окажется при смерти,

---

* Розарий — восходящая еще к св. Доминику (XIII в.) молитва-размышление о тайнах жизни Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. Состоит из трех (с 2003 года четырех) частей, по пять тайн в каждой: Радостные тайны, Скорбные тайны, Преславные и Светлые тайны. Размышления над каждой тайной сопровождаются молитвами «Отче наш», десятикратной «Радуйся, Мария» («Богородице Дево, радуйся»), «Слава». Молитвы отсчитываются при помощи четок.

когда это таинство может исцелить его при первых же признаках болезни? Оно также поможет больному в мире пережить свой «переход», если не будет физического исцеления. В этот крестный час, на пороге вечности, Бог делает все, чтобы привлечь душу к Себе, но и отец лжи старается вмешаться. Он пытается разрушить в этой душе всякую надежду на милосердие Божие, чтобы закрыть для нее врата небесные: «Слишком поздно! — говорит он. — Натворив все то, что ты натворил, ты ведь не станешь надеяться, что Бог тебя простит? Это было бы слишком легко!» и т. д.

Множество семей и не подозревают о духовной борьбе, которая вспыхивает в умирающем. Позвать священника, горячо и долго молится у постели умирающего, помочь ему действительно простить своих врагов, деликатно предупредить его, что скоро он предстанет перед Богом, — вот единственные знаки любви, которые отныне будут для него полезны**.

Очень часто в Меджугорье родственники больного устраивают возле него непрерывный Розарий, ибо кто лучше Пресвятой Богородицы может нести стражу, чтобы охранять и утешать душу? Если умирающий далеко, в больнице, можно организовать это бдение дома. Увы, даже в Меджугорье мне порой приходится наблюдать, как близкие проводят больше времени возле стола с бутылкой доброй ракии, нежели у одра умирающего. Между тем, еще Иисус заметил Марфе в доме Лазаря, гостеприимство может быть чрезмерным и вредить истинной любви.

Как умереть достойно? — Живя достойно!

В 1986 году Госпа сказала Елене: ***«Если вы полностью предадитесь Мне, вы не почувствуете перехода от этой жизни к иной. Вы начнете жить жизнью Неба уже на земле».***

Между прочим, в Меджугорье ни один из визионеров не боится смерти. Вицка говорит: «Умереть — это ничего, это как перейти из одной комнаты в другую, или даже — из одного угла комнаты в другой». Ей лучше знать: как и Якову, Госпа показала ей Небо.

Евхаристия

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас полюбить Пресвятые Дары на алтаре. Поклоняйтесь им, деточки, в своих приходах и, таким образом, вы будете едины со всем миром.

Иисус сделается вашим другом, и вы не будете говорить о Нем, как о Комто, Кого вы едва знаете. Единение с Ним сделается вашей радостью, и вы станете свидетелями любви Иисуса к каждому творению. Деточки, когда вы поклоняетесь Иисусу, вы находитесь также возле Меня. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 09. 1995).*

---

* Елеопомазание (соборование) — эффективное средство от болезней души и тела. Если Бог не дает больному телесного исцеления, тот все же может покинуть землю без тревоги и страха. Ведь он воспользовался всею помощью, которую может предложить ему Церковь.

** Марта Робен говорила: «Душа не так скоро покидает тело, как думают. Если бы люди знали, что происходит в этот момент, они бросились бы на колени и молились о покойном от всего сердца, вместо того, чтобы спешить его обряжать».

Самый великий дар Меджугорья — вовсе не явления. Самый великий дар Меджугорья — Евхаристия! Как следует из явлений и посланий, Дева Мария хочет, чтобы центром всего для нас был Иисус. И Иисус в Евхаристии. То, что Богородица является за двадцать минут до вечерней Мессы, полно смысла: Ее приход подготавливает нас принять Самого Бога — Того, Кто безмерно превосходит Ее.

Пояснения о посте, полученные от Нее молитвенной группой, позволяют понять многое. Пост, который более всего угоден Богородице, — это воздержание от греха: ***«Отбросьте грех, живущий в вас!»***. Это позволит нам принимать Иисуса чистым сердцем. Но, к нашему изумлению, визионеры сообщают, что Госпа никогда не говорила о посте на хлебе и воде как о жертве. Напротив. Она избрала среду для поста на хлебе и воде, чтобы приготовить нас к принятию Евхаристического Хлеба. Она возвращает нам смысл хлеба, как основной, **насущной пищи**. Пост по средам избавляет нас от рассеяния прочей пищей, которая угождает нашим внешним чувствам. В этот день мы связаны с хлебом. И таким образом, когда наступает четверг (а Дева Мария хочет, чтобы мы всегда переживали его как Великий Четверг), мы оказываемся готовы принять иной Хлеб, Хлеб небесный.

И если Дева Мария просит нас поститься на хлебе и воде также и в пятницу, то затем, чтобы воздать благодарение Богу за тот Хлеб Живой, что дан был миру в Великий Четверг. Она как бы оставляет нас на хлебе, чтобы продлить, сохранить в нас сей дар Евхаристического Хлеба подальше от другой пищи, которая отдалила бы от него наше сердце. Таким образом, великий дар Святого Четверга как бы вставляется в оправу любви с помощью поста на хлебе и воде, который Она никогда, отметим это, не связывала со Страстями. Пост — это радостное празднование хлеба! ***«Поклоняйтесь моему Сыну***,— говорит нам Госпа,— ***поклоняйтесь Святым Дарам постоянно. Я всегда присутствую во время поклонения верных, и в это время приобретаются особые милости»*** (15. 03. 1984).

...В Канаде один священник говорил мне: «Раньше мы не могли убедить поститься хоть кого-нибудь из наших прихожан. Люди считают пост слишком горьким лекарством. А теперь, вернувшись из Меджугорья, они постятся два раза в неделю — сами, по собственной инициативе! Это изменило весь приход. У меня больше нет сомнений: там является Сама Пресвятая Дева!»

Маленькая Флоранс

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас обратиться к природе, ибо там вы встретите Бога-Творца. Деточки, Я призываю вас сегодня благодарить Бога за все, что Он дает вам. В этом благодарении, вы откроете Всевышнего и все блага, которые вас окружают. Деточки, Бог велик, и велика Его любовь ко всему творению.

Поэтому молитесь, чтобы постигнуть любовь и доброту Божию. Я Сама нахожусь с вами тоже благодаря дарованной нам доброте и любви Бога-Творца. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 10. 1995).*

Не так уж редко среди паломников в Меджугорье попадаются и те, кто своими глазами видел Пресвятую Деву. Кто же именно получает привилегию

увидеть Ее? Эта история — едва ли не самый прекрасный из ответов на этот вопрос.

Шестнадцатилетняя Флоранс Мажюрель из Монпелье — умственно отсталая и едва может говорить. Вечером 15 августа 1995 года она вместе с матерью пришла к Синему Кресту у подножия Подбрдо, чтобы присутствовать при явлении с группой Ивана.

Начинается явление, и в тот же миг девочка начинает улыбаться и, вглядываясь в точку возле креста, говорит:

— Мама, что это? (сказать: «Кто это?» она просто не может).

Понимая, что происходит нечто особое, мать внимательно глядит на дочку. Флоранс много раз кивает головой, словно повторяя урок, потом соединяет руки и осторожно сплетает пальцы — до сих пор она не могла делать ничего подобного! Девочка все время улыбается, а перед самым окончанием явления посылает три прощальных воздушных поцелуя.

Не смея верить, мама спрашивает ее:

— Что ты увидела, что это было?

— Пресвятая Дева! — отвечает Флоранс.

— И какая Она была?

— Красивый! (девочка не умеет использовать женский род).

На следующий день Флоранс, прежде никогда не произносившая ни слова молитвы, в первый раз в жизни выговаривает начальные слова *Ave Maria*: «Радуйся, Мария, благодати полная!» Неужели девочка и в самом деле видела Богородицу?! Мать не знает, что и думать. А каким было платье Пресвятой Девы, спрашивает она и кладет на стол перед Флоранс шесть разноцветных листков бумаги (ведь бедняжка не умеет назвать цвета). Девочка не колеблясь указывает на позолоченную бумажку:

— Такой платье!

Мать берет желтую и говорит:

— А по-моему, такое.

Но Флоранс сердится:

— Нет, такой! — и снова показывает на позолоченный листок.

Мама поражена: действительно, по свидетельству визионеров, 15 августа*, как и на Пасху и Рождество, Госпа появляется вся в золотом... Что ж, прекрасный подарок для Флоранс и для всех, кого мир так часто презирает, прекрасный пример невыразимой нежности Божией к самым малым, самым уязвимым! И прекрасный ответ современной медицине, легко предлагающей аборт, готовой из-за врожденных увечий уничтожить жизнь. И кто знает, сколь часто эти невинные души возмещают грехи тех самых людей, которые исключают их из жизни! Каждая из этих душ — храм Бога Живаго. Может быть, почтив Флоранс, Госпа тем самым желала почтить всех инвалидов.

Служение Колетт

«Дорогие дети, Я призываю вас вновь решиться любить Бога превыше всего. В это время, когда охваченные потребительством люди забыли, что зна-

* Торжество Взятия на Небо, или Успение Пресвятой Девы Марии

чит любить и дорожить истинными ценностями, Я снова призываю вас, деточки, поставить Бога на первое место в вашей жизни. Пусть сатана не сможет завлечь вас материальными вещами; деточки, решитесь же выбрать Бога, Который есть свобода и любовь. Выберите жизнь, а не смерть души.

Деточки, в это время, когда вы размышляете о Страстях и смерти Иисуса, Я призываю вас избрать жизнь, которая снова расцветет благодаря Воскресению; и пусть ваша жизнь обновится сегодня через обращение, которое приведет вас к жизни вечной. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 03. 1996).*

— Рак груди, очень запущенный! — констатировал профессор Жуайо.

В такой диагноз, казалось, невозможно поверить, ведь Колетт так энергична, полна жизни, молода, красива! Но, увы, профессор не ошибался. Не помогла и срочная операция: метастазы уже проникли в другие органы. Колетт слабела с каждым днем. И в январе 1994 они с мужем решились на безумный поступок — несмотря на критическое состояние больной приехали в Меджугорье. Колетт едва держалась на ногах, к тому же шесть из восьми дней, проведенных в Меджугорье, ей пришлось пролежать с тяжелейшей ангиной. А она так мечтала помолиться в горах, пойти к Вицке!

Но Вицка, услышав о Колетт, сама, с присущей ей простотой, прибежала в комнату больной и долго молилась у ее изголовья. Шептала благословения на хорватском, ободряюще улыбалась. А уходя, поцеловала Колетт и сказала:

— Не тревожься, Госпа всегда с тобой!

Как всегда, ничего не зная о планах Божиих относительно нас (а они гораздо прекраснее, чем наши собственные), мы ожидали чудесного исцеления Колетт и с разочарованием увидели, что положение, напротив, очень быстро ухудшается. Не помогали никакие средства современной медицины — страдания Колетт делались нестерпимыми. Но умирающая изумляла всех непоколебимым миром и непосредственной радостью, наполнявшими ее в самые трагичные часы. Благословение Девы Марии изменило ее всю, даже лицо Колетт преобразилось.

— После молитвы Вицки Пресвятая Дева ни на мгновение не оставляла меня, — рассказывала Колетт, — это Она научила меня страдать в единении с Иисусом. Так страдала и Она Сама. Ты не поверишь, если я скажу, что чем больше страдаю, тем больше чувствую, что тесно соединена с Иисусом. Моменты самого острого страдания — для меня моменты самой большой радости, радости поистине божественной, которую я не могу тебе описать. Я чувствую Его радость спасать души. Это прекрасно! Можно ли поверить, глядя на меня, несчастную больную, прикованную к постели, что я самая счастливая женщина в мире?!

В июле 1995 конец казался неотвратимым. Бедное истерзанное тело лишилось последних сил. Семья Колетт и все, кто любил ее, собрались вокруг умирающей и шептали ей на ухо обычное: «Когда придешь *туда*, не забудь...» Но, оказалось, что срок, назначенный Богом, еще не наступил. Вопреки всем медицинским прогнозам умирающая не умерла, напротив, она получила новую силу.

Что же произошло? На пороге смерти к Колетт «пришла» Марта Робен* и спросила согласия жить еще некоторое время ради помощи братьям. И тогда

---

* См. сноску на стр. 297.

Колетт пожертвовала свою болезнь и саму жизнь за членов Общины Блаженств, к которой принадлежали они с мужем.

В последующие Колетт охватило столь сильное сострадание к каждому, что она не узнавала себя. В глубине каждого сердца она видела, как на экране. Ей открылись раны, тайные страдания каждого и — во всех деталях — обстоятельства, причинившие эти раны. Она видела, слышала, ощущала даже тайные мысли родителей во время зачатия ребенка. Видела этого ребенка в лоне матери, видела его невероятную потребность любви; ей открывалось, как это крохотное существо ощущало недостаток любви, конфликты, нечистоту, словом, неприязнь со стороны своих родителей. Младенец сознает все, и с какой остротой! Колетт рыдала от горя, но это были не ее рыдания, она чувствовала, что при виде этих сокрушенных сердец, истязаемых еще до того, как увидят свет, в ней плачет Пресвятая Дева. Это Она плакала при виде кривых, несчастных путей, которые позже выберет ребенок из-за своих самых первых и самых глубоких ран.

И для Колетт началось служение, невиданное никогда прежде. В молитве она открывала каждому то, что ей показывал Бог, говорила, в какие моменты, еще будучи ребенком, человек сказал «нет» жизни, «нет» Богу. За одну-две встречи Колетт совершала то, что не смогли бы сделать двадцать лет психоанализа. Сострадание Иисуса и Марии изливалось из ее сердца, как из бурного источника, и начиналось исцеление.

Она буквально ставила людей на ноги. Довелось испытать это и мне. Тридцать лет я не могла заснуть без снотворного. И Колетт увидела, что причина не в особенностях организма, а в спиритических сеансах, в которых я участвовала в молодости. «Лукавый внедрился в тебя через это, и у него до сих пор есть точка воздействия на твой сон. Он хочет таким образом истощить и погубить тебя, — сказала она мне. — Он в ярости, потому что ты призвана нести Иисуса и Марию тем, кто, по его замыслу, не должен никогда о Них услышать». Колетт помолилась, и за два месяца моя бессонница бесследно исчезла.

Только Богу ведомо, сколько воскресений произошло в комнате Колетт. За улыбкой Колетт, за ее юмором, радостью, терпением люди видели Марию, находили Мать наших душ, Ту, Которая берет нас в Свое сердце, чтобы вернуть нам вкус жизни, вернуть нам самих себя. Какое обетование для каждого из нас! А ведь Колетт не сделала ничего — только в добрый час приняла благословение Девы Марии.

Восемь месяцев спустя, 2 марта 1996 г. (в первую субботу месяца*), Колетт, наконец, пережила свое восшествие на небо. В этот час возле нее находились муж, дети и сестра из Общины. Они молились по Розарию у ее постели. Умирающая уже не могла говорить, но еще слышала. Когда они дошли до последней славной тайны — Венчания Девы Марии небесной славой** — сестра Катрин сказала:

— Давай, Колетт, теперь ты можешь идти! Там, наверху, все ждут тебя.

И дыхание Колетт прекратилось. Тихо-тихо, совсем тихо она оставила этот мир.

---

* У католиков латинского обряда это день, посвященный особому почитанию Богородицы.

** См. сноску на стр. 303.

Отец

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас к любви. Деточки, без любви вы не сможете жить ни с Богом, ни с братьями. Поэтому Я призываю всех вас открыть свои сердца любви Божией, которая так велика и открыта для каждого из вас. Из любви к человеку Бог послал Меня к вам, чтобы показать вам путь спасения, путь любви. Если вы не любите прежде всего Бога, вы не сможете любить ни вашего ближнего, ни того, кого ненавидите. Поэтому, деточки, молитесь, и через молитву вы откроете любовь. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 04. 1995).*

Моя мексиканская подруга Хельга рассказывает:

«Вернувшись из Меджугорья, я стала жить теми милостями, которые получила там: молиться по всем частям Розария ежедневно, регулярно исповедоваться, тщательно готовиться к каждой Евхаристии, поститься в среду и пятницу на хлебе и воде, читать Библию и поклоняться Святым Дарам. Одним словом, я стала жить посланиями. Кроме того я старалась не пропустить ни одного печатного упоминания о Меджугорье. Однажды мне попалась очень интересная информация — молитвенной группе Елены Дева Мария сказала: ***«Вы не умеете читать "Отче наш"»***. И Она велела в течение недели читать только эту молитву, чтобы научиться произносить ее сердцем. И когда молодые люди начали это делать, каждый из них обнаружил, что какая-либо фраза молитвы смущает его и что сердце его не может глубоко на нее откликнуться. Например, один не мог искренне сказать: *«Да будет воля Твоя»*, а другой: *«как и мы прощаем должникам нашим»*...

Я решила провести такой же опыт. И неожиданно убедилась, что не могу сердечно произнести самые первые слова молитвы: *«Отче наш...»*! Как ни старалась, я не могла назвать Бога своим Отцом. Дело в том, что мои родители рано развелись и отца не было со мной, когда я больше всего нуждалась в нем. Когда я вспомнила всё это, в моем сердце поднялся настоящий гнев на Бога. Который позволил, чтобы у меня не было отца. И я сказала Ему: «Как Ты можешь требовать, чтобы я называла Отцом Тебя, если я понятия не имею, как это — иметь отца?! Ты ведь знаешь, что папа оставил нас, когда мне было шесть лет, и что я практически не знала его, потому что он снова женился и никогда не интересовался нами».

Всю неделю я продолжала так судиться с Богом, но к концу я стала понемногу Его прощать. Сначала я простила Бога за то, что Он позволил моим родителям разойтись. Потом стала просить у Него милости простить моих родителей за то, что они не сделали всего необходимого для спасения семьи, и, наконец, — благодати простить моего отца за то, что он нас покинул. А назавтра на Мессе читалось как раз то место из Евангелия от Луки, где Иисус учит Своих апостолов молиться: ***«Когда молитесь, говорите: Отче наш...»***. И, возвращаясь домой, я испытывала властное желание изо всех сил кричать: «*Отче наш!* Да, Ты мой Отец, мой дорогой Отец, мой небесный Отец! Я Тебя люблю, я бесконечно люблю Тебя! Пожалуйста, прости меня, что я никогда до сих пор не называла Тебя от всего сердца Отцом!». Потом я плакала и молила Бога позволить нам с сестрами увидеться с нашим земным отцом; не дать ему умереть, пока мы не скажем ему, что любим его, что простили ему уход из семьи.

Через несколько лет я узнала, что мой отец болен раком и состояние его критическое. Мы с сестрами поехали к нему. В течение трех месяцев мы виделись с отцом ежедневно. Мы все попросили друг у друга прощения, и отец просил передать нашей матери, что он очень осуждает себя за причиненные ей страдания, просил у нее прощения. Он очень боялся умереть и надеялся, что выкарабкается.

В последней стадии болезни отец сильно страдал и трижды в день ему кололи морфий. Между тем, доставать морфий было не так-то просто. Каждый раз необходимо было представить особый рецепт врача.

Как-то в субботу у отца кончился морфий. Оба лечащих врача уехали на выходные, а кроме них никто такого рецепта выдать не мог. Отец плакал от боли. И тогда я предложила помолиться и попросить Бога прощения за наши грехи. Конечно, он ответил, что давно забыл, как это делается, к тому же никогда не крал и не убивал!

— Но скажи, папа, разве ты всегда любил Бога всем сердцем, а ближнего, как самого себя?

— Э... нет! Но кто на самом деле так делает?

— Давай все-таки, папа, попросим прощения за это!

Он согласился, и мы вместе помолились о прощении Божием. Мы говорили Богу, что не понимаем, почему нужно терпеть такие страдания, но что мы жертвуем эти страдания за спасение моего отца и за спасение мира. После *«Отче наш»* отец сказал:

— Попроси своих друзей-католиков молиться за меня. Пусть Бог призовет меня к Себе. Я чувствую, что очень устал и готов теперь умереть.

В следующие дни отец не испытывал боли. И это без морфия! Он умер в следующую пятницу, очень спокойно. Господь позволил мне быть у его постели до последнего момента.

Но меня все-таки постоянно тревожила одна мысль: за эти три месяца я так и не услышала от отца слов любви. И вот во время молитвы я сказала об этом Богу. А буквально через несколько минут, когда я вела по телефону серьезные переговоры, моя собеседница вдруг извинилась и передала кому-то трубку. И я услышала:

— Деточка, я тут случайно. И только хочу тебе сказать, что очень тебя люблю!

Это говорил наш старый, очень любимый друг — ровесник моего покойного отца...»

Молим Тебя об отвергнутых детях...

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас решиться избрать мир. Молитесь Богу, чтобы Он дал вам истинный мир. Живите миром в ваших сердцах, и вы поймете, дорогие дети, что мир — это дар Божий.

Дорогие дети, без любви вы не можете жить миром. Плод мира — любовь, а плод любви — прощение. Я с вами и призываю всех вас, деточки, прощать прежде всего в ваших семьях, и тогда вы сможете прощать других. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 01. 1996).*

К двадцати пяти годам Фабьена устала от собственной болезненной робости. Она очень страдала, чувствовала себя потерянной, какой-то самозванкой,

дикаркой. Страшное неверие в себя отравляло ее отношения с другими: она боялась даже людских взглядов. Наконец, по совету Колетт, Фабьена съездила в Меджугорье.

По возвращении оттуда Колетт в молитве увидела Фабьену в плотном коконе, который та не хочет покидать. Поистине она была заточена внутри себя. Колетт узнала, что родители Фабьены потеряли двухлетнюю дочку, и родившаяся через год девочка была очень желанным ребенком. Но родители Фабьены мечтали не о ней — другом ребенке, единственном и неповторимом, они ждали ее как замену своей утраченной дочери. Колетт открыла Фабьене, что девочка уже в лоне матери почувствовала себя ненужной и восстала против собственных родителей — она сказал «нет» жизни.

Как только Фабьена выслушала всё это, он мгновенно исцелилась. (Это, к слову сказать, не раз служило утешением для самой Колетт в часы полного упадка сил; историю исцеления Фабьены Колетт вспоминала, когда ее служение требовало всё больших и больших усилий). А неделю спустя Фабьена вновь засобиралась в Меджугорье.

— Когда будешь там, исповедуй этот грех, — сказала Колетт.

Фабьена растерялась:

— Как объяснить священнику, что согрешила в лоне матери?!

— Пойди к отцу Славко, он поймет.

Так счастливо кончилась эта история. Фабьена поняла сердцем, что была сотворена, любима, избрана уникальным образом. Смятение, порожденное чувством, что она призвана всего лишь заменить кого-то другого, исчезло. Фабьена осознала, наконец, что рождена от Бога и что истинный источник ее жизни в гораздо большей мере исходит из лона Отца, чем из лона земной ее матери. Она открыла своего Создателя! Она стала по-другому дышать, и самый ощутимый плод ее исцеления налицо: несносная и угрюмая дикарка, сегодня Фабьена сделалась отзывчивой, полной милосердия и мира, так что встреча с ней — настоящая радость.

Среди тех, кому помогла Колетт, случай Фабьены далеко не самый тяжелый. Вспомнить только всех, родившихся нежеланными или совсем отвергнутыми собственной матерью.

Вот еще одна история.

Беда преследовала Софи с самого зачатия. Ее мать не желала беременности, не хотела иметь детей и страшно огорчилась, узнав, что ждет двойню. Но в живых осталась только Софи: брат-близнец родился мертвым. Новорожденной девочке выпало узнать одновременно и смерть, вызванную нелюбовью, и пустоту в человеческих отношениях: ее первый визави был мертв! Софи росла без Бога и без человеческой поддержки.

В двадцать лет она вышла замуж — не по любви, а по необходимости, так как была беременна. Но и родившаяся Клер не помогла им с мужем полюбить друг друга. Супружеская жизнь проходила «стенка на стенку» и окончилась разводом. А малышке Клер досталась трагическая доля ребенка, которого не могут поделить родители. Надеясь на лучшее, Софи снова вышла замуж, но с ужасом убедилась, что ее душит чувство неподлинности, что между ней и мужем вырастает та же глухая стена нелюбви. Новая беда ввергла Софи в насто-

ящий ад: она родила двойню — и один из мальчиков был мертв. Софи испытала глубокое чувство вины. Сознание родового проклятья, сознание, что ее материнское лоно обделено жизнью и любовью, угнетало Софи.

В отчаянье ее тело отвергло жизнь. После родов у Софи развилась смертельная болезнь — из тех, которые медики относят к аутоиммунным, то есть вызывающим саморазрушение (когда антитела, призванные бороться с чужеродными болезнетворными началами, обращаются против собственного организма и разрушают его изнутри). Коллагеноз, ревматоидный полиартрит, анемия... На горизонте замаячила инвалидная коляска, а за ней — неизбежная медленная смерть в страшных мучениях. Тело Клер умирало, потому что было мертво ее сердце. Как она ненавидела свою жизнь!

Клер изводила себя чувством вины, терзала свое тело сильнодействующими препаратами. И, как всякий, не знающий Спасителя, начала искать лжеспасителя. И наконец нашла некоего знахаря. За свои услуги он брал дорого, но развитие болезни прекратилось. Однако, как это бывает при всяком исцелении, полученном от знахаря, зло покинуло одно свое пристанище, чтобы переместиться в другое и усилиться. Знахарь посвятил Софи в эзотеризм и оккультные практики. И Софи, как зачарованная, занялась ежедневным автоматическим письмом.

— Моя рука двигалась сама по себе — я была вынуждена писать! — рассказывает она.

И вот Софи обходит все сомнительные книжные лавки Парижа, покупает книги в духе Нью Эйдж и жадно их проглатывает. Занимается йогой, быстро осваивает открытие чакр. Но в результате ее начинают преследовать ужасные страхи — днем, ночью, без предупреждения.

Однажды ночью, после того как она писала под диктовку демона (искренне веря, что соединяется с «космическими энергиями»), она внезапно пробудилась в смертельной тоске. И увидела... Совсем рядом сидел сатана, его ужасная черная рука тянулась к ней. Ужас! Впервые в жизни у Софи вырвалось имя Божие, мольба к Нему о помощи. Воистину самая первая ее молитва шла от сердца! И, к великому ее изумлению Софи, Господь ответил на этот крик и дал ей ощутить Свое присутствие. Софи всем сердцем почувствовала, что Этот Бог — живой и благой, что Он — мир. Очень скоро направление всей ее жизни круто переменилось. Софи сделала свой выбор: она будет с Иисусом, истинным Спасителем, Который не держит камня за пазухой.

В Меджугорье ее ждало еще одно чудо.

— Я совершала Крестный путь вместе с группой, — рассказывает она, — На тринадцатом стоянии брат Кирилл сказал: «Софи, можешь прочитать размышление отца Славко?». И я стала читать: *«Мария, молю Тебя об отвергнутых детях, не знающих теплоты материнского лона. Будь их Матерью, верни им вкус жизни. О Мария, молю Тебя о тех матерях, чье лоно сделалось могилой для жизни, потому что они убили своих детей или отвергли их после рождения. Верни им жизнь!»*

Глаза Софи увлажнились, голос сделался еле слышным... Переведя дыхание, она продолжает:

— Итак, я стала читать; но прочитав одно предложение, я тут же заново пережила весь свой кошмар! Я была раздавлена, я разразилась рыданиями, кому-

то пришлось продолжать вместо меня... Здесь, на этом тринадцатом стоянии, меня ждала Сама Мария. В мозгу что-то словно осветилось, и я осознала источник всех своих страданий: лоно моей матери было, словно могила! Я начала жить в месте смерти! Я не получила жизни!

А размышление отца Славко продолжается следующим посланием: ***«Дорогие дети... Я избрала вас особым образом, такими, какие вы есть. Я ваша Мать и Я люблю вас всех...»***. Значит, Мария стала моей Матерью, моим корнем; лоном, где я получаю тело. Самое удивительное, что все это произошло очень тихо. Я почувствовала как бы вздох, что-то очень легкое — и все. До этого Крестного пути я была сиротой, после него — у меня появилась Мать! Ну вот так потихоньку все это и произошло. Теперь я ощущаю в себе великий мир, невероятный мир! И понимаю теперь, что значит: ***«Без любви вы не можете жить миром»***.

Софи понижает голос, словно боясь разбудить спящего младенца:

— И теперь из самой глубины сердца у меня рождаются слова: *«Благодарю тебя, Господи, что Ты создал меня!»*

Школа младенчества

«Дорогие дети, сегодня особый день: на руках у Меня Младенец Иисус и Я приглашаю вас, деточки, открыться Его призыву. Он зовет вас к радости.

Деточки, радостно живите Евангельским посланием, которое Я повторяю вам с тех пор, как Я с вами. Деточки, Я ваша мать и хочу открыть вам Бога любви, Бога мира. Я не хочу, чтобы ваша жизнь протекала в печали, но пусть пройдет она в радости ради вечности, по Евангелию. Только так ваша жизнь обретет смысл. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 12. 1996).*

Визионеры в Меджугорье с нетерпением ожидают Рождества, ведь тогда они вновь увидят Младенца Иисуса. Каждый год я выпытываю у них новости о Малыше. Например, Мария Павлович рассказывала, что Младенец спокойно лежал на руках Матери и с любовью глядел на Нее. Как Он был одет? По правде говоря, Он вовсе не был одет, Он был завернут в край Маминого покрова. В некоторые годы Младенец Иисус спит, сжав кулачки, а в иные Он бодрствует и с изумлением разглядывает по очереди каждого, присутствующего при явлении. «Нормально, — говорит Вицка, — Он открывает мир, как всякий ребенок!»

Но самым памятным было Рождество 1981 года, *первое Рождество.*

«В начале явлений, — рассказывает Мария Павлович, — мы чувствовали себя неловко, немного робели, и Младенец решил нас успокоить. В то время как Мать молилась и разговаривала с нами, Иисус лежал у Нее на руках, так что мы не могли Его видеть. Вдруг Малыш поднял ручонку, как самый обыкновенный ребенок, стал играть с покровом Своей Матери. Потом, словно стесняясь, Он чуть-чуть выглянул из-за покрова, а затем высунул всю головку и посмотрел прямо на нас. Он улыбнулся нам и снова спрятался за покровом. Снова появился, улыбнулся и вновь спрятался в Своем маленьком укрытии. И тогда мы поняли, что Младенец Иисус играет с нами в прятки! Мы, конечно, очень обрадовались, а Он спрятался в третий раз. А потом улыбнулся и под-

мигнул нам, и это нас безмерно тронуло. Новорожденный младенец не может *так* смотреть и улыбаться. Но здесь перед нами был не просто ребенок, перед нами был Бог».

Надо добавить, что Мария Павлович хорошенько запомнила эту шалость и нет-нет подражала Господу, что вызвало замешательство в кругу ее верных традициям хорватских друзей: девушка не должна подмигивать! Но Мария с гордым видом заявляла: «Этому научил меня Иисус!»

Визионеры остались детьми. И можно ли воздать достойную хвалу этой купели простоты! А ведь Меджугорье предлагает именно простоту, так не достающую нашим бедным западным мозгам, задавленным излишней информацией, иссушенным обманчивой интеллектуальностью, которая помогает скорее потерять, нежели найти верный курс. Как же я люблю купаться в этой купели! Какое исцеление!

Да, визионеры остались детьми. И воистину Меджугорье — школа младенчества!

Я хочу, чтобы вы послушали еще один рассказ Марии.

«Это было в самом начале. Коммунисты забрали нас в Любушки, чтобы подвергнуть допросу. Там мы порядком натерпелись: с нами очень грубо обращались, весь день не давали ни есть, ни пить, постоянно допрашивали, старались по-всякому запугать, угрожали отправить в тюрьму или в сумасшедший дом... Но в конце концов нас отпустили домой. Когда Госпа явилась нам, мы наперебой стали рассказывать про это ужасное происшествие, подробно описывали Ей каждую деталь, повторяли каждое сказанное слово, каждую угрозу. Она оставалась с нами, пока мы не закончили рассказ, и почти целый час слушала нас с большим вниманием и сочувствием. Когда мы закончили, Она с ободряющей улыбкой сказала: ***«Я тоже была там с вами и все видела!»***. И мы поняли, что Она выслушала нас только из любви. Ей было очень радостно, что мы с доверием открывали Ей свои сердца и делились нашими бедами».

Этот рассказ напоминает слова Иисуса св. Фаустине:

— Дочь Моя, Мне говорят, что в тебе много простодушия — так почему ты не рассказываешь Мне обо всем, что касается тебя — даже о мельчайших подробностях? Говори Мне обо всем. Знай, что этим ты доставляешь Мне большую радость.

— Но, Господи, Ты ведь и так все знаешь!

— Да, Я знаю, но ты не оправдывайся тем, что Я знаю, а с детской простотой говори Мне обо всем, потому что Мое ухо и сердце наклонены к тебе, и твоя речь для Меня приятна»*.

Материнство

«Дорогие дети, сегодня Я особенно призываю вас взять в руки крест и размышлять о ранах Иисуса.

Просите Иисуса исцелить те раны, которые вы получили, деточки, в течение вашей жизни из-за собственных грехов или грехов ваших родителей.

---

* Дневник, § 921.

Только так вы поймете, деточки, что мир нуждается в исцелении верой в Бога-Творца. Страсти и смерть Иисуса на кресте дадут вам понять, что только через молитву вы тоже сможете стать подлинными апостолами веры. Вы станете апостолами веры, когда в простоте и молитве будете жить верой, которая есть дар. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 03. 1997).*

Однажды к Марии Павлович подошла женщина с глазами, полными му́ки. Она сказала: «Я пришла к тебе, потому что не смею пойти на исповедь. Я сделала восемь абортов! Понимаешь, мы были стеснены в средствах и муж не хотел детей. А теперь я больше не могу их иметь. У меня депрессия — такая тоска, что я даже не могу спать... Боюсь, священник рассердится и прогонит меня. Но я верю, что ты можешь попросить Пресвятую Деву помочь мне. Поэтому я и пришла. Ты сможешь?»

Мария Павлович в тот же вечер вверила эту женщину Деве Марии. Госпа помолилась за нее и сказала, что очень надеется на нее, как надеется Она на всех Своих детей, особенно когда по человеческим меркам все кажется бесповоротно потерянным.

«Отныне она будет нести жизнь другим», — сказала Она Марии Павлович*.

Когда Богородица смотрит на нас и видит наши грехи, все эти грязные пятна, скрывающие даже наш голос и глаза, хмурится ли Она, осуждает ли нас? Нет, когда наша Мать смотрит на нас, Ее взгляд проникает сквозь густую оболочку нашей тьмы и созерцает божественный знак в самой глубине нашего существа, там, где зло не смогло нас затронуть и где ярче солнца блистает сияние Творца. И Она тает от восхищения, Она сгорает от любви. *«Отныне она будет нести жизнь другим»*, — сказала Госпа... Вот так. Не смущаясь нашими смертельными ранами, Дева Мария преображает их в источник жизни. Если только мы вручаем Иисусу все то зло, что собралось в нас, Он исцеляет нас Своими собственными ранами, вовеки славными!

Эта женщина примирилась с Богом, исповедала все свои грехи священнику и сегодня решительно свидетельствует о полном исцелении всего своего существа, о мире и радости в своем сердце. Теперь она возвышает голос в защиту жизни. Она идет в больницы — даже туда, где делала аборты сама. Она рассказывает о том, что пережила сама. И проповедь ее имеет успех: уже многие матери сохранили детей, которых носили под сердцем.

---

* В *Evangelium Vitae* [Евангелие жизни. — *Лат.*] Иоанн-Павел II говорит: «Я хотел бы адресовать особые слова вам, женщины, прибегавшие к аборту. Церковь знает, сколько обстоятельств и условий тяготело над вашим решением, и она не сомневается, что во многих случаях это решение было скорбным и даже трагическим. Возможно, рана вашей души еще не затянулась. Действительно, то, что произошло, было и остается глубоко несправедливым. Но не позволяйте себе впасть в отчаяние и не отказывайтесь от надежды. Старайтесь лучше понять, что произошло, и воспримите это в истинном свете. Если вы этого еще не сделали, откройтесь со смирением и доверием покаянию: Отец всякого милосердия ожидает вас, чтобы даровать Свое прощение и мир в таинстве примирения. Вы дадите себе отчет, что ничто не потеряно, и вы сможете также попросить прощения у вашего ребенка, который отныне живет в Господе. С помощью советов и содействия компетентных друзей вы посредством вашего скорбного свидетельства сможете составить часть самых убежденных защитников права всех на жизнь».

Друзья Меджугорья попросили меня провести несколько выступлений в Калифорнии. Приехав в Сан-Франциско, я убедилась, что улицы там прекрасны, богаты, очень чисты, но на них совершенно нет детей. Мертвая пустыня! Бедное наше общество, где тысячи узаконенных убийств, прикрытые названием «терапевтический аборт», совершаются вплоть до девятого месяца беременности! И тогда в молитве я призвала на помощь Госпу, умоляя Ее подсказать моему сердцу слова, с которыми я могла бы обратиться к этому обществу.

Ответ не заставил себя ждать. На первом же публичном выступлении я передала дарованное мне вдохновение. Я сказала:

— Ярость сатаны направлена против человеческой жизни, он хочет любой ценой погубить ее, он стремится полностью стереть ее с лица земли. Сопротивляйтесь ему! Я предлагаю, чтобы все лица женского пола посвятили свое материнское лоно Ее Непорочному Сердцу. Что это значит? — Замужние женщины, например, могут сказать Деве Марии: «Вот, я отдаю Тебе эту часть моего тела; отныне она принадлежит Тебе. Пусть все, что там будет происходить, служит Твоим планам и воле Божией. Отныне это Ты будешь решать, сколько детей будет в нем зачато и рождено. Храни это драгоценное место от всякой нечистоты, от всякой болезни, от всего, что могло бы помешать Тебе осуществить там то, что Ты желаешь. Да будет мое лоно отражением Твоего несравненного материнского лона. Благослови заранее детей, которым предстоит родиться, благослови тех, кто уже обрел в нем жизнь. Исцели меня от последствий и ран, нанесенных всем тем, что могло быть Тебе неугодно в прошлом, и, если в этом месте гнездилась смерть*, исправь во всем моем существе причиненные этим повреждения и прими в Свое Материнское лоно то маленькое существо, которое я потеряла. Дорогая Мать, пусть все, что мое, будет Твоим, как Ты сделала моим все, что Твое...»

С некоторыми изменениями такое посвящение могут совершить и маленькая девочка, и молодая девушка, и незамужняя женщина. Девушка предаст Деве Марии свое будущее материнство и жизнетворную силу, которую носит в себе, чтобы она развивалась по благодати Божией, была сохранена от всех нападок сатаны и никогда не предоставляла прибежища греху. Страдающая от одиночества и невозможности стать матерью включит в свое посвящение эту весьма важную составляющую тайного мученичества, которое она переживает и которое само по себе способно породить тысячи «возвращений к жизни» в экономии** Спасения. А бабушкам материал для посвящения дадут и их прошлое, и их потомство.

Счастье приходит к человеку, уважающему и почитающему женское лоно, благодаря которому он родился, — прежде всего, лоно своей матери, но также и лоно своей супруги, женщин из своего окружения, своих дочерей... Великие

---

* Случается, что из-за выкидыша женщина может испытать искушение возроптать на Бога или же впасть в депрессию. Дева Мария поможет ей в этих трудностях. Перенесенный аборт может вызвать у женщины неприятие самой себя, утрату внутреннего мира, тоску и депрессию.

** Экономия (или икономия) Спасения, Экономия Божия — богословский термин, обозначающий всю полноту провиденциальных актов, направленных к спасению отдельного человека и всего человечества.

благодеяния совершаются, когда мужчины от всего сердца молятся о том, чтобы женщины походили на Матерь Божию, самую прекрасную из женщин, а не на убогие фотомодели!

Всё в том же Сан-Франциско один человек, после рождения второго ребенка требовавший от жены перевязать фаллопиевы трубы, сказал мне: «Пусть Дева Мария даст нам всех детей, которых Бог предусмотрел для нашей семьи!»

Кто из вас без греха...

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас прославлять Бога; да будет свято имя Божие в ваших сердцах и вашей жизни. Деточки, когда вы находитесь в святости Божией, Он с вами и дает вам мир и радость, идущие только от Бога через молитву.

Поэтому, деточки, обновите молитву в своих семьях, и ваше сердце будет прославлять святое Имя Божие и Рай воцарится в ваших сердцах. Я рядом с вами и прошу за вас Бога. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 05. 1997).*

Деревушка Унатин возле Бзовика в Словакии, летняя засуха.

Шестилетний Палко возвращался с поля, где пас овец, когда заметил пламя. Пожар в деревне! Дома вспыхивали один за другим, как соломенные, и... — ну да, его дом тоже в огне! У них и так не каждый день бывает еда на столе, хотя все тяжко работают в поле, а теперь, из-за этого пожара...

— Ох, Иисус, помоги! Что с нами будет?!

Но мальчик не знал еще самого худшего. Пожар возник не случайно, а из-за шалости ребятишек, игравших с огнем возле дома Палко. Испугавшись за своих детей, их отец громко заявил, что знает «виновного» — это Палко.

Эту клевету можно было бы погасить в зародыше, если бы было проведено самое простое расследование. Но никто этого не сделал. Слабенький голосок шестилетнего ребенка был заглушен возмущенными криками взрослых, алиби мальчика в расчет не приняли. Жители деревни, как один, стали повторять ложь, нимало не заботясь о ее проверке.

Началась цепь долгих страданий. Вместе с сыном мучилась и мать, убежденная в невиновности Палко. Эта набожная женщина бесконечно больше страдала из-за несправедливых гонений, обрушившихся на Палко, чем из-за пожара и утраты всего своего добра. Сам же мальчик рассудил так: «Пусть люди думают, что это я, пусть они гневаются на меня — я знаю, что Иисус на меня не гневается, ведь Он знает, что это не я... Правда, мама?»

Правда открылась лишь через семь лет. Тогда деревенский священник, придя исповедовать умирающего, услышал потрясающее признание. Отец маленьких поджигателей открыл старый грех, день за днем лишавший его покоя все эти годы. Оказывается, вот уже семь лет клеветника страшно терзает совесть. Священник поспешил дать ему отпущение, но сказал: «Иисус простил тебя, а теперь ты должен публично объявить то, в чем признался на исповеди, потому что все это время жестоко страдал невиновный. Это и будет твоей епитимьей».

Все это случилось в начале тридцатых, но благодаря этому испытанию у Палко с самого раннего детства зародилась глубокая любовь к истине. В дальнейшем за эту любовь епископ Паоло Хнилица многократно платил дорогую

цену в коммунистических лагерях. Недавно мы виделись в Риме, и он сказал мне: «Если ты знаешь правду, ты должна говорить; твоя обязанность распространять правду. Если же умолчишь о ней, это будет тяжкое преступление».

История маленького Палко — лишь один из тысяч примеров, когда так легко было бы пресечь зло в корне с первой же минуты. Клевета может возникнуть всегда, но почему она всегда находит столько же разносчиков, сколько слушателей? Между прочим, св. Кюре из Арса говорил: «Клеветник похож на гусеницу, которая, ползая по цветам, пачкает их своей слизью».

У нас в общине существует золотое правило, без которого лукавый давно бы ее разрушил; ведь сеять распри — это его любимая игрушка. Это правило состоит в том, чтобы никогда не принимать за чистую монету и, тем более, не передавать негативную информацию о ком-либо, предварительно не расспросив заинтересованное лицо. В 90% случаев обнаруживается, что ситуация была искажена или изложена неполно, и остается только порадоваться, что мы докопались до самых ее корней. «Отец лжи», он же и клеветник на братьев, страшится, когда все выходит на свет, поскольку для своих дел он нуждается во тьме. Простого братского разговора, спокойно и хорошо продуманного, с молитвой, бывает достаточно, чтобы все его зловещие построения рассыпались, как карточный домик: ***«Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего»****... Самое трогательное, когда тот, кого обвиняют, действительно совершив ошибку, со слезами признает ее и смиренно кается в своей слабости, прося нашей молитвенной помощи. И кто мы такие, чтобы продолжать тогда копаться в мусоре и извлекать на свет то, что Сам Иисус очистил уже Своею Кровью и даже забыл? Бл. Мириам Вифлеемская говорит, что это равносильно новому распятию Иисуса. Мистики единодушны в том, насколько злословие и клевета ужасны перед Богом; не счесть случаев, когда по изволению Божию и ради блага душ они «видели» страшные последствия такого греха после смерти, будь то долгие и тяжкие страдания в чистилище или даже в аду (ср. 1 Кор 6,9.10: ***«Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители [...] ни злоречивые [...] — Царства Божия не наследуют»***). Иные, несомненно, упрекнут меня за эти слова, но я все же предпочитаю предупредить читателя, если у него есть на совести тяжкая клевета, в которой он медлит исповедаться от всего сердца.

Вспомним тот знаменательный случай, когда визионеры по очереди подводили односельчан к Госпе и некоторые пятнали Ее платье своими грехами. Мария Павлович, рассказывая об этом, уточнила очень существенную деталь:

— Когда мы замечали, что тот или другой человек оставлял пятно на платье Госпы, мы приходили в ярость! В гневе мы говорили себе: «Что?! Такой-то сделал вот это? Ну, я это запомню!» Но по окончании явления у нас не сохранилось никакого воспоминания ни о каком зле; невозможно было вспомнить, кто оставил пятна! В тот день Госпа преподала нам великий урок...

Церковь всегда считала священной тайну исповеди. Но и мирянам рекомендуется хранить молчание об ошибках других. Хранить память о зле — это

* Мф., 18, 15.

тонкий грех, от которого Пресвятая Дева хочет нас избавить, потому что из него проистекают злословие и клевета*. Когда «война языков» угрожала разрушить Ее дело в Меджугорье, Дева Мария дала такое послание: ***«Дорогие дети, умоляю вас прекратить злословие и молиться о единстве прихода, ибо у Моего Сына и у Меня особый план об этом приходе»*** (12.04.1984).

Один мой друг священник имел счастливую возможность часто встречаться с Мартой Робен. Однажды она рассказал ему евангельский эпизод с женщиной, застигнутой в прелюбодеянии (тот самый, когда Он сказал: ***«Кто из вас без греха, первый брось на нее камень»*****), каким она Его увидела (во время своих видений Марта Робин порой присутствовала при сценах земной жизни Иисуса). Вот суть того, что он мне передал.

Перед лицом обвинений книжников и фарисеев против этой женщины Иисус хранил молчание. Он, казалось, не обращал на них внимания, взгляд Его был устремлен в землю. Он не смотрел также и на женщину, хотя ее и держали на виду для позора. Он принялся тогда писать пальцем по земле. Раздраженные молчанием Иисуса и заинтригованные тем, что Он пишет, некоторые рискнули приблизиться. Что это за буквы Он выводит? Первый из фарисеев, подойдя ближе, с изумлением обнаружил, что Иисус знает все его тайные грехи, ибо это о них Он ясно написал на земле! Охваченный смущением, испуганный, он посмотрел на Иисуса, Который одним словом мог погубить его в глазах других. Но нет, с великой добротой и смиренным величием Господь стер Своей рукой грехи этого человека. Кончено! Исчезло! Человек прочитал свое прощение в глазах Иисуса и молча удалился. Тогда Иисус стал писать тайные грехи второго, который, прочитав их, также удалился, потрясенный. Таким же образом по очереди перед Иисусом прошли все. Вот как вышло, что все обвинители, смущенные до глубины души, но убедившиеся, что тайну их внутренней жизни уважают, покинули сцену один за другим. А злословие и злые намерения были оставлены вместе с камнями, предназначенными для грешницы. Да, самая великая радость для Агнца Божия — это стереть грех мира!

Кто знает, не больше ли радости на небесах из-за одного кающегося клеветника, нежели из-за девяносто девяти блудниц, также, разумеется, имеющих нужду в покаянии! Ибо для того, чтобы взять нас с Собою в Царство, Иисус предусмотрел одну только дверь для всех, будь то истинные грешники или ложные праведники: дверь Его божественного, царственного, неизмеримого милосердия.

Францисканец на автостоянке

«Дорогие дети, сегодня Я особым образом нахожусь с вами и приношу вам Мое материнское благословение мира. Я молюсь за вас и прошу за вас Бога, чтобы вы поняли, что каждый из вас — это вестник мира. Вы не можете

---

* Злословить — означает говорит о ком-либо плохо, раскрывать его недостатки, даже когда они действительно имеют место. Клеветать означает вредить репутации или чести кого-либо посредством обвинений, зная, что они ложные.

** Ин., 8, 7.

обрести мир, если ваше сердце не пребывает в мире с Богом. Поэтому, деточки, молитесь, молитесь, молитесь, ибо молитва — это основание вашего мира. Откройте ваши сердца и посвящайте время Богу, чтобы Он стал вашим другом. И когда установится настоящая дружба с Богом, никакая буря не сможет ее разрушить. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 06. 1997).*

Это случилось в разгар войны, в конце 1993 г. В районе Меджугорья было сравнительно спокойно, но меньше чем в ста километрах отсюда вся Босния еще лежала в огне и крови. В тот день, придя в церковь, я заметила знакомого францисканца.

— Отче, какая радость тебя видеть! Значит, ты жив, хвала Иисусу!

— О, *Sestra*! Ты тоже жива, благодарение Богу!

Да-да, именно так хорваты приветствовали друг друга в 1992-93 гг. (***«Один берется, а другой оставляется»***). Эта война со всей очевидностью напомнила нам, что никто не вечен на земле.

— Извини, я уже опаздываю, — он шагнул в сторону автостоянки. — Надо отвезти беженцам еду, одежду, медикаменты...

— И... куда именно ты едешь?

Он не ответил.

— Ну, ладно, если не можешь сказать, я буду за тебя молиться, не зная точно, я привыкла.

Он помолчал еще немного, как видно, взвешивая все за и против. И, наконец, произнес, понизив голос:

— Я знаю, что ты молишься... И скажу тебе, куда еду, но обещай, что никому не скажешь. Если тебя спросят, где я — ты не знаешь. И если увидишь, что я не вернулся, молись обо мне!

Никогда не забуду ни его взгляда в это мгновение, ни тембра его голоса. В нескольких очень сдержанных словах он рассказал о предприятии, которое затеял и которое почти наверняка будет стоить ему жизни.

— Я еду в... (я обещала и держу слово!). Там уже сотни убитых. Мусульмане держат их в окружении уже почти месяц. У них ничего не осталось— туда же невозможно ни войти, ни выйти. Понимаешь, они без священника. И им грозит гибель. Нельзя оставить людей без таинств.

Я взяла его руки в свои и, сглотнув несколько раз, сумела произнести беззвучным голосом:

— А как ты проедешь через линию фронта?

Он едва заметно улыбнулся. Действительно, как я могла забыть, что все здешние францисканцы — воины в грубых рясах.

—Всегда есть средства! Это же моя страна, я родился на этой земле...

— Госпа будет с тобой!

— Ладно, давай! Я заливаю полный бак и отправляюсь.

— Благослови меня перед отъездом.

Он возложил руки мне на голову и произнес надо мной красивую хорватскую формулу благословения, в которой упоминается Царица мира. И, не прибавив ни слова, уехал!

Я снова увидела этого брата много долгих месяцев спустя: вернувшись, он приехал в Меджугорье отслужить Мессу. Господь хранил его. Он возобновил

свое служение, словно ничего не произошло, и по сей день ему случается совершать таинства Божии для разноязыких толп, стекающихся в Меджугорье. И кто среди этих паломников мог бы заподозрить, что этот смиренный ученик Христов стоял на пороге мученичества?! Кто, принимая сегодня Тело Христово из его рук, мог бы вообразить, что этот священник, во всем похожий на своих собратьев, едва не попал в число пропавших без вести? И что, если завтра у людей снова будет нужда в священнике, он не уклонится даже при угрозе жизни? Никто и не подумает, что этот священник, с таким сдержанным голосом и жестами, возвещающий с микрофоном Евангелие, исполнил до конца слова Иисуса: ***«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»****.

Такова в этой стране вековая традиция. Подвиги францисканцев прочно отложились в памяти хорватского народа, и для меня сегодня большая радость воздать хвалу этому скромному брату.

Уроки любви

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас осознать, что без любви вам не понять, что Бог должен быть на первом месте в вашей жизни. Поэтому, деточки, Я призываю всех вас любить любовью не людской, а любовью Божией. Так ваша жизнь станет прекраснее и бескорыстнее. Вы поймете, что Бог дает вам Себя самым простым образом, с помощью любви. Деточки, чтобы понять слова, которые Я даю вам из любви, молитесь, молитесь, молитесь, и вы сможете с любовью принимать других и прощать всем, причиняющим вам зло. Отвечайте на это молитвой; молитва — это плод любви к Богу-Творцу. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 09. 1997).*

Это было в золотой век молитвенной группы — в те замечательные четыре года, когда под присмотром и руководством Госпы молодые люди обучалась жить по-Божии, в любви... Я хорошо помню тот день.

Стояла ледяная стужа, и беспощадно дул ветер. Вся долина Меджугорья лежала в январской наготе. Мы находились в маленькой гостиной Павловичей. Серьезное лицо Марии устремлено к Госпе, а ее друзья стоят на коленях вокруг и молятся.

«Сегодня вечером Госпа предлагает нам упражнение, — сказала Мария. — Она просит каждого из нас выйти из дому и найти в природе что-нибудь, что говорило бы ему о Творце. Она просит, чтобы к завтрашнему явлению каждый принес что-нибудь, что показалось ему красивым».

На следующий день, незадолго до явления, разыгрывается удивительный спектакль. Один за другим подростки приносят свои сокровища и складывают их к ногам статуи Девы Марии. Свой выбор они громко объясняют Ей и всем присутствующим:

— Смотри, какой лишайник на этом куске коры! Правда, необыкновенный цвет?!

— А вот камешек... Он как будто ни на что не похож, но если его повернуть... видишь... два сердца соприкасаются!

---

* Ин., 15,13.

— Посмотри на это гнездо — какая умелая работа. Взять хоть вход, гляди: птица устроила его из соломинок...

Так или примерно так каждый увлеченно рассказывает о своей находке... Комната быстро превращается в музей. И тут следует взрыв хохота: очередной гость пытается впихнуть в дверь громадную ветку — чуть ли не целое дерево, втрое больше себя самого.

— Неужели не видите, какая великолепная форма?! — выбиваясь из сил, он указывает на свой трофей. — Ну что смешного?! Сейчас покажу, вот только внесу...

В тот вечер Госпа с неподражаемой материнской нежностью объяснила:

«Дорогие дети, хотя сейчас стоит зима и вся окружающая вас природа обнажена, каждый из вас смог найти какую-то вещь, которая говорит ему о красоте Создателя. Дорогие дети, поступайте так же со своими ближними. Когда вам покажется, что у кого-то, на ваш взгляд, нет ничего привлекательного, поищите хорошенько, и вы найдете красоту, которой Создатель наделил его, ибо каждый человек достоин любви»*.

В другой раз Пресвятая Дева предложила такое упражнение: каждый должен был написать на листке имя того члена молитвенной группы, которому он отдает предпочтение, а также имена тех, кого он ценит меньше всего или избегает. А затем Она велела на время оставить в стороне свои прежние симпатии: в течение месяца следовало садиться с теми, кто не нравился, общаться с ними с открытой душой, делать для них что-то доброе.

Когда месяц истек, Она вновь просила написать имена тех, кто нравится больше всех, и сравнить этот листок с предыдущим. И каждый с удивлением обнаружил, как сильно изменился его взгляд на других. В результате этого упражнения члены молитвенной группы на опыте собственного сердца убедились в том, что прежде были в плену необоснованной предвзятости и лишали себя богатства, сокрытого в ближнем. Христова заповедь любви** освободила их, вывела из привычной колеи, и радость лавиной хлынула в их души. Группа полностью преобразилась.

Один из визионеров был слишком робок, ему было трудно открывать себя перед другими. Дева Мария предложила ему путь исцеления. Ежедневно Она давала ему определенную задачу — нужно было ответить, как поступить в той или иной ситуации. Ему следовало молиться, размышлять и рассказать о найденном решении. Речь могла идти, например, о том, как наилучшим образом отреагировать в духе Божием на нечто неожиданное или неприятное, исходящее от членов молитвенной группы, как поступить в каждом конкретном случае, тонко учитывая личность каждого. На следующий день визионер давал свой ответ, а Госпа — Свой. Они вместе обсуждали ситуацию, и, безмерно уважая свободу каждого, Госпа оставляла на усмотрение собеседника, какое поведение ему выбрать. Порой Она говорила: «Поступай так, как ты сказал», даже если Сама предлагала лучшее

---

* Мария не записала этих слов, она пересказала нам все это по памяти спустя годы.

** *«Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»* (Мф 5,46).

решение, поскольку понимала, что последовать Ее варианту у визионера пока не хватит смелости. Ведь окружая нас Своей нежной заботой, Дева Мария приходит к нам туда, где мы находимся, а не туда, где мы должны были бы быть. Она приноравливается к нашему ритму, к нашей медлительности!

Такое еще бывает?

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас понять свое христианское призвание. Дорогие деточки, Я вела вас и веду в это время благодати, чтобы вы осознали свое христианское призвание. Святые мученики умирали, свидетельствуя: «Я христианин и люблю Бога превыше всего». Дорогие деточки, сегодня Я снова призываю вас радоваться и становиться христианами, радостными и ответственными, сознающими, что Бог призвал вас совершенно особым образом стать руками, радостно протянутыми тем, кто не верит, чтобы на примере вашей жизни они обрели веру и любовь к Богу. Поэтому молитесь, молитесь, молитесь, чтобы ваши сердца открылись и стали восприимчивыми к Слову Божию. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 11. 1997).*

Такое будет всегда.

Приходские книги соседствующего с Меджугорьем города Широки-Брег сообщают, что на тринадцать тысяч верных не приходится ни одного случая развода. На человеческой памяти не распалась ни одна семья. Неужели Герцеговина пользуется исключительной милостью Небес? Может быть, новобрачные произносят какую-то секретную формулу во время обряда? Или существует какой-то волшебный прием, удаляющий от них демона разделения?

Ответ намного проще! На протяжении веков жители этой страны жестоко страдали, потому что враги старались искоренить их христианскую веру и стереть с лица земли драгоценное имя Господа нашего Иисуса Христа, умершего на кресте и воскресшего из мертвых, чтобы открыть людям врата Жизни Вечной. Они знают на опыте, что спасение к ним приходит с Креста Христова. Спасение приходит не от «голубых касок», проектов разоружения, гуманитарной помощи, мирных переговоров или резолюций ООН, даже если порой эти вещи оказываются проводниками чего-то доброго. Источник спасения — это Крест Христов! У этих людей разум бедняков — прекрасная мудрость, состоящая в том, чтобы не дать себя обмануть, когда речь идет о жизни и смерти. Поэтому они неразрывно связывают брак с Крестом Христовым. Они основывают брак, дающий человеческую жизнь, на Кресте, дающем жизнь божественную.

Хорватская традиция брака, открываемая паломниками в Меджугорье, столь прекрасна, что начинает находить последователей в Европе и даже в Америке!

Когда молодой человек готовится к браку, ему не говорят, что он нашел идеальную подругу, наилучшую партию. Нет! Что говорит священник? — «Ты нашел свой крест. И этот крест надо любить, надо его нести, его нельзя будет бросить, но надо будет беречь». Такие слова, будь они произнесены в церкви во Франции, заставили бы жениха онеметь от изумления. Но в Герцеговине Крест напоминает о самой великой любви и распятие составляет сокровище семьи.

О. Йозо часто объясняет паломникам, что в его стране, когда новобрачные приходят в церковь для венчания, они приносят с собой распятие. Священник

благословляет это распятие, и во время обмена супружескими обетами оно играет центральную роль. Невеста кладет свою правую руку на распятие, жених в свою очередь кладет руку на руку невесты, и таким образом две руки соединяются на кресте, опираются на крест. Священник накрывает их руки своей столой [епитрахилью. — *Ред.*], и молодые произносят супружеские обеты и обещают друг другу верность, согласно традиционному церковному обряду. После этого новобрачные не целуются, но целуют распятие. Они знают, что тем самым целуют источник любви. Тот, кто видит их руки, протянутые ко кресту, понимает, что если муж оставит свою жену или жена оставит своего мужа, то тем самым они предадут крест. А когда предают крест, теряют все, потому что предают Христа, теряют Христа.

После совершения обряда новобрачные уносят это распятие и помещают его на почетное место в доме. Оно станет центром семейной молитвы, потому что оба убеждены, что семья рождена от креста. Если возникнут проблемы, вспыхнет ссора, супруги придут за помощью к этому кресту. Они не обратятся к адвокату, чтобы уладить свои дела, не спросят совета у предсказателей или астрологов, не станут рассчитывать на сексолога или психоаналитика. Нет, они придут к Иисусу. Они станут на колени и перед распятием изольют свои слезы, свои страдания, и, главное, обменяются словами прощения. Они не лягут спать с тяжелым сердцем, потому что у них есть прибежище — Иисус, Единственный, Который может спасти.

Они научат своих детей целовать крест каждый день и не ложиться спать, как язычники, не поблагодарив Иисуса. Для детей с тех пор, как они себя помнят, Иисус — это друг семьи. Его почитают и целуют. Эти дети не держат в укромном уголке любимую игрушку, чтобы, обнимая ее всю ночь, чувствовать себя таким образом в безопасности. Нет, они говорят «Спокойной ночи!» Иисусу и целуют крест. Они засыпают с Иисусом, а не с плюшевым мишкой. Они знают, что Иисус хранит их у Себя на руках и что им нечего бояться — их страхи исчезают в объятиях Иисуса.

Вот уже несколько лет в качестве свадебного подарка я преподношу моим друзьям распятие, и они с радостью его принимают. Ведь когда распятия вернутся в наши дома, разводы постепенно исчезнут.

Золотой ободок

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас молитвой и жертвами приготовиться к приходу Святого Духа. Деточки, сейчас время благодати, поэтому Я снова призываю вас обратиться к Богу-Творцу. Позвольте Ему изменить и преобразить вас. Пусть ваше сердце будет готово слушать и жить всем тем, что предназначил Дух Святой каждому из вас. Деточки, позвольте Духу Святому вести вас по пути истины и спасения к жизни вечной. Спасибо, что ответили на Мой призыв *(25. 05. 1998).*

Когда речь идет о любви, мы всегда поступаем гораздо ниже наших возможностей! Позволим Богу преобразить нашу человеческую любовь в любовь божественную! Тогда мы оторвемся от своей убогой ограниченности, чтобы наше сердце выросло до божественных размеров. Ибо никакая душа не избег-

нет очевидного: «человеческая» любовь недолговечна. ***«Рожденное от плоти есть плоть»***[*], а плоть Царства не наследует. ***«Всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил, искоренится»***[**]. Любовь, которая не умирает в качестве человеческой и плотской, чтобы родиться от Духа, обречена исчезнуть. Похоже, сегодня, как никогда, час этого исчезновения всё раньше настает для всякой супружеской и семейной любви... Вот почему Пресвятая Дева, любой ценой желающая спасти нашу любовь, во весь голос взывает в Своих посланиях: ***«Деточки, любите любовью не людской, но Божией!».***

Марта Робен во Франции уже обращалась к людям с подобными воззваниями, поскольку наши разводы, наши «свободные союзы» и стремительный рост числа связанных с ними трагедий ввергали ее в смертную муку: «Нет ничего, что светская литература и повседневная жизнь искажали бы, пачкали, увечили и бесчестили более плачевным, преступным образом, чем божественный союз между мужчиной и женщиной. Между тем, брак является и останется навсегда божественным символом единения души со Христом, потому что, вопреки всем искажениям, любовь двух существ, которые свободно отдают себя друг другу, остается одной из самых возвышенных вещей в этом мире. Невозможно говорить о браке, не говоря одновременно о единстве и вечности. Земля не знает цветка прекраснее, чем цветок дружбы — возвышенный и постоянный элемент любви, подразумевающий преданность, взаимное доверие, могущество самоотдачи вплоть до жертвы собственной жизнью, а также чувство присутствия, даже при телесной разлуке, краткой или длительной, и отраду поддержки. Увы! Уже не любовь соединяет человеческие существа и основывает семьи, но чаще желание наслаждений, сближающее тела для эгоистического и преходящего союза.

Как перечесть ужасающие последствия необузданной распущенности нашего несчастного современного общества, сосредоточенного на погоне за наслаждениями, жажде эфемерных удовольствий, очень скоро сменяющихся разочарованием и порождающих столько бед: разбитые семьи, несчастные, ненормальные, больные дети — невинные жертвы преступных страстей, сегодня брошенные или сироты, а завтра, в свою очередь, — жертвы греха, который их убьет...»

Где же найти верное средство от разрушения наших семей, дружбы? — Переступить стыд перед людьми и неустанно просить прощения. Китайская пословица говорит, что разбитая и склеенная чашка прекраснее целой — ведь ее скрепляют золотым ободком!

Да, всякий раз, когда просьба о прощении приходит на смену обиде, любовь вне опасности — она становится Божественной Любовью.

Пересадка сердца

«Дорогие дети, сегодня Я снова радуюсь с вами и призываю вас к добру. Я хочу, чтобы каждый из вас размышлял, носил мир в своем сердце и говорил: «Я хочу поставить Бога на первое место в своей жизни». Вот так, деточки, каждый из вас станет святым.

---

[*] Ин., 3,6.

[**] Мф, 15,13.

Деточки, скажите каждому: «Желаю тебе добра», и он воздаст тебе добром, и добро, деточки, поселится в сердце всех людей. Сегодня вечером, деточки, Я приношу вам добро Моего Сына, Который отдал Свою жизнь, чтобы спасти вас. Поэтому, деточки, радуйтесь и протяните руки к Иисусу, Который есть только добро. Спасибо, что ответили на Мой призыв» *(25. 12. 199).*

Когда распространилось это послание, деревня Меджугорье изменилась. В течение какого-то времени люди радостно окликали друг друга даже на улице:

— Желаю тебе добра!

— А! Да... я тоже желаю тебе добра!

Важно выдержать продолжительное время, прилагать усилия к тому, чтобы любить, в условиях, которые удачно называют «монотонной повседневностью». Годами мы вкалываем на работе, ничего не видя, не чувствуя, и порой на горизонте начинает маячить уныние, как вдруг...

Рассказывает Роланда из Нормандии.

«Мои отношения с людьми были очень трудными, особенно с теми, кто не казался мне *приятным*. Я причиняла страдания всем вокруг, и сама была очень несчастна. Я себя ненавидела, постоянно терзалась муками совести: ведь Иисус требует любить всех — особенно тех, кто неприятен. Я старалась подавить отрицательные эмоции — разумеется, тщетно: моя натура быстро одерживала верх.

В марте прошлого года я слушала кассету о Меджугорье, и меня поразили слова Девы Марии о том, что Она хочет нам дать Свое материнское сердце и что при такой "пересадке сердца" не следует бояться никакой реакции отторжения.

Я слушала и слушала заново это место, я повторяла и вдумывалась в каждое слово. Я впитывала эти слова и вдруг, словно кто-то зажег свет, я поняла, что должна любить других материнским сердцем! Мать любит своего ребенка, не считаясь с тем, что видит, даже когда он выглядит отвратительно. Она страдает за него, ведь сквозь разрушения, причиненные злом, она видит красоту, которой Бог наделил его сердце с самого зачатия.

Так со мной произошло чудо. С тех пор я больше не замыкаюсь при встрече с другими, напротив, я переполнена радостью! Благодаря этой милости я научилась доверять Деве Марии; я знаю, что Она всегда будет рядом, что у Нее есть в запасе и другие подарки. Благодаря Ей я могу, наконец, исполнять слова Иисуса: ***«Любите врагов ваших»***. Дева Мария исполняет то, что утверждает в Своих посланиях! И я с радостью проникаюсь Ее обещанием: ***"В конце Мое Непорочное Сердце восторжествует!"***, ибо теперь я не просто верю, что это правда — я это знаю!»

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(сентябрь – ноябрь 2003 г.)

(Краткий обзор)

1. Кончина митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

4 ноября в Москве на 78-м году жизни скончался митрополит Питирим (Нечаев), старейший иерарх Русской Православной Церкви, представитель советской церковной аристократии. На протяжении нескольких десятилетий основным поприщем, на котором трудился митрополит Питирим, была издательская деятельность РПЦ. С 1963 по 1994 г. он был председателем издательского отдела Московской Патриархии, главным редактором «Журнала Московской Патриархии» и председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды». Оба издания в советские годы были единственным легальным органом церковной богословской мысли. Владыке Питириму удавалось публиковать на страницах журнала и «Богословских трудов» писания Отцов Церкви, сочинения Сергия Булгакова, Павла Флоренского, Владимира Лосского — все те классические богословские работы XX века, которые нигде больше ни при каких обстоятельствах не могли быть опубликованы.

В некрологе, опубликованном в **«Российской газете»** (06. 11), отмечается, что под руководством митрополита «подготовлены и реконструированы уникальные древнерусские рукописи, издан полный корпус богослужебных книг».

«Сам облик митрополита Питирима, библейского благообразного старца, производил ошеломляющее впечатление на полностью расцерковленное общество. А когда оказалось, что этот человек, будто сошедший со страниц священной истории, еще и в курсе всех современных событий, обладает уникальным даром проповедника, знает, как кажется, все на свете, видевшие и слышавшие митрополита Питирима невольно начинали внимательнее приглядываться к тому, что он представлял, — к православной церковной традиции», — пишет интернет-издание **Страна.ru.**

Газета **«Церковный вестник»** (№ 21, ноябрь) публикует воспоминания епископа **Илариона (Алфеева)** о почившем иерархе: «Однажды, когда мне было лет тринадцать, в канун Великой пятницы я присутствовал в храме Воскресения Словущего за чтением Двенадцати Евангелий. Несмотря на продолжительность службы, усталость не чувствовалась — настолько ярко возникали в уме образы, связанные с последними днями земной жизни Спасителя. Евангелия читали поочередно архиерей и священники; все стояли с зажженными свечами. Вдруг по окончании последнего чтения владыка Питирим обернулся ко мне — а я стоял возле кафедры, прямо за его спиной, — и протянул мне свою горящую свечу. Я не понял, зачем он это сделал и почему именно мне, незнакомому мальчику, а не кому-либо из своих иподиаконов отдал он эту высокую и тонкую архиерейскую свечу (которую я храню вот уже четверть века). Но что-то загорелось в моей душе от этой свечи, какой-то огонь зажегся в

глубинах сердца. Может быть, именно тогда окрепло во мне желание посвятить жизнь служению Церкви».

Надежда Кеворкова в **«Газете»** (06. 11) напоминает, что «Питирим был среди тех, кто готовил примирение со старообрядцами. Он лично отслужил старообрядческую литургию и возобновил традицию исполнения дониконианских распевов».

Издание обращает особое внимание на экуменическую деятельность почившего: «В январе 2002 года митрополит Питирим принял участие в совместном молении за мир в Ассизи — с Папой Римским, протестантами и иудеями. На аудиенции у Иоанна Павла II он обсуждал возможности улучшения отношений между Церквами. Именно тогда Папа подтвердил свое намерение передать России Казанскую икону Богоматери, а в Патриархию вновь хлынули возмущенные телеграммы врагов Питирима».

Протоиерей **Всеволод Чаплин** в **«НГ-Религии»** (03. 12. «"Неприлично одаренный" архиерей») говорит о Питириме как о широко образованном человеке: «Его интересовали естественные науки, техника, политика, философия, искусство, да и вообще буквально все стороны жизни. Владыка играл на виолончели, был прекрасным редактором и самобытным фотохудожником, умел общаться с людьми самых разных кругов и статусов. Не случайно его богослужения в храме Воскресения Словущего в Брюсовом переулке привлекали ученый мир и творческую интеллигенцию».

Михаил Поздняев в **«Новых известиях»** (06. 11. «В судьбе митрополита Питирима отразились все противоречия эпохи») пишет о церковной опале Питирима в постперестроечные годы: «Издательский отдел, которым он так долго руководил, был разогнан. В утешение ему оставили Воскресенский храм в Брюсовском переулке в Москве и Иосифо-Волоколамский монастырь». В то же время журналист напоминает читателям о том, «как в августе 1991-го Питирим поддержал ГКЧП, а спустя несколько месяцев, когда комиссия «Пономарева-Якунина» обнаружила в архивах КГБ секретные материалы о связях РПЦ с карательными органами, выяснилось, что благообразнейший и на редкость образованный архиерей фигурировал в агентурных сводках под псевдонимом Аббат».

«Питирима можно в определенной мере назвать "пастырем для интеллигенции" в условиях "масс-культурной революции"», — замечает интернет-издание **Портал-Кредо**.

По мнению издания, Питирим на протяжении последних 10 лет был живым свидетельством определенной социальной резервации, удаленности советской аристократии от православного мейнстрима.

«Погребение митрополита Питирима состоялось на Даниловском кладбище Москвы», — подвел черту официальный **сервер** Московского Патриархата **«Русская Православная Церковь».**

2. Научно-богословская конференция «Вера — диалог — общение: проблемы диалога в Церкви»

С 24 по 27 сентября в Москве прошла традиционная международная научно-богословская конференция, организованная Свято-Филаретовским институтом совместно с журналом «Вестник РХД» и Институтом человека РАН. По

сообщению **«Благовест-инфо»**, в работе форума приняли участие около 500 человек: это священнослужители, богословы, преподаватели и студенты Свято-Филаретовского института, члены православных братств.

Первый день конференции, рассказывает сайт **Свято-Филаретовского института** (http://www.sfi.ru/rubrs.asp?rubr_id=186&art_id=3818&page=2), был почти целиком посвящен пленарному заседанию, на котором прозвучали доклады Никиты Струве, священника Георгия Кочеткова, Давида Гзгзяна, Сергея Юрского, протопресвитера Виталия Борового, протоиерея Павла Адельгейма. Многие тезисы докладов звучали тревожно (вплоть до печальных констатаций — «диалог то ли исчезает, то ли исчез, то ли умер»). Однако, несмотря на это, общая атмосфера обсуждения была светлой, радостной и, по признанию многих, удивительно вдохновляющей.

«На заключительном пленарном заседании прозвучали доклады Ренаты Гальцевой, Ольги Седаковой, Анны Шмаиной-Великановой, а также размышления участвовавших в конференции священнослужителей о диалоге между человеком и Богом в молитве, о современном диалоге между приходом и общиной, а также о диалоге поместных православных церквей. Докладчики неоднократно обращались к образу и опыту митрополита Сурожского Антония (Блума), а один из докладов был полностью посвящен пониманию категории встречи в его богословии. Поэтому естественным завершением конференции стало общее пение "Вечной памяти" почившему владыке», — продолжила тему газета Преображенского братства **«Кифа»**. Это же издание (№№ 9 и 10) поместило интервью с докладчиками, обширные материалы круглого стола «Что нужно для диалога в Церкви», а также круглого стола журналистов, прошедших в рамках конференции.

3. Православно-католический диалог

5 ноября в ходе государственного визита в Италию президент России Владимир Путин посетил Ватикан, где у него прошла встреча с главой Римско-католической Церкви Иоанном Павлом II.

Перед аудиенцией представитель Святого престола в Москве архиепископ Антонио Меннини дал интервью корреспонденту газеты **«Коммерсант»** (05. 11). «Возможный визит святейшего отца необходимо подготовить прежде всего в согласии с Русской Православной Церковью. Невозможно представить себе, чтобы папа решил совершить визит, который привел бы к росту напряженности вместо понимания. В связи с этим мне представляется очень мудрой позиция папы Иоанна Павла II, который предпочел отказаться от поступивших к нему приглашений президентов Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, именно в силу глубочайшего уважения, испытываемого его святейшеством к православному народу России и его церкви», — сказал архиепископ.

Газета **«Известия»** («Президент не опоздал ни на секунду», 06. 11) рассказала о подробностях встречи в Ватикане:. «Они сидели в креслах, рядышком, друг против друга. Папу окружало несколько помощников. Один протянул ему икону Казанской Божьей Матери». Встреча, во время которой президент выразил надежду на развитие межконфессионального диалога, продолжалась 45

минут — достаточно долго, если учесть, что папа почти не ходит и ему очень тяжело говорить.

Однако какого-то прорыва в православно-католических отношениях не наступило. Об этом пишет в **«НГ-Религии»** (19. 11) сотрудник ОВЦС МП священник **Игорь Выжанов**. При этом автор, как мантру, повторяет упреки католикам в прозелитизме и утверждает, что первые шаги на пути к сближению «должен совершить Ватикан».

4. К вопросу о возможном объединении РПЦ и РПЦЗ

Как правило, высшие российские должностные лица в ходе своих зарубежных визитов уделяют не слишком много внимания общению с религиозными деятелями. Однако визит Путина в США стал исключением. 24 сентября в Нью-Йорке президент встретился с главой Зарубежной церкви митрополитом Лавром и его помощниками. Эта встреча дала определенный импульс к сближению двух церквей. **«Газета»** (01. 10), отмечает, что президент пригласил митрополита Лавра в Россию не только для примирения, но и для установления контактов с его паствой, разбросанной по всему миру. РПЦЗ, по данным газеты, имеет 22 монастыря и более 250 приходов. Здесь, видимо, стоит добавить от себя, что РПЦЗ уже давно является банкротом, как моральным, так и финансовым. В начале своего существования она держалась на эмигрантах первой волны, но, отделив себя от мирового православия, была обречена на маргинальное существование.

Комментируя итоги встречи, **Олег Недумов** в **«НГ-Религии»** (01. 10. «Президент объединяет православных») отмечает, что РПЦ давно призывает «зарубежников» к переговорам по поводу восстановления единства. «Впрочем, какие бы жесты доброй воли ни делала Москва, до объединения двух Церквей пока еще очень далеко, — замечает он. — Более того, среди верующих обеих Церквей далеко не все уверены в необходимости объединения... И на это есть вполне конкретные причины. Дело в том, что главным «камнем преткновения» между РПЦЗ и Московским Патриархатом является проблема экуменизма. «Зарубежники» не устают призывать Московскую Патриархию к отказу от этой «всеереси» (так назван экуменизм в определении Архиерейского Собора РПЦЗ, состоявшегося в 2000 году). Совершенно очевидно, что, несмотря на вполне лояльное отношение к Московскому Патриархату со стороны нынешнего главы РПЦЗ митрополита Лавра, «зарубежники» вряд ли смягчат свою позицию в отношении экуменической деятельности. Столь же очевидно, что Московский Патриархат не станет в угоду РПЦЗ отказываться от контактов с другими христианскими конфессиями».

В течение нескольких месяцев множество публикаций подтверждали сложность и болезненность происходящих процессов. **«Российские вести»** (26.11) даже охарактеризовали происходящее как «информационную войну», поставив в ряд врагов объединения такие издания, как «Церковный вестник», «Православная энциклопедия», патриарший сайт «Седмица». Заявив, что «оппозиция линии на объединение созрела и в недрах самой РПЦЗ», «Российские вести» четко обозначили, что скорейшее объединение является сферой интересов

фундаменталистских сил внутри РПЦ: «Казалось бы, столкнувшись с такой мощной оппозицией, идея воссоздания единой Церкви должна была потерпеть крах. Но правда была не на стороне противников интеграции. Обращения к Патриарху Алексию II Союзов православных граждан России, Казахстана, Донбасса, Одессы, Красноярска и Санкт-Петербурга возымели действие».

После встречи патриарха Алексия II и делегации иерархов РПЦЗ большинство комментаторов стало говорить если не об объединении, то о существенном сближении как о состоявшемся факте, давая оценку прежде всего политическим и экономическим причинам, сделавшим его неизбежным.

Священник **Леонид Кишковский** (Американская автокефальная церковь) в интервью, данном корреспонденту **«НГ-Религии»** (19. 11), обратил внимание на то обстоятельство, что президент лишь помог сдвинуть процесс с мертвой точки.

«Переговоры проходили в строго конфиденциальной обстановке», — сообщает газета **«Труд»** (25. 11). И цитирует принятый документ: «На встрече была выражена воля обеих сторон к установлению молитвенно-евхаристического общения. Было принято решение о создании комиссий, призванных способствовать разрешению накопившихся за долгие годы проблем».

Газета **«Коммерсант»** (08. 12) приводит высказывание митрополита Лавра о возможных формах единства: «Речь не может идти об административном единстве. Самое большее, о чем мы можем говорить, — об общении и сослужении».

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ
в русской периодике второго-третьего кварталов 2003 г.

Философия столь упорно защищает рацио, что порой в поисках аргументации и поддержки светские мыслители устремляются в чуждые им пределы. Они хотят обрести ***согласия смыслов***, данных в Божественном Откровении и открытых человеческим рассудком. В поиске этом их поддерживают и древние отцы Церкви, считавшие философию искусством искусств и наукой наук (Иоанн Дамаскин), и современные церковные иерархи, ратующие за гармоническое сотрудничество веры и разума (энциклика папы Иоанна Павла II Fides et ratio).

В № 8 «Вопросов философии» опубликована обширная работа маститого религиоведа **Л. Митрохина «Философия религии: новые перспективы»**. Это доклад на философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия». По мнению докладчика, исследователи религии — в самом начале пути, перед ними стоит масса фундаментальных проблем. Компетентные эксперты в религиозных делах (т. е. богословы) автора не удовлетворяют. И не столько из-за своей «конфессиональной узколобости» (свободомыслящий академик на всякий случай сохранил лексику времен воинствующего атеизма), а потому, что они способны многое из-яснять, но не могут объяснять, т.е. взглянуть на предстоящий предмет со стороны. Не очень понятно, правда, почему понимание со стороны Митрохину кажется более подлинным (вероятно, это вытекает самой позиции докладчика: философ — религия, т. е. исследователь — исследуемый объект). Но как бы там ни было, и философы, и теологи имеют дело с «вечными» вопросами. И несмотря на все достижения науки и просвещения, религия, казалось бы, «архаическая форма культуры», до сих пор владеет умами и сердцами большинства человечества. Все дело, по мнению Митрохина, в том, что экзистенциальные («смысложизненные») проблемы и переживания вытекают из факта человеческой смертности, а религия предлагает спасительные решения, подходящие для большинства. Что же до меньшинства — избранных, великих умов, — их вдохновляет идея сотворения человека по образу и подобию Божию; эта идея систематизирует личное сознание и оправдывает мысли и поведение «запредельной заботой» о достижении идеала, не подвластного перипетиям жизни. Конечно, официальная религия и церковь сильно скомпрометировали себя в истории, ведь преходяща не вера в Бога, а вера в церковь. И тут Митрохину «приходит на ум весьма дерзкая мысль»: а не может ли существовать «нецерковная религия»? И докладчик допускает этакую «нерелигиозную религию» — демократическую «общую веру» в действительность нравственных идеалов безо всяких сектантских, классовых и расовых границ. А что же в таком случае ждет «религиозную» религию (говоря словами доклада, «сохранятся ли элементы заведомо ненаучных представлений в мировоззрении будущих поколений»)? Митрохин полагает, что пока светская культура внятно не ответит на «смысложизненные»

вопросы, основным символом надежды на торжество добра, истины и красоты останется вера в Бога.

Для современного человека в понимании и решении «смысложизненных» вопросов характерна особенность, подмеченная автором статьи **«Служение благодарения»** («Православная беседа», № 3) доктором богословия **В. Свешниковым**. Наш современник, независимо от того, верующий он или нет, к явлениям жизни относится как к иллюзии. Смысл его жизни определяют имитации, мистификации, игра, цитаты и т.п. Происходит профанация жизни в ее высших содержаниях, низводящая их с небесных ценностных смыслов к земным опошлениям. Это особенно очевидно в целостном составе личной и общецерковной жизни, где высокий духовный реализм подменяется тепленьким благочестивым ощущением. Например, если иконописец в соответствии с заказом сегодня делает иконостас XIV века, через полгода пишет икону XVII века и сам при этом не живет религиозною жизнью хотя бы обывателя XIX века, это означает, что он профанирует дело рук своих, создает имитации. Для того чтобы от имитаций вернуться к реальному переживанию сущностей, по мнению Свешникова, следует умно вновь открыть для себя духовный смысл главных слов, произносимых в церкви. Слова «служение», «литургия», «благодарение» потеряли подлинный смысл и носят имитационный характер даже для тех, кто служит во храме. Почти никто не воспринимает духовный реализм служения как важнейшее для себя дело жизни. «Благодарение» сделалось синонимом заурядного словечка «спасибо». То же и со словом «литургия». Мало ошибок и непонимания догматического смысла, священное действо еще и воспринимают субъективно — как предмет эстетического переживания или повод возбудить психическое ощущение благоговения. А ведь литургия — это центр человеческой жизни, в ней объективно открывается возможность абсолютно полного единения с Богом через причастие Тела и Крови Христовых. Для этого, собственно, и существует на земле Церковь.

К восстановлению духовного смысла слова «церковь» обращены и старания священника **Сергея Лунева**. Церковь — специфический социальный институт, собрание людей. Толпа — то же. В пору безоглядной демократизации следует уметь отличать воцерковление от вовлечения в толпу. Помочь читателю в этом и берется отец Сергий (**«Против толп»** — «Октябрь», № 8). По мнению Лунева, вера в единую, святую, соборную и апостольскую Церковь (так в Символе веры) говорит не о фактическом состоянии, а скорее об идеале, к которому должно стремиться. Каждую из названных характеристик он рассматривает подробно, приспосабливая к современному пониманию. Итак, единство. Для Церкви «*Единая*» — это та, которую создал Единый Бог. Люди собираются на общественное богослужение — но не для того, чтобы обрести Бога массово, а чтобы каждый обрел Его лично. Церковь по самому роду своего служения должна выводить человека из состояния массовости. Следующее определение Церкви в символе веры — «*Святая*»: она свята не потому, что состоит из фактически святых людей. Чтобы церковь стала «столпом и утверждением истины», нужно бороться за соответствие состояния пришедших во храм свойствам Церкви. Особенность церковной массы состоит в том, что оставаясь массой, она имеет животворящую идею быть святой в каждом из своих членов.

«*Апостольская*»: о критериях, по которым Христос выбирал учеников, можно судить только косвенно. Лунев предполагает, что апостолы, говоря современным языком, это те, кто готов стать первыми, испытать на себе новые идеи. Апостолы были мобильны, рациональны, способны к абстрактному мышлению и склонны к космополитизму. Сейчас главная опасность церкви, по мнению Лунева, в том, что ее апостольство подменяется государственностью. Так называемая госрелигия предполагает партийность, а это слепое принятие норм, ценностей и форм поведения. Необходимо помнить, что государство — аппарат подавления, Церковь же дает свободу. Определение «*Соборная*» (кафолическая) является выражением высшей степени целостности и полноты, присущей каждому члену, а не массе в целом. Полнота целого — это не сумма частей. Понятие кафоличности применимо лишь к некоторым, к избранным, но не к массе. Вместе с Ортегой-и-Гассетом Лунев полагает, что сегодня весь мир становится массой, толпой и что это прямое следствие демократии. Спасение в том, чтобы держаться религии как частного дела.

Общий строй нашего сознания **А. Большунов** и **В. Гальченко** (**«Апология веры»** — «Православная беседа», №3) определяют как «прагматическую эмансипацию», то есть свободомыслие, признающее предрассудком всё, что невыгодно. Современный человек научился жить без Бога. Под предлогом просвещения мы зашли во тьму неведения, утратили понимание смысла веры, а потому не имеем потребности в ней. В итоге за веру принимаются всяческие суеверия, магия, оккультизм, мистика, спиритизм. Конечно, верою даются и исцеления, и знамения, и власть, и пророчества, и чудотворения. Но это всего лишь симптоматика веры — сопутствующие приложения, которые могут становиться предметом и спекуляций, и симуляций, и утилитарного шарлатанства. Настоящая же вера приобретает истинное благо, вернее, приближает к его источнику — благодати. Настоящая вера означает обретение изобилия смысла. Апостол Павел говорит: «мы ходим верою, а не ведением». Смысл делает бытие человека предметным и понятным. Зло — синоним бессмысленности происходящего. Разве не потому мы усматриваем в мире зло, что не видим смысла происходящего? Мир устроен так, что смыслы обитают в нем, опосредуют его становление и служат ему основанием, сообразуя с собой. Люди всегда стремились понять это и именно это называли поиском правды и истины. Говорят, действительность ниспровергает веру. Критерием действительности почитают разум. Всё разумное действительно, всё действительное разумно — этот гегелевский тезис есть предпосылка европейского склада мышления (науки). Но вопреки всей европейской науке, для верующего критерий того, что действительно, — не в разуме. Подлинный критерий действительности — совесть. Всему, что опротестовывается совестью, нет места в действительности; всё, с чем не может согласиться совесть, — ложь. Вот непостижимая в простоте и очевидности тайна премудрого устройства мира Божьего.

Жажда познать истинный смысл слова не нова. Сто лет назад многих русских мыслителей захватила «Афонская смута», или имяславие. Его инициатором был афонский монах Антоний (Булатович), утверждавший, что «всякое Имя Божие — как истина богооткровенная — есть Сам Бог». Официальная церковь

признала имяславие ересью, но среди свободных философов идея Булатовича нашла поддержку (П.Флоренский, С.Булгаков, М.Новоселов, Ф.Самарин, А.Лосев, В.Эрн). Дискуссии, возбужденные этой ересью, породили целое направление русской философии — ***философию имени***. П.Малков, обогащенный умственным опытом прошедшего столетия, возвращается к этой теме в статье **«Пред ликом живого Бога»** («Православная беседа», №3). По его мнению, разногласия обусловлены довольно поверхностным знакомством участников с учением Григория Паламы о Божественной сущности и Божественных энергиях. Малков подробно рассматривает предлагаемые диспутантами разрешения спорных вопросов в свете православного учения о спасении и приходит к выводу, что имя Иисус так же, как и все прочие Божественные имена, не является ни Божественной сущностью, ни Божественной энергией, ни предвечным ипостасным свойством. Но раз оно не плод Божественной деятельности, то, значит, — результат деятельности человека. Имя Божие как икона — символ Божества, плод человеческого творчества, но символ не визуальный, а словесномысленный. Именно сравнение с православной иконой дает возможность понять спасительное значение учения о Божественных именах. Икона творится не Богом, а человеком, из вещества этого мира, и, значит, икона (как и имя Божье) может создаваться только после воплощения Сына Божия, а не существует предвечно. В изображении (произнесении) утверждается святость лица по усвоению, а не по явленной энергии. «В имени Божьем почиет Божество».

Религиозно мыслящие публицисты принимают участие и в обсуждении политического устройства мира, в частности проблем ***глобализации***. В общем контексте дискуссий о сочетаемости и несочетаемости разных цивилизаций, культур и религий **С. Удовик**, автор статьи **«Русская православная цивилизация: потери и приобретения»** («Трибуна русской мысли», № 2), соглашается с мнением американца С. Хантингтона. Прежде этот авторитетнейший политолог занимался проблемами демократизации стран, освободившихся от социализма, и называл себя демократизатором, теперь он стал цивилизатором, то есть классифицирует существующие цивилизации и рассматривает возможности их сосуществования. Так вот, наряду с западной и восточной Хантингтон как особую выделяет русско-православную цивилизацию. Удовик соглашается с этим, подчеркивает специальное значение ***ПРАВОСЛАВИЯ*** в «русскости» как таковой и приводит исторические доказательства. Так, важнейшая черта православия — софийность, т.е. премудрость и знание. София олицетворяет Бога в мире, отражает женское творческое начало. Она называется «художницей всего», созидающей мир по законам божественного ремесла, ограждая его от варварского и стихийного хаоса. Другие христианские вероисповедания — католицизм и тем более протестантизм не знают софиологии. Почитание Софии в Древней Руси было огромным, и митрополит Илларион («Слово о законе и благодати», XI в.) описывает крещение Руси как приход «Премудрости Божией». Современное политическое развитие мира также созвучно софийности. Сейчас настало время «умного государства», считает Удовик, и именно сейчас Россия должна стать становым хребтом (по Хантингтону — стержневым государством) русской православной цивилизации.

Сейчас, пожалуй, все российские политики признают Православие несущей опорой страны и ***основной идеологической силой***, способной сберечь Россию от распада. Церковь считают непременным атрибутом национальности и идеологическим инструментом, консолидирующим русский народ. Государство очевидно хочет использовать православную церковь для строительства постсоветского общества. Чтобы оценить перспективы и возможности этого православного проекта, **В. Кантор** (**«Русское православие в имперском контексте: конфликты и противоречия»** — «Вопросы философии», №7) подробно прослеживает в ретроспективе взаимоотношения русской церкви с русским государством. Автора интересует та сторона отношений, которая касалась созидания российской империи. А империя, по Кантору, «это борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры, с варварскими окраинами; она несет просвещение, устанавливает общую наднациональную цель». С самого крещения Киевская Русь стояла над конфессиональными спорами и выполняла экуменическую роль, мостя путь «из варяг в греки». Православная церковь решала одну из важнейших имперских задач — цивилизаторскую. Она просвещала полудикие славянские и финские племена, исправляя нравственный облик народа. Татаро-монгольское завоевание привело Русь к изоляции от Запада и в известном смысле национализировала веру, превратив ее в племенную. После избавления от ига, когда Московия начала расширяться, церковь стала помехой имперской экспансии князей. Иван Грозный восстал против вмешательства священства в дела царства, ибо считал, что всякое царство разоряется «еже от попов владомое». Борис Годунов искал контактов с остальным христианским миром, добился патриаршества для русской церкви (напрасно автор называет это автокефалией, ее русская церковь обрела за 140 лет до этого), расширив таким образом ее независимость от Константинополя. Но суверенность только возбудила националистический пафос русского православия. Раскол церкви в XVII в. создавал предпосылки для развала складывающейся империи. При Петре I стало очевидным напряжение между провинциализмом православия (идеология, институции) и имперским энтузиазмом России. Благодаря Петру Россия вернулась в Европу, но Православие к контактам с Западом оказалось не готовым. Церковь не приобрела вселенской широты и сути имперских задач не осознала. Она лелеяла надежду на националистически-православную контрреформу. Эту антипетровскую контрреформу осуществил Николай I, вследствие чего церковь стала носительницей принудительной официальной идеологии. «Вселенскость» империи вошла в противоречие с национализмом православия. Кантор полагает, что в начале XX века империю подорвал именно национализм православия. Церковь не могла воспитывать паству в христианском духе, потакая народному самомнению. И после революции «русский народ вдруг оказался нехристианским». Что же сейчас? Православие — объединительный символ. Все — за него, независимо от принадлежности к партиям. Но главная беда этого «религиозного возрождения» — в том, что никто не верит в Бога.

Запальчивая инвектива Кантора, видимо, больше вызвана необходимостью следовать правилам светской риторики. В Бога все-таки кое-кто верует, да и православные пастыри продолжают кропотливую работу спасительного про-

свещения. Так же, как и **Кирилл**, митрополит Смоленский и Калининградский, они уверены, что **«Русская культура не мыслима вне православия»** («Православная беседа», №3). А Православие не мыслимо вне нравственности. ***Состояние*** же ***нравственности*** свидетельствует о жизнеспособности общества. Причиной большинства несчастий эксперты называют пресловутый «человеческий фактор», то есть то, что касается непосредственно нравственной природы человека, самодисциплины, самоконтроля, самоограничения. Конечно, нравственности не обучишь, и внедрение религиозных образовательных программ в школе не гарантирует всеобщего морального здоровья. Однако введение в общеобразовательную государственную систему религиозно-нравственных дисциплин поможет остановить страшную тенденцию нравственного самоуничтожения общества. Возражая оппонентам, указующим на светскость государства и независимость школы от церкви, митрополит обращается к смыслу самого термина «светскость». Светский характер государства предполагает отсутствие клерикального вмешательства в политику, свободу граждан от юридической власти церкви, но не влечет за собой запрета религии как таковой. Мы живем в светском государстве — такова воля Божья. Но «нет власти не от Бога». На этом принципе основана социальная доктрина РПЦ. В нашем государстве школа отделена от церкви, но это не означает, что из школьных программ должна быть исключена религиозная тематика. Введение обязательного государственного стандарта по специальности «теология» предоставит учащимся право изучать религию изнутри, а не только с позиций атеизма. У них появится право выбора, которого не было прежде. Что касается предмета «Основы православной культуры», то знания, которые дает эта программа, небесполезны и для иудея, и для мусульманина, и для буддиста. Веротерпимость, стремление к взаимопониманию следует воспитывать и показывать на примерах. Иноверцы должны знать, что у православных есть общие с ними представления о добре и справедливости.

Более решительно настроен **В. Семенко**, автор статьи **«"Основы православной культуры" как альтернатива безбрежному постмодернизму»** («Трибуна русской мысли», № 2), который считает постмодернизм не только способом умозрения, стилем искусств или образом жизни, но и идеологическим концептом воинствующего либерализма, системно и сознательно разрушающим любую иерархию ценностей и ломающим религиозные и культурные нормы. По его мнению, либерализм особенно ясно проявил свою воинственность в критике школьного учебника А. Бородиной ***«Основы православной культуры»***. Так, некто Л. Пономарев, например, совершенно серьезно обвиняет автора учебника в уголовном преступлении (разжигание расовой и религиозной вражды), т. е. простое исповедание православной веры и любая апология ее являются для либерала уголовным преступлением. Сейчас, по мнению Семенко, русское православное большинство должно обнаружить в себе силу и волю власть имущего и, безбоязненно пользуясь ими, ввести курс «Основы православной культуры» в федеральный компонент образования.

Призыв к силовому разрешению конфессиональных проблем умиротворяет **М. Мчедлов,** предлагая вернуться в правовое поле. Статья **«Приоритет традиции или права?»** («Религия и право», № 2) посвящена вопросу мирного ***со-***

существования традиционных и нетрадиционных ***религий в пределах единого правового поля***. Труднее всего, по мнению автора, дать определение традиционной религии. Так например, если основным критерием считать давность существования, то для России традиционной религией является язычество. Наиболее подходящим критерием Мчедлову кажется все-таки степень воздействия данной религии на историю, социальную и духовно-культурную жизнь народа, на его ментальность, образ жизни, на становление государственности и национального самосознания, на личное и общественное поведение значительной части граждан. Конечно, в России таким требованиям отвечает Русская Православная Церковь. Но в нынешних условиях глобализации посильный вклад в оздоровление общества вносят и другие — «нетрадиционные» — религии. Во взаимоотношениях разных вероисповеданий и религий, как и в отношении между верующими и неверующими, необходимо реальное следование принципам терпимости. И в этой связи предположение об исключительности и превосходстве одной религии или вероисповедания над другими и, соответственно, полноценности одних граждан перед другими, кажется недопустимым. Мчедлов как философ хочет обратить наше внимание и на гносеологический аспект проблемы. По его соображениям, нельзя точно сказать, какая религия, культурно-этическая система истиннее, лучше, оптимальнее. Итак, да будет признание прав меньшинства священным, и никому никаких законодательных предпочтений.

М. Воробьева (**«На пути к диалогу: религиозный выбор России»** — «Религия и право», № 2) полагает, что многих россиян смущает неуклонное сближение Русской Православной Церкви (особенно ее верховных иерархов) с государственной властью. Акт веры теряет свою интимность, становится публичным, уподобляясь светским институтам. Это побуждает многих мыслящих людей усомниться в правильности пути, выбранного РПЦ, и заставляет искать истину в ***других религиях***. Часто в тех, которые называются «нетрадиционными». РПЦ же, как правило, всегда отмежевывается от иноверных и даже не пробует искать диалога с ними. Законодательство, признавая «особую» роль Православия в истории России, позволяет РПЦ претендовать на исключительность положения. Но традиция не должна быть навязана насильно, она должна рассчитывать лишь на добровольное признание своего превосходства. И причины того, что нетрадиционные религии преуспевают в проповеди, ортодоксам следует искать в собственных несовершенствах.

Несовершенства — вещь поправимая, однако самосовершенствование действенно, лишь когда есть, с кого брать пример. Для православных таким примером служат святые подвижники. **В. Воробьев** в статье **«Воздавая долг благодарности»** («Православная беседа», №3) пишет о современных ***проблемах канонизации святых***. Он входит в подробности определений Священного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. В советский период канонизация святых была приостановлена. Сейчас церковь вновь столкнулась с этой проблемой. Многие подвижники XVIII, XIX и начала XX веков были забыты, церковное почитание их в эпоху гонений оказалось невозможным — хотя бы потому, что почти не осталось ни печатных изданий, ни храмов, ни священников, которые способствовали бы сохранению народной памяти. Могилы подвижни-

ков были уничтожены, часто вместе с кладбищами. Особенно остро это касается почитания местных святых. Желательно это местное почитание возродить для общей пользы Церкви, воздавая Богу и святому естественный долг благодарности. Обыкновенно решение о канонизации принимается централизованно, на Архиерейском Соборе, но так подвижники прославляются к общецерковному, а не местному почитанию. Для последнего, по мнению автора, достаточно решения Священного Синода. Словом, в церковном праве необходимо усовершенствование и расширение процедурных возможностей канонизации.

Статья **А.Муравьева «Церковное право»** («Отечественные записки», № 2) знакомит читателей светского журнала с ***юридическим институтом христианства***. Церковное право регулирует внутреннюю жизнь церкви и отношения ее с государством. В западной юридической традиции церковное право разнится с каноническим. Последнее подразумевает свод законов церковных по происхождению, но не исключительно церковных по содержанию. Церковное право регулирует церковную жизнь законами как церковного, так и светского происхождения. Православная церковь, наследовавшая свои юридические нормы от Византии, где законы издавались сообща басилевсами и святыми отцами, каноническое и церковное право отождествляет. Каноническое право зиждется на богословском фундаменте — это экзегетическая традиция Священного Писания (толкование), учение о Церкви (экклесиология) и богослужебная традиция. Церковное право связано со святоотеческим Преданием, церковной историей и церковной практикой (аскетически-нравственный опыт и пастырская деятельность). Канон — правило христианской жизни. По значению власть канона выше власти епископа, но ниже власти Собора. В применении канонов возможны две практики: строгая (акривия) и снисходительная, «по усмотрению» (экономия). По способу своего действия каноны условно делятся на абсолютные, имеющие непререкаемый и вневременной статус, и относительные, предмет и действие которых связаны с конкретной исторической ситуацией. По содержанию каноны относятся к организации жизни Церкви (созыв соборов, установление власти епископов), к защите Церкви от ересей и расколов, к вопросам регулирования состава клира (правила рукоположения в духовные степени и извержение от сана), к правилам регулирования жизни христиан (брак, крещение, смерть) и к церковным наказаниям. Свод канонического права начал собираться в V веке. Основным сводом законов для славянских народов стала «Алфавитная синтагма» (1335 г.), труд византийского канониста Матфея Властаря. Главным источником канонического права на Руси с XII века служит «Кормчая книга» Саввы Сербского. В 1551 г. Стоглавый собор внес в нее много важных церковных постановлений. В ходе разрушительных реформ XVII в. патриарх Никон подверг «Кормчую» ревизии. Старообрядцы ее не приняли и до сих пор пользуются «Кормчей» редакции 1649 г. («Иосифова Кормчая»). Упразднение Петром I патриаршества повлекло многочисленные нарушения древних законов. Новый порядок устанавливал «Духовный Регламент» Феофана Прокоповича. С середины XIX века церковь руководствовалась «Уставом Духовных Консисторий», а с начала XX века — «Церковным Уставом 1918 года. «Устав 1945 года» ориентировался на советские реалии, хотя формально был преемником «Устава 1918 года». Уставы 1988 и 2000 гг. закре-

пили положение, созданное в советское время. Сегодня разные юрисдикции православия соотносят себя с разными каноническими корпусами: Зарубежная и Американская — Консисторскими правилами и Указом Патриарха Тихона, старообрядческие церкви — «Кормчей книгой», решениями Стоглавого Собора, «Поморским Уставом».

Те же «Отечественные записки», № 2, для сравнения приводят сведения и об ***исламском праве*** (**Л. Сюкияйнен «Шариатское правосудие: теоретические основы и практика»**). Мусульманские юристы так же, как и христианские, основывают свое правосудие на Священном Писании (Коран) и Священном Предании (сунна и хадисы). Вершат суд шариатские судьи — кади. На эту должность назначаются дееспособные мужчины-мусульмане. Судья должен обладать ясным умом и проницательностью. В идеале он должен глубоко знать шариат (правовые каноны), чтобы осуществлять иджтихад, т.е. самостоятельно выносить решения по вопросам, не урегулированным Кораном и сунной, на основе рациональных источников мусульманского права (фикх). По ходу истории сложилась иерархическая система институтов шариатской юстиции. Первая официальная кодификация мусульманского права произошла во второй половине XIX века. Тогда же был взят курс не замену шариата законодательством на манер европейского. Это привело к тому, что в наиболее развитых мусульманских странах принципиально изменилась роль шариатского суда. Его юрисдикция стала ограничиваться рассмотрением вопросов личного статуса мусульман (имущественные и брачно-семейные отношения, наследство, опека и попечительство и т.п.). Но принципы шариатского правосудия продолжают оказывать разное в разных странах влияние на судебные системы. Эти принципы частично действуют и в тех странах Азии и Африки, где мусульмане составляют меньшинство. Такая практика мусульманского права в неисламских странах может, по мнению Сюкияйнена, оказаться полезной и для современной России. Все попытки возрождения шариата в исламских регионах (Чечня, Дагестан) были до сих пор неудачны, ибо противоречили не только законодательству России, но и ключевым принципам исламского правосудия.

Журнал «Религия и право», № 2, предоставил своим читателям счастливую возможность услышать голос «Бога Живаго» — **Марии Дэви Христос**, называющей себя «Мессией и Спасителем эпохи Водолея», который хочет «восстановить на Земле Божественный закон и порядок во всем и напитать все живое своим благодатным светом». Лидер ***Белого Братства*** свершает божественно-космическую программу Юсмалос (Световая программа спасения мироздания, где светом называется особая энергия в божественной системе мироустройства), поэтому весть о конце света, приписываемая «Матери Мира» досужими журналистами, — просто абсурд. В заповедях своих она держится лучших образцов и следует Ветхому Завету. Однако, принимая во внимание немощность нашего с вами разумения, исправляет лаконизм Божественного Откровения, дополняя его аллюзиями из Нового Завета и Новейшего — от самой себя. В интервью о себе она говорит в третьем лице. Волею обстоятельств спасительница Вселенной, пришедшая в мир под именем Марины Цвигун, является гражданкой Украины. Тамошнее правительство за Бога ее не признает и

Великое Белое Братство регистрировать как религиозную организацию не желает. О количестве последователей Братства сказать трудно, никакого учета и записей не ведется. Но по виртуальным сведениям (сайт в Интернете), таковых аж две с половиной тысячи. Реальные последователи на Украине подвергаются дискриминации, что вынуждает «Спасительницу Вселенной» обращаться за помощью в комиссариат ООН по правам человека, откуда правительству Украины и шлют грозные ноты.

Д. Лобов в статье **«Число зверя»** («Православная беседа», №3) успокаивает сограждан, недавно встревоженных необходимостью получить ***идентификационный номер налогоплательщика*** (ИНН). Лобов излагает толкования отцов Церкви на тот стих Апокалипсиса, где упомянуто пресловутое число (Гл.13, ст.16-18). Вообще такие толкования весьма малочисленны, что, вероятно, обусловлено общим церковным отношением к нему как к книге чрезвычайно сложной и таинственной. Даже за литургией она никогда не читается. Лобов выделил два главных подхода к толкованию. Первый интерпретирует число 666 как символ. Так, Ориген (II-III вв.) считал число это символом отступничества(апостасии): каждая из шестерок указывает на восстановление отступничества антихриста, которое было в начале, в середине и будет в конце времен. Число зверя можно рассматривать и как многослойный символ. Это и временные отрезки преисполненные беззакония, и размеры «полноты беззакония». Другой подход рассматривает число зверя как шифр: в трех шестерках скрыто имя собственное или имя нарицательное. В результате различных арифметических действий (буквам многих древних алфавитов соответствовали определенные цифры) Ириней Лионский (II в.), например, наиболее вероятными считал зашифрованное слово Титан или Латинос (латинянин). Ипполит Римский (II-III вв,) в числе зверя прочитывал фразу «я отвергаю», т. е. отвергаю Бога Распятого на Кресте. Сам автор Апокалипсиса Иоанн Богослов в своем Соборном послании говорит об антихристе во множественном числе, подразумевая еретиков-гностиков, искажающих христианскую веру. Иоанн Златоуст (IV в.) отвергает всякие попытки разгадать число зверя, поскольку подобного рода «любознательность» приносит лишь вред духовный. А Епифаний Кипрский (IV в.) не почитает нумерическое изображение имени как скверну: число шесть он рассматривает как достохвальное, ибо за шесть дней по Библии сотворен мир, на шестой день сотворен человек, в шестой месяц был послан к Деве Марии архангел Гавриил, именно из шести букв состоят святые для христиан имена Адонай, Саваоф, Иисус (по-гречески).

Обзор подготовил Александр Денискин

Валерий СОЙФЕР

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

11. Были ли использованы какие-либо краски для нанесения изображения на плащаницу?

Существует единственное сообщение, в котором безапелляционно утверждается, что Туринская плащаница — результат работы художника, расписавшего ткань красками. Это письмо епископа французского города Тура Пьера д'Арси, написанное 600 лет назад — в 1389 году[66]. Однако в нем нет ничего доказательного. В остальных многочисленных выступлениях на этот счет содержатся утверждения не столь категоричные: в них высказываются догадки, сомнения, подозрения, но не более. Одно из таких сомнений высказано в книжке Т. Хамбера, опубликованной в 1977 году. Автор ссылается на то, что в средневековой Европе демонстрировалось по крайней мере 43 «истинных плащаницы», часть которых была с изображением Христа, а часть без Него[67]. Поэтому столь важно было, используя самую совершенную технику сегодняшнего дня, выяснить досконально, не нарисовано ли изображение на плащанице, имеются ли на ее поверхности какие-либо красители.

Проведенные исследования показали, что никаких красок — ни минеральных, ни химических — на плащанице нет.

Прежде всего с помощью микроскопии была изучена ткань и все, что на нее налипло. Было найдено, что нити, из которых состоит ткань, в основном имеют диаметр, равный 0.15 миллиметра. В свою очередь, эти нити спрядены из волокон льна диаметром от 10 до 15 микрон. Под микроскопом было видно, что в большинстве изученных участков изображения никаких частиц краски, налипших на нити, нет, а просто в области изображения цвет льняных волокон несколько более темный — не белого, а желтого цвета, причем в участках более плотного изображения число таких пожелтевших волокон, приходящихся на единицу площади, было бóльшим.

Микроскопический анализ помог в разрешении еще одной загадки. Когда Роджер и Мария Гильберты настроили свой прецизионный прибор для изучения спектра отражаемого от плащаницы света и принялись методично просматривать ткань участок за участком, они неожиданно зарегистрировали загадочный спектр в области отпечатка стопы ног, особенно в районе пяток. Везде на изображении спектры были в общем однотипными, а здесь самописцы прибора вырисовывали непонятные кривые.

---

* Окончание. Начало см. в № 117.

[66] Письмо приведено в книге И. Уилсона, сноска 35, с. 306.

[67] *T. Humber.* The Sacred Shroud. New York. Pocket Books, New York, 1977.

Перед плащаницей был укреплен микроскоп, способный перемещаться над нею. Спектроскописты решили позвать на помощь Самюэля Пелликори и попросить его рассмотреть более внимательно этот участок. Вдруг здесь есть вещества со специфическими спектрами. Пелликори навел на это место микроскоп и увидел, что в пространстве между нитями действительно виднеются прилипшие частицы, похожие на уличную грязь. Расположение этой грязи было показательным. Нигде на плащанице таких частиц не обнаружили, а здесь все было очень похоже на то, что посторонние частицы попали на ткань с босых ног распятого. Глазом их не было видно, а под микроскопом они различались вполне четко. Именно они и искажали спектр отраженного света.

Позже, при более детальном изучении ткани под микроскопом, частицы грязи были найдены не только в области изображения пяток и ступней, но и на одном колене и на кончике носа. В последних двух случаях удалось разглядеть следы крови, смешанной с пылью[68], что могло означать одно: человек, отобразившийся на плащанице, падал незадолго до смерти, разбил колени и расцарапал нос, но, видимо, он не мог даже стереть грязь с носа. Очевидно, руки его были чем-то заняты.

Но вернемся к рассказу о поисках следов красителей на плащанице. Важнейшим моментом, доказанным в ходе этого исследования, было то, что на большинстве просмотренных точек изображение не переходило на обратную сторону ткани. Нигде, кроме небольшого числа участков вытекшей крови, просмотренные нити не были слипшимися или сцементированными какими-либо веществами или проникшими внутрь ткани жидкостями, наложенными извне. Более того, при увеличении в 50 раз было обнаружено, что желтые волокна льна, формирующие изображение, находятся только в наружном тончайшем слое поверхности ткани, причем в каждой из нитей эти волокна не уходят вглубь на расстояние, превышающее толщину двух-трех волокон[69].

Выше я упоминал о работе Макса Фрея, который собрал образцы пыли, прилипшей к поверхности плащаницы, и идентифицировал пыльцу 49 видов растений[70]. Аналогичный метод сбора образцов с поверхности плащаницы с помощью липкой ленты был использован и в 1978 году. Роджерс и Динегар применили специальный валик, которым прикатывали ленту к поверхности плащаницы. Но в отличие от М. Фрея авторы добились одинаковой силы касания валика к ткани и к тому же смогли максимально снизить эту силу. Валик позволял осторожно отделять ленту, не повреждая нитей и не отрывая окрашенные волокна, вплетенные в нити, слагающие ткань. Только те из них, которые уже лежали свободно на ее поверхности, были собраны на липких лентах.

---

[68] *J. H. Heller*, см. сноску (63), pp. 112 и 152.

[69] Этот вывод был сделан еще участниками второй Комиссии по изучению Плащаницы (см. сноску /8/; доклад С. Курто, с. 59). На данном этапе исследований было подчеркнуто, что липкие ленты отделяются от ткани несколько легче в участках с изображением, чем в участках чистой ткани, что по-видимому объясняется ослаблением прочности льняных волокон и их большей растяжимостью в зоне изображения.

[70] *M. Frei.* Naturwiss. Rundshau, 1979, 32, S. 133.

Исследователи отметили, что на участках плащаницы, не несущих изображения, содержится больше посторонних частиц — таких, как обломки тела насекомых, пыльцевые клетки, мельчайшие капельки воска от свечей, шерстяные и шелковые волокна, занесенные откуда-то извне, а также волокна современной синтетической пряжи и др. Кроме того, они подчеркнули, что льняные волокна в зоне изображения (желтые волокна) не так прочны, как волокна нитей вне зоны изображения.

В целом с помощью липкой ленты было получено 32 образца, каждый площадью 5 квадратных сантиметров. Результат их исследования был однозначным — никаких следов краски, наложенной на ткань, замечено не было[71]. Получалось, что единственный элемент, образующий изображение, — это пожелтевшие (или побуревшие) поверхностные льняные волокна, расположенные только с одной — наружной стороны ткани. Обратная сторона ткани осталась белой.

Тем не менее один из американских ученых оспорил и продолжал оспаривать до смерти в прошлом году вывод об отсутствии красок на плащанице. Это был руководитель коммерческой лаборатории из Чикаго Уолтер МакКроун. Свою лабораторию он называл просто: Институт МакКроуна. В 1974 году этот ученый приобрел широкую известность благодаря выполнению одного тонкого анализа. В то время внимание историков привлекла неожиданно найденная карта американского континента, датированная 1440 годом. Получалось, что Америка была открыта не 12 октября 1492 года Христофором Колумбом, а другим (европейским?) мореплавателем, составившим эту карту почти на полстолетия раньше. МакКроун исследовал ничтожную по массе частицу выцветших чернил этой карты и якобы обнаружил в их составе вещество, синтезированное лишь в 1920 году. Это привлекло к МакКроуну внимание, и неудивительно, что к нему обратились члены STURP с предложением включиться в их работу. Ему были посланы почти все образцы липких лент.

Примечание 2003 года: *В 2002 г. Джефф Мессенджер заявил: «Уолтер МакКроун многим кажется подозрительным ученым. Его претензия на славу, основанная на развенчании «Винлэндской Карты», найденной в Йеле [учеными из Йельского университета. — В. С.], сейчас многими оспаривается. Ученые в настоящее время заявляют, что его анализ частиц на этой карте был ошибочным». (См. Jeff Messenger. More on the «Mysterious» Shroud. http://www.thevoicenews.com/News/2002/0614/In_Response/005.htmlCopyright©2003).* После непродолжительного анализа частиц с плащаницы МакКроун сообщил свое мнение. Он уверенно заявил, что на всех образцах нашел частицы красного цвета, состоявшие из окиси железа, входящего в состав природного пигмента гематита (или красного железняка), которым, по его мнению, неизвестный художник нанес рисунок на плащаницу. МакКроун даже назвал метод «живописи»: втирание гематита в ткань пальцами.

Когда МакКроун доложил об этом членам STURP, собравшимся на первое научное совещание по подведению итогов работы в Турине, все были ошеломлены. На докладчика обрушился град вопросов:

— Доктор МакКроун, как вы узнали, что эти красные частицы — окись железа?

— У меня есть опыт по этой части.

---

[71] *J. H. Heller* (см. сноску 63 к наст. изд.), pp. 120-148.

— Вы исследовали их химически?

— Нет, я не делал этого. У меня есть опыт по этой части. Кроме того, они обладают двойным лучепреломлением[72].

Когда же МакКроуна спросили, как он может объяснить противоречащие его выводу данные физических измерений, он ответил с вызовом в голосе:

— Они должны быть ошибочными.

В таком духе продолжалось и дальше, пока, наконец, его не спросили в лоб:

— Означает ли это, что вы, всего лишь глядя в микроскоп и не проводя специфических исследований на окись железа, беретесь заявлять, что это — рисунок?

На это МакКроун произнес «Да!» и, резко повернувшись, покинул зал[73]. С тех пор он, несмотря на настойчивые приглашения членов STURP и невзирая на перенос, по его же требованию, дат созыва конференций STURP, игнорировал встречи участников Проекта, На некоторых других конференциях он, однако, появлялся и кратко выступал, категорически отстаивая свое особое мнение, но ни разу так и не привел ни одного нового экспериментального или теоретического результата (см., например, журнал Current Anthropology, June 1983, v. 24, No. 3, p. 298). Свое особое мнение он излагал необычным для ученых способом. При его непосредственном участии издавался маленький журнальчик под названием «Микроскоп». Статьи в нем не подвергались объективному и строгому рецензированию (peer-review), как это принято делать во всем мире. Изданные крохотным тиражом, выпуски этого журнала, в общем, не были известны ученым (он практически не поступал в библиотеки даже крупных американских университетов, не говоря уже о публичных библиотеках США и Европы), но в то же время сам МакКроун мог теперь ссылаться на то, что свое мнение он высказал публично, в печатном виде[74].

Вывод МакКроуна о том, что плащаница — это подделка средневекового умельца, втершего гематит в ткань, сыграл тем не менее свою роль. Теперь члены STURP резонно расценили, что дело их чести доказать ошибочность позиции МакКроуна. Сам того не ожидая, МакКроун подхлестнул работу ученых.

Естественно, что главное внимание было обращено на анализ всех частиц, обнаруженных на ткани. Их исследовали микроскопически, спектрофотометрически, химически, на них воздействовали растворителями, ферментами, их изучали с помощью рентгеновой радиографии. Работа была огромной по масштабам и скрупулезной по исполнению. Лишь спустя много месяцев ученые смогли уверенно заявить, что вывод МакКроуна не обоснован.

Многие факты говорили о том, что железо никакого участия в формировании изображения не принимало. Да и посторонние частицы имелись не всюду на изображении, как уверял МакКроун, а только в тех местах (например, на животе и коленях), где остались следы от воды, возможно, попавшей на ткань во время тушения пожара 1532 года[75].

---

[72] Ibid., p. 140.

[73] Ibid., p. 141.

[74] *W. C. McCrone.* Microscope, 1980, 28, 115; W. C. McCrone, C. Skirius. Microscope, 1980, 28, 105.

[75] См. *J. H. Heller* (сноску 63 наст. изд.), p. 194 и 213.

Разобрались и в происхождении этих частиц. Красные шарики оказались продуктами распада гемоглобина крови и выхода из него атомов железа с их последующим окислением[76]. Уверенность в этом пришла, конечно, не сразу. Но постепенно все сошлись на том, что именно такая цепь событий привела к появлению большей части красных шариков.

Согласиться с данным выводом помог, в частности, следующий случай. Однажды Хеллер, просматривая образцы под микроскопом, увидел нечто невероятное. Красные шарики лежали не снаружи тканей, а внутри некоторых клеток, слагавших льняные волокна. Хеллер вспоминал, как он опешил, когда впервые убедился, что стенки этих клеток нигде не повреждены, а тем не менее во внутренних их полостях отчетливо различимы гранулы, похожие на шарики окиси железа. Как они там могли очутиться? Ведь это было, по его словам, равносильно тому, что из расщепленного стебля бамбука, до этого полого и невредимого, вдруг посыпались бы кусочки мрамора.

После некоторого раздумья друг Дж. Хеллера — А. Адлер нашел ответ, и специальные опыты помогли разрешить загадку[77]: атомы железа, сразу после выхода из гемоглобина, проникали с водой внутрь клеток льняных волокон, а там уже переходили в окисленное состояние. Таким образом, красные шарики оказались вовсе не мелко диспергированным гематитом, как считал МакКроун. Кроме того, часть шариков не содержала окиси железа, а являлась обломками клеток крови (см. следующий раздел)[78].

Еще один аргумент против отождествления шариков с гематитом был получен при тщательном анализе атомарного состава шариков. Хорошо известно, что любые природные красители, включая гематит, содержат примеси марганца, кобальта, никеля, алюминия, мышьяка, олова, свинца, магния и других атомов. Однако в красных шариках их в нужных для гематита пропорциях не нашли.

Не удалось выявить и сред, в которых в Средние века и ранее размешивали природные пигменты и красители[79] — яичный белок, животный коллаген или желатин, рыбий клей, растительный гуммиарабик и другие пигментные основы[80]. Отрицательными оказались тесты на наличие нитрогрупп, фенольных групп, стероидов и лигнина.

МакКроун и его ученик Скириус заявили также, что они нашли в девяти случаях частицы, содержащие другие минеральные пигменты, такие, как ультрамарин или азурит, древесный уголь, красильную марену, а также несколько большее количество частиц, несущих киноварь[81].

Хеллер и Адлер тщательно перепроверили этот вывод. Еще до начала своих поисков они твердо заявили, что ничтожно малое количество частиц такого

---

[76] Ibid.

[77] Ibid., pp. 178-180 и 190.

[78] *J. H. Heller, A. D. Adler.* Blood on the Shroud of Turin. Applied Optics, 1980, vol. 19, no. 16, pp. 2742-2744.

[79] *J. H. Heller, A. D. Adler.* A chemical investigation of the Shroud of Turin. Canadian Forensic Society Scientific Journal (J.Forensic Sci.), 1981, vol. 14, no. 3, pp. 81-103.

[80] *L. A. Schwalbe, R. N. Rogers* (см. сноску 60 наст. изд.), p. 3.

[81] *W. C. McCrone, C. Skirius.* Microscope, 1980, 28, 105.

состава не может быть ни в коем случае использовано для подкрепления тезиса о том, что изображение все-таки выполнено с применением красителей, а что все указанные частицы могли попасть на плащаницу случайно за то долгое время, пока ткань существует, причем часть из них могла попасть на ткань во время работы художников, перерисовывавших изображение с плащаницы на иконы и холсты[82]. Закончив перепроверку, они высказались еще более категорично: «Мы исследовали каждый тип частиц, который смогли найти, и исследовали их химически, но не смогли подтвердить ни одно из его (МакКроуна) наблюдений»[83].

Хеллер и Адлер проделали также другой эксперимент. Они попытались обесцветить льняные волокна желтого цвета так, как обесцвечивают окрашенные искусственные волокна, то есть подвергли их действию сильных кислот, сильных щелочей, ряда органических растворителей, таких, как этиловый и метиловый спирт, тетрахлористый углерод, бензол, пиридин, этилацетат и ацетон. Никакого эффекта на цвет волокон эти вещества не оказали. Безуспешными остались и попытки убрать окраску с побуревших (желтых) волокон с помощью сильных окислителей (например, перекиси водорода), хотя сильные восстановители (диимид и гидразин) все же слегка обесцветили их. Тем не менее это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило с обычными красителями. В целом же нельзя было не признать, что если бы изображение было результатом нанесения красок, то большинство перечисленных выше веществ обесцветило бы взятые волокна[84].

Однако, учитывая, что со времени возникновения изображения прошло по крайней мере много сотен лет, можно было предположить, что красители за это время сильно модифицировались, частично улетучились или проникли внутрь льняных волокон (импрегнировались) за счет обмена атомами. Чтобы выявить красители в таком состоянии, методов микроскопии было уже недостаточно и следовало применить более изощренные приемы, позволяющие заметить буквально отдельные молекулы красителей.

С этой целью были применены масс-спектроскопия, лазерная рамановская спектроскопия (или, как принято называть этот метод в отечественной литературе, — исследование комбинационного рассеяния света, индуцированного лазерным источником), инфракрасная спектроскопия. В частности, установка для масс-спектрометрии была наиболее чувствительным методом для выявления органических соединений, то есть соединений, содержащих в своем составе атомы углерода, водорода, кислорода и азота. Установка к тому же была столь чувствительна, что легко выявляла даже старение нитей (иными словами, она позволяла заметить эффект изменения одних и тех же молекул целлюлозы в результате хранения тканей, в течение, возможно, двух тысяч лет).

Для анализа взяли обрывки нитей, собранные на липких лентах, а также несколько нитей, вытянутых из ткани плащаницы с согласия ее хранителей, как в участках изображения, так и вне их[85].

---

[82] *J. H. Heller, A. D. Adler* (см. сноску 79 наст. изд.).

[83] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 196.

[84] Ibid., c. 199-200.

[85] *P. Caramello, J. Cottino, E. Dolorensi* (см. сноску 8 наст. изд.), p. 19.

Указанные методы позволили дать четкий ответ на поставленный вопрос: «Никаких чужеродных веществ на волокнах в зоне изображения не выявлено»[86].

Одновременно с этим для регистрации краски, возможно, состоявшей из неорганических соединений, была использована методика узкофокусной рентгеновой флуоресценции. Примененная установка позволяла детектировать элементы с атомными числами, большими 16 (т. е. практически все элементы, имеющиеся в природе, т. к. атомные числа меньше 16 есть лишь у шести атомов — водорода, лития, бериллия, бора, углерода и азота). Но и неорганических, в большинстве своем минеральных красителей в зоне изображения не нашли[87].

Известно, что в состав природных красителей всегда входят атомы тяжелых металлов. Существует метод обнаружения мельчайших следов этих металлов — рентгеновая радиография низких энергий. Р. Маттерн и его коллеги использовали этот метод и получили радиографы со всей поверхности плащаницы с помощью установки Baltograph 5-50. Установка позволила легко заметить незначительные колебания в плетении ткани в разных участках, но не выявила никаких следов тяжелых металлов[88].

Против предположения о возможности «изготовления рисунка» на ткани говорили и расчеты Рэя Роджерса. Он определил, что во время пожара 1532 года перепад температур от внешней поверхности ковчега, в котором хранилась плащаница, до внутренней его части составил 700°: от 900° до 200°. Если бы на ткани имелись неорганические красители, то при такой температуре, особенно вблизи ожогов, они бы «прикипели» к волокнам пряжи и зафиксировались. Их нельзя было бы отмыть ни при стирке, ни при вымачивании. Они бы непременно были замечены при таком тщательном анализе, который был осуществлен в 1978 году. Однако никаких «прикипевших» частиц краски не обнаружили.

И совсем легкой задачей было выявление органических носителей краски. Яичный белок, желатина, молочный жир, сыворотка, масла и другие органические вещества при тех температурах, какие были во время пожара, непременно бы побурели, особенно вблизи прожженных серебром мест, и стали бы легко заметными. Отсутствие побурения говорило само за себя[89].

Полезную информацию получили также при исследовании следов от воды, которой, видимо, поливали ларь и хранившуюся в нем ткань во время пожара 1532 года. На ткани было несколько таких пятен с разводами, но ни в одном из них изображение не было растворено или размыто, нигде (кроме нескольких небольших участков, содержавших следы крови, — см. о них ниже) не было отмечено, что миграции воды через ткань препятствовали какие-либо химические вещества[90].

---

[86] *L. A. Schwalbe, R. N. Rogers* (см. сноску 60 наст. изд.), p. 14.

[87] *R. A. Morris, L. A. Schwalbe, R. J. London.* X-ray fluorescence investigation of the Shroud of Turin, *X-ray Spectrometry*, 1980, v. 9, 2, pp. 42-47.

[88] *R. W. Mottern, R. J. London, R. A. Morris.* Radiographic examination of the Shroud of Turin—A preliminary report. Materials Evaluation, 1979, vol. 38, no. 12, pp. 102-125.

[89] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 84-85.

[90] *L. A. Schwalbe, R. N. Rogers* (см. сноску 60 наст. изд.), p. 24.

Кстати сказать, это заключение было очень важным для понимания еще одного из вопросов, связанных с природой появления изображения. Как показали исследования, капиллярность ткани не была нарушена на всей ее поверхности, так как нигде, кроме участка изображения волос, не было обнаружено масел и других веществ, нарушающих капиллярные свойства льняных волокон. Если бы изображение было нарисовано жидкими красками, то они неминуемо должны были проникнуть внутрь ткани. То, что окрашенными оказались только поверхностные волокна, безусловно отвергало идею об использовании красок на жидкой основе[91].

12. Чем же образовано изображение на ткани?

Когда после стольких трудов, потраченных на опровержение гипотезы об умелом художнике, якобы расписавшем тончайшими красками плащаницу, стало совершенно ясно, что никаких красок на ее поверхности нет, вопрос о природе изображения приобрел особую остроту. Ведь от того, что все химические и физические тесты дали отрицательный ответ, задача нисколько не прояснилась. Изображение существовало, его можно было потрогать, разглядеть, анализировать, отметить на нем участки с различной плотностью. Это был не мираж, не обман больного воображения. Теперь наступал решающий момент. Нужно было понять, что же образует рисунок на ткани, как он мог возникнуть, почему оказался таким долговечным.

Благодаря использованию все тех же могучих средств физического и химического исследования, на многие из этих вопросов впервые удалось получить ответ. Мы уже знаем — изучение поверхности волокон показало, что природа изображения проста. В тех местах, где на ткани был «рисунок», цвет льняных волокон изменился. Из нормальных белых эти волокна стали желто-коричневыми. Плащаница как бы вобрала в себя рисунок. Узор, составленный из потемневших волокон, и давал изображение — там, где число побуревших льняных волокон на единицу площади было больше, там и плотность изображения оказывалась выше.

В потемнении волокон льна также ничего загадочного не было. В их состав входила целлюлоза: та же целлюлоза, которая формирует оболочки клеток любых растений — от водорослей до гигантских секвой.

То, что целлюлоза при длительном хранении окисляется и темнеет, известно каждому. Побуревшие от времени срезы пней, почерневшие срубы вековых изб с детства знакомы нам. Не менее хорошо известно и то, как при нагревании древесина сначала желтеет, потом становится золотисто-коричневой, потом все более и более темной и, наконец, чернеет, сгорая в уголь. И здесь также происходит, наряду с другими процессами, окисление целлюлозы.

Вот такую окисленную целлюлозу и помогли обнаружить на поверхности плащаницы точные методы физики и химии. Измерения, проведенные с помощью разных приборов, дали один и тот же результат, гласивший, что изображение сформировано льняными волокнами, в которых потемнела целлюлоза.

---

[91] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 113.

Рассказать подробно о всех таких измерениях здесь невозможно. Приведем лишь несколько наиболее показательных результатов. Например, снова были использованы разные методы анализа спектров отраженного света. Так, инфракрасным светом разных длин волн осветили участки плащаницы с изображением. Для каждой длины волны было зарегистрировано свое отражение[92]. Когда составили график такого отражения, отложив по оси абсцисс длины волн света, направленного на ткань, а по оси ординат величину отражения, то получили сложную кривую со многими острыми пиками и впадинами.

Затем взяли чистую льняную ткань, нагрели ее при высокой температуре до такого состояния, чтобы цвет ткани стал похожим на цвет изображения на плащанице, и снова применили инфракрасный свет. Источник такого света навели на искусственно побуревшую ткань и измерили отражение при тех же длинах волн, как и от участков с изображением на плащанице. Снова была получена кривая со многими пиками и падениями.

Дж. Ацетта и Дж. Баумгарт, проделавшие такой опыт, нанесли обе кривые на один график. Вот тогда и стало ясно, насколько близкими оказались свойства обеих тканей. Кривые практически совпали.

Таким образом, можно было думать, что изображение на ткани появилось так же, как возникает след от перегретого утюга на белоснежной сорочке. Правда, аналогия с утюгом кажется чересчур уж грубой. Но вот одна интересная деталь. Ее обнаружили при изучении все тех же, много раз упоминавшихся, следов пожара 1532 года. Эти следы были в основном двух типов: прожженные насквозь участки, края которых были обуглены, и более умеренные подпалины, в которых цвет льняной ткани был изменен, но ткань осталась целой. Цвет подпалин был довольно близок к цвету изображения. И вполне понятно, что многие физики воспользовались такой «естественной моделью» для всевозможных измерений. Так же поступили и Ацетта с Баумгартом[92]. Они направили луч инфракрасного излучателя на участки подпалин, сняли спектр отраженного света при тех же длинах волн, как и ранее, и нанесли график на прежний рисунок. Изгибы этой кривой почти полностью повторили изгибы кривых отражения инфракрасного света как от участков с изображением, так и от нагретой до побурения льняной ткани.

Такое совпадение сразу по нескольким десяткам пиков и падений, конечно, не могло быть случайным. Обоснованность вывода о том, что изображение возникло из-за опаления поверхности волокон на ткани, стала очевидной.

Еще большее совпадение свойств подпалин и изображения было замечено при исследовании отражения ультрафиолетового и видимого света. Супруги Гилберты, анализировавшие такое отражение при использовании широкого диапазона длин волн (от 250 до 750 нм), направляли свет на ткань, увеличивая каждый раз длину волн всего на 5 нонаметров[93]. Таким образом они смогли сравнить между собой данные восьми тысяч измерений. И при всех длинах волн отражение света как от участков с изображением, так и от подпалин практически совпало.

---

[92] *J. S. Acetta, J. S. Baumgart.* Infrared reflectance spectroscopy and thermographic investigations of the Shroud of Turin, Applied Optics, 1980, vol. 19, no. 19, pp. 1921-1929.

[93] *R. Gilbert, M. Gilbert* (см. сноску 59 наст. изд.), pp. 1933-1934.

Информация, полученная при сравнении свойств изображения и подпалин, оказалась, таким образом, очень ценной. Основные параметры целлюлозы в обоих случаях были близки. Такое совпадение позволило Джамперу и Маттерну заявить, что последствия пожара, считавшегося многими прискорбным несчастным случаем, на деле принесли неоценимую пользу для понимания свойств изображения на плащанице. «Ирония судьбы, — писали они, — заключалась в том, что эти повреждения, особенно в области изображения, позволили высказать соображения о химической природе изображения, в частности, было укреплено мнение, что изображение не могло быть получено путем известных человечеству методов живописи»[94].

В совокупности все проведенные измерения позволили убедиться в том, что изображение на Туринской плащанице образовано более темными волокнами льняных тканей, в которых изменила свой цвет целлюлоза.

Такое объяснение впервые прозвучало еще в 1966 году в работе Дж. Эш[95], а позже содержалось в докладе Р. Роджерса, сделанном в 1977 году на Американской конференции по исследованию Туринской плащаницы[96]. Когда же был завершен цикл измерений, проводившихся группой STURP в Турине в 1978 году, большинство ученых согласилось с таким объяснением как с единственно возможным.

Что же творилось с целлюлозой, когда она темнела? Последнее происходило из-из того, что целлюлоза меняла свою химическую структуру. Как хорошо известно, целлюлоза — это полимерный материал, содержащий в своем составе огромное число сцепленных воедино остатков молекул сахаров. Под действием тепла, ярких обжигающих вспышек света, кислот, щелочей, других сильных восстановителей и окислителей, так же как при длительном хранении, целлюлоза теряет часть атомов, в основном кислорода и водорода. Этот процесс может быть назван дегидратацией, т. е. потерей воды. Он сопровождается пожелтением целлюлозы и потерей ею прочности[97].

Была выявлена и химическая природа такого процесса, в ходе которого, как было установлено, появляются свободные карбоксильные и карбонильные группы, радикалы, возникают двойные связи и образуются условия, при которых меняются конформационные свойства молекул целлюлозы и ее производных[98].

Правда, надо подчеркнуть, что безотносительно к плащанице эти процессы трансформации свойств целлюлозы до сих пор досконально не изучены и многое остается в области гипотез. Тем не менее известно, что в результате

---

[94] *E. J. Jumper, R. W. Mottern* (см. сноску 62 наст. изд.).

[95] *G. Ashe.* Sindon, 1966, v. 15, p. 15.

[96] *R. H. Rogers.* Chemical considerations concerning the Shroud of Turin. In: Proceedings of the 1977 United States Conference of Research of the Shroud of Turin, Holy Shroud Guild, Bronx, New York, 1977, p. 131.

[97] *E. Ott, H. M. Spurlin, M. W. Grafflin.* High Polymers, vol. V, 2nd edition, part 1, Cellulose and Cellulose Derivatives, Wiley-Interscience, New York-London, 1954, p. 29.

[98] *N. M. Bikales, L. Segal.* High Polymers, vol. V, part V, Wiley-Interscience, New York-London, 1971, pp. 1015-1078.

всех этих реакций изменяются определенным образом цвет, отражающая способность, поглощение и флуоресценция в разных участках спектра падающего света. Большинство из сходных изменений было обнаружено при исследовании плащаницы[99].

Теперь многое стало на свои места. Например, получило разрешение казавшееся поначалу странным наблюдение Хеллера и Адлера, о котором упоминалось выше (см. сноску 84), что изображение не обесцвечивают ни сильные кислоты и щелочи, ни чрезвычайно активные окислители, восстановители и растворители. Физико-химикам действительно было хорошо известно, что дегидратированная целлюлоза исключительно устойчива ко всем этим веществам.

Получила объяснение и прекрасная сохранность изображения на плащанице, не выцветшего и не обесцветившегося за многие сотни лет. Свойства целлюлозы полностью соответствовали этому. Наконец, начало проясняться еще одно затруднение. Когда физики вкупе с химиками принялись методично искать следы красок на ткани и попытались разобраться в технике примененной живописи, они решили иначе подойти к изучению «рисунка». Обследованию подвергся характер изменения окраски в разных участках изображения. Если краску наносят кистью, шпателем, размазывают пальцем, распыляют пульверизатором или накладывают любым другим способом, то обязательно возникают различия в толщине слоев краски, неравномерности в изменении этой толщины (например, на краю мазка яркость данного цвета резко падает). Меняется и направление наложения краски, плотность вдоль мазков, подтеков и капель. Если эти различия заметить, то это может многое сказать о характере живописи. Конечно, учитывая исключительную тонкость рисунка на плащанице и низкую оптическую плотность изображения, различить эти неравномерности можно было только с помощью приборов с высокой разрешающей способностью. Работа эта была явно не из легких. Новая задача требовала новых методов анализа.

На помощь пришли специалисты, занимавшиеся изучением слабых сигналов, поступающих на Землю с космических станций. Фотографии плащаницы были переданы сотруднику знаменитой Джет Пропалжион лаборатории, входящей в состав Калифорнийского Технологического института, Дональду Линну, который был одним из руководителей программы по анализу данных, собранных автоматической станцией «Викинг» на Марсе. «Викинг» посылал на Землю фотографии, передававшиеся из космоса в виде электрических сигналов. Мощность их была ничтожно мала, порядка 10^{-18} ватта, или 0,0000000000000000001 части ватта, и тем не менее аппаратура, которой располагала эта лаборатория, позволяла уверенно принимать такие слабые сигналы и, преобразуя их, получать фотографии хорошего качества. Впервые человек смог разглядеть многие детали поверхности планеты Марс.

Именно это высококачественное оборудование было использовано для того, чтобы изучить свойства плащаницы и прежде всего узнать, есть ли неоднородности в «рисунке» на ней. Задача эта по сути своей была близкой к той, что решалась при анализе информации от «Маринеров», «Викингов», «Вояджеров»

[99] *L. A. Schwalbe, R. N. Rogers* (см. сноску 60 наст. изд.), p. 20-30.

и других американских космических аппаратов. И там, и здесь нужно было освободиться от шумов, случайных погрешностей, вызванных, например, тем, что нити плащаницы, спряденные вручную, имели разную толщину, за счет чего возникали искусственные тени на фотографиях плащаницы и менялась освещенность деталей «рисунка».

Переведя информацию с фотографий плащаницы на язык цифр и введя эти цифры в мощную вычислительную машину, исследователи смогли вычесть все лишнее и пришли к важнейшему заключению. Они установили, что по всем координатам в подавляющем большинстве точек изображение не направлено, то есть в нем нельзя выделить зоны резкого изменения плотности рисунка. А отсюда следовал вывод, что изображение не было получено с помощью кисти, которая обязательно создает направленность в распределении краски. Аналогично «рисунок» не мог быть сделан с помощью пульверизатора, наносящего рисунок каплями (что также сопровождается характерным резким падением интенсивности изображения от центра капелек к их краям), или с помощью какого-либо шаблона, матрицы и т. п. Предположение об умелой (пусть даже чрезвычайно искусной) подделке, специальном создании «рисунка» отпало[100]. Так еще один точный метод анализа привел к подтверждению тезиса о нерукотворности плащаницы.

13. Следы крови на плашанице

Хотя на изображении ясно видны многочисленные следы крови, вытекшей из ран, первоначальное изучение в 1969 году образцов, взятых из этих мест, окончилось безрезультатно. Поисками занимался известный итальянский специалист по обнаружению крови профессор Джорджио Фраче из Института судебной медицины при университете города Модена и его сотрудники профессора Е. Мари и Е. Ризатти. Для анализа им были переданы одиннадцать нитей, с осторожностью вытянутых из ткани плащаницы со спинной стороны изображения и из участка, где, как считалось, кровь накапала из ног, пробитых гвоздем при распятии. Длина нитей составляла от 4 до 28 миллиметров. Поиск вели с помощью так называемой пероксидазной реакции, которая позволяет выявить специфический компонент красных кровяных клеток — гемоглобин. Однако пероксидазные реакции оказались отрицательными.

Тогда решили искать следы крови прямо на ткани с помощью микроскопа. Изображение увеличили в 63 и 285 раз. При таком увеличении можно было рассмотреть не только участки ткани в области изображения, не только отдельные растительные волокна, из которых спрядены нити, но и отчетливо различить характер сочленения удлиненных клеток, слагавших волокна, и пространство между ними. Тут-то и удалось заметить впервые красно-желтые (иногда слегка оранжевые) гранулы, прилипшие к наружной поверхности волокон в тех местах, где последние выходят на поверхность ткани. Однако итальянские специалисты не догадались, что именно гранулы были остатками крови, и

[100] *G. Avis, D. Lynn, J. Lorre, S. Laveie, J. Clark, E. Armstrong, J. Addington.* Image Processing of the Shroud of Turin — Proceedings of the 1982 IEEE Conference on Cybernetics and Society, pp. 554-558; *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), pp. 31-35 and 137-138.

лишь отметили, что внутри нитей, между отдельными волокнами, а также на внутренних сторонах нитей никаких гранул нет. Попытки растворить гранулы с помощью уксусной кислоты, оксигенированной воды и калийзамещенного глицерина оказались безрезультатными. Дж. Фраче и его коллеги ожидали, что найдут массивные остатки крови, но таковых они не увидали.

Однако моденским ученым просто не повезло. В 1973 году было установлено[101], что в некоторых участках плащаницы все же имеются скопления засохшей темной массы, налипшей на ткань и кое-где даже проникшей на ее обратную сторону, но и на этот раз четкого отождествления этой массы с кровью не последовало.

Примерно в это же время профессор Гвидо Филогамо подверг анализу две нити, вытянутые из плащаницы в участке, где отпечатались следы крови, вытекшей из правой ноги. На этот раз исследование проводили с помощью мощного электронного микроскопа при увеличении от 17 до 50 тысяч раз. Нити были заключены в смолы, затем послойно разрезаны на полоски толщиной в 500-1000 ангстрем (1 ангстрем = 10^{-9} см). При этом на наружной поверхности нитей удалось различить мельчайшие споры бактерий, налипшие за годы хранения плащаницы, другие экзогенные частицы, в том числе и желто-красные гранулы. Но пока еще определенного суждения о том, являются ли эти гранулы остатками клеток крови (так называемых форменных элементов), автор не высказал[102].

Поэтому столь значительной по своему звучанию оказалась статья, опубликованная 15 августа 1980 года американскими исследователями Джоном Хеллером и Аланом Адлером[103]. Им был передан образец липкой ленты размером 2,5 х 7,5 см, на которую во время исследования плащаницы членами группы STURP в Турине в 1978 году собрали все, что налипло с одного из участков вытекшей крови. На ленте под микроскопом Хеллер и Адлер различили три типа чужеродных частиц, возможно, попавших из крови, — удлиненные фибриллы, напоминавшие по цвету те, которые получаются после нанесения на ткань крови; сферические шарики; и, наконец, коричнево-красный кристаллик. Позже был замечен еще один тип частиц — черные шарики, близкие по размеру к красным. Изучение этих типов частиц и стало главным в поисках следов крови.

Прежде всего Хеллер и Адлер попытались понять, обязаны ли фибриллы своим появлением крови. Для начала они решили испробовать свои силы на какой-нибудь модели. Страх повредить единственный образец был, естественно, велик. Поэтому жена Хеллера раздобыла кусочек льняной ткани, грубо сплетенной в Испании триста лет назад. Хеллер пропитал его своей кровью и начал с изучения этого «контрольного образца». И действительно, на нем удалось выявить кристаллы и фибриллы, подобные тем, что были обнаружены на плащанице. Правда, у них был не коричневый, а скорее гранатовый оттенок.

Затем фибриллы обеих тканей исследовали с помощью спектрофотометра в диапазоне длин волн видимого света. Поскольку кровь сама по себе не имеет

---

[101] *P. Caramello, J. Cottino, E. Dolorenzi* (см. сноску 8 наст. изд.), с. 19; *G. Frache, E. Mari Rizatti, E. Mari* (см. сноску 8 наст. изд.), с. 49.

[102] Цит. по книге И. Уилсона (см. сноску 35 наст. изд.), с. 86-87.

[103] *J. H. Heller, A. D. Adler* (см. сноску 78 наст. изд.).

особого спектра в видимом диапазоне, а особенности ее спектра обусловлены главным образом гемоглобином, этот метод позволяет отличать его разные формы. Гемоглобин, как известно, состоит из двух компонентов — белка глобина и небелковой части (порфиринов, содержащих по четыре пиррольных кольца, соединенных метиловыми мостиками в кольца с включением в него в центре атома металла). Порфирины, входящие в состав зеленых растений, несут атом магния, а порфирины животных — атом железа. Если с помощью химической обработки «выдрать» атом железа из молекулы порфирина, она в этот момент испустит свет определенной длины волны. Зарегистрировав эти фотоны и измерив длину волны света, можно уверенно сказать, из какого типа молекул произошло высвечивание. Таким образом, именно железопорфирины придают гемоглобину особые детали спектра.

Реакция высвечивания настолько специфична, что по длине волны света можно не только определить ничтожно малые концентрации гемоглобина, но и узнать, находится ли он в нормальной форме или же перешел в другое состояние — стал восстановленным или, напротив, окисленным, или же превратился в метгемоглобин, т. е. в такой гемоглобин, в котором двухвалентное железо перешло в трехвалентную форму. Можно, наконец, отличить денатурированный гемоглобин, т. е. такой, в котором цепь белка, упакованная особым образом в клубок, развернулась и стала линейной. По спектру можно также выявить разные состояния агрегации гемоглобина (пленка, кристалл или раствор).

Понимая, что спектроскопические методы более чувствительны и точны, чем использованные ранее, два американских специалиста довольно скоро получили первый обнадеживающий результат — спектры фибрилл проявили характерное для порфириновых комплексов поглощение света. Это было указанием на присутствие на плащанице следов крови.

Удалось с помощью данного метода определить и причину различий в цвете фибрилл плащаницы и контрольного образца испанской ткани. Химическая их структура была разной: на последней гемоглобин был в форме восстановленных молекул, на плащанице — в форме метгемоглобина, к тому же денатурированного.

Однако зарегистрированные спектры пропускания света не были все-таки настолько убедительными, чтобы можно было утверждать, что данный спектр принадлежит метгемоглобину и только ему. К счастью, непосредственно на плащанице Гилберты измерили спектры отраженного света, и после сопоставления обоих спектров можно было с большей долей вероятности считать, что на ткани найдены следы порфириновых структур, содержащих атомы железа со спиновой характеристикой, соответствующей метгемоглобину. Это был очень важный вывод, хотя и высказанный пока в весьма осторожной форме.

Вслед за тем авторы провели химический анализ, подтвердивший правоту их предположения о присутствии на плащанице гемоглобина. Конечно, дополнение данных физических измерений результатами химических анализов еще более убедило авторов в том, что на плащанице сохранились следы крови, когда-то давно попавшей на ее поверхность.

Для проведения химических анализов Хеллер и Адлер обработали липкую ленту сначала 97% раствором гидразина (сильного восстановителя даже для

самых старых образцов), а затем 97%-ной муравьиной кислотой (в предварительных экспериментах было показано, что она лучше, чем другие кислоты, способствует отделению ионов железа от порфириновых структур). Такая обработка приводит к тому, что порфириновые структуры начинают сильно флуоресцировать под действием длинноволнового ультрафиолетового света, причем цвет флуоресценции вполне определенный — красный.

Ученые начали эту часть работы снова с контрольного образца испанской ткани. Его анализ оказался успешным. Метод определения был вполне эффективным. Убедившись в этом, Хеллер и Адлер подержали сначала липкую ленту в парах гидразина, а затем в парах муравьиной кислоты и осветили длинноволновым ультрафиолетовым светом. Появившиеся на ленте несколько пятен с красной флуоресценцией подтвердили наличие частиц с порфириновыми структурами. Однако, несмотря на все предосторожности, пары гидразина повредили подложку липкой ленты, и ее нельзя было больше использовать. В этот момент большинство образцов липких лент было еще в руках МакКроуна, и потребовалось немало времени, прежде чем удалось заполучить от него несколько лент и подтвердить на них вывод о наличии гемоглобина на плащанице.

При изучении новых лент авторы сделали еще одно важное открытие[104]. В составе частиц из участков крови на плащанице удалось заметить молекулы билирубина — желчного пигмента, появляющегося в крови в результате распада гемоглобина. Затем, перепробовав различные биохимические микрометоды, они смогли зарегистрировать наличие в образцах молекул альбумина — белка крови. Таким образом, две типичные фракции крови (порфирины и белки) были найдены.

Во время этого исследования был отмечен факт, вроде бы противоречащий заключению о происхождении фибрилл из крови. Желто-красные фибриллы нашли не только там, где была видна кровь, но и в других участках изображения и иногда даже на «пустой» ткани. Означало ли это, что фибриллы, которые Хеллер и Адлер считали остатками крови, случайно оторвались от тех мест, куда натекла кровь, и были рассеяны по плащанице? Или же неверным было в принципе отождествление их с кровью? Могла ли осуществиться и третья возможность — что желто-красные фибриллы в разных участках были схожи только внешне, а на самом деле состояли из разных веществ? Последнее казалось Хеллеру и Адлеру более правдоподобным, т. к. окраска фибрилл из зоны крови и из других участков была хоть и близкой, но все-таки слегка различающейся: первые были окрашены более интенсивно (в частности, Фраче и соавторы[105] назвали их цвет «ярким медово-желтым»).

Пришлось проводить специальные опыты по изучению состава фибрилл. Как и раньше, задача осложнялась тем, что в распоряжении ученых было ничтожно малое количество вещества. Будь препаратов с фибриллами достаточно, такой анализ не представлял бы никакого труда. К концу 1970-х годов были разработаны и введены в научный обиход различные методы анализа биологических веществ, которые гарантировали успех. Но в данном случае они не годились, нужны

[104] *J. H. Heller, A. D. Adler* (см. сноску 79 наст. изд.).

[105] *G. Frache, E. Mari Rizatti, E. Mari* (см. сноску 8 наст. изд.), с. 49.

были сверхчувствительные приборы, сочетание разных физических и химических приемов исследования. В общем, пришлось идти непроторенной дорогой.

С помощью других членов группы STURP, главным образом Джона Джексона, Хеллер и Адлер получили доступ к великолепно оснащенным лабораториям военно-воздушных сил США, где они и начали экспериментировать, пытаясь подобрать ключи к решению этой сложной задачи. В конце концов это им удалось. Они доказали, что фибриллы из участков крови отличаются от фибрилл из других зон по химическому составу: первые несли некоторое количество белка, а другие проявили отрицательную реакцию на белок. Высокоточная техника была настолько чувствительной, что удалось достичь большего — изучить пространственную структуру фибрилл и установить, что белковый слой простирается только на их поверхности. Исследование фибрилл на этом было завершено.

Изучение кристаллика привело к тем же результатам. Он также содержал компоненты крови и несомненно являлся ее производным. Такие же кристаллики были найдены и на искусственном (контрольном) образце трехсотлетней испанской льняной ткани, на которую Хеллер нанес свою кровь.

Настало время анализа других частиц — красных и черных шариков. Красные шарики замечали все, кто изучал и саму ткань под микроскопом, и образцы липкой ленты[106], черные шарики видели также многие, но их было гораздо меньше, чем красных.

И снова на пути их изучения встала проблема нехватки материала. Задача бы упростилась, если бы из нужных участков ткани вытянули хотя бы по короткой нитке. Но время, когда держатели плащаницы давали на то согласие, кончилось! Нитей для анализа получить не удалось, и поэтому исследование продолжили с помощью методов, которые не вели к разрушению плащаницы, т. е. радиографии, разных видов спектрометрии и анализа флуоресценции.

Изучение состава красных и черных шариков было интересной задачей само по себе. Но красные шарики стали тем яблоком раздора, которое разделило ученых на два лагеря. Как уже упоминалось, МакКроун упорно заявлял, что плащаница — это подделка, а рисунок на ней выполнен с помощью минерала красного железняка (гематита). По своему химическому строению он является окисью железа (Fe_2O_3), которая легко образует красноватые мелкие гранулы. Увидев под микроскопом такие шарики на липких лентах, оттиснутых с плащаницы, МакКроун и его ученик Скириус посчитали, что видимые ими шарики несомненно состоят из Fe_2O_3. МакКроун, как мы помним, химических и физических анализов не делал, а на вопрос, почему он этого не делает, ответил, что его опыта хватает, чтобы и без анализов разобраться в таком вопросе. Он без обиняков заявил, что красные шарики ведут свое происхождение от природного минерала[107]. Неудивительно, что к красным шарикам было привлечено особое внимание.

Однако первые же точные анализы поколебали веру в правоту слов МакКроуна. Рентгеновая флуоресценция показала, что хотя красные шарики и

---

[106] *B. Pellicori, M. S. Evans.* The Shroud of Turin through the microscope. Archeology, 1981, с. 32-34.

[107] *W. C. McCrone, C. Skirius.* Microscope, 1980, No. 28, p. 105.

содержали железо, но концентрация его оказалась низкой — всего около 20-40 микрограмм на квадратный сантиметр площади, занятой красными шариками[108]. Этого было слишком мало для минералов, содержащих, в основном, окись железа. Зато можно было сделать другой вывод. Ведь атомы железа входят в состав гемоглобина. И если кровь на изображении была не нарисована, а в самом деле вытекла из тела распятого, то тогда можно было бы иначе объяснить природу красных шариков: от времени или под влиянием каких-то сильных воздействий (температуры, яркой вспышки, облучения и т. п.) из гемоглобина могли выделиться атомы железа. На воздухе они бы окислились и образовали шарики. Поэтому важным было то, что определенные с помощью рентгеновой флуоресценции количества железа в участках крови совпали с количеством железа, содержащимся в гемоглобине крови.

Конечно, сами по себе эти данные еще но доказывали, что обнаруженные атомы железа действительно попали на ткань из гемоглобина крови. Ведь метод рентгеновой флуоресценции выявил лишь наличие атомов, но не говорил ничего о том, в составе каких молекул находятся или находились они раньше. Авторы работы Р. Моррис, Л. Швальбе и Дж. Лондон выразили, в частности, недоумение, что их высокочувствительный метод не выявил присутствия другого, всегда имеющегося в живых клетках атома — калия. Но их коллеги и, в первую очередь, Хеллер, указали на высокую подвижность калия и его способность впитываться в нити ткани, после чего указанный метод вряд ли мог успешно зарегистрировать сигналы от атомов калия.

Чтобы разобраться теперь уже не просто с атомами железа на ткани плащаницы в разных ее участках, а непосредственно с красными шариками, Хеллер и Адлер осуществили специальное химическое исследование их состава. Будь эти шарики и на самом деле природным минералом, в них обязательно были бы следы загрязнения атомами, непременно встречающимися в железняках, такими, как марганец, никель, кобальт или алюминий. Однако серия проверок достаточно большого числа шариков из разных участков плащаницы показала, что во всех них, кроме одного, количество сопутствующих железу элементов было незначительно, и, следовательно, шарики, содержавшие окись железа, имели скорее всего биологическое происхождение (т. е. скорее всего возникли из атомов железа, вышедших из гемоглобина крови). Тот же единственный красный шарик из просмотренных, который выпал из общего ряда по своему химическому составу, нес в себе атомы не железа, а ртути, и был охарактеризован как сульфид ртути. Такой его состав указывал, что он мог возникнуть из амальгамы ртути, оставшейся в небольших количествах на обработанной поверхности серебряного оклада ларя, в котором хранилась плащаница до пожара 1532 года. Возможно, что во время пожара, когда серебро начало плавиться и капать на плащаницу, на нее попала капелька, образовавшая этот единственный ртутный шарик[109].

Решающее доказательство отличия химической природы красных шариков от частиц гематита было достигнуто с помощью спектроскопии. Если бы

[108] *R. A. Morris, L. A. Schwalbe, J. H. London* (см. сноску 87 в наст. изд.), p. 42-47.

[109] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), pp. 195-196.

гематит и красные шарики были одного химического строения, их спектры должны были бы полностью совпасть. Но когда спектры поглощения видимого света в участках крови совместили со спектрами раствора чистого Fe_2O_3, то оказалось, что в одном участке между ними имелось характерное различие.

Вблизи 625-630 нм на кривой образцов с плащаницы имелся пик, который отсутствовал на кривой для Fe_2O_3[110]. Это наблюдение было расценено как очень важное, т. к. точно такой же пик в области 625-630 нм был обнаружен ранее для кислого метгемоглобина[111].

Таким образом, предположение о том, что частицы, содержащие молекулы Fe_2O_3 небиогенного происхождения, должны быть ответственны за образование «подтеков крови» на плащанице, могло быть отвергнуто.

К тому же Хеллер и Адлер с помощью высокочувствительных микрохимических методов доказали, что подавляющая часть красных шариков содержит в своем составе, наряду с Fe_2O_3, белки и другие вещества биологического происхождения. Загадочные красные частицы оказались обломками форменных элементов крови, «битыми черепками», как их образно назвали авторы[112].

Красные шарики из чистого Fe_2O_3 также нашлись, но они были ограничены узкими полосами на ткани. Их появлению способствовал, видимо, тот же пожар 1532 года. Когда тушили огонь, на плащаницу попала вода, и в нескольких местах ткань намокла. Здесь образовались заметные разводы, и по их границам были найдены чисто железистые частицы. Больше на ткани частиц из одного Fe_2O_3 не нашли.

Процесс их возникновения на ткани был воспроизведен в деталях. Они также вели свое происхождение от железа гемоглобина, выделяющегося со временем из клеток крови.

Наконец, Хеллер и Адлер дали возможное объяснение природе черных шариков. По их мнению, это были также продукты бушевавшего в 1532 году пожара, приведшего к тому, что или частицы крови, содержавшие атомы железа, или уже сформировавшиеся к тому времени красные частицы с окисью железа превратились в частицы закисно-окисного железа Fe_3O_4 черного цвета.

С химической природой различных частиц ученые, таким образом, разобрались. В тех местах, где на ткани была видна кровь, действительно содержались ее компоненты. Но возражения МакКроуна касались не только этого вопроса. Он утверждал, что распределение шариков по ткани также указывает на работу художника. Когда он просмотрел под микроскопом около двух десятков образцов липких лент, то отметил, что красные шарики имелись в большом количестве на лентах, касавшихся участков крови, но не только на них. Шарики были замечены и на лентах, снятых с участков изображения без крови, и тех, где была чистая ткань.

Правда, на лентах, снятых с участков изображения без крови, красные шарики встречались, во-первых, в гораздо меньшем количестве, а во-вторых, только на двух третях образцов (одна треть липких лент не содержала их совсем).

---

[110] *R. Gilbert, M. Gilbert* (см. сноску 59 наст. изд.), pp. 1930-1936.

[111] *E. F. Cameron, P. Georg.* Biophys. Biochem. Acta, 1969, v. 194, p. 16.

[112] *J. H. Heller, A. D. Adler* (см. сноску 79 наст. изд.).

Число же лент, снятых с чистой ткани без изображения и все-таки несших шарики, было совсем незначительным, и на каждой из таких лент было найдено не более одного-двух красных шариков. Но тем не менее МакКроун делал вывод, что тот, кто якобы втирал пальцами частицы красного железняка в ткань, был обычным художником: рука его касалась иногда и чистой ткани, оставляя незаметные глазу следы, которые удалось разглядеть под микроскопом. В поддержку такого предположения МакКроун выдвигал второй аргумент. По его мнению, шарики располагались так, как будто кто-то нанес их густо в участках подтеков крови, а затем разровнял нанесенное в нужных направлениях.

Однако и эта «закономерность» была объяснена иначе. Джон Джексон — сотрудник Академии ВВС США и физик по образованию — обратил внимание на то, что красные шарики легко отрываются от ткани и могут переноситься с одного ее участка на другие. При каждом сворачивании и разворачивании ткани часть таких частиц, первоначально располагавшихся только в участках крови, могла попадать на другие участки ткани. Кропотливо рассчитав траектории переноса при веками устоявшемся способе сворачивания плащаницы, Джексон показал, что переносимые частицы должны попадать как раз на те зоны изображения, где их и обнаружили. Так что ничего загадочного в распределении красных шариков по ткани не было[113].

Легко разрешилось и замеченное МакКроуном двойное лучепреломление красных шариков, которое он принял за их важную характеристику, указывающую на сродство с минералами. Оказалось, что шарики таким свойством вовсе не обладали, а преломляли свет липкие ленты, на которые Роберт Динегар и Рэй Роджерс собирали материал с плащаницы в Турине.

На этом завершились сомнения, порожденные МакКроуном. Опровержение его взглядов о поддельности плащаницы отняло много сил и времени, но зато полученные результаты с лихвой вознаградили за все труды.

Тем не менее исследования крови на этом не закончились. Нужно было выяснить, например, чья кровь — человека или животных — была нанесена на ткань. Ведь априори можно было допустить, что кто-то нарочито накапал ее в «нужные» места на изображение. Поэтому Хеллер и Адлер провели еще серию опытов.

Известно, что организмы животных, включая человека, обладают свойством вырабатывать особые вещества в ответ на попадание в их тело различных чужеродных веществ (таких, как белки и нуклеиновые кислоты, или чужеродных вирусов и бактерий). На пришельцев направляется особое противоядие — антитела. Многие из антител выделены, очищены и хорошо изучены. Твердо установлено, что на каждый тип чужеродного вещества организм синтезирует свой специфический вид антител.

В то же время набор антител, имеющихся у разных биологических видов — человека, лошади, свиньи, быка и т. д., — специфичен для данного вида. Если выделить сыворотку крови животного, то в ней окажутся антитела определенного набора, и тогда по сыворотке можно узнать, от какого вида она получена.

Можно и переиначить задачу. Если сыворотка быка содержит антитела против чужеродных для быка соединений, то к своим родным белкам, нуклеи-

[113] *L. A. Schwalbe, R. N. Rodgers* (см. сноску 60 наст. изд.), p. 15.

новым кислотам и другим веществам эта сыворотка будет «относиться» иначе. Они свои — «родные». Значит, имея вещество животного происхождения (скажем, частицы крови), но не зная, от какого вида животных это вещество получено, можно попытаться узнать его происхождение с помощью набора сывороток, взятых от разных видов. Такой метод оказался чрезвычайно специфичным и высокочувствительным. Его и использовали Хеллер и Адлер для анализа компонентов крови, найденных ими на плащанице.

Исследователи взяли набор сывороток быка, свиньи, лошади и высших приматов (последняя реагировала так же, как человеческая сыворотка) и провели реакции с компонентами крови плащаницы. Четкую положительную реакцию дала только сыворотка приматов (повторим: дающая ту же перекрестную реакцию, что и человеческая сыворотка). Так было сделано еще одно открытие: на плащанице скорее всего налипла человеческая кровь[114].

Изучение крови приоткрыло завесу над еще одной тайной. Как только стало ясно, что на плащанице имеется кровь, а не одно лишь ее изображение, возник вопрос о том, когда же она могла попасть на ткань и как могла на ткани сохраниться. Если детали тела фотографически отпечатались на ткани, то почему таким же образом не отпечаталась кровь? В этом смысле первоначальный результат итальянских ученых, не нашедших крови на плащанице, был для многих желанным и успокаивающим. Действительно, как просто предположить, что все до единой детали тела, включая и сохранившуюся на теле кровь, не были перенесены на ткань за счет физического контакта с нею, а лишь чудесным образом воспроизвелись в изображении. И вот оказывается, что чудесная простота обманчива, что кровь на самом деле попала на плащаницу и сохранилась на ней. Значит, тайна, окутывающая первые часы после снятия с креста тела распятого, может быть хоть в одном вопросе разрешена. Значит, действительно еще теплое тело, из ран которого сочилась кровь, было уложено на белую простыню плащаницы. Значит, действительно сначала на ткань накапала кровь, кое-где даже просочившись на обратную ее сторону, а потом произошло что-то, непонятная пока игра сил Природы, в результате чего остался единственный в мире документ, уникальная фотография на плащанице. Исследования крови говорят нам, что дело обстояло именно так.

В пользу точки зрения о том, что кровь попала на плащаницу до того, как на ней появилось изображение, говорят результаты двух исследований. Авторы первого, Вернон Миллер и Сэмюэль Пелликори, занимались весьма специфичной работой. Они измеряли флуоресценцию, возникшую при освещении разных участков ткани ультрафиолетовым светом. Направив УФ-свет на какой-то участок, они следили за тем, как светится (флуоресцирует) в этом месте ткань и все, что на ней имеется. Каждый такой участок фотографировали и снимки затем детально анализировали. Приэтом установили, что чистая льняная ткань флуоресцирует. Когда же на ткани появляется слой пожелтевших (дегидратированных) целлюлозных волокон, свечение исчезает. Поэтому был сделан вывод, что дегидратация гасит флуоресценцию. В участках изображения свечение отсутствовало. Но неожиданно эта зависимость не проявилась в нескольких уча-

[114] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), pp. 187-188.

стках, где как раз на ткани имелись следы крови. По краям некоторых подтеков была замечена ясно различимая полоса флуоресценции. Это произошло в участках крови, вытекшей из раны в правом боку и из раны от гвоздя в запястье, а также из правой ноги. Во всех этих местах удалось заметить полосу флуоресценции, окружающую темный фон[115]. Поскольку в остальных участках изображения флуоресценция отсутствовала, авторы высказали три предположения. Во-первых, здесь на ткань могло попасть какое-то постороннее вещество, способное флуоресцировать, во-вторых, за пределы участков крови могла просочиться какая-то ее фракция, обладающая этим свойством, наконец, или, наконец, в-третьих, авторы не могли исключить возможности, что кровь могла каким-то образом воспрепятствовать возникновению изображения, и тогда здесь остались бы краевые полоски чистой ткани, не захваченные изображением (участки, на которых целлюлоза не подверглась дегидратации).

Чтобы разобраться в этих возможностях, Пелликори и Миллер изучили флуоресценцию разных фракций крови и нашли, что сыворотка дает свечение под действием УФ-света. Поэтому они посчитали, что именно сыворотка крови дала краевой эффект. Она могла растекаться за пределы участков, где остановили свое продвижение по ткани форменные элементы крови. Однако я думаю, нельзя исключить и четвертую возможность. Сыворотка могла покрыть льняные волокна и защитить их от пожелтения во время формирования изображения. Тогда в этих местах флуоресцировать могли как сами льняные волокна, оставшиеся белыми, так и сыворотка.

Если свойства флуоресценции сохранили льняные волокна, которые остались непожелтевшими из-за того, что на них попала сыворотка крови, то тогда приходится признать, что изображение на ткани появилось позднее того времени, когда на ткань поместили тело распятого. Конечно, исследования флуоресценции дают только косвенное указание на это, и нужна дальнейшая работа, чтобы прояснить данный вопрос. Но изучение крови Хеллером и Адлером дало второе свидетельство в отношении разделенности во времени двух событий: положения тела на ткань и возникновения на нем изображения распятого.

Хеллер и Адлер в прямом эксперименте доказали это. Они взяли нить, покрытую кровью, из зоны изображения. В этом месте все льняные волокна были пожелтевшими. Желтой должна была быть и данная нить, т. к. она лежала на поверхности ткани. Но если кровь попала на ткань раньше, она могла защитить целлюлозу от дегидратации, и тогда под кровью могла остаться белая окраска. Авторы блестяще доказали, что дело было именно так. Они обработали нить специальными ферментами, растворяющими кровь. Когда кровь отмыли, на стеклах остались лежать белоснежные волокна льна. Кровь действительно защитила нити от действия какого-то агента, приведшего к окрашиванию ткани. Таким образом, белое льняное полотно стало плащаницей (тканью с изображением тела распятого) не в тот момент, когда тело положили на полотно, а позже.

В целом изучение вопроса, который мог бы показаться на первый взгляд очень частным (есть ли кровь на плащанице?), стало важной частью научного

[115] *V. D. Miller, S. F. Pellicori.* Ultraviolet fluorescence photography of the Shroud of Turin, J. Biol. Photography, 1981, v. 49, no. 3, pp. 71-85.

исследования плащаницы. Обнаружив основные компоненты крови, ученые доказали нечто большее, чем просто наличие крови на ткани. Они доказали, что кровь попала на ткань до того, как на поверхности плащаницы появилось изображение[116], и отвергли гипотезу о подделке изображения художником, якобы пользовавшимся в качестве краски гематитом.

Автор последней идеи был весьма категоричен. Его авторитет в научном мире был высок. Тем труднее было опровергать его. И тем весомее был успех ученых, принявших вызов. В этом эпизоде ярко проявилось стремление ученых к постижению истины. Ведь никто не заставлял этих занятых своими служебными делами людей работать с большим напряжением над задачей, решение которой не помогало им продвигаться по службе или получать большие, чем раньше, деньги. Ими двигала чистая страсть познания. Они не были религиозными фанатиками (уместно сказать здесь, что большинство из них до начала работы над плащаницей относили себя к атеистам). Но как задела их за живое показавшаяся им спорной гипотеза, с каким рвением и задором бросились они на штурм, буквально камня на камне не оставив от неверной идеи! И когда мы будем обдумывать их работу, мысленно возвращаться к перипетиям этого исследования, мы не сможем остаться безучастными к их смелости, отваге и мудрости. И, конечно, теплое чувство искренней признательности ко всем этим истинным героям науки не может не возникать в наших душах.

14. ДНК мужчины на плащанице?

(Добавлено в 2003 году)

В 1987-1988 годах Американское Министерство энергетики согласилось выделить около миллиарда долларов на новый (и казавшийся тогда многим фантастическим!) проект по изучению последовательности нуклеотидов в ДНК человека. В нескольких исследовательских центрах были созданы огромные лаборатории для секвенирования образцов человеческой ДНК. Но, как это всегда случается, когда по мере развития нового направления вовлеченные в его деятельность сотрудники начинают интересоваться и побочными вопросами (в особенности, если эти вопросы представляют исключительный интерес), то же произошло и с изучением плащаницы.

В 1995 году упоминавшийся выше ассистент кафедры микробиологии Техасского университета в Сан Антонио Гарза-Вальдес (см. Предисловие) встретился с итальянским ученым Джиованни Риджи, которому хранителями плащаницы было поручено 21 апреля 1988 года вырезать из нее полоску ткани для радиоуглеродного анализа. Тогда, в 1988 году, Риджи оставил у себя в сейфе значительную часть этой полоски, и Гарза-Вальдес уверил его, что сейчас с помощью методов секвенирования человеческой ДНК можно будет изучить образцы крови с плащаницы и понять, что они собой представляют. Риджи выдал микроскопически маленький образец из зоны, где были остатки, напоминающие кровь, и с этим образцом другой ассистент той же кафедры микробиологии Техасского университета (кампус в городе Сан Антонио) Виктор Трайон (Victor Tryon) и его жена Нэнси, лаборант

[116] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 203.

этой же кафедры, начали работать. В это время Виктор Трайон получил и административную должность: он был назначен директором Центра перспективных ДНК технологий (The Center for Advanced DNA Technologies), являвшегося частью Центра медицинских исследований того же университета, а центр был вовлечен частично в работу по секвенированию хромосом человека, так что технические условия для работы с образцом плащаницы были очень хорошими.

С помощью нового метода — так называемой Полимеразной Цепной Реакции (PCR-amplification method) — супруги Трайон смогли размножить ничтожные по количеству препараты ДНК, содержавшиеся в предоставленном образце, и тем подтвердить, прежде всего, что на плащанице действительно имеется биологический материал, содержащий молекулы (или короткие участки молекул) ДНК. Затем они попытались идентифицировать выделенную и размноженную ДНК, то есть поискать, нет ли в составе этой ДНК участков, которые бы напоминали гены человека. Для трех генов эта задача вроде бы увенчалась успехом, и они начали думать, что, возможно, в полученном ими образце имеются участки бета-глобинового гена, гена амилогенина из Х-хромосомы человека и амилогенина из У-хромосомы.

Все три гена были к тому времени найдены и охарактеризованы в человеческой ДНК, так что факт наличия сигналов в ПЦР-продуктах образца с плащаницы давал надежду думать, что указанную ДНК удастся вставить в ДНК бактерий и размножить там (клонировать эти гены), а затем и секвенировать. Но с самого начала было ясно, что в составе препарата с плащаницы содержание ДНК, во-первых, микроскопически мало и, возможно, недостаточно для последующего анализа, а, во-вторых, даже имеющаяся ДНК порвана на фрагменты (что совершенно неудивительно: ведь плащанице, возможно, более двух тысяч лет). Тем не менее в отношении кусочка гена бетаглобина длиной 268 нуклеотидов секвенирование удалось выполнить (весь ген содержит несколько десятков тысяч нуклеотидов), а когда полученную последовательность сравнили с уже известной последовательностью ДНК человека, оказалось, что имеется полное совпадение последовательностей.

Гарза-Вальдес, работавший по соседству с Трайонами, быстро узнал о полученном результате и дал журналистам информацию о том, что с помощью самых совершенных методов удалось подтвердить, что в образце крови на плащанице найдена двунитевая ДНК человека, а в ней установлено наличие трех генов: одного, находящегося в хромосоме номер 11 и двух из половых хромосом (Х и У-хромосом), что доказывает, что эта кровь принадлежала распятому мужчине. Он также привел полученную последовательность нуклеотидов в участке бета-глобинового гена. Сообщенные сведения стали сенсацией. Все ведущие информационные агентства мира сообщили об уникальном открытии, о нем стали писать статьи журналисты, сам Гарза-Вальдес в конце концов даже издал популярную книгу об этих результатах. Заголовки в газетных статьях были такими «ДНК Иисуса?»... «ДНК Бога?» Каждый из корреспондентов не забывал упомянуть, что Виктор Трайон — директор Центра перспективных ДНК технологий Техасского университета, хорошо понимая, как весомо это звучит для людей, разбирающихся в сегодняшних тенденциях науки. Статьи об этой сенсации до сих пор продолжают появляться на научных сайтах и в газетах, тот же вывод повторяют десятки журналистов и популярных писателей.

Попали сведения об этих исследованиях и в российскую печать, в частности писал о нем в книге, упомянутой в Предисловии, и священник В. Синельников в 2002 году (стр. 74-78). Его, кстати, больше всего взволновал не сам результат о наличии на плащанице участков ДНК из хромосомы 11, Х- и У, а то, что такие эксперименты «могут быть использованы не только для творения добра» (стр. 76; кстати, на той же странице выше он сделал общее заявление такого рода: «очень прискорбно, что почти все научные достижения и открытия рано или поздно обращаются против человечества»). Объяснение своих страхов он дал в нижеследующих трех фразах:

> *«Заранее не решенные сложнейшие морально-этические и духовные проблемы обнажили перед специалистами ряд труднейших вопросов. Да, генетический анализ может установить этнические признаки крови Человека, явившего облик на плащанице, и таким образом определить, могут ли Его пары хромосом быть найденными в людях еврейского происхождения. Кроме того, если 22 пары ДНК будут определены как взятые исключительно от Матери — то значение этого очевидно даже для тех, кто не изучал богословие. Однако мы имеем дело не просто с обыкновенными образцами крови. Кощунственные работы с такой кровью приведут к ужасающим последствиям» (стр. 76-77).*

Чуть ниже Синельников раскрывает, чего же он опасается. Это не только возможность доказательства еврейского происхождения Иисуса Христа (что, как мне кажется, не нуждается в доказательстве, если только согласиться с тем, что написано в Евангелиях о Его Матери). Главным образом пугает священника возможность клонирования человека, а затем, видимо, клонирования тела Спасителя.

Однако исследования по клонированию животных идут полным ходом, и, как известно, клонированы овца, свинья и другие животные. Несмотря на моральные запреты, полным ходом идут работы и по клонированию человека. Существуют секретные (да и открыто это провозгласившие) лаборатории, где пытаются клонировать людей. Технически возможная работа, несмотря на все моральные и принятые во многих странах (в частности в одной из первых — в США) юридические законы, не остановят всех. Но бояться, что кто-то посягнет на клонирование Спасителя, используя ДНК с плащаницы, нет никаких оснований. Эта ДНК представлена короткими отрезками, и нет оснований думать, что их будет достаточно для клонирования.

Активно развиваются сейчас и другие направления генетической и клеточной инженерии — искусственное оплодотворение яйцеклеток с последующей подсадкой их в организмы матерей, от которых взяты яйцеклетки, или даже другим женщинам (суррогатным матерям для вынашивания плода родителей, заказавших такое вынашивание). Колоссальное развитие получила генетическая инженерия в применении к селекции сортов сельскохозяйственных растений, в борьбе с вредителями, в фармацевтической промышленности и в других направлениях. Существуют пока серьезные трудности с так называемой генной терапией, то есть с попытками вылечивать поврежденные гены человека, вызывающие развитие наследственных болезней. Главная трудность здесь связана с доставкой «хороших» генов в организмы больных людей. ДНК сама по себе не может проникать через клеточные и ядерные мембраны, к тому же пришлую (чужеродную) ДНК тут же распознают внутриклеточные ферменты эндонуклеазы, разрезающие пришельцев на мелкие ку-

сочки. Однако в клетки могут проникать некоторые вирусы, и были предприняты попытки использовать аденовирусы или даже вирусы, вызывающие СПИД, в качестве векторов. У этих вирусов предварительно удаляли опасные для человека участки (в основном лишающие их болезнетворных функций), а на их место вставляли гены, необходимые для генной терапии. Работы над получением таких векторов идут интенсивно. Поэтому страхи священника Синельникова относительно генетической науки и неправильного ее применения не обоснованы.

А вот более интригующий и серьезный вопрос, связанный с результатами работы Трайона и его супруги, возникает. Как известно, у человека как биологического вида определение пола зависит от наличия в клетках, наряду с 22 неполовыми хромосомами, двух половых — Х и У. У женщин в клетках тела содержатся две Х хромосомы, у мужчин — одна Х и одна У. При оплодотворении яйцеклетки матери ядром мужского сперматозоида будет привнесена либо Х, либо У-хромосома, а в зависимости от этого мать произведет на свет либо девочку (когда собственная Х-хромосома матери будет дополнена Х-хромосомой отца), либо мальчика (материнская Х-хромосома дополнена У-хромосомой отца). Это правило абсолютно строго выполняется у человека (хотя у ряда других организмов на Земле детерминация пола осуществляется иным образом). В 1940-е — 1950-е годы советские исследователи Б. Л. Астауров и В. А. Струнников, работая с шелкопрядом, смогли размножить самцов шелкопряда без помощи хромосом матери (был получен чисто отцовский тип наследования; явление андрогенеза), а в других их опытах самки были понуждены размножаться без участия отцов (получалось чисто женское потомство; явление партеногенеза). Но у человека матери не могут рожать детей мужского рода без помощи отцовских хромосом, это твердо установленный закон Природы. До сих пор, согласно Новому Завету, нарушение этого правила имело место на Земле лишь один раз, когда Деве Марии ангел принес весть, что Она забеременеет от Святого Духа. Явление Непорочного Зачатия действительно произошло, согласно Новому Завету, и во всех церквях в декабре отмечают Праздник Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии!

Именно связанная с этим мысль пронзила меня, когда я прочитал, что на плащанице, на которой, как многие считают, отпечатано тело не кого иного, как Иисуса Христа, найдены гены из У-хромосомы. Значит, Бог не отменил Своего же закона о биологической сути мужчин и женщин, и если мы имеем дело с ДНК Христа, то и у него — мужчины — есть те же Х и У-хромосомы, как у всех других людей в нашем мире! Но тогда неминуем вопрос о происхождении этой У-хромосомы: от кого она пришла к Деве Марии? Пытаться давать ответ на этот вопрос для священника кощунственно, но и проходить мимо него немыслимо для мыслящего человека.

В Новом Завете, разумеется, не раскрывается биологическая суть Иисуса Христа. В Евангелии от Луки сказано, что Деве Марии, «обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова», явился «Ангел Гавриил от Бога И сказал Ей Ангел: не бойся Мария, ибо ты обрела благодать от Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь Сына. И наречешь Ему имя Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его» (Лк. 1: 27 и 30-32). И в двух других Евангелиях сказано, что Дева Мария «имеет от Духа Святого» (напр., Евангелие от Матфея, гл. 1, ст. 18), а во всех четырех Евангелиях

согласно и одними словами говорится, что по окончании крещения Иисуса в реке Иордан Иоанном Крестителем «разверзлись небеса», с неба на Иисуса спускался Дух Божий и несся глас Божий, «глаголящий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (там же, гл. 3, ст. 13).

Но если Бог решил произвести на свет Своего Сына, Иисуса, и выбрал для этого будущую Мать Своего Ребенка Марию, то нужно ли понимать это так, что и хромосомы, переданные Ей (с помощью Духа Святого, сыгравшего роль вектора для их передачи), следует квалифицировать как хромосомы Бога? Изучение генов У- хромосомы на плащанице, якобы хранящей какие-то материальные остатки Иисуса Христа, приобретает в связи с этим особое значение.

Поэтому не случайно, что я попытался разыскать в научных, а не в газетных или информационных, изданиях работу Виктора Трайона с описанием полученных результатов. Ни одной публикации на эту тему я найти не смог. Тогда я нашел телефон Центра перспективных ДНК технологий и позвонил в Техас, спрашивая номер телефона директора Центра Виктора Трайона. Мне было объяснено, что четыре или пять лет назад он ушел из этого центра и вообще из университета и уехал куда-то (называли, в частности, город Сиэтл). Я поговорил с несколькими сотрудниками университета в Сан Антонио, но никто даже не знал примерно, где Трайон сейчас работает.

— Это было так давно,— пояснял каждый, кому я звонил.

И все-таки мне удалось разыскать этого ученого, он теперь работает в биотехнологической фирме Source Precision Medicine, расположенной в городе Боулдер в штате Колорадо. Наконец, 30 июля 2003 года я смог дозвониться до него, и мы подробно поговорили о его прошлой работе. Я объяснил, почему меня это интересует, рассказал о своем старом интересе к плащанице, сказал, что после переезда в США первые два года работал в Охайском университете в городе Коламбус.

— А я в этом же университете на кафедре инженерной микробиологии выполнил свою докторскую диссертацию и там же ее защитил,— сообщил мне Виктор. Вполне благожелательный контакт был установлен, и мы перешли к обсуждению анализа ДНК на плащанице.

Прежде всего он сказал мне, что потому и нет научных публикаций о ДНК на плащанице, что уверенных и научно обоснованных данных в его распоряжении не было. Ему не удалось заполучить достаточное для уверенного анализа количество материала от хранителей плащаницы, нельзя было составить хорошие контрольные образцы, вообще проблема контролей (центральная в экспериментальной науке) не могла быть решена адекватно поставленным целям. Единственное, что тогда удалось показать, что какая-то ДНК на плащанице присутствует, а затем, используя соответствующие праймеры (короткие участки ДНК, точно совпадающие с последовательностями изучаемого гена) для ПЦР-реакции, удалось выловить сигналы для трех генов (причем одного из У-хромосомы), но этого было явно недостаточно для выводов, обнародованных Гарза-Вальдесом. Участки ДНК были к тому же слишком короткими, хотя возможно, что материал У-хромосомы в препарате с плащаницы присутствовал. Но ничего определенного сказать нельзя.

— Но ведь найденная ДНК могла попасть на плащаницу случайно, например от множества людей, соприкасавшихся с плащаницей за сотни, а может быть, и тысячи лет? — задал я Виктору вопрос.

— Разумеется,— согласился он со мной, и мы немного поговорили о необходимых для подобной работы контрольных образцах.

В целом же, сообщил мне Трайан, выводы, сделанные от его имени Гарза-Вальдесом, были недопустимо преувеличены.

— Намереваетесь ли вы в будущем продолжить эту работу? — спросил я доктора Трайона. Его ответ был отрицательным.

Таким образом, приходится признать, что в этом вопросе горячие ожидания чуда бежали впереди точно проверенных фактов, и на самом деле ничего определенного о «ДНК Бога» говорить нельзя. В этом вопросе все заявления пока остаются безответственными и спекулятивными.

15. Скрытая в плащанице информация о трехмерности объекта, изображенного на ней

Если уж говорить о тех, кто посвятил себя изучению плащаницы, то нельзя не упомянуть о Джоне Джексоне. Именно Джексон был тем кристаллизующим центром, вокруг которого сгруппировались все специалисты по физике, математике и химии, составившие позже Исследовательский проект по изучению Туринской плащаницы — STURP.

А началось все это так. Впервые Джексон увидел фотографию плащаницы в возрасте 14 лет и с тех пор «заболел» ею. Он прочел две книги на эту тему и, когда подошел срок готовить дипломную работу в университете (он учился на физическом факультете), решил просить деканат позволить ему выполнить исследование о плащанице. Просьбу расценили как странную и отказали. Пришлось работать над другой темой.

По окончании университета молодой физик ушел работать в военную организацию. Но бросать научную деятельность он не собирался. К этому времени он уже был женат и был счастлив — у него родились двое ребятишек. Поэтому он выбрал в качестве места для прохождения аспирантуры высшую военную школу — аспирантский колледж военно-морских сил США в Монтерее, который оплачивал все расходы по учебе и проживанию. Ему присвоили звание лейтенанта военно-воздушных сил США. Через четыре года он стал доктором физических наук и был направлен в Лабораторию вооружений в Альбукерке. Здесь ему пришлось включиться в сложную работу по созданию лазерного оружия и устройств, испускающих пучки частиц.

Через несколько лет желание заняться в свободное время плащаницей не только не угасло, как это нередко бывает с идеями юности, а, напротив, окрепло. Двадцативосьмилетнему Джону Джексону не давала покоя идея, которая никому до него в голову не приходила. Он не считал плащаницу подделкой, рисунком средневекового или более раннего художника, это было бы неинтересным. Его мысли все время возвращались к тому моменту, когда белая ткань вобрала в себя рисунок тела. Как полотно стало плащаницей, когда на него положили тело и накрыли его свободным куском ткани? Ведь ткань не могла равномерно прилипнуть ко всем точкам тела. Где-то — на лбу, на носу, подбородке — она должна была касаться тела, но глазные ямки или шея вряд ли были в контакте с тканью. Значит, если какие-то вещества выделялись из тела,

то в точках касания они должны были проявиться на ткани сильнее, а в отстоящих от тела точках слабее.Тогда нужно искать «фактор расстояния», который можно измерить, а затем обработать математически, и, быть может, он даст информацию о природе процесса формирования изображения. А чтобы искать этот фактор, нужно измерить плотности изображений на плащанице.

Джексону удалось заинтересовать проблемой консультанта военно-воздушных сил США Дональда Девана, специалиста по анализу снимков, и вдвоем в свободное время они стали изучать фотографии плащаницы. На приборе, определяющем степень почернения снимков — микроденситометре,— они сделали 750 тысяч измерений. Теперь в памяти компьютера хранилась информация о всех точках, просмотренных на фотографии плащаницы. Правда, фотография была не очень качественной, и тогда Джексон, не особенно надеясь на успех, все же написал письмо в Италию президенту Гильдии Святой плащаницы отцу Адаму Оттербейну, прося выслать качественный снимок. Тот быстро прислал фотографии, которые просили физики. К тому времени Джексону удалось привлечь к работе еще одного юного и талантливого физика, только что перешагнувшего порог двадцатилетия, Эрика Джампера, специалиста по термодинамике, работавшего в той же военной лаборатории. С ними вместе над той же проблемой трудился еще один сотрудник их фирмы — Руди Диттл.

Когда они измеряли плотности на более качественном снимке, Джексона осенила новая идея. Он решил определить расстояния сначала между самыми высокими точками на теле распятого человека и самыми низкими точками рельефа его тела, а затем между другими точками, чтобы, сопоставив их, найти «теоретическую функцию», а затем уже сравнить с тем, что удалось измерить в денситометре.

Для осуществления этой идеи на практике Джексону и Джамперу пришлось немало повозиться. Они изготовили из куска муслина точную по своим линейным размерам копию плащаницы, на которую затем Джексон спроектировал диапозитив с плащаницы, а Джампер тщательно обрисовал на «шаблоне» все основные детали изображения — участки, соответствующие глазам, носу, волосам, пальцам и т. п., указал места подтеков крови, нарисовал даже все участки, прожженные в 1532 году, и обвел контуры всех заплат.

После этого они собрали друзей и знакомых и попробовали найти среди них тех, кто был бы наиболее близок по своей конституции к «модели». 11 добровольных помощников согласились подвергнуться процедуре обмеривания с тем, чтобы отыскать мужчину, наиболее схожего с «моделью». Так был выбран один из офицеров военно-воздушных сил, больше всех соответствовавший муслиновому «шаблону».

Этого офицера положили на спину на стол, накрыли «шаблоном», совместили так, чтобы каждая деталь изображения располагалась точно над соответствующей ей частью тела. Вслед за тем были сделаны фотографии, так чтобы тело было видно сбоку сначала с лежащей поверх тела тканью, а затем без нее. Теперь обе фотографии наложили друг на друга и приступили к точным измерениям расстояний между телом и тканью по всей линии рельефа тела. Полученные цифры можно было сравнить с результатами денситометрии, т.е. измерения плотности изображения. Чтобы сделать это, в компьютеры ввели про-

грамму для выбора из всего массива данных денситометрии только тех цифр, которые характеризовали плотность тела вдоль линии самых высоких точек его рельефа. Эта линия прошла через центр лба, переносицу, нос, центр губ, подбородок и далее, вплоть до ног.

Теперь настал момент математической обработки данных. Цифры, показывающие ход обеих кривых (расстояния от ткани до тела и кривой изменения плотности вдоль рельефа тела), снова ввели в ЭВМ и подсчитали функцию совпадения (корреляции) обеих кривых для каждой точки рельефа. Корреляция оказалась почти всюду столь высокой, что сомнений быть не могло: ткань на теле распятого могла лежать только так, как сделали Джексон и Джампер в отношении их «модели». Можно было и переиначить этот вывод, сказав, что «полученные коррелятивные зависимости подтвердили, что изображение содержит информацию о расстоянии «ткань—тело»[117].

Чтобы наглядно показать смысл отмеченной корреляции, Джексон и Джампер совместили на одном рисунке кривую плотности и фотографию добровольца с «шаблоном» (рис.15). Масштаб кривой плотности был избран таким, чтобы его длина соответствовала длине тела добровольца. Совмещение показало, что почти везде против тех мест тела добровольца, от которых ткань «шаблона» была удалена больше всего, располагались самые высокие пики кривой относительной плотности изображения.

Значимость этого открытия была весомой. Ни при каких ухищрениях ни один художник не мог бы добиться столь точного, математически безупречного совпадения плотности рисунка по большинству точек с кривой распределения расстояний от тела до ткани. Нерукотворность изображения становилась все более очевидной.

А дальше ученых ждало еще более важное открытие. В начале 1976 года судьба свела Джексона с Вильямом Маттерном — сотрудником мощного американского исследовательского центра Sandia Laboratories, выполнявшего исследования в области ядерной энергетики, оружия и работы по аэрокосмической тематике. В этом Центре был прибор, позволявший получать на экране компьютера объемное изображение с особым образом выполненных фотографий.

Чтобы понять необычность этих фотографий, нам потребуются кое-какие пояснения. Итак, человек воспринимает объемность предметов благодаря наличию двух глаз. Зрительная информация, поступающая в каждый глаз, собирается в мозгу, перерабатывается там, и в результате этого два изображения сливаются в один зрительный образ. Возникнет объемное, пространственное, или трехмерное, или, как его еще называют, стереоскопическое восприятие.

При фотографировании объемных предметов получается лишь двумерная (плоская) картина. Чтобы получить трехмерную, объемную картину, необходимо сфотографировать один и тот же объект с двух точек, удаленных друг от друга на точно измеренное расстояние. Две плоские картины (стереопары) могут быть размещены затем так, чтобы каждый глаз человека видел только

---

[117] *J. P. Jackson, E. J. Jumper, R. W. Mottern, K. E. Stevenson.* The three-dimensional image on Jesus' burial cloth. — In: Proc. 1977 USCRST, (см. сноску 9 наст. изд.), p. 74; *E. Jumper at al.* The Numismatist, July 1978, p. 1349.

одну из картинок — и тогда в мозгу возникает объемный образ отснятого таким образом объекта. Глубина реального объекта будет воспроизведена.Такой прием двойной съемки используется в стереоскопическом кино, стереофотографии, стереотелевидении и в научных приборах.

Но в последние годы, благодаря успехам техники, удалось создать аппараты, которые способны переносить информацию, предназначенную для двух снимков, на одну пленку или один снимок. Такие снимки отличаются от обычных некоторым искажением пропорций воспроизведенных на снимке предметов, измененной плотностью отдельных частей изображения. Эти плоские с виду снимки содержат в себе скрытую трехмерную информацию. Вполне понятно, что получение подобных снимков — технически трудная задача, решение которой стало возможным лишь в последние годы благодаря совместным усилиям представителей многих наук.

Нужда в таких снимках стала особенно острой после создания космических аппаратов, посылаемых на другие планеты. Ученым нужно было добиться совмещения в одном снимке информации, которую раньше можно было получить только от двух удаленных друг от друга фотоаппаратов, работающих раздельно, а затем передать эту «сдвоенную» информацию одномоментно, чтобы избежать двойных искажений и ошибок как при передаче сигналов с других планет, так и при их приеме на Земле. Чтобы расшифровать эту информацию, проверить, не произошел ли все-таки сбой в работе съемочной камеры или передающей и принимающей аппаратуры, были созданы специальные приборы и в их числе «Анализатор изображения VP 8», входящий в особую «Систему интерпретации» снимков». В частности, подобные анализаторы были использованы для дешифровки снимков с Марса, сделанных космической станцией «Викинг».

Такой аппарат использовали в центре, где работал Билл Маттерн, и по его просьбе ответственный за VP-8 сотрудник, Питер Шумахер, помог провести анализ маленькой диапозитивной пленки с видом плащаницы размером 8 х 13 см. Собственно говоря, надежды на то, что с помощью чудодейственной машины можно будет сказать хоть что-то определенное об объемных свойствах изображенного на ней человека, было мало. Обычные фотографии давали в «Анализаторе изображения» искаженную картину (рис. 16).

Добавление 2003 года: *Шумахер на конференции в 1999 году особо подчеркивал это обстоятельство и вспоминал: «В 1972 году VP-8 был изобретен. Я отвечал за внедрение его в производство и доставку. Я разработал и вел документацию работающих устройств. В течение 6 лет я устанавливал приборы и тренировал операторов. Примерно в 1976 году я принес и установил устройство на дому у капитана Эрика Джампера из ВВС США. Капитан Джон Джексон, тоже из ВВС США, присутствовал при этом. Я тщательно установил систему и проверил его калибровки», цит по: P.M.Schumacher. 1999. Programmmetric responses from The Schroud of Turin. The 1999 Richmond Conference on Shroud of Turin, International Research Conference, June 18-19-20, 1999, Mary Mother of the Church Abbey Richmond, Virginia, p. 2, см. www.shroud.com/richmond.htm).*

Маттерн укрепил диапозитив в нужном положении, нажал на кнопки... и все трое застыли в оцепенении. На экране дисплея возникло четкое изобра-

жение лежащего на смертном одре человека со сложенными руками, с косичками волос, уходящих за шею (в полном согласии с древними еврейскими правилами), с вытянутыми ногами (рис. 17). Поворачивая фотографию под разными углами, Шумахер смещал картинку на дисплее, и тогда можно было разглядеть тело распятого то под одним, то под другим углом зрения.

Сомнений не было: изображение на плащанице несло в себе скрытую трехмерную информацию. Тысячи людей, видевшие плащаницу на протяжении долгого, многовекового ее существования, не подозревали, да и не могли подозревать, что эта Святая Реликвия Церкви несет в себе поистине чудодейственное свойство, наконец-то, через толщу веков, дошедшее до людей.

Понадобились огромные ухищрения человеческого ума, чтобы открыть людям то, что было сохранено в слабых, еле видных коричневатых очертаниях снятого с креста человека, умершего мученической смертью. Когда на глазах у трех людей, спустя почти две тысячи лет после его смерти, на синеватом экране дисплея зримо обрисовался образ тела распятого мученика, это было сродни чуду Воскресения. Позже Джексон, Джампер и Эрколайн попросили профессиональных художников тщательно, следя за каждым световым нюансом, перерисовать плащаницу. Просьба была выполнена, но когда эти картинки ввели в аппарат VP 8, последний выдал сильно искаженное объемное изображение. Тогда по фотографиям плащаницы попытались изготовить как можно точнее пластиковую фигуру распятого. Фотография статуи в VP 8 снова дала грубые искажения. Затем бюст покрыли фосфоресцирующей краской, снова сфотографировали и снова ввели в «Анализатор изображения». И опять искажения остались[118].

Таким образом, все попытки вручную, разными художественными средствами воссоздать плащаницу, которая бы имела свойства, сходные с Туринской, оказались тщетными. По объемному изображению, полученному в VP 8, была сделана модель тела распятого из папье-маше, которая, видимо, достаточно схожа с фигурой человека, отпечатавшегося на плащанице (рис. 18).

16. Есть ли монета на глазах распятого?

Но этим дело не ограничилось. У Джексона была еще одна пленка — слегка увеличенный диапозитив с изображением головы распятого. Когда ее ввели в аппарат VP-8, части головы стали еще более различимыми (рис. 19), и тут Джексон заметил поразившую его деталь. На глазах умершего что-то лежало, какие-то плоские кругляшочки с неровными краями. Джексон отправился в библиотеку и нашел «Еврейское ежеквартальное обозрение за 1898 год», в котором рассказывалось о якобы древнем обычае евреев — закрывать веки у мертвецов монетами.

Добавление 2003 года: *Существование этого обычая в древние времена оспаривает итальянский историк Антонио Ломбатти (см. его заметку «Doubts Concerning Coins Over the Eyes», British Society for the Turin Shroud, 1997, № 45, pp. 35-37, а также дискуссию на Интернете: http://www.shroud.com/lombatti.htm).*

Позже удалось лучше рассмотреть мельчайшие детали. Были сделаны более совершенные фотографии и отработана методика устранения погрешностей,

[118] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), pp. 207-208.

вызванных переплетением нитей на ткани. Для этого особая машина переводила плотности на всей фотографии на язык цифр, последние вводились в самые совершенные компьютеры, машина вычитала все лишнее и снова переводила цифры в изображение. Теперь кругляшочки на глазах стали еще более заметными и напоминающими монеты. Вроде бы можно было даже прочесть на них надписи.

В 1982 году американцы Алан и Мэри Уэнгер, используя главным образом фотографии 1898 т 1931 года, применили поляризованный свет и смогли прочитать первые четыре буквы UCAT на одной из монет. После публикации их данных в 1985 году (Alan D. and Mary Whanger. 1985. Polarized Image Overlay Technique / A New Image Comparison Method and its Application. Applied Optics, v. 24, No. 6, pp. 766-772) волна поддержек и критики прокатилась в научной и особенно в популярной и массовой литературе. Археолог Эрик Майерс (разумеется, даже не вспоминая о поляризационных микроскопах и прочей технике) обвинил с налету Уэнгера-мужа в «изготовлении фальшивки, в безответственности, злостном надувательстве». Однако известный специалист по компьютерному анализу образов Роберт Хералик нашел, что можно прочесть еще две буквы, и расшифрованная часть надписей на монетах стала читаться как OUCAIC.

Постепенно некоторые из тех, кто оказались вовлеченным в эту работу, стали соглашаться, что первоначальное заявление Уэнгеров, что на монетах было отбиты два слова: TIBERIOU CAICAROC (Тиберий император), по-видимому, правильно. Это только подлило масла в огонь критики со стороны историков и тех, кто знал греческий язык. Уэнгера обвинили в элементарной невежественности. Ведь слово «император» должно было писаться KAICAROC, а имя Тиберий как TIBERIOY. Особенно горячился Ломбатти, воспользовавшийся Интернетом как трибуной для нападок на всяких там неграмотных оптиков из-за океана. Сначала он придирался к незнанию других, кроме английского, языков, затем обвинял авторов работ о плащанице в неаккуратном обращении с датами. Его тут же уличили в манипулировании датами: он нехотя признал ошибку, но не отступал в главном — греческом написании слов. Его еще и еще раз уличали в ошибках, но он не унимался, и на каждое новое выступление с указанием его ошибок отвечал длинными посланиями с приведением новых «ошибок» (см. http://www.shroud.com/lombatti.htm).

И вот тут произошло совсем неожиданное. Американский исследователь, профессор иезуитского университета (Loyola University) в Чикаго Фрэнсиз Филас (с помощью чикагского эксперта в нумизматике Майкла Маркса), обратился к нумизматам. Те сразу в нескольких коллекциях в мире нашли пять монет, на которые прежде не обращали внимания, но на которых была выбита именно эта надпись TIBERIOU CAICAROC. Позже нашли еще несколько таких монет. Они были выпущены римским императором Тиберием (жил с 42 г. до Р.Х. по 37 г. от Р.Х., правил империей с 14 по 37 г. от Р.Х.).

Разгадка казуса может быть объяснена следующим образом (она приведена Уэнгером в его дискуссии с Ломбатти). При печати монет в Риме (там в основном печатали серебряные деньги более крупного достоинства) применяли греческое написание. Но в далекой заморской провинции с чистотой официального языка было плохо, пуританизм не всегда брал верх, и бытовало и латинское написание обоих слов (TIBERIUS CAESAR). Кроме того, некоторые резчики форм для отливки монет (особенно более мелких — медных) иногда не были в ладах ни с гре-

ческой, ни с римской лексикой и грамматикой и могли написать одно слово почти по-гречески, а другое почти по-романски. Так и могло получиться, что один из граверов родил на свет форму, на которой оказалась надпись TIBERIOU CAICAROC, прочитанная на отпечатке на плащанице.

Самым поразительным открытием стало то, что именно на этих «неграмотных» монетах был проставлен год — это был в нашем летоисчислении 29-й год от Рождестова Христова!

По поводу присутствия монет на глазах отпечатанного тела распятого до сих пор идут дебаты, но пока допустимо говорить, что такая деталь может быть реальной. И если на плащанице действительно отпечатано тело Иисуса Христа, то время выпуска монет в свет может иметь существенное значение, ибо почти невозможно предположить, чтобы те, кто якобы сфабриковал плащаницу в 14 веке, сумели так потрудиться, что смогли найти монеты с неправильным греческим, да еще столь старые монеты, да еще так точно совпадающие по времени с теми годами, когда Иисус Христос вел земную жизнь и в конце концов по лживому обвинению был распят и погиб мученической смертью.

17. Как же могло возникнуть изображение?

Гипотезы действия паров на ткань. Первой научной гипотезой, в рамках которой была сделана попытка объяснить возникновение изображения, была гипотеза П. Виньона о действии на ткань паров, выделявшихся из тела умершего[119]. Отправной точкой гипотезы Виньона был известный ученым факт непроизвольного потоотделения при сильной боли. В составе пота содержатся молекулы мочевины. Поскольку она может разлагаться на углекислый газ и аммиак, можно допустить, что оба газообразных вещества будут некоторое время выделяться из тела даже после смерти.

Второй существенный момент в гипотезе Виньона заключался в предположении, что погребальные одежды могли быть намочены в смеси веществ, называемой алоэтином и содержащей алоэ и оливковое масло. Виньон считал, что пары аммиака, взаимодействуя с алоэтином, вступали в химическую реакцию, конечным продуктом которой были коричневато окрашенные вещества.

Основываясь на этом, Виньон и предложил гипотезу, которая привлекла большое внимание. По его мнению, из тела умершего, без сомнения, подвергшегося жестоким истязаниям и потому покрытого высохшим потом с большим количеством мочевины, выделялся постепенно аммиак, который попадал на ткань и образовывал на ней коричневые пятна. Чем ближе была ткань к какой-либо части тела, тем скорее аммиак достигал ткани в этой точке и тем меньше он разбавлялся воздухом. Поэтому, считал Виньон, в таких местах рисунок был четче и плотнее. В других местах рисунок был более светлым, потому что менее концентрированные пары аммиака достигали поверхности ткани.

Гипотеза эта при всей ее оригинальности подвергается критике. Во-первых, изображение, формируемое под действием диффундирующих паров, должно было

[119] *Paul Vignon*. The Shroud of Christ. London, 1902; *P. Vignon*. The Shroud of Christ, reprinted by University Books, New Hyde Park, New York, 1970; *P. Vignon, E. A. Wueshel*. Scient. Amer., 1937, v. 156, p. 162.

иметь особые свойства, задаваемые законом диффузии $D \sim L^2/t$, где L — длина среднего пробега молекулы, а t — время. Однако эта закономерность, выведенная А.Эйнштейном для любых процессов диффузии, здесь могла принять наиболее простую форму, так как процессы диффузии от неподвижного источника паров в закрытом пространстве в грубом приближении могли быть описаны формулой:

$$D \sim 1/r^2$$

где r — среднее расстояние от источника диффундирующих молекул. Но распределение плотности рисунка не соответствовало закону диффузии: плотность не менялась в зависимости от квадрата расстояния ткани от тела.

Во-вторых, непременная конвекция паров должна была усилить размывание изображения при увеличении расстояния между телом и тканью, чего также обнаружено не было[120]. В-третьих, изображение со стороны спины, где тело плотно прилегало к ткани, должно было быть более интенсивным, а на самом деле оно не отличалось существенно по плотности от изображения спереди[121]. В-четвертых, как мы уже видели, физические методы исследования доказали, что никаких следов оливкового масла или алоэ, или любых других нанесенных извне органических веществ на ткани не содержится.

Кроме того, Виньон предполагал, что ткань на теле умершего была влажной (в противном случае изображение бы не возникло). Но тогда неминуемо пары аммиака проникли бы внутрь ткани и окрасили ее на всю глубину, а этого не произошло[122]. Интересно подчеркнуть в этой связи такую деталь: Виньон строил свои рассуждения чисто теоретически, плащаницу он не видел, а потому не мог знать, что изображение имелось только на поверхности ткани. То, что это именно так, было обнаружено много десятилетий спустя.

Еще одно заблуждение выяснилось, когда было подсчитано количество аммиака, необходимого для создания изображения нужной плотности. Оказалось, что его нужно гораздо больше, чем может выделиться из тела человека при любых условиях[123].

Позже были предложены еще некоторые модификации гипотезы о возникновении изображения под действием выделившихся из тела паров. Они также были проверены и отвергнуты. Такая участь, в частности, постигла гипотезу о возможной роли сальных выделений[124].

Примечание 2003 года: *Недавно Роджерс развил дальше разбираемую гипотезу (см. ссылку на его и А. Арнольди статью в Предисловии), в которой главное внимание обращено на то, что известная химическая реакция аминов с полисахаридами или олигосахаридами (реакция Мэйяра) может быть ответственна за возникновение изображения. Роджерс полагает, что испускаемые из тел умерших людей амины могли взаимодействовать с молекулами, присутствовавшими на ткани пла-*

---

[120] *J. P. Jackson.* In: *K. Stevenson* (ed.) (см. сноску 9 наст. изд.), p. 223.

[121] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 209.

[122] *E. J. Jumper.* In: Proc. 1977 USCRST (см. сноску 9 наст. изд.), p. 182.

[123] *J. Nickel.* Pop. Photogr., 1979, v. 85, 97.

[124] *T. Humber* (см. сноску 67 наст. изд.).

щаницы. По его мнению, и цвет получаемых в ходе этой реакции продуктов напоминает цвет изображения на плащанице. Он отмечает, что реакция Мэйяра, в частности, объясняет потемнение пивного сусла в процессе приготовления пива и приобретение конечным продуктом такого же золотистого оттенка. По-видимому, возражения, выставленные по поводу более ранних гипотез о роли выделений из тел умерших людей, приложимы и к гипотезе Роджерса (см. также его статью на сайте Интернета: R.N.Rodgers. The chemistry of autocatalytic processes in the context of the Shroud of Turin, 5 pages, http://www.shroud.com/papers).

Гипотезы задержанного во времени проявления изображения. Следующая группа гипотез может быть объединена под названием «гипотезы, объясняющие возникновение изображения на ткани более поздним его проявлением». Наиболее разработанный ее вариант предложил С. Пелликори[125]. По аналогии с тем, как иногда получают изображение на ткани или бумаге с помощью отжига, он попробовал применить такой отжиг к льняной ткани: в течение 7,5 часов он держал ткань при 150°С и получил пожелтение поверхности с примерно такими же спектральными свойствами и флуоресценцией, какие были выявлены на плащанице в зоне изображения. (Уместно отметить в связи с этим, что чистая целлюлоза начинает выделять газообразные вещества, «дымиться» при температуре около 310°С[126]). Получалось, что длительное выдерживание при не очень высокой температуре могло способствовать появлению изображения, весьма схожего с изображением на плащанице. Но теперь нужно было объяснить, почему же изображение имело вполне определенные очертания, почему не потемнела вся ткань, а также постараться снизить предел тех температур, при которых мог осуществиться данный процесс.

Пелликори решил смоделировать его, чтобы подобрать условия пожелтения, близкие к реальным. На кусок ткани были нанесены тонким слоем секреты, выделяемые нормальной кожей (потовые и сальные выделения), а также мирра и оливковое масло. Обработанную таким образом ткань подвергли отжигу на воздухе и установили, что для получения изображения можно теперь использовать чуть меньшую температуру — 140°С, и при этом на весь процесс ушло в два раза меньше времени — только 3,5 часа. Желтоватое изображение при таких условиях возникло только в тех местах ткани, где были нанесены «рисунки» кожными выделениями. Цвет рисунка был примерно таким же, как на плащанице. В дальнейшем температуру отжиги удалось снизить еще больше (до 125°), удлинив время обработки. Спектральные характеристики пожелтевших участков были близки характеристикам изображения на ткани.

Итак, ядром гипотезы стало предположение, что после того, как тело распятого было уложено на один конец длинного куска льняного полотна и накрыто другим его концом, оно находилось в таком положении без смещения сутки или двое. За это время выделения из тела могли отпечататься на ткани, а уж затем они могли оставаться на ней сколь угодно долго. Если бы позже эта ткань попала в условия повышенной температуры, то изображение проступило бы на

---

[125] *S. F. Pellicori.* Spectral properties of the Shroud of Turin. Applied Optics, 1980, v. 19, No. 12, 1913-1920.

[126] *N. M. Bikales, L. Segal* (см. сноску 98 наст. изд.).

ткани и имело бы те свойства, которые отметили физики и химики. Авторы гипотезы указывали[127], что одним из точно установленных моментов, когда ткань побывала в таких условиях, был пожар 1532 года. Тогда температура внутри ларя, в котором хранилась плащаница, была наверняка около 200°С[128]. Конечно, исключить, что подобное повреждение огнем не случилось раньше, никто не мог[129].

Попытался Пелликори найти удовлетворительное объяснение и еще одному факту: отсутствию на ткани следов мирры, масел и других органических и неорганических веществ. Выход из положения он видел в том, что все эти вещества, включая и продукты пиролиза (возгонки) материала ткани, несомненно, имевшего место при пожаре 1532 года, могли или улетучиться за многие сотни лет хранения ткани, или обесцветиться и подвергнуться химической трансформации, или просто отмыться, если ткань стирали.

Другое обстоятельство — наличие изображения только на поверхности ткани — было более существенным. Согласно гипотезе Пелликори, потовые и сальные выделения, так же как мирра и масла, могли, конечно, попасть только на поверхность ткани (возможно, их количество было невелико), хотя трудно понять, почему эти вещества не проникли внутрь нитей, ведь хорошая капиллярность ткани плащаницы была четко показана. Правда, Моррис и соавторы ссылались на мнение Дружика о том, что если бы на ткани было повышенное содержание атомов кальция, то ионы последнего могли сыграть буферную роль и удержать молекулы всех «окрашивающих» веществ от проникновения внутрь ткани[130].

В общем, нельзя не согласиться, что гипотеза Пелликори была более продумана, чем гипотезы о действии паров. Тем не менее первичный механизм переноса веществ с тела умершего на ткань не был достаточно ясен. Если бы тело отпечаталось на ткани за счет простого контакта его с поверхностью материала, было бы трудно объяснить различия в плотности изображения, имеющиеся в ограниченных по размеру участках изображения. Если бы эти вещества попали на ткань при улетучивании с поверхности тела и конвекционном переносе, то оставались бы справедливыми все те ограничения, которые были отмечены в отношении гипотезы о действии паров.

По мнению Пелликори, более подходящей является гипотеза прямого контакта. В подтверждение этого Миллер и Пелликори[131] привели данные, что слиш-

---

[127] *S. Pellicori, M. S. Evans* (см. сноску 106 наст. изд.).

[128] Чистое серебро плавится при температуре 960°С, а при наличии в нем примесей эта температура может понижаться на 110-140°. Р. Роджерс рассчитал, что температура внутри ларя должна была достигать примерно 200°С (J. Heller — см. сноску 63 наст. изд.).

[129] И. Уилсон указывает, что на плащанице есть следы повреждений, возникших ранее 1532 года (см. сноску 35 наст. изд., с. 30). Высказывалось мнение, что плащаница могла получить эти ожоги в 1349 году во время пожара в кафедральном соборе Безансона, где её якобы прятали после четвертого похода крестоносцев (1204 г.), но Уилсон считает, что нет никаких доказательств ни в пользу пребывания плащаницы в Безансоне, ни её повреждения именно в 1349 году (там же, с. 342).

[130] *R. A. Morris, L. A. Schwalbe, R. J. London* (см. сноску 87 наст. изд.), p. 40.

[131] *V. D. Miller, S. F. Pellicori* (см. сноску 115 наст. изд.), p. 71.

ком тонкие детали неразмытого рисунка, выявленные при увеличении фотоснимков, отвергают гипотезу конвекционного переноса. Еще более определенным этот вывод стал после использования совершенных оптических методов. Так, вначале видимые на ткани следы бичевания, особенно в области спины, казались диффузно-размытыми гантелеобразными пятнами. Но при изучении флуоресценции от этих участков было выявлено, что пятна образованы четкими, как бы процарапанными линиями. В некоторых из пятен удалось различить три, а иногда и четыре параллельных царапины, образующих гантелеобразный след бичевания. Такие царапины, заключил Пелликори, могли запечатлеться на ткани только при прямом ее контакте с телом.

Однако, повторяю, при учете механизма прямого контакта ткани с телом распятого трудно объяснить изменение в плотностях изображения на плащанице.

Интересную модель, до некоторой степени устраняющую эти трудности, предложил Дж.Герман[132]. Если ткань плащаницы была первоначально жесткой (либо от прессования, либо от накрахмаливания), то после наложения ее на тело она должна была вначале контактировать с более высоко расположенными точками рельефа тела, а затем, либо от действия испарений, исходящих от тела, либо из-за влажности атмосферы в гробнице, она могла терять жесткость, отмякать и ложиться все более глубоко во впадины, расположенные на теле человека, подобно тому, как накрахмаленная сорочка постепенно прилипает к телу в жаркий день.

Предположение Германа снимало часть вопросов, так как приемлемые характеристики плотности изображения можно было получать, если варьировать время контакта между тканью и телом. Расчет показывал, что чем дольше длился контакт (например, в более высоких точках рельефа), тем плотнее должно было получаться в этих местах изображение.

Уместно подчеркнуть, что автор рассматривает лишь вопрос о способах попадания веществ тела на ткань, соглашаясь с тем, что позже каким-то образом (например, так, как предполагает Пелликори) эти вещества могли быть «проявлены» и «зафиксированы».

Модель Германа действительно содержит удовлетворительное объяснение многим физико-химическим данным, полученным при изучении изображения на плащанице, но и она должна быть верифицирована и при этом должна удовлетворять весьма строгим ограничениям, налагаемым как на время контакта разных участков с телом, особенно в области лица, так и на возможность получения с изображения информации для трехмерной развертки.

К этим же моделям задержанного во времени проявления изображения можно отнести предложение Никеля[133], в котором он рассматривает возможность изменения поверхности влажной ткани и приспособления ее для отпечатка подходящего рельефа какой-либо модели. При высыхании ткани на нее может попасть какой-нибудь тонко измельченный пигмент. Поскольку такового на ткани найдено не было, автор предположил, что в случае плащаницы это могли быть вещества, изменяющие целлюлозу или делающие ее более

[132] *J. D. German.* In: Proc. 1977 USCRST (см. сноску 9 наст. изд.), p. 234.

[133] *J. Nickel.* Humanist, 1978, v. 38, 20; Pop. Photogr., 1979, v. 85, 97.

податливой к старению при хранении, высушивании, подогреве или воздействии солнечными лучами. Он не исключает возможности, что в состав таких «сенсибилизаторов» целлюлозы могли входить атомы железа.

Однако, как справедливо отмечают Швальбе и Роджерс, разбиравшие гипотезу Никеля, нет никаких исторических указаний на то, что такой метод когда-либо существовал, по крайней мере, до XIX века. Трудно также согласиться с тем, что он мог быть придуман, использован для плащаницы и тут же забыт.

Наконец, еще один вариант гипотезы задержанного действия был высказан Смитом, предположившим, что отпечаток на ткани мог получиться от длительного контакта с когда-то существовавшей картиной или трехмерной фигурой распятого человека, точно так, как на страницах старинных книг отпечатываются контуры надписей, шрифта или рисунков с противоположных страниц[134]. Но опять-таки, это предположение страдает тем недостатком, что никаких доказательств в его пользу автор предложить не мог.

Гипотеза возникновения изображения из-за изменения целлюлозы под действием мгновенного повышения температуры или вспышки света. Еще одна возможность открывается в результате проведенных физико-химических исследований поверхности ткани плащаницы. Как уже упоминалось, было выяснено, что на ткани нет никаких посторонних веществ (органической природы или неорганических красителей), которые бы формировали изображение, а было установлено, что целлюлоза, образующая стенки льняных волокон, побурела. Совпадение оптических свойств целлюлозы в участках, умеренно поврежденных огнем 1532 года, и в участках изображения, навело на мысль, что изображение возникло либо под действием тепла, выделившегося в момент, когда ткань находилась на теле, либо под действием мощного источника света, воссиявшего изнутри и как бы выгравировавшего изображение на ткани.

Сама идея о том, что изображение есть результат ожога, была высказана еще в 1966 году Эш[135]. В подтверждение правоты своей мысли автор провел модельный эксперимент с выжиганием изображения на ткани при наложении ее на нагретый латунный орнамент. Выжженное изображение не выцветало со временем. Оно было устойчиво к последующему нагреванию. Если температура даже становилась выше некоторого критического уровня, так что начинал изменяться цвет ткани, то и в этом случае темнели как участки, свободные от изображения, так и несущие изображение. В результате прежний контраст сохранялся. Химические вещества, образующиеся при ожоге, не растворялись в уксусной кислоте, органических окисляюще-восстанавливающих растворителях и многих других реагентах.

В поддержку гипотезы легкого поверхностного ожога говорили, как казалось, многие факты и прежде всего данные спектрофотометрии. Так, Гилберты показали[136], что спектральные кривые отражения света от участков с легким ожогом и участков изображения почти полностью совпали. Отмечалось выше и почти полное совпадение кривых отражения инфракрасного света от участ-

[134] *C. S. Smith.* Science, 1978, vol. 201, p. 572.

[135] *G. Ashe* (см. сноску 95 наст. изд.).

[136] *R. Gilbert, M. Gilbert* (см. сноску 59 наст. изд.).

ков поверхностного ожога, участков с изображением и от поверхности льняной ткани, подвергнутой ожогу.

Однако были высказаны и сомнения по поводу правомочности отождествления свойств легких ожогов 1532 года и изображения на плащанице. С. Пелликори и М. Эванс отметили[137], что хотя спектр отражения света в этих участках совпал, но цвет их слегка различен: ожог имеет более красный оттенок, чем изображение. К тому же В. Миллер и С. Пелликори обнаружили различия между этими участками по характеристикам ультрафиолетовой флуоресценции[138].

На это был высказан контрдовод[99], гласивший, что условия при пожаре 1532 года и в момент получения изображения на плащанице могли быть различными (например, по содержанию кислорода в среде), тем более, что сами Миллер и Пелликори показали, что в среде с нехваткой кислорода целлюлоза при ожоге дает продукты, флуоресцирующие при УФ-освещении красным светом, а в тех местах, которые были ярко прожжены насквозь при пожаре 1532 года, никакой красной флуоресценции в ультрафиолетовом диапазоне не наблюдалось.

Миллер и Пелликори указали еще на одну особенность, говорящую, по их мнению, против гипотезы ожога. Использовав современные льняные ткани, они установили[138], что при их легком отжиге, возникают вещества, дающие при УФ-освещении желто-зеленую флуоресценцию и хорошо растворимые в воде. Поскольку такой флуоресценции на плащанице не зарегистрировали, авторы высказали сомнение в правильности гипотезы ожога[139].

И все-таки без знания условий и причин, вызвавших появление изображения, судить уверенно, верна или ошибочна гипотеза ожога, нельзя. В лучшем случае нужно ждать результатов других исследований, которые бы подтвердили или опровергли категоричное заявление С. Пелликори и его соавторов.

Следует сказать, что в литературе дискутируется и такой вопрос: чем мог быть вызван ожог ткани? Высказывались мнения, что он мог возникнуть при краткой яркой вспышке света или при практически мгновенном разогреве тела до огромной температуры (возможно, такой, при которой тело «испарилось»)[140]. Естественно, что так же быстро температура должна была упасть, чтобы опаленной оказалась только поверхность ткани, а не сгорела бы вся ткань.

Как разновидность гипотезы ожога, рассматривалось предположение о так называемой «горячей статуе»[141]. В литературе упоминается ничем не подтвержденная легенда о том, что якобы в XIV веке существовала такая статуя с обликом Христа, которую могли использовать, чтобы создать «фальшивую плащаницу» (см., например, об этом у Швальбе и Роджерса — сноска 60 наст. изд.). Неизвестны, конечно, ни лица, которые могли быть вовлечены в такую

---

[137] *S. F. Pellicori, M. S. Evans* (см. сноску 106 наст. изд.).

[138] *V. D. Miller, S. F. Pellicori* (см. сноску 115 наст. изд.).

[139] В этом рассуждении авторов можно усмотреть логическое несоответствие с их же предположением о том, что плащаницу могли мыть или даже стирать. Конечно, после этого растворимые флуоресцирующие вещества были бы утрачены.

[140] *K. F. Weaver.* National Geographic, 1980, vol. 157, p. 730.

[141] *B. J. Culliton.* Science, 1978, vol. 201, p. 235.

фабрикацию, ни место, где это могли сделать, ни материал, из которого могла быть выполнена мифическая статуя. Тем не менее, была устроена экспериментальная проверка этой возможности, но она не увенчалась успехом[142].

Были проведены эксперименты и по возможности получения изображения при вспышке яркого света, однако полученные результаты разочаровали: при существующих источниках света не удается вызвать нужное поверхностное пожелтение ткани, а при увеличении энергии вспышки не удается так сократить ее длительность, чтобы устранить более глубокое поражение. Ткань оказывается просто прожженной[143]. Не очень ясна и теоретическая сторона вопроса, так как химические реакции, происходящие при световом ожоге, изучены недостаточно.

Пытались также вызвать ожог с характерной картиной дегидратации целлюлозы обработкой кислотами. В частности, это удалось сделать с помощью концентрированной серной кислоты. Но проконтролировать процесс так, чтобы остановить действие кислоты в нужное время (чтобы она не успела проникнуть в глубже лежащие слои), не удалось[144]. Конечно, если не удается смоделировать этот процесс сегодня, на существующем высоком уровне технологии, то вряд ли следует всерьез предполагать, что в далеком прошлом, при весьма примитивных методах, какие-то люди могли своими силами «выделать» ткань.

Заканчивая этот раздел, можно отметить, что в целом специалисты разных дисциплин сильно продвинулись вперед в исследовании плащаницы. Тем не менее все попытки проникнуть в тайну изображения, понять механизмы его возникновения, остались малорезультативными. Хотя были предложены разнообразные и изощренные гипотезы на этот счет, против каждой из них были выдвинуты серьезные возражения, и, несмотря на все усилия, тайна плащаницы так и остается неподвластной человеческому разумению.

* * *

Изложенные выше результаты работ ученых, объединившихся в Проект STURP, так же как и другие данные, полученные с использованием инструментального или теоретического анализа, обобщены сейчас во многих книгах. Весьма интересный анализ результатов был сделан известным археологом, работавшим в Гонконге, Уильямом Мичемом (*William Micham.* 1983. The Authentication of the Turin Shroud: An Issue in Archeological Epistemology. Current Anthropology, v. 24, No. 3, pp. 283-295). В этом же номере журнала помещены комментарии 14 исследователей по поводу статьи Мичема, в которых отмечена непредвзятость и аккуратность автора в описании изучения Туринской плащаницы.

В октябре 1981 года около 40 ученых, входивших в группу STURP, собрались в США на конференцию, на которой были подведены итоги проделанной работы и принята резолюция, заканчивавшаяся весьма знаменательными словами:

«Для адекватного объяснения изображения на плащанице мы должнеы иметь объяснение, звучащее научно с точки зрения физики, химии, биологии и меди-

[142] *J. R. Jackson.* In: Proc. 1977 USCRST (см. сноску 9 наст. изд.), p. 223.

[143] *L. A. Schwalbe, R. N. Rogers* (см. сноску 60 наст. изд.), p. 27.

[144] Ibid., pp. 3-49.

цины. В данный момент такой тип разрешения вопроса никак не представляется возможным, несмотря на максимум усилий членов Группы STURP. Более того, физические и химические эксперименты со старой тканью неспособны воспроизвести адекватно феномен, представленный на Туринской плащанице. Научный консенсус таков, что изображение было произведено чем-то, что привело к окислению, дегидратации и конъюгации полисахаридной структуры микроволокон самой ткани. Такие изменения не могут быть воспроизведены в лаборатории с помощью определенных химических или физических процессов... Однако, нет химических или физических методов, которые могут быть приняты в расчет для совокупности факторов, объясняющих возникновение изображения, как не могут равным образом быть указаны физические, химические, биологические или медицинские обстоятельства, которые могли бы адекватно объяснить изображение.

Таким образом, ответ на вопрос о том, как было получено изображение или что привело к появлению изображения, остается сегодня, как это было и в прошлом, мистерией.

Мы можем заключить в настоящий момент, что изображение на плащанице есть реальное изображение тела подвергнутого бичеванию, распятого человека. Это не продукт, созданный художником. Продтеки крови содержат гемоглобин, а также дают положительную реакцию на сывороточный альбумин. Изображение остается мистической загадкой, и пока дальнейшие химические анализы не будут сделаны, возможно учеными из этой группы, а возможно некоторыми учеными в будущем, проблема остается неразрешенной» (цит. по: *Peter M. Rinaldi.* On Disproving the Shroud of Turin, Section IX).

18. Откуда появилась плащаница в Турине?

Плащаницу с изображением распятого человека — как утверждали, Иисуса Христа — видимо, впервые продемонстрировали во Франции в Лирэе в 1357 году. Но откуда она пришла? Была ли она древней тканью или «молодой подделкой»?

Ответ на эти вопросы искали многие. Как подсчитал недавно скончавшийся Джон Хеллер, к 1950 году была опубликована солидная литература (около 275 названий) на латинском, французском, итальянском, древнеголландском, испанском, английском, немецком и других языках[145]. Львиная доля работ — как статей, так и книг — была написана либо в защиту, либо в опровержение письма епископа Труанского Пьера де Арси, в котором он называл в 1389 году плащаницу «ловко раскрашенной подделкой». Однако ознакомление с текстом этого письма не вызвало у Хеллера добрых чувств. Он пишет: «Епископ был не просто сердитым — он был взбешен, буен и неистов. Он был параноидален, и я использую это слово не в переносном смысле, а как психиатрический термин»[146]. Никаких заслуживающих внимания сведений, состоящих в основном из ругательств, в письме епископа не содержалось.

В последнее время появилось много серьезных работ, в которых сделана попытка выяснить историю странствования плащаницы по свету и ее про-

---

[145] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 16.

[146] Ibid., p. 17.

исхождение[147]. Наиболее разработанная гипотеза содержится в книге Иэна Уилсона «Туринская плащаница»[148].

Сопоставляя различные исторические данные об изображениях Иисуса — Сударионе, Мандилионе, плащанице, пользующихся славой нерукотворных, Уилсон приходит к заключению, что во всех случаях речь идет об одной и той же ткани, лишь называвшейся в разное время другими именами. На протяжении долгого времени, за которое одни исторические эпохи успевали смениться другими, мог трансформироваться и внешний вид демонстрируемого изображения: ткань могли, например, складывать по-разному и показывать в измененном виде.

Нужда в маскировке могла объясняться желанием спасти Святую Реликвию от воинствующих иноверцев или же от представителей той же веры, но противников всяческих изображений, в частности иконоборцев, движение которых было особенно сильно в VIII-IX веках от Р.Х. Поэтому плащаницу могли прятать, замуровывать в тайники, декорировать накладными решетками и узорами. Так как в измененном виде плащаница могла храниться на протяжении полутысячелетия или даже дольше, сведения о первоначальном облике плащаницы вполне могли исчезнуть. Ведь за это время сменялись десятки поколений людей, рушились одни государства и нарождались другие, в войнах истреблялось культурное наследие, сносились храмы и воздвигались новые, сгорали в кострах и просто исчезали книги и рукописи.

Как могли потомки в десятом колене упомнить, что их пра-пра-прадеды, оберегая секрет своих усилий, сложили ткань в несколько раз и упаковали ее в небольшом ковчеге с золотым окладом? Да и много ли вообще людей могло быть допущено к этой Святыне за многовековую ее историю? Единицы, десятки?

Вот так и могло получиться, что, глядя на один и тот же предмет, но трансформированный до неузнаваемости, люди могли называть его в I веке Сударионом, в V-м как-то иначе, в X-м — Мандилионом, а в XIV-м — Плащаницей.

С предположением Уилсона соглашаются далеко не все, тем более, что Сударион хранится в соборе испанского города Овьедо и в последние годы активно изучается. Тем не менее его гипотеза интересна. Перед ее изложением следует упомянуть, что в христианской литературе нашло отражение поверие о реальном существовании нерукотворного изображения Христа, причем говорилось подчас даже не об одном, а сразу о нескольких таких изображениях. Считалось, например, что наряду с изображением всего тела на плащанице, было также изображение одной головы Христа. Сообщалось и о других покрывалах, платах и плащаницах с изображением и без него. Так, в аббатстве св.Корнелия в Компьене (Франция) хранилась плащаница без изображения, которая сгорела во время Французской революции. Сходная плащаница без изображения, захваченная крестоносцами в 1098 году в Антиохии, находилась в Кадуйине

---

[147] См., напр., *Edward A. Wuenschel.* Self-Portrait of Christ. The Holy Shroud of Turin, Esopus, New York, 1954; *M. Perret.* Essai sur l'histoire du S. Suare du XIV au XVI siècle. Mémoires de l'Academie de Sciences, Belles Lettres et Arts de Savoie, IV, 1960, pp. 77-90; *Maurus Green*, Enshrouded in Silence. Ampleforth J., v. LXXIV, 1969, pp. 319-345 и другие. *(Достаточно подробно разбирал этот вопрос и Я. Кротов в его статье в «Континенте». **Прим. 2003 г.**)*

[148] *Ian Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.).

во Франции. Последняя, как было доказано в 1935 году католическим священником отцом Франчесом, оказалась подделкой не ранее XI века: на ней нашли куфические письмена, содержащие мусульманские молитвы. Важно подчеркнуть, однако, что все плащаницы, кроме Туринской и Сударионa из Овьедо, так и исчезли из поля зрения специалистов, либо оказавшись поддельными, либо не несли изображения, либо вовсе были утрачены. Не удалось найти и никаких следов оригинала нерукотворного изображения головы Христа (или, как его называли, Мандилиона), хотя копий с него было выполнено много. А поскольку в V веке Мандилион называли нередко и иначе — «Абгарово изображение» или «Эдесская икона»[149], то можно пойти дальше в расшифровке истории этого изображения, ибо Абгар (согласно русской традиции — Авгарь) — это имя царей, управлявших городом Эдесса, с которым исторические источники связывали Христа и Его учеников.

Достоинством гипотезы Уилсона, на мой взгляд, является то, что он не ограничивается декларацией, а в нескольких книгах детально освещает множество доступных ему источников, в которых упоминалось изображение Христа на ткани. В частности, он указывает, что в «Евангелии Евреев» (конец II века) есть цитата, приводимая Св. Иеронимом и говорящая о том, что Иисус Христос после Его воскресения из мертвых дал указание своим ученикам передать плащаницу Св. Иакову[150]. Дальнейших сведений во II-III веках пока найти не удалось. Но жившая в IV веке Св.Равноапостольная Нина (одна из тех, кто принес христианство в Грузию) рассказала перед смертью, что в молодости, прошедшей в Иерусалиме, она знала об орудиях пытки Христа и о том, что погребальные одежды Иисуса находились сначала в руках жены Пилата, которая позже передала их Св. Луке, «спрятавшему их в место, известное только ему», а Сударион (или то, что мы называем сегодня плащаницей) был найден Св. Петром, который, по словам Св. Нины, «забрал его и хранил, но мы не знаем даже, был ли Сударион позже обнаружен»[151].

В своей книге Уилсон упоминает об укоренившемся обычае евреев уничтожать все одежды покойных, считавшиеся нечистыми, что могло послужить причиной желания учеников Христа спрятать плащаницу. По его мнению, еще более веским основанием было то, что в Торе (Пятикнижии) содержалось указание Бога с требованием: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что в небе сверху и что на земле внизу и что в воде ниже земли»[152], которое могло пониматься евреями как запрет на любое изображение человеческого тела (ибо в той же Торе говорилось, что Бог создал человека «по образу и подобию своему»). Таким образом, плащаница, если на ней уже было изображение усопшего Христа, могла рассматриваться как ткань греховная и даже кощунственная. Уилсон считает, что ученики Христа, учитывая это и понимая, что данный завет не

---

[149] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 70.

[150] *J. Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.), p. 104.

[151] См. об этом в книге: *V. Wardrop, J. O. Wardrop and F. C. Conybear.* The Life of St. Nino. In: Studia biblica et ecclesiastica. Oxford, 1900, vol. V. Цит. по книге Уилсона (см. сноску 35 наст. изд.), p. 104.

[152] Исход, 20: 4.

приложим к Его облику как к облику Сына Бога, могли позаботиться об иной судьбе ткани, которую Он к тому же дал завет сохранить.

В это время — в первой трети I века от Р.Х. — на юго-востоке малоазийского полуострова, вблизи от границы нынешней Сирии, бурно развивался город Эдесса. Он находился под управлением Римской империи, но имел собственного царя (или топарха). По-видимому, эта относительная независимость объяснялась соседством и влиянием могущественной Парфянской империи на востоке. Через Эдессу пролегали караванные пути. Многие товары, а также деньги оседали здесь, способствуя процветанию города. Позже, когда топарх Эдессы принял христианство, в городе быстро возвели 300 церквей и монастырей. Чтобы помолиться эдесским святыням, ежегодно сюда устремлялись многие верующие из мест, отстоящих на тысячи километров. Вокруг города были пещеры, в которых жили тысячи отшельников и монахов[153]. Основным языком горожан был сирийский — ведущий язык арамейской группы (разновидности семитских языков), весьма близкий к тому, на котором говорили Иисус и Его ученики.

Достаточно подробное описание событий, которые привели к обращению Эдессы в христианство, содержится в весьма высоко ценимой в среде специалистов «Истории Церкви», написанной в 325 году от Р.Х. римским историком Евсевием Кесарийским[154]. Сходные описания имеются во многих других источниках[154b]. Согласно этим описаниям, с 13 по 50 гг. от Р.Х. Эдессой правил Абгар V, страдавший разными болезнями, в том числе болезнью ног. Прослышав о невиданном могуществе Христа, о Его выдающихся способностях исцеления больных и даже воскресения мертвых, Абгар V отправил Христу письмо с приглашением посетить Эдессу. Христос получил письмо и собирался совершить это путешествие, о чем сказал Своим ученикам и даже написал письмо Абгару V, но предательство первосвященников Иерусалима и мученическая смерть не позволили Ему выполнить это намерение.

После смерти Христа ближайшие ученики решили выполнить пожелание Учителя; в Эдессу был послан один из проповедников христианства, лично близкий к Христу — апостол Тэддеус (как его именуют в греческих текстах, или Аддаи, согласно текстам на сирийском, или Фаддей по-русски). Ему и были отданы плащаница и ответное письмо Христа. Видимо, таким способом евангелисты надеялись надежнее сохранить их вдали от Иерусалима.

Придя в Эдессу, Фаддей познакомился с влиятельным местным евреем Тобайесом (в русской литературе его принято называть Товией), отец которого был родом из Палестины, и вместе они отправились во дворец Абгара V. Царь знал Тобайеса, и после сообщения последнего о том, что он привел к царю посланца Христа, Фаддей был допущен к Абгару V. Когда царь увидел развернутое на руке Фаддея полотно с изображением Христа, произошло чудесное

---

[153] *L. Segal.* Edessa the Blessed City. Oxford, 1970.

[154] Eusebius Caesariensis (или Евсевий Памфил), живший с 260 (265) по 339 гг. от Р. Х. — епископ Кесарии Палестинской с 311 года.

[154b] См. книгу Е. Н. Мещерской «Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник», М., изд. «Наука», 1984. Выражаю благодарность академику С. С. Аверинцеву за указание на этот источник.

исцеление его от недугов. В описании этого события говорится, что от плащаницы исходило сияние, видное только Абгару[155].

Фаддей вылечил также Авду — второго человека в эдесской иерархии после царя и совершил богослужение для всех горожан. После этого Эдесса приняла христианство и стала на два десятилетия его оплотом.

Но уже второй сын Абгара V — Мяну VI вернулся в 57 году к язычеству и начал преследовать христиан. Спасая Святую Реликвию, ее хранители якобы замуровали плащаницу в нишу восточных ворот города, и на долгие годы она исчезла из поля зрения. Кстати сказать, этим обстоятельством, да еще тем, что Эдесса была удалена от центра еврейства — Иерусалима, где вместе с Христом вели свою деятельность евреи-христиане, ставшие позже первыми летописцами Его жизни, Уилсон объясняет тот факт, что ни в одном Евангелии плащаница в явном виде не упоминается.

Нерукотворное изображение Христа, но уже в форме Мандилиона, т.е. изображений одного лика Христа, а не всего Его тела, причем портрета живого Человека, без следов распятия, было, по мнению Уилсона, обнаружено в 525 году при устранении последствий страшного наводнения, от которого в Эдессе погибло 30 тысяч человек и было разрушено много зданий. Как пишет историк того времени Эвагриус, живший в 527-600 гг. от Р.Х., тогда был найден acheiropoietes , т.е. портрет, «не сделанный руками»[156].

Согласно Уилсону, перед тем, как спрятать Святыню от глаз святотатцев, ее хранители решили свернуть ткань наиболее компактным и достойным образом. Но прежде этого ткань была дополнена на всю длину полоской такого же материала шириной от восьми до девяти сантиметров. Сделано это было для того, чтобы центрировать изображение, случайно оказавшееся несколько смещенным в сторону (рис. 20-а). Как уже указывалось (см. раздел «Исследование текстуры ткани...»), проф. Гилберт Раез из Гентского института технологии текстиля обнаружил, что основные характеристики ткани плащаницы и прикрепленной к ней боковой узкой полоски близки. Следовательно, оба материала могли быть изготовлены в одно время и, возможно, даже одними и теми же мастерами. Нельзя не подчеркнуть, что обнаружение Раезом совпадения свойств обеих тканей говорит в пользу справедливости предположения Уилсона о том, что к ткани пришили полоску вскоре после смерти Христа.

После центрирования изображения можно было, как считает Уилсон, сложить ткань вдвое, затем еще вдвое, и еще раз вдвое, как показано на рис. 20-б; При таком способе укладки сверху оказалась бы та часть плащаницы, на кото-

---

[155] Этот случай приведен в рукописи «История Эдесского изображения», отрывок из которой И. Уилсон приводит в своей книге. Текст якобы был написан по распоряжению Константина Порфирородного в 945 году (см. сноску 35 наст. изд., с. 313-331, где приведен английский перевод этой рукописи). Уилсон отмечает также, что в Императорской библиотеке в Петербурге хранилась рукопись IV века, озаглавленная «Доктрина Аддаи», в которой описана история Аддаи (Фаддея), принесшего ткань с изображением Иисуса, раскрашенную тонкими красками (там же, с. 147), то есть снова упоминается о характерном свойстве изображения на плащанице.

[156] Migne. Ecclesiastic History. Patrologia graeca, vol. 86, 2, pp. 2748-2749.

рой имелся отпечаток лика распятого, причем лик виднелся бы в центре образовавшегося треугольника. Не менее важно и то, что для зрителя, не знающего ничего о нижележащих слоях ткани с изображением, этот лик выглядел бы так, как будто никакого перехода от головы к туловищу нет. Последнее обусловливалось тем, что между головой и грудью в области шеи плотность потемнения ткани на плащанице крайне низка. В результате у смотрящего на сложенную таким образом плащаницу создалось бы впечатление, что только голова и отпечатана на ткани (рис. 21). Это впечатление усилилось бы еще более, если бы ткань укрепили на раме, а затем, как это было принято, закрыли большую часть поверхности образовавшейся длинной иконы окладом с решетчатым орнаментом, имеющим прорезь в центре, там, где видна голова (средняя и нижняя части на рис. 21). Уилсон приводит соответствующую ссылку из текста «Истории Эдесского изображения»[157], из которой следует, что, возможно, именно такая трансформация и была осуществлена. С другой стороны, он указывает, что в те времена такой орнамент был широко распространен и в качестве иллюстрации воспроизводит фотографию статуи парфянского царя Утала из Хатры (II век от Р.Х.), костюм которого выполнен из материала с точно таким орнаментом. Однако гораздо более важным, на наш взгляд, является то, что Уилсон обнаружил три иконы Христа (XI—XII веков) из Александрии, Новгорода и Градача, на которых, во-первых, имеется ясное портретное сходство лика с изображением на плащанице, а во-вторых, видны решетчатые оклады одного и того же типа, что указывает на использование разными художниками одной и той же модели (рис. 22). Уилсон также справедливо указывает на многие примеры распространения, начиная с VI века, изображений головы Христа, напоминающих Мандилион. Поскольку на плащанице имелось негативное изображение, то все, кто копировал с нее голову, рисовал живого Христа без следов мучений[158]. Возможно, именно благодаря фотографической природе изображения на плащанице, его негативности обязана христианская иконография своим оптимизмом и жизнеутверждающей силой.

Особенно ценным историческим свидетельством существования Мандилиона в VI веке в Эдессе является тот отрывок из рукописи сирийского историка Евагрия Схоластика, в котором он описал чудесное спасение этого города в 544 году от нападения армии персидского царя Хосроя Нирхирвана. По словам Евагрия, нападавшие отступили, как только Мандилион был вынесен в ряды защитников города. Это событие произошло, когда Евагрию было 17 лет, и, следовательно, он сделал запись по свежим следам.

Но сохранить навсегда независимость Эдессе не удалось. В 639 году город захватили мусульмане, однако их отношение к святыням христиан было довольно терпимым, и, в частности, построенный специально для Мандилиона византийским императором Юстинианом собор Св.Софии не был разрушен. Тем не менее, опасаясь за судьбу Святыни, православные христиане города

---

[157] Court of Constantine Porfirogenitus. Narratio de imagine edessena. In: Migne. Patrologia graeca, vol. 113, paragraphs 1 and 13 (см. также сноску 35 наст. изд., с. 313-314 и 320).

[158] См. сноску 35 наст. изд., с. 158-165.

Эдессы отдали примерно в 700 году Мандилион на сохранение богатому монофизиту Афанасию[159], который распорядился изготовить точную копию оригинала, а сам оригинал сохранять в церкви Богоматери в Эдессе.

Между 723 и 842 годами Византийская империя пережила период иконоборчества. Но Мандилион, тем не менее, не был уничтожен. А весной 943 года армия византийского императора под командованием Иоанна Куркуаса осадила Эдессу. Согласно инструкциям, полученным из Константинополя, Куркуас предложил эмиру Эдессы вернуть христианам Мандилион в обмен на обещание сохранить город, освободить 200 мусульманских пленников, гарантировать городу, что на него не будут впредь нападать, и уплатить выкуп в размере 12 тысяч серебряных монет. Летом и осенью 943 года переговоры продолжались, пока, наконец, епископ города Самосата Авраам вместе с епископом Эдессы не перенесли Святыню на корабль, стоявший у причалов Евфрата[160]. На короткое время Мандилион задержался в Самосате[161], а затем его перевезли в Константинополь, где 15 августа 944 года в праздник Успения Богоматери его продемонстрировали узкому кругу членов императорской семьи и высшего духовенства. Характерно, что при рассматривании вблизи, как отметили члены императорской семьи, изображение как бы расплывалось и пропадало из поля зрения. Это свойство, как уже не раз подчеркивалось, является характерной особенностью плащаницы.

На следующий день Святыню показали народу. В январе 945 года один из тех, кто первым увидел Мандилион в Константинополе, Константин Порфирородный, считавшийся с 913 года номинальным императором Византии, но не имевший фактической власти, взял управление империей в свои руки. Тотчас же он постановил учредить новый праздник — День Мандилиона и повелел отмечать его 16 августа. Прославившийся своим интересом к истории, этот правитель распорядился описать события, связанные с Мандилионом, что и было сделано.

В 1011 году, как утверждает Уилсон, с Мандилиона была сделана копия, которую привезли в Рим, где для нее был сооружен специальный алтарь, освященный Папой Сергием. Эту копию стали называть покрывалом, или платом Вероники. Получила хождение легенда о том, что и на самом деле женщина по имени Вероника удостоилась великой чести получить от Самого Христа отпечаток Его лика. Согласно легенде, в годы земной жизни Христа в Иеру-

---

[159] Христиане считали, что Христос имел две природы — человеческую и Божественную. При этом православные полагали, что человеческое может быть отражено в изобразительном искусстве. Монофизиты — представители одного из многочисленных направлений христианства, распространенного на Ближнем Востоке и в Армении, верят, что человеческая природа Христа с момента Его воплощения поглощена Божественной и не имеет онтологической самостоятельности.

[160] *I. Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.), p. 326.

[161] В «Истории Эдесского изображения» сказано, что во время пребывания Мандилиона в Самосате, когда Иисус Христос написал письмо Авгарю, продолжились чудесные исцеления больных при одном взгляде на Мандилион (слепой прозрел, к парализованному возвратилась способность ходить и т.п.); см. перевод «Истории...» в кн. Уилсона (сноска 35 наст. изд., с. 317 — сообщение о письме Христа Авгарю и с. 328 — о чудесах исцеления).

салиме Вероника жила на улице, по которой Христу предстояло идти на Голгофу. Однажды она услышала крики на улице и, выглянув в окно, увидела, что стражники ведут человека, жестоко избиваемого палачами. Женщина выскочила на улицу, держа в руках полотенце. Процессия, двигавшаяся от дома Пилата к Голгофе, как раз поравнялась с ее домом. По челу истязаемого Человека текли пот и кровь. Женщина решила облегчить Его страдания, приложила к Его лицу полотенце, а на нем чудесным образом отпечатался лик Христа.

Однако лингвистический анализ привел к другому толкованию. Слово «Вероника» составное и содержит в себе латинское Vera, или правда, истина, и греческое eikon — картина, изображение. Следовательно, речь может идти о копии изображения Христа, *истинной иконе,* нарисованной художником византийской или западной школы, затем размноженной под названием плата Вероники в более поздние времена, а вовсе не о принадлежности чудесного облика Христа, запечатленного на полотенце, Веронике — живой свидетельнице страданий Христа.

Чтобы окончательно завершить рассказ о легенде, связанной с Вероникой, следует упомянуть, что никаких исторически достоверных деталей о жизни женщины по имени Вероника в первой половине I века не найдено. Легенда о Веронике появляется в рукописях спустя 600-700 лет. Так, в «Смерти Пилата», датируемой VII или VIII веком, вскользь упоминается об истории Вероники, но сама история звучит несколько иначе: женщина по имени Вероника еще при жизни Христа решила заказать местному художнику его портрет. Заготовив холст, она пошла в мастерскую, но Христос узнал про это и, представ перед ней, распорядился иначе. Он взял холст, приложил его к лицу и отпечатал на нем Свое изображение[162]. Есть и другие рукописи VII и более поздних веков, содержащие упоминания о Веронике в связи с нерукотворным изображением Христа, но, во-первых, история самоотпечатка описывается в них совершенно по-разному, а во-вторых, во всех них речь идет о прижизненном, а не о посмертном изображении лика Христа[163].

Уилсон полагает, что легенда о Веронике родилась гораздо позже того времени, когда Христос жил на земле, а ранее это имя если и упоминалось, то в иной связи. В подтверждение он ссылается на написанные в IV веке «Деяния Пилата» и «Апокрифы» Макария из Магнезии[164], в которых имя «Вероника» приводится в римской транскрипции — Беренице, но без связи с портретом Христа, а как имя женщины, установившей бронзовую статую Иисуса во дворе своего дома[165]. Но и с этим упоминанием Вероники все неясно. Например, живший в 260-339 годах историк Евсевий Кесарийский пишет, что он видел эту статую, но она была частью композиции из двух фигур, одна из которых изображала коленопреклоненную женщину, а вторая — мужчину, но

---

[162] См. *C. Tischendorf.* Evangelia apocrypha, ed. 2, Leipzig, 1876, ss. 456-457; I. Wilson (см. сноску 35 наст. изд.), pp. 124, 350.

[163] *I. Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.), pp. 124-125.

[164] *Macarius of Magnesia.* Apocritus, Paris, éd. C. Blondel, Paris, 1876, part 1, trans. T. W. Crafer, London, SPCK, 1919; см. Apologist, Journ. Theologic. Studies, VIII, 1906, pp. 401-423; 1907, pp. 546-571.

[165] *I. Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.), p. 125.

скорее всего не Христа[166]. Таким образом, версию о существовании нерукотворного изображения лика Христа Уилсон считает ошибочной.

С другой стороны, он приводит не вызывающие сомнения ссылки на воспоминания очевидцев, относящиеся к первой трети XI века, либо видевших своими глазами Мандилион при его публичных показах, либо допущенных византийскими императорами к хранящимся у них святыням. Так, во время царствования Михаила IV Пафлагонца в 1036 году Святыню пронесли с процессией по городу[167]. В 1058 году христианский арабский писатель Абу Наср Иахиа видел Мандилион в соборе Св.Софии в Константинополе[168]. Около 1025 года, по мнению Уилсона, хранители Мандилиона впервые узнали, что святая ткань несет на себе не только изображение головы Иисуса, но и всего Его тела[169]. По-видимому, в это время понадобилось подремонтировать киот, или хранители ткани решили заменить оклад. Во всяком случае, именно в это время появились первые картины, изображающие сцены оплакивания Христа, на которых Его тело рисовали полностью, как на плащанице. Интересно, что в 1192 году в одной из рукописей Молитвенника был помещен рисунок, на котором скрещенные руки Христа изображены с четырьмя, а не с пятью пальцами. Этого ни один художник не мог выдумать самостоятельно, а лишь скопировать с плащаницы[170].

Другой замечательный пример четырехпалого изображения руки Спасителя мне посчастливилось найти на фреске Мирожского монастыря в Пскове. В Спасо-Преображенском соборе этого монастыря имеется фреска, на которой изображена сцена оплакивания Христа. Фреска выполнена не позднее 1156 года и скорее всего принадлежит кисти греческих мастеров. На ней запечатлен момент, когда к Иисусу, возлежащему на узкой длинной полосе ткани, припадают жены-мироносицы, а в ногах Иосиф и Никодим. Нет сомнения, что художники либо слышали о том, как надлежит изображать Христа, либо видели саму плащаницу.

Есть еще две детали на этой фреске, которые говорят в пользу мнения, что художники, расписывавшие Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове, видели плащаницу. Первая — четко видимый ромбовидный контур в области живота Христа, совпадающий с тем, который имеется на плащанице в этой же области. Вторая — изображение ссадин на коленях, совпадающих со ссадинами, различимыми на плащанице.

Правда, нельзя не отметить, что на этой фреске указан след от гвоздя не в кисти, а в центре ладони. Однако следует подчеркнуть, что композиция фрес-

---

[166] *Eusebius.* History of the Church, trans. G. A. Williamson. Penguin Books, 1965, book 7, p. 18; см. также: *Евсевий Памфил.* Церковная история. — «Богословские труды», тт. 23, 24.

[167] *Michael Glykas.* Annals IV, 1170.

[168] *I. Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.), p. 177.

[169] Ibid., pp. 175-193.

[170] Ранее я приводил вывод медиков, показавших, что в точке запястья, где виден след гвоздя, проходит большой медианный нерв. Гвоздь должен неминуемо задеть этот нерв, после чего непроизвольно большой палец руки втягивается в ладонь, и рука на изображении будет выглядеть четырехпалой.

ки построена так, что рука Христа обхвачена рукой припавшей к Нему женщины, и, возможно, художнику не оставалось ничего иного, как сместить точку следа от гвоздя ниже. Нельзя исключить и того, что эта деталь была пририсована позже лицами, не видевшими оригинал (плащаницу).

В том же Спасо-Преображенском соборе есть еще одна фреска, привлекшая наше внимание. На барабане в центральной части собора, перед алтарной частью изображен Спас Нерукотворный (Мандилион). Эта фреска полностью совпадает по композиции с иконами, приведенными на рис. 22. Как и там, лик Христа каноничен. Он помещен внутри круга, а круг, в свою очередь, находится в центре прямоугольника, все остальное пространство которого занято таким же ромбовидным орнаментом.

Исходя из этого, можно предположить, что художники, расписывавшие в первой половине или середине XI века Спасо-Преображенский собор, знали как Мандилион в той его форме, что описывает И. Уилсон, так и развернутую плащаницу с полным изображением Христа.

Эта наша находка подтверждает мнение относительно трансформации Мандилиона в плащаницу именно в XII веке. Во всяком случае, в XII веке появились многочисленные свидетельства раскрытия «тайны Мандилиона». В частности, в проповеди Папы Стефана II, записанной в 1130 году, говорится о посланной Христом Абгару «ткани белой, как снег, на которой чудесное изображение лика Господня и всего Его тела во всю длину было столь божественно представлено...»[171]. В фундаментальной «Истории Церкви», принадлежащей перу английского монаха Ордерика Виталиса (около 1130 года), также упоминается ткань, на которой виден не только лик Иисуса, но и «пропорции тела Господня»[172].

Свое предположение о том, что именно в XI-XII веках произошла трансформация Мандилиона в плащаницу, Иэн Уилсон подкрепляет выводом видного искусствоведа Курта Вейцмана из Принстонского университета (США), считающего, что именно в это время сложилась иконографическая традиция изображать сцену оплакивания Христа святыми девами в момент, когда Его тело Иосиф Аримафеянин и Никодим укладывают на полотно[173]. Примеры таких сцен оплакивания многочисленны.

В XII веке в исторической литературе неоднократно встречается упоминание о хранившейся в Константинополе ткани с чудесным (нерукотворным) изображением снятого с креста тела Иисуса Христа. Интересный пример такого рода приводит в своей книге Джон Хеллер, цитирующий труд исландского священника Николаса Семундарсена, совершившего паломничество в Константинополь и вернувшегося домой в 1157 году. Он упоминает, что видел «плащаницу с кровью и телом Христа на ней»[174].

---

[171] Цит. по: *Maurus Green*. Enshrouded in Silence. Ampleforth Journal, 1969, 74, p. 333.

[172] *Ordericus Vitalis*. Historia ecclesiastica, part III, book IX, 8, «De Gestis Balduini Edessae Principatum».

[173] *Kurt Weitzmann*. The Origins of the Threnos. De Artibus Opuscula, XL, Essays in Honor of Ervin Panofsky, New York, 1961.

[174] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 73.

В ноябре 1202 года крестоносцы — участники 4-го похода — достигли Константинополя, и один из них, француз Робер де Клари, в августе 1203 года заносит в дневник запись, что он видел плащаницу «с фигурой нашего Господа» в одной из церквей Константинополя[175]. 12 апреля 1204 года крестоносцы разрушают многие здания в городе, грабят соборы и жителей. В этот момент плащаница исчезает. Как пишет де Клари, «ни греки, ни французы не знали, что с ней случилось»[176].

Следы ее объявляются в конце века. Похоже, что она оказывается в руках вождей могущественного Ордена тамплиеров (храмовников).

Орден этот возник в начале XII века после завершения крестового похода в Палестину в Иерусалиме, где его основали французские рыцари. Название ордена избирается по названию резиденции его учредителей, располагавшихся в церкви, которая по преданию была построена на месте древнего храма Соломона. Тамплиеры вместе с иоаннитами принимают активное участие в создании Иерусалимского королевства (в него входили земли Палестины и Восточного Средиземноморья, а также три вассальных государства — Триполи, Эдесса и княжество Антиохия).

В 1147 году тамплиеры принимают участие во 2-м Крестовом походе, начатом в ответ на захват турками-сельджуками в 1144 году Эдессы. Участвуют они и в походе на Константинополь. В этот момент они, видимо, и завладевают Великой Реликвией — плащаницей.

Уилсон полагает, что первоначально Святыню, возможно, в целях конспирации, называют «Идолом» и хранят в сокровищнице ордена в Акре, а в 1291 году, после захвата Акры арабами, ее перебазируют сначала в Сидон, а затем на Кипр и в 1306 году в Марсель. Туда ее мог перевезти гроссмейстер ордена Жак Бернар де Моле вместе с другими сокровищами ордена, а оттуда их переправляют севернее — в замок Тампль в Париже. Там перед «Идолом» совершали тайные службы для самого узкого круга руководителей ордена.

По-видимому, слухи об этом просочились в инквизицию, и 13 октября 1307 года по всей Франции были совершены аресты членов ордена. Инквизиция обвинила орден в ереси и постаралась в одну ночь схватить весь его состав, а главное — инквизиторы тщательно разыскивали «Идола». Но он как сквозь землю провалился. Вождей ордена подвергли пыткам, стараясь дознаться, куда они спрятали свою святыню. Они молчали. 19 марта 1314 года Жака де Моле и руководителя нормандского отделения ордена Жоффруа де Шарни сожгли на костре.

А спустя почти 40 лет — в июне 1353 года французский рыцарь, назвавший себя также Жоффруа де Шарни, чье родство с сожженным на костре нормандским мастером Ордена тамплиеров так никогда и не было доказано полностью, добился от короля Иоанна II Доброго (из династии Валуа) разрешения на основание коллегиатской церкви (т.е. церкви, сосуществующей наряду с главным собором и нередко управляемой одним и тем же, что в соборе,

---

[175] *Robert de Clari.* The Conquest of Constantinople, trans. by E. N. McNeal, Columbia University Press, New York, 1936.

[176] Цит. по: *I. Wilson* (см. сноску 35 наст. изд.), p. 294.

священником) в городе Лирэ (вблизи Буйи). Церковь была освящена 28 мая 1356 года, а 19 сентября того же года Жоффруа де Шарни был убит в Англии в битве. Его вдова — Жанна де Вержи (вторая жена де Шарни) наследовала его имущество, и в 1357 году в Лирэ собрались толпы верующих, чтобы увидеть собственными глазами Святую плащаницу, вынесенную из церкви, принадлежащей семье де Шарни. В честь этого события был выпущен специальный медальон, на котором изображалась плащаница во всю длину.

С этого момента началась современная, хорошо изученная история плащаницы. Ее демонстрировали в Льеже (Бельгия, 1449) и в Жермоле (вблизи Масона, 1452), затем в других городах Франции. Папа Юлий II подписывает в 1506 году указ о праздновании 4 мая как дня Святой плащаницы. В 1535 году ее демонстрируют в Турине, а в 1536 году в Милане, затем снова возвращают во Францию. Ее владельцами становятся герцоги Савойские, а местом хранения — собор в городе Шамбери, пока, наконец, 14 сентября 1578 года плащаницу не перевозят окончательно в Турин. До этого (в середине XV века) она побывала в Швейцарии.

Таким представляется Иэну Уилсону путь странствований Святой плащаницы.

19. Изображение на плащанице и иконография Христа

Недавно в древних римских катакомбах обнаружена фреска на потолке с изображением человека (Иисуса Христа?), в деталях напоминающего изображение на Туринской плащанице (BBC News, Friday, June 5, 1995, published at 23:31 GMT, UK). Эта находка исключительно важна, так как отвергает распространенное среди искусствоведов мнение, что первые иконописцы и художники христианской поры не имели представления об облике Христа, позже ставшем каноническим (под влиянием ставшей популярной с 14-го века плащаницы?). Действительно, на изображениях Христа во II веке от Р.Х. чаще всего можно видеть юного Христа, без бороды и усов, реже более пожилого. Такая традиция сохранялась на протяжении почти трех столетий. На многих византийских, сирийских и других иллюстрациях к жизни Христа Его изображали либо молодым безбородым, либо с бородой и усами. В них отсутствует какое-либо портретное сходство с изображением на плащанице или же это портретное сходство весьма отдаленно.

Но поскольку Христос жил на земле, поскольку многие Его ученики могли сохранить память о том, как Он выглядел (возможно, они даже делали портреты Спасителя), существовала среди людей мечта возродить память о Христе как о Богочеловеке, восстановить Его портрет. Переписка начала IV века между императрицей Констанцей Августейшей и епископом Евсевием Кесарийским «живо передает эту тоску»[177].

С середины IV — начала V веков происходит трансформация во взглядах на то, как выглядел Христос. Складывается канонический образ Христа, причем этот образ весьма напоминает изображение на плащанице. По-видимому, плащаница сыграла решающую роль в подобном изменении.

[177] Письмо цитировалось, как сообщает Уилсон (см. сноску 35 наст. изд.) в Acts of the Second Council of Nicaea, (A.D. 787). see Migne. Patrologia Latina, vol. 20, p. 1546.

Одним из первых примеров может служить фрагмент росписи катакомбы Петра и Марцеллина в Риме, датируемой примерно началом V века (рис. 23). В VI веке было выполнено несколько изображений Христа на серебряных сосудах, найденных в Хомсе (древняя Эмеса, Сирия; рис. 24) и при раскопках Херсонеса в 1897 году (рис. 25), на которых лик Христа имеет большое сходство с ликом на плащанице. Аналогичная им ваза-мощехранилище обнаружена в Болгарии[178]. Все эти изображения напоминают изображение головы на плащанице.

Важный вклад в доказательство подобия иконографического облика Христа и изображения на плащанице внесли медицинские исследования. Еще Поль Виньон отметил 15 особенностей на лице человека на плащанице, которые придают Ему индивидуальный характер, — такие, как поперечная полоса, идущая вдоль лба, специфическая перемычка на носу и другие. Анализ многих икон показал, что эти индивидуальные черты отчетливо выявляются на иконах. В качестве примера Иэн Уилсон приводит иконы Христа Пантократора из церкви в Дафнии (XI век), Христа милосердного (XI век; находится в музее Западного Берлина), Христа на троне (Собор Св.Софии в Константинополе, XII век) и фрески из церкви Сан-Анджело в Формисе (Италия, XII век). Уилсон использовал также примеры русских икон — копии Восточного Мандилиона 1204 года, штандарта войска Ивана Грозного и штандарта русской армии периода Первой мировой войны.

Несомненно, что укрепившаяся иконографическая традиция в изображении Христа могла иметь в числе первоисточников лицо распятого, отображенное на плащанице. В любом случае это совпадение трудно рассматривать как случайное.

Заключение

Таковы на сегодняшний день результаты научного исследования Туринской плащаницы. Суммируем их кратко:

1. Медицинские исследования позволили сделать вывод, что на плащанице действительно отображено тело распятого человека со следами истязаний, полностью соответствующих тем, что описаны в Новом Завете. Заключение медиков гласит: на плащанице «имеется адекватная информация, которая анатомически точна. Не возникает никаких проблем в постановке диагноза для данного индивидуума. Патологические и физиологические особенности не вызывают вопросов и содержат медицинские знания, неизвестные 150 лет назад... Доказано, что человек, подвергнутый истязанию бичеванием, был распят и скончался от сердечно-легочной недостаточности, типичной для казни распятием»[179].
2. Анализ текстуры ткани показал, что она изготовлена на ручном станке из льняных нитей. В нитях имеется незначительная примесь хлопковых воло-

[178] *А. В. Банк.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Ленинград-Москва, издательство «Советский художник», 1965, с. 288.

[179] *Robert Bucklin.* The Shroud of Turin a pathologist's view. Legal Medicine Annual, 1981: см. также книгу Дж. Хеллера (сноска 63 наст. изд.), стр. 2-4.

кон. Хлопчатник завезли в Ассирию в VII до Р.Х., а в Европу лишь в X в. от Р.Х., причем волокна хлопка, найденные на плащанице, совпадают по свойствам с волокнами вида хлопчатника Gossypium herbaceum, который культивировали в Иудее в годы, когда там жил Христос. Установлено, что тип плетения ткани древний, в настоящее время известны лишь единичные образцы такого ткачества, изготовленные не позднее 276 года от Р.Х.

3. Исследование пыльцевых клеток, найденных на поверхности плащаницы, позволило идентифицировать пыльцу 49 видов растений, из которых 12 встречались на Ближнем Востоке, 13 — на Ближнем Востоке и в Малой Азии, 2 — на Ближнем Востоке и вблизи Константинополя, 6 — на Ближнем Востоке, в Малой и Передней Азии, 15 — в Европе, включая Францию и Италию, 1 — только в Италии.
4. На плащанице в области изображения стоп найдены запавшие между нитями почвенные частицы. Такие же частицы имеются в участках изображения ссадин на коленях и содранного кончика носа. В этих местах частицы земли смешаны с кровянистыми выделениями.
5. В области ран присутствует кровь, что доказано по наличию гемоглобина, билирубина и альбуминов. Установлено, что кровь попала на ткань до того, как на ней запечатлелся облик тела. Серологический анализ показал, что белки крови принадлежат человеку, а сама кровь, возможно, принадлежит к типу АВ (четвертая — наиболее редкая группа крови). В препаратах крови найдены следы человеческой мужской ДНК, однако пока нельзя сказать, имеется ли ДНК в других местах на плащанице.
6. На поверхности плащаницы нет ни органических, ни минеральных красителей, так же как не выявлено никаких основ красок (масел, восков, белковых пленок и др.).
7. Исследования изменений интенсивности изображения по различным направлениям позволили установить, что на плащанице отсутствуют даже незначительные по величине перепады интенсивности между светлыми и темными участками, которые неизбежно возникают при использовании любых известных человеку методов живописи.
8. Тело на плащанице различается невооруженным глазом только с расстояния не ближе 4-5 метров. Стоит подойти ближе, как изображение исчезает и не удается различить никаких деталей.
9. Доказано, что изображение возникло за счет изменения цвета поверхности волокон льна, что обусловлено дегидратацией целлюлозных волокон. Интенсивность изображения определяется числом потемневших волокон на единицу площади. Изображение ограничивается глубиной не более 2-3 волокон льна, из которых спрядены нити, и нигде не переходит на обратную сторону ткани. По своим спектральным характеристикам цвет изображения совпадает с цветом легких ожогов, возникших на ткани при пожаре 1532 года.
10. Изображение на плащанице обладает необычным свойством: оно несет информацию о трехмерности тела, запечатленного на плащанице, что позволило воспроизвести объемную фигуру распятого. Других примеров таких

изображений с трехмерной информацией человечеству не известно. Информация о трехмерности закодирована числом потемневших волокон на единицу площади.

11. Все предложенные к настоящему времени гипотезы о механизме возникновения изображения оказались неудовлетворительными. Природа появления изображения остается нераскрытой.
12. Опубликованы данные, полученные с помощью оптической и компьютерной технологий, что на глазах отображенного на плащанице человека лежат монеты, напоминающие лепты, выпущенные римским императором Тиберием (жил с 42 г. до Р.Х. по 37 г. от Р.Х., правил империей с 14 по 37 г. от Р.Х.). В надписи имеется ошибка (вместо TIBERIOY KAICAPOC отлито TIBERIOU CAICAROC). После публикации этой информации в коллекциях нумизматов были найдены 6 монет с точно такой же ошибкой, ранее не известных нумизматам.
13. Накопленные данные свидетельствуют, что изображение на плащанице не нарисовано рукой человека. Ни один художник не был в состоянии и не может сегодня выполнить такую работу. Вывод ученых гласит: «плащаница не может быть результатом деятельности глаз/мозга/рук [человека]»[180].
14. Современная наука не в состоянии установить личность изображенного на плащанице человека. Однако все обнаруженные на ней особенности в той же мере не могут отвергнуть предположение о том, что на плащанице остался отпечаток тела Иисуса Христа.

[180] *J. H. Heller* (см. сноску 63 наст. изд.), p. 203.

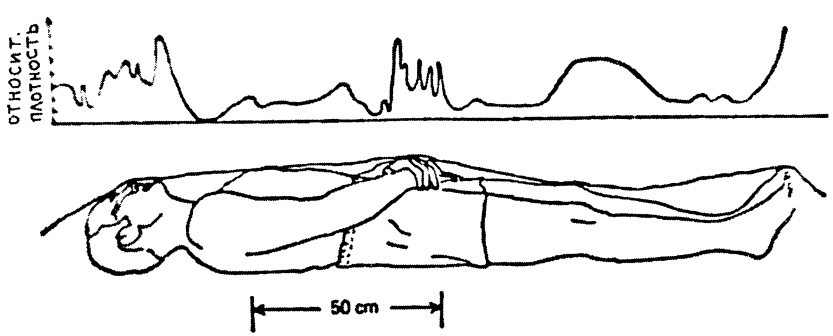


Рис. 15. *Сверху показана кривая относительной плотности изображения в различных точках рельефа тела Распятого, отображенного на Плащанице, а внизу «шаблон» Плащаницы, наложенный на тело добровольца, подобранного так, чтобы максимально соответствовать параметрам тела Распятого. Дж. Джексон и Э. Джампер, осуществившие такую работу, обнаружили совпадение между ходом кривой относительной плотности и расстоянием от «шаблона» до поверхности тела добровольца. На этом основании они пришли к выводу, что Плащаница могла лежать на теле Распятого только так, как это показано на нижнем рисунке. (Из книги И. Вильсона, I. Wilson, 1979)*

Рис. 16. *Обычные фотографии, введенные в «анализатор изображения», претерпевают сильное искажение, как это произошло со снимком одного из участников работы Уильяма Эрколайна. Левая сторона его лица оказалась разбухшей, правая, напротив, провалилась, такие же провалы возникли в области лба и глаз. Такие искажения появляются на всех фотографиях, и единственное исключение из этого правила — фотография Плащаницы. (Из книги Хиллера, J. H. Heller, 1983).*

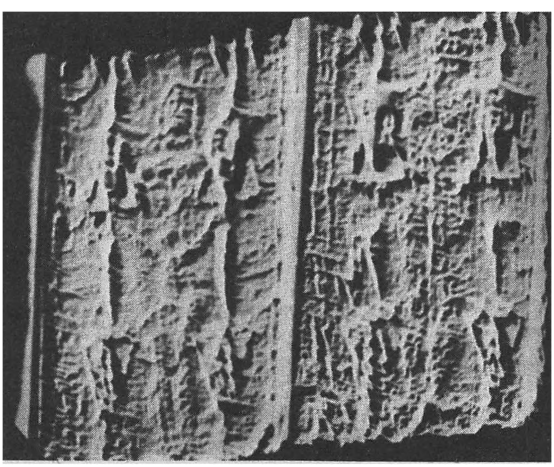


Рис. 17. *Объемное изображение тела Распятого, полученное после введения в «анализатор изображения» фотографий Плащаницы с передней стороны спины. (Из книги Вильсона, 1979).*

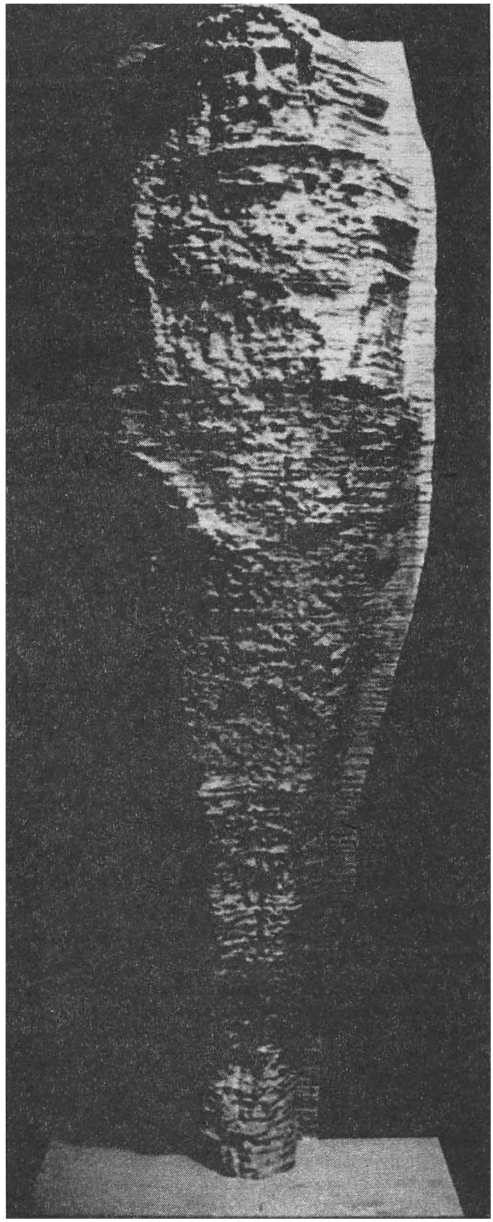
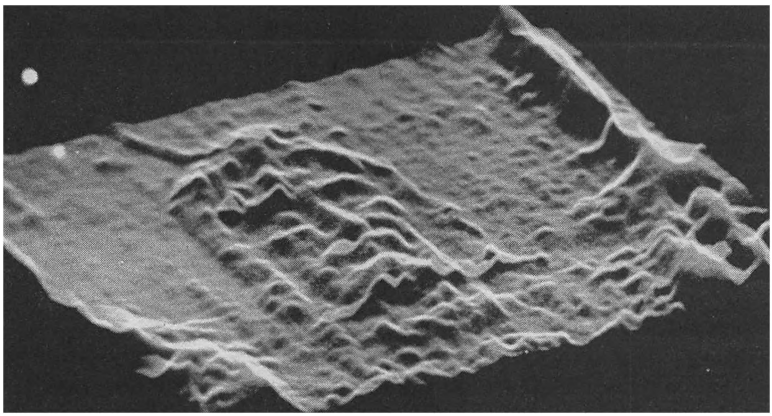
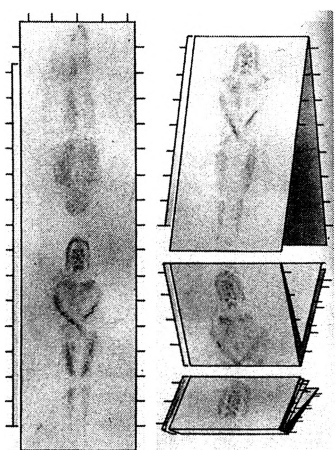


Рис. 18. *Объемная фигура из папье-маше, выполненная согласно изображению, полученному с фотографии Плащаницы, введенной в «анализатор изображения VP 8». (Из книги Хиллера, J. H. Heller, 1983).*

Рис. 19. *Объемное изображение лика Распятого, полученное в «анализаторе изображения» после введения в него фотографии, сделанной в 1978 году. (Из книги Хиллера, J. H. Heller, 1983).*





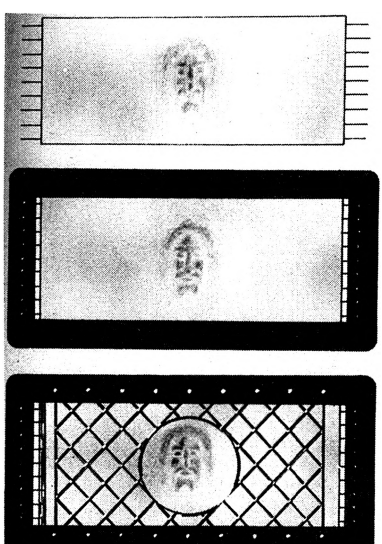
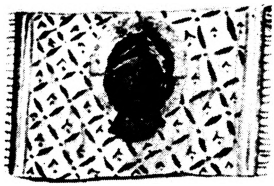


Рис. 20. *Рисунок, поясняющий гипотезу Вильсона о преобразовании Плащаницы в Мандилион. На левом рисунке изображена Плащаница во всю ее длину и сбоку узкая полоска материала, которым дополнили основное полотно, чтобы центрировать изображение, случайно оказавшееся смещенным вправо. На правом снимке показано, как Плащаницу последовательно складывали, в результате чего видимой осталась только та часть, из которой видна лишь голова Распятого. (Из книги Вильсона, 1979).*



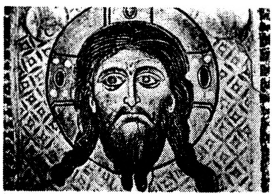


Рис. 22.
Иконы, на которых изображен Мандилион. Все они однотипны, что, по мнению Вильсона, указывает на воспроизведение одной и той же исходной модели. (Из книги Вильсона, 1979).

Рис. 23.
Иисус Христос. Фрагмент росписи катакомбы Петра и Марцеллина в Риме. Около 400 года. (Из энциклопедии «Мифы народов мира», изд. «Советская энциклопедия», М., 1980, т. 1, стр. 502).

Рис. 24.
Изображение Иисуса Христа на серебряной вазе (VI век), найденной в Хомсе (древней Эмесе), Сирия, имеющее близкое сходство с изображением на Плащанице. (Из книги Вильсона, 1979).

Рис. 25.
Изображения Иисуса Христа и апостолов Петра и Павла на серебряной вазе-реликварии (около 550 г.). Найдена в 1847 году в Херсонесе, хранится в Эрмитаже, Санкт-Петербург. (Из книги А. В. Банк, Византийское искусство в собраниях Советского Союза, илл. 81 с комментариями на стр. 288).

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ, ИСТОРИОСОФСКАЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ

в русской периодике третьего-четвертого кварталов 2003 г.

По нашим наблюдениям, пресловутый постмодернизм все же не сумел окончательно подорвать **доверия к разумности**. Главным достоинством homo sapiens большинством думающих и пишущих пока всё еще считают разум. А высшим достижением цивилизации по-прежнему почитается **наука** — то есть разум, дисциплинированный и воспитанный логикой и эмпирией.

С почтением относится к рационалистам и высоко ценит их вклад в науку и **Г. Норман**, автор статьи **«Карл Поппер о ключевых проблемах науки XX века»** («Вопросы философии», № 5). По мнению Нормана, теория вероятностей нарушила инерцию научного мышления, дремавшего в неразмыкаемом круге всеобщей причинности и материальной обусловленности всех явлений. Поппер (1902-1994) и был как раз таким философом, который полагал, что оригинальные научные заключения могут быть выведены лишь с помощью вероятных предпосылок. Приступая к исследованию любых проблем природы и общества, Поппер мыслил как физик, как естествоиспытатель. Отправными в его мировоззрении служили два положения: 1) философия должна вытекать из достижений естественных наук и обобщать их, 2) философия не должна противоречить здравому смыслу, когда тот опирается на эмпирический материал. Поппер сформулировал и разъяснил критерий научного статуса теории, назвав его ***принципом фальсифицируемости*** (принципиальной опровержимости) любого знания, претендующего называться научным. Критерий содержит семь пунктов, последний из которых гласит: неопровержимость — не достоинство, а порок теории. Все это означает, что прогресс науки, и стало быть совершенствование разума, заключается в открытии новых и более глубоких и общих проблем, и в повторных проверках всех наших временных решений. Для любого закона или теории обязательно есть еще не найденные границы применения.

И.Иванова, автор статьи **«О рационалистической ереси»** («Вопросы философии», №5). Она анализирует первоначальный смысл термина «ересь» и все этапы его эволюции. Основное время своего бытования в истории христианской мысли ересью назывались сознательные и преднамеренные уклонения от формулировок догматов веры. Сегодня этот термин склонны трактовать — безотносительно к религии — как свободный выбор теории, учения, школы. Ересь — это порождение сомневающегося разума, основное ее поприще — ***диалектика свободного поиска истины***. Основной же инструмент разума — логика, которая пошла есть от Аристотеля, преобразована христианскими теологами для своих нужд и кладется в основание любой четко сформулированной рационалистической позиции. И если речь идет о первоначалах бытия, если разум (рацио) обращается к богопознанию, он непременно будет философ-

ствовать и неизбежно впадет в ересь. Иванова признает ересь как проявление прогресса и творчества в культуре человеческого мышления. Она полагает, что свободное, но дисциплинированное логикой философствование о Боге чрезвычайно характерно для русской мысли. Такое философствование Иванова называет «рационалистической ересью», которая отвечает принципам целостности, положительного всеединства, этического персонализма и праведности, короче говоря Добру — Истине и Красоте.

Т. Касавин и **С. Щавелев** тоже пишут ***о способах ободрения разума и обновления знания*** — за счет изменения состояния сознания познающего. За счет так сказать, пробуждения от сна обыденной реальности. Чтобы преодолеть рутину повседневности, они сравнивают **«Повседневность и альтернативные миры»** («Философские науки», № 5) и предлагают путешествие в такие миры. Речь идет о жизни сознания, а всякое человеческое сознание в той или иной мере — постоянное вытаскивание себя из болота повседневности. Акт разрыва с повседневностью — событие творческое и даже драматическое, ведь повседневная реальность все-таки одаряет ощущением стабильности, безопасности, порядка и покоя. Миф (а из него берут начало все известные формы культуры — от религии до науки) являет собой один из альтернативных миров. Миф вызывает священный ужас и ошеломленное преклонение. Элементы мифа вкраплены в структуры повседневности и образуют возможные выходы за ее пределы. Ритуал как мистериальное действо также возносит над житейской суетой, хотя и носит вполне практичный и деловой до обыденности характер. В жизни сознания обрядность — своего рода жизненная «теория» по сравнению с «эмпирией» повседневности. На параде или молебне все мало-мальски сознательные обыватели вспоминают об исторических традициях и заветах предков, об истинных масштабах своей национальности или гражданственности. Повседневность отодвигается на задний план, чтобы не мешать осознанию практических абстракций типа Родина, Народ. Праздник также возвышает привычный быт. А благодаря вспышкам оргиастическоо безумия, когда «пьют и трезвенники и язвенники», когда меняются социальные роли, праздник становится просто необходимой формой «допознания жизни». Обыденность время от времени нарушается также и экстраординарными событиями вроде стихийных бедствий, техногенных катастроф, войн, революций. Переход от житейского благополучия к бедствованию и обратно предполагают неизбежное изменение общечеловеческого и конкретно-исторического строя мысли и чувств. Авторы уверены, что если повседневность не будет обновляться переходами в альтернативные миры, она умрет в невежестве и безумии.

Г. Драч в своей статье **«Культура и разум: конвергенция или дивергенция»** («Вопросы философии», № 8) ведет речь об ***истории разума в контексте мировой культуры***. Автора удивляет, как это разумность — видовой признак, одинаковый для всего человечества, — породила такое множество разнообразных культур. Он полагает, что еще в неолите сложилось многообразие антропологических типов (в пределах вида homo sapiens), что и послужило предпосылкой дальнейшего многоразличия культур. Но как бы там ни было, Драч уверен, что культура и разум когерентны (соотносимы, взаимосвязаны), они табуируют человеческое поведение и психику в целом, загоняя все звериное в

глубины бессознательного. Последнее порой вырывается на волю, проявляясь в иррациональных чертах культуры. Примеры из истории Запада дают автору ответы на вопросы и проблемы, порожденные техногенной цивилизацией. Так, Просвещение и революции привели к тому, что универсальность разума в культуре стала подвергаться сомнению. Автор разделяет эти сомнения, но он нашел особую форму разумности. Разумность, во вкусе Драча, это — способ самоосознания и обретения свободы, но такой, которая предполагает нравственное самоограничение и преодоление дионисийского начала в человеке (хаоса) в пользу аполлоновского (гармония).

Разумна ли человеческая ***свобода*** и ставит ли пределы либерализму человеческий разум? Это вопрос отнюдь не отвлеченный. Особенно для тех, кто этой свободы хлебнул. **М. Мертесу** небезразлична **«Судьба либерализма в XXI веке»** («Общая тетрадь», № 2). Он основателен в определении терминов, которыми пользуется, и подробно изъясняет смысл каждого. Так, слово «либерализм» в разных странах понимается по-разному — в Европе так, в Америке иначе, Жириновский тоже считает себя либералом. Мертес формулирует свое определение: суть либерализма в свободе. Для либерала именно свобода — наивысшая политическая цель, хотя из этого вовсе не следует, что она не может быть ограничена. Что касается слова «судьба», фигурирующего в названии статьи, оно не совсем корректно. Либерал как раз отвергает понятие судьбы (как произвола необходимости), предполагая, что будущее неопределенно и любые прогнозы на этот счет сомнительны. Хотя, разумеется, есть вещи, которых не избежать. Например, смерть. Но именно это обстоятельство подсказывает либералу, что он не должен вечно откладывать на завтра использование своей свободы. Политической материализацией идеи либерализма является свободная демократия. Мертес уверен, что ее стабильность предполагает наличие либеральной традиции, т.е. освоения населением на уровне инстинкта режима конституционного либерализма — власти права. Власть права (правовое государство) возникла раньше, чем власть народа (демократия). Так и должно быть, либерализм нельзя ввести по указу. Либеральная идея должна созреть, процесс это длительный. Но нельзя и сидеть, сложа руки. Необходима готовность конкретных людей занимать конкретную позицию и уметь защищать ее, даже если разочаровавшееся большинство против. Самая большая опасность демократии идет не извне, а изнутри. Это — конформизм, или трусость.

О глобальном значении ***либеральной идеологии*** рассуждает **К. Коукер,** автор статьи **«Либеральная идея и глобализация»** («Общая тетрадь», № 2). Глобальность — это понимание мира как единого пространства. Глобализация — не проект, не политическая инициатива, а исторический процесс, не имеющий осознанной мотивации. Этот процесс включает в себя два аспекта. Во-первых, растущую рыночную интеграцию мира; во-вторых, чувство причастности к единому мировому сообществу. Выясняя, как в этом процессе проявляется либеральная идея, Коукер ссылается на Фукуяму. Последний же решил, что в борьбе идеологий XX века (фашизм, марксизм и либерализм) триумфальную победу одержал либерализм; что все течения, старавшиеся изменить мир нелиберальными средствами (войны, революции), дискредитированы. Единственный путь изменения — мировая эволюция. История кончилась. Кончилось

противостояние идеологий. Стало быть, они больше не нужны? Ничего подобного! Идеология — это комплекс идей, мобилизующий людей на общеполезную деятельность. А это сейчас совершенно необходимо. И такая именно идеология вызрела в истории XX века. Это — ***гуманитаризм***. Он либерален, он черпает вдохновение в христианском гуманизме. Его основная идея — абсолютная ценность человеческой жизни, и величайшим преступлением он считает преступление против человечности. Устремление к гуманности в высшей степени духовное, а не материалистическое устремление. Гуманитаризм как великая либеральная идея и должен осуществляться посредством глобализации. Эту идею нужно защищать против современных варваров.

Тему ***гуманности*** продолжает **М.Алиев** со своей идеей **«Культура согласия как эффективный фактор глобализации»** («Социологические исследования», № 6). Он предлагает человечеству всемирно-историческое согласие, где главное — осмысленное разумное и сознательное стремление к добру и правде. Не помешает и глобальное партнерство между правительствами, бизнесом, наукой и гражданским обществом. Все вместе это сделает глобализацию желательной для всех. Но не следует забывать и о повсеместном учете интересов и потребностей разных социальных групп населения. Голодный нищий бунтует, наплевав на все духовно-нравственные запреты. Образуются группы особей, согласные в несогласии с новым мировым порядком. Трудно установить согласие в мировом масштабе, когда столь многочисленны обстоятельства, его подрывающие.

Но вернемся к искомому сопряжению ***разума и свободы***. Профессор **Дж. Дорн** (**«Нормы права и свобода в новых демократических государствах: концепция Джеймса Мэдисона»** — «Вопросы экономики», № 6) рекомендует нам придерживаться идей «главного архитектора» конституции США Дж. Мэдисона (1751-1836), которому удалось соединить демократию с разумным правовым порядком. Он полагал, что право, свобода и справедливость неразделимые понятия. Конституция ограничивает деятельность правительства. Оно же существует для двух важнейших субъектов, которые суть человек и собственность. Справедливость предполагает защиту собственности, а не передел ее в пользу бедных. Никто не имеет права на чужую собственность даже в благотворительных целях. Благотворительность — дело частное, а не общественное. Главный принцип либерально-конституционного порядка, по Мэдисону, — это свобода, подчиненная нормам права, что означает: 1)естественные права индивидов, которые превосходят по важности государственные; 2)существование правительства для реализации этих прав с согласия тех, кем оно управляет; 3)большинство не может изменить данные права, не нарушив принципа справедливости. Ограниченные полномочия правительства компенсируются главенством частной собственности, свободой деловых контактов, то бишь обеспечением спонтанного (произвольного, без организующего внешнего воздействия) рыночного порядка.

Так уж получилось, что в нашем представлении понятие ***собственности*** связано ***с нравственностью***. И, соответственно, порядок, который ставит собственность во главу угла (капитализм), кажется нам сомнительным именно в

нравственном смысле. **Я. Ростовский**, автор статьи **«Моральные основы капитализма»** («Общая тетрадь», № 2), тоже считает капитализм этической системой. Но профессор из Будапешта убежден в высокой ценности нравственных установок капитализма, ибо именно здесь выбирают лучшее из худшего. Именно капитализм дает максимальную возможность выбора, т.е. проявления свободы. Главное его достоинство как социально-политической системы в том, что он дает индивидам возможность принимать самостоятельные решения, т.е. заставляет человека быть морально ответственным за все свои поступки. На обвинение капитализма во всеобщей коммерциализации общественной жизни автор отвечает явным недоумением. Собственность для большинства людей не является главной целью жизни. По мнению Ростовского, нет никаких доказательств того, что коммерциализация наносит большой ущерб нравственности — в США, например, религиозность (читай моральность) населения значительно выше, чем в европейских странах. Считать человека полностью зависимым от социальных обстоятельств значит лишать его свободы воли.

Мы знаем, что ***демократия как*** политическое ***воплощение свободы*** осуществляется парламентом. Однако **А. Керимов** («Право и политика», № 6) задается вопросом **«Выражает ли парламент всеобщую волю?»** и хочет поколебать общую уверенность в том, что выражает-таки. По мнению автора, при нормальном размеренном течении жизни у народа имеются весьма расплывчатые представления о большинстве общественно значимых проблем. Обнаружить и понять, чего именно желает народ, оказывается далеко не так просто — а порой и невозможно. Кроме того, во все времена и во всех обществах граждане не принимают участия в решении общих вопросов — именно потому, что искренно убеждены в бессмысленности этой затеи. Да и существует ли в принципе такой феномен, как народная воля? Керимов полагает, что существует, но в отношении весьма ограниченного круга вопросов, не всегда значительных. Во всех, даже самых демократических государствах наиболее важные решения принимаются меньшинством, если не сказать единицами. Но это меньшинство, эти единицы явно превосходят большинство в интеллектуальном, профессиональном и нравственном качестве. Большинство же порой бывает носителем мракобесия и злой воли. Так что парламент, полагает Керимов, создается и действует отнюдь не для того, чтобы выражать волю народа. Этот институт в первую очередь вырабатывает и выражает в законах собственную волю, соответствующую идеалам добра и справедливости, и формирует таким образом волю народную. Но как с этой точки зрения смотреть на внешнюю политику, на поведение супердержав? Всегда ли оно соответствует идеям добра и справедливости? И кто эти элитные единицы, превосходящие неразумное большинство в интеллектуальных, профессиональных и нравственных качествах?

Разобраться в этом на примере США пробует **А. Задохин**, автор статьи **«Америка — новая Римская империя?»** («Обозреватель», № 4). Он исходит из тезиса, что лицо государства определяется внешней политикой и, принимая во внимание современную экспансию Соединенных Штатов во всех мыслимых сферах земного бытия, сравнивает их с Римской империей. Экспансионистский энтузиазм, полагает Задохин, заложен в самом американском менталитете. Известно, что общество США сложилось из иммигрантов, основной при-

чиной переселения которых была неудачно сложившаяся жизнь на родине. А изгоям присуще стремление к самоутверждению. Постоянно пополняя население изгоями, Америка все время оказывается в состоянии неопределенности и самоутверждения. Психология самоутверждающегося изгоя отражается, естественно, и во внешней политике. В наши дни, как и во времена Римской империи, человеческая цивилизация стоит перед лицом нового имперского вызова. И это вызов особой культуры, порожденной лучшими из изгоев-интеллектуалов, наиболее активных и агрессивных. Эта культура обладает более сильным экспансионистским началом, чем та же европейская, и распространяется она на все страны и народы мира. США становятся не только центром силы, но и полюсом земной цивилизации. Задохин готов согласиться с тем, что в мире, где не будет главенства США, будет больше насилия и беспорядка и меньше демократии и экономического роста. Он не может согласиться разве что с методами, которыми американцы пытаются изменить мировой порядок.

Сами американцы этими методами тоже недовольны. В частности, интеллектуалы озабочены тем, что на их глазах возвышенное и гуманное ***понятие прав человека*** превратилось в риторическую фигуру. Этим словосочетанием стали оправдывать войны, которые являются по своей сути политическим подавлением, но называются гуманитарным вмешательством. Все, что не нравится американским политикам, стало нарушением естественных прав человека. В статье **«Человеческая природа и права человека»** («Интеллектуальный форум», №12) **Р. Фокс** убедительно доказывает, что естественными правами человека можно называть только те, которые позволяют индивидам состязаться в сфере размножения. То есть права доступа к потенциальным половым партнерам и к ресурсам, необходимым для того, чтобы приобретать их, удерживать, производить потомство и выращивать его до дееспособного состояния. Короче, можно говорить о праве участвовать в репродуктивном соревновании. Что касается драгоценных прав, охраняемых Конституцией США, Декларацией прав человека, Хартией ООН, всевозможными комиссиями вплоть до Хельсинских соглашений и Международного суда, — все это умственный продукт, выработанный западной традицией Просвещения с ее базовыми ценностями равенства и универсализма. Несмотря на все старания доказать их «естественность» (найти их основания в природе), ясно, что в большинстве своем они направлены против природы. Сейчас в политике глобализации прежняя концепция «защиты национальных интересов» стала в высшей степени неприятной и ее заменили концепцией «защиты прав человека». Но то, с чем США борется во имя прав человека, что подавляет, что убивает, уничтожает, и есть именно человеческое. Чтобы создать мир, запроектированный в договорах, хартиях и резолюциях, следует действительно подавить или подчинить человеческую натуру. Итак, внешнеполитическая стратегия США и стран западного альянса, являющаяся по-прежнему стратегией «защиты национальных интересов», требует совсем другого теоретического обоснования. Заняться этим Фокс предлагает тем ученым, кто пока не нашел себе полезного применения.

Далеко не все хотят соглашаться с новым мировым порядком. Ему всячески противостоят, порою методами террора. В справедливости противостояния многие не сомневаются, хотя методы — террор — осуждают единодушно. **В. Меди-**

ков, автор статьи **«Война с терроризмом: битва добра и зла?»** («Обозреватель», № 4), переводит ***вопрос о борьбе с терроризмом*** в метафизическую плоскость. Он считает, что в последнее столетие все разрушения и уничтожения происходят под видом созидания нового, но результатом жизнедеятельности всего человечества оказывается отравленные земля, воздух, вода, загубленная природа и душа человеческая. Научно-технический прогресс привел к тому, что один человек, взявший в руки оружие, способен держать в страхе миллионы себе подобных. Этим и пользуются террористы. Именно они, люди злой воли, научаются пользоваться всеми средствами технотронной цивилизации быстрее и лучше, чем люди доброй воли. Чтобы как-то противостоять злу, Медиков призывает уничтожить все вредные вещества и прекратить производство опасного оружия. Он, однако, осознает утопичность своего проекта. Ведь при демократическом режиме невозможно избежать созидания ада (именно так). Самым разумным и реальным в такой ситуации Медиков считает перенесение борьбы за добро и любовь внутрь, в человеческие души. А войну с терроризмом вовне можно вести (или не вести) параллельно. Именно так, полагает он, противоположность добра злу исчезнет, повинуясь силе человеческого духа и воли.

П. Геniффе ставит ***проблему терроризма*** в историческую плоскость, а заодно разбирается и с демократией (**«Террор: случайность или неизбежный результат революций? Из уроков Французской революции XVIII в.»** — «Новая и новейшая история», № 3). Французский историк полагает террор неизбежным результатом революции как таковой, т.е. всякая революция неизбежно порождает жертвы. Для иллюстрации этой гипотезы он рассматривает роль якобизма во Французской революции. По его мнению, якобизм — «метафора демократии», ее реальное воплощение. А реальность показывает, что за ритуальным прославлением народного правления скрывается господство политической олигархии и добровольное рабство. Итак, якобизм (читай, демократия) — это диктатура меньшинства, претендующего выражать волю народа, говорящего от имени народа, но в действительности — вместо народа. А потому тирания террора — это не что иное, как демократия, сбросившая маску. Якобизм, по мнению Геniффе, — театральная сцена, где разыгрывалась драма борьбы между иллюзорными партиями и фракциями за обладание правом распоряжаться законом. Якобизм понимал революцию как тотальную войну под лозунгом «Победа или смерть!», и выход из нее посредством переговоров невозможен. Французская революция, таким образом, породила современную идею революции — перманентной, не зависимой от целей, признающей законность лишь за наиболее радикальными акциями. Динамика такой революции заключена в конкуренции народных партий, а популярность последних зависит от умения уничтожать соперников. В этом акте насилия, не знающем границ, нет ошибок хуже тех, что порождены добротой души. Вот вам и идеалы добра и справедливости, и все это на стезе разумного устроения человеческой жизни, созидания культуры.

«Культура "за" и "против"» — так ставит проблему **Е. Барабанов** («Общая тетрадь», № 2). Он рассуждает ***о взаимоотношении культуры и политики*** в контексте правомерности политических программ по объединению (глобализации) суверенных культур. По утверждению автора, когда он слышит слово «культура», его рука тянется... к словарю. Понятие это насчитывает несколько сотен

определений. Но любое определение неизбежно истощает, упрощает и обедняет содержание живого предмета. Барабанов приравнивает понятие «культура» к понятию «жизнь». Оба слова одинаково непостижимы и неисчерпаемы. Как и сама жизнь, культура есть «всё». В пределах этого «всего» Барабанов выделяет один аспект, который обнаруживает в культуре формообразующую деятельность, имеющую социально-историческую ценность. Это политическая деятельность, направленная на созидание глобального культурного универсума. В этом универсуме порождать единство должны именно различия. Взять, к примеру, культуру Новой Европы. Ее незаконченность приглашает к строительству новых участников (и Россию в том числе). Все «за» и «против» Барабанов относит к культуре политического мышления вольных или невольных участников этого строительства. А вот им следовало бы осознать неоспоримые преимущества глобализированного культурного универсума.

В общем обсуждении ***соотношения свободы и разума в познании мира*** и устроении в нем человеческой жизни не забыта и проблема самого человека. И здесь немаловажен исторический подход. **Н. Гиндлис** (**«Человек в европейском средневековом знании»** — «Философские науки», №№ 2 и 5) начинает со Средних веков. Все Средневековье ориентировалось на представления о человеке, проповеданные Отцами Церкви. Христианская антропология, в отличие от античной, трактует человека как отдельную самобытную личность, а не как элемент Космоса. С одной стороны, это — тварь, «прах и пепел», с другой — венец творения, образ и подобие Творца. Предназначение человека — служение Богу и успокоение в Нем. Решающее значение приобретают мотивы человеческих поступков. Одной из главных проблем христианского знания становится соотношение Божественной благодати и свободной воли человека. Основная экзистенциальная ориентация на «жизнь будущего века», жизнь небесную. Настоящим пренебрегали. Только позднее Средневековье обращается к земным ценностям. В университетах постепенно переходят от библейской экзегезы к земным знаниям, меняются приоритеты в соотношении веры и разума в пользу последнего. Разум также «совершенствуется», переходя от созерцания умопостигаемого (субстанций) к осмыслению данного органами чувств (акциденций). Таким образом, изменяется мировоззрение и открываются возможности понимания человека в Новом времени. А тут после недолгих сомнений представления о человеке складываются под влиянием идей Ч.Дарвина с его эволюционной теорией, декларирующей всемогущество биологического эгоизма в борьбе за существование. Но вот беда, Дарвин не мог найти удовлетворительного объяснения альтруизму. В «Происхождении видов» он замечает, что инстинкт самосохранения особи полезен для нее самой, но не предназначен для блага других. Может быть, поэтому про Дарвина в Новейшей истории забыли и альтруизм снова стали объяснять гипотетическим существованием не зависимой от тела духовной субстанции, высшей силы, вмешивающейся в процесс человеческой эволюции.

Ф. Солоуэй (**«Теория эволюции и альтруизм»** — «Интеллектуальный форум», № 12) рекомендует нашему вниманию современного сторонника дарвинизма. М. Ридли ***эволюционные идеи интерполирует в сферу социальных наук***. Он противостоит тем стандартным моделям, которые, полностью вытесняя био-

логию, объясняют человеческое поведение трансцендентным вмешательством или закономерностями культуры. Вопреки «эгоистическим» выводам теории естественного отбора, Ридли пытается понять биологию способности к сотрудничеству у homo sapiens. Начинает он с генов, являющихся простейшими единицами воспроизводства. Как выясняется, они умеют организовываться в своего рода «хромосомные парламенты». В этих парламентах между их членами возникают конфликты, но благодаря непрерывному комбинированию конфликты устраняются, хромосомы приходят к альтруистическому консенсусу, и организм продолжает благополучно существовать. На уровне животных альтруизм объясняется памятью о прошлых случаях самоотверженного поведения во время взаимодействия. Эта память храниться в коре головного мозга, которая у человека развита больше, чем у всех остальных. Итак, Ридли обнаруживает у людей врожденную склонность к «добродетели», обусловленную наблюдением и запоминанием за действиями себе подобных. Кроме генетического предрасположения к добродетели, неодарвинист допускает и эффект социального обучения (привитие культурных привычек). Таким образом, прав и Дарвин, и его критики. Нет однозначных решений. Автор призывает читателей к добросовестному наблюдению, называя это «критическим эмпиризмом». Очень полезная штука для того, чтобы разобраться в таком непонятном феномене, как человек.

Правильное соразмерное понимание действительности задает ***язык***. Так считает **М. Эпштейн**, автор трактата **«Предлог "В" как философема»** («Вопросы философии», № 6). Он полагает, что понимание это пребывает в разуме человечества неосознанно, и, дабы оберечь мысль от произвола, философ должен воспитывать в себе «сомыслие языку». Упущение всех прошлых философий — в том, что они работали почти исключительно с существительными: идея, сознание, бытие, материя и т.п. Но есть еще не тронутый языковой ресурс — служебные слова: предлоги, союзы, частицы. Они обладают собственной значимостью, которая бессознательно актуализируется во множестве речевых актов. В то время как существительные навязывают смысл обозначаемому ими явлению, грамматические частицы не обобщают явлений, но показывают разные способы их сочетаемости, соотносимости, которая и образует самый глубинный слой мыслимого. Словом, в изображении действительности грамматика совершенней, чем лексика, а философия — это прежде всего «грамматософия», а уж потом «лексикософия». Для примера автор рассматривает метафизику предлога «В». И приходит к следующему выводу: первично не бытие и не сознание, первично — «В», описывающее модус существования сознания и бытия. Они пребывают, одновременно, охватывая друг друга и охватываясь друг другом, они взаимопленены. «В» — точка восприятия мира во мне и выражение меня в мире.

Обзор подготовил Александр Денискин

К 85-летию Александра СОЛЖЕНИЦЫНА

Майкл А. НИКОЛСОН

ИВАН ДЕНИСОВИЧ: МИФЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ*

Один из многочисленных мифов, которыми обросли за четыре десятилетия личность и творчество Солженицына, возник из естественного желания хотя бы с оговорками отождествить его дебют в журнале «Новый мир» в 1962 году с первоначальной стадией его развития как художника вообще. Фурор, вызванный выходом в свет такого, казалось бы, совершенно непроходимого для советской цензуры рассказа, захватил воображение публики не одной страны, и предположение, что «Один день Ивана Денисовича» и есть первенец новоявленного писателя, оказалось заманчивым и долговечным. Это обобщение сохраняет силу, особенно это характерно для восприятия Солженицына на Западе. В Советском Союзе и других социалистических странах официальному признанию писателя вскоре после публикации «Одного дня» был положен конец, что загнало в сумеречную зону самиздата такие произведения, как «В круге первом» и «Раковый корпус». В других же странах общественный и критический интерес к автору «Одного дня» долго не ослабевал. Произведения, написанные Солженицыным раньше, но позже опубликованные, нередко казались очередными и воспринимались как свидетельство о развитии писателя в каком-то направлении или об упадке, о созревании или увядании таланта. Очередность созданных автором вещей оставалась предметом довольно отвлеченным, и истина в этом вопросе утвердилась не скоро. Даже те, кто имел доступ к хронологии жизни Солженицына, долго оперировали сложившимися представлениями о том, будто бы за создание и «Ракового корпуса», и романа «В круге первом» он принялся уже после появления «Одного дня», или будто бы «Архипелаг ГУЛаг» и «Красное Колесо»

* *Автор приносит благодарность Марии Щиголевой за помощь при переводе этой статьи на русский язык.*

Майкл А. НИКОЛСОН — родился в 1943 году в Хойлейке (Великобритания). Получил образование в Манчестерском, Эрланген-Нюрнбергском и Оксфордском университетах. Доктор наук, в настоящее время преподает русскую литературу в Оксфорде. С 70-х гг. занимается исследованиями творчества А.И.Солженицына — как биограф, библиограф, критик и переводчик. Живет в Великобритании.

возникли вследствие новых взглядов и настроений писателя, относящихся к концу шестидесятых годов[1].

Англичанин Фрэнсис Баркер относится к числу суровых критиков этого «позднего» творчества Солженицына. В книге «Солженицын: Политика и форма» (1977) он выделяет как доминанту «Одного дня» открытость, демократичность, «критический эмпиризм» и считает, что от этого первоначального направления Солженицын постепенно отклонялся, поддавшись соблазну сквозных символических систем, опирающихся на авторское всеведение (начиная с книг «Раковый корпус», «В круге первом»), и дописавшись в «Августе Четырнадцатого» и «Архипелаге ГУЛаг» до реакционного национализма, мистицизма и авторитарности — «идеологии, лишенной в конечном счете всякого художественного интереса»[2]. Но даже у тех исследователей, кто не разделяет ни марксистских предпосылок, ни категоричности Баркера, нередко чувствуется аналогичная ностальгия по какому-то неосложненному «протоСолженицыну», будто бы олицетворенному в сдержанном, недосказанном «Одном дне Ивана Денисовича».

Было бы странно, если бы шестидесятые годы, когда Солженицын перешел в средний возраст, не сопровождались никакими переменами в мировоззрении писателя, если бы не было никакого укрепления или затвердения его взглядов и нрава, не говоря уже о воздействии славы, пришедшей в одночасье, и о продолжительной дуэли с властями, освещаемой неутомимой западной прессой. Выделяя «Один день» как стержневое произведение, нельзя терять из виду, что роман «В круге первом», опубликованный в 1968-м, имел несколько авторских редакций до того, как в 1959-м Солженицын приступил к созданию «Одного дня»; что черновик нескольких глав «Архипелага ГУЛаг» он набросал за год до начала работы над рассказом; что работа над повестью «Раковый корпус» осуществлялась поочередно с подпольным писанием «Архипелага»[3] или, наконец, что «Август Четырнадцатого», с которым Баркер ознакомился с некоторой брезгливостью в английском переводе 1972 года, относится, хоть косвенно, к проекту, составленному студентом Солженицыным в 1936-м — то есть за двадцать с лишним лет до «Одного дня», — и даже включает сохранившиеся из того времени главы.

Далее замысел рассказа рассматривается на фоне творчества Солженицына сороковых и пятидесятых годов. Обсуждаются приписываемые «Одному дню» «открытость» формы и отсутствие эмблематического и поучительного момен-

---

[1] Таких ошибок тщательно избегает, например: *Halperin David.* Continuities in Solzhenitsyn's Ethical Thought // Solzhenitsyn in Exile. Critical Essays and Documentary Materials. Edited by John B. Dunlop, *et al.* Stanford: Hoover Institution Press, 1985. P. 267-283.

[2] *Barker F.* Solzhenitsyn: Politics and Form. London: Macmillan, 1977. C. 101.

[3] Начатый в 1963-м, оттесненный одно время началом «Красного Колеса», «Раковый корпус» продвигался «на поверхности» в промежутках между зимами 1965/66 и 1966/67, когда Солженицын продолжал работу над «Архипелагом ГУЛаг» в уединении и сравнительной безопасности эстонского «укрывища». *Солженицын А. И.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Центр «Новый мир», 1990. Библиотека журнала «Новый мир». Т. 4. С. 363; Т. 7. С. 412-413. Далее в статье ссылки на это издание приводятся с указанием на номер тома и страницы по образцу: (IV, 363) и т. д.

та. Рассказ, с которым писатель дебютировал, представляет собой вовсе не начало, а скорее этюд, предпринятый *in medias res* (в глубь вещей).

* * *

Наше представление о творчестве и литературных проектах Солженицына в годы заточения остается схематичным. Однако оно значительно дополнилось, когда накануне нового тысячелетия были опубликованы избранные стихи и проза лагерного периода[4]. Лишенный возможности писать и сохранять написанное, он прибег к мнемоническому приему сочинения стихов в памяти («Это было, конечно, насилие над жанром»[5]) и долго не предавал гласности плоды этих многолетних занятий. Особенно интригует появление ранних текстов именно в метрической и рифмованной форме, которая не исключает, но, по крайней мере, осложняет переделку их впоследствии. Насколько мне известно, утверждение Солженицына, что он перестал сочинять стихи в 1953 году, не оспаривалось. Однако среди обвинений, выдвигаемых против него, иногда встречается и подозрение, что писатель не прочь привести ранние произведения в соответствие со своими сегодняшними убеждениями[6]. Хотя выбор публикуемых стихов подлежит, главным образом, его контролю, нет оснований полагать, что Солженицын когда-нибудь возвращался к брошенному жанру с намерением перекроить старые стихи на новый лад. Это и позволяет нам обратиться к корпусу лагерных и ссыльных стихов как к указателю настроений и стремлений писателя в преддверии его работы над «Одним днем».

В частности, здесь мы обнаруживаем отрывки и целые стихотворения, которые предвещают мотивы, свойственные творчеству Солженицына после «Одного дня», что еще больше подрывает анахронические предположения Баркера и других солидарных с ним исследователей. «Мистическое» открытие духовной свободы в глуби круга неволи звучит уже в стихотворении 1946 года, где «невесомая мысль» парит под «свод[ами] серы[ми] старой добротной тюрьмы»[7] задолго до того, как массивная церковь-тюрьма марфинской шарашки, превратившаяся в ковчег, отчалила и поплыла по ночному небу над порабощенной Москвой[8], и еще раньше того, как в «Архипелаге ГУЛаг» бесправный зэк будет смотреть сверху, «Межзвездным Скитальцем», на собственное подконвойное тело (V, 412). Парадоксальный и спорный возглас Солженицына «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни!» (VI, 412) чувствуется уже в строках 1950 года:

> Я отвык от внешнего движенья —
> От того, что называют *волей*.
> Душу новую, как новое растенье

---

[4] *Солженицын А.* Протеревши глаза. М.: «Наш дом — L'Age d'Homme», 1999.

[5] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛаг (VII, 75).

[6] См. обвинение в статье: *Медведев Ж.* Russia and Brezhnev // New Left Review. № 117 (September-October 1979). P. 25.

[7] Воспоминание о Бутырской тюрьме, 1946 // «Протеревши глаза». С. 180.

[8] «Те, кто плыли в ковчеге, были невесомы сами и обладали невесомыми мыслями» (II, 7).

Я ращу в себе в недоброй гнили тюрем,
И растеньем этим я доволен[9].

Одна из любимых мыслей и метафор Солженицына в конце шестидесятых и в течение семидесятых годов встречается, полностью сформулированной, в объемной поэме «Дороженька» — хранилище большинства его наизусть выученных лагерных стихов:

Между армиями, партиями, сектами проводят
Ту черту, что доброе от злого отличает дело,
А она — она по сердцу каждому проходит,
Линия раздела[10].

Эта совершенно немарксистская, скорее толстовская[11] вера в абсолютную нравственность, постигаемую лично и интуитивно, проходит красной нитью через зрелое творчество писателя, и та же самая колеблющаяся линия, разделяющая добро и зло в глубине каждого человеческого сердца, описывается в кульминационной главе «Архипелага ГУЛаг» — «Восхождение» (VI, 411). Как видим, она проведена автором за десятилетие до осуществления замысла «Щ-854» и лет за двадцать до выдворения Солженицына за пределы Советского Союза. Местами такие размышления о сущности совести и нравственности облекаются в чисто христианскую лексику:

И теперь, возвращенною мерою
Надчерпнувши воду живой, —
Бог Вселенной! Я снова верую!
И с отрекшимся был Ты со мной...[12]

Рассмотрим как яркий пример устойчивости этого круга тем русский патриотизм, который в 1971-м, когда вышел в свет «Август Четырнадцатого», вызвал неодобрение у части поклонников Солженицына на Западе. Нерациональная любовь студента Сани Лаженицына к родине («Россию жалко»), якобы столь чуждая автору «Одного дня», вторит не менее мистическому рефрену «За что я тебя [Русь] люблю»[13] в главе «Дым отечества» поэмы «Дороженька». И эти поиски продолжались в Экибастузском лагере, месте действия «Одного дня»:

Россия! Россий несхожих
Наслушал и высмотрел я.
Но та, что всех дороже —
О, где ты, Россия моя?[14]

---

[9] Отсюда не возвращаются, 1950 // «Протеревши глаза». С. 187.

[10] Дороженька, 1948-1953 // «Протеревши глаза». С. 150.

[11] «Что в мире нет виноватых, / Хотел я провесть, как Толстой». Триумвирам, 1953 // «Протеревши глаза». С. 207.

[12] Акафист, 1952 // «Протеревши глаза». С. 199. Впервые в кн.: «Архипелаг ГУЛаг» (VI, 411).

[13] Дороженька // «Протеревши глаза». С. 170 // Впервые, как фрагмент, в журнале «Вестник РХД» (Париж), 1976, № 1 (117). С. 148-154.

[14] Россия, 1952 // «Протеревши глаза». С. 197 // Впервые в журнале «Вестник РХД», 1976, № 1 (117). С. 155-157.

Наконец, в декабре 1953-го, собираясь уехать из поселка Кок-Терек на почти безнадежное лечение запущенной злокачественной опухоли, Солженицын написал стихи, в которых христианское созерцание смерти сливается с мечтой о судьбе России:

Смерть — не как пропасть, а смерть — как гребень,
Кряж, на который взнеслась дорога.
Блещет на черном предсмертном небе
Белое Солнце Бога.

И, обернувшись, в лучах его белых
Вижу Россию до льдяных венцов — [...]
Больше не видеть тебя мне распятой,
Больше не звать Воскресенья тебе...[15]

Процитированные примеры свидетельствуют: отсутствие или неявное звучание в рассказе «Один день» отдельных тем и настроений не доказывает, что они были далеки от мыслей автора в те дни, когда он взялся за работу над этим произведением. Но для возникновения замысла, для фона, на котором создавался рассказ, важна не та или другая отдельно взятая тема, а характерная для Солженицына в пятидесятые годы дихотомия — напряжение между, с одной стороны, духовной отрешенностью, возвышением и созерцательностью, то есть моментом трансцендентальным, и, с другой, порывами весьма земными, практическими, включая готовность броситься в атаку.

Первая из этих тенденций проявляется, временами в буквальной форме, как своего рода уход «в обитель дальную». Уже за десятилетие до появления первого варианта рассказа «Матренин двор», повествователь которого мечтает «затесаться и затеряться в самой нутряной России» (III, 123), в одном из лагерных стихотворений читаем:

Мне б теперь — да в село Алтая,
Где и поезд не будит тишь [...]
Мне — в Алтай бы! Высоким стремленьям
Отдал дань я, и будет с меня. [...]
Мне б — избенку пониже[16].

Местами поэт высоко ценит сдержанность («если б только мог / К людям терпеливым стать»[17]). Он учится видеть «прозрачно — без гнева, без клятвы»[18], и убеждает себя, что из прав узника важна не месть, а способность стать «безгневным сыном / Безудачливой русской земли»[19].

Но чувствуется, что такие минуты духовного прозрения или преображения достигаются ценой ожесточенной внутренней борьбы с силами противоположными:

---

[15] «Смерть — не как пропасть, а смерть — как гребень...», 1953 // «Протеревши глаза». С. 210.

[16] Мечта арестанта, 1946 // «Протеревши глаза». С. 181.

[17] Отсюда не возвращаются // «Протеревши глаза». С. 188.

[18] «Смерть — не как пропасть...» // «Протеревши глаза». С. 210.

[19] Право узника, 1951 // «Протеревши глаза». С. 194.

Пусть вглуби нас обиды сгорят вперегной,
А наружу мы бросим — побеги живые! —
И тогда лишь всплывет над усталой страной
Долгожданное Солнце России[20].

«Избенка пониже» представляется автору каким-то тихим приютом, но и здесь подспудно обитает неистовый порыв разоблачать и свидетельствовать:

Еду вырыть такую нору кротовью,
Чтобы даже женщина, спящая рядом,
Не видала *листочков, прочерченных кровью*[21].

И порой эта противоположная тенденция одерживает верх, проявляясь в строках, лишенных всякого утомления, буколического бегства от действительности, терпения, христианского прощения. На их место заступают пыл, энтузиазм, призыв к действию, к физическому сопротивление и к жертве. Либеральные поклонники Солженицына в Западной Европе и Америке, которые убеждали себя в шестидесятые и семидесятые годы, что его сопротивление советской власти совместимо с реформистской мечтой о каком-то «социализме с человеческим лицом», были бы поражены, узнав, что в 1946-м он надеялся, что Россия будет когда-нибудь спасена «закланной» молодежью, тем поколением, закаленным войной и ГУЛагом, к которому принадлежал и он[22]. А к началу пятидесятых годов, времени зарождения замысла «Одного дня», Солженицыну предвидится уже настоящий бунт:

Кто Россию в трусости обносит
Паутиной проволок и вахт,
Тех исправит только пушек посвист
Да разрывов бессердечный кряхт [...]
И сквозь тысячи тюремных унижений
Я солдатом чувствую себя.

Оттого-то я гляжу с издевкой
На чекистов: гневу не пора.
Будет час! — и я вольюсь с винтовкой
В русское протяжное «ура!..»[23]

Наконец, в стихотворении, относящемся к 1953 году, выдвигается как предвестие возрождения истинной России не только какой-то расплывчатый «глухой ночной выстрел обрезный», но уже именно «лагерный бунт»[24]. В таких строках слышится не столько солженицынское отрицание собственной юношеской ленинской революционности, сколько перевод этого экзальтированного чувства в новое русло, трансформация его в новую борьбу, в праведный бунт. Более того, в некоторых стихах нашло отражение мощное воздействие, оказанное на пи-

[20] Там же. Курсив мой. — *М.Н.*

[21] Прощание с каторгой, 1952 // «Протеревши глаза». С. 200. Курсив мой. — *М.Н.*

[22] Воспоминание о Бутырской тюрьме // «Протеревши глаза». С. 180.

[23] «Что-то стали фронтовые весны...», 1951 // «Протеревши глаза». С. 195.

[24] Напутствие, 1953 // «Протеревши глаза». С. 209.

сателя конкретными событиями экибастузской голодовки, кенгирского мятежа и беспорядков в других лагерях накануне смерти Сталина.

Данный экскурс показывает, что рядом с вполне понятным желанием свидетельствовать о происшедшем, создать памятник погибшим, дать отпор виновникам — вплоть до мечты о вооруженном восстании против ставшего ненавистным режима, существует в поэтической мысли Солженицына-зэка и заметная тяга к созерцательной, трансцендентной перспективе, к той сфере, где тяжелейшие страдания и лишения представляют возможность победы иного порядка. И, как он временами осознает, эта раздвоенность уже сулит его творчеству сложности. В лагерях он узнает, «что клясть, что ненавидеть, / Что кричать — наука не хитра»[25]. Но как же создать из судеб тех, «Кто в реве моря заморен в молчаньи Соловков, / Бессудно в ночь полярную убит на Воркуте», повесть спокойную, «немстительную»?[26] Мы полагаем, что данные размышления и колебания составляют неотъемлемую часть общего фона, на котором в 1959 г. появился «Один день». Однако не стоит забывать и о том, что на этом же фоне создавались и другие лагерные произведения, относящиеся к тому же периоду и рассказывающие о том же самом лагере. По жанру эти произведения существенно отличаются друг от друга, так что пора перейти к рассмотрению вопроса о применении Солженицыным разных жанровых форм на подступах к «Одному дню».

* * *

К анализу литературных проектов Солженицына сороковых-пятидесятых годов необходимо подходить с осторожностью, так как собственные его воспоминания на эту тему разбросаны по разным произведениям, а независимые свидетельства крайне малочисленны. В юношеском творчестве Солженицына просматриваются пробы пера в различных жанрах — к примеру, помимо стихотворных опытов, в сороковые годы наблюдается явный интерес к жанру короткого рассказа. Было бы неразумно ожидать устоявшихся планов и неукоснительной последовательности от пылкого и амбициозного молодого человека, который из студенчества попадает в потрясения военных лет. Тем не менее, особый интерес вызывает прослеживающееся уже в юные годы желание создать произведение монументальное как по масштабу, так и по цели своей, «большую книгу о революции»[27], работу историческую не только в смысле тематики развлекательного исторического романа. Первая попытка работы над таким проектом у Солженицына состоялась в 30-е годы, еще во время его студенчества, и включала в себя серьезные архивные исследования поражения Самсонова под Танненбергом. Рассказ об этом событии Солженицын считал необходимой прелюдией к описанию распада старого режима. Тем не менее, все свидетельствует о том, что данное повествование, в значительной степени продиктованное восприятием десятилетним мальчиком «Войны и мира»[28], никог-

[25] Отсюда не возвращаются // «Протеревши глаза». С. 188.

[26] Дороженька // «Протеревши глаза». С. 100.

[27] «Интервью журналу «Ле Пуэн» (декабрь 1975) // *Солженицын А. И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995-1997. Т. 2. С. 321.

[28] «Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон» // Публицистика. Т. 3. С. 196.

да не планировалось автором как «просто» объективное: для такого предприятия требовались воображение, необходимое для воссоздания атмосферы минувшей эры, интуиция — для описания внутреннего мира исторических персонажей, способность проецировать собственный автобиографический опыт на действующих лиц. Да и сам сюжет не привязывался автором исключительно к далекому прошлому. В письме, датированном 1944 годом, Солженицын пишет о будущем повествовании как о «художественн[ой] истори[и] *послеоктябрьских* лет»[29]. Любовь Солженицына к революционной идее распространялась от октября 1917-го и далее к мировой революции, которую еще только предстояло осуществить (все более и более вопреки Сталину). Н. А. Решетовская пересказывает мечту мужа-фронтовика о том, как его детище охватит огромную историческую эпоху от начала Первой мировой войны до окончательной победы революции в глобальном масштабе. «Мой муж рассматривал войну против гитлеровской Германии, — пишет она, — в свете этого замысла. В конечном счете Великая Отечественная война должна вызвать великий революционный пожар»[30].

В течение сороковых годов Солженицын неоднократно и тщетно принимался за длинный автобиографический рассказ о приключениях бывшего студента и страстного ленинца, переброшенного на шестой, то есть фронтовой «курс». Не состоялся во время войны его «Шестой курс», исчезли в печах Лубянки блокноты «Военного дневника», «еще одного погибшего на Руси романа» (V, 103), а под «эпическим» названием «История одного дивизиона — 1» (единица, очевидно, сулила продолжение, указывая на следующие тетради или тома) был написан в марфинской шарашке только фрагмент в пяти главах, переименованный потом в «Люби революцию». Несмотря на автобиографичность этого текста, а также «Шестого курса», процитированные выше строки напоминают нам, что этот злосчастный военный эпос по меньшей мере родственен задуманному молодым Солженицыным историческому повествованию, посвященному не только Октябрю, но и истории пока еще не завершенной революции[31].

Как бы то ни было, отметим, что в эти годы Солженицына привлекает жанр повествования не только объемного, но прежде всего линейного по структуре, протянутого во времени, в котором автобиографический протагонист нащупывает свою «дороженьку», пробираясь между грозными историческими событиями. Саму поэму «Дороженька» можно с оговорками рассмотреть как

---

[29] Цит. в письме Солженицына первой жене // *Решетовская Н. А.* В споре с временем. Место издания не указано: Изд-во АПН, 1975. С. 43. Курсив мой. — *М.Н.*

[30] *Reshetovskaya Natalya.* Sanya: My Life with Aleksandr Solzhenitsyn. Indianapolis/ New York: Bobbs-Merrill, 1975. P. 42. Обратный перевод с английского. Эти строки не включены в русскоязычные версии воспоминаний. Зато они встречаются в итальянском издании: *Rescetovskaia N.* Mio marito Solgenitsyn. Milano: Teti editore, 1974. P. 33.

[31] Когда в конце восьмидесятых годов Солженицын прекратил работу над *Красным Колесом*, он указал в приложении на ряд эпилогов, последний из которых относится к 1945 г. См.: *Солженицын А. И.* Красное Колесо. Повествованье в отмеренных сроках: В 10 т. М.: Воениздат, 1993-1997. Т. 10. С. 693.

вариант той же самой одиссеи, причем она была написана главным образом от первого лица, как и «История одного дивизиона»[32].

В жанровых поисках начала пятидесятых годов больше всего интригует новый поворот Солженицына к драматизации своего военного, тюремного и лагерного опыта. Общеизвестно, что он еще школьником активно интересовался театром, и ему доводилось с того времени не раз самому играть на сцене. Период с 1951-го по 1954-й, охватывающий большую часть пребывания Солженицына в Экибастузском лагере и начало кок-терекской ссылки, он посвящает прежде всего созданию ряда пьес: «Пир победителей», «написанный» в стихах, первоначально как очередная глава «Дороженьки», потом «Пленники» («Декабристы без декабря»), частью в стихах, частью в прозе, и, наконец, уже по освобождении из лагеря — драма «Республика труда» («Олень и шалашовка»). Обратим внимание на то, что, оказавшись на воле, Солженицын горел желанием написать не лаконичный рассказ, а натуралистичную остросюжетную драму с длинным списком действующих лиц. Однако нельзя сказать, что это «театральное» ученичество пропало даром для будущего автора «Одного дня». Ощущение на собственной авторской шкуре императива драматических единств, логики ограничения во времени и пространстве, практической потребности не описывать, а показывать путем диалога и действия — все это могло служить противовесом линейному повествовательному напору сороковых годов и, в частности, жанру исторического и автобиографического *roman-fleuve*[33]. Возвращение Солженицына к прозе в 1955 г. сопровождается многозначительной переменой.

Вместо того чтобы вновь включиться в прерванное прозаическое повествование, Солженицын выбирает новый «остров» ГУЛага — не тюрьму контрразведки СМЕРШ, как в «Пленниках», и не лагерный пункт «Калужская застава», как в «Республике труда», а марфинскую шарашку, место действия романа «В круге первом». Недостает пока еще твердой текстологической почвы для обсуждения ранних вариантов этого романа. Более того, шарашка являлась по своей природе замкнутым пространством независимо от каких-либо «театральных» пристрастий автора. Но все-таки, в ходе работы он не только воспользовался присущими герметически закрытому учреждению символическими и аллегорическими возможностями, но выделил из своего трехлетнего пребывания там отрезок всего трех с лишним *дней*, строго ограничил движущую силу «детективного» сюжета и дал повествованию разрастись в сторону, «паратактически»[34], окружая глав-

---

[32] См. рукописные страницы на трофейной немецкой бумаге, воспроизведенные в сборнике «Протеревши глаза», с. 300-301 и 306-307. Когда он служил одним из возможных заглавий исторической эпопеи, лозунг «Люби революцию» был овеян всей революционной романтикой рассказа Бориса Лавренева «Марина», откуда он и заимствован. Однако к концу 1950-х годов Солженицын иронически применил ставшее уже лишним название к переписываемому военному эпосу «История одного дивизиона».

[33] Не имеется в виду какое-либо *теоретическое* увлечение классическими единствами, от чего Солженицын отказался. См. «Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве» (март 1976) // Публицистика. Т. 2. С. 421.

[34] *Kasack Wolfgang.* Solshenizyn: Der erste Kreis der Hölle // Der russische Roman. Herausgegeben von Bodo Zelinsky. Düsseldorf: August Bagel Verlag, 1979. S. 385.

ную тему дополнительными и контрастными «кругами» и вариациями. Повествование велось с самого начала от третьего лица[35], но так, чтобы систематически вызывать и другие голоса и перспективы. Хочется поэтому предложить гипотезу, что именно роман «В круге первом», возникший в середине пятидесятых годов, является стержневым для творчества Солженицына, указывая вперед как на последующие «полифонические» повествования, так и на малую прозу, в которой используется потенциал закрытых помещений и мифологизированных пространств («Матренин двор», «Захар-Калита»). День Ивана Денисовича ведет нас ненавязчиво, но, как мы увидим, с рассчитанным ритмом через круги барака, зоны, объекта, ТЭЦ, причем воспроизведение речи и своеобразной точки зрения героя не скрывает его роли как голоса из хора. Неудивительно, что Солженицын решил воскресить его через несколько лет, уже не как персонаж, а как голос свидетеля, в своем «Архипелаге ГУЛаг».

* * *

В течение 1958-1959 годов Солженицын обратился не однажды, а трижды к обстановке Экибастузского лагерного пункта, каким он его знал в начале 1950-х. Впервые, весной 1958-го, он сделал преждевременную, как оказалось, попытку написать «Архипелаг ГУЛаг». Работа была отложена за неимением достаточного материала, но уже тогда Солженицын успел составить общий план произведения и набросать несколько глав, основанных на собственном опыте и на опыте близких друзей — значит, тех глав, посвященных забастовке и беспорядкам в Экибастузе (и, в предварительной форме, в Кенгире), которые потом были включены в часть 5 «Архипелага ГУЛаг»[36]. Летом и ранней осенью 1959 г. он опять вернулся в те же самые места, чтобы написать первую авторскую редакцию рассказа «Щ-854», будущего «Одного дня Ивана Денисовича». А по пятам «Одного дня» последовала третья трактовка экибастузского опыта. Как только Солженицын окончил первую версию рассказа осенью 1959 г., он вновь обратился к сенсационному содержанию уже набросанных глав «ГУЛага», на сей раз, однако, выбрав жанр литературного киносценария. Так возник сценарий «Знают истину танки». Следует иметь в виду это сходство произведений, между которыми был в некотором смысле втиснут «Щ-854».

Черновик глав «Архипелага ГУЛаг», предшествующих «Одному дню», не общедоступен, но их тема и атмосфера передается уже в названиях соответствующих глав в окончательном варианте книги: «Когда в зоне пылает земля», «Цепи рвем на ощупь», «Сорок дней Кенгира» и др. Что касается сценария, написанного чуть ли не в одном духе с «Одним днем», не нужно прибегать к догадкам. После 1959 г. в текст были внесены только частные и другие малозначительные поправки. Здесь даже больше, чем в «Архипелаге ГУЛаг», Солженицын создает апофеоз «ветерка революции», который поднялся в лагерях в начале пятидесятых годов и еще ждал своего историка. В основе произведения

[35] Личное письмо (9 ноября 2001) от Н. Д. Солженицыной, в котором приводятся ответы А. И. Солженицына на мои текстуальные вопросы.

[36] Там же.

лежат действительные события, развернувшиеся в Экибастузском и Кенгирском лагерях. Его персонажи действуют на фоне побегов, расправы с применением пыток, возникновения движения сопротивления, голодовки, забастовки, убийства стукачей, штурма БУРа (внутренней лагерной тюрьмы), кровавого подавления мятежа при поддержке бронетанковых сил. События, уже говорящие за себя, обсуждаются и комментируются зэками, способными дать себе отчет в политическом и нравственном значении совершаемого. Представители того «закланного» поколения, о котором Солженицын рассказывал в лагерных стихах, стоят перед дилеммой: взявшись за оружие в советском лагере, они станут контрреволюционерами или истинными революционерами?

Жанр и стилистические средства, используемые Солженицыным в «Танках», соответствуют торжественности замысла. Тут не к месту ни лаконичное преуменьшение, ни сценические ограничения театра. Текст стилизован под съемочный сценарий «для экрана переменной формы», с указанием, например, передвижения кинокамеры, ракурса, вида перехода от одного кадра к другому, музыкального и вообще звукового сопровождения. Технические указания сплетаются с ремарками, часто лирическими или риторическими, которые побуждают и направляют эмоциональные отзывы зрителя-читателя. Приведем пример из ночной сцены, где бунтующие зэки бросаются на штурм БУРа:

> В музыке — штурм, в музыке — мятеж!
>
> На белом снегу и в полосах света от окон бараков хорошо видны фигурки бегущих. Они с брусьями, с палками. Бегут! Бегут!
>
> Музыка: лучше смерть, чем эта позорная жизнь! В этой волне нельзя остановиться! Готовы бежать с ними и мы!
>
> **Близко**
>
> в полутьме — отрешенные лица бегущих! Они слышат этот марш, которому остановка — смерть![37]

Кажется, трудно себе представить манеру писания более отдаленной от только что созданного, сравнительно сдержанного описания «ничем не омраченного» дня Ивана Денисовича. В те недели, стиснутые между попытками Солженицына сдержать клятву, а значит, засвидетельствовать, разоблачить, провозгласить, вдохновить, он возвратился к идее, возникшей у него на работе каменщиком зимой 1950-51 в Экибастузе и отложенной, так сказать, про запас. А почему бы не попытаться передать чудовищную суть ГУЛага косвенно, описывая с ограниченной точки зрения не-интеллигента один обыкновенный день в сносном лагере?[38]

Хотя некоторые литературоведы с самого начала нашли в лагере Ивана Денисовича «символический микрокосм» Советского Союза, или в герое жи-

---

[37] *Солженицын А. И.* Собрание сочинений: В 20 т. Вермонт/Париж: YMCA-Press, 1978-1991. Т. 8 (Пьесы и киносценарии). С. 485. Первая жена Солженицына, пианистка, воспоминает о том, как он любил работать над сценарием под звуки «Революционного» этюда Шопена. См.: *Решетовская Н. А.* Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Советская Россия, 1990. С. 43.

[38] «Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве» (март 1976) // Публицистика. Т. 2. С. 424.

вую аллегорию общечеловеческой фигуры «уцелевшего»,[39] большинство из них сосредоточилось на известных качествах лаконизма и сдержанности, на обыденной, деловой передаче быта, режима и интерьера лагеря, на клаустрофобической кругообразности структуры рассказа и мастерском употреблении в нем несобственно-прямой речи, чтобы вводить читатель в мир восприятий Ивана Денисовича[40]. Все вместе взятое способствовало иллюзии, что этот скудный, почти документальный очерк воодушевляется, очеловечивается голосом и мировоззрением своего политически наивного, но смекалистого и добросовестного героя без вмешательства и манипуляций автора-повествователя. Возможность расширения смысла читаемого осталась в компетенции читателя и не навязывалась ему. Или, по словам Фрэнсиса Баркера: «[...] система нравственных оценок, в свете которой предстает эмпирический «факт» «Одного дня Ивана Денисовича», оставалась неизменно внешней и тем самым неразрушительной по отношению к произведению»[41].

Баркер рад отметить отсутствие того, что ему не нравится в «Архипелаге ГУЛаг» или в «Августе Четырнадцатого». Но налицо доля самообольщения. Мы уже установили, что многие из поздних взглядов и свойств Солженицына на самом деле укоренились уже ко времени возникновения «Одного дня». В частности, нельзя отмахнуться от лагерных стихов или объяснить как аномальное явление одновременное с рассказом создание «Танков». В ответ на мой вопрос, какое из этих произведений наиболее точно отражает его «дух» в 1959 году, Солженицын написал: «Весь мой дух был в «Танках». Даже «Щ-854» в исходном варианте уже огромное нарочитое смягчение»[42].

Само задание создать именно такой день подразумевает существенное смягчение. Самоцензура, которой рассказ потом подвергался, — вторичный по сравнению с этим фактор[43]. Но допустим, что в «Одном дне» мы не слышим ни рева танковых моторов, ни «Революционного» этюда Шопена, не видим ни пылающей в зоне земли, ни кровавой расправы со стукачами. Все-таки кажется маловероятным, что Солженицыну действительно удалось изгнать из рассказа собственную идейную концепцию тех лет, свой порыв к нравственным обобщениям, оставив их «внешними» по отношению к тексту. Не забудем избитую истину, по которой великими писателями считаются те, кто наиболее искусно скрывают свой дидактизм. Солженицын, по собственному признанию,

---

[39] Например: *Hayward M.* Solzhenitsyn's Place in Contemporary Soviet Literature // Slavic Review. Vol. 23, No. 3 (1964). P. 432-436. *Des Pres T.* The Heroism of Survival // Aleksandr Solzhenitsyn. Critical Essays and Documentary Materials. Edited by J. B. Dunlop et al. Belmont, Mass.: Nordland, 1973. P. 45-62.

[40] См. наиполнейшую библиографию ранних отзывов о Солженицыне: *Fiene D.* Alexander Solzhenitsyn: An International Bibliography of Works by and about Him, 1962-1973. Ann Arbor: Ardis, 1973.

[41] *Barker F.* Solzhenitsyn: Politics and Form. P. 101.

[42] Письмо от 9 ноября 2001. Подчеркнутое слово — так в оригинале.

[43] Он с удивлением узнал, что художественная ткань скорее улучшается при политическом облегчении текста. См.: *Солженицын А. И.* Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 17.

«решился на Шухова, как на линию наибольшего сопротивления». Это указывает на процесс сжатия пружины[44].

Разумеется, что «Один день» не отличается по всем пунктам от других экибастузских произведений. Не раз, как мы увидим, повествовательная точка зрения в рассказе напоминает киносъемочную[45]. Отдельные мотивы кочуют от одного текста к другому. Во всех этих произведениях затрагивается, например, незавидная участь зэков, принуждаемых строить собственную тюрьму. В «Танках» несколько страниц отдано сцене, в которой бригада зэков укладывает камни в стену полупостроенной тюрьмы. Бывший студент Володя Федотов, особенно остро ощущающий иронию такой ситуации, спрашивает: «Как мы можем так низменно жить?» и ругает «трезвую трусость», проявляемую ими, «цыплячьими революционерами»[46]. В 5-й части «Архипелага ГУЛаг» глава «Цепи, цепи...» подтверждает автобиографичность этой сцены и включает в себя стихотворение «Каменщик», сочиненное Солженицыным по такому же поводу («Боже мой! Какие мы бессильные! / Боже мой! Какие мы рабы!»[47]). В этих стихах, относящихся к 1950-му — году зарождения замысла «Одного дня», в небе над злополучной стройкой реет коршун — точно такой же, как и тот, что кружит над головой понурого Федотова в «Танках». Показательно, что в «Одном дне» эта тема открыто затрагивается всего один раз, и то как бы мимоходом: Буйновского ведут в карцер; перед тем, как описываются суровые условия содержания в нем, мы читаем: «Сами клали БУР, знает 104-я [бригада]» (III, 111).

Но «Один день» не всегда бывает таким сдержанным. И в «Архипелаге», и в «Танках» отмщение лагерным доносчикам представлено как предвестье открытого восстания. В частности, в «Танках», лозунг «нож в сердце стукача» осуществляется буквально и крупным планом:

> Снова взлет руки. С ножа каплет кровь. И струйкой потекла из раны.
> Клубится, клубится экран, как дым извержения.
> Удар!! — и поворот дважды!
> И в музыке эти удары! [...]
> Протяжный болезненный человеческий крик:
> — *А-а-а-а-а-а-а-а-а-а...*[48]

Как ни чужд такой пафос повествовательной манере и общей тональности «Одного дня», убийство стукачей пробивается и в «почти счастливый» день Ивана Денисовича. Совсем не случайно в рассказе сообщается, что «сука» Пантелеев остается в зоне после ухода на работу остальных зэков 104-й бригады и «Опять будет стучать на кого-то»[49] (III, 23-24). Не зря Шухов строит догадки о том, как

---

[44] Цит. в книге: *Решетовская Н. А.* Александр Солженицын и читающая Россия. С. 60.

[45] См. также: *Curtis J. M.* Dos Passos, Eisenstein, and Film // Solzhenitsyn's Traditional Imagination. Athens: University of Georgia Press, 1984. С. 143-68.

[46] *Солженицын А. И.* Собрание сочинений: В 20 томах. Т. 8. С. 440.

[47] Протеревши глаза. С. 192.

[48] *Солженицын А. И.* Собрание сочинений: В 20 томах. Т. 8. С. 455.

[49] Подозрения Ивана Денисовича подтвердятся в конце дня: «Ничего он не болен, сука» (III, 100).

мехзаводцам удалось пронести орудия убийства в лагерь (III, 87). На «объекте» даже разгорается спор о стукачах. Когда бригада сидит у печи, Иван Денисович вслух размышляет о том, что, по сравнению с его семилетним пребыванием «на севере», жизнь в особлаге «поспокойней». Фетюков возмущается, но тут в разговор вмешивается Павло:

— Поспокойней! — Фетюков шипит [...] — Людей в постелях режут! Поспокойней!..

— Нэ людын, а стукачив! — Павло палец поднял, грозит Фетюкову (III, 50).

Разговор обрывается, но тема продолжает занимать Ивана Денисовича на уровне повествовательной функции. Оказывается, что «чего-то новое в лагере началось». Отрывок, в котором кратко описываются недавние события, оканчивается словами: «Чудно... такого в бытовых не было. Да и здесь-то не было». Но, оказывается, это только прелюдия. После обеда, когда солнце стоит высоко над ТЭЦ, кладка доходит до кульминации. Каменщики, волей-неволей поглощенные *своей* работой, больше не чувствуют мороза и вновь, хотя бы на короткое время, обретают свободу и чувство собственного достоинства. Но тут появляется десятник Дэр, сам из заключенных. Увидев на окнах украденный Шуховым и Кильдигсом толь, он приходит в ярость и угрожает бригадиру новым сроком. И вот тут сказывается это «чего-то новое». Тюрин сам бросается на Дэра:

— Прошло ваше время, заразы, срока давать. Ес-сли ты слово скажешь, кровосос, — день последний живешь, запомни!

Трясет бригадира всего. Трясет, не уймется никак.

И Павло остролицый прямо глазом Дэра режет, прямо режет.

— Ну что вы, что вы, ребята! — Дэр бледный стал — и от трапа подальше.

Ничего бригадир больше не сказал, поправил шапку, мастерок поднял изогнутый и пошел к своей стене.

И Павло с лопатой медленно пошел вниз.

Ме-едленно...

Да-а. Вот она, кровь-то резаных этих. Троих зарезали, а лагеря не узнать (III, 71).

До сих пор разные подробности, относящиеся к кровопролитию, лишь констатировались. Павло, очевидно, одобряет происшедшее, но однозначного одобрения со стороны смешанной инстанции Шухова/рассказчика[50] еще не было, скорее любопытство, удивление. Эпизод с Дэром разительно отличается от предыдущего. Уверенность Тюрина («прошло ваше время») связана с этим «чем-то новым», появившимся в лагере. Повествователь не менее персонажа заражен его боевым духом, восхищен развертывающейся сценой. Стремление к *зрительности* изображения, причастность повествователя к происходящему, выразительность и пафос «реплик», вплоть до риторических повторов, — отсюда до формы литературного киносценария только один шаг. Выделенные мною курсивом строки, которые и с Ивана Денисовича снимают нейтральность, отсутствовали в советских изданиях 1962 и 1963 годов, но относятся, как подтвердил автор, не к какой-то поздней редакции, а именно к до-новомирскому варианту рассказа[51]. Они

[50] В дальнейшем в таких случаях для краткости говорится об Иване Денисовиче.

[51] Письмо от 9 ноября 2001.

напоминают восхищение, испытываемое Федотовым после убийства в «Танках» стукачей: «— Ах, как хорошо у нас дышится! Что за воздух стал!»[52]. Нельзя воспринять этот отрывок иначе, чем как победу справедливого гнева над марионеточным тиранством, которое расшатывается этим духом сопротивления. На мгновение личное духовное самоутверждение во время кладки стены ТЭЦ оказывается связанным с возможностью победы совсем другого порядка. Чувствуется веяние революции. Расстояние между рассказом и киносценарием сокращается.

Можно возразить, что это столкновение нетипично для рассказа как целого, что преобладающая сдержанность повествования не рассеивается тем, что текст время от времени приобретает «неуместную» дальнозоркость и многозначительность. Бывают случаи, когда читатель узнает о лагерной обстановке больше, чем сам Иван Денисович, — например, о скрытном стихотворчестве неквалифицированного фельдшера Вдовушкина, «[работе] для Шухова непостижимой» (III, 19). Но как нам относиться в данном контексте к такой знаменитой сцене, как спор Цезаря Марковича с зэком Х-123 об Эйзенштейне и сущности искусства? Иван Денисович кажется здесь посторонним человеком, незваным гостем на интеллектуальном пире. Вскоре мы узнаем, что «лопотанье» этих москвичей ему все равно как латышский или румынский язык (III, 94). В частности, он не способен согласовать притязания нравственного «что» в искусстве и технического «как» и пропускает мимо ушей возражение Х-123: «Нет уж, к чертовой матери ваше «как», если оно добрых чувств во мне не пробудит» (III, 59). Но не будем упрекать Ивана Денисовича в том, что он не улавливает слов поэта, гордившегося тем, что «чувства добрые [...] лирой пробуждал». Сам Цезарь Маркович, готовый простить великому кинорежиссеру его уступки тирану, прослушал невысказанное продолжение: «Что в мой жестокий век восславил я Свободу / *И милость к падшим призывал*». А на замерзшего работягу, принесшего ему из столовой обед, он даже не посмотрел, «будто каша сама приехала по воздуху». Осмысление этой сцены разыгрывается на уровне, далеком от восприятия простого зэка из мужиков.

Хотя в рассказе такие хрестоматийные случаи немногочисленны, просвечивает в нем систематическое сплетение намеков на нравственный абсолют, а также на человеческое поведение сквозь призму этого абсолюта. Они проникают в трезвую фактографичность и немногословность текста и, в конечном счете, подрывают их. Следующие примеры можно было бы сгруппировать под заголовками «дух Усть-Ижмы» и «небесные светила», но они срастаются в ходе повествования.

В начале «Одного дня» Иван Денисович вспоминает совет, данный Кузёминым, его первым бригадиром, на лесоповале в 1943 году. Спустя несколько страниц узнаем, что в тот же год Иван Денисович «доходил» цингой и дизентерией в северном лагере Усть-Ижма. Тень этого сурового места нависает над сегодняшним днем как напоминание о смерти, но и как ориентир, как точка опоры. Суть известных «заветов» Куземина в том, что человек, поглощенный мыслью о выживании любой ценой, действует в ущерб собственной моральной жизнеспособности: «подыхает [тот,] кто миски лижет, кто на санчасть

[52] *Солженицын А. И.* Собрание сочинений: В 20 томах. Т. 8. С. 464.

надеется да кто к *куму* ходит стучать» (III, 7-8). Возражение Ивана Денисовича, что стукачи, наоборот, процветают, опровергается, как мы видели, по ходу рассказа. И здесь Куземин оказывается прав, и авторитет его наставления все возрастает, сопровождаемый лейтмотивами родства, закаливания страданием, и особенной манерой статичного, монументального, вневременного изображения. Сам Куземин запечатлелся в памяти Шухова в определенном месте и позе: отделенным от зоны в ночном лесу, окруженным своими однобригадниками, прижавшимися друг к другу у костра; он по-отцовски делится своим жизненным опытом. «Старый лагерный волк» с двенадцатилетним стажем, Куземин формулирует закон выживания, основанный на самоограничении, и эстафетой передает его Шухову («крепко запомнились слова»).

Бригадир Тюрин тоже оказывается «выпускником» Усть-Ижмы. Он взял Ивана Денисовича в свою бригаду на основании этого их общего опыта. Тюрин был арестован в самом начале 1930-х годов, года за два до Куземина. И он — «сын ГУЛага», воплощение лагерных традиций и обычаев. По прибытии зэков на работы мы видим, вновь глядя глазами Ивана Денисовича, элементы мифического или образного представления. Поза Тюрина наделяется романтическими и легендарными чертами. Широкоплечий, он непоколебим перед лицом стихии: «Стоит против ветра — не поморщится, кожа на лице — как кора дубовая». Иван Денисович не решается прервать его «высокую думу». Тюрин суров, но справедлив, и Иван Денисович признается себе в том, что зависит от бригадира полностью. Позднее, в полутьме «укрывища» недостроенной ТЭЦ вся бригада ютится вокруг убогой печурки, «Как семья большая» (III, 61), и слушает, как Тюрин рассказывает о своем аресте. «Бригадира лицо рябое освещено из печи. Рассказывает без жалости, как не об себе» (III, 62). Здесь настолько сильно прослеживаются параллели с Куземиным, что данную тему можно и не развивать. Периодически в мрачном рассказе Тюрина проскальзывают знаки высшей справедливости. Девушка, которая помогла ему в бегах, позднее появляется в его лагере, и он может отплатить ей за доброту. Командир, отнесшийся к двадцатидвухлетнему красноармейцу Тюрину с жестокостью и презрением, как это и принято было в то время при обращении с сыном кулака, был сам расстрелян в 1937 году: «Перекрестился я и говорю: «Все ж ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь, да больно бьешь»» (III, 62). Тюрин относится к породе людей, которые не могут есть, не сняв шапки с головы, и он сидит у печурки, доедая свою баланду и одновременно потчуя свою «семью» этими воспоминаниями, — седовласый, но неукротимый.

И последний, на этот раз немой апофеоз данной истины — старый зэк Ю-81, которого Иван Денисович видит в столовой в конце дня. Мы так и не узнаем его имени и названий многочисленных лагерей и тюрем, в которых он сидел, нам сообщается только то, что он «сидит несчетно, сколько советская власть стоит» (III, 102)[53]. Все это способствует усилению его обобщенно-символической, универсализирующей функции. Здесь уже не «сын ГУЛага», а ско-

[53] Упоминание о советской власти было вычеркнуто из первых изданий рассказа: «Новый мир», 1962, № 11; «Роман-газета», 1963, № 1 (277); книжный вариант М.: Советский писатель, 1963.

рее «дух ГУЛага». Мы знаем, что Ю-81 знаком с такой насмешкой судьбы, как строительство собственной тюрьмы: одним из его последних страданий был день рабского труда на строительстве пугающего «социалистического городка» — где в голом поле заключенные должны сначала построить вокруг себя забор, а уж затем браться за «город будущего»[54]. У него нет ни волос, ни зубов, он истощен, его руки черны и покрыты трещинами, но он сидит перед Иваном Денисовичем, буквально не сгибаясь:

> Изо всех пригорбленных лагерных спин его спина отменна была прямизною, и за столом казалось, будто он еще сверх скамейки под себя что подложил. [...] Он мерно ел пустую баланду ложкой деревянной, надщербленной, но не уходил головой в миску, как все, а высоко носил ложки ко рту (III, 102).

Лицо и поза Ю-81 говорят сами за себя. Ему нет необходимости делиться мудростью Усть-Ижмы. Он сам — ее воплощение, как статуя или икона. Его лицо не освещено пламенем костра или печурки, но, тем не менее, от него исходит свет. Его поза описывается как спокойная, вещая, вознесенная над суматошной лагерной прозой:

> Глаза старика не юрили вслед всему, что делалось в столовой, а поверх Шухова невидяще уперлись в свое. [...] Лицо его все вымотано было, но не до слабости фитиля-инвалида, а до камня тесаного, темного (III, 102).

И последнее наше впечатление о нем дает жест столь же бессмысленный в контексте ГУЛага, сколь вызывающий и непреложный.

> А засело-таки в нем [Ю-81], не примирится: трехсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол в росплесках, а — на тряпочку стираную (III, 103).

Иван Денисович сознательно разглядывает его. Мы так и не узнаем, связывает ли он чудачество Ю-81 с собственным неприятием царящего в столовой беспорядка и грязи, где другие едят, не снимая шапок, или с собственной способностью переживать в рабском труде мгновения высвобожденного творчества, что мы наблюдали в момент описания нелепой, но в то же время опьяняющей кладки камня несколькими часами ранее. Однако мы не сомневаемся в том, что Иван Денисович понимает увиденное.

Как и в других случаях, здесь стоит проявить осторожность, чтобы смысл текста не был искажен произвольным отбором ссылок. В нашей аргументации пока что приведены лишь три кандидата на образную, аллегорическую силу: первому из них, Кузёмину, отведено всего несколько строк, характеристики Тюрина разбросаны по тексту несколько больше, чем можно представить себе

---

[54] Удивительно, что в первых опубликованных вариантах рассказа сохранился ряд ссылок на *соцгородок* (или *соцбытгородок* — в некоторых эпизодах новомирской версии и в первом книжном издании). Хотя одна часть строившегося города Экибастуза, действительно, носила это название, трудно не уловить аллегорический намек на связь между социализмом, постройкой светлого будущего, с одной стороны, и образом максимального страдания и самопорабощения, с другой. Не менее смелой кажется и сцена, в которой предвидится, что главная площадь будущего города придется как раз на место, где теперь расположена вахта лагеря и площадка для обыска (III, 88).

из моего краткого описания; и только последнему герою, Ю-81, посвящены четко выделенные тридцать строк. На контраргумент в отношении того, что такие описания не характерны по статистике всего текста в целом, можно ответить ссылками на дальнейшие примеры, когда из текста становится понятно больше, чем написано. Здесь можно рассмотреть в качестве такого примера описание повседневного лагерного инвентаря — ложек.

Понаблюдав вместе с Иваном Денисовичем за тем, как поднимается и опускается надщербленная ложка потрепанного судьбой, но не сломленного Ю-81, мы далее читаем: «Однако Шухову некогда было долго разглядывать его. Окончивши есть, ложку облизнув и засунув в валенок, [...] вышел» (III, 103). Возможно, Солженицын отстраняется от продолжения этой сцены, чтобы ее эмблематический смысл не разорвал тщательно создаваемую лаконичность. Но ложка Шухова немаловажна для того, что мы только что наблюдали. С одной стороны, она наделяется практической функцией и появляется в рассказе вместе с самодельными масками от ветра, тайниками в матрасах, краденными мастерками, описания и перечисления которых так живо воссоздают лагерную реальность. Но у ложки есть и более высокое предназначение. Первый раз за «сегодня» ложка появляется в сцене завтрака:

> Шухов вытянул из валенка ложку. Ложка та была ему дорога, прошла с ним весь север, он сам отливал ее в песке из алюминиевого провода, на ней и наколка стояла: «Усть-Ижма, 1944»[55] (III, 15).

В обед Иван Денисович достает из валенка не просто ложку, а свою «ложку «Усть-Ижма, 1944»» (III, 55). Эта «метка» должна утвердиться в голове читателя, потому как ложка была отлита через год после того, как Иван Денисович заглянул в лицо смерти в Усть-Ижме и узнал куземинский кодекс выживания посредством самоограничения. Чуть позже на стройке Ивану Денисовичу приходится исполнять роль отца. Гопчик, который, как сообщается читателю, Ивану Денисовичу почти как сын, находит кусок алюминиевой проволоки: «Иван Денисыч! На ложки хорошая проволока. Меня научите ложку отлить?» (III, 45). В образе Гопчика нет ничего святого, да и Ивана Денисовича тяжело представить в роли наставника, делящегося с сидящими у костра зэками собственными глубокими убеждениями. Однако с уверенностью можно сказать, что Иван Денисович не научит Гопчика лизать чужие миски, надеяться на лазарет или выслуживаться перед начальством, донося на товарищей по несчастью.

Во всех этих случаях контекст придает простым и необходимым артефактам черты некоего талисмана, знака непоколебимой этики в тени северных лагерей и смерти. Очевидно, что «символизирующий» импульс в данном рассказе не привязывается исключительно к небольшому числу нетипичных эпизодов, но находит менее явные подтверждения в тексте. И как последний пример насыщенности этого якобы «открытого» текста и обычного дня символическим потенциалом, рассмотрим, что происходит после описания ужина в лагер-

---

[55] В Архипелаге ГУЛаг рассказывается о том, как Солженицын, навсегда покидая лагерь, взял с собой ложку, отлитую им самим на литейке, хотя по одному из лагерных суеверий ее необходимо «швырнуть тюрьме, чтобы тюрьма за тобой не гналась» (VII, 295).

ной столовой. Нам сообщается, что у Ивана Денисовича нет времени наблюдать за старым зэком Ю-81, он убирает свою ложку и выходит на улицу:

> Месяц стоял куда высоко и как вырезанный на небе, чистый, белый. Небо все было чистое. И звезды кой-где — самые яркие. Но на небо смотреть еще меньше было у Шухова времени (III, 103).

Отрывок характерен тем, что, сгустив на время значимость представляемого, повествование круто поворачивается к практическим соображениям, как будто не позволяя себе никакой нарочитости или напыщенности. Что может быть более естественным для Ивана Денисовича, чем повнимательней приглядеться к необычному зэку, пусть и ненадолго? Какой крестьянин не заметит походя, как выглядит небо? Однако яркий свет звезд в данном случае играет немаловажную роль, передавая традиционное эмблематическое значение. Разумеется, что этот контрапункт солнца-луны-звезд не остался незамеченным[56], но, давайте, проследим за тем, как он ненавязчиво создает определенный этический континуум и тем поддерживает более резонирующие моменты, связанные с Усть-Ижмой.

Иван Денисович просыпается и видит квадрат абсолютно черного неба, освещенного искусственным светом трех лагерных фонарей. Покидая свой барак с надзирателем, он, правда, видит, что на небе стали заметны звезды, но вдоль забора и барака «Так много [фонарей] было натыкано, что они совсем засветляли звезды» (III, 11). А к моменту, когда он стал облизывать ложку после завтрака, «Было все так же темно в небе, с которого лагерные фонари согнали звезды» (III, 16). Таким образом, день Ивана Денисовича начинается с небесных тел, гонимых искусственным лагерным освещением в этом самом большом и обезличенном из всех огороженных пространств, в которых мы его наблюдаем. Даже когда на смену ночи приходит день, в этом действии есть что-то зловещее: «[...] небо с восхода зеленело и светлело. И тонкий, злой потягивал с восхода ветерок» (III, 23). 104-я бригада покидает лагерь и идет по морозу и злому ветру к другому, меньшему по размеру закрытому пространству — месту работ. Когда заключенные достигают цели, «солнце встает большое, красное, как бы во мгле» (III, 35), но само по себе оно не приносит радости. Радуется и улыбается только Алеша-баптист, наиболее духовно восприимчивый из зэков. В сознании Ивана Денисовича метеорологические перипетии начинаются позднее, когда солнце, свет которого пока еще пробивается сквозь утренний туман, сыграло оптическую шутку над ним и Кильдигсом, когда они пересекают «объект»:

> Солнце уже поднялось, но было без лучей, как в тумане, а по бокам солнца вставали — не столбы ли? — кивнул Шухов Кильдигсу.
> — А нам столбы не мешают, — отмахнулся Кильдигс и засмеялся. — Лишь бы от столба до столба колючку не натянули [...] (III, 41).

---

[56] См. следующие примеры из двух недавно опубликованных янглоязычных книг об «Одном дне Ивана Денисовича»: *Porter Robert.* Epic Traits and the Tolstoyan Dimension // Solzhenitsyn's *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. London: Bristol Classical Press, 1997. *Tempest Richard.* The Geometry of Hell: The Poetics of Space and Time in *One Day in the Life of Ivan Denisovich* // One Day in the Life of Ivan Denisovich. A Critical Companion. Edited by Alexis Klimoff. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1997.

Бригада-«семья» собирается в еще более закрытом пространстве — в корпусе будущей ТЭЦ, который стоит на возвышении и открывает вид на весь объект. Заключенные стекаются к центральной точке — печурке. Солнечный свет рассеял последний утренний туман и вместе с ним иллюзию того, что солнце заодно с угнетателями зэков:

> Солнце выше подтянулось, мглицу разогнало, и столбов не стало — и алым заиграло внутри. Тут и печку затопили дровами ворованными. Куда радостней!
> — В январе солнышко коровке бок согрело! — объявил Шухов (III, 45).

Иван Денисович приветствует царствующее солнце по-домашнему, пословицей, и это как бы закрепляет их союз, который становится все тесней и восстанавливает Шухова против советской власти в лице по-прежнему ортодоксально настроенного зэка капитана Буйновского. Читателю понятно, что Иван Денисович настроен скептически в отношении того, что солнце подчинится советскому указу и войдет в зенит в час дня, а не к обеду, как «всем дедам известно» (III, 47). Но сомнений, «на чьей стороне» солнце, не остается, и еще до того, как он полностью погрузится в абсурдную, но приносящую удовлетворение гонку против времени и против коллег-каменщиков, Иван Денисович наблюдает победу восходящего солнца — на этот раз не над оптической иллюзией, а над реальным забором по периметру объекта:

> [...] и вышки черные, и столбы заостренные, под колючку. Сама колючка по солнцу видна, а против — нет. Солнце яро блещет, глаз не раскроешь (III, 65).

В этой обстановке развертывается сцена кладки стен ТЭЦ, окруженная и усиленная другими имеющими резонанс эпизодами (которые, как мы видели, варьируются от зарождающегося бунта до скрытого цитирования Пушкина). Но, может быть, мы всего лишь гонимся за символикой, перерывая текст в поисках высшего смысла? Большая часть повествования в настоящем времени относится к повседневности, к мелким деталям, к технике жизни и выживания. В этом плане возвышенный творческий порыв Ивана Денисовича наполнен парадоксами. В практическом отношении такой трудовой энтузиазм может представляться бессмысленным: «От работы лошади дохнут» (III, 19). Труд зэка приносит больше пользы его тюремщикам, чем товарищам по бригаде, и главное здесь не сама работа, а хитрость, взятки, «туфта»: «От процентовки больше зависит, чем от самой работы» (III, 44). И что за семья из 104-й бригады со стукачом Пантелеевым и шакалом Фетюковым? На вопрос: «Кто арестанту главный враг?», следует ответ: «Другой арестант» (III, 88). И этот тезис обобщается фразой: «Кто кого может, тот того и гложет» (III, 53). На каждого неотесанного, но справедливого Тюрина найдется другой бригадир, который работой в могилу загонит. Как же в такой ситуации можно воспевать гордые мучения Ю-81, когда самые последние страдания персонажа на строительстве забытого Богом Соцгородка пришлось ему пережить из-за Ивана Денисовича или, по крайней мере, из-за Тюрина, чей талант давать взятки и выкупать 104-ю бригаду из беды пришелся так кстати? Это им предназначалось провести день, возводя для себя тюремный забор с колючей проволокой, чтобы приняться за свой каторжный труд, который не может принести никакого удовлетворения. Какие общие цели можно себе представить у этих измученных судьбой «сынов Усть-Ижмы»?

В прозе Солженицына часто прослеживается желание прикоснуться к некой более высокой моральной или исторической истине, которая бы пролила свет на смятение дум и дел человеческих. Мы уже наблюдали, как происходит движение к свету, теплу и сплоченности, параллельно с передвижениями во все более узкие и защищенные пространства, которым сопутствует духовный подъем. В разгар дня на вершине бугра, на самом верху ТЭЦ, под покровительством сияющего непорабощенного солнца, Иван Денисович и, по крайней мере, часть бригады входят в рабочий ритм, который кажется насмешкой над целеустремленным стахановским движением и соцсоревнованием в лучших сталинских традициях. В данном случае высший смысл такого труда заключается в шатком товариществе, но больше всего в личном творчестве и самоуважении каждого. Здесь мы видим самый яркий пример такой конфигурации в творчестве Солженицына — реальное пронизано идеальным, но не пляшет под его дудку.

По мере приближения дня Ивана Денисовича к концу, мы ожидаем, что солнце постепенно уйдет в туман или темноту и наступит царство всесильных фонарей по периметру зоны. Но именно этого не происходит. В спешке используя остаток строительного раствора, Иван Денисович замечает, как солнце «С краснинкой заходит и в туман вроде бы седенький» (III, 73), точно так же, как оно вставало утром. И месяц при своем первом появлении «нахмурился багрово» (III, 78). Но несмотря на хмурость, это «месяц-то, батюшка» (III, 78), и он побуждает Ивана Денисовича, переполненного «триумфом» успешной кладки и вновь обретенной верой в себя, бросить вызов казенному рационализму Буйновского. После того, как Иван Денисович защитил свое простецкое деревенское объяснение насчет того, что «старый месяц Бог на звезды крошит» (III, 78), луна, «волчье солнышко» (III, 113), как его позднее назовет Шухов, заменяет собой настоящее «солнышко», как добрый союзник. Сначала лагерные фонари грозятся восстановить свою власть над вернувшимися с работы зэками: «вся площадка для шмона как солнцем залита» (III, 87). Но когда Иван Денисович спешит к столовой, где будет рассматривать зэка Ю-81, верх одерживает уже луна: «На дворе все светлей в сиянии месячном. Фонари везде поблекли [...]» (III, 96). Вряд ли случайно, что фонари, царящие над миром заточения и подневольного труда, должны отступить, когда показывается эта квинтэссенция человеческой выносливости. Этим мы завершили цикл. Иван Денисович уходит с места «встречи» с Ю-81, не упустив из виду, что

> Месяц стоял куда высоко и как вырезанный на небе, чистый, белый. Небо все было чистое. И звезды кой-где — самые яркие (III, 103).

Последние две цитаты обрамляют стержневую сцену — эпизод, в котором текст меньше всего скуден и нейтрален. Звезды выступают на небе с тем, чтобы бросить вызов тиранству фонарей. И когда Иван Денисович на сон грядущий в последний раз обращает внимание на ночное небо, бессилие искусственных источников света подчеркивается:

> Высоко месяц вылез! Еще столько — и на самом верху будет. Небо белое, аж с сузеленью, звезды яркие да редкие. Снег белый блестит, бараков стены тож белые — и фонари мало влияют (III, 113).

Такими способами и приемами текст подпитывает деревенское суеверие Ивана Денисовича. День идет на убыль, зэки возвращаются обычным своим маршрутом через круги все более широкие и менее дружелюбные. Утро придет, заполненное новыми заботами. Но все-таки динамика пути, проложенного Иваном Денисовичем, не указывает на спуск. Солнце и его союзники не опалили ему крылья, а поддержали его. Если читатель вынесет из этого дня не только удручающую проекцию на долгие годы вперед («Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три»), то ему будет способствовать в этом не скудный, открытый текст, а текст, пропитанный ощущением возможного Восхождения, которое не отличается по своей сути от аналогичного пафоса «Архипелага ГУЛаг» (если посмотреть вперед). Приобретенный в течение этого дня импульс продолжается и после отхода ко сну и знаменует собой (если посмотреть назад) то же самое «Возвращение к звездам», о котором Солженицын писал в 1953 году:

Нам желтая *зона*, слепя фонарями,
Лгала, что померкла Вселенная звезд, —
Но тех же Плеяд озаренье над нами,
Того же Стрельца полыхающий грозд.

Над темью тупого жестокого века
Какою надеждой вы блещете мне —
Кипяще, немыслимо белая Вега
И факел Юпитера в Божьем огне![57]

Как мы видели, трудовые и личные победы Ивана Денисовича оказываются не случайным фактом лагерной жизни, но занимают место в сети тщательно переплетенных образов и мотивов. На уровне этих подспудных процессов достигнутые им успехи не могут свести на нет ни Усть-Ижма, ни смерть. Может быть, Бог и в самом деле крошит старый месяц на новые звезды?

* * *

Фрэнсис Баркер, использовавший «Один день» как кнут, которым можно высечь позднего Солженицына, утверждал, что «система нравственных оценок, в свете которой предстает эмпирический «факт» «Одного дня Ивана Денисовича», оставалась неизменно внешней и тем самым неразрушительной по отношению к произведению». В этом он неправ. Абсолютные оценки присутствуют и глубоко укоренились в этом произведении. Правда, они очень редко комментируются с точки зрения героя и повествователя, но это вполне закономерно: таковы исходные условия самой формы, выбранной Солженицыным для данного конкретного опыта. Абсолютные оценки, как и политические страсти, мучившие Солженицына в те годы, максимально сжаты в этом тексте (с пользой сжаты, как он сам впоследствии признал), но такая сжатость делает их скорее противоположными баркеровскому определению их как внешних. Они пробиваются сквозь щели в полу, как только Солженицын отпускает сознательно наложенные на собственную композицию ограничения.

[57] Возвращение к звездам, 1953 // «Протеревши глаза». С. 202.

Евгений ЕРМОЛИН

МЕСТО РОДИНЫ

К уходу Георгия Владимова

«Если мы умерли так, как мы умерли, значит, с нашей родиной ничего не поделаешь, ни хорошего, ни плохого». — «И значит, мы ничего своей смертью не изменили в ней?» — спрашивал другой голос. «Ничего мы не изменили, но изменились сами». А другой голос возражал: «Мы не изменились, мы умерли. Это все, что могли мы сделать для родины. И успокойся на этом». — «Одни умерли для того, чтобы изменились другие». — «Пожалуй, это случилось. Они изменились. Но не слишком капитально».

Этот странноватый диалог возникает на последних страницах последнего романа Георгия Владимова «Генерал и его армия», выбиваясь из общего строя книги, далекого от всякой потусторонности. Там умирает главный герой романа, генерал Фотий Кобрисов, и в его сознании в финальный момент возникают эти голоса.

Сегодня, после смерти Владимова, перечитываешь это место с новыми впечатлениями. Чем-то остро авторским начинает звучать этот пассаж писателя, который посвятил жизнь поиску родины и всегда стремился служить ей как человек и художник. И те неопределенность и неуверенность, которые угадываются в неведомо чьих словах, невесть как всплывающих со дна сознания у героя, оказываются связаны с парадоксальностью итогов владимовского поиска.

Есть, наверное, какой-то знак в том, что Владимов умер на чужбине, в Германии. Основной вопрос его взаимоотношений с Россией не разрешился до конца при его жизни. И только после смерти писатель нашел последнее успокоение на переделкинском кладбище, вблизи других тихих писательских могил.

Он оставил прозу, которая относится к лучшему из того, что создано на русском языке во второй половине минувшего века. Сегодня его почти не читают, и мой самопальный опрос (не случайных прохожих, а начинающих литераторов!) показал, что даже его имя мало кому известно.

Книги Владимова — книги вопросов. Звучат они подспудно, почти неслышно, давая о себе знать, пожалуй, прежде всего в той смысловой незавершенности, которая характерна для каждой большой вещи писателя. Речь не о недоговоренности. Владимов умел договаривать все, что хотел договорить. Речь именно о смысловой открытости, о принципиальной содержательной незавершенности. Словно бы каждая его вещь обращена к миру, к стране, к народу, ко всякому человеку и писатель пытается объять необъятное, включив в состав своей прозы своего адресата. Пытается исчерпать неисчерпаемое: глубину жизни, глубину памяти, даль исторических и ландшафтных пространств. Писатель стремится подвинуть мир к тому состоянию, которое можно определить словом,

значащим для одних все, а для других ничего, — словом «человечность». Не сагитировать публицистическим словом, а подвигнуть душевным вопрошанием, заразить настроем автора, спровоцировать зигзагом судьбы героя...

В этом своем потаенном замысле Владимов поразительно близок к магистральной традиции русской культуры, русской литературы. Он и принципиально не стремится к оригинальности. Его иконы — Толстой и Достоевский, Гоголь и Пушкин.

...В этом своем замысле Владимов поразительно несвоевременен. Иногда кажется, что он не совпадает ни с чем и ни с кем. Так складывалась его жизнь, в конфликте со временем и пространством, с эпохами, властями, цензурой, союзами, с коллегами, с читателями, наконец... Роман «Генерал и его армия» начинается с гимна «виллису», *«королю дорог, колеснице нашей Победы»*. Автомобиль этот, конечно, — дальний родственник, может, — внучатый племянник гоголевской птицы-тройки: *«Так мчится он под небом воюющей России, погромыхивающим непрестанно жрет дорогу, рыча, срывая пласты глины вместе с травою долго глядят ему вслед с недоумением и невнятной тоскою песню упрямства поет мотор, и нехотя ползет под колесо тягучая российская верста»*. Но в конце этот самый «виллис» накрывается по чекистской наводке артиллерийским снарядом. Таков, если угодно, владимовский ответ на старинные вопрошания (*Русь! куда..?*). Дальше — тишина. Однако тишина все ж-таки не окончательного диагноза и не отзвучавшего судебного приговора, а скорее — авторская немота томительного недоумения.

Из арсенала традиции Владимов берет прежде всего бескомпромиссный инстинкт правды, христианский гуманизм, представление о высокой миссии и духовном ангажементе писателя. Он приходит в литературу во времена, когда за это приходилось бороться, когда все это нужно было отстаивать в суровой борьбе — и с властью, и с теми собратьями-литераторами, которые никакой ответственности брать на себя не хотели. Однажды в интервью он вспомнил, как в Германии, на радио «Свобода», когда на «круглом столе» с писателями-эмигрантами он сказал, что литература есть одна из форм служения обществу, это вызвало страшное раздражение и негодование коллег. На него посыпались всевозможные упреки: это-де рабская психология! какое служение?! писатель никому ничего не должен и никому не должен служить!..

Но Владимова такие возражения с толку не сбивали. Он был одним из тех, кто наиболее последовательно и бескомпромиссно утверждал идею соучастия писателя в делах и заботах мира, сотрудничества его с людьми для улучшения жизни. И герои его — очень разные — похожи на своего автора тем, что каждый из них по-своему борется за свободу, правду и добро. (...Написал и огляделся по сторонам: как и сегодня, в постклассическую эру, это *несовременно* звучит! *За свободу, правду и добро.* Но мир уже успел, по-моему, стосковаться по таким борцам.)

Что главное в его герое? Может быть, готовность отдать себя. Настоящему делу, настоящему человеку, настоящей родине.

Что самое ужасное в его судьбе? То, что этот огромный человеческий порыв встречает либо вялое сопротивление, либо равнодушие, либо даже попытки употребить его во зло.

Его герои — будь у них необъятные, богатырские силы, будь у них горячая, живая душа, будь они верны долгу или готовы взять на себя ответственность за целую армию — *все оказываются лишними*. Не впору, не по размеру. Обществу, системе, властям они нужны только в самом инструментальном приложении. Этот замечательный человеческий материал расходуется варварски, пускается на распыл, на растопку в гигантской печи системного ада.

Век, который достался героям писателя, уныл и беден, зол и — иногда — страшен. Это — чужбина. Здесь трудно жить. Здесь человек загнан в угол, откуда не всегда видится какой-то выход. Жесткий, холодный, суровый мир, в котором параметры существования заданы наперед, определены заранее и без согласования с волей героя. Это, проще сказать, мир XX века. Такой, каким он и был: *«пропахший жестокостью и предательством»* (так он определен в финале «Верного Руслана»).

Да и помимо же гнусного века есть страшная бездна отчуждения, невосприятия другого человека. В «Трех минутах молчания» герой делится быстрой мыслью: *«Сколько ни живи с людьми, а что они про тебя запомнят? Как ты глупый и пьяненький по набережной шел»*. Есть пучина пошлости. *«И тоска вдруг напала жуткая, волчья. Вот она, моя жизнь: с такими корешами сидеть, с такими девками»*. (Кстати, еще нехудшие это кореша, как окажется, в портовых кабаках. Есть места на карте нашей родины, где публика стократ сволочней. В этом, по крайней мере, автору романа пришлось удостовериться.)

Нерадостные наблюдения над жизнью, однако, не становятся поводом для капитуляции. Да, многие смиряются. И по периферии владимовских повествований проходит немало таких смирившихся персонажей, стертых в труху, сошедших в прах и пепел. Но не ради них затевается автором его история. Владимову всегда нужен герой, внутренне свободный, готовый поставить преграду перед враждебным напором, отстоять свое Я, свое, как сказал бы Романо Гвардини, *лицо*. Герой личного выбора, нерастоптанной воли чужд миру. Он выбирает правила и принципы. Выбирает ценности — и следует им во что бы то ни стало. Владимовские герои умирают, но не сдаются. Жизнь их ломает, а они стоят. Не падают. Держатся, сколько могут. Как несчастный, безумный и прекрасный Руслан с его слепой любовью. Как совестливый бродяга Сеня Шалай. Как отчаянный и обреченный Виктор Пронякин, не способный реализовать свою одаренность и значительность почти ни в чем, почти никак.

Все они такие.

Мужество не гнуть спину, стоять отдельно, жить наособицу и вопреки — это ведь не так легко дается в любое время и в любом месте. А в то время и в том месте, куда попали они, просто самоубийственно. Самоистребительно. Они летят, как бабочки на огонь, на зов своей плачевной и великой судьбы — лучшие русские люди этих мрачных советских времен.

Их жизнь — это опыты сопротивления. Поэтому герой, как правило, поневоле одинок. Одиночество — внеплановое следствие его стоического выбора. Ведь таких, как он, слишком мало. Почти вовсе нет. Опыты одиночества — это его рок.

Заметим еще, что одиночество в мире Владимова — не онтологическая закономерность. Человек не обречен бытийно на одинокость. Он становится таковым ситуационно, эмпирически — и страдает от этого. Его угнетает его

отчужденность от мира. Есть в «Трех минутах молчания» такое манифестальное место. Сеня рассуждает про себя: *«Отчего мы все чужие друг другу, всегда враги? Кому-то же это, наверное, выгодно — а мы просто слепые все, не видим, куда катимся. Какие ж бедствия нам нужны, чтоб мы опомнились, свои своих узнали! А ведь мы — хорошие люди, вот что надо понять, не хотелось бы думать, что мы — никакие <> А вот было бы у нас, у каждого, хоть по три минуты на дню — помолчать, послушать, не бедствует ли кто, потому что это ты бедствуешь!— как все «маркони» слушают море, как мы о каких-то дальних тревожимся, на той стороне земли...»* Тут, безусловно, кредо не только героя, но и автора.

Герой хотел бы себя утешить на манер: *«Человек только подумает о других, не только о себе,— он уже не один. Как бы ему там ни было сиротно, хоть в поле, хоть в море»*. Так-то оно так, а все-таки печально.

Но случаются в его жизни такие моменты, когда у него появляется шанс на встречу, на глубокое духовное совпадение, на взаимопонимание с другим человеком. И это самые светлые и радостные моменты в его жизни. Их несколько в «Трех минутах молчания», самом светлом владимовском романе. Их очень мало в других его вещах.

В «Большой руде» есть только одна такая замечательная сцена, когда герой, на очередном изломе судьбы, то ли на дне жизни, то ли в неведомом скольжении, встречает на станции буфетчицу, она сжалилась над ним, покормила, привела к себе — и в какой-то момент их близости ему становится ее нестерпимо жалко.

«...и он спросил:

— И не надоело тебе вот так?

— Надоело,— призналась она честно, — знаешь, как надоело! Вся жизнь у меня, как проезжая дорога.

Он помолчал и сказал неожиданно для себя:

— Ну так уедем отсюда.

— Уедем? — она приподнялась на локте и склонилась над ним. Волосы ее касались его лица. — Ты сказал «уедем». Это как же — вместе?

— Ну, вместе.

— Постой,— сказала она. — А кто ты мне?»

Эта случайная встреча. Эти встречные импульсы жалости. Эта попытка понимания и преодоления отчуждения и одиночества... Чем реже такое бывает, тем счастливее эти минуты. Перед смертью Пронякин вспоминает именно этот день на маленькой станции под Камышином как самый счастливый свой день. Не умеющий вполне понять и найти себя, по крайней мере тут он, согласно авторской мысли, не ошибается. Из того, что мы знаем о жизни героя, можно сделать однозначный вывод: именно тогда, в тот момент, о котором нам вот так рассказано, случилась в его существовании кульминация человечности, невзначай случилось высшее проявление в человеке человеческого начала. (Не столь же важно, что герой, может статься, даже не знает о том, что где-то есть великая книга с заповедью о любви к ближнему...) Вся его нелепая и внезапно оборвавшаяся жизнь получает в этом свете новый смысл и новую цену.

Сим победиши.

И точно так же вдруг повернется дурацкая история взаимоотношений матросика Сени со столовской официанткой Клавкой, только здесь именно Клавка,

пожалуй, скажет те слова, которые меняют течение судьбы. *«Чем бы все ни кончилось — вы нас запомните вот в эту минуту, потому что, как говорил наш старпом из Волоколамска, «может быть, мы и живы — минутной добротой»».* Так говорит, обращаясь, в сущности, к нам с вами Сеня Шалай, герой романа «Три минуты молчания», в потрясающем финальном эпизоде книги, от которого у меня всегда набегает на глаза влага. Я люблю эти лирические кульминации владимовской прозы, когда — пусть действительно на минуту — входит в мир и правит в нем доброта, сочувствие, солидарность. Много есть замечательного у Владимова, но вот это, редко замечаемое критикой, единение людей, переживаемое ими как главное событие существования, кажется мне самым лучшим. Здесь жила его душа.

Потом, после «Трех минут», таких встреч уже не будет больше. Разве что будет нечто напоминающее дружбу у Кобрисова и его ординарца Шестерикова. Но это не то. Кобрисов в романе так и остается отчаянно одиноким. Не говоря уж о Руслане.

И сам Владимов, кажется, именно во всем в этом, что я сказал о лучших его героях, совпадал с ними, при всех внешних различиях.

Можно попробовать угадать в этом умении тот навык и тот опыт, которые были получены в ранней юности, в суворовском училище войск МВД, в отходившем от блокады Ленинграде. Там был один такой эпизод, который и сам по себе значим, и многое определил в становлении личности Владимова.

Дело было, напомню, в первые послевоенные годы, когда оказалось, что, несмотря на огромные жертвы, принесенные народом на алтарь победы, людоедский режим не собирается меняться. Мрачным знаком этого стало погромное постановление 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Одной из жертв был выбран Зощенко. И вот в эти-то дни пятнадцатилетний мальчишка вместе с приятелем и подругой явились на дом к ошельмованному писателю, чтобы выразить ему сочувствие. Владимов рассказывал об этом так: *«Мы с другом тут же достали книжку Зощенко, прочитали и были попросту оскорблены: за что такого замечательного, талантливого, смешного писателя так жутко травить, называть «подонком литературы» и т. п.? Это постановление мы восприняли как плевок. Как говорится, плюнули в другого, но брызги долетели до нас, попали нам в лицо».*

Здесь уже есть то, что потом прорастет и станет нормой его жизни. Стремление самостоятельно проверить то, что объявлено самоочевидным, докопаться до истины, не удовлетворяясь готовыми решениями. Способность к самостоятельному суждению, к непосредственной нравственной реакции на происходящее, к поступку. Личная заинтересованность во всеобщей справедливости, отчего всякий неправедный жест, кому бы он ни был адресован, воспринимается с острой личной заинтересованностью, принимается на свой счет.

Первый владимовский бунтарский поступок был, что и говорить, незаурядным. Из тех, что формируют линию жизни на много лет вперед. Бесстрашный, безрассудный, свободный. В обществе, скованном судорогой страха, трое подростков ответили на призыв совести, не задумываясь о последствиях. (То, что это были не единственные такие подростки, тоже известный факт. Мы же помним и про антисталинские кружки молодежи, возникавшие в стране то здесь, то там.)

Неудивительно, что событие получило резонанс. *«О визите тут же донесла соседка Зощенко, да и мы сами быстро раскололись по неопытности. Нам грозило*

не то чтобы исключение, а лагерь, или вообще могли стереть в порошок. Государственное «преступление»! Это же было постановление ЦК ВКП(б). И вдруг в недрах училища, где воспитывали будущих офицеров-чекистов, такой нонсенс! Вот так впервые я ступил на тропу диссидентства. Занимался нашим «делом» сам Абакумов. Топал на наше начальство ногами, требовал, чтобы оно добилось от нас полного раскаяния, отречения. Наконец для нас была придумана такая спасительная формула: якобы мы были у Зощенко до постановления. Если этого не признаем, нам конец. И мы с другом покаянно вынуждены были с этим согласиться».

Эта встреча с властью не сломала будущего писателя, но ею в чем-то было смоделировано отношение и самого Владимова, и его героя к миру: «*...вся эта история, поскольку мы должны были склонить головы, покаяться, врать, подействовала на нас угнетающе и переживалась как незаживающая рана*». Другое событие, наверняка определившее его взгляд на жизнь, — арест в 1952 году матери по статье 58-10: антисоветская агитация и пропаганда. (Лев Аннинский утверждает, что этот арест был связан с проступком сына.)

Может быть, именно отсюда — его отчаянная воля встать поперек, заявить свою свободу, отсюда его оскорбленность и уязвленность давлением извне, насилием, готовность остаться наедине с собой, чужим всему свету, но уже ни разу больше не сдаться, не капитулировать.

Стоит коротко напомнить о том, к чему это привело. В 53-м году Владимов окончил юридический факультет Ленинградского университета. Работы по специальности он не нашел, стал писать, начинал как литературный критик. В 56-м перебрался в Москву. Через несколько лет перешел на прозу. Его основные произведения — повести «Большая руда» (1961, экранизация — 1964), «Верный Руслан» (опубликована в 1975 в ФРГ, в 1989 в СССР), романы «Три минуты молчания» (1969), «Генерал и его армия» (1994).

С годами углубляется (или проявляется?) неприятие Владимовым советского режима. В мае 67-го года он обращается к IV съезду Союза писателей с открытым письмом, требуя свободы творчества и публичного обсуждения письма Солженицына против цензуры. Владимов становится одной из самых героических фигур в кругу нонконформистской интеллигенции, в движении сопротивления позднесоветскому тоталитаризму, входит в круг Андрея Сахарова. (Как легко все это забыто! На обложке владимовского однотомника, выпущенного в 2000 г. издательствами Астрель, Олимп и АСТ, читаю: *«один из лидеров поколения «оттепели», сподвижник Ф. Д. Сахарова»*. No comment.)

В 77-м г. Владимов, которого тяготила навязанная ему как члену Союза писателей ответственность за исключение из СП «писателей-нонконформистов» Владимира Корнилова, Льва Копелева, Лидии Чуковской и Владимира Войновича, вышел из Союза; поводом стал отказ в командировке в «капиталистическую» Норвегию по приглашению издательства. Владимов взял на себя руководство московской секцией запрещенной в СССР международной правозащитной организации «Эмнисти интернейшнл — Международная амнистия», собирающей сведения о политических репрессиях. Это был поступок, требовавший большого мужества. Атмосфера издевательских гэбистских преследований, в которой Владимов находился в начале 80-х годов, описана им в рассказе «Не обращайте внимания, маэстро». Потом он вспоминал: *«Слежка, обыски, прослушка, отключе-*

ние телефона — все так и происходило. И только очень редкие люди продолжали со мной водиться, посещать наш дом. Например, Белла Ахмадулина».

Под угрозой ареста и осуждения на лагерный срок за «клевету на советский государственный и общественный строй», после двух инфарктов потомственный антисоветчик в 83-м был вынужден уехать в Западную Германию, после чего был практически сразу лишен советского гражданства, фактически изгнан из страны. В эмиграции он сблизился с Народно-трудовым союзом и в 84 — 86 гг. был главным редактором энтеэсовского журнала «Грани» во Франкфурте-на-Майне. Потом Владимов и с НТС разошелся, жил в городе Нидернхаузен, около Висбадена, *одиноким волком* (формула Игоря Золотусского). Ушел в творчество.

Отмирание советской цензуры возвратило его произведения в Россию. В 90-м году Владимову было возвращено гражданство, он иногда приезжал в Москву, в конце 90-х живал в Переделкине, однако окончательно в Россию так и не вернулся. В 95-м году за опубликованный в «Знамени» роман «Генерал и его армия» получил Букеровскую премию. Впоследствии (2001) ему была присуждена и премия «Букер десятилетия».

В последние годы писатель работал над автобиографическим романом «Долог путь до Типперэри» — его уже анонсировало «Знамя», — но закончить не успел. Смысл названия Владимов объяснял так: *«Названием стала очень популярная, еще времен Первой мировой войны, когда англичане были нашими союзниками, солдатская песня. Когда-то мы с моим другом, тем самым, с которым ходили к Зощенко, два пятнадцатилетних оболтуса, выдумали страну, в которой все было не так, как у нас, и написали утопический роман «Типперэри». В общем, сегодня для меня Типперэри — это символ возвращения на родину, в Отечество».* Он вернулся. Но мертвым.

...Мы ни разу не встречались. Но на протяжении всей моей, как говорят, сознательной жизни я знал о нем. Потому что жизнь эта начиналась в том числе и с передач радио «Свобода», с «Голоса Америки» и Би-Би-Си в комнате студенческого общежития на Ленинских горах — ближе к ночи. Редко о ком из тогдашних наших писателей я знал так много. «Верный Руслан» до меня тогда не дошел, а «Три минуты молчания» я, конечно, прочитал. И перечитал. Я был ошеломлен тем, что есть у нас в довольно серой тогдашней подцензурной словесности такая проза. Еще вздрогнули и мои поморские корни, наверное, все-таки в то же северное море, где ловили рыбу Владимов (специально, как известно, подряжавшийся на рыболовецкое судно) и его герои, хаживали мои недальние предки. Но это от Владимова я узнал, что *«моряк должен быть всегда вежлив, тщательно выбрит и слегка пьян»*. Один из первых моих критических опытов посвящен именно этому роману. И в нем я так и писал: «Живая человеческая боль, обнаженная человеческая совесть, страдающая мысль — где они еще в нашей современной литературе?». Отклик был написан, конечно, без малейшей надежды на публикацию и даже никому не был показан. Эту мою рукопись я нашел вот только сейчас... Но и по сию пору я сохранил остро личное отношение к Владимову. И эти мои заметки — если угодно — припозднившаяся дань благодарности. Отчего не пришло в голову написать их на год раньше? Не знаю. Ожидался новый роман — как повод. Но романа нет. И нет человека.

Как художник Георгий Владимов — традиционалист. За ним стоит вся русская литературная традиция с ее реалистической доминантой. Он — из числа тех, кто постоянно осознает эту связь и завершает эту традицию. Как, по-своему, Бунин и Набоков, Битов и Солженицын...

Не кажется ли это странным для человека, наделенного таким острым инстинктом свободы? Что за раболепие? Никогда этого не поймет нынешнее литературное хулиганье, резвящееся в прессе и на телеэкране.

Приверженность традициям у нас понимается иногда как чисто механический рефлекс. Может статься, когда-то так и бывает. Но не в нашем случае. Нет больше традиций, которые не были поставлены под вопрос, которые не были оборваны и пресечены. Координаты бытия другие. Время другое. Люди другие. Жизнь другая.

В корне изменилась и ситуация в искусстве. В XX веке художник получил право выбора. Он может похоронить все традиции до одной. Но он может выбрать верность традиции. И при честном отношении к писательскому делу традиционализм попадает в такие рамки человеческого существования автора и его творческого самоопределения, что становится — как личный выбор — авангарднее авангарда. Неоклассика — не эпигонство. Это смелый выбор традиции в ее вершинном, завершенно-идеальном виде.

Каждый писатель-неоклассик понимает вершинное качество по-своему. Но есть и общие черты. Например, характерное для каждого из вышеназванных авторов (по крайней мере в лучших вещах) густое, даже иногда вязкое письмо, концентрированное, без длиннот и пустот: экстракт стиля.

У Владимова эта концентрация такова, что вызывает оторопь. Экстракт стиля — экстракт жизни. Эта сгущенная до предела жизнь оплетает тебя-читателя и уже не отпускает. В ней есть очевидная подлинность, и весь твой — большой или маленький — жизненный опыт отзывчиво трепыхается, опознавая истину человеческого существования.

Уже бесконечно далеки эти изображенные Владимовым 40-е, 50-е, 60-е годы с их плотью и ароматами. Только подумать, «Большая руда» написана в 1960 году! Я тогда едва-едва родился. Проза тех невнятных лет за редчайшим исключением давно забыта и стала фактом истории литературы. А вот взял я сейчас эту владимовскую повесть — и не смог оторваться, пока с диким наслаждением не дочитал до конца.

Проза Владимова, сначала по времени создания и по тематике актуальная (в 60-е), потом ретроспективная — не становится сугубо исторической. Он не архивирует реалии жизни. Он вводит их в контекст вечности, как и подобает это настоящему классическому писателю. Это факт — и это важнейший факт. В локальных событиях и перипетиях угадывается что-то парадигматическое, притчевый смысл.

Истории Владимова — это притчи о человеческом уделе. О русском человеке. И его герои, с которыми ты невольно сживаешься и роднишься, — это одновременно выражения некоего универсального поприща и смысла. Вот это для меня очевидно. И это важно понять, чтобы снять те претензии к Владимову, которые обращены совершенно не по адресу. Он стремится к верности факту, опираясь

на органическое стремление к истине, но вообще-то не является историком-буквалистом, не нужно этого и требовать. И еще меньше Владимов — идеолог. Совсем некстати Анатолий Рыбаков назвал роман «Генерал и его армия» «апологией измены и предательства». Владимов там не пытается ни очернить, ни обелить Андрея Власова. Он хочет его понять. Как любого из своих персонажей. Каждый имеет право быть понятым. Таково, пожалуй, художественное кредо Владимова. Его метод — глубинное, экзистенциальное человековедение.

К этому добавляется, правда, в последнем романе, новая формула русского века — как века перманентной гражданской войны, при всех отягчающих эту страшную ситуацию обстоятельствах. И при самом тяжком — очевидной внешней агрессии. Мне кажется, эта формула достаточно точна, применить же ее к веществу жизни страшно трудно. Сразу открывается много непредсказуемого, история приобретает качество противоречивой сложности и не поддается головному, рассудочному обобщению. Недавно я прочитал очень интересные воспоминания участвовавшей во власовском движении Веры Пирожковой «Потерянное поколение» (СПб., 1998) — трудный опыт сложной жизни хорошего человека. И эта реальная биография просто вопиет о неразрешимости некоторых завязанных в середине века проблем. Разрешение этих тем случится, но случится, может быть, уже в вечности. Я же не берусь сейчас и сразу выносить вердикты. Собственно, не берется и Владимов.

Страх и честь, свобода и рабство, любовь и ненависть — эти традиционные темы для владимовских размышлений обретают новое качество. Труднейшая задача, на мой взгляд, разрешена безупречно. Поставлены те точки над i, которые вообще можно было поставить. Заданы вопросы, которые можно и нужно было задать...

А что войну и этим романом остановить не удалось... Чья в том вина?

Владимов пришел в литературу, когда еще пытались штурмовать небо, внедряться в будущее. Он ушел, когда это все схлынуло, и остались, как после прилива, тина и грязь. И только непрактичные идеалисты-дон-кихоты еще штурмуют неприступные крепости.

У меня есть ощущение, что сегодня Владимов почти утратил читателя. И не совпал, если так можно выразиться, со страной. Тот герой, которого он любит, — таких людей нет в России. Или, по крайней мере, очень мало.

Остались только вопросы.

Что это за страна такая, одна на свете, что это за суровая, беспощадная родина? Почему она так строга к тем, кто ее любит, и так легко сдается всякой мрази? Беспутна она или путна? Как по слегка другому поводу сказала незабвенная владимовская Клавка: *«люди вокруг — все те же, так же мучаются и других мучают»* Отчего здесь так трудно жить человеку, имей он хоть каплю совести? И почему обрекаемы на отверженность и одиночество люди, пытающиеся что-то сделать для нее? Зачем здесь, если хочешь *как лучше*, то получается — *как всегда*, и даже гораздо хуже? Или прав один литературовед в «Генерале и его армии», заметивший однажды Кобрисову где-то между Лубянкой и небытием: *«Бог эту страну оставил, вся надежда — на дьявола»?..*

Владимов, я сказал, не смог развязать все эти узлы. (Это — единственный раз — почти удалось у него только герою романа «Три минуты молчания»

Сене Шалаю: так на то ж и его, Арсения, профессиональный матросский навык. Да и Сене-то, если правду сказать, удалось что-то только на один-единственный момент.) Но писатель создал заряженное огромной энергией поле образной мысли для того, чтобы мы и в новом веке не забыли об этой роковой и желанной родине.

Как литератор он вроде бы не унывал. С одной стороны, по Владимову, литератор в России — *«второе правительство, это тот, кого слушают»*. С другой — *«надо писать для одной тысячи человек. Этого вполне достаточно. Если я знаю, что у меня имеется твердая тысяча читателей, это стоит того, чтобы садиться за стол и писать»*. Так он считал.

Ну, уж тысяча-то наберется, наверное! Это и есть, может быть, Россия Владимова. Его читатели. Его друзья. Много ли их? Сколько есть. И даже если бы не осталось ни одного, я рискну сказать, что именно его проза во второй половине XX века (а впрочем, и ныне) оказалась самой несомненной родиной для русского человека. Именно здесь, у Владимова и других наших лучших писателей этой позднесоветско-постсоветской эпохи, наиболее полно и глубоко состоялась Россия. С той яркостью и глубиной, которой не так уж много было и в самой жизни. Я бы даже настаивал на том, что Россия во второй половине XX века состоялась в основном в искусстве. Прежде всего, насколько я могу судить, — в литературе, в кино (у Шукшина, Тарковского, Чухрая, Германа, Сокурова, Муратовой, даже у Михалкова, Кончаловского и, увы, у Балабанова), в театре (у Товстоногова, Любимова, Эфроса, Додина, Ефремова, Васильева, Захарова; в искусстве лучших наших актеров), в живописи (от Слепышева до Биргера).

«Мы услышали три прощальных гудка, и черный траулер вывалился из ковша, пошел к середине гавани».

Зачем нам сегодня Владимов? Может быть, ответ на *этот* вопрос есть в одном эпизоде «Трех минут молчания». Не всегда же умный Сеня там ехидно прохаживается насчет мальчиков из Ленинграда, выходящих впервые в море: *«Книжечек, поди, начитались, ну и пошли»*. И получает неожиданный ответ от могучего старика, потрепанного жизнью, «деда», его учителя по жизни. Дружескую отповедь, в которой есть и что-то от большой и обобщающей мысли, есть тайная надежда не одного только «деда»: *«Так это же прекрасно, Алексеич! Начитались — и пошли. Другой и начитается, а не пойдет. Нет, это ты зря про них. Сейчас хорошая молодежь должна пойти, я на нее сильно надеюсь»*. Конечно, в контексте романа эта надежда получит своим противовесом юношеский скепсис, в котором признаются однажды эти мальчишки. Да и в жизни что-то тоже не заладилось у тех, кому было лет двадцать в 65-м. Но вот прошло почти 40 лет, и новая жизнь приходит. И впору давать ей те же комплименты — но каким-то будет результат?

Владимов и сегодня говорит нам о стойкости. Его этос — этос стоического одиночества. Небеса молчат, и человек должен сам сделать свой выбор. Герой нашего времени, если есть повод о таковом говорить, так же несет за свой выбор ответственность на сто и на двести процентов, как несут ее герои Владимова.

И еще, внеплановый его урок. В каждом нашем поражении зреют зерна грядущей победы.

ВРЕМЯ ХОМОРАЙТЕРА

Критики любят смутные, невнятные книги. Они могут без конца говорить о них, спорить, возводить дворцы собственных теорий...

Реваз Инанишвили[1]

Лет десять назад привлекла меня в «Новом мире» статья поэта Евгения Храмова, в которой победно говорилось о неотвратимом конце графомании. Дескать, теперь, когда исчез государственный заказ на «нужную» литературу, каждый может выпустить книгу, но — за свой счет, а издательства и литературные журналы слабой поэзии потрафлять уже не будут.

Однако радость оказалась преждевременной.

Обилие стихотворных книжек «за свой счет», легкость их выпуска снижают удельный вес в них здоровой поэзии, и разглядеть ее среди поэтически-немощной продукции становится все более непросто. К тому же от напора подобного творчества оказались не застрахованы и толстые журналы. Возможно, причиной тому экономическая несамостоятельность. Иные публикации, как кажется, — явная «дань благодарности» финансовым донорам. Может, я и не прав, но чем другим объяснить появление на страницах более чем солидного журнала таких вот строк? —

Ну все. Прошло. Теперь свободен.
Местами занялся рассвет.
И снова буду я пригоден.
Вдохнуть легко потоком лет.
Недалеко же я ушел, пока скрутил
Воображенье в одну точку,
В тебя одну. Чуть не сгубил
И до последнего листочка
Так неумело распустил[2]...

[1] «Дружба народов», 2002, №2.

[2] «Наш современник», 2001, №7.

Владимир ЦИВУНИН — родился в 1959 г. в Сыктывкаре. Учился в Сыктывкарском университете и в Литературном институте им. Горького. Поэт, литературный критик. Автор трех стихотворных сборников. Статьи публиковались в журналах «Арион», «Континент», «Крещатик» (Германия), «Новый мир» и др. Живет в Сыктывкаре.

Я уж не говорю о том, что соотношения между некоторыми словами в этом стихотворении звучат странно для русского слуха, я просто хочу спросить: что это? это — поэзия?! Лично мне жаль человека, искренно трудившегося над этими строчками (потому — не буду его здесь называть). И это при том, что стихам многих давно сложившихся русских поэтов журнал может предоставить лишь общую площадь под каким-нибудь коллективным названием: «Стихи орловских поэтов», «Приднестровская муза» — а то и вовсе «Мозаика»! Вот уж действительно, — «молчите, Тряпкин и Рубцов, Поэты русской резервации»[3].

За что все-таки, за какие грехи выставлено на всеобщее обозрение вот это? —

Вот так вот, чертова колдунья,
Ты слишком для меня груба...
Мой снег растаял, образуя
Поток с названием «судьба».
Прохлада исцеляет нервы,
Из затянувшейся петли
Освобождались капли веры
И орошали лик земли...[4]

Нет, ей-богу, такое мог написать только спонсор! А на спонсорское творчество, понятно, журнальных полос не жалко.

Однако если засилье слабой поэзии — и реальность, то реальность неизбывная, понятная и вполне простительная. С тем, что принято называть графоманией, в общем-то, все ясно. Традиционный образ графомана примерно таков: не шибко грамотный, перезрелый (как раз где-то моего возраста) мужик, кое-как владеющий рифмой, чуть похуже — ритмом и почти никак — мыслью (во всяком случае — мыслью собственной)...

Но «все в мире изменил прогресс...»[5]. Нынешнее время явило читающей публике совершенно новую генерацию стихотворцев — интеллектуальных, филологически подкованных, остроумных, очень талантливых и... так же не имеющих, что сказать. Графоман стал утонченнее, изысканнее — «оригинальнее». Теперь это профессиональный литератор, много знающий, всюду побывавший, словом — искушенный. Его и графоманом-то обозвать боязно. Я назову его... ***хоморайтером*** — что, на мой взгляд, как-то ближе к языковому стилю *«нового литературоведения»*.

Хоморайтер не настолько прост, чтобы легко выдать себя. На читающего он глядит свысока, свои стихотворные экзерсисы подает с чувством значимости. Изрядный интеллектуальный запас при известной доле таланта позволяет ему это. Как все это принимает читатель? Ответить за каждого не могу, но вижу: критика — принимает, редакторы солидных изданий — тоже.

Почему? Да потому что критику это... интересно. Ведь критик вовсе не обязан давать ответ, есть ли что-то за стихотворными ребусами дерзающего

---

[3] Ю. Кузнецов.

[4] «Наш современник», 2001, №7; то же стихотворение.

[5] Гёте—Пастернак.

автора, имеют ли они вообще какое-то решение, какое-то содержание. Важно, что изделие сработано по определенным внутренним правилам, которые ему, критику, лестно угадать, а значит, стоит с этим повозиться. Следствие: хоморайтера готовы представить, о нем — пишут.

Что же касается редакторов, им, надо полагать, все давным-давно осточертело. *Свежих* тем в лирике не бывает, вот и цепляется иной редактор за всякое «необщее выраженье», лишь бы оно не было совсем уж неграмотным (хотя, как видим, и такое случается). Следствие: хоморайтера — печатают.

Здесь позволю себе отступление от жанра обычной журнальной статьи. Не так давно появилась у меня привычка — без определенной цели, для самого себя, вести заметки о прочитанном. Пожалуй, некоторые записи прямо здесь и приведу.

Из личных дневниковых записей

28 июня 2001

Листаю взятые вчера в библиотеке журналы. Ну вот опять. Впрочем, приведу стихотворение целиком:

Людям моего клана не о чем петь.
Люди моего клана не хотят говорить.
Их стальные глаза
холодно поблескивают
из-под век.
Люди моего клана
без перчаток...[6]

Ну что тут скажешь? Да ничего не скажешь. Не нам за такое отвечать. Посмотрим дальше. Вот стихи Дмитрия Воденникова. Игорь[7] *говорит, что это и есть тот «Лодейников», который ведет на радио передачи с Ксенией Липановой. Что ж, очень может быть. Уже до чтения, при одном только взгляде на страницу, понимаешь: товарищ «с претензиями». Что-то — шрифтами разными подано, что-то — разными язы́ками. Ну, с претензиями так с претензиями. Значит, самостоятелен, за другими вслед не гонится. Но читаем:*

...Пепел Настасьи Филипповны и Хлестакова стучит в моем сердце... [8]

Дальше я не читаю. Просто сразу зубы заныли.

* * *

Цитировать такого рода поэзию — неблагодарное занятие: всего не процитируешь, жизни не хватит. Главное, как мы видим, хоморайтера печатают, о

[6] *Елена Лазуткина.* «Знамя», 2001, №4.

[7] Мой сыктывкарский товарищ Игорь Вавилов, литератор, член сразу нескольких творческих союзов, спец по столичным и «пенклубовским» делам.

[8] Там же.

нем пишут[9]. Чего еще надо для «общественного признания»? И нередко в результате хоморайтер становится лауреатом той или иной премии. Но поздравлять не хочется, да и не с чем. Признание печатных органов и литературных сайтов, где обыкновенно *свои* пишут о *своих,* — еще не есть признание читателя, далекого от кулуарных отношений. А без читателя (без *«незнакомого критика»,* чье существование являлось бы залогом дальнейшего потенциала*)* очень сомнительны шансы на литературное долголетие. И вряд ли сегодняшние новые пройдут главную проверку — испытание временем.

Я не знаю, в души скольких людей западет такая, например, любовная лирика[10]:

...Я ехал, я так любил тебя,
чтобы в сердце билось два воробья,
чтобы мой позавчерашний храп
убегал, как от хозяина раб
По протокам проскакивали угри,
точили низ ледяной горы,
а потом кукушкино яйцо
бросали под колесо...

...И я не дышал, как на море штиль,
завернув тебя в небольшой наряд,
я вез твою матку за тысячу миль.
Много дней подряд.
Она там плыла, как лицо в серьгах,
в фотографических мозгах,
как царевна в серебряном гамаке.
Раскачиваясь в глубоке.
Из морей выпрыгивали киты,
и глубины на миг становились пусты.
И цветастые клевера вороха
Вплетались в коровьи потроха.

Ну что тут скажешь, кроме уже сказанного? Грамотный хоморайтер невежественному графоману не чета. Вот и процитированный Вадим Месяц, если верить предисловию к его книжке[11], «в настоящее время работает профессором литературы Стивенс-колледжа в штате Нью-Джерси, США».

Но давайте еще немного задержимся на его стихах. Скажем, на таких:

Полыхнет окно прежней болью,
Я склонюсь плечом на ограде...

Или на таких:

---

[9] Так уж вышло, что наиболее интересные иллюстрации для этих заметок взяты мною из одного-двух журналов. Получилось это непреднамеренно. Примеры такого рода нетрудно найти в любой литературной периодике.

[10] *Вадим Месяц.* Honey moon (Ласточке). — «Знамя», 2000, №3.

[11] «Високосный день». Коми книжное издательство, 1996.

Знает только москворецкая хула,
Что мне сердце без печали не болит...

Как-то не слишком по-русски звучат в исполнении профессора эти хорошие русские слова. Так что я, пожалуй, поторопился. Не стоило проводить строгую границу между полуграмотным графоманом и утонченным хоморайтером. Как, впрочем, и между хоморайтером и поэтом, графоманом и поэтом, — никому не заказано вольно (или, чаще, невольно) оказываться в разных ролях. Что, кстати, не так уж редко и происходит. Потому и претензии мои — не столько к самим авторам, сколько к литературной свите, делающей своих королей.

Как-то в одном и том же номере журнала оказались рецензия на сборник Алексея Денисова[12] и поэтическая подборка этого поэта. Лучшим мне показалось стихотворение, содержащее следующие строки:

...я спросил у ясеня тополя и амурского бархата
кто моя любимая почему не знаю
деревья мне ответили у жены спрашивай
и долго после шумели смеялись наверное...

Познакомившись с творчеством поэта, я углубился в рецензию, написанную Мариной Бондаренко: «Эмоция, живущая в тексте словно сама по себе, не торопится срастись с функциональной позицией «я», находящейся в центре поэтической структуры и подчиняющей себе все пространство текста. Эмоция заполняет формальную пустоту лирического субъекта случайно. Так рождается случайный, «блуждающий» лирический герой, вернее было бы сказать, лирический героизм, свойство без носителя, симулякр. Это создает эффект отстранения, а вместе с ним эффект иронии, который (что важно!) не есть исходное намерение, а только эпифеномен, побочный эффект самого текста... Смысл новой фразы складывается из всех составляющих и в то же время не равен их сумме: поэтическая декларация метода + еще какое-то лирическое, трудновыразимое ощущение опустошения, отказа, сожаления, слабости — знаменитые "жертвы искусству". На наших глазах совершается чудо: неуловимая фаза зарождения мысли-музыки в самом языке и титаническое усилие метаморфозы — не изображены, а выражены. Так рождается стиль "нежного согласного", новый "нежный стиль"»...

Не скрою: в этой статье мне было понятно не всё. Но главное я понял: Денисов объявлялся очень интересным, чрезвычайно оригинальным поэтомноватором. В самом деле, адресат у каждого пишущего свой: кто-то творит исключительно для современников, кто-то — для читателя вообще, кто-то — адресуется прямо к Богу. А оказывается, можно писать непосредственно... для филологов! Замечу все-таки, что стихи Денисова все же получше, хотя бы человечески понятнее, чем умствования доброжелательного критика — как, кстати, и стихи самой Марии Бондаренко, которые тоже — лучше и человечески понятнее, чем ее рассуждения...

Называться же пишущему графоманом или хоморайтером, это зависит, видимо, лишь от разницы в дерзновении. Первому труднее: и силенки еще не

[12] «Знамя», 2000, №10.

те, и группа поддержки немногочисленна (обычно лишь самые близкие друзья да, может, домочадцы). Второй же — благодаря поощрению извне (критики, редакторы, журналисты) — смело дерзает, поэтому, казалось бы, всегда свеж и оригинален.

Но — не свеж и не оригинален.

Судите сами. Какой литературный журнал ни открой, стихи там (бывают и исключения, разумеется) не то что нехороши, а до безликости похожи.

Вот Кибиров — хотя, казалось бы, этот-то всегда найдёт что сказать, а вот поди ж ты:

> И вот февраль. Достать чернил, и паркер,
> подаренный тобой, заправив, выпив чарку-
> другую италийского вина,
> писать тебе с утра и до темна,
> себе писать с темна и до утра:
> «Пора, мой друг, действительно пора...»[13]

Вот Полина Иванова:

> Февраль. И всюду — белизна,
> как упаковочная вата.
> Но далеко до плагиата,
> хоть и блистательна блесна.

Она же:

> Свое отчаянье отважно
> вверяя прихоти пера,
> пиши — а что — уже неважно.
> Черкни: *пора, мой друг, пора!..*
> Ожгись о ледяное ложе
> и взвизгни, как бензопила:
> Онегин, я тогда моложе,
> *я лучше, кажется, была!*»[14]

Разные журналы, разные авторы, а ощущение такое, словно читаешь кусочки из одной и той же поэмки. Да и не мудрено оно, если, говоря словами только что процитированного стихотворения, «уже готовые глаголы / в тебе тусуются гурьбой».

Из личных дневниковых записей

1 июля 2001

Вот 5-й номер «Знамени» за этот год. Кого он нам представит? Так, Айзенберг, Ратгауз... Хорошо. Это я читаю. Но кто еще? Арабов?! Да тут же и При-

[13] «Знамя», 2000, №10.

[14] «Дружба народов», 2001, №2.

гов?! Ну Пригов, что — Пригов? Есть поэты, и есть Пригов. Когда-то казалось смешно. Сейчас сей «мефистофель» уже не справляется со своими обязанностями. Да и зачем уже.

Арабов вот. Ну, глянем.

Стихотворение «Сумма теологии». Многообещающе. С начала и начнем:

...Вновь я посетил тот уголок земли...

У-у! Зубы мои, зубы!.. Все!!!

2 июля 2001

Решил все-таки осилить хотя бы Арабова целиком, все-таки — лауреат самого поэтически-гостеприимного журнала. Прошел до конца. Потом подумал — зачем? Ведь то же самое я уже читал. У Бродского. Ну, не читал, так — мог прочитать. Ну хоть вот это:

...и мыслит, что на дороге, которая далека,
остаются следы, но всегда исчезает нога.

И вообще, скучно. (Случайная опечатка, а... действительно, скучно).

Где же гипсовая античность? Где гипсовый пионер
в коротких трусах без члена?

«В трусах без члена»... Хорошая поэтическая находка. Точнее — видимо, все-таки потеря? И то сказать, даже авторитетному поэту случается иногда несколько подрастеряться:

...что поделать нам,
какие слова подобрать и позы?

Да любые, милейший. Любые. Как слова, так и позы. Бумага — стерпит, до читателя ее — донесут. За последнего, правда,— чтобы оптом — не берусь ответить.

* * *

Центонность т.е. использование известного текста в качестве материала для литературной игры распространена нынче повсеместно. И немудрено: подмигивание насквозь привычными образами — не только кратчайший путь к читателю — через «общих знакомых». Писать так и *экзистенциально безопаснее.* Как безопаснее — и экономичнее — манипулирование хрестоматийными строчками предшественников-поэтов (именно предшественников-поэтов, а не предшественников-хоморайтеров, поскольку те — уже вторичны и к новому употреблению не годны). Причем строчками, отполированными — от непотребно частого использования — до состояния муляжей (техника безопасности, чтоб уж ни занозы). И, читая очередные «центоны», раз за разом убеждаешься только в одном — в том, что все написанное написано понарошку, что автор чаще всего ни за что не отвечает. Более того — что в конечном счете он и разговаривать с нами не хочет.

Недавно другой приятель показал мне стихи своих друзей, весьма преуспевающих московских поэтов. И что же? Все то же самое: нашлепки, нашлепки, «уже готовые глаголы» — из Пушкина, из еще кого-нибудь... Вроде и неплохо, даже оригинально, а в сущности — словеса, словеса. Жонглирование с виду ухарскими, смелыми образами, да только образы-то — бывшие в употреблении. Так, дух времени — не более: без глубины, без собственной крови. У меня опять зубы заныли. Терпел я терпел, да и спрашиваю друга: а покажи хоть одно стихотворение, где не было бы цитаты. Он — пожалуйста, и начинает читать. Вскоре смущенно осекается: а да, вот тут из Пушкина. Берет другое, потом третье... Так и не нашел.

Из личных дневниковых записей

2 июля 2001

Вот статья об Александре Еременко. Помню, помню этого поэта. Еще по его статье «Двенадцать лет в литературе» (где-то в конце 80-х в «Юности»). Статья была о том, что человек пишет, пишет, а его не печатают, не печатают. Теперь о Еременко говорят другое, а именно: что человек — молчит, не пишет. Зато его печатают. Посмотрим, тут приводятся и примеры:

...Я там умер вчера. И до ужаса слышно мне было,
как по твердой дороге рабочая лошадь прошла,
и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила,
лошадиная сила вращалась, как бензопила...

Но — почему?! Почему? Опять — бензопила?! Но я ж только недавно о ней, метафорической бензопиле, читал — не то у Пушкина, не то у Полины Ивановой...

Ну как это все? Ведь могло быть и интересно, и живо, когда бы не было, из-за таких вот «мелочей», так однообразно-скучно и искусственно.

Ведь вот другие строки, приведенные в этой же статье:

...Но как я люблю этот гипсовый шок,
и запрограммированное уродство,
где гладкого глаза пустой лепесток
гвоздем проковырян для пущего сходства...

Ведь хорошо же сказано! А потому тем более обидно, что об этом уже только в моих здесь примерах сколько раз помянуто. И даже жаль, что полинывановская тетка с веслом и арабовский пионер попали мне на глаза раньше, чем гипс Еременко.

А в целом — скучно. Скучно. Выть хочется.

17 июля 2001

В 6-м номере «Нового мира» — статья Владимира Новикова о... филологической поэзии (видать, не одного меня допекло). Хорошая статья. Правда, жаль, что-то часто он, Новиков, об Амелине упоминает. Например, так:

«Таким чисто лабораторным трудом однажды занялся Максим Амелин. Практическое литературное значение этой несмешной игры мне пока не ясно».

Что до литературного значения, оно оценится позже, а практическое — уже сейчас очевидно: его, Амелина, печатают, премии дают, Новиков вон все вокруг да около ходит, не зная, как подступиться — и то хорошо: ан имя-то и на слуху.

28 апреля 2002

Буквально вчера повезло: приобрел «Поэтический словарь» А.П.Квятковского. Первым долгом заглянул, конечно, в статью «Центон». Определение там дано такое: «род литературной игры, стихотворение, составленное из известных читателю стихов» — и примеры: из анонима, из Лернера и из Амелина. Вот и ценность филологической поэзии — в качестве наглядного пособия. Что ж, и то...

* * *

А все-таки, отбросив иронию, — почему же многие от мозга идущие словесные конструкции (а уж «оригинальные» — дальше некуда) являют собой не более чем обыкновенную графоманию? Где истоки этой болезни в литературе?

Да не так глубоко и спрятаны. И интеллектуальный хоморайтер мало отличается от графомана-недоучки в первую очередь *необязательностью* своих текстов[15]. И тот и другой могут написать об одном, но с тем же успехом — о другом, и ничего не изменится: И тот и другой — могут взять один образный ряд (или — ворох образов), а могут — другой, и тоже мало что изменится.

Между тем, графомана никто (или почти никто) не читает — это ж какая пытка. Творения хоморайтера — читают. Они скучны не всем. Существует даже категория читателей, для которых стихи тем выше поэтически, чем непонятнее.

Непонятность — показательный критерий. Непонятным может казаться и *таинственное* — т.е. то, что в глубине своей имеет простую ясность и не внятно лишь стороннему поверхностному взгляду. Но неизменно непонятным остается то, что не отделено от хаоса, что в самом себе ничего, кроме хаоса, не имеет. В чем никакой внутренней глубины попросту нет. Иногда это также выдается за искусство. И даже может иметь свой резон: да, хаос, но из этих элементов хаоса, таки специально (хоть и случайно) автором отобранных, «вдумчивый» читатель сам выстроит то, что́ сумеет узреть. А уж в том, что он, читатель-интеллектуал, *хоть что-то* для себя увидит, можете не сомневаться. Именно на это он и купится.

Однако в первом варианте, при постижении таинственного, происходит диалог автора с читателем. И возникает — вслед за пониманием — *сопереживание*. В идеальном, конечно, случае. Во втором варианте, с *непонятностью*, у каждого свой псевдодиалог: сам с собой или с двойниками-сотоварищами говорит автор, сам с собой говорит читатель. Общения нет, приемо-передачи — ни чувств, ни мыслей — нет. Оно и на руку последнему времени: чем сильнее раздроблен человеческий конгломерат, тем легче его «глобализовать».

---

[15] Когда эти заметки уже были готовы, встретилась мне в «Арионе» (№3, 2001) очень, на мой взгляд, точная мысль Яна Шенкмана о том, что стихи, если они не игра, — *языковая неизбежность*. По-моему, в самую точку!

Сила откровения доступна порой даже слабому поэту. А вот хоморайтер, гораздо более талантливый как версификатор, — подняться до откровения не может. Не потому, что у него нет сокровенного, а потому, что для хоморайтера сокровенное не может быть предметом его поэзии. Он страх как боится оказаться банальным, ведь сокровенное почти всегда до беспомощности банально. Вот и приходится маскировать его либо максимально отдаленной от болевой точки сетью метафор, либо ироническим пасьянсом из словечек и оборотов, насквозь привычных любому живущему *здесь и сегодня*.

Впрочем, в век, когда в цене одна развлекательность любой ценой, когда само допущение ответственности за сказанное кажется чуть ли не дурным тоном, удивляться этому не стоило бы. Но иногда... Иногда авторы переступают даже то, что мне, грешному, кажется *последними* границами.

Богородица-дева, радуйся!
Я дошел до нужного градуса.
Не один, а вдвоем с Серегой, —
Если хочешь, смотри и трогай!..[16]

Дальше, извините, цитировать не хочу: много чести и автору, и его творению. Не понимаю только: вот так просто написалось — значит, уже можно смело отдавать в печать, выносить на люди?! Прости, Господи, нас окаянных!.. А спросишь таких бодрых сочинителей, *для чего* они так делают? — только плечами пожмут: «Литература — дело веселое». И это давно не юнцы мало за что отвечающего лицейского возраста. Полагая себя людьми *свободными* и просвещенными, о чем-то же они думают...

Смеясь, человечество расстается со своим прошлым?.. Один пошутил, а все поверили. Кинулись повторять. А кто-то и принял за руководство к действию. Грустно и противно смотреть на таких обреченных, подобно булгаковскому «рыцарю», смеяться пожизненно, даже когда им это уже совсем-совсем не хочется. А что до расставания с прошлым, то человечество не сможет расстаться с ним никогда. Либо перестанет быть человечеством.

Конечно, и хоморайторы на что-то годны. Можно иногда восхититься находчивостью их творений, остроумием авторской подачи, даже посмеяться под настроение. Но если стихи написаны без сердца, то и полюбить их, оставить для них уголок в своем сердце невозможно. И мне не жаль тут читателя. Как раз читатель-то практически неуязвим: иммунитет в таких случаях вырабатывается очень быстро, стойкий антилитературный иммунитет. Пожалеть саму литературу? Нет нужды. Это океан, который может принять любые потоки без ущерба для себя: глубина и очертания берегов останутся неизменными.

Жаль обыкновенного поэта. Поэта, а не графомана. Поэта, а не хоморайтера. Не играющего в литературу, не живущего за ее счет, а просто живущего — неизвестно как и неизвестно чем. И обреченного терзать перо без особой надежды быть услышанным, потому что он-то и окажется потесненным на журнальных страницах, худо-бедно такую возможность дающих. Значит, именно он останется обделенным и в чувстве, что от него — что-то ждут. А ждут —

[16] *Александр Беляков*, «Знамя», 1998, №11.

«всего-навсего» *живого слова*, живого, искреннего чувства. Поэт ведь и отличается от не-поэта в первую очередь именно тем (а вовсе не мастерством, как многие думают), что знает об этом ожидании, что поневоле ощущает себя в какой-то мистической связи с миром.

Трудно представить себе хоморайтера, пишущего «в стол». Гербарий всегда легко пополнить палой листвой. А вот живое — так легко не дается. Платить за него приходится дорого (особенно если ты не ко двору и не ко времени). Иногда непосильно дорого. Ведь случаются периоды, когда и поэту сказать что-либо (именно от себя, именно свое) почти невозможно, когда чувства его становятся невыразимыми. Но поэт тогда — мучительно молчит. Или умирает. Как Блок, как Ходасевич.

Хоморайтеру же молчание не грозит никогда. По крайней мере до тех пор, пока есть телевизор, есть радио, газеты, пока на улицах торчат рекламные щиты, пока царит «чепуха мировая», над которой он может, от нее будто бы отстранившись, посмеяться.

Поэту нужен *Бог*, да не всегда удается иметь Его в своей душе. Чувство богооставленности бывало знакомо даже святым подвижникам, что уж говорить о жалком поэте.

Хоморайтеру необходимо *Общество*, а с этим — много проще. Он идет по пути наименьшего сопротивления. «Побеждать» на таком пути — нетрудно.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Третий квартал 2003 г.)

1. Художественная проза

А. «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир»

В прозе сезона наиболее интересны оказались **ВЕЩИ НЕКРУПНЫЕ**. На роман сил и мыслей не у всякого хватает, или жизнь не всегда дотягивается — по разнообразию и значительности — до романа... В общем, романы не получаются. А вот ***рассказ*** или ***повесть*** — это всегда пожалуйста.

Интересна поисковым риском **повесть Владимира Маканина «Без политики»** («Новый мир», № 8). Это новая часть его книги «Высокая-высокая луна» (см. также: «Однодневная война» — «Новый мир», 2001, № 10; «Неадекватен» и «За кого проголосует маленький человек» — «Новый мир», 2002, № 5). Романтическая исповедь персонажа, пропущенная сквозь цинизм эпохи, испытанная глумом и фарсом, политикой и эротикой. На фоне штурма Белого дома в октябре 93-го разворачивается история о влюбленном старике Алабине и предмете его страсти — прелестной, эмансипированной наркоманке. Юная Даша устремляется в Белый дом, как можно понять, за дозой к своему дружку, здешнему парикмахеру. Старик — за ней. Тут их и настигает обстрел. Все рушится, кругом смерть. Повествование задыхается и рвется на клочки. У Даши ломка. А старик рвется ее спасать и любить. Критиками маканинский сюжет воспринят с оторопью. Между тем, у писателя, кажется, было намерение изобразить реального героя истории, пусть полусумасшедшего, осмеянного и женщиной, и миром. Кажется, что его любовь неуместна да и не слишком, что ли, возвышенна. Но она бескорыстна и она — последняя, сенильная, тютчевская старческая страсть в мире анекдотическом или фанатическом, среди жестокости и насилия, обмана и демагогии. Маканин упраздняет политический смысл тогдашнего противостояния как зряшный, себя исчерпавший. Всему этому противопоставлено живое человеческое чувство. Эпизод гражданского противоборства — только фон для стариковской страсти. В этом может почудиться нечто фарсовое, но старик изображен всерьез, с его тщетой и похотью, с его влюбленностью, с его фантазиями и лунарной манией. «Я — влюбленный старик. Я был горд своим чувством. Я любил. Я не мог симпатизировать жлобью, размахивающему красными флагами и тем меньше их хитроватым вождям. Но и за атакующих я не шибко болел. У меня своя жизнь. Говоря высоким штилем — у меня свои ценности. Какие-никакие. Свои... Личностные ценности! И я нес эти ценности, свою боль и свою влюбленность, не в обход, не сторонкой, не где-то в уголке, а через события. Я нес — через. Не вместе с людьми, а сквозь них. В самой их гуще. В самой каше. Так получилось. Конечно, мои чувства к людям были в те дни обострены. Но из тех моих чувств я помню сейчас лишь самое сильное. Это чувство было, есть и будет — жалость. Я жалел что тех, что

этих. Особенно же тех и этих придурков, черную кость всякого бунта». Вот ключевое место в повести. Старик Маканина не чурается невыигрышной для пуристов откровенности. Еще более откровенна его подружка Даша, циничная, игривая столичная штучка. Но старик, не раздумывая, бросается на спасение этой самой Даши, которая, между нами, и мизинца-то его не стоит. Его запретная любовь легализуется в экстремальной ситуации, и он ощущает себя счастливым. Старик даже являет свою наготу городу и миру в пролом стены, его ловят прожектора. И появляется легенда: «...запасным, мол, вариантом сигнала о сдаче Дома (решающим сигналом) стал одинокий человек без автомата — голый, на самом верху. Прожектора нашли его почти сразу. Луч зафиксировал... Голый — как раз и означало, что ресурсы защитников истощились. Сдаемся... И атакующие холостым залпом тотчас дали понять — сдача как факт принята». История пошла своим чередом, дорогой своего русского бреда; старик остался со своим корытом и своими воспоминаниями.

Рассказ Маканина «Долгожители» («Новый мир», № 9) — история о том, как старички сначала собирались жить до ста лет и дольше, а потом один из них помер, оставив завещание с наказом похоронить себя на родине под Оренбургом, — и сокрушенные родственники тяжело, через силу заставляли себя выполнить завещанное. Другой старичок перед смертью совсем было решил снять проститутку, но девица показалась ему и его компании дороговатой, хотя и была редкостных умений. Так и не сподобился... На много ли тянут эти старческие игрища? Может быть, они напоминают о том, что смерть уже на пороге. И приходит без предупреждения. Как любовь. Так и смерть.

В «Новом мире» (№ 7) вышли и два крепких **рассказа Марины Степновой**. Две героини-женщины. Остро драматизированный душевный опыт. Любовь. Смерть. В рассказе **«Черная кошка»** история случайного счастья (богатый полюбил бедную, она ответила) неожиданно венчается мрачным аккордом, смысл коего не очень-то и ясен, — но он напоминает о зыбкости всякого благополучия. В общем, о том же и второй рассказ, **«Татина Татетеевна»**. Героиня умирает от рака и отдает близким все, что имеет. Впечатляет тут и степновская версия посмертья.

Рассказы Вячеслава Пьецуха («Знамя», № 8) — как всегда, на грани художественной прозы и эссеистики. Характерен рассказ **«Демонстрация возможностей»**. Лютиков всю жизнь копил на автомобиль, купил наконец подержанные «жигули», на дороге стукнул бандитский «роллс-ройс», после чего машину у него отобрали, да и сам он вскоре помер от потрясения. История предварена многословными, но незанудными рассуждениями автора, а после Пьецух предлагает на выбор несколько других возможностей ее развития: в духе гоголевской «Шинели», «соцреалистическую», мистическую. Всяко бывает в русской жизни, каковую автор продолжает воспринимать как мир странностей, нелепостей и бытовых абсурдов. «Вообще удивительна наша страсть ко всякого рода внешним переменам, тогда как по существу у нас не меняется ничего». В рассказе **«Деревня как модель мира»** как раз и изображен такой антинормальный мир. Политиканы из рассказа **«Если ехать по Успенскому шоссе»** весьма напоминают персонажей реальной политтусовки, всяких там политтехнологов и пиарщиков, а то и будущих вождей. На деле же это, как в самом

конце показывает Пьецух, пациенты психушки. Клинический скепсис автора непобедим.

В «Новом мире» (№ 9) **Пьецух** рассказывает новые истории анекдотического свойства. В доме погас свет, и соседи в кои-то веки разговорились друг с другом, сблизились даже (**рассказ «Разоблачение электричества»**). Храмовые ценности уносит в могилу не то мертвец, не то дух — потому как не та пошла вера у нынешних православных христиан (**«Висяк»**). Почти беспредметные размышления на лоне природы (**«Вопросы реинкарнации»**).

Два **рассказа** пермяков **Нины Горлановой** и **Вячеслава Букура** опубликованы в «Новом мире» (№ 7). В рассказе **«Золотая середина»** супруги ссорятся и мирятся. Потеря золота оборачивается приобретением мира в семье. Интереснее другой рассказ, **«Пока дождик без гвоздей»**. Нескладное семейство. Один герой скрывается от мафии, поставившей его «на счетчик». Другой — беседует с проститутками, уговаривает оставить свое ремесло. И трех уже уговорил. Проза Горлановой и Букура — продукт фирменный. Легкая, умная и тонкая. Жизнь у них извечно драматична, конфликтна. Жизнь кончается. Но это — жизнь. И ее нужно жить. Герои Горлановой и Букура — тихие стоики, непрактичные честные идеалисты.

Уже соло **Нина Горланова** создала **рассказ «Любоф»** («Знамя», № 9). Женская история, концентрат судьбы. «...Вчера увидела, как старушка приклеивает объявление к столбу: «Потерялся дедушка, 82 года. Особые приметы: с палочкой, хромой. Просьба сообщить по адресу...», и Варя представила, что будет — обязательно — писать такие объявления, если Всева в старости потеряется. Вместо того чтобы искать родственную душу, надо ее формировать, а то ведь обыщешься, если искать...» Как всегда, занятные детали *со смыслом*: «За обедом пожилой сосед-татарин к слову рассказал историю о том, как однажды он тонул и взмолился: «Русский Бог Колька, помоги!». И Николай Угодник помог: сразу силы появились, выплыл».

Минчанин **Олег Ждан** опубликовал в «Знамени» (№ 7) два **рассказа**. Местный колорит. Социальные акценты (два председателя колхоза и столичный лукашенкин погоняла; вечный холуй при начальстве). Ментальные качества («белорусы, особенно в малых городах, может, и не очень смелые люди, не какие-нибудь чечены или грузины, но — насмешливые. Посмеяться над кем-либо или чем-либо для них — первое удовольствие. (Ну, а что делать, если нет других радостей: денег нет, счастья нет, здоровья маловато)».

Рассказы воронежца **Сергея Пылева «Счастье впереди»** («Москва», № 7) — несколько историй из прошлого и настоящего. Анекдот: вместо внезапно умершего отца в дом престарелых устраивается его немолодой уже сын, не нашедший себя в новой эпохе. Новорусская проза: из сауны с девочками в святую купель — и обратно. Неудачница Алена вспоминает бабушкины молитвы. В отсутствие Библии мальчик приобщается к ней через книжку Лео Таксиля, а потом уже, лет в сорок, молится об умирающей матери.

В «Знамени» (№ 7) напечатаны два **рассказа Ростислава Евдокимова-Вогака**. Мужчины и женщины. Тонкие мелочи их взаимоотношений. «Она откидывается как раз тем самым движением, которое он ждал: словно бы поражаясь его дерзости, поднимает лицо и отбрасывает назад плечи, до отказа сводя лопатки, но бедра остаются на месте, а груди вздымаются победно и требова-

тельно. Безошибочная точность этого предвидения до такой степени удивляет его, что он растерялся бы, если бы гон мгновений оставил ему время на это».

Рассказы Алексея Смирнова («Новый мир», № 7) — опыты воскрешения событий, грез и ароматов детства. «Дедушка Филимонов и няня понравились друг другу и решили пожениться». Любимая учительница приходит на дом к мальчику с диктантом. Школьники играют в футбол, сторож им мешает, взрослые играют в теннис.

Вязковатые тщательные **рассказы Георгия Калинина** («**Пробуждение**» — «Новый мир», № 8). Неопредмеченные наблюдения. «— Что, что ты сказал? — Я остановился и взял тебя за руку: — Повтори.

С гримаской удивленно-веселого недоуменья, вжав голову в плечи и отвернув ее в сторону, — пожалуйста! — ты оттараторил:

— Сегодня утром под мостом поймали Гитлера с хвостом.

— Откуда это у тебя?

— Это мы в садике сочинили.

— А кто такой Гитлер, знаешь?

Глянув на меня, уловив скрытую в моих глазах улыбку, ты почувствовал подвох, какую-то каверзу. Ты понял, что сейчас должен будешь сказать что-то сомнительное — может быть, даже очень глупое и очень, с точки зрения взрослых людей, смешное. А был ты, как и подобает человеку, уже самолюбив и вовсе не желал выглядеть чересчур глупым и чересчур смешным. Самое лучшее было бы отмолчаться и на вопрос отца не отвечать. Но я ждал, не выпуская твоей мягкой ладошки из рук, я желал услышать, кто же такой этот Гитлер, и ты уступил. Словно бы моля о снисхождении, ты поднял на меня доверчивые прозрачно-голубые глаза и тихо, упавшим голосом произнес:

— Это такая рыба».

Маленькие **новеллы Ольги Ильницкой** в «Знамени» (**«Председатель летальной комиссии»** — № 8) — лирические миниатюры ассоциативно-метафорического свойства. «День, похожий на стакан с недопитым кефиром, встретил Павлова на скользкой ступеньке вагона мокрым холодом и об руку повел домой».

В рубрике «Нового мира» **«Опыты»** (**«Ночной дозор»**: № 8) петербуржец **Александр Образцов** обращается к Петру Чаадаеву и делится своими соображениями о жизни, о литературе. «...Писать Вам, Петр Яковлевич, стало возможным лишь в настоящее время: откатила ядовитая волна от страны, народ со стоном пробуждается, и обозначился перевес хороших лиц на улицах над подлыми, злыми. Кажется, гадина ослабила челюсти, которыми удушала Родину».

Уфимец **Юрий Горюхин** выступил в «Знамени» (№ 9) с двумя **рассказами**. Автор хронометрирует быт, складывая сюжет из обрывков разговоров. Прием небогатый. Зато проза получается лаконичная.

Рассказы Евгения Бестужина («Знамя», № 8) — романтические фантазии, сказки с мистическим оттенком. Призрачные явления, сдвиги в пространстве, женщина-цветок.

Теперь все-таки о ***романах***.

В «Москве» (№ 8, 9) вышел **роман Алексея Варламова «11 сентября»**. 11 сентября — сакраментальная дата. Иван Постник, усекновение главы Иоанна

Предтечи, день переворота в Чили, когда был свергнут режим Альенде. Зачем Варламов возвращается к давним перипетиям? Может быть, ему до сих пор жалко незадачливого президента-идеалиста и масона (про это — чуть не на каждой странице)? Роман рыхлый, вроде бы историко-приключенческий, но не ахти как увлекателен. Мелодраматизм, интрига и совпадения, нечаянные встречи, потерянные и найденные дети — все это сочетается с довольно унылым, многословным бытописанием. Автор увяз в зряшных подробностях, которые ни эпоху, как следует, не раскрывают, ни оригинальности особенной не несут. В один букет нетугим узлом связаны постепенно взрослеющая скучная московская девочка позднесоветской поры Варя с нескладным сексуальным опытом; Варина самозванная сестрица Мария; юный глупый искатель приключений бельгиец Пит; блистательная, по аттестации автора, мама Вари; не вылезающая из загранкомандировок профессорша и переводчица Лена, уходящая в итоге в монастырь; и чуть ли не, как можно понять, Варин отец, загадочный лингвист-чекист-антисоветчик-патриот Бенедиктов, составляющий словарь языка какого-то индейского племени и разъезжающий по Латинской Америке и России с чужим паспортом... Перипетии замысловаты. Складу во всем этом мало, а детали есть неплохие, да жаль, мало. В целом налицо довольно искусственная, принужденная проза. Хотя автору удалось дотянуть повествование до теракта в Нью-Йорке.

Произведение известного сценариста **Юрия Арабова «Биг-бит»** («Знамя», № 7, 8) определено автором как **«роман-мартиролог»**. Это означает, что все в нем предназначено смерти. Мысль печальная. А роман скорее веселый. Арабов рассказывает о Москве конца 60-х годов (быт, цены, нравы, разговоры), о юном музыканте по прозвищу Фет, который влюблен в битлов. У Фета мама, отчим и есть еще отец. Мама работает на киностудии им. Горького, и у Фета однажды возникает шанс сыграть в кино. Но главное — биг-бит. Новая музыка, веяние новой, небывалой, волшебной жизни в унылой и убогой действительности. Впрочем, о советских застойных временах Арабов рассказывает незло, с юмором, и даже предлагает читателю совершенно фантастический и абсолютно юмористический эпизод разговора Брежнева и Андропова. А герой Арабова даже считает, что в те года свободы в стране было побольше, чем сейчас, когда он, ни в чем не преуспев, обслуживает нуворишей. Параллельным планом в романе идет рассказ о самих битлах, изображено их общение, в каком-то полуабсурдистском колорите. Еще одна фантастическая сцена — встреча Фета и Джона Леннона. Но заграничные эпизоды все-таки и в подметки не годятся живописно, вкусно изображенной советской жизни. Этим роман и привлекает, притом что персонажи его в основном как-то простоваты, будто герои анекдотов, а общая логика их жизни не всегда правдоподобна. Ближе к финалу все приходит в упадок. Но потом Фет встречает юную девушку, влюбленную именно в ту музыку, которую любит и он, и понимает, что в 45 лет жизнь не кончена. Из их разговора: «— А что есть еще в России, кроме леса?...

— Кроме леса в России есть водка, православие и литература XIX века».

Но оказалось, что и музыка еще есть. Битлы.

Роман Юрия Буйды «Кенигсберг» («Новый мир», № 7) — история взаимоотношений студента и вдовы. «Кажется, мы чуть не подрались в постели. Я

искусал ее бедра. Еще картинка: огромная нагая женщина с сонной улыбкой натягивает белые трусики с узкой полоской кружев, разглядывая следы моих губ и зубов на своем теле. Поглаживая их. "Можно мне называть тебя любимым?" Тьма. "Любимый"». Всяческие околичности. Датировано происходящее серединой 70-х. Как ни странно, минимум барочной и готической экзотики. Но роман и это не спасает. Как всегда у этого автора, повествование распадается на эпизоды и разговоры. Примечательно, что это уже третий роман Буйды, опубликованный в 2003 г.

Роман симферопольца **Владимира Бушняка «Стамбульский зазывала»** («Наш современник», № 9) — картинки из жизни русских в современном Стамбуле. В общественном стамбульском туалете есть надписи... Дела торговые, быт и нравы. Мелкая жизнь.

Александр Скоробогатов, сочинитель из Антверпена, создал **роман «Кокаин»** («Знамя», №9). Версия: текст написан обкурившимся автором про обкурившегося персонажа.

«— Ты знаешь, — таковы были первые слова моего друга, — книга твоя какая-то такая странная... Такое дурацкое ощущение: читаешь, читаешь, а все непонятно, что к чему. Вот кажется — поймал, вот кажется — уже и за хвост тянешь, — он показал, как тянет за хвост, — а страничку перевернешь — там тебе кукиш. — Он сложил фигу и показал самому себе. — Снова ничего непонятно.

— Проблема, — сказал я.

— Я вообще не понимаю, зачем такие книги писать, если честно.

Он смотрел на меня участливо.

— Я тоже».

Мрачен взгляд на мир авторов «Нашего современника». **Рассказы Михаила Тарковского** публикуются в № 9. В путевом дневнике **«Где ты, Россия?»** писатель-сибиряк повествует, как ребята перегоняли автомобиль из Москвы в Туруханье. Беглые — не весьма утешительные — наблюдения над происходящей вокруг жизнью перемежаются с восклицаньями и вопрошаньями в духе того, что вынесено в название.

Астраханский писатель **Юрий Щербаков** в **рассказе «Взрыв»** («Наш современник», № 7) набросал контурно панораму жизни в городе на краю Азии, которая подступает уже вплотную. Рынок захвачен азиатами, власть и бизнес евреями — куда ж податься бедному русскому человечку? Не знает ответа Щербаков. Какой-то тенью отразилась в рассказе эпоха с ее маниями и фобиями, но осмысление ее выдает слишком очевидную идеологическую предвзятость и ограниченность автора, во-первых. А во-вторых, наш автор растерян. И едва это скрывает. Борцы за русскую идею у него какие-то ущербные. Если не сказать дефектные. «Плачущие дети нашего заблудившегося народа». В голове у них сумбур, дела не делаются. Даже губернатор только грустит да мается. Вот и остается у Щербакова один, безошибочный рецепт — русским нарожать побольше детей. Так и тут — мужички-то *за*, а злые жены упрямятся, не хотят плодить нищету.

В этом смысле не менее показателен пухлый **роман** москвички **Веры Галактионовой «На острове Буяне»** («Наш современник», № 7, 8). Шалая вдовушка Бронислава пригрела беспутного бича и алкаша, люмпена Кешу. Расписались

они. А только все как-то не так. Жизнь в райцентре плохая. Мужики и бабы то и дело болты болтают, что наступил полный, *можно сказать, амбец.* «Уже и Тверь, вроде, недавно чеченцам сдали». «Азеры да азеры. А они пизнесмены по национальности, оказывается». Опять же евреи. Ну евреи же, понимаете! Не понимаете? ЕВРЕИ. «В Москве нерусь одна затаилась», «солитер к власти пришел». Вот то-то. ...Начальник гражданской обороны Макарушка создает народное ополчение — воевать с городскими, с абреками, с москвичами. «Распрямимся как один, разве мы иуд богатых не разгоним». Только все в романе уходит куда-то в песок. Книга ... неприятна, кажется измышленной от начала до конца. Автору, похоже, хотелось написать роман юмористический, но юмор поучился натужным, не владеет Галактионова нужными средствами. И выходит, что изображает она русских придурками: какой-то тьмой египетской, безграмотной, глупой, косноязычной, разве лишь с остатками чахлой задушевности. Получается не юмор, получается сатира. И думаешь: если уж в густопсовом «Нашем современнике» печатают такой пашквиль (хотя б и нечаянный), то где ж искать теперь отраду патриоту? Или и на самом деле России больше нет, как объявлено нам в посмертных стихах **Юрия Кузнецова**, напечатанных в том же журнале?

Рассказ Михаила Попова «Гусь с яблоками» («Наш современник», № 9) — анекдот из современной жизни. Герой становится бандитом поневоле, по стечению обстоятельств. Неправдоподобно, но забавно.

В **рассказе Игоря Штокмана «О, март-апрель, какие слезы»** («Наш современник», № 9) писатель Плужников маленько грешит, видит плохие сны, исповедуется батюшке, после чего ему во сне является архангел Михаил, рассуждающий весьма велеречиво. Забросил Плужников все дела и занят теперь только спасением души.

NON FICTION

В «Новом мире» (№ 8) опубликован текст **Алексея Михайлова «Реабилитация, или Письма из Испании»**. Это действительно **письма** от сына из Испании к отцу в Москву. Парнишка стал наркоманом и в Испанию был отправлен на лечение в специальный реабилитационный центр, Reto. Вот оттуда он и пишет, как ему живется. Реабилитация предполагает и физические, и духовные нагрузки. С первыми у Алексея с самого начала полный порядок. А вот вступить в общение с Богом расхристанному россиянину непросто. Признание из первых писем: «Почти каждый день проходят так называемые собрания. Все сидят, поют под гитару, читают Библию и благодарят за все Бога. Я еще очень далек, чтобы стать настоящим христианином, поэтому нахожусь в отрицалове. Вообще Reto очень похоже на армию, только устав здесь заменяет Библия. Кроме того, это — предприятие, которое приносит неплохие деньги при минимальных затратах капитала». А вот строки из писем последних: «Reto — это мусорная яма. Если люди хотят от чего-то избавиться, то они звонят в Reto. Мы забираем все: просроченную еду, старую одежду, мебель, железо и наркоманов с улицы. И вот во всем этом бесполезном на первый взгляд мусоре удается найти веру в Бога. Удается, правда, не всем. А Бог — ведь он простой. И если ты хочешь, он будет с тобой. А если не хочешь, то ладно — делай, как знаешь, сам. А сам-то я что знаю?».

Плох тот главный редактор, который не напишет и не разместит в своем журнале обширные ***мемуары***. Вот и **Леонид Бородин** в **«автобиографическом повествовании» «Без выбора»** («Москва», № 7, 8) подробнейше описывает обстоятельства своей жизни. Впрочем, суть в данном случае не в обстоятельствах, а в самоосознании, в упорной работе самопостижения. Это концептуальная, *интеллектуальная автобиография*. Текст впечатляет серьезностью подхода к задаче жизни, строгой логикой продуманных основоположений личности. О многом Бородин судит интересно, честно и умно. Что-то сразу вызывает сомнения и кажется натяжкой, но и спорить с Бородиным обычно интересно. Впрочем, рассудочная сухость иногда заставляет писателя спрямлять жизнь, видеть перед собой не конкретного человека, не личность, а «тип». Точно так же в довольно узком, часто типовом диапазоне объясняет он читателю и себя. («Редактирование жизненного стиля происходило в «солдатском» направлении, а не просто в диссидентском. Все личное, не исчезая, отступало на вторые планы, выдвигая на первые дисциплину и духовно-идейно ориентированную целесообразность суждений и поступков»). Но какие высокие были мысли и планы, как верен этот человек своим обретенным идеалам. Советский мальчик с самосознанием солдата, беззаветно любивший Сталина, был обломан разоблачением «культа личности» и «*заболел идеей правды*». Сначала пытается исправить социализм, потом... «занырнул с головой в «белибердяевщину». «Что бы сегодня ни говорили обо всех этих «бердяевых», сколь справедливо ни критиковали бы их, — для нас «веховцы» послужили маяком на утерянном в тумане философских соблазнов родном берегу, ибо, только прибившись к нему, мы получили поначалу пусть только «информацию» (мы — позавчерашние комсомольцы-атеисты) о подлинной земле обетованной — о вере, о христианстве, о Православии и о России-Руси». Впечатляют признания автора в готовности к жертвам и гибели в те советские годы. В 1968 г. Бородин вступил в организацию Игоря Огурцова, об этом он рассказывает подробно. И постепенно, пройдя через суровые испытания (также подробно рассказано и о лагерной жизни, ее, так сказать, культурной программе; любопытен портрет А. Синявского), сделался законченным русским националистом, воспитав в себе теоретическую антипатию к Западу. Потому не нравятся ему постсоветские времена, когда «социальную инициативу перехватили циники, романтики Запада и просто прохвосты». В этой связи начинаются у Бородина разговоры про евреев. Тут мельчит он свои темы, правда, и при этом оставаясь, кажется, не бытовым, а идейным обличителем. Есть и признания, которые ставят в тупик, например: «...мне сложно, да и просто нежелательно фиксировать в сознании, что, положим, «Лунная соната» и «Рассвет на Москве-реке» написаны людьми разных национальностей, верований, разного менталитета, наконец».

«Знамя» (№ 7) публикует продолжение **«Записок пожилого человека» Лазаря Лазарева** (начало в «Знамени», 1997, № 2 и 2001, № 6): эпизоды войны, участником которой был автор, адмирал Кузнецов, предприимчивая мать Зои Космодемьянской, писатели, травящие Пастернака. «Те подробности, которые были живой плотью нашей жизни и которые сито исторических трудов не удерживает».

Режиссер документального кино **Александр Саранцев** в «Москве» (№ 8) поделился бесхитростными воспоминаниями о военном эпизоде (**«Кунимодо»**).

Японцы целым полком сдаются в плен. Все на одно лицо, человеческий контакт у автора завязался только с поваром Кунимодо. Но однажды Кунимодо убежал, и рассказчик участвовал в его поимке. В общем, не вертухай наш рассказчик, порода не та. Вот и мучают его воспоминания о том, как пришлось исполнять не свойственную его натуре роль.

В «Знамени» (№ 8) напечатаны и новые анекдотического свойства **миниатюры** художника **Гриши Брускина**, объединенные в цикл **«Работа над ошибками»**. Маленькие, иногда забавные истории из жизни людей искусства, просто знакомых, еврейские анекдоты, а также избранные страницы из «Книги отзывов» с московской выставки его работ.

«Из записных книжек» Фазиля Искандера («Знамя», № 9) — собрание мыслей и афоризмов. О жизни, литературе, политике, идеологии. «У писателя есть шанс стилем победить судьбу. А что делать человеку, если он не писатель, но хочет победить судьбу? Стилем жизни побеждать судьбу. Не допускать со своей стороны сознательной подлости, и ты, как бы ни сложилась твоя жизнь, стилем жизни победишь судьбу».

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Б. «Дружба народов», «Октябрь», «Урал»

Летние месяцы в толстых журналах часто называют мертвым сезоном. Лучшие публикации редакции (по разным причинам) приберегают для зимне-весенне-осенних номеров. Но нынешний квартал побил, кажется, все рекорды — такой унылой картины видеть еще, пожалуй, не приходилось. Складывается впечатление, что журналы сломя голову ищут, как привлечь читателя «глянцевой литературы», публикуя тексты, в той или иной мере использующие ***приемы низких жанров*** — авантюрный сюжет, скользкие темы... И в то же время не оставляющие привычки к ***«утонченным» рассуждениям*** и ***общей депрессивной позе***. Прививка классических роз к коммерческим дичкам удается неважно. Очевидно, что наиболее востребованной остается тема, затрагивающая — как сформулировали бы раньше — **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛОВ**. Но времена меняются, и теперь так строго не сформулируешь. Назовем тему осторожнее: **ВЗИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУЩЕСТВ, НЕ ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ ОБЪЕКТА ЭРОТИЧЕСКОГО ПОИСКА.**

Роман Андрея Геласимова «Рахиль» («Октябрь», № 9) — одна из самых интересных публикаций сезона. Герой-рассказчик, немолодой профессор, как бы раз и навсегда «поражен» любовью. Поражен (буквально) в самое сердце: бросила молодая жена, ради которой разрушил предыдущую семью, и теперь он беспрерывно сосет валидол, не без оснований ожидая инфаркта. Впрочем, поражен-то он был гораздо раньше, когда его внезапно отвергла самая первая, самая любимая жена, имя которой — ни много ни мало — Люба.

В романе много линий и пластов. Так, автор ввел в текст пассажи, где впрямую проговариваются законы семантики (он наградил своего героя удобной профессией филолога): один персонаж объясняет другим технологию построения и функционирования высказывания. Это работает как достаточно эффектив-

ный прием: «знаток» объясняет «профанам», отчего профессионалу не составляет труда угадать развитие сюжета — надо лишь знать законы воздействия на восприятие, тогда визуально-вербальные коды, обычно проскальзывающие мимо сознания, выстраиваются в четко отслеживаемую парадигму. И одновременно автор — через головы персонажей — явно дразнит «профессионала».

Текст насыщен обильной символикой — библейской или житийной. Например, три жены протагониста носят имена Любовь, Вера и Наталья (предположительно, эвфемизм Надежды). Софью заменяет периферийная тетя Соня. Беременная невестка героя, которая, не имея денег на пропитание, попалась на краже продуктов (дело происходит где-то в начале 90-х, когда зарплаты не платили годами), — носит имя Дина (подробно пересказан соответствующий ветхозаветный эпизод). Геласимов в «Рахили» затрагивает более «серьезные» темы, чем обычно: еврейскую, например. Или ищет границу между здравым умом и безумием. Поднимает проблему старения, одиночества, отвергнутости, непричастности к жизни. Всем бы роман хорош, если бы не холодная рассудочность автора, Геласимову обычно не свойственная, которая часто слишком заметно проскальзывает между строк. До этого Геласимов работал на поле нарочито «простодушного» нарратива и вот решил показать, на что способен при «филологическом» письме. Результат не плох, но как будто и недостаточно хорош. Искренность, фирменный знак геласимовской прозы, за слишком профессиональным письмом несколько потерялась. Впрочем, чтение отнюдь не скучное.

Образцом дурного рода может служить **повесть Тамары Орловой «Ловушка для ящериц»** («Октябрь», № 7). Типично «женская проза» с вяло движущимся сюжетом и обилием псевдопсихологических деталей, сосредоточенных в основном в области принадлежностей дамского туалета. Автор строит интригу на том, что немолодая супружеская пара без явных материальных проблем не в состоянии завести ребенка, которого вдруг даме захотелось — вынь да положь. Выход из тупика супруги находят не вполне ординарный — дама присматривает симпатичного юношу, которого предполагает соблазнить при тайном содействии мужа, а после того, как зачатие будет медицински подтверждено, муж юношу убьет — чтобы впоследствии не возникло никаких претензий на ребенка. Как задумано, так и сделано. В финале происходит ожидаемый читателем сбой — узнав о смерти юноши, женщина подсыпает мужу яду в стакан — видно, чем-то молодой любовник ее приворожил. К наиболее существенным недостаткам текста следует отнести его абсолютную *анахроничность* — действие происходит в Греции, действующие лица — русские без определенных занятий, по типу образа жизни и некоторым деталям действие можно было бы отнести к временам первой или второй эмиграции, но другие детали несомненно указывают на наши дни. Кто тогда эти люди? Потомки эмигрантов? Но почему тогда так подчеркнута именно их «русскость»? (То, что это не «третья волна» из текста очевидно...)

Гораздо динамичнее выглядит **роман Валерия Исхакова «Жизнь ни о чем»** («Дружба народов», № 7, 8). В нем немало рассуждений на тему взаимоотношений между мужчиной и женщиной, хотя основная мысль сводится к банальному — сойтись легко, зато понять друг друга куда как трудно... Много и подкрепляющих эту нехитрую максиму «лирических отступлений». Все это состав-

ляет как бы *внутренний*, рассчитанный на интеллектуального читателя, сюжет, где лейтмотивом служит идея об онтологически заданном пленении мужчины женщиной, когда бедолага вынужден жить *чужой*, навязанной извне жизнью только потому, что не в состоянии обмануть ожиданий противной стороны. *Внешний* сюжет строится на том, что некий юрист, женившийся вторым браком на женщине, чей бывший муж мог обеспечить ее куда лучше, чем он, вынужден вписаться в расследование темного дела, за которое ему платят баснословные деньги. В итоге оказывается, что всё «дело» было инспирировано приятелем героя. Но в процессе расследования герою приходится выводить на свет (в том числе, и из глубин собственной памяти) разнообразные подробности эротических взаимоотношений в компании бывших одноклассников (среди прочего в тексте присутствует исповедь убежденной лесбиянки, а также довольно рискованные «эксперименты» овдовевшей попадьи, которая сперва щедро наливает гостям водки, потом парочками отправляет париться в баньку...). Зато герой в конце концов получает постоянное высокооплачиваемое место в банке — и теперь может не комплексовать, что «не оправдал надежд»...

Роман Николая Климонтовича «Мы, значит, армяне, а ты на гобое» («Октябрь», № 8) рисует, так сказать, *последствия* отношений, где женщина осталась-таки недовольной. Весьма преуспевающий музыкант, преодолевший несколько браков, на склоне лет дал промашку — женился на давней любовнице, которая, почувствовав упрочившееся положение, моментально преобразилась и стала злобной фурией: продала его квартиру, выселила гобоиста в пригородный коттедж на несколько семей, стала устраивать безобразные сцены ревности... Человек, естественно, не выдержал, стал попивать. Только что обретенную новую возлюбленную, к тому же страдавшую, как оказалось, тяжелыми запоями, недобрая дочь отправила в дурдом, где несчастная вскоре умерла... Измученный непониманием и одиночеством музыкант познакомился было в электричке (случайно поехал не на машине) с бомжом-эстетом и поселил его у себя — так злые соседи-армяне, стоило музыканту ненадолго отлучиться за границу, сдали бедолагу ментам: у них, понимаешь, дети, а эстет оказался гомосексуалистом и стал водить домой солдат из ближайшей военной части. Ничего удивительного, что ранимый музыкант вскоре умирает от общего душевного расстройства.

Гомосексуальную тему продолжают две **повести** в журнале «Урал» (№ 8). **Ольга Дворжецкая** (**«FAHRNEIT»**) описывает до предела утонченные эмоции героини по поводу разнообразных бытовых событий и жизненных перипетий. Героиня в основном позиционирует себя адептом однополой любви, однако не чужда привязанностей и к противоположному полу. Очень эффектно и тонко автор демонстрирует ее готовность умереть самыми невероятными способами за каждого/каждую из возлюбленных. Впрочем, ежедневно и ежечасно она и так *почти* умирает от менее серьезных причин — ей постоянно холодно, более-менее комфортно она может существовать лишь в горизонтальном положении, со всех сторон обложившись подушками, а неверное число капель китайского ликера в утренний кофе заставляет ее невыносимо страдать (требуется, кажется, ровно 28). При том, что автор несомненно наделен даром слова, читать этот текст

невероятно сложно — чувствуешь полную эмоциональную несостоятельность для восприятия столь тонких оттенков изысканных чувств...

Марина Живулина (**«Игра в беса»**) рисует героиню, которая изо всех сил старается играть *плохую девочку* (в терминологии автора, «черную королеву») на том основании, что ее возлюбленный — гей. Казалось бы, что поделать? Поделать, оказывается, можно вот что: после серии *плохих* поступков к героине является бес и сообщает, что теперь пришел черед играть «белую королеву». Героиня соглашается, утешая себя мыслью, что *кипящий в ней яд* все равно останется с ней.

Очень близко к теме ***взаимоотношений на почве либидо*** примыкает еще несколько текстов. Изначальный авторский замах был, судя по всему, несколько шире, например, попытаться выстроить подобие **социальной метафоры** или сделать иной **обобщающий портрет**, но, насколько можно судить по результату, центральное ядро перевесило, и «обобщения» выглядят скорее обрамляющей канвой, нежели самоценной составляющей текста.

Пьеса Константина Костенко «Клаустрофобия» («Урал», № 8) ставит героев в жесткие условия — автор помещает действие в тюремную камеру. Двое заключенных — «интеллигентный» и «блатной» ненавидят друг друга (прежде всего, потому что вынуждены всегда быть вместе) и всеми возможными способами стараются один другого унизить. Третий сокамерник — немой юноша — выступает объектом вожделения блатного. Тот пытается соблазнить его сгущенным молоком и обещаниями других благ, но «интеллигент» все время мешает. Стоило, впрочем, блатному уснуть, как «интеллигент» сам стал склонять немого к физической близости. Но (видимо, как рефлектирующая личность) не выдержал взятой на себя роли и вместо эроса принес жертву танатосу — зарезал молодого красавца. Блатной, проснувшись, пришел в ужас...

Ольга Кучкина в **«маленьком романе»** (жанровое определение — авторское) **«Вот ангел пролетел»** («Дружба народов», № 7) главной героиней избирает немолодую и некрасивую бомжиху. Популярный телеведущий является на свалку, чтобы найти героиню для своей программы. Бомжиха, по версии автора, чуть не экзистенциальный человек (в терминологии Сартра и Камю) или мастер дзен (в терминологии соответствующей), обладает четко сформированной жизненной философией, предполагающей полное душевное спокойствие и приятие жизни как таковой на основе абсолютной свободы недетерминируемой личности. Совершенно не стремясь ни к деньгам, ни к телевизионной славе, ни к изменению своего положения, она по какой-то прихоти все-таки соглашается на участие в проекте. Ее перевозят в дорогой отель, переодевают, угощают в ресторане, организуют прыжок с парашютом, о котором она мечтала с детства, и все время снимают скрытой камерой. Шаг за шагом она рассказывает режиссеру свою историю. Когда-то, вырвавшись из плена темной среды (отец — алкоголик, мать — недалекая и озлобленная на жизнь женщина, брат — безвольный эгоист), она была аспиранткой-лингвистом. Была некрасивая, но талантливая. Познакомилась с сыном своей научной руководительницы и его друзьями. Вдруг один из них в нее влюбился, она — в него. Страстный, но краткий роман: ее родители оказались антисемитами, встали

стеной на пути ее счастья и выгнали ее из дому. Руководительница умерла. Ее сын разом стал безвольным наркоманом, и будущая бомжиха стала жить с ним, чтобы поддержать его в горе и заодно получить крышу над головой. Родила мертвого ребенка, почему-то скрыв от возлюбленного его отцовство (остается предположить, что его родители или он сам были, в свою очередь, русофобами.) Потом умерли родители-антисемиты, за ними — наркоман, а брат обманом лишил квартиры...

...Телепередача прошла блестяще, но ведущий сразу же потерял к нашей бомжихе всякий интерес, и она вернулась обратно на свалку...

Героиня **повести Галины Джугашвили «Ча-ча-ча тунцов»** («Дружба народов», № 8) — девушка еще более странная. Муж ее после автокатастрофы с тяжелой травмой головы лежит в больнице, где подпадает под влияние немолодой женщины, постоянно гадающей ему на картах. Расстроенная жена уезжает на дачу. Там, немедленно заблудившись в подмосковном лесу (так!), попадает в таинственную избушку. В избушке живет добрый (так!) старик — то ли знахарь, то ли колдун, который дает приют двум бандитам, у него они ночуют и хранят свои сокровища. Девица-краса в первую же ночь становится любовницей главного бандита, а потом мирно, без всяких попыток убежать, живет в избушке, днем пасторально собирая со стариком травы и утешая себя мыслями о покойном отце, трогательный образ которого сочинила для себя сама, а по ночам безучастно отдавая тело на утеху бандиту. Между тем в Москве героиню начинает разыскивать молодой бизнесмен, давно очарованный ее сходством с Мэрилин Монро. Тем временем другой бандит пытается овладеть красавицей в свою очередь, но старик мешает. Тогда бандит старика убивает и бежит, а второй, пытаясь привести девушку в чувство, идет за водой и тонет в местном озере. Красавица идет куда глаза глядят и попадает в конце концов в цыганский табор, где неожиданно всходит ее звезда вокалистки. И когда молодой бизнесмен находит ее и пытается вернуть домой (предварительно убив цыганского хахаля), красавица сердится и снова бежит, чтобы вернуться к лесному озеру и стать в нем русалкой.

Роман Валерия Хазина «Каталоги Телегона» («Октябрь», № 8) переносит читателя в античность. Она мало чем отличается от наших дней. Телегон, сын Одиссея и Цирцеи (Кирки), голубиной почтой шлет послания Телемаху, сыну Одиссея и Пенелопы (жалко, что не при помощи *теле*кинеза). В них излагаются версии известных мифов, связанных с Троянским циклом, аргонавтами, Тавромахией и т.д., — но в целом более жесткие и более эротичные. Оба сына изнывают в тоске по отсутствующему отцу, но найти его никак не могут. В конце концов Одиссей прибывает на Итаку, но едва успев разогнать женихов, тут же падает от удара неизвестно чьего копья. Телемах отбывает к Кирке, где становится ее мужем, а приплывший в ночь гибели Одиссея Телегон сразу же становится мужем овдовевшей Пенелопы. Сводные братья, ставшие друг для друга одновременно отчимами и пасынками, обмениваются письмами, восхваляющими плотскую красоту их нынешних жен — и мачех в прошлом и настоящем. Когда же выясняется (образованный читатель все это давно знал, но забыл), что невольным убийцей отца был Телегон, Кирка с Телемахом зазывают родичей в гости, где и убивают, обливаясь слезами...

Герой **повести Даниила Гранина «Оборванный след»** («Дружба народов», № 9) — средних лет физик. Он что-то такое открыл, но сформулировать как следует не смог, и коллеги засмеяли. Впрочем, у него уже давно пошла полоса неудач — жена долго уговаривала бросить все и уехать за границу, он не согласился, и вот результат: она вышла замуж за немца, забрала сына и уехала. В институте все идет прахом, науку не финансируют, оборудование разрушается, ученые разъезжаются... Огорченный неудачами и углубленный в решение научной проблемы, герой выбивает отпуск и едет на дачу. И там вдруг находит странные женские следы, обрывающиеся в никуда у морской кромки (стоит поздняя осень). На следующее утро он подкарауливает незнакомку. После серии кокетливых реплик (физик ведет себя хамовато и развязно, незнакомка — довольно вульгарно, но друг друга они совершенно устраивают) женщина ведет его за собой. По воде аки по суху они приходят в некое место, где таинственные ученые предлагают герою открыть грядущее в обмен на согласие подключиться к приборам, которые зафиксируют его эмоционально-психические параметры в момент стрессовых ситуаций. Физик наблюдает эпизоды своего научного триумфа, листает статьи с изложением собственных доказательств, потом видит, как его слава постепенно сходит на нет и дальше, несмотря на все уговоры, узнавать свою судьбу отказывается. Параллельно герой обменивается поцелуями и объятиями с пленившей его незнакомкой. Выясняется, что он никогда не был чужд женских прелестей, и автор вводит в текст целый пассаж, посвященный личной жизни его полового органа («этот затейник вдруг начинал командовать...» и т.д.). Но в перспективе герою грозит утрата всякой памяти и о чудесной лаборатории, и о прелестнице. Он решительно отказывается стирать воспоминания и вдруг обнаруживает себя на берегу все с той же женщиной. И при этом помнит все, что было. Оказывается, героиня совершила должностное преступление и помешала «стирке», впрочем, и с героем не осталась. Физик вернулся на дачу, выпил водки, сообщил подчиненному, что решил научную проблему и к тому же понял кое-что про жизнь...

Встречаются и попытки предложить (в той или иной мере метафоризированный) **СРЕЗ БЫТИЯ**, где плотские страсти, хотя и выступают мощной пружиной действия, но не являются все-таки его *основным* и *конечным* смыслом.

Самой значительной и самой серьезной публикацией из всей прозы сезона можно, без всяких оговорок, считать **роман «Язычник»** («Дружба народов», № 9) **Александра Кузнецова-Тулянина** (раньше он печатался под более короткой фамилией — просто Кузнецов, кстати, в частности, и в «Континенте»). Сам автор определяет жанр как «этнографический роман». Намерения его понятны — автор как бы уходит от тех обобщений, на которые наталкивает строй его текста. Он нарочито «снижает» значимость собственного замаха — дескать, показана не картина жизни *вообще*, а только очень и очень частный ее случай. Или даже: такое видение — видение сугубо субъективное, в ином ракурсе бытие может выглядеть и совершенно иначе.

Эти оговорки, видимо, понадобились Кузнецову прежде всего потому, что предложенная им версия мирозданья слишком уж тяжела и беспросветна. (В его предыдущих текстах картина была, впрочем, нисколько не радужнее.) Место

действия — Южные Курилы, рыбацкий поселок, населенный разношерстным людом. Все насельники, однако, имеют одно общее свойство — негладкую, неблагополучную судьбу. Все здесь в каком-то смысле перекати-поле без роду и племени: смесь представителей всех возможных национальностей и социальных прослоек, оторвавшихся от традиций и корней, образовала странный конгломерат какого-то человеческого планктона. Даже близкородственные связи здесь не прочны, будто в еще только формирующемся, не вполне цивилизованном племени. Нравы суровы, а жизнь груба. Страсти обнажены почти до первобытной дикости. Плюс водка. Плюс неустойчивость жизни — здесь неустойчива сама земля, то и дело грозящая вспучиться от бродящих внутри геологических процессов. А океан, насылающий шторма и тайфуны... Жизнь здесь поэтому и воспринимается как сиюминутность — и как неделимый поток, где одно сменяется другим. Все вокруг точно нарочно метафоризирует нерасторжимую взаимосвязь жизни и смерти — и косяки рыб, ежегодно идущих на нерест, чтобы дать жизнь и погибнуть. И сама работа рыбаков и браконьеров, когда жизнь людей зависит от тонн и центнеров убитой рыбы и когда за эти тонны и центнеры приходится платить человеческой жизнью (а это происходит достаточно часто), накладывает на восприятие особый отпечаток...

Сама «история», тонкими стежками проложенная среди этих плотно-живописных картин, не то чтобы очень замысловата. Прибилась когда на остров беспутная девушка Таня, да так и застряла. А потом в нее влюбился молодой парень Витя, сама же она на любовь всегда была щедрая... А еще жил на острове не очень молодой человек, когда-то учитель истории, а ныне рыбак Семен. И жили они с Таней в одном доме, а дом возьми и сгори. Жена того рыбака-погорельца сильно расстроилась и уехала на материк, а муж ехать никуда не хотел, да и жену уже давно не любил, а только привык жить с нею. Но на соседку свою Таню никогда внимания не обращал. А потом они оказались с тем парнем в одной бригаде и много взяли рыбы, да случился тайфун, и на одной лодке не стало мотора. Вот Семен, бригадир, и послал ребят в поселок за мотором. Мотор они привезли, привезли водки и еще много чего нужного, а еще привезли Таню. Бригадир, прозревая неизбежные последствия присутствия женщины среди сильных и грубых мужчин, в ярости услал Витю на другую стоянку, а Таню велел отправить на первом же судне, которое подойдет — «в любую сторону». Судно же на беду все не шло, а когда пришло, было поздно — у Семена с Таней началась своя любовь. И хоть понимал Семен, что обезумел, что добром такой поворот закончиться не может, но ничего поделать с собой уже не мог...

А потом начальство по рации велело сдать всю партию без документов, и рыбаки поняли, что их сейчас оставят без денег. И когда подошел корабль, бригадир в бешенстве послал всех подальше и рыбу сдавать отказался. Была ругань и была драка. И по рации назначили другого бригадира. А еще был спирт. Потом снова был спирт и снова ругань, а потом Семен ушел ночью пешком с Таней, и что-то было между ними, но он уже совсем ничего не помнил, а утром проснулся все у того же барака, а Таня лежала неподалеку с распоротым животом. А Витя сказал: «Это не я. Я думал, ты...» А Семен ничего не думал, но ножа своего найти так и не смог. И тогда рыбаки завернули труп в одеяло и бросили в море, чтобы не закрыли путину. А что делать, человека-то все равно не вернешь...

Такой вот роман. Сюжет прост, но обрамляющих его метафор много. И главная из них — метафора океана, исполненного грозной, уничтожающей и одновременно животворящей и гармонической силы. Красота и естественность всей окружающей природы и одновременно ее равнодушная невозмутимость к вечному круговращению жизни служит и антитезой миру преходящих человеческих страстей и как бы принимает эти страсти как естественный элемент жизни, опровергая тем самым «уникальность», «незаурядность» каждой отдельной вспышки. Эта противоречивость и неоднозначность, исключающая возможность любой окончательной оценки, — составляют одно из главных достоинств романа. За этим образным строем ясно прослеживается настоящая философия — не как отвлеченное умствование, но прежде всего — как тип *восприятия* бытия, как способ *созерцания* мира. Второе важное его достоинство — чрезвычайно образное и плотное письмо, плюс тончайший слух автора к устной речи персонажей и редкая наблюдательность к детали.

Рассказы Елены Долгопят (подборка **«Балаган»**: «Дружба народов», № 8) — поддержанные хорошим стилистическим строем как бы умышленно отвлеченные «картинки» жизни. Наиболее интересен момент «двухслойности» восприятия: автор нарочито отстраненно передает острые и очень субъективные переживания «третьих лиц», не до конца проясняя контекст жизненных ситуаций. Такая недосказанность работает на эффект подлинности. Основная идея, кроющаяся за этим приемом: даже в самой конкретной ситуации мы вынуждены довольствоваться неполнотой информации, и суть всегда оказывается где-то за скобками. Наиболее показателен в этом смысле рассказ **«Город мертвых»**, где героиня в надежде понять причины самоубийства двоюродного брата едет по купленному им билету в Петербург и останавливается в забронированном им номере гостиницы. Но никаких событий не происходит, никто не пытается вступить с ней в контакт, никто не разыскивает погибшего, и она ни с чем возвращается домой.

Похожее впечатление оставляют и **рассказы Евгения Шкловского** (подборка **«Музыка над городом»**: «Октябрь», № 8). Отдельные ярко прописанные «сценки», лишенные «пролога» и «эпилога», пропитаны ощущением легкой грусти от неуловимости и необъяснимости жизни. За каждой из таких сценок как бы прочитывается авторский вопрос: зачем? к чему? — на который никакого ответа не предполагается...

Еще большая «модальность» заложена в **рассказах Игоря Сахновского** (подборка **«Счастливцы и безумцы»**: «Октябрь», № 7). Тут уж изображение по авторской воле просто «плывет», обнажая под поверхностной — видимой обычному взгляду пленкой — шевелящийся хаос. Показательны даже названия рассказов — **«Если ты жив»**, **«Ревнивый бог случайностей»**, **«Быть может»**. Показательно «распыление» одного персонажа на множество других: выступая под разными именами, один и тот же человек демонстрирует разные, часто взаимоисключающие черты личности (**Мы сами не здешние»**). Эта неустойчивость, признаться, сильно утомляет при чтении — при том, что ситуации предлагаются разные, модуль-то всегда один. Скучновато.

Как всегда, трудно вычленить какую-нибудь внятную идею в **рассказах** вечного и неизменного **Александра Хургина** (подборка **«Рассказы со счастливым кон-**

цом»: «Октябрь», № 9). Никаких «счастливых концов», разумеется, у Хургина не бывает: вот сошедший с ума старик сидит в добровольном заточении в своей квартире и злится, что старуха с верхнего этажа звонит ему каждый день в дверь, а иногда отпирает ее своим ключом и приносит еду. Из разных его обмолвок выясняется, что это заботится от нем бывшая жена, только он об этом обстоятельстве уже не помнит (**«Грустная смешная обезьяна»**). А вот юноша проходил армейскую службу в ансамбле песни и пляски им. Александрова и мог сделать неплохую карьеру на сверхсрочной, да жена-шалава бросила его с малолетним ребенком, так что пришлось ему стать шофером, а петь только для души. Слишком бурно отпраздновав пятидесятилетие, шофер умирает прямо за баранкой (**«С песней»**). А вот раздраженный старик с дурным характером без конца кричит на внука, обижает жену, сердится на дочь, которая подбросила ребенка и исчезла устраивать личную жизнь. Бабушка с внуком, утешая друг друга на кухне, приходят к выводу, что дедушка у них — сволочь (**«Злой дедушка»**).

Еще труднее вычленить какую-нибудь мысль из **рассказа Елены Радченко «Шпалерная, семь»** («Урал», № 9). Жила в провинции одна девушка, которая в детстве чуть было не переехала с мамой в Ленинград. Но не вышло. Она выросла, вышла замуж, родила детей. В Петербург все-таки перебралась. Радуется этому факту.

И совсем непонятно, какая идея двигала **Афанасием Мамедовым** при создании **рассказов «Письмо от Ларисы В.»** и **«Беднаябеднаябедная Ли»** («Дружба народов», № 9). В первом женщина-крымчанка рассказывает в письме к возлюбленному, как попала с дочерью на заработки в Грецию. Хозяин ее, пожилой грек, не довольствуется работой по дому и даже сексуальными услугами, которые она ему оказывает, но требует еще и таковых от дочери-подростка. Женщина решает сбежать, но тут ее останавливает греческая полиция, потому что у нее нет документов, оправдывающих ее въезд, проживание и работу. Второй рассказ — исповедь сумасшедшего, убившего из ревности то ли возлюбленную, то ли жену. Вероятно, сумасшедшие именно так организуют свою речь — хаотично и совершенно непонятно, — но чтение этого бреда большой радости не приносит.

Обзор подготовила Мария Ремизова

В. «Звезда», «Нева»

Привычное деление прозы *на «мужскую» и «женскую»* все-таки показывает, что литература, подходящая под одно из определений, до уровня собственно литературы не дотягивает. Есть в ней какая-то ограниченность. Быть может, именно потому она нередкий гость на страницах журналов.

Яркий образец типично «мужской» прозы — **повесть Вячеслава Усова «Побег паука»** («Звезда», № 7). Геологическая партия, проводящая изыскания под гидростанцию. Далекие сибирские места, страшенные морозы, бесконечное пьянство, драки... Главного героя, доцента петербургского вуза, приводит в гибельный край безысходность: ни наука, ни литература никого теперь не кормят. Сюжет строится вокруг убийства вездеходчика, вслед за которым гибнет еще один человек. В поселок приезжает следователь, но как разобраться в этом безнадежном «висяке»? Как разговаривать с вечно пьяными людьми? Меж

тем, поисками убийцы занимается не только милиция, но и главный герой. Он ведет свои разыскания тайно, играя по тем же правилам, что приняты в здешней среде. В изображении этой отупляющей жизни автор достигает весьма значительной силы. Другое дело, что он нигде не поднимается над ней, и повествование понемногу начинает утомлять однообразием. Для чего-то в середину вставлен рассказ, якобы написанный одним из членов экспедиции и по стилю неотличимый от самой повести. Параллельно развивается и другая линия: несколько корейцев, не гнушаясь ничем, пытаются добыть карту золотоносных месторождений. Обе линии под конец смыкаются: во-первых, герой приходит к выводу, что убийца — его собственная возлюбленная; во-вторых, он продает корейцам так называемую «легенду» — расшифровку условных обозначений на карте. Причем саму карту все-таки не отдает, ибо намерен приезжать в поселок и с ее помощью указывать места, где лежит золото. За деньги, само собой. Словом, бывший интеллигент решает, что «в этой стране» только так и можно — «нашел — молчи, украл — молчи».

А роман **Гоар Маркосян-Каспер «Кариатида»** («Звезда», № 8) — пример типично «женского» письма. Здесь две героини, две бывших одноклассницы — Рита и Ира, обеим лет по 40. Женщины они вполне самостоятельные, Рита даже весьма преуспевающая писательница, а разделяет (или объединяет) их одно — муж Риты по совместительству является любовником Иры. Он художник, натура непостоянная, и Рита к его изменам давно привыкла. Узнав про существование очередной любовницы, она упрекает мужа разве что в том, что та недостаточно молода. Действие разворачивается попеременно то в Ритином, то в Ирином доме. Налицо самый доподлинный матриархат, ибо, по версии автора, не то что главные героини, но и все прочие женщины, встречающиеся в романе, — истинные «кариатиды», руками которых держится мир. Мелькающие же там мужчины и несамостоятельны, и лишены прочного внутреннего стержня. Роман наполнен множеством узнаваемых деталей, подмеченных типично женским хозяйственным оком. И заканчивается он на вполне суфражистской ноте: обоюдным примирением женщин перед лицом суровой жизни и посрамлением мятущегося бесхарактерного мужчины. Роман, конечно, затрагивает кое-какие болевые точки современности, но униженную сильную половину человечества все же жаль.

Впрочем, на том же — на приоритете женщин — настаивает и **Галина Докса** в **повести «Мизери»** («Нева», № 8, 9). Ее героиня — женщина, можно сказать, нищая — даже поездка в метро для нее непозволительная роскошь. Но мизерная учительская зарплата отнюдь не мешает ее жизнерадостности. Светлана сама оставляет своего любовника и ничуть об этом не тоскует, даже будучи от него беременной. Право, за мужчин становится обидно: ну все-то-все у них отнято! Зато Светлана отличается исключительными достоинствами — и добра, и красива, и романтична, и предельно честна. В последнем читатель убеждается, когда узнает о ее бескорыстии: она, столь бедная, отнюдь не присваивает найденный в трамвае алмаз (он лежал в потерянной кем-то перчатке), а развешивает объявления о находке по всему трамвайному маршруту. Чтобы сияние ее добродетелей не ослепило читательских глаз, автор уведомляет о том, что учительницей Светлана была плохой. Правда, подтверждений тому в пове-

сти нет. Напротив, героиня любит детей и далеко не равнодушна к их бедам, а английский знает отлично, ибо всю жизнь проработала переводчицей. Впрочем, отличительной чертой повести как раз и является противоречие между такого рода голословными утверждениями и самой ее размытой тканью, фиксирующей мимолетные оттенки настроения героини, но упрямо обходящей узловые проблемы. В Светлану по очереди влюбляются и молодой учитель физкультуры, и совсем юный стажер из Канады, любит ее и отставная ее пассия, но чувства самой прелестницы читателю так и не открываются. Светлана с увлечением участвует в постановке школьного спектакля, устраивает судьбу девочки, которую отец хочет увезти в Америку, помогает сыну своей подруги укрыться от армии, — ну, не осталось уже ничего, чем бы автор не украсил свою бедную, но честную героиню. Под конец она теряет и алмаз, но, будучи человеком неземных добродетелей, ничуть от этого не расстраивается.

Сюрреалистическим **«Романом о любви, а еще об идиотах и утопленницах»** угощает читателя **Сергей Арно** («Нева», № 7). Роман наполняют всевозможные уроды как из животного, так и из человеческого мира. Это не только двухголовые кошки и котята с крысиными головами, но психически больные люди, идиоты и уроды всех мастей. Хорошо, что писатель не балует излишней зримостью этого мира, не то читатель надолго лишился бы сна. Зато в этот мир погружается герой романа Андрей. На набережной Невы ему случайно встречается странная красотка, которая бросает в воду коробку с тортом. В дальнейшем выясняется, что ее преследует бывший муж, хирург — человек необыкновенного таланта и столь же необычайного коварства. Когда-то он буквально «сделал» ее лицо и фигуру по своему вкусу, так что Андрею и в голову не приходит, что он заново знакомится с собственной одноклассницей. Пытаясь припереть к стенке злого мужа, красотка решает обнародовать зарытое в парке тело его жертвы и заставляет Андрея выкопать труп. Но трупа на месте нет, а «жертва», оказывается, уже превращена хирургом в кентавра. Меж тем Андрей попадает в квартиру к нищему калеке и влюбляется в его жену, спящую летаргическим сном в нижнем ящике комода. Имеется в романе и детективный элемент: кто-то убивает на набережной Невы бомжей, причем умирают они от странных судорог. Следователь тщетно бился над загадкой, покуда некий гражданин не уверил его, что это обитающие в Неве русалки защекотали несчастных до смерти. Сам же гражданин оказывается *русалковедом*. Тем временем дом Андрея постепенно заселился всякими идиотами, увечными, больными. Читатель поневоле ждет какого-то объединяющего начала, но, увы, не находит. Русалковед убегает от следователей по невскому льду, красотка, оказавшаяся душевнобольной, растворяется в неизвестности, а Андрей — то ли во сне, то ли наяву — видит свою очнувшуюся от летаргии любимую. Трудно сказать, зачем автору понадобилось живописать этот паноптикум — разве что для привнесения экзотики в сероватую журнальную жизнь.

В сталинские времена погружает читателя **Григорий Фукс** в **повести «Двое в барабане»** («Звезда», № 9). Главных героев двое: Сталин и преданный ему, искренне любящий его Фадеев. И чувство это, уверяет автор, было взаимным. Сталин у Фукса получается личностью не особо страшной: человек начитанный, в глубине души по-отцовски сочувствует нелегкой доле Фадеева, узнав о

смерти Булгакова, испытывает скорбь... Правда, автор упоминает и о неприятных чертах его характера, но простое перечисление мало влияет на образ. Трагедия Фадеева, которой посвящена добрая половина повести, получилась мутноватой, ибо исследование простирается не вглубь, а вширь. Вроде бы ничего автор не забыл: ни исковерканного первого варианта «Молодой гвардии», ни провала с «Черной металлургией», но отсутствие психологической подоплеки сделало текст поверхностным. Есть в повести и ошибка: автор заставляет Сталина по достоинству оценить мудрость Анны Ахматовой, признавшей на встрече с английскими студентами правоту палаческого постановления 1946-го. В действительности же встреча эта произошла в 1954 г. Поневоле закрадывается мысль, что и в остальном писатель столь же небрежен.

Любопытной фантазией на историческую тему делится **Игорь Смирнов-Охтин** в **повести «Невский, 3, или На всяком вся всё о вся»** («Нева», № 9). К нынешнему адресу «Невы» автор подходит лишь в самом конце, а прежде уверяет читателя, что издревле на этом самом месте располагалось капище, рядом с которым жили и «марголютки», и «веселухи». Существование этой симпатичной и веселой нечисти автор продлевает аж до наших дней. То есть здесь, уверяет автор, наблюдаем мы вековечную борьбу язычества с христианством, не кончившуюся и поныне. Позже селит он тут и кузнеца Савку, и собственного своего предка Григория (уже при Петре), тут же располагает и трактир. Марголютки, естественно, ни в какие времена не дремлют: строят подземный ход от трактира до дома Елизаветы, Петровой дочери, чтобы было той сподручнее бегать к Григорию... В общем все это, конечно, хохмы, но написана «фантазия» легким пером и довольно весело.

Продолжает эту фантазийно-ироничную струю **Анатолий Курчаткин** в **повести «Новая книга жизни и мудрости Вивиана Вивианова»** («Нева», № 8). Перед нами подчеркнутое подражание Козьме Пруткову, — даже ироничные сноски не забыты. Курчаткин прохаживается ядовитым пером хоть по недавней истории, хоть по нынешним временам. Так, герой писателя с приличествующей моменту серьезностью разъясняет, почему коммунисты считают себя выразителями народных интересов: самим качеством своей жизни они выражали сокровенные интересы народа. Объекты писательского внимания простираются от Наполеона и академика И. П. Павлова до сантехника Васи, родившегося с советской властью, а позже сильно охамевшего. Все это было бы любопытно, если бы заявленная козьмопрутковская планка удерживалась на всем пространстве текста.

Вспомнить времена, когда ученые чувствовали себя реальной силой, а коммерсантов совсем не было, решил **Александр Мелихов** в **рассказе «Перемена амплуа»** («Нева», № 9). Хотя, скорее всего, рассказ извлечен из писательского архива. Разве что финал приделан современный, но несколько строчек суть дела не меняет. Некоего профессора, пришедшего в больницу, обхамила уборщица, и прискорбный этот факт переворачивает его душу. Понятно, что нынче говорить о таких проблемах бессмысленно.

О сегодняшних отношениях ученых с государством, а заодно о положении науки и литературы размышляет ученый и **публицист Николай Шмелев** в подборке **рассказов «Пустыня мертвая, и небеса над ней...»** («Нева», № 7). То, что

ситуация аховая, для писателя аксиома (как, впрочем, и для всех). Но похоже, что нынче мы и вовсе стоим на пороге нового средневековья, говорит автор. Скатилась наша литература, а заодно и искусство, до штукарства и выкаблучивания... Одна попса кругом, с горечью бросает Шмелев. И кто может, не притворяясь и не оглядываясь, это искусство воспринимать? А для полноценного существования науки, убежден автор, помощь необходима не только выдающимся ученым, но и ученым куда меньшего калибра. Все нужны, все полезны для атмосферы всеобщего поиска, умственной активности, соревнования, наконец...

В сегодняшние проблемы вглядывается и **Дмитрий Притула** в **рассказе «Счастливый день»** («Нева», № 9). Выведена в нем обычная семья, которую постигло горе: в родах умерла младшая дочь. Куда же деть новорожденную внучку, со страхом размышляет бабушка. Отца у девочки нет, а самой старухе еле-еле хватает на еду... Вот и приходится отдать ребенка за океан, в благополучную и богатую семью. Разве только утробный вой, раздавшийся из бабушкиной комнаты, выдает, что у нее на душе...

Страдающий человек живет и в **рассказе Елены Холмогоровой «Женатый ветер»** («Нева», № 7). Читатель погружается во внутренний монолог молоденькой девушки — и подспудно чувствует, что с той что-то неладно. Странен ее быт, обострена наблюдательность, окружающие относятся к ней с особым вниманием... И лишь в конце выясняется, что она прикована к инвалидному креслу.

В обычной своей импрессионистской манере пишет **Марк Гиршин**, представляя читателю несколько глав из **автобиографической книги «Жили — поживали»** («Звезда», № 7). Живописная шумная Одесса начала 50-х, обычные для тех лет препоны при устройстве на работу человека с «космополитической» фамилией, недолгая работа сапожником, первые «пробы пера» — разумеется, неудачные, Твардовский, Казакевич, Эренбург... Для Гиршина краски и звуки окружающего мира самоценны, даже вне связи с сюжетикой. Но даже и в этих рассказах-главах ощущается довольно прочный сюжетный каркас.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

2. Литературная критика

Так получилось, что даже материалы, посвященные какому-то одному фигуранту, носили в этом сезоне какой-то глобальный, обобщающий, теоретизирующий характер. Точно критика, устав ждать обобщений от прозы, взялась за дело сама. Так что и статьи **ОБЗОРНОГО ПЛАНА**, и статьи, первоначально нацеленные на **АНАЛИЗ ЕДИНИЧНОГО ЯВЛЕНИЯ**, формально относящиеся к разным разделам, на этот раз мы вынуждены помещать вместе.

Рената Гальцева в статье **«Только не говорите мне о творчестве»** (http://www.russ.ru/krug/20030730_rg.html) размышляет о современном *модном в литературных кругах* романе. Он перестал быть увлекательным. Читать его трудно: «исключительно затратный труд, который требуется для разгадывания заковыристых, бесплодно изнурительных ребусов и безблагодатного преображения своего человеческого существа, подавления в себе чувства брезгливости и отвращения: труд по разлаживанию мыслительного аппарата и нормальной восприимчиво-

сти». Нашумевший роман бывает двух типов: суперинтеллектуалистическим и супернатуралистическим, а часто смешивает учительную заумь с натужной эротикой. Так, по Гальцевой, в новом романе собственно любовной тематики не существует — потому что нет любви. Вытеснен романический элемент, на месте жизни чувств — функционирование животного организма. То, что в настоящем романе было тайной, стало явью, а подлинной яви любви, этого блаженства от присутствия, не оказалось. Романисты вывели тип человека, который внушает отвращение, тип сексуального маньяка и в идеале — перверта (В. Пискунов, «Песни Птерота»). Процесс дегуманизации искусства перешел в стадию его бестиализации. Если условно ***«интеллектуальный роман»*** занят хаотизацией мира и смешением карт истории, то условно ***«любовный роман»*** — разрушением образа человека. Установилось даже что-то вроде соревнования: кто больше сотрясет оснований, тот и больший в царстве творчества. «Карьеры сорокиных и ерофеевых у всех на виду». Упомянуты также В. Шаров, А. Королев, А. Иванченко, Б. Евсеев, Д. Липскеров. Мы имеем дело здесь не с творческой спонтанностью, не с художественной интуицией, а с потоком тенденциозных конструктов, производящих в умах работу по развоплощению образа мира и разоблачению человека, низводящую его до уровня презренной твари. Интересные наблюдения Гальцевой, пожалуй, чрезмерно абстрактны, она скорее конструирует тип модного романа, но до разбора конкретных текстов не снисходит.

Анна Кузнецова рассуждает в статье **«Вещи, о которых все же не»** (http://www.russ.ru/krug/20030811_akuz.html) ***о новейшей прозе предельной интимной исповедальности***, эксгибиционизма (В. Голованов, В. Попов, С. Файбисович). Постепенно исчезают всякие необъяснимые «нельзя». Теперь достаточно увидеть отца своего в наготе — и описать, если таланта хватит. Художественно ли это — вот что волнует Кузнецову. Когда нет ничего святого — это сама действительность без прикрас, предел (или еще не предел?) эволюции критического реализма. Кузнецова считает, что художественный эффект убивается реальностью Хама, тем смешком, который неизбежно вызывает нагота, если на нее смотреть в упор, без памяти о том, какое отношение ты к ней имеешь; без любви, заставляющей видеть не глазами, а сердцем.

В Конференц-зале «Знамени», № 8, состоялся круглый стол на тему «Цена успеха» в искусстве. Высказались и литераторы. **Михаил Золотоносов («Страна дураков»)** исходит из того, что *никто ничего не понимает* в том, что приобретает. Покупают опять переплеты, а не содержание. «Поначалу я думал, что все-таки есть какой-то набор необходимых свойств, без которых книгу не сделать бестселлером, что она должна быть фабульно занятной и при этом вторичной, примитивной <...>, иметь "хороший конец", не быть слишком длинной, а фамилия автора должна быть или характерно иностранной, или типично русской <...> Но два примера — феномен Путина и феномен П. Коэльо — показали, что и выполнение перечисленных условий — вещь необязательная. Любая занудная и претенциозная пустышка может оказаться бестселлером, а все дело в количестве упоминаний на ТВ в прайм-тайм, т.е. в объеме финансовых средств, потраченных на рекламу "БОЛЬШОГО ПРОЕКТА". Это и есть цена успеха».

Мельтешение на экране в качестве ведущего — лучшая реклама. **Александр Кабаков** разводит руками (**«Рынок не бывает частичным, как не бывает час-**

тичной жизнь, смерть и талант») и рассуждает, что нужно делать для рекламы правильных авторов. Акунина рекламировать просто... И Донцову с Марининой рекламировать просто, все равно как навязывать моющие средства. «А вот рекламировать другую литературу трудно. Для этого нужен, извините за выражение, грамотный маркетинг, по-старому выражаясь — исследование рынка: в какой аудитории эта книга пойдет хорошо, какова покупательная способность этой аудитории, на какой вид рекламы она клюет...» Пеняет Кабаков невнимательной, небрежной критике. Плохо та продвигает писателей к читателю.

Редактор отдела культуры газеты «Известия» **Ольга Кабанова** (**«Зависит от народа»**) жалуется на пиар в культуре. А как герои газетной полосы «выбираются те, кто уже заплатил свою цену за успех». Далее она рассуждает: «Проблема «художник и власть» сошла на нет еще десять лет назад. Зато проблема «***художник и народ***» становится все сложнее. И народная цензура свирепствует, что советская. Если о Путине еще можно писать без пафоса, то о Пугачевой давно нельзя. Искусство и культура неуклонно попсовеют». «Хочешь денег и популярности — иди на уступки, выполняй заказ, не хочешь — живи впроголодь, надеждой на посмертное признание, пиши в стол и не завидуй удачливому коллеге. Народ, конечно, не всегда прав, но и не всегда ошибается».

Мария Ремизова формулирует: «Надо просто признать это как объективную данность — массовая литература живет по законам шоу-бизнеса». Но беспокоиться о том, что все художники разом приспособятся к рынку, тоже нечего. *Настоящий художник* ни к чему приспособиться не может.

Наталья Иванова в статье **«Жертва географии. Русский писатель открывает (и закрывает) мир»** («Дружба народов», № 8) совершает экскурс в жанр литературных путешествий. «История путешествий как литературного жанра — это история свободы в России», — таков посыл критика. В этом ключе бегло рассмотрена и генеалогия, и нынешнее состояние «путевых заметок», каковые сегодня могут принимать самые разнообразные формы — от эссе до полноценного романа. Рассмотрев тексты Бродского, Битова, Анатолия Гаврилова, Седаковой, Рыжего, Елены Шварц и Гостевой, критик приходит к заключению: для каждого из авторов путешествие закончилось либо «открытием мира», либо «закрытием мира», либо «открытием самого себя». «Странствие становится испытанием. Автогерой-путешественник сосредоточен не только на противостоянии своего — другому и на познании своего через чужое. Из периферийной области описательного очерка-эссе жанр путешествий становится полноправной литературной формой. При этом, казалось бы, дополнительные для жанра путешествия задачи — философские и мировоззренческие — становятся главными». Утверждение спорное. И тем более странное после предпринятых критиком усилий углубиться в историю жанра. Взять хоть, к примеру, упоминавшиеся в статье «Зимние заметки о летних впечатлениях» — так ли уж далек их автор от философских и тем более мировоззренческих задач? Нам-то казалось, что только ради них они и были написаны...

Марина Загидуллина в основательной статье **«Новое дело» интеллигенции, или Хождение в народ-2»** («Знамя», № 8) отметила выход книги эстонского журналиста Бориса Туха «Первая десятка современной русской литературы», в которой собраны очерки о наиболее признанных авторах так называемой

массовой литературы. Это Акунин, Бушков, Веллер, Дашкова, Маринина, Пелевин, Радзинский, Сорокин, Токарева, Толстая. Для Загидуллиной книга Туха — повод к разговору о литературе беллетристической, выходящей массовыми тиражами и имеющей спрос. Замах у Загидуллиной масштабный, выводы соответствующие. Тем более, что на этом поле уже пахали Гудков с Рейтблатом. Характерны, например, такие суждения: боевик, политический или дамский детектив «"прокручивают" неустойчивую социально-политическую ситуацию до тех пор, пока неустойчивость не превратится в устойчивый жанрообразующий элемент. Беспредел оказывается основанием жизни... а значит — и сюжета». Изображение же беспредела неизменно сопровождается «светом в конце туннеля» — надеждой на победу Добра. Как и в литературе классического периода, деньги ничего не значат, достижение богатства никак особо не приветствуется, напротив, «денежные воротилы» обычно — отрицательные и неприятные герои. Таким образом, антикоммерческий пафос массовой литературы продолжает «старые добрые традиции» и конкурирует с рекламой, основанной именно на пропаганде «успеха», «комфорта», «беззаботности». Читатель одобрительно перелистывает страницы, повествующие о вечном положительном русском типе — самоотверженном герое». «Хождение в народ увенчалось успехом — читатель и писатель поняли друг друга. Массовый читатель держит в руках книги, где говорится вовсе не то, что он хотел бы слышать. Он читает "о жизни нашей скотской" — и оторваться не может. Он читает о чужом скотстве, чтобы забыть о том, которое окружает лично его. И чтобы понять, как устроена она — современная непонятная жизнь с раскрутившимися гайками и выпавшими винтиками. Книги, которые помогают задуматься и выжить. Стоит ли бить тревогу о вкусах народа? Стоит ли говорить о деградации? Читают — значит, хотят знать. Пишут — значит, есть что сказать».

Своими размышлениями по поводу статьи С. Чупринина «Нулевые годы: ориентация на местности», опубликованной в первом номере «Знамени», делится писатель с Дона **Олег Лукьянченко («За обрезом карты. Заметки провинциала»** — «Знамя», № 7). Это скорее добавления к очерченному Чуприниным ландшафту литературы. Лукьянченко пишет о литературе в провинции. Его миф на эту тему традиционен: в столице шум — у нас тишина. Листок не шелохнется, хоть вы там перестреляйтесь. «К тому же перед интеллигентным читателем с периферии ежедневно стоит проблема физического выживания, поэтому все, что сверх того, — чаще всего недостижимая роскошь». Не ведают в ростовской провинции и о собственных мастерах пера. Системообразующим центром литературного процесса стали альманахи. «Южная звезда», например, или «Ковчег», созданный врачом-онкологом Мацановым. В районах возникают местные союзы писателей. Получило распространение «семейное творчество»: дедушка, бабушка, папа, мама и внук — каждый что-то сочинил, собрали вместе — получилась книжка. Или воспоминания ветеранов... «Может быть, именно теперь настала эпоха развития самой что ни на есть народной литературы?»

Статья **Елены Иваницкой «Все связано со всем»** («Дружба народов», № 7) посвящена одной персоне — Леониду Юзефовичу, но высказанные в ней положения имеют гораздо более общий смысл. Критик не жалеет превосходных степеней для аттестации любимого писателя и любимого жанра — ***детек-***

тива, по ходу дела (в ответ злопыхателям и клеветникам) формулируя широкую мировоззренческую платформу. Критик начинает с симптоматичного признания: «Высшей формой похвалы тексту мне представляется строгое, холодновато-отстраненное выявление его структуры, мотивов, аллюзий и реминисценций, стилистических особенностей, характерных приемов построения образов... когда показателем и доказательством высокой оценки служит сам факт, что такая работа была предпринята». Далее следует программное заявление: «У меня не хватает фантазии представить себе, что такого можно сочинить буквами на бумаге <...> чтобы сочинение вызывало не то что чувство "ужаса и сострадания", но хоть какое-нибудь сердечное шевеление-сопереживание <...> Думаю, однако <...> я просто дошла до абсурдной крайности на здоровом пути, которым идут писатели и читатели, расторгшие договор, вменявший в обязанность — соответственно — тексту вызывать ужас и сострадание, а читателю — соответственно — эти чувства при восприятии текста испытывать». Далее критик делится убеждением, что именно те, кому при чтении подобные чувства не чужды, в жизни — самые черствые и жестокосердные люди. Личный опыт, как известно, к делу не пришьешь. Однако отметим, что Иваницкая, известная прямо-таки нечеловеческой верностью идеям постмодернизма, наконец-то начала открыто манифестировать свои коренные убеждения.

Еще одна статья, привязанная к одной фигуре — Георгия Владимова, — точнее, даже к одному роману — «Генерал и его армия», — тоже выходит далеко за рамки портрета или рецензии. **Наум Лейдерман («Георгий Владимов и его генералы, или Реализм сегодня»**: «Урал», № 7), очень обстоятельно и подробно анализируя текст, приходит к выводу: прокламируя себя традиционным реалистом, Владимов на самом деле не чурается пользоваться средствами из чужого арсенала, который принадлежит противостоящему лагерю — модернистскому. В этой связи весьма показательны достоинства и противоречия романа «Генерал и его армия» — «Тут и стремление, в пику модернистскому "размыванию" реалий, изображать художественную действительность максимально приближенной к документальной основе*, и в то же время — тенденция к мифологизации образа исторического события, к переводу в "план вечности". Тут и следование принципам исторического детерминизма в изображении событий и судеб, и в то же время — апелляция к мистическим мотивировкам при объяснении тайны человеческого характера. Тут и тщательная рельефность жизнеподобной пластики, создающая эффект живого созерцания события, и тут же тяготение к символизации пластического образа, а также включение в исторический контекст символов из арсенала сакральных архетипов...» Отсюда вытекает вполне ожидаемое умозаключение: реализм переживает кризис и «не выступает доминирующей художественной стратегией современного литературного процесса». Понятное дело, для Лейдермана торжество модернизма — вещь, само собой разумеющаяся. Возвращаясь же к Георгию Владимову, нам не лишним кажется отметить известную тенденциозность исследования, в котором вывод известен раньше, чем подводка к нему. Да и поспорить хочется: почему это

* Тут неувязка — либо «создавать» — «художественную», либо «изображать» — подлинную. Вероятно, опечатка, но что же все-таки имелось в виду? — *Прим. ред.*

«перевод» исторического события «в план вечности» и даже его мифологизация — прерогатива одного только модернистского взгляда на вещи? Или отдать им в хозяйство «Войну и мир», «Конармию» и «Капитанскую дочку» до кучи? А «апелляция к мистическим мотивировкам при объяснении тайны человеческого характера»... Или мы по-разному понимаем слово «мистический», или придется по воле Лейдермана туда же отдать, допустим, Достоевского, не говоря уже о всей житийной литературе, литературных образцах эпохи романтизма и еще многих и многих источниках, питающих собой модернизм.

Александр Генис избирает объектом своего исследования Валерия Попова (**«Ленинградская словесность и московская литература»**: «Октябрь», № 8). Творческий метод Попова, сформировавшийся еще в молодости, не изменился по сей день: книги его «можно представить бесконечным производственным романом, который не только описывает, но и демонстрирует передовой способ обработки действительности с целью ее предельной интенсификации». Предметный мир его прозы более чем условен — он фантастичен, поскольку автор метафоризирует все, попавшее в поле его зрения, а метафора его носит характер метаморфозы. Проза Попова предельно эгоцентрична — единственным реально действующим лицом всегда выступает он сам: «Персонаж — не альтернатива, а версия автора, либо его изнанка». Эта напоминает лирику. «Попов строит прозу вокруг внезапно найденного поэтического ядра, дорогого ему своей неповторимой индивидуальностью и необъяснимой природой». Язык Попова — специфичен, он «не изобретает новые слова, а портит старые». Далее критик делает небезынтересный экскурс в дебри ленинградской и московской школ письма. Выясняется, что для питерцев, которые как огня боялись и всячески избегали обыкновенных и общепринятых (т.е.«пустых») слов, было очень непростой задачей установить связь между словами «значимыми»: «между фразами образуется вакуум — тексту нечем держаться». Поэтому питерцы — спринтеры, большая форма им не дается. «Ирония в том, что именно "ленинградцы", мечтавшие со времени "Серапионов" о возрождении сюжетного романа, стали мастерами непригодной для него словесности». И тут исследователь доходит до самой спорной во всей статье максимы: литература «создается не словами, а поступками. Слова у нее от необходимости, которую, впрочем, можно и обойти <...> Классическому, великому роману вовсе не обязательно быть словесным шедевром». И московская школа такие романы писать научилась, а ленинградская, к слову столь чуткая, нет — и никогда (при таких запросах) не научится. Прозу, написанную абы как, Генис предлагает называть «словесностью», звание же «литературы» оставить за прозой типа поповской.

Феномен бабушки в современной прозе о детстве (Павел Санаев, Александра Васильева) анализирует **Анна Кузнецова** в статье **«Речь и дитя»** (http://www.russ.ru/krug/20030721_akuz.html). Она отмечает, что колоритные бабуситетечки имеют выразительную речь, которая становится специфической средой обитания юных героев. «Речеизъявления» центральных героинь заполняют емкости повестей, словно аквариумная вода.

Ольга Бугославская в статье **«Все чудесатее и чудесатее...»** («Знамя», № 9) представляет новый издательский проект — Сказки НЛО. Проект представляет произведения старые и новые. Вышла книжка с литературными сказками

Марка Харитонова, Петра Алешковского и Сергея Григоровича-Барского. «Прозрачная наивность Григоровича-Барского, веселый абсурдизм Марка Харитонова и игровая мифологичность Петра Алешковского рассчитаны на разный детский возраст и как бы соответствуют стадиям развития, которые проходит детское мировосприятие. Однако на практике охват публики может оказаться более узким, чем задумано». Бугославская считает, что реальный успех именно у детей могут иметь лунарики и снопсики Алешковского.

Евгений Ермолин в статье **«Критик в сети. 2»** («Знамя», № 7) добавляет некоторые соображения к своему очерку литературной критики в Рунете, опубликованному там же в № 3. Отвечает оппонентам, вносит поправки.

Критический отклик на эту публикацию — в реанимированной авторской рубрике **Александра Агеева** в «Круге чтения» «Русского журнала» «Голод», в **«Голоде 81»** (http://www.russ.ru/krug/20030724_ag.html): «...смотрю я на Ермолина некоторым образом, как акмеист на символиста».

ПРЕМИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

Андрей Немзер 9 июня в статье **«Кажинный раз на ефтом самом месте»** делится впечатлениями от нового списка лауреатов госпремии. За старые заслуги получили премию Новелла Матвеева и Вацлав Михальский. Не случайно критика молчит об их новых сочинениях. А ведь у нас «достаточно прозаиков и поэтов, чьи свершения вызывают резкие споры, рождают полярные оценки, тем или иным образом воздействуют на литературную ситуацию. Например, поэзия Юрия Кублановского. Или проза Валерия Попова. Или роман Сергея Гандлевского «<НРЗБ>». «Самая брань (в отношении Валерия Попова накануне решения ставшая откровенно площадной) свидетельствует: это живые писатели, их слово резонирует». «В результате на присуждение Пушкинской премии Олегу Чухонцеву реагируешь с грустью: да как же могло случиться, что первый поэт России (а таковым Чухонцева почитают многие и давно) ее столько лет не получал! При том, что год назад эту самую премию не вручили никому — видно, «нейтральную фигуру» не сумели измыслить».

Он же 22 августа пишет о соискателях новорожденной литературной премии «Ясная Поляна». Логика шорт-листа кажется **Немзеру** непостижимой. «Обычно за несуразностями премиальных сюжетов ищут какую-нибудь интригу. Как правило — мнимую. В данном случае детективные разыскания можно отложить. Нет в "Ясной Поляне" никакой интриги — есть шальные деньги от Samsung, бестолковая организация дела и старый, как мир, безответственный меланхолический принцип: кого люблю — тому дарю. Свободное дело. Кому-то в день рождения Льва Толстого вручат двадцать тысяч долларов, кому-то — десять. Вам это интересно? Мне — нет. Думаю, что никому, кроме соискателей, тоже».

АКТУАЛЬНЫЕ КНИГИ СЕЗОНА

Валерия Новодворская в статье **«Пайковые книги читаю»** («Правое дело», № 29) размышляет о романе Юлия Дубова «Большая пайка». Это опыт реальной критики. Олигарх Платон у Юлия Дубова очень симпатичен и приукрашен. Лицемерить герои Дубова если и умели, то в бизнесе, а не в политике. То есть реальный олигарх Березовский куда хуже книжного Платона. Но одну

родовую черту наших горе-баронов от бизнеса Дубов подметил верно, полагает Новодворская. «Все они вошли в экономику ползком, тайком, через черный вход, торгуя какими-то лифчиками, трусиками, договариваясь с государственными структурами, «отстегивая» им за это «маржу», или как там это называется. Криминальный язык нашего бизнеса (все эти «лохи», «маржи», «откаты», «разборки», «наезды») свидетельствует не столько о его преступности, сколько о подневольном лагерном статусе». Недаром же книга Дубова называется «Большая пайка», а не «Большой капитал» или «Большое состояние»... «У нас в России к президенту относятся, как к начальнику зоны, к «хозяину». Я бы на его месте обиделась... Наши злополучные олигархи настолько несвободны, что имеют статус лагерных «придурков», то есть привилегированных заключенных, получающих большую, «ударную пайку», спящих в отдельной «кабинке», имеющих право выхода за зону без конвоя... Из наших олигархов даже в изгнании получаются не Герцены, а Азефы... Нам не повезло ни с властью, ни с народом. Почему же нам должно было повезти с олигархами?»

Мария Ремизова в статье **«Любовь в прозрачном и пористом мире»** («Новый мир», № 7) размышляет о ставшем одной из самых заметных публикаций 2002 г. романе Афанасия Мамедова «Фрау Шрам». В интерпретации Ремизовой этот роман о любви не к человеческому существу (этого здесь нет), а к городу, причем оставшемуся в прошлом, невозвратимому Баку советских времен. Утраченное прошлое становится для героя главным объектом тоски и источником постоянного невроза, который изживается лишь к финалу.

Евгений Ермолин в статье **«Где ваша улыбка?»** («Новый мир», № 8) пишет о романе Юрия Малецкого «Физиология духа», опубликованном в «Континенте». Критик оценивает это произведение исключительно высоко, как на редкость глубокий пример передачи духовного опыта современного интеллигента-христианина и как интересный творческий эксперимент.

В «Русском Журнале» появилось несколько статей о новой книге Виктора Пелевина «Диалектика Переходного Периода (из ниоткуда и никуда)».

У **Виты Окочурской** (http://www.russ.ru/krug/kniga/20030902_vo.html) новая книга Пелевина вызывает жалость (статья **«Х Р не С»**). Вдохновения нет, писать не о чем, сказать миру нечего, но ведь еще год-другой — забудут, перестанут издавать, и заложник бренда «Пелевин» писатель Пелевин все-таки смог сделать кое-что. Из ничего. «Числа» — крохи, сметенные с собственного довольно богатого стола. «ДПП» проникнута экзистенциальным пессимизмом: мы движемся из социалистического прошлого в капиталистическое настоящее — а значит, из ниоткуда в никуда, как будто это единственные траектории, по которым может двигаться человечество. Мировоззренческий ужас автора именно в этом, других траекторий он не видит. От полного позора «ДПП» спасает лишь авторское остроумие. Забавные гэги, слоганы, постоянная, часто смешная игра слов — острия, на которых растянуто это сероватое повествование. Всех этих находок и наблюдений в самый раз на рассказ, на два, но никак не на роман, не на толстую книжку.

А вот на **Сергея Кузнецова** (**«Виктор Пелевин, или Пятнадцать лет спустя»**: http://www.russ.ru/krug/20030911_skuz.html) книга производит сильное и гнетущее впечатление. Книги Пелевина объединяло то, что они одновременно были

злободневны и притчеобразны. По этим книгам можно изучать русский быт последних двух десятилетий — разбросанные там и сям мелкие детали стоят дороже подробных реалистических полотен. Все тексты рассказывали о поиске выхода в подлинную реальность и обретении этого выхода — «в чутком к веяниям времени Пелевине дотлевал перестроечный оптимизм». То, что оптимизм этот на исходе, можно было заметить уже по «Поколению П». Теперь этот конец стал очевидностью. «Числа» — самый мрачный из пелевинских романов. Чувство разочарования и осознания, что через пятнадцать лет мы вернулись в точку, подозрительно похожую на ту, из которой вышли, проходит через всю книгу. Кузнецов финиширует: «Виктор Пелевин был для целого поколения россиян чем-то большим, чем просто писатель. Он рассказывал нам о мире, в котором нам выпало жить. Он давал надежду на возможность достичь лучшего мира. Он говорил о том, как преуспеть в этом мире. Он заставлял задуматься о душе и об ее пустотности. Осенью 2003 года этот человек сказал, что надежды больше нет. Мне кажется, в такой ситуации разговоры о литературе неуместны».

Андрей Степанов (**«Уроборос: плен ума Виктора Пелевина»**: http://www.russ.ru/krug/20030911.html) полагает: социально-экономический мессидж Пелевина все тот же: в мире текут потоки нефти, денег и информации, кто-то с большим или меньшим успехом пытается их перенаправить в свой карман, но поскольку управлять всеми потоками нельзя, то любая власть — фикция, медийный фантом. Смена власти в стране, «парадигматический сдвиг» — это смена крыши у банков (от бандитов к «джедаям» из ФСБ) и появление на месте новых русских их сыновей, свихнувшихся в Сорбонне. А страна остается придатком «северной трубы», и люди — придатками разных способов плена ума: одному герою кажется, что он — осел, другой — что она — покемон. Далее Степанов пытается нащупать, что же нового сказал Пелевин и в чем же он верен себе.

Андрей Немзер 11 сентября в «Немзересках» тоже пишет о новой книге Виктора Пелевина (**«Еще раз про лажу. Новые сочинения Виктора Пелевина не уступают прежним»**). У критика «никаких новых эмоций (и тем более мыслей) плод четырехлетних трудов Пелевина (роман «Generation «П»» был опубликован в марте 1999 года) не вызывает». Налицо «унылое и самоупоенное тиражирование «фирменных» тем, сюжетов и интонаций, наскоро припудренных «актуальными» реалиями (наркотики, секс-шопы, Интернет, разборки, Багамы, PR и доллары, доллары, доллары, они же баксы)». Пелевин остается Пелевиным: «успешливым поставщиком бестселлеров, страсть как озабоченным своим privacy, старательно изображающим равнодушие к литераторской суете и методично мстящим своим реальным, мнимым и потенциальным обидчикам»... Он зациклен на трех аксиомах: «а) в мире нет ничего, кроме грязи, лжи, порносайтов и башлей; б) как ни крутись, тебя непременно кинут; в) в последний момент «просветленному» заместителю Виктора Пелевина (неизменному герою его прозы) все-таки удастся выпрыгнуть из тотальной лажи и устремиться к свету Внутренней Монголии (и/или Шенгенской зоны)».

Он же 7 июля в статье **«Третий вариант»** с предсказуемой влюбленностью аттестует повесть Андрея Дмитриева «Призрак театра». Это лирический пересказ, с выводами барочного стиля («весь мир — призрак театра, люди в нем — призраки актеров, а грань меж сценой и залом — условность... остается боль,

скрытая скорбь и гул Шекспировых пятистопных ямбов, настойчиво оркеструющих повесть Андрея Дмитриева. А как иначе писать про людей театра? Особенно, если помнишь, что все мы в нем актеры»).

Алла Латынина в статье-комментарии **«Христос и машина времени»** («Новый мир», № 8) рассуждает о том, как соотносятся в претензиях Акунина статусы коммерческого автора и учителя жизни. Обращаясь к роману «Пелагия и красный петух», критик разбирает акунинскую версию евангельских событий, суть которой в том, что не было никакого воскресения Христа, да и не распинали его вовсе, распяли другого. В романе объявился Христос в России в конце XIX века. Отклики по поводу такого религиозного модернизма были всякие. Имеет ли писатель право перекраивать Священное Писание? Вот вопрос. По Латыниной, кажется, имеет. Ведь и спрос с него другой, если он только масскультовик. Хочет того Акунин или нет, его бродячий проповедник сопрягается не с Христом Евангелия, но с Христом современного масскульта. И еще: почему в его детективе так на сей раз все «недовинчено»? Хваленая «стильность» акунинских детективов предполагает интеллектуальный поединок сыщика и преступника, логическую мотивировку каждого преступления и отсутствие парадоксов в отношениях причины и следствия. Здесь же все эти правила нарушаются. В общем, намекает Латынина, не удался Акунину его новый роман. «...Так можно лишиться и званий остроумного беллетриста, тонкого стилизатора, кумира читающей публики».

Александр Агеев продолжает рассуждать о литературных и окололитературных сюжетах. В частности, высоко оценивается проза Евгения Шкловского (**«Голод 80»**: http://www.russ.ru/krug/20030710_ag.html). Лучшие рассказы Шкловского подолгу разворачиваются в сознании, прочитанное вступает в сложные связи с собственным опытом, принимается или отвергается. Шкловский остался с нормой — и с нормой письма, опирающейся на добротный психологический реализм, и с нормой мирнотекущей, несмотря на все катаклизмы, человеческой жизни. Он оборудовал свою приватную, на отшибе от столбовой дороги, лабораторию новой, более сильной, чем у предшественников, оптикой, и обнаружил давно известное, но как-то за множеством дел подзабытое: электрон так же неисчерпаем, как и атом. Он обнаружил, что «нормальный» человек — не убийца, не шизофреник, не наркоман, не дебил, не бомж — существо пороговое, сохраняющее видимость стабильности — невероятными ежедневными, ежечасными усилиями. «Нормальный» мир чрезвычайно опасен, ближние и дальние заряжены сознательной или бессознательной агрессией, жить холодно и страшно, избежать столкновения невозможно. Ощущая это, человек строит психологические баррикады, сам невольно насыщаясь агрессией и порой теряя представление о пределах необходимой обороны. Все такие ситуации Шкловский пишет, все увеличивая и увеличивая масштаб, поскольку главная, как кажется, его задача — понять, где точка перехода, где норма выворачивается патологией.

Роман Дмитрия Быкова «Орфография» удостоился **внимания Никиты Елисеева («Теплый вечер холодного дня»**: http://www.russ.ru/krug/kniga/20030701_ne.html). Елисееву роман нравится. Это не альтернативная история и не игрушка, сработанная мастеровитым циником на материале кровавой русской истории XX века. Вот уж чего напрочь нет в «Орфографии» — так это холодного цинизма. «Горь-

кой, безжалостной исповедальности» — полно, а цинизма — ни синь порох. Не стоит воспринимать этот роман как роман исторический. Это — проза поэта, притворившаяся исторической или альтернативно-исторической беллетристикой. Об интеллигентах-гуманитариях, с которыми автор чувствует подлинное мучительное родство, о тех самых интеллигентах, которых в первую очередь отменяет социальный, исторический катаклизм — кому они на фиг нужны? Писаки, болтологи. Так пишет питерец Елисеев об успешном московском журналисте с расшатанным миросозерцанием — игруне, проказнике.

Анатолий Курчаткин в статье **«Убежавший в Россию»** («Знамя», № 8: рубрика «nomenclatura») довольно комплиментарно размышляет о писателе Сергее Юрьенене. Четверть века назад, когда сделался невозвращенцем, Юрьенен был автором одной небольшой книги «По пути к дому», теперь он автор романов, повестей, рассказов — «автор, по-настоящему состоявшийся именно в эмиграции». Недавно вышли пять его романов: запоздалое возвращение на родину состоялось. Все книги об одном — о выборе судьбы. Даже герой во всех произведениях один — писатель. Налицо существование единого метапроизведения. Юрьенен сделал художественное произведение прежде всего из собственной жизни: женитьба на иностранке (дочери одного из секретарей компартии Испании), затем использование обстоятельств своей личной жизни для бегства за границу. Сюжет собственной жизни оказался слишком крут, внутренне даже патетичен, чтобы отпустить от себя, и писатель сделался его пленником. А «свобода Юрьенена в изображении эротического — всего лишь составная часть обретенной писателем свободы личностной: физической, творческой, идеологической, наконец».

Роман Арбитман в форме письма Михаилу Веллеру рассказывает историю о самом писателе и его американском кузене актере Питере Веллере (**«Бодался писатель с робокопом»**: http://www.russ.ru/krug/20030714_ra.html). Мысль Арбитмана состоит в том, что Веллер упорно соперничает с преуспевающим братом, это — нерв его творческой жизни (боданье Эллочки Щукиной с Вандербильдихой). Наличие брата-кинозвезды, даже слегка подугасшей к концу 90-х, делает жизнь брата-писателя непереносимой. Крашеная кошка против шанхайского барса.

Мария Бейкер в статье **«Русский как иностранный»** (http://www.russ.ru/krug/razbor/20030926_mb.html) пишет о книге Виктории Токаревой «Своя правда». У персонажей Токаревой есть специальное назначение. Они созданы для того, чтобы изобразить жизнь современной российской женщины во всем ее (жизни) многообразии. Все в текстах Токаревой, от тонкой иронии до речевых ошибок, направлено на то, чтобы кому-то чего-то изобразить, взять за живое и проникнуть в глубины. По Бейкер, Токарева замечательно пишет о еде. Материала хватило бы на отдельную кулинарную книгу. Вообще, орган вкуса у ее героинь почти всегда ведущий. Обоняние тоже очень острое. Оно им нужно прежде всего для того, чтобы вынюхивать себе героев. Герои героинь взяты целиком из мира животных. Антропоморфные звери. Единственный одушевленный мужчина во всем сборнике — Феллини. Далее критик ищет и находит у Токаревой разные несуразицы по части знания жизни. «Можно, конечно, подумать, что «Своя правда» Токаревой — такой милый стёб. Сатира и юмор в условиях победившего капитализма. Современный Зощенко. Но если бы Токарева хотела писать, как

Зощенко, она бы в конце своих произведений не писала философских выводов и не делала бы обобщений. А если бы и обобщала, то не так глобально, а только конкретно по теме, типа «не нравятся мне аристократки» или «вот какие бывают дьявольские старухи, воспитанные прежним режимом!». Токарева претендует на большее. На Чехова. На душевную инженерию».

Два во многом противоположных взгляда на творчество Людмилы Улицкой предлагает «Нева» (№ 7): статью **Льва Куклина «Казус Улицкой»** и **Евгении Щегловой «О спокойном достоинстве — и не только о нем»**.

Куклин убежден, что Улицкая есть прежде всего небездарный бытописатель, притом отнюдь не российского, а еврейского быта. Критик ставит ее в один ряд с Шолом-Алейхемом и Вс. Крестовским, выпустившим с 1888 по 1892 год трилогию о еврейской жизни. То есть, по Куклину, она создает женский шолом-алейхемский вариант, при этом женские ее персонажи совершают поступки под действием непреодолимых импульсов, исходящих «из нижней, вагинальной части тела», в то время как «контроль импульсов со стороны верхней части отсутствует». Этого мало: критик выявляет у Улицкой нехитрую мысль, привлекающую к ней читателей российско-еврейской диаспоры — «вон как плохо в России, когда ее покинули мы» (евреи).

Щеглова, подтверждая очевидную неудачу с «Казусом Кукоцкого», вместе с тем выявляет присущие писательнице неспешность, основательность письма, пристальное внимание к самоценности земного человеческого бытия.

В **«Трех заметках о Петрушевской»** («Звезда», № 9) **Елена Невзглядова** причисляет писательницу к живым классикам, так что любая ругань по ее адресу, утверждает она, не будет иметь успеха. Петрушевская взяла в руки перо, говорит критик, когда русская классическая литература уже была проглочена и усвоена. А не любящие Петрушевскую критики и по сей день не могут простить ей несговорчивости, когда писательница не разрешала ничего в своих произведениях смягчать. Видимо, ее проза, как следует из статьи, настолько высокого уровня, что по ее адресу можно высказывать исключительно похвалы. Не дай Бог...

Михаил Майков в статье **«Этот "Лис" придуман не нами»** (http://www.russ.ru/krug/kniga/20030711_mm.html) пишет о романе Игоря Малышева «Лис». Главный герой «Лиса» — бес. Собственно, его-то Лисом и зовут. Указанное обстоятельство уже вызвало как-то отповедь автору критика К. Кокшеневой. Она усмотрела тут вредные игры с нечистью. Майков более либерален. «Беда в том, что у автора элементарно не хватает фантазии, дабы сделать мир романа по-настоящему интересным, а любезного его сердцу бесенка — действительно привлекательным. Вот и ходят Игорь Малышев со своим героем по кругу, вот и таскают у всех понемногу — то у Клычкова, то у Стивена Кинга». Не роман и не повесть даже, а цепочка новелл со сквозными героями. Лис не делает ровным счетом ничего. Носится себе две сотни страниц из одного конца леса в другой. «Ну там, священника пугнет, кота к верхушке дерева привяжет. И тот и другой в конечном итоге впадут в единство с природой и останутся бесу благодарны. Все». «Философские пассажи автора вызывают откровенную неловкость. «Человек... застыл перед вечной красотой бесконечного мира»; «Как ни велики силы стихий, но и они не бесконечны»; «Жизнь вечна и неуничтожима, как Вселенная»... Порфирий Иванов какой-то».

Анна Мастерова (**«Ускользание»**: «Знамя», № 8) анализирует прозу Евгения Чижова после выхода его дебютной книги «Темное прошлое человека будущего». Реальность у Чижова шаткая. Зыбкость, легкость, иллюзорность, изменчивость — основные свойства этой прозы и населяющих ее людей. Текст Евгения Чижова — головоломка, ребус со множеством вариантов решения. Все это, считает Мастерова, придает такой прозе глубину.

Владимир Елистратов — самоновейший критик-интуитивист. В статье **«В поисках утраченного сына»** («Знамя», № 7) он рассуждает о романе Дмитрия Стахова «Арабские скакуны». Критику не хочется предъявлять Стахову «целый ряд претензий». Потому что проза эта — «первоклассная», притом что «первоклассное всегда неуловимо». «И его можно только нащупать и почувствовать, но не сформулировать». Далее критик идет действительно на ощупь, без конца ссылаясь на невыразимость всей прелести стаховского романа («просто читаешь — и чувствуешь... что-то есть в манере Стахова то ли от бокса, то ли от африканского тамтама, то ли от "метельной прозы" 20 — 30-х годов») — либо отделываясь формулировками самого дежурного свойства («сквозь лихо закрученную фантастическую детективщину проступает нечто более чем серьезное: трагедия утраты главного, что есть у человека, — надежды, иллюзии»). Критик вроде бы согласен с автором в том, что «насильственное лишение человека иллюзий — самое тяжкое преступление против человека». Ой ли?

В «Знамени» (№ 8) напечатана статья **Александра Касымова «Любовь с географией, или Время страстей человеческих»** (ставшая лебединой песней уфимского писателя) о книге Игоря Клеха «Охота на фазана». Проза Клеха — барочная. И во всех опусах присутствует философ, который сразу и художник, и зритель, и органист, и неслучайный слушатель. Эротизм этой прозы — в традициях Ренессанса. «Человек, вчитывающийся в прозу Клеха, переживает не только жизни персонажей, но и переживает заново себя, вечно находящегося в потоке (сновидения, обрывки школьных знаний по истории и географии, вырезки из газет, подборки вздорных анекдотов) информации/дезинформации. Рассказчик в текстах этого действительно современного писателя — не из монументов. Он скорее слаб, чем силен. Он скорее обычен, чем героичен. И потому он способен воспринимать и передавать, ничего не теряя. Нет никакого рупора автора, никакого горнила, через которое проходит чего-то там сверхисторичное. Но времена схлопываются по воле среднесоветского (все же) интеллигента, подученного автором. Схлопываются — и расхлопываются. Между ними разводятся и сводятся мосты».

Фаина Гримберг в статье **«Естественное и сверхъестественное»** («Знамя», № 8) пишет о прозе Галины Корниловой — последовательницы Паустовского. «Корниловой — увы! — порою мешает прямолинейность мысли. Эта прямолинейность портит рассказы, написанные в целом весьма добротно». В рассказах, где доминирует тема сверхъестественного, внезапно прорывающегося в обыденную жизнь, Корнилова выглядит ученицей Александра Грина. Далее свой анализ Гримберг переводит в гендерную плоскость.

Виктор Куллэ сочувственно характеризует первую книгу прозы Владимира Кокорева «Девственный остров, или Моя жизнь на Канарах» в статье **«Поэтика становления»** («Знамя», № 9). Повесть Кокорева замаскирована под

лирический дневник. Семнадцатилетний автор действительно жил на Канарах и учился в Британском колледже. А до этого — в Экваториальной Гвинее. Он действительно сын дипломата-африканиста. Но заявленная «дневниковость» становится в повести Кокорева элементом изощренной литературной игры. Скрытая причина переживаний и разочарований героев — изумленное, довольно инфантильное осознавание подростками пропасти между мужской и женской психологией. Сексуальное томление и любовные переживания героев повести маскируют элементарный страх вступающего во взрослый мир подростка перед одиночеством. О Довлатове, прежде всего, напоминает пронизывающее повесть ощущение печального, но светлого абсурда, который мотивирует поступки героев. В финале Куллэ рассуждает о том, что Кокорев пребывает в становлении, и это плюс. А что из этого выйдет, покажет время.

В заметках **Константина Азадовского «Сумрак и свет»** («Знамя», № 7) о документальной повести Нины Катерли «Сквозь сумрак бытия» анализируется попытка ее автора дать на основе семейного архива неофициозный образ своей матери — крупного литчиновника первой половины 50-х годов Елены Катерли. Дворянское происхождение. Моральные принципы. Неудобный муж-еврей в эпоху борьбы с «космополитизмом», сосланный на Урал... Азадовский заключает: «Творческая биография Елены Катерли — яркий пример трагической судьбы писателя, которому приходилось ломать себя», но оправдывает ее то, что как секретарь писательской организации она «неутомимо хлопотала за других». Елена Катерли приютила у себя на даче подругу, отсидевшую более двадцати лет. Продолжала чтить Ахматову и не скрывала своего благоговейного отношения к ней. Она «оказывается в контексте своего времени в одном ряду с Юрием Германом или Израилем Меттером (но никак не с Друзиным или Кочетовым)». «Естественность души, ее первозданный свет — об этом и свидетельствует жизнь Елены Катерли — можно сохранить в любых обстоятельствах, даже когда вокруг беспросветная тьма».

Юрий Кублановский в статье **«Чижик-пыжик и повертон»** («Новый мир», № 8) пишет о недавно ушедшем писателе, своем приятеле и собеседнике, Феликсе Светове и его книге «Чижик-пыжик». Страницы, посвященные тюремным, пересыльным и ссыльным воспоминаниям в книге особенно сильные. «В больших романах у Светова присутствуют взвинченность, экзальтация. А вот здесь — накал подлинный, не литературный, не умозрительный»... «И сколько в этой книге лиризма, сколько естественной натуральной и впрямь русской путаницы. Да и советской тоже. Вот у Достоевского все споры — за чаем. А у новейших писателей — у Кормера, Максимова, Светова — всегда за водкой, ладно, если за пивом. Герои, "русские мальчики", у этих писателей чаще всего пребывают в алкогольной или похмельной ажитации. Такое впечатление, что руки им, говорливым, девать некуда, как только открывать, разливать, закуривать». «"Бедный чижик", — резюмировала лирическая героиня Светова поездку свою с автором в Петроград. Мнится, что и впрямь и он, и его сверстники, и мы, следовавшие в культуре за ними, — вот такие "бедные чижики", бедные, но и счастливые особым счастьем парения над рутинным укладом».

В «Новом мире» (№ 8) опубликован новый фрагмент **«Литературной коллекции» Александра Солженицына**, о дилогии Василия Гроссмана.

ПОЭЗИЯ

Валерий Шубинский в статье **«Наше необщее вчера»** («Знамя», № 9) рассуждает о потенциале пересмотра, ревизии авторитетов в области русской поэзии. Например: «Есть люди (я принадлежу к их числу), считающие, что Введенский — великий русский поэт, сравнимый с Цветаевой или Пастернаком». Особенно трудна для понимания вторая половина XX века, тут много дутых репутаций, сложившихся когда-то случайно и существующих по инерции, и есть забытые или незамечаемые величины первого ряда. К последним Шубинский относит, к примеру, Аронзона, Сергея Стратановского, Александра Миронова, Сергея Вольфа, Олега Юрьева, Елену Шварц. Шубинский воюет с постмодернизмом и клянется в верности модернизму.

Сразу три отклика на статью Анны Кузнецовой «Неостановимый авангард», опубликованную в «Дружбе народов», № 3 (см. БСК в № 116), дает этот журнал в № 9. Отклики, впрочем, содержат не столько полемику, сколько выражают взгляд каждого из авторов на состояние современной поэзии.

Александр Уланов («Пустые ниши») оценивает это состояние не слишком позитивно. Не соглашаясь с Кузнецовой в оценке авангарда как явления, он, тем не менее, признается, что устал от бесконечных перетолковываний социального абсурда. К тому же, по его мнению, «большинство современных стихов слишком многословны». Ему кажется, что нынешний поэт слишком боится быть непонятым, боится «что-то недообъяснить, а в результате теряется возможность открытия, возникновения новых связей». Текст самого Уланова хотя и краток, но чрезвычайно неотчетлив, изобилует расплывчатыми формулировками, поэтому схватить его мысль не всегда возможно.

Гораздо конструктивней выглядит статья **Александра Кобринского «Неустановленный авангард»**. Во-первых, критик подкапывается под рубежи Кузнецовой с неожиданной стороны: по его мнению, «само определение этого понятия [авангард] дать невозможно». Определение, на которое опиралась Кузнецова — мол, свой авангард существует в каждый данный исторический момент, и характеристическая его черта — разрушение инерции читательского восприятия, — не является в науке ни единственным, ни даже доминирующим. Но беда, оказывается, не столько в том, что она по большей части занимается пересказом «известных каждому небездарному студенту-филологу схем развития литературного процесса и даже не в попытке представить одну из них в качестве единственной», сколько в том, что развитие поэзии она связывает исключительно с эволюцией техники, а сама техника понимается как «нечто отдельное, самодостаточное». «Неловко за банальность, — напоминает Кобринский, — но искусство как раз и отличается от науки нерасчлененностью акта творения». Сам же критик настаивает, что единственный путь к пониманию поэзии — изучение языка каждого конкретного поэта, чтобы пройти тем же путем, которым шел поэт, — только вспять: «от итогового текста к той вспышке вдохновения, что его породила». Критик также пытается реабилитировать науку о стихе, плодотворность которой Кузнецова (чья собственная статья мало сказать наукообразна и при том очень расплывчата в терминологии) со всей силой скепсиса берет под сомнение, — так, по его убеждению, интерпретации Гаспарова «верифицируемы», «с ними можно спорить, соглашаться, опро-

вергать». И заключает: утверждение, что любой посредник между миром и словом вреден, есть «не что иное, как попытка превратить поэзию в «свидетельские показания» <..> между тем, это просто разные жанры».

Андрей Урицкий в статье **«Остановиться, оглядеться»** убежден: на сегодняшний день нет такого поэта, который нравился бы большинству, и главная причина этого в том, что на поэтическом поле сейчас действуют фигуры не просто разные, но в принципе несопоставимые — ни по каким критериям. Поэтому так трудно оценивать картину в целом. Урицкий делится впечатлениями от нескольких поэтических книг, которые произвели наиболее сильное впечатление за последние годы (фигуранты: Андрей Поляков, Михаил Гронас и Дмитрий Воденников). Когда он доходит до анализа исходного текста Кузнецовой и ее инвектив в адрес премии Андрея Белого, то прежде всего напоминает положение об этой премии, где сказано, что она «стремится учитывать приоритеты эстетического новаторства и эксперимента». Кузнецова же «ставит знак равенства между «новаторством» и «авангрдом» и <...> долго объясняет стране и миру, чем дурен авангард». Но что есть авангард? По мнению критика, «как только возникает вопрос: «А поэзия ли прочитанное?» — значит, мы имеем дело с авангардом». (Утверждение, заметим, рискованное, ибо с равным правом можно предположить, что мы имеем дело с клинической графоманией.) По мнению Урицкого, «дух авангарда» сейчас веет, где хочет, и часто живет не по месту прописки, например, в стихах тяготеющего к «прямому высказыванию» Кирилла Медведева, «гей-террориста» Ярослава Могутина, концептуалиста Михаила Сухотина. Собственно же авангардисты, которые подверглись яростной критике Кузнецовой, — Александр Анашевич, Владимир Кучерявкин и Василий Филиппов — заслуживают, на взгляд Урицкого, более внимательного прочтения (пример которого он и демонстрирует в собственном тексте). Более того, солидаризуясь с мечтой Кузнецовой о перспективах стихосложения: это будет-де «поэзия после литературы, определяющие черты которой — жест и интонация на фоне естественности речевого потока, приближенного к устной речи», Урицкий тем не менее замечает, что ближе всего к реализации этой мечты подошли как раз те, кого она так строго выбранила.

Наталья Репина размышляет о сборнике «10/30: Стихи тридцатилетних» («Знамя», № 9) как об явлении нового поэтического поколения. Она и сама принадлежит к этому поколению. «Люди как люди... в общем напоминают прежних... постмодернизм только испортил их... Недолюбливают пунктуацию, зато увлекаются инверсиями. Центоном грешат в меру. Не чужды жанровых заимствований (но не стилизаций), а также звуко-буквенных игр...» «Мы последнее советское поколение. Мы достаточно долго (а не номинально) пробыли пионерами и комсомольцами, чтобы это навсегда впиталось в кровь. Мы выросли в эпоху распада принципиально гармонического государства (каким оно себя заявляло), и чувство единого целого навсегда парадоксально сочетается в нас с ощущением катастрофы». Элизиум, потерянный рай, где душа пребывает в гармонии с собой и миром. Эта тема присутствует у всех. А после — поголовное остранение себя и собственной жизни. Растерянность от факта собственного существования. Существования ли? Человек есть ложь. Следственно — мысли о смерти. Форма адекватна. «Блестящий пример деструкции — «Сообщение»

А. Полякова, стихотворение, начинающееся хоть сколько-нибудь связно, а заканчивающееся таким образом: «До референции, до кладчика всерьез / молчать заслушаем негромко и нарочно, / что слово сделано, а кем из нас — конечно! / такпо приветствуем к тоэто про изнес: / «Чшу Шлуя вем удне, ехайския можи, / коде прываше вы?..» И так далее».

Алексей Машевский в статье **«Что содержит жизненная форма?»** («Новый мир», № 8) пишет о молодых петербургских поэтах Василии Ковалеве и Денисе Датешидзе. Они упорно ищут себя. Свою форму. Не зная, кто он, человек тем не менее хочет быть самим собой. В этом ключе Машевский подробно разбирает тексты названных авторов. «В отличие от Василия Ковалева, боязливо отстраняющегося от любых предлагаемых ему жизнью конечных форм, Денис Датешидзе стремится отлиться в каждую, он с болезненной настойчивостью желает, не выбирая, быть одновременно всем». Правда, в итоге выходит, что оба поэта склоняются к «выбору невыбора». И это Машевскому не по душе. Отчего-то все это он связывает с «преодолением индивидуалистического сознания, дошедшего в своем развитии до самоотрицания».

Олег Дарк в статье **«Пчела Шварц»** рассуждает о стихах известной петербургской поэтессы (http://www.russ.ru/krug/20030707_od.html). «Другие поэты, живущие и прошлые, все хорошие, кажутся рядом с ней предысторией поэзии. Три есть великих женщины-поэта у нас: Анна Ахматова, Марина Цветаева и Елена Шварц. Цветаева, на мой вкус, в этой триаде даже лишняя».

Анна Кузнецова в тонкой статье **«Жизнь после жизни»** (http://www.russ.ru/krug/20030825_akuz.html) размышляет о творчестве Геннадия Русакова. Его книга «Разговоры с Богом» вышла в 2003 г. в томском элитарном издательстве «Водолей». Пятнадцать стихотворных циклов, составивших книгу, создавались по мере отдаления от события, сотворившего ее, — смерти любимой жены. «Разговоры с Богом» — не сборник поэтических шедевров, а, скорее, дневник потрясенной души, вытряхнутой из лузы тридцатилетнего уюта в свободное падение, в одинокое доживание, смысла которого не объяснит человеку ни окружающий мир, ни другой человек. Наполнением бытия теперь, когда отнято самое дорогое, а ты почему-то не умер, становится досматривание, дослушивание, доделывание привычных дел, потерявших содержательную связность. Лирический герой Русакова — бунтующий Иов. Больше десяти лет длился этот упорный разговор с молчащим. За это время голос поэта стал глуше, а молчаливых собеседников, кроме жены и Бога, у него прибавилось: «Мне хорошо со старым Бахом», «Мой бедный Моцарт, смерти одоленье»...:

Она же в статье **«Книга щебетов»** (http://www.russ.ru/krug/20030707_akuz.html) комплиментарно представляет киевского поэта Александра Кабанова — автора книги «Айловьюга». «Поэта масштабного, яркого, давно ожидаемого в наше время всеобщей рефлексивности, камерности, цвето-тоновой приглушенности».

Та же **Анна Кузнецова** в статье **«Книги тишизн»** (http://www.russ.ru/krug/20030714_akuz.html) пишет о двух книгах стихов. Все стихи Александра Шишкина из книги «Corpus Animae» «примерно одинаковы: молчаливо-беззвучны, неприкаянно взвешены в безвоздушном пространстве европейской культуры, пропитавшей автора, и неровны по уровню собственно стиховой культуры». Почти все, что говорит этот поэт, было, считает Кузнецова, сказано в прошлом

веке другими, причем сильнее. Но ему будто нет дела ни до какой соревновательности. Он возьмет и напишет свое «10 октября 1912 года», многословное. *«Ему кажется сверхценностью то, от чего русская поэзия давно устала. Похоже, что ему нет никакого дела и до этой усталости... Уважаю».* Другая книга — «Тростник» Хельги Ольшванг. Поэтесса считает порядок слов совершенно свободным, и часто стихотворение у нее оканчивается потому, что фраза ломается на слова и словосочетания, рассыпается в словесный щебень — этакое необарокко с руинами, обвитыми лозой, с пучками травы, пробившимися в трещинах камня.

А в статье **«Живые стихи» Анна Кузнецова** характеризует поэзию Ильи Фаликова (http://www.russ.ru/krug/20030908_akuz.html). У лирика Фаликова была эпическая позиция наблюдателя в потоке бытия. Его лирическое «я» не стало частью хаоса.

Сам **Илья Фаликов** в «Знамени», № 8, пространно пишет о книге новых стихов Александра Кушнера «Кустарник». В статье много важных наблюдений. Например: Кушнер — принципиально антинамёчный, антиподтекстовый и даже, страшно сказать, антиаллюзийный поэт. Кушнеровский способ говорения о поэзии, как и обо всем остальном, — плод его врожденного и неистребимого простодушия. Намекать — не по его части, даже без задней мысли. Кушнер поэт решений и выводов. Ему недостаточно дать картину или сюжет, с которых он чаще всего и начинает свои вещи. Ему недостает и даже уже законченных мыслей. Свою философию он выражает в форме философствования. Это поэтика обузданного многословия. Книга «Кустарник», утверждает Фаликов, — торжество, если не триумф Некрасова. Он тут на каждом шагу, чуть не через стихотворение. Фирменный некрасовский амфибрахий, давным-давно растекшийся по всей русской поэзии, в случае Кушнера напомнил о первоисточнике. Отчего это? Оттого, считает Фаликов, что, как никогда прежде, в поэзию Кушнера вошла низовая русская жизнь, улица, быт, будничность человеческой трагедии. В его словаре появился надрыв. «Оппонент романтизма, ненавистник символизма («Не люблю их, эгоистов»), обожатель предмета, детали, мельчайшей частички бытия, Кушнер в эти лихие наши годы вновь явил кровную связь с той поэзией, которая родилась не вчера». Вот и появляется этот анапест, с этой дактилической рифмой: *«Жизнь бывает такой отвратительной, / что об этом умней помолчать»*. Фаликов остроумно разбирается с присутствием и других поэтов в книжке.

Алексей Смирнов в статье **«Дождитесь опоздавшего стрелка»** («Новый мир», № 7) пишет о книжке стихов Александра Тимофеевского «Опоздавший стрелок». С Тимофеевским не раз случается так, что «ныряет» он как подражатель, шутник, пересмешник, а «выныривает» как самобытный поэт. Тимофеевскому удалось создать новый тип травестии, когда место комической имитации занимает имитация трагическая. Человек воспринимает свое время как неприемлемое, исполненное бесовских наваждений; он поддается им и борется с ними; он жертвует своей судьбой, чтобы показать другим пагубность страстей, которые обуревают их так же, как и его. Это драма человека, порывающего со своим временем (а как порвать?), отказывающегося быть в нем (а куда деться?). Есть, однако, в этом «избранном» и тема, противоположная разладу. Есть желание

сохранить себя, нащупать точку опоры, удержать баланс, ощутить ускользающую, но тем более чаемую гармонию.

Кирилл Анкудинов (**«Превращенный»**: «Новый мир», № 9) весьма сочувственно пишет о книге стихов Дмитрия Быкова «Призывник» и о самом этом сочинителе, который известен всякими деяниями, в том числе и своим недавним подвизаньем в коричневатого оттенка издании «Консерватор». Много вокруг Быкова предубежденности, «быковский имидж — цепочка недоразумений и ошибок», утверждает критик. Чьих ошибок?.. Мимо. Критик настаивает: главное в Быкове — его трагический дар, который, как и всякий дар, требует уважения. Это не поверхностный публицист, а экзистенциальный мыслитель. Опять же, Быков — не поэт языка, не поэт отдельного слова, взятого в его неповторимой особости, не поэт речи и речевой фактуры; он — поэт мысли, поэт высказывания, сентенции. Быков — автор домандельштамовской эпохи. Для него информация, заключенная в строках, заведомо важней того, что между строк. На фоне продвинутых коллег, уверенно идущих по пути «лингвистической поэзии», Быков смотрится Надсоном. Но для Анкудинова «самый тонкий из всех нынешних поэтов — «журналюга» Дмитрий Быков, он и есть — главный декадент, а многие из тех, кто мнят себя декадентами, — изысканные постмодернисты и метафористы — холодные профессионалы, только и всего». Основная тема поэзии Быкова — отношения между человеком и миром, внутри которого человек пребывает. Человек при этом чужд миру, не может слиться с ним, стать его частью, а мир иноприроден человеку.

Михаил Базанков в заметках **«Покуда кто-то ждет меня...», или Диверсант космический»** («Наш современник», № 8) с чувством рассуждает о поэтах, «возрастающих на периферии». «Негромкие, не замеченные в свой срок, отторгнутые за непохожесть-несоответствие диктуемой снобами моде или капризам чиновников». «Смириться с происходящим сегодня и делать вид, что сочинители Костромской области не бедствуют, не пишут писем — отчаянных признаний? Униженные бытом (голодом, холодом), надругательским чиновным равнодушием, беззаконием шлют сигналы бедствия из Вохмы, Шарьи, Галича, Чухломы». Далее Базанков рассказывает об одном таком горемыке, Сергее Потехине, одиноко и безвыездно живущем в деревне. «Живет недалеко от Костромы на хуторе лирический бобыль, звезд с неба не хватает, государству с него взять нечего, разве теперь придется аренду за землю платить». «Иногда мы зовем Сергея в Кострому, а он отвечает: «Мне хотя б на штаны заплату. Мне хотя бы карман зашить». И сарказно признается: «По иронии судьбы я на данный момент оказался невыездной, проживаю не у дел — в колхозе нет вакансий, даже на должность скотника конкурс<...> конкурсантов много, больше чем в театральный институт».

Анастасия Ермакова в статье **«Еще не там, уже не тут»** («Знамя», № 7) отзывается о книге стихов Дмитрия Веденяпина «Трава и дым». В описании критика Веденяпин сугубый традиционалист. «Никакой претензии на оригинальность. Никаких потуг на глубокомысленность. Все очень просто, чисто, без словесных вывихов и ухищрений». Свое же у поэта, это, как можно понять, — «ощущение зыбкости, бесплотности, состояние зависания между двумя реальностями, состояние, близкое к медитации, — «мы еще не там, уже не тут»». Реальность тяготеет к состоянию вечного наброска.

О сборнике стихов Владимира Елистратова «Московский Водолей» пишет **Александр Правиков** («Знамя», № 9: **«Московский Гемингвей: импрессионизм и натурфилософия»**). Елистратов импрессионист, о нем можно повторить сказанное Ван Гогом по другому поводу: «Это всего лишь глаз, но какой!», на его холстах обмороженный светится лист, тлеют сырые, как веки, восходы, на тарелке лежат вспотевшие улыбчивые грузди, а каракули кореньев мучительны, как... стихотворенье, моргает, как ребенок, звезда ресницами лучей, густо, как смола, автобусное пекло.

О поэтической книге Фаины Гримберг «Любовная Андреева хрестоматия» пишет в «Знамени» (№ 7; **«Новизна узнаваемого»**) **Лазарь Шерешевский**. Это стихи лиро-эпического свойства. Их герой, Андрей Иванович, — «некий Вечный солдат, вне времени, вне географии» — «извечное проклятие мужской части человечества: муж, отец, брат, насильственно отторгнутый от нормальной жизни, из столетия в столетие шагающий в ряду таких же подневольных, плохо понимающих, зачем и ради чего им дали оружие и послали убивать и быть убитыми». О нем повествуют две женщины. «Торжествует женское начало! И женская любовь — во всех ее разновидностях — и к полу противоположному, и к нежно воспринимаемому своему же (о, Сапфо!). И все это вековечно...» Заканчивает Шерешевский так: Гримберг — поэт «дерзкий, не испытывающий пиетета ни к каким идолам, в том числе и литературным».

Самуил Лурье в статье **«Поэт Рыжий — синие облака»** (http://www.russ.ru/krug/20030721_sl.html) фиксирует, что Борис Рыжий настойчиво учился собственной речи, ...научился — но в диапазоне одной-единственной темы; и эта тема задушила его, точней — удавила, — «полагаю, из ревности». В какой-то момент жизнь разорвалась, и он, выпав из действия, застрял в первой части; «"взрослое" равнялось для него абсурдному и пошлому, наводя паническую тоску», он предпочел «роль подростка в анабиозе», «эмигрировал из одиночества — в отрочество» и «думал о себе с тоскливой нежностью, как об умершем младшем брате». «Наверное, что-то значит и может быть поучительно истолковано — что самый талантливый (из известных нам) человек именно этого поколения (первого свободного и все такое) не справился с жизнью и покинул ее». Заканчивает Лурье таким соображением: «Теперь имеет значение только одно: что некоторые стихотворения Бориса Рыжего стоят нашей любви».

Олег Дарк в статье **«В сторону мертвых (между Смеляковым и Сапгиром)»** из цикла «Венок портретов современной русской поэзии» (http://www.russ.ru/krug/20030714_od.html) демифологизирует поэтическую личность Бориса Слуцкого. «У поэта, с такой живостью различавшего, глядя под ноги <...> безосновность, беспочвенность существования, гражданское сопротивление, которое на что-то должно опираться, невозможно». Представления Слуцкого подрывают любую общественность, не обязательно советскую. Эта безосновность, беспочвенность, буквально — дыра, в которую мы медленно и верно сползаем... «После Слуцкого», как и «после Г. Иванова», читать таких мастеров, как Бродский или Набоков, сложно. Преследует мысль: здесь слишком много слов.

Из Кельна **Гасан Гусейнов** в статье **«В подкладке — шелковая нить»** («Новый мир», № 7) пишет о книге умершего в 1999 г. поэта Виталия Славутинского «Проснуться в детстве», а больше — о нем самом. Маленькая книжка

«будет со временем одним из ценных источников по истории поколения». В ней отразился «жизненный график одного из самых унылых поколений советских людей — ...тех, чье раннее детство <...> пришлось на хрущевскую оттепель, а взросление совпало с заморозками...». Сын советского публициста, выпускник Московского университета и начинающий журналист, Славутинский должен был делать карьеру, печататься, искать путей к успеху, а вместо этого захотел «полюбить свою судьбу» и уехал в деревню. Упрямый еврей-диссидент, правнук русского дворянина и писателя, хотел «прописаться в народе». По Гусейнову, трудно найти честный ответ на вопрос: что же в биографии поэта было самообманом, а что — реальностью: настоящая, ясная и простая жизнь селянина — с живыми телятами, живыми горланящими пропойцами, с брошенными и горящими деревнями, где память о нем проплыла пером по воде, — или его принадлежность к суете столицы, не доведенный до конца спор с павшим духом, но — все-таки своим по воспитанию и опыту поколением и кругом? В новые времена Славутинский «сохранил абсолютную неспособность лицемерить и — с нею вместе — редкую способность признать, что не понимает смысла того, что происходит в России». Он из последних сил держится за «искренность в литературе».

ЭССЕИСТИКА

Андрей Немзер 16 сентября пишет о книге Олега Павлова «Русский человек в XX веке» (**«Зачинайся, русский бред»**). Павлов задается вопросом о том, что же произошло с русским человеком в минувшем столетии. Один из ответов — это утрата чувства дома, а заодно и всякой уверенности в себе и мире. Поэтому сквозными героями Павлова становятся люди бездомные — бомжи, солдаты, пациенты типовой постсоветской больницы, заключенные. Поэтому так дорог Павлову Солженицын, разглядевший в Иване Денисовиче «простодушную любовь к родине». Отдельно сказано у Немзера о книгах Майи Туровской и Владимира Топорова.

О переписке псковского критика Валентина Курбатова с Виктором Астафьевым размышляет **Лев Аннинский** («Нева», № 7) в статье **«На краю отечества»**. Почему, задается он вопросом, именно в частном письме, не предназначенном для общественного оглашения, слово вытачивается именно так, как нужно? Ведь отражает оно вроде бы мгновенное и часто «нечаянное» состояние души... Здесь, в этой переписке, два «русских мальчика» ведут «русский спор», вечный, как Россия, замечает Аннинский, — разве что Астафьев на Отечественную войну старше. И хотят они главного: найти что-то прочное, надежное в хлябающем пространстве. Астафьев упирается в отрицание, в ненависть к коммуно-большевикам, а Курбатов возводит очи горе...

Проанализировать собственный путь в литературе **решила Нина Катерли** в статье **«Почему я больше не пишу фантастику?»** («Нева», № 8). Ведь давний дебют писательницы был ярким — представила она полуфантастические-полуреалистические рассказы. Сегодня, оглядываясь назад, писательница видит разные периоды своей творческой жизни: и полуотроческий-полудетский, когда хотелось посмотреть на себя со стороны, и сугубо реалистический, когда интересно было исследовать судьбы людей, их психологию. А теперь и от реалисти-

ческой прозы она устала, — все больше тянет ее к публицистике, в которой можно открыто и ясно рассказать, о чем угодно.

КРИТИКА О КРИТИКЕ

Разговоров о критике, как никогда, много. Качество их не всегда удовлетворяет. В «Литературной газете» развернулась дискуссия под красноречивым слоганом «Критика: самоубийство жанра». Открывший ее **Павел Басинский** (№ 28) уличил коллег в невнимании к литературе (исключением оказался разве что А. Немзер), но обвинил и власти («Русскую критику съел Чубайс» — ни больше ни меньше). Но дальше обсуждение не задалось. И одна из главных, наверное, причин — неучастие в дискуссии тех, кто сегодня реально более или менее регулярно и более или менее интересно пишет о текущей словесности. Молчат и прозаики-поэты — реальные величины в литературном процессе. Характерно, что следом за Басинским свое слово вознамерился сказать одиозный **Лев Пирогов**, исправно поддерживающий имидж литературной шпаны (№ 29). Как обычно, мы поимели эпатажные глупости. В дискуссии отметились также **И. Ростовцева** (№ 30), **А. Шорохов** (№ 32), **А. Столяров** (№ 33), **А. Балакин** (№ 34), **В. Куприянов** (№ 35), **П. Ульяшов** и **С. Кладо** (№ 36), **В. Топоров** (№ 37), **Н. Переяслов** (№ 38). Дискуссия продолжается.

О книге Андрея Немзера «Замечательное десятилетие русской литературы» в «Круге чтения» РЖ более чем приязненно написали **Никита Елисеев** (**«Заметки краем»**: http://www.russ.ru/krug/kniga/20030704_ne.html) и **Михаил Эдельштейн** (**«Какое, милые, у нас десятилетье на дворе?»**: http://www.russ.ru/krug/kniga/20030704_me.html). По Елисееву, главный враг Немзера — Розанов: «Не свобода, но воля; впрочем, не степь, X век, но диван, книжка, соленья, варенья, халат, безответственная духовность. Гордость своим обормотством: не шапками закидаем, а слюнями заплюем». Далее: пафос Немзера, пишет Елисеев, удивителен для современного серьезного критика. «Серьезные критики не могут не признать, что как-то... хреновато у нас с литературкой-то. Не то, чтобы совсем ее нет, но, в общем-то, больная скорее мертва, чем жива». А вот Немзер полагает: неприлично порядочному человеку быть пессимистом. Непорядочно ругать то дело, которое ты делаешь.

Эдельштейн же начинает с того, что фиксирует: Немзер горяч, пристрастен, неистов — что угодно, но уж никак не объективен. Кого он полюбил, того не выпустит из объятий, кто не приглянулся, тому вовек не подпасть под амнистию. Его позиция — где-то между методом и любовью. Для Немзера главная ценность — не отдельные, пусть даже глубоко симпатичные ему произведения, а литература как живой организм. Немзер не только критик, он еще и любящий литературу читатель. А таковых в критическом цехе осталось не так уж много. Главными слагаемыми успешности его проекта стали историческая интуиция и фантастическая работоспособность. Литературе нужен был человек, готовый отождествить себя с ней, зажить одной с ней жизнью. Она соскучилась по тому, кто поклянется не покидать пределов литпроцесса и не брезговать черновой работой. И муравей литпроцесса оказался его вожатым. Рядовой обернулся генералом. По мнению Эдельштейна, репутация Немзера как центральной фигуры русской критики 90-х сложилась к концу «замечательно-

го десятилетия» из газетной рутины. Журнальные статьи, подтверждая филологический класс, мало что к репутации добавляли. Литературный процесс построен Немзером в соответствии с его вкусами... Социальный темперамент в работах Немзера ощущался всегда. У него литература часто становится не целью, а средством. Средством утверждения «новой социальности». Немзер — исторический оптимист. Для него не подлежат сомнению разумность всего сущего, разумность истории, и истории литературы в том числе. Собственно, вся его деятельность — это борьба за то, чтобы такое умонастроение стало определяющим в обществе.

Михаил Эдельштейн продолжает вести и рубрику **«Это критика»** в «Круге чтения» «Русского журнала», где представляет чернорабочих наших дней. В 12 выпуске Эдельштейн портретирует Дмитрия Бавильского (http://www.russ.ru/krug/20030815_krit.html). Этот критик ни к какому лагерю не примыкает, существует где-то между. Для молодых слишком консервативен в своих представлениях о литературе, для «старшаков» — чересчур радикален во вкусах и непривычен по манере письма. Ругается словами «постмодернизм» и «симулякр», говорит о выстраданности текста и его экзистенциальной подтвержденности, при этом требует признать великими русскими писателями Владимира Сорокина, Виктора Пелевина и Пелагею Фандорину. По Эдельштейну, Бавильский — типичный толстожурнальный обозреватель, неожиданно возникший в потерянном, казалось бы, для нормальной критики поколении нынешних тридцатилетних. Бавильский — едва ли не единственный в своей генерации человек, способный на жертвенное служение не себе, а литературе. Десять лет он героически строит свою модель литературного процесса. Строит в «Сегодня», в «Литературке», в «Независимой», в РЖ, в «Топосе». Но Бавильскому почти никто не верит. Не совпадает в глазах «знаточеской среды» его модель литературного процесса с реальностью — и все тут.

В 13 выпуске публикуются интервью **Эдельштейна** с Дмитрием Баком и, как водится, интересное послесловие самого Эдельштейна (http://www.russ.ru/krug/20030904_krit.html). Бак записан в приверженцы criticism'а — т.е. критической стратегии, построенной на понимании критики как «движущегося литературоведения». Символ холодного академизма. Его естественная площадка — НЛО или «Критическая масса». Бак ближе к М. Липовецкому, И. Кукулину, Д. Кузьмину. Выражение личного отношения к предмету разговора в его тексте воспринимается как нечто рудиментарное, случайно доставшееся по наследству от дальнего родственника и до сих пор до конца не изжитое. В результате получается статья — хоть сейчас в университетские «Ученые записки». Criticism сейчас — не просто перспективное критическое направление, но и интеллектуальная мода. Соответственно, упражняются в этом виде спорта у нас по преимуществу не университетские профессора, а обозреватели продвинутых журналов. В роли русского поля экспериментов, на котором отрабатываются новые подходы, у них выступает собственная литтусовка. Более того, весь смысл русского criticism'а как раз и состоит в раскрутке нескольких, частично пересекающихся по составу тусовок. В итоге мы получили экспортный вариант пиар-критики. Бак представляет другой вариант criticism'а, более аутентичный, что ли. Его тексты не предполагают никаких оргвыводов — редкий случай в со-

временной русской критике вообще. Счастливый человек, он не хочет строить процессы, раскручивать и пиарить. Ему и впрямь важно только мнение свое высказать и аргументировать, а потом обратно в архив. Основная интенция Бака-критика — объяснить читателю, как сделана та или иная шинель. И он распускает ее по ниточке, а потом сшивает заново. От анализа к синтезу. От морфологов к Бахтину. Не забывая попутно эксплицировать собственные методологические основания. Criticism как он есть.

В 10 выпуске предмет внимания — Александр Архангельский (http://www.russ.ru/krug/20030718_krit.html). Архангельский ушел в публицистику в конце 90-х гг. Проявлял он себя и как критик-газетчик. В авторской рубрике Архангельского читатель может познакомиться с портретами современных писателей и поэтов. Впервые литературный материал появляется в политической газете без всякой специальной привязки к тому или иному информационному поводу. В материалах рубрики довольно быстро проявилась еще одна важная тенденция сегодняшней газетной критики — резкое повышение удельного веса в ней пиар-составляющей. Позиция Архангельского — это позиция либерала-моралиста. Или моралиста-либерала — когда как. Далее Эдельштейн высказывает мысли сомнительные, едва ли не наивные, хотя и с претензией на взвешенность и чуть ли не мудрость. Ему не нравится морализм и социальные обременения, которые накладывает Архангельский на литературу: «Цель искусства видится Архангельскому в формировании определенных «культурных, цивилизационных установок» и «пропаганде ценностей, способных связать нашу культурную традицию с реалиями наступающей эпохи». Культура для него — «тигель, в котором переплавляются ключевые идеи, которые окрашивают настоящее и формируют будущее». Но если мы примем эти определения, то неизбежно придем к той же «духовке», от которой сам Архангельский и отталкивается. И вдобавок приведем пополнение в ряды младоэстетов, поклонников Проханова-Сорокина-Лимонова, потому что их позиция является в значительной степени результатом аллергии на формулу «Поэт в России больше, чем поэт»». Прочтение художественного текста как социального — соблазн. Такой подход позволяет уравнять мастеровитую поделку с подлинным шедевром.

В 11 выпуске речь идет о Андрее Арьеве (http://www.russ.ru/krug/20030731_krit.html). Литпроцесс он не отслеживает, мест не распределяет, иерархий не создает. Он скорее эссеист. Слово «эссе» прочно ассоциируется с авторским произволом, с необязательностью, с интеллектуальным жульничеством. Арьев — один из немногих, кто использует возможности жанра по прямому назначению, для снятия условности языка — критического, литературоведческого — при сохранении филологического уровня.

Обзор подготовили Евгений Ермолин («Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Москва», «Правое дело», Сеть), Мария Ремизова («Дружба народов», «Октябрь», «Урал»), Евгения Щеглова («Звезда», «Нева»)

Маргарита МИКАЭЛЯН

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

К 45-летию постановки спектакля

Странички воспоминаний

Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели.
Но петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.

Евгений Шварц

— Кто поставил эту пьесу? Кто разрешил?! Кто вы такие?!! — кричал разъяренный министр культуры Михайлов...

* * *

А начиналось это в 1959 году так.

Я вылетела пулей из здания МХАТа, где размещался в одной комнате театр «Современник». Только что Олег Ефремов предложил мне поставить спектакль:

— Ну, найди какую-нибудь сказочку.

В воздухе чувствовалось приближение весны, снег стаял, и солнце уже слегка припекало. Казалось, что никто никуда не торопится. И только я, как безумная, мчалась в сторону площади Пушкина, в ВТО и там, в ресторане, разыскала Семена Дрейдена, друга Евгения Шварца и знатока его творчества. Он сидел за столиком, накрытым серой замызганной скатертью, один, обложенный кипой книг, и вкушал завтрак. Из-за бархатной занавески выплыл официант, шмякнул на его стол тарелку с фирменной закуской — красной маринованной капустой — и вяло удалился. Мой взъерошенный вид нисколько не нарушил покоя Дрейдена.

— У Шварца, — запыхавшись начала я, — есть пьеса, которую никогда никто не ставил?

Маргарита МИКАЭЛЯН — родилась в Москве. Окончила режиссерский факультет ГИТИСа им. А.В.Луначарского. Несколько лет проработала на периферии, затем — штатным режиссером театра «Современник» (постановщик спектакля «Голый король»), театра Сатиры (спектакли «Малыш и Карлсон», «Пеппи Длинныйчулок» и др.), кинорежиссер — в том числе постановщик фильмов по пьесам А.Н.Островского «Красавец мужчина» и «Вакансия» («Доходное место»). Живет в Москве.

Он не торопился. Сделал глоток воды, вытер рот мятой салфеткой и, выдержав солидную паузу, сказал:

— Есть.

Я замерла в ожидании.

— «Голый король».

* * *

— Ты понимаешь, что там написано?!.

На коммунальной кухне Майя жарит печенку, протыкая куски большим кухонным ножом. Печенка пузырится каплями крови.

Моя дорогая подруга Майя Туровская всегда поражает меня блеском ума и необыкновенной интуицией. И своим спокойствием. Но сегодня она на себя не похожа.

Она только что прочла «Голого короля».

На кухне пахнет горелым — про печенку давно забыли.

— Ты понимаешь, о чем тут речь?..

Что за вопрос! Ну, конечно же, понимаю. Я тоже была потрясена, прочитав эту пьесу, которая пролежала молча тридцать лет. Но сейчас наступило ее время, и сегодня она необходима, как воздух. Своей правдой о времени, в котором мы живем.

Олег, прочитав пьесу, отреагировал на нее спокойно, даже равнодушно.

— Ну, сказочка как сказочка, ставь.

* * *

В спектакле «Голый король» была занята почти вся труппа театра. Но, конечно же, самый большой успех имел Евгений Евстигнеев в роли Короля.

Долгие годы мы очень любили короля Эраста Гарина из фильма «Золушка» — наивного, простодушного. Но все-таки это был король кукольный, из далекой милой сказки.

Евстигнеев играл современного Короля, главу государства. Не упоенного властью, чванливого, а совсем не похожего на короля — «своего в доску», середнячка, разве что в мантии и с короной на голове. Корону носил небрежно, лихо сдвинув набекрень, как кепку, мантия скорее была похожа на махровое банное полотенце, небрежно перекинутое через плечо.

Как он сел на трон, тоже понятно. Ну какая там родословная! Подделал документы, подкупил, выскочил случайно. Двинули в Короли, потому что был на тот час всем удобен.

Да вот и его собственное признание:

«Ни на какое другое место, кроме королевского, я совершенно не годен. Мне и на королевском месте вечно чего-то не хватает, я всегда сержусь, а на любом другом я был бы просто страшен».

Понятно, что сразу же встал перед ним и роковой вопрос: как удержать власть?

Среди прочих установок одной из главных была давняя мудрость:

«Пышность — великая основа трона».

А потому один только обеденный наряд Короля числился за номером 8498/002.

Но вот тут-то и подловили Короля ткачи, раздев его догола...

«Это ужасно! Это ужасно! — вопил в панике Первый министр. — ***Вся наша национальная система, все традиции держатся на непоколебимых дураках. Что будет, если они дрогнут при виде нагого государя? Поколеблются устои, затрещат стены, дым пойдет над государством!»***

Кстати, — не эта ли традиция, крепко въевшаяся и сохранившаяся до наших дней, подвела и нашего бывшего Генерального Прокурора с его знаменитыми тринадцатью костюмами? Раздели его, правда, не ткачи, но все равно похоже...

* * *

Шварц написал современную пьесу о власти.

Трудно представить, что написана она была в 1930-м году. Но легко понять, почему впервые поставлена и напечатана — только через тридцать лет,в1960-м.

В своих дневниках Шварц писал: «Любовь любовью, жизнь жизнью, но каждый миг пропитан ужасом и угрозой позора».

Я убеждена, что если бы эта пьеса попала в руки тогдашней власти, автора бы не пощадили.

Ничего себе сказочка! Сколько в ней едких аллюзий, гротеска, сарказма, горького юмора! Особый юмор, присущий только Шварцу. Для себя он определил природу его так:

«Русский юмор — не юмор положения, каламбура. Он в отчаянном нарушении законов логики и рассудка».

Этим точно найденным словом ***«отчаянном»*** — сказано все!

Театр Шварца не имеет аналога. И нет ему равных у нас и по сей день.

Перед эвакуацией из блокадного Ленинграда Шварц сжег все свои дневники. И, к сожалению, можно только догадываться, почему он именно в то страшное время, в 1934 году, решился написать «Голого короля». Ведь он прекрасно понимал, что очень и очень долго эта пьеса не будет поставлена. Но все равно писал. Писал хотя бы в стол, но не мог не писать, не мог молчать.

«Я пишу не для печати, не для близких, не для потомства — и все же рассказываю кому-то и стараюсь, чтобы меня поняли эти неведомые читатели» (Дневники 1951 года).

Неведомые читатели, зрители — это мы. Все, что у нас наболело к нашим шестидесятым, совпало с увиденным и услышанным Шварцем в его тридцатые годы.

И зал, заполненный до отказа зрителем, был ошеломлен, услышав то, что он услышал. Вот, навскидку, хотя бы несколько наиболее памятных мест, неизменно взрывавших зал:

Принцесса. ***Здесь все это, ну, как его, мили... милитаризовано Все под барабан. Деревья в саду выстроены взводными колоннами. Птицы летают побатальонно. И кроме того, эти ужасные, освященные веками традиции, от которых уже совершенно нельзя жить Цветы в саду пудрят. Кошек бреют, оставляя только бакенбарды и кисточку на хвосте. И все это нельзя нарушить — иначе погибнет государство.***

Камердинер (тихо). ***Господа ткачи!.. Предупреждаю вас: ни слова о наших национальных, многовековых, освященных самим Создателем традициях. Наше***

*государство высшее в этом мире! Если вы будете сомневаться в этом, вас, невзирая на ваш возраст... (*шепчет что-то Христиану на ухо*).*

Христиан. *Не может быть!*

Камердинер. *Факт. Чтобы от вас не родились дети с наклонностями к критике.*

Король (Ученому). *Убью, как собаку! Говори короче!*

(Первому министру) *Возле самого трона человек, который не верит в чудеса? Да ты материалист! Да я тебя в подземелье! Нахал!*

(Министру нежных чувств) *Сейчас тебе покажу неприятную правду! Иди сюда, я тебя зарежу!*

(Придворным) *Всех переколю! Заточу! Стерилизую!*

Первый министр. *Ученый, к Государю! Смирно! Начали!*

Король. *Ну, придворный Ученый, валяйте! Говорите родословную принцессы, но короче.*

Ученый. *...Когда Адам*

Король. *Какой ужас! Принцесса еврейка?*

Ученый. *Что вы, Ваше Величество!*

Король. *Но ведь Адам был еврей?*

Ученый. *Это спорный вопрос Ваше Величество. У меня есть сведения, что он был караим.*

Король. *Ну то-то. Мне главное, чтобы принцесса была чистой крови. Это сейчас очень модно, а я франт... К делу, профессор, короче!*

Ученый. *Сначала о ее гербе.*

Король. *Я сам знаю, что такое герб, профессор!*

Ученый. *Герб.*

Король (замахивается кинжалом). *Убью, как собаку! Говори короче!*

Первый министр. *Ваше Величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь!*

Король (он очень доволен). *Ну-ну! Зачем, зачем!*

Первый министр. *Нет. Мне себя не перебороть... Простите мне мою разнузданность — вы великан! Светило!..*

* * *

Играть в пьесах Шварца — большая радость. Шварц в молодости был актером. И на своей «шкуре» понимал, какое мучение пребывать на сцене в плохо написанной роли. Редкий случай, когда драматург может еще и объяснить, как надо играть. Я имею в виду его ремарки.

Пьеса буквально напичкана ими. Драматург точно знает, кто и как должен говорить: повар — свистящим шепотом, камердинер — рычать (автор просит его об этом семь раз), король-отец — злобно шипеть, принужденно улыбаясь, король-жених — сомнамбулическим, горловым тенором или издавая странный звук, похожий на икание. Мало того, автор знает, как надо приближаться к Его Величеству: ткачам — галопом, Первому министру — подбегать, Шуту — вприпрыжку, Поэту — бегом, Генералу — рысью.

Особое внимание он уделяет Королю.

«С момента появления Принцессы Король начинает вести себя загадочно. Его лицо выражает растерянность. Он говорит глухо, как бы загипнотизированный. Смотрит на Принцессу, нагнув голову, как бык».

И тут уже Шварц не только драматург, но и режиссер!

* * *

На спектакле «Голый король» состоялась встреча двух уникальных актеров: Евгения Шварца и Евгения Евстигнеева. Шварц, когда писал пьесы, проигрывал все роли в них. Евстигнеев, обладая в жизни абсолютным слухом, в молодости играл в кинотеатре перед сеансами в джазовом ансамбле ударником. А на гитаре — даже Листа. Повзрослев, в разгар веселья, среди друзей, лихо отстукивал ритм по столу, по чемоданам — чем придется: ложками, вилками, ножами!

Женя точно уловил, услышал, как мог бы сыграть Шварц роль Короля. Они поняли и влюбились друг в друга. И прогремел выстрел, вспыхнул фейерверк! Я уверена, именно здесь — главная причина успеха спектакля.

* * *

До начала общих репетиций я встретилась с Женей, хотела разобрать вместе с ним роль Короля. Говорила я, он внимательно слушал, не проронив ни единого слова, в конце разговора буркнул — «понятно». И всё. Он не любил болтать, занимался на репетициях делом, работал, как работал слесарем у станка на заводе «Красная Этна». Демагогия — любимый предлог оттянуть время начала репетиций у бездарных актеров. А когда все-таки приходилось что-то говорить, он был косноязычен, его надо было понимать скорее по интонациям, междометиям: «ага», «ну», «ха». Долгое время на репетициях прислушивался, приглядывался — и вдруг прорыв, сцена играется в полную силу!

Вот ткачи позволяют себе посмеяться над тканями его гардероба. И через секунду он уже походит на торговку барахлом с Тишинского рынка. Жлобяра, готовый задушить, перегрызть горло за свой товар. И тут же, — как это только у него получается?! — «Я франт, птички?.. Одни мои брюки чего стоят!» Сделает ножкой этакое — элегантен, пластичен...

Кстати, о брюках. На примерке его театрального костюма я осторожно поинтересовалась, не слишком ли он обтягивает нижнюю часть своей фигуры. Ответил, как всегда, коротко: «Люблю по костям».

Работал легко, но «про себя», никому не навязываясь. И если быть честной, делал роль сам, опираясь исключительно на свою интуицию. Кто-то из умных критиков сказал: «Интуиция — непознаваемая логика чувств». Для меня он всегда был непредсказуем, неординарен и непознаваем. Одним словом —воистину самородок. Сейчас, после трагической и такой неожиданной смерти, его справедливо сравнивают с Михаилом Чеховым и даже с Чаплином. Зачем? Он всегда был самим собой, одним и тем же — каким был рожден от природы. Ни время, ни опыт не изменили его. Он был — Евгений Евстигнеев, — и этим все сказано.

* * *

Женя буквально упивался, играя эту роль. Король, хоть и окружил себя «своими», был умнее их всех. За видимой придурковатостью нет-нет и прогля-

дывала хитрая мужицкая смекалка. Вспышки гнева и проявление жестокости в характере Короля Женя играл легко, проходно, не педалируя. Зарезать мог любого, запросто. Возражений не терпел. Всего лишь один раз Первый министр осмелился возразить против ткани ткачей: ***«Я не верю в чудеса»***,— сказал он Королю. И ох как Король разгневался! Гнить Первому в подземелье! И гнить бы, если бы не выкрутился хитрец: ***«Я не верю в чудеса, говорит безумец в сердце своем. Это безумец не верит, а мы только чудом и держимся».***

Вряд ли кому-нибудь из актеров удалось бы переиграть в этой роли Евгения Евстигнеева.

На одном из спектаклей Женя сымпровизировал к общему восторгу такую сцену: пригласил Первого министра — его интересно играл Кваша — сесть рядом с собой на трон. Министр оторопел от ужаса. Сесть или не сесть? Ослушаешься, не сядешь, — разгневается, зарежет! Послушаешься, сядешь... и вдруг заденешь или невзначай толкнешь в бок?.. Эх, была не была!

Первый министр осторожно присаживается на краешек трона, но Женя не унимается, напяливает ему еще и корону на голову.

Первый министр совсем скукоживается. Сморчок какой-то, а не Министр. Но на удивление всем окружающим быстро осваивается — развалился на троне, да еще и обнял фамильярно Короля за плечи... Что это с ним? Впал в эйфорию? Потерял бдительность?..

Свита замерла в ожидании. А Женя напрягся и через секунду показал свои «кохти». Схватил Квашу за шкирку и дал ему пинка под зад, чтобы знал свое место. Правда, на лету успел содрать и напялить себе на голову корону. И только тогда успокоился.

* * *

У меня сохранилась юбилейная афиша трехсотого спектакля «Голый король», сыгранного 22 сентября 1966 года. Мне очень дорога надпись на ней:

«Дорогая Мара. Я тебе очень благодарен за все и очень ценю твое отношение ко мне. Спасибо.

Любящий тебя Е. Евстигнеев».

* * *

Когда я предложила Олегу на утверждение свое распределение ролей, он все принял без единого возражения, хотя там были и неожиданные назначения.

Принцесса — Нина Дорошина!

Эта круглолицая, со вздернутым носиком, очаровательная деревенская девчонка — и вдруг Принцесса? Мы привыкли к штампованным трактовкам этой роли: капризные, балованные, манерные. А тут современная, простая, такая же, как многие сидящие в зале, девчонка, которая отчаянно борется за свое счастье, за свою любовь и не даст себя в обиду.

Это не была Принцесса из какого-то далекого королевства, она была узнаваема залом, ей сопереживали, ее любили, за нее болели. Выглядела она очаровательно: пышная копна волос, изумительная фигура, большие наивные глаза.

Ох, скольких зрителей она покорила! Да что зрителей. Мой четырехлетний сын Саша пережил серьезное потрясение при встрече с ней. Я имела неосто-

рожность повести его на спектакль. В этот же вечер многие актеры нагрянули в наш дом «на огонек». Гости засиделись допоздна, а Нина осталась у нас переночевать. Утром я застала сына у ее кровати, он не мог поверить своим глазам:

— Мама, посмотри, у нас спит настоящая принцесса. Чем же мы будем ее кормить?

— Ну, чем-нибудь накормим.

— А где же мы найдем ей папу Короля?

— Вот это я тебе найти не обещаю.

— Ладно, — сказал он, обреченно махнув рукой, — если никого нет, я буду Королем...

* * *

Роль Поэта получил актер Петр Щербаков. Вместо изломанного, тонкого служителя муз выходил грубый мужлан. Этакий «генерал от литературы». Поэт с большущими кулаками.

Служить во дворце поэту во все времена надо было уметь. Уметь выкручиваться, приспосабливаться, быть в курсе интриг, научиться врать, это обязательно, а главное — от этого не мучиться.

Поэт Щербакова все это умел. Мало того — хорошо знал, что не стихи нынче нужны Королю, приветственные речи ему подавай. И все равно в любой момент мог схлопотать. Да еще при всей свите:

«Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете, что просить то дачу, то домик, то корову! Зачем, например, поэту корова? А как писать, так опоздал, не успел. Все вы такие»...

* * *

— Михаил Аркадьевич, как же вы будете писать тексты песен? Вы же не читали пьесу?

— А ты, старуха, рассказывай и показывай мне, кто и где должен петь. Я соображу.

До чего же мне симпатично его слегка раскатистое, картавое «р»!

Я сижу в мансарде туберкулезного санатория, передо мной поэт Михаил Светлов. В руке у него ручка с обыкновенным пером, на столе чернильница «неразливайка». Михаил Аркадьевич согласился написать тексты песен для спектакля «Голый король».

Долго я умоляла его жену, красавицу Радам, разрешить мне не дожидаться приезда Михаила Аркадьевича, а поехать к нему на электричке в санаторий. Она сидит в холле, терпеливо ждет окончания нашей работы. Я же вскарабкалась в мансарду, маленькую палату на двоих, и не нарадуюсь встрече с ним.

Более трех часов я изгаляюсь, проигрываю сцены из пьесы, Михаил Аркадьевич, как и обещал, соображает. Да еще как!

Тексты сыплются как из рога изобилия. И с абсолютно точным попаданием в суть характера персонажей.

Вот Свинопаса разлучают с любимой Принцессой:

Я свинопас совсем простой,
А он король — папаша твой!

Как тяжело любить принцесс,
Какой мучительный процесс!

Казалось бы, ну не может Свинопас знать такие слова: «мучительный процесс». А вот и может! Талант Светлова не подчиняется никаким правилам логики, он создает свою логику. И ничего с этим не поделаешь. Нам надо только радоваться, что она есть.

Первый министр двадцать лет служит при всех режимах власти. Лесть, лесть, лесть! Никто не может устоять перед ней:

«Вы, Ваше Величество, приказали, чтобы придворный ученый составил, извините, родословную Принцессы. Простите меня за прямоту — это была удивительная мысль.

Ох, Король!* (грозит пальцем). *Ох, умница!»

Михаил Аркадьевич задумывается. В его глазах появляется хитринка. И опять это мое любимое раскатистое «р»:

— Нет, старуха, это никто не пропустит. Ну, смотри!

«Ох, сукин сын, ох, сволочь до чего ж!..»

Тут же, однако, Михаил Аркадьевич поправляет себя. Нет, это, пожалуй, грубо. Лучше так:

Ах, сукин сын, ах умница.
Ах, умница. Ах, умница!
Ах, сукин сын, ах умница.
Ах, умница, подлец!
Гений! Гений! Гений!
Пойми же, наконец!

Когда Михаил Аркадьевич благополучно вернулся из санатория в Москву, нужны были поправки, дополнения да и кое-какие новые тексты, и работу пришлось продолжить. Но приходила я к нему не домой, а в ресторан «Метрополь». Он любил сидеть там подолгу — один, тихо, в уголочке. Относились к нему все с особой нежностью, заботой. Обычно он угощал меня фирменным десертом — горящим мороженым. На большом металлическом блюде приносили гору из разных сортов мороженого, обложенного безе, обливали коньяком и поджигали.

И опять я рассказываю, показываю... А он пишет, но уже на тонких бумажных салфетках. Бумага со временем истлела, и от его записей, к сожалению, ничего не осталось. С трудом слепила из кусочков только одну из них. На ней были накарябаны куплеты Короля — после того, как он впервые увидел Принцессу и влюбился в нее по уши, несмотря на доклады придворных, что она «не чистокровного происхождения», а «полукровка».

Король. ***Я влюбился! Она чудная! Женюсь! Да мне наплевать на ее происхождение! Я все законы переменю! Она хорошенькая!***

Как Аполлон, как херувим,
я буду в новенькой одежде.
А после свадьбы, чуть попозже,

Ты убедишься, видит Бог,
Что я и без одежды тоже
Не так уж плох, не так уж плох!..

На свадьбе Светлова во главе длинного стола с почетными гостями блистала красотой его невеста, грузинка Радам. Он сидел рядом невзрачный, с грустными еврейскими глазами и любовался ею. А в конце свадьбы печально произнес: «И зачем мне этот дворец!».

Михаил Аркадьевич, вы заблуждаетесь. Это вы чудо-дворец. И только в вашей оправе блистает красавица Радам.

* * *

Придумал декорации, одел и обул актеров ленинградский художник Валентин Доррер. Его эскизы я увидела на одной из московских выставок и сразу поняла, что именно он, и только он, должен работать над спектаклем. Я уговорила Олега срочно поехать в Ленинград и посмотреть его работы. Уговаривать Ефремова долго не пришлось, Олег всегда любил открывать новые имена и поддерживал любой поиск. Работы нам понравились. И он коротко мне сказал: «Приглашай».

Изящные, озорные, с тонким юмором декорации и костюмы Доррера точно попали в жанр пьесы.

Все вроде бы просто, но с какой выдумкой! Пузатые, обтянутые розовым атласом свинки пастуха. Два накладных круга вручную крутят Свинопас с другом. На одном против движения мчится Принцесса, а на другом ее преследует Камердинер (его блистательно сыграл Михаил Казаков), вот тебе и погоня!

В костюмах Доррер сумел сочетать сказочность Андерсена с линиями современной одежды. Смешно выглядели короны: никакой солидности, сделанные из папье-маше, грубо покрашенные под золото. Король сдвигал свою набок, а у Принцессы она торчала на затылке. В узкое, как горлышко бутылки, отверстие короны с трудом просовывали волосы Нины. А из-под них торчали кривые палочки, как козлиные рожки. На фрейлин, девочек-красоток из гарема Короля, Доррер натянул лосины, это подчеркивало привлекательные формы их бедер, ног, что было немаловажно для их дальнейшего продвижения по службе. Я помню, как не хватало денег, чтобы заказать новую обувь, и как мы радовались с директором театра, интеллигентным, умным Леонидом Эрманом, что всех обманули: пришили банты, брошки на старую потрепанную обувь из других спектаклей, и никто этого не заметил. Принцессу Доррер затянул в плотный корсет. Длинное светло-голубое в красный горошек платье спереди имело разрез до трусиков, прикрытых короткими панталонами с кружевами, что позволяло без труда разглядеть почти целиком ее изящные ножки. Сзади волочился длинный шлейф, отделанный все теми же, но густыми кружевами, а глубокое декольте довольно смело оголяло не только ее угловатые плечи, и вряд ли какая-нибудь из настоящих принцесс могла позволить себе в те времена такую вольность.

Но прекрасный наряд требовал от Нины немало жертв. С давних времен в корсет вставляли эластичный китовый ус, в советское время его быстро заменили на железные, жесткие, ржавевшие от времени пластинки. На одном из спектаклей Нина резко поднялась с постели, под матрас которой была поло-

жена знаменитая горошина, и едва успела надеть туфли на высоченных каблуках, как почувствовала невыносимую боль.... На ней была коротенькая прозрачная рубашка с вышитыми маленькими золотыми коронами, из-под которой выглядывали все те же кружевные панталоны. Одна из железок в корсете переломилась и врезалась ей в тело. Горячая кровь быстро растеклась, впитываясь в корсет, в одежду. До антракта далеко, а сейчас во что бы то ни стало надо доиграть сцену. Доиграла! В театре существует неписаный закон: что бы ни случилось, актер не должен уходить со сцены. Шрам остался, но он, по признанию Нины, напоминает о самых счастливых днях в ее жизни.

Актеры — фанаты своей профессии. Они готовы пожертвовать буквально всем, только бы не потерять роль. Сколько актрис приходили ко мне за советом: сохранить роль или ребенка! Ответ мой был всегда один: главная роль в твоей жизни — ребенок, все остальное вторично. Горько вспоминать, как мало из них прислушивались к моим словам.

Обольстительное декольте, так дерзко придуманное Доррером, сыграло с Ниной забавную шутку. На спектакле со свойственным ей темпераментом она не обращала никакого внимания на то, что у нее частенько выпадает грудь из этого самого декольте. Нина возвращала ее на место, ничуть не смущаясь — непринужденно и даже с каким-то изяществом. А в зале смотрела спектакль Фаина Георгиевна Раневская. Она терпеливо дождалась паузы на сцене и на весь зал громовым голосом оповестила: «Дорохина разнуздалась». Зал разразился хохотом, аплодисментами, зрители приняли реплику любимой актрисы за репризу. Фаина Георгиевна в знак протеста, чтобы подчеркнуть свое возмущение, специально изменила «Дорошину» на «Дорохину». Ей не понравилось, что Нина слишком уж вольно ведет себя на сцене, а художник посмел предоставить ей эту возможность. Доррер был счастливой находкой для спектакля и, конечно, не мог предвидеть бурной реакции великой актрисы.

* * *

А на одном из премьерных спектаклей в Ленинграде со мной произошел трагикомичный случай. Галя Волчек потеряла голос. Не отменять же спектакль, и выручать пришлось мне. Я сыграла за нее роль Первой Фрейлины, королевской любовницы со стажем, старейшины целого гарема, энергичной женщины с басом.

До спектакля думала, что все помню, но когда вышла на сцену, то...

Текст сцены у Шварца следующий:

Король (игриво). ***Что вы видели во сне, резвунья?***

Первая Фрейлина. ***Вас, Ваше Величество.***

Король. ***Меня? Молодец! Изъявляю Вам свое благоволение. В каком вы чине?***

Первая Фрейлина. ***Полковника, Ваше Величество.***

Король. ***Произвожу вас в генералы.***

Первая Фрейлина. ***Покорно благодарю, Ваше Величество.***

Король. ***Вы заслужили это. Вот уж тридцать лет, как вы у меня первая красавица. Каждую ночь вы меня, только меня видите во сне. Вы моя птичка, генерал!***

Что же увидели зрители?

Король (игриво). ***Что вы видели во сне, резвунья?***

Какая там резвунья, стою, окаменевшая от страха, и молчу, Женя вынужден сказать текст за меня.

Король. ***Меня? Молодец!.. В каком вы чине?***

Какое счастье! Кажется, вспомнила!

Первая Фрейлина (уверенно, громко). ***Генерал.***

Свита в смятении.

Король (растерянно). ***Разве? С утра вы были еще полковником, шалунья?***

Лечу в пропасть, за собой тащу Женю.

Первая Фрейлина (уклончиво). ***Да, была, нет не была.***

Свита замирает. Все с надеждой смотрят на Женю. Он тянет время, медленно подходит ко мне, обнимает. Аж ребра трещат!

Король (с угрозой). ***Произвожу вас во второй раз в Генералы, моя птичка!***

Из подтекста явственно следует: если еще раз забудешь, кто ты есть на самом деле, разжалую в рядовые, безмозглая курица!

Свита аплодирует, всеобщее облегчение.

Ну, думаю, все обошлось, хотя курица не птица, а уж тем более не птичка!

Первая Фрейлина (с подъемом). ***Большое спасибо, Ваше Превосходительство!***

Эка куда меня занесло!

Свита отворачивается, еле сдерживая смех. Женя с трудом приходит в себя. Конец сцены играть воздерживается. Опасно. Не знает, на что нарвется, но успевает прошептать мне на ухо: «Молодец, так держать».

Этот спектакль смотрел главный режиссер Ленинградского Театра Комедии Николай Акимов. «Что за актриса? — спросил он про меня. — Она мне понравилась!» Кто бы мог подумать?! Поистине, фантазии режиссеров безграничны!

* * *

Роли в пьесе удивительным образом «легли» на актеров труппы. Трудно сказать, кто лучше играл, каждый был хорош по-своему. Козаков, Сергачев, Дорошина, Любшин, Кваша, Щербаков, Паулус и другие. До сих пор не могу понять, почему Табаков был назначен на два малюсеньких эпизода — ведь он мог, и еще как, сыграть любую роль. Но и здесь, на столь узком пространстве, сумел блеснуть. Запуганный, гундосый, простуженный, дрожащий Повар с коллекцией чихов и трогательный интеллигентный Дирижер с маленьким узелком под пюпитром на случай ареста. И еще озвучил медный котелок, обтянутый ослиной кожей, с колокольчиками на кривых ржавых проволочках. Эта «железяка» сразу ожила, обрела свой характер, обаяла, заворожила публику.

* * *

...И вот Шварц, Светлов, Доррер и молодые, талантливые, полные сил и энергии актеры (в дальнейшем они почти все стали звездами) ринулись в работу. Но, прежде чем приступить к ней, надо было получить разрешение на постановку в Министерстве культуры СССР, ведь пьеса никогда и никем не была ни напечатана, ни поставлена.

Разрешение я получила. Но с каким условием! Крупный министерский чиновник Покаржевский, от которого все зависело, перестраховался. Долгие годы службы в аппарате сделали свое дело: «Прежде чем перейти на сцену, показать представителям Министерства прогон спектакля».

Крепко прижав пьесу к груди, я мчалась из Министерства в театр. Боялась: а вдруг передумает!

На следующее утро на доске расписаний была вывешена первая репетиция.

11 часов.
«ГОЛЫЙ КОРОЛЬ»
Вызываются все, занятые в спектакле.

* * *

В период подготовки к репетициям и во время самой работы я все время торопилась. Скорее выпустить спектакль! Меня как будто кто-то толкал в спину. Ночью неслась в «Стреле» в Ленинград к Дорреру, на следующий день — в электричке в больницу к Светлову. У меня появилась неведомая мне до сих пор ответственность за рождение пьесы на сцене театра. И больше я ни о чем не могла думать.

Сам процесс работы с актерами над спектаклем был для меня непростым. Школа-студия МХАТа считалась в Москве элитной. Я же кончила режиссерский факультет ГИТИСа — хотя и под руководством таких великолепных мастеров, как А. Д. Попов, М. О. Кнебель, а последняя, как известно, была любимой ученицей самого К. С. Станиславского. После работы на периферии — в Саратове, Горьком, Ташкенте, где мною было поставлено около десяти спектаклей, я имела уже и опыт. Но он был совсем другим.

С чем я столкнулась, работая в этом театре, самим именем своим претендующем на современность?

Позиция театра была твердо выражена: «Современник» — театр актерский. Актеры молодые, интеллигентные, яркие индивидуальности, с четкой гражданской позицией, жаждущие создать на сцене живого человека. Это было новое поколение актеров. И они развернули пьесу в наше время. Иначе играть ее не могли, просто не умели.

В то время в «Современнике» царила особая атмосфера студийности, и она выражалась, в частности, в готовности каждого безотказно делать все, что нужно театру. Мыть полы — пожалуйста, играть в массовке — пожалуйста. Все для театра. На меня тоже была возложена студийная обязанность. Я была завлитом. В углу комнаты стоял сундук, в него я складывала пьесы. Это и была вся литературная часть.

Да, это был самый замечательный период существования театра-студии. Больше я с такой атмосферой, к глубокому моему сожалению, не встречалась никогда и нигде. Тогда вряд ли кто-нибудь другой, кроме Олега, мог полностью удовлетворить студийцев в работе. Они были преданными учениками и буквально боготворили своего учителя...

Но после смерти Олега на предложение драматурга Виктора Розова назвать театр именем Олега Ефремова никто не отреагировал. Да и его желание,

задолго до смерти, восстановить самому любимые им спектакли «Назначение» Александра Володина и «Традиционный сбор» Виктора Розова не по его вине тоже так и не осуществилось.

За год до постановки «Голого короля» я принесла в театр инсценировку «Продолжения легенды» Анатолия Кузнецова. В то время «Современник» искал пьесу для новой работы. Худсовет заинтересовала повесть Кузнецова, и Олег предложил мне совместную с ним постановку. Спектакль имел успех. После премьеры единогласным решением Худсовета я была принята в штат театра «Современник», и сразу же последовало от Олега еще одно предложение: найти пьесу для следующей, уже самостоятельной работы.

Обещание, данное Покаржевскому, я выполнила — показала работникам Министерства прогон спектакля. Театр «Современник» тогда не имел помещения и располагался в большой комнате бывшего парткома МХАТа. Спектакль посмотрели и мои друзья, театральные критики. Но самым главным зрителем был Олег Ефремов. Первый раз он смотрел всю работу целиком.

С прогона первые зрители вышли не на шутку взволнованными. Обсуждения как такового не было. Разрешение на дальнейшую работу от Министерства культуры мы получили без единого замечания. Каким образом нам удалось усыпить бдительность чиновников, непонятно. Наверное, Шварц «оттуда» все-таки нам помогал.

Но вот после спектакля собрались все занятые актеры, Олег и я. И — долгая мучительная пауза... Сразу сгустилась какая-то напряженная атмосфера. Первым поднялся Кваша. Он заявил, что в спектакль должен вмешаться Ефремов, что его, Квашу, не устраивает моя работа. Не помню, кто еще его поддержал, но были и такие. К счастью, мнения разделились. Спасибо Олегу Табакову. Он выступил последним и категорически возразил Кваше. Я запомнила его выступление дословно:

— Я работой доволен. Считаю, что спектакль получается. Микаэлян не нуждается в помощи. Выпускать спектакль она должна одна.

Показ перевернул представление Олега о пьесе, он понял, что это не какая-то там сказочка, а современная пьеса, острая сатира на власть.

* * *

Премьера «Голого короля» состоялась в Ленинграде. И сразу же поползли слухи, приписывавшие успех спектакля Олегу Ефремову. Но ведь он был художественным руководителем театра, и, наверное, в его прямые обязанности входило подставить плечо, помочь в выпуске. В дальнейшем он не раз это делал и, когда считал нужным, ставил свою фамилию на афишах многих спектаклей.

Олегу ничего не стоило поставить свою фамилию и на афише «Голого короля», но он этого не сделал. На эту тему у нас с ним и разговора не было. Может, струсил? Хотел спрятаться за мою спину? Да никогда! Он был смелым человеком. Нашлись и доброхоты из актеров, которые уговаривали его поставить свое имя. Поди как просто: стереть все, что было сделано до него! Но он и их не послушал. Он прекрасно понимал, а ума ему не занимать, что, не опираясь на сделанное, на голой сцене «Голого короля» не поставить. На то была его воля. А это дело святое, и нарушать ее никому не пристало.

* * *

Успех «Голого короля» на гастролях был огромный. Толпа с улицы выломала дверь и хлынула в зрительный зал, сметая на своем пути всех. Вызвали конную милицию. Смех, гром аплодисментов то и дело прерывали игру актеров. В первый же день все билеты до конца гастролей были распроданы. Окрыленный успехом, театр возвратился в Москву.

* * *

Утром театр «Современник» вернулся с гастролей, а днем Худсовет во главе с Олегом Ефремовым и я были вызваны на «ковер» на Коллегию Министерства культуры. Это было осенью 1960 года.

* * *

— Кто поставил эту пьесу? Кто разрешил?! Кто вы такие?!! — кричал разъяренный министр...

Ор, паника на коллегии Министерства выдавали министра с головой. Его трясло от страха, что со своим креслом ему придется распроститься. И что же тогда?..

Глядя на него, я невольно вспоминала Игоря Квашу в роли Первого министра, его слова:

«Зачем я в Первые министры пошел? Зачем? Мало ли других должностей? Я чувствую, худо кончится сегодняшнее дело!»

За спиной Михайлова сидела целая свита помощников. Их тоже трясло от страха. На Покаржевском лица не было — одни ярко проступившие вдруг веснушки да пустые от ужаса голубые выцветшие глаза. Это ведь он, ротозей, визировал и дал ход пьесе!

Вскоре Покоржевский и вправду исчез из Министерства. Но — по обычной министерской логике — отправился отбывать наказание не куда-нибудь, а в кресло директора Большого театра...

А я опять вспоминаю пьесу, представляю вдруг министра в роли Короля — в той сцене, где он орет на Камердинера:

Где мой кинжал? Я сейчас тебя зарежу, нехороший ты человек, и все! Ну, сколько раз я тебе говорил: клади кинжал прямо под подушку!

(Сверху летит кинжал. Вонзается у самых ног Камердинера). ***Разве я тебя не ранил?***

Камердинер. ***Никак нет, Ваше Величество.***

Король. ***И не убил? Свинство какое. Я несчастный, я потерял всякую меткость!***

Женя, подскажи, как это нужно произносить — не громко, а, по ремарке Шварца, «свистящим шепотом»...

Но Женя молчит. А я, кажется, схожу с ума — вместо того, чтобы всерьез отнестись к происходящему, продолжаю ставить «Голого короля»... И где?! — в стенах Министерства культуры!..

Меня отрезвляет голос Кваши:

— ...Режиссер Микаэлян была приглашена на постановку со стороны. К «Современнику» никакого отношения не имеет!

Если король «потерял всякую меткость», то Кваша выступил как первоклассный снайпер.

Все актеры «Современника» сидели вместе, а я напротив — как на суде.

Жду выступления Олега. Он наверняка скажет, что работали все вместе, «взахлеб», значит, и отвечать должны вместе, как вместе делили на всех огромный успех, шквал аплодисментов. А главное — гражданскую смелость!

Нет, и он молчит. Все молчат!

Значит... Значит, они заранее подготовили выступление Кваши!

Но почему меня не предупредили? Ведь это...

Предательство!

Значит, за спектакль в ответе я одна.

Опытные чиновники, и те были в растерянности.

Но тут вдруг вынырнула из-за спины министра невзрачная женщина, серая мышь, и быстро зачитала решение гостиницы «Советская» о прекращении договора с «Современником», а другого помещения у театра не было. Спектакль закрыть уже нельзя, «джинн» выпущен из бутылки, вот и нашли выход: оставить театр без крыши!

Это неожиданное известие буквально потрясло всех нас.

* * *

Вышли из Министерства все вместе, молча. Договорились ехать в театр, но без меня. Я была для них уже чужой.

Домой поплелась одна — с болью, обидой, горечью. Ждала, что, может быть, кто-нибудь позвонит. Не дождалась.

Я оказалась в полном одиночестве. Мне не на кого было опереться. Спектакль имел огромный резонанс, зрители простаивали ночами за билетами, некоторые даже приносили с собою раскладушки. Меня не покидало ощущение, что что-то может случиться, — вплоть до страха ареста. Но это, наверное, от ужаса прошлых лет.

Бессонные ночи. Снова и снова перебираю в памяти министерский спектакль. Чтобы как-то утешиться, ищу в своей библиотеке афоризмы, изречения великих людей о предательстве.

«Предатели предают прежде всего себя самих». — Плутарх.

«Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу». — Тацит.

Прозрение пришло ко мне лишь через несколько дней. Я была маленькой песчинкой в море бед, обрушившихся на театр. Он был на грани закрытия. Они должны были, обязаны были его спасать!

Но вот вопрос — почему они так поступили со мной?! Почему не предупредили?! Разве я подвела бы их?!..

Жестокость — не лучший способ достижения цели. Куда честнее было бы решать вместе со мной, как вести себя в Министерстве.

Способ защиты, выбранный театром, был для меня неприемлем. Это значительно облегчило мой уход из него.

К счастью, театр не закрыли, этому во многом помогла статья Александра Караганова в одной из центральных газет; спектакль шел долгие годы, вплоть до перехода Евстигнеева во МХАТ.

Прежде чем подать заявление об уходе из театра, я долго мучилась, подбирая точные слова для прощального письма к членам Худсовета. Одна из ведущих актрис меня пожалела: «Ну, что ты стараешься? Все равно его никто не будет читать».

Так оно и случилось. Хотя письмо я все-таки написала.

Я оказалась на улице. На руках маленький ребенок. Муж в то время тоже был в поисках работы.

Вскоре последовал, пожалуй, самый серьезный удар — грозное постановление Министерства культуры по спектаклю «Голый король». В нем мое имя упоминалось много раз. Зам. начальника отдела театров Нина Николаевна Глагольева приложила немало усилий, отредактировав постановление так, чтобы беспощадные формулировки в мой адрес были смягчены.

И тогда руку помощи мне протянул мой верный друг Анатолий Эфрос.

В Центральном Детском театре, где он работал режиссером, я поставила спектакль «Золотое сердце». Вадим Коростылев, конечно же, не Евгений Шварц, и тем не менее опять — грозное постановление Министерства культуры:

«Режиссер Микаэлян поставила еще одного «Голого короля», но только для детей».

Два постановления на одни женские плечи... Многовато!

* * *

Вскоре после ухода из театра я пригласила Ефремова в ресторан «Националь» на прощальный ужин.

Мы провели с ним прекрасный вечер. Много смеялись, хотя повода для смеха не было, скорее наоборот. И на всю жизнь сохранили добрые отношения, хотя виделись редко, урывками.

В конце ужина я спросила его: «Что спасло Шварца в те страшные годы? Откуда он брал силы для такой мощной сатиры, для такого ослепительного фейерверка гротеска, юмора?».

Олег промолчал.

Я думаю, ответ дал сам Шварц — строчкой из своего стихотворения.

Им вечно владела **«Божественная радость бытия»**.

Она оберегала, помогала, давала ему силы творить чудеса.

Фото Виктора Шендеровича на обложке — работы В. Плотникова.

ЛР № 066469
Подписано в печать 05.02.2004. Формат 60x84/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 32,00. Усл. печ. л. 32. Тираж 3500 экз.
Заказ № 9541

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

THE NEW REVIEW

литературно-художественный журнал русского Зарубежья.

Первый год издания — 1942
Выходит 4 раза в год.
Издается в Нью-Йорке.
Главный редактор — В. Крейд.
Издатель — Корпорация «Нового Журнала»

Старейшему в Зарубежье **«НОВОМУ ЖУРНАЛУ»** шестьдесят лет. Нашими авторами были И. Бунин, Г. Иванов, Г. Адамович, А. Ремизов, В. Набоков, А. Керенский, С. Лосский, Б. Зайцев, С. Франк, А. Солженицын, Н. Берберова; на страницах журнала были опубликованы работы Л. Шестова, М. Замятина, З. Гиппиус, Н. Бердяева, В. Ходасевича, А. Белого, П. Флоренского, М. Цветаевой и др. Смысл существования «Нового Журнала» — свободное русское творчество, свободная мысль. Десятилетиями «Новый Журнал» формировал литературный процесс зарубежья, публикуя лучшее, что было создано в русском рассеянии. Сегодня в «Новом Журнале» печатаются эмигранты всех «волн» из разных стран мира и многие российские авторы. Наши читатели живут на пяти континентах в 32 странах.

Основные разделы журнала: Проза, Поэтическая тетрадь, Воспоминания и Документы, История, Литература, Культура, Библиография.

Вы можете подписаться на **«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»**

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В РЕДАКЦИЮ **«НОВОГО ЖУРНАЛА»**:

The New Review
611 Broadway, #842, New York, NY 10012
Телефон и факс редакции: (212) 353-1478
E-mail: newreview@home.com

Условия подписки на 2004 (4 номера):

для университетов и организаций в США — $ 64.00;

индивидуальная подписка — $ 40.00
(пересылка по США — $ 8.00, за границу — $ 16.00);

цена отдельного номера — $ 12.50
(пересылка по США — $ 2.00, за границу — $ 5.00)

Плата от подписчиков в России принимается в международных чеках или банковским переводом на счет **«Нового Журнала»:**

The New Review, account no. 058-02465-4
HSBC Bank, 743 Amsterdam Ave., New York, New York 10025, USA

*Редакция располагает номерами **«Нового Журнала»** прошлых лет издания*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

73218 и 71682

(годовая подписка)
в красно-бело-синем каталоге «Роспечати», а также

15706

в зеленом Объединенном каталоге «Пресса России»
(адресная система подписки)

В помещении редакции «Континента» (ул. Мясницкая, 22, 3-й этаж, офис 114) ежедневно (кроме субботы и воскресенья), с 14.00 до 16.00 можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В Москве журнал «Континент» продается в книжных магазинах:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60
"ГРАФОМАН" – 1-й Крутицкий пер., 3; тел. 276.31.18
"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97
"ЛЕТНИЙ САД" – Б.Никитская ул., 46; тел. 203.77.83
"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 951.75.96
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 923.03.80
"ФАЛАНСТЕР" – Б. Козихинский пер., 10; тел. 504.47.95
ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА – Столешников пер., 2; тел. 229.52.62

В Санкт-Петербурге
Магазины "ЛЕТНИЙ САД":

Большой Проспект ПС, 82
Невский проспект, 3
ВО, Менделеевская линия, 5
Фонтанка, 15

«КОНТИНЕНТ» № 118. 512 стр., подписные индексы 73218 и 71682 (каталог Роспечати) и 15706 (Объединенный каталог «Пресса России»)